

№ 215
Дружелюб
VI
212

РОМАНЪ

ИЗЪ СОБЫТІЙ ПОСЛѢДНЕЙ
ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

В. П. Немировичъ-Данченко.

С-Петербургъ.

Складъ изданія у А. Ф. Девриена.

1883.

ИЗДАНІЯ А. Ф. ДЕВРІЕНА,

С. Петербургъ, Васил. О., Румянцовская площадь, собств. домъ.

Выписывающіе отъ издателя за пересылку не платятъ.

НОВЫЯ ДѢТСКІЯ КНИГИ:

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ.

Рыцарь печальнаго образа и рыцарь Львовъ. — Передѣлано по Сервантесу для русскаго юношества О. И. Шмидтъ-Москвитиновою. Съ 6-ю хромолитогр. рисунками и въ иллюстриров. перепл. Спб. 1883 г. Цѣна 1 р. 75 к.

ПУТЕШЕСТВІЕ Д-ра ГУЛЛИВЕРА

къ лилипутамъ и въ страну великановъ. Передѣлано по Свифту для русскаго юношества О. И. Шмидтъ-Москвитиновою. Съ 12-ю хромолитограф. рисунками и въ иллюстрированномъ переплетѣ. Спб. 1883 г. Цѣна 1 р. 75 к.

ЧУДЕСНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА,

рассказанныя дѣдушкою своимъ внукамъ. Передѣлано для русскаго юношества О. И. Шмидтъ-Москвитиновою. Съ 6-ю хромолитографиров. рисунками и въ иллюстрир. переплетѣ. Спб. 1883 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Авторъ этихъ трехъ, только что вышедшихъ изъ печати, книгъ, уже давно хорошая знакомая русскимъ дѣтямъ, къ языку и соображенію которыхъ она особенно удачно умѣетъ принаровлять рассказы и сказки другихъ народовъ. Раскрашенные рисунки исполнены художественно и чрезвычайно удачно; текстъ отпечатанъ изящнымъ крупнымъ шрифтомъ.

ЖИВОЕ СЛОВО.

Пособіе для нагляднаго обученія въ семьѣ и въ школѣ, обработана по Штаубу О. И. Шмидтъ-Москвитиновою. Рисунки исполнены г. Фишеромъ и Н. Н. Каразинимъ.

Вып. I—24 стран. хромолитограф. in folio и 3 листа текста.

Вып. II—24 стран. хромолитогр. и 6 листовъ текста.

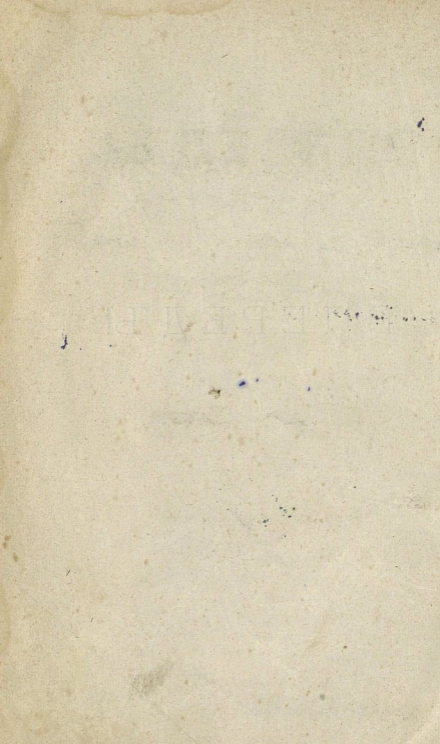
Вып. III—24 стран. хромолитогр. рус. и 12 листовъ текста. (Вышелъ изъ печати въ ноябрѣ 1882 г.).

Цѣна каждому выпуску въ иллюстр. переплетѣ 2 р. 50 к.

Эту книгу можно особенно рекомендовать родителямъ какъ полезный и пріятный подарокъ дѣтямъ къ праздникамъ.

~~176~~

В П Е Р Е Д Ъ!

ВПЕРЕДЪ!

Романъ изъ событій послѣдней
турецкой войны.

В. И. Немировичъ-Данченко.

С. Петербургъ.

Складъ изданія у А. Ф. Девріона.

1883.

ДУБЛЕТЪ.

ВПЕРВІ

ВІСНИК

В. М. Данила

р. 10132-36

2007052682

A decorative floral frame with intricate scrollwork and leaf patterns, surrounding the text. The frame is symmetrical and has a pointed top and bottom.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РАСПИСКА

ГЛАВА I.

Въ горной бурѣ.

и горъ, ни долинь, не видать сегодня.

Вьюга вездѣ—и вверху, и внизу... Святой Николай въ бѣломъ облакѣ снѣжной мятели; вихрь гонить такія-же облака по ущельямъ, засыпаетъ лощины, прячетъ въ сугробы голыя деревья до самыхъ верхушекъ, перебрасываетъ цѣлыя горы снѣга съ одного мѣста на другое... На стремнинахъ еще шумитъ незамерзшая Янтра, но ея уже не видно; надъ нею съ неистовымъ визгомъ бѣсится непогода — точно ей нестерпимо свободное движеніе рѣки, ропотъ быстрины, сворачивающей скалы, точно рядомъ съ своею стихійною, бессмысленною мощью буря не хочетъ терпѣть никакой иной жизни. По небу бѣгутъ густыя, безпросвѣтныя тучи. Быстро бѣгутъ онѣ, точно спѣшать на югъ къ теплему солнцу, точно имъ здѣсь холодно въ этомъ царствѣ горной зимы... Цѣлые мѣсяцы уже въ глубокихъ рвахъ и тѣснинахъ спокойно спали ничѣмъ не тревожимые мертвецы... Тысячи жертвъ — августовскихъ боенъ... Бѣлое покрывало зимы схоронило ихъ отъ друзей и недруговъ; буря добралась и до этихъ безмолвныхъ свидѣтелей!.. Ова сорвала съ нихъ снѣжные саваны, разметала по сторонамъ и, пробѣгая мимо

съ пронзительными стонами, заглядываетъ въ почернѣвшія, оскаленныя лица, въ черныя впадины череповъ, — впадины, откуда давно уже выклеваны мертвыя очи... Буря не довольствуется этимъ. Она срываетъ съ труповъ жалкія лохмотья, заглядываетъ подъ нихъ, ищетъ чего-то, пристально ищетъ; уносится въ другія лощины и снова возвращается назадъ, снова начинаетъ свой святотатственный осмотръ... Можно подумать, что это рыдающая мать, растерявшая здѣсь своихъ дѣтей!.. И, не найдя ничего — непогода опять срываетъ съ горныхъ откосовъ бѣлый саванъ, сбрасываетъ его съ кручъ, уноситъ съ вершины утѣсовъ, чтобы до новаго осмотра прикрыть всѣ эти обнаженныя, всѣ эти неподвижныя тѣла... Тысячами бѣлыхъ призраковъ разбѣгается вьюга по ущельямъ... Призраки стремглавъ несутся впередъ, разбрасывая по вѣтру свои длинныя бѣлыя гривы, несутся со стонами, криками и бѣшенными проклятіями — до первой вершины, куда они сбѣгаются вмѣстѣ, и надъ пустыней, возмущенной ихъ оргіей, начинаютъ свою бѣшеную, полную отчаянія и муки пляску... Бѣлыя видѣнія срываются съ земли; цѣлыми вереницами онѣ уносятся въ недосыгаемую высь, цѣпляются за тучи, точно и имъ — этимъ холоднымъ призракамъ зимы — нужно солнце теплаго юга, куда мчатся небесныя странницы. Но тучи сбрасываютъ ихъ внизъ, тучи еще поспѣвшиѣ бѣгутъ за Балканы, и оставленные въ царствѣ холода призраки опять съ воплями полными отчаянія и муки, стремятся во всѣ захохустья, ущелья, лощины, снова заглядываютъ въ лица мертвымъ, снова погребаютъ живыхъ подъ сугробами бѣлаго сыпучаго снѣга... Горныя волки, разжирѣвшіе на даровыхъ кормахъ, трусливо прячутся въ темныя гроты, въ чащи черныхъ лѣсовъ, куда не смѣетъ забратся непогода, пролетая только надъ ихъ голыми вершинами и въ безсильной злобѣ ломая вѣтви столѣтнихъ великановъ. Трусливые волки и голоса не подаютъ изъ своихъ надежныхъ убѣжищъ — точно боятся, чтобы и тамъ не добрались до нихъ страшныя бѣлыя призраки... Мирно спящій въ своей берлогѣ

медвѣдь — тоже не шевелится... Что ему за дѣло до зимнихъ бурь и грозь!... Только жадному воронью нѣтъ покоя... Съ громкимъ карканьемъ, черное въ бѣлыхъ тучахъ снѣгу срывается оно подъ вѣтромъ съ одной вершины, тяжело и устало размахивая крыльями, торопится сытое и грузное, добраться по вѣтру до другой, откуда также его сгонитъ вьюга... Черное въ бѣлыхъ тучахъ — долго носится оно надъ этою пустыней, вмѣстѣ съ рыдающими призраками опускаясь надъ выглянувшими изъ подъ снѣга лицами мертвыхъ, вмѣстѣ съ рыдающими призраками скрываясь въ глубокія тѣснины и молчаливыя, какъ могилы, ущелья.

Внимательный взоръ сегодня не разсмотрѣлъ-бы ни враговъ, ни друзей... Пусть они перекопали Св. Николай и окрестныя горы, пусть они нарыли тамъ редутовъ, взвезли въ высь на скалистыя вершины сотни орудій; сегодня и черные валы, и стальные пушки, все однообразно занесено снѣгомъ, все одинаково окутано бѣлыми тучами... Въ ревѣ, вопляхъ и проклятьяхъ бѣлыхъ призраковъ горной мятели совсѣмъ незамѣтно пропали-бы залпы этихъ стальныхъ и мѣдныхъ пастей — жадныхъ до человѣческаго мяса, до людской крови... Ихъ не слышало-бы ни чье ухо — и они покорно молчатъ сегодня, не рѣшаясь спорить съ балканскою бурей... Такъ жалкій и подлый нахаль трусливо смолкаетъ, слышавъ еще вдалекѣ могучій и властный голосъ льва...

Вьюга засыпала снѣговыми сугробами горныя деревушки, такъ что на мѣстѣ ихъ стоятъ только бѣлые холмы. Все живое прячется подъ ними. Сегодня еще не время пробить себѣ путь изъ подъ этихъ сугробовъ, сегодня еще нельзя спорить съ мятелью... Когда она вдоволь налится и набѣсится, когда она успокоится — тогда выползутъ люди... Сегодня, какъ медвѣди въ берлогѣ, спать они въ своихъ землянкахъ и лачугахъ. Спать и Габрово, — по улицамъ котораго, не боясь ничего живаго, разбѣгаются бѣлые призраки мятели... Спокойно спать. И только черный лѣсъ на горномъ хребтѣ, сто-

рожацій городъ, кажется сегодня еще чернѣе и мрачнѣе... Сегодня не топятъ печей — вихрь гонитъ дымъ назадъ въ засыпанныя снѣгомъ жилья... Сбившись въ кучу молчаливая семья болгарина грѣется надъ жаровней съ угольями и молчитъ, слушая бурю... Буря стучится во всѣ двери и стѣны грозитъ въ окна, заглядываетъ въ нихъ, точно упорный сыщикъ, отыскивая какого-то несчастнаго бѣглеца... Подъ напоромъ бѣлыхъ призраковъ трещать стѣны деревенскихъ домовъ, скрипятъ ворота, вздрагиваютъ и звенять стекла... Сорванный съ петель ставень стучитъ о деревянный косякъ, крыша гнется и стонетъ подъ ногами призраковъ, выплясывающихъ на ней какой-то дикій, невозможный *danse macabre*. Изрѣдка, буря точно начнетъ пѣсню, возьметъ нѣсколько музыкальных нотъ, но, не докончивъ, броситъ, и опять съ проклятьями и рыданьями гонится за кѣмъ-то, настигаетъ и топчетъ кого-то — топчетъ яростно и смѣясь, и плача въ одно и то-же время... Дороги не видать совсѣмъ... Да кому она и нужна сегодня?..

Горный орелъ, сорванный бурей съ своего каменнаго гнѣзда на Св. Николаѣ носитъ надъ городомъ... Куда ни опустится старый хищникъ, непогодъ гонитъ его прочь. Съѣлъ было на черепицы собора — вихрь рванулся и ударилъ-бы его о земь, да орелъ во-время разбросилъ свои сѣрыя могучія крылья... Какъ подъ парусомъ понесло его дальше... Зацѣпился было онъ за старую башню на городской площади — бѣлыя крылья, гораздо болѣе могучія, крупныя и сильныя, ударили его въ сторону и отнесли опять назадъ... Съ испуганнымъ клекотомъ понесся орелъ вмѣстѣ съ бурей — да справа рвануло вихремъ и сбило его съ пути... Лѣсъ онъ завидѣлъ, къ его верхушкамъ направился, но точно стерегли его тамъ бѣлые призраки снѣговой мятели — вынеслись къ нему на встрѣчу, закружили и завертѣли его такъ, что, обезсиленный, измученный горный охотникъ сложилъ крылья и камнемъ упалъ на бѣлый сугробъ. Съ злобнымъ хохотомъ закружились надъ нимъ струйки снѣга и давай зарывать его все глубже

и глубже... Не хватило снѣгу — мятель сорвала верхушки съ другихъ сугробовъ... Одинъ разнесла совсѣмъ, открывъ скорченную подъ нимъ окоченѣлую лошадь съ раздутымъ брюхомъ и торчащими вверхъ ногами...

— Ну-ко... Кто выйдетъ помѣриться со мной?.. Кто безстрашный заглянетъ сегодня въ мое царство!? — точно шлетъ во все четыре стороны свой вызовъ горная непогодь... Вызовъ разносится далеко, далеко и гаснетъ, не встрѣчая отвѣта.

Впрочемъ, не совсѣмъ безъ отвѣта...

По долину, что — узкая тянется отъ Габрова къ первымъ взвѣздамъ на Св. Николай, растянувшись длинною линіей точно сѣрая змѣя, двигается съ самаго утра какой-то полкъ... Какъ люди ухитряются выдерживать могучіе удары бури, какъ они идутъ тамъ, гдѣ гибнуть горные орлы — совсѣмъ не понятно... Полкъ то пропадаетъ въ бѣлой тучѣ снѣга, то опять выступаетъ на свѣтъ, когда туча, на минуту обулавшая его, улетаетъ въ сторону... Полкъ кажется однимъ живымъ существомъ. Видимо, люди держатся локоть къ локтю. Идутъ густою толпою, сознавая, что въ одиночку тутъ погибнешь безъ слѣда... Словно они сцѣпились, словно во всей этой массѣ живыхъ существъ — одинъ мозгъ и одна воля, а буря, точно желая заживо схоронить дерзкихъ, набрасываетъ на нихъ высокіе сугробы снѣга... На секунду голова колонны пропадаетъ въ немъ; но вотъ въ бѣлой массѣ что-то чернѣется, какое-то пятно проступаетъ... Пятно опредѣляется и растетъ; еще минута и сѣрая змѣя насквозь уже проникаетъ эту бѣлую массу... А спустя двѣ-три — сугробъ, растоптанный сапогами солдатъ, уже не мѣшаетъ имъ идти дальше... Нѣсколько конныхъ фигуръ впереди — эти совсѣмъ ныряютъ въ снѣгу... Медленно, очень медленно подвигаются солдаты... Иной разъ, точно обезсилѣвъ, весь полкъ, какъ одинъ человѣкъ, останавливается и начинаетъ топтаться на мѣстѣ... Такъ, задержанное степною бурей стадо барановъ, сбившись въ кучу головами внутрь, топчется безсмысленно, не зная, куда укрыться отъ удара

вихря и грома, отъ могучихъ струй весенняго ливня... Видимое дѣло — полку совсѣмъ не сладко... Третій часъ уже идетъ онъ вторую версту, а до позицій, на которыя его направили изъ Габрова, — добрыхъ шестнадцать!.. Въ бѣломъ маревѣ грозы видно, что слабыхъ ведутъ подъ руки сильные. Въ эту бурю отетать, значитъ — погибнуть. Захлещетъ вихремъ, занесетъ снѣгами... Пока поэтому отсталыхъ и нѣтъ, но болѣе слабые, глазами, полными ужаса, вглядываются впередъ. Они точно сознаютъ, что у сильныхъ товарищей не надолго хватить доброй воли вести ихъ впередъ. Усталъ возьметъ свое — и несчастнымъ, поневолѣ, придется улечься на эти скаты невольными жертвами балканскаго ненастья...

Точно избѣгая горныхъ ущелій, которыя въ одну минуту могла-бы доверху забросать непогода цѣлыми горами снѣга, полкъ двигается не по дну ихъ, а лѣпится по скатамъ... Еще труднѣе двигаться на этихъ кручахъ. Буря толкаетъ внизъ, нога скользитъ на скользкихъ обледенѣлыхъ косогорахъ... Иной разъ голова такъ закружится, что казалось-бы гораздо легче сбросить прочь ружье и ранецъ и добровольно скинуться самому на самый низъ лоцины... Она тянетъ солдатъ къ себѣ, манитъ ихъ... Кровь бьетъ въ голову, ноги отекаютъ; кажется, вотъ-вотъ — обезсилѣютъ и отнимутся, какъ лопнувшая пружина; сердце бьется съ болью и натугой въ усталой груди; дышать даже становится больно и трудно, потому что вѣтромъ срываетъ воздухъ прочь, стужа проникаетъ въ самую грудь, вызывая въ ней хриплый кашель... Снѣгъ залѣпливаетъ глаза и уши. Въ сторонѣ его, въ свистѣ мятели, въ могучемъ грохотѣ лавинъ, срывающихся внизъ по сторонамъ, пропадаютъ голоса. Полкъ точно призракъ двигается — его не слышно совсѣмъ... Ослѣпшая отъ ударовъ снѣга и бури, черная птица ударила въ лицо какому-то солдату и скользнула точно черный платокъ внизъ... Ее растоптали ногами, и она, безсильно раскрывая клювъ, все глубже и глубже, взмывая и умирающая, уходитъ въ плотную массу снѣга... Деревья по-

пались на пути. Солдаты хватаются за нихъ руками и, бессильно, приныкая головами къ корявымъ стволамъ, отдыхаютъ одну минуту... Буря точно хочетъ оторвать ихъ руки отъ деревьевъ... Уставшимъ чудится даже, что ихъ кто-то дѣйствительно хватается за руки, тянетъ прочь — такъ силенъ напоръ вѣтра... По пути встрѣчаются провалы и рвы. Передніе уходятъ въ нихъ съ головою. Товарищи вытаскиваютъ ихъ на свѣтъ Божій, если только сегодня этотъ свѣтъ Божій можетъ быть видѣнъ кому-нибудь. И все это дѣлается молча, безъ криковъ, безъ шутокъ... Развѣ вздохнетъ только кто-нибудь, да такъ про себя пустить: „эхъ ты, жизнь солдатская!“

Голова колонны обогнула ужъ выступъ Дервишъ-Беира.

Передъ нею обледенѣлая площадка... Вихремъ смело снѣгъ съ нея... Хоть на конькахъ катайся... Что-то черное впереди... Осторожно придвигаются впередъ солдаты... Черное опредѣляется... Передніе тише идутъ, какъ испуганныя лошади, поворачивая головы въ сторону, къ этому черному, вглядываются, приостанавливаясь и тяжело дыша... Еще секунда — и шапки прочь съ головы. Усталыя руки творятъ кресты...

— Господи, спаси!.. Ишь сердечный...

— Ахъ, ты, жизнь солдатская!... Присталъ должно быть!..

— Поднять-бы!..

— Стой! — слышится команда спереди.

— Стой, стой!.. — подхватываютъ ее сзади... Перекидываютъ по тѣмъ взводамъ, которые еще за Дервишъ-Беиромъ борятся съ кручей и ударами вѣтра... Солдаты приостанавливаются. Сдвигаются ближе вокругъ *этого черного*, встрѣтившагося имъ на пути... Кружкомъ сдвигаются... Теперь это черное уже въ центрѣ круга... Неподвижное...

Лежитъ себѣ солдатикъ четырнадцатой дивизіи... Лежитъ, раскинувшись... Рѣсницы зашурены снѣгомъ, а глаза открыты, и въ упоръ смотрятъ на тучи, быстро бѣгущія по безпросвѣтному небу... Любо отдохнуть усталому — руки раскинулъ... Руку въ кулакъ зажалъ, точно грозитъ кому-то: „постой ты,

уже я доберусь до тебя!" Кепку снесло куда-то вѣтромъ. Въ волосахъ снѣгъ... Космами ко лбу примерзли... Зубы оскалиль — смѣется, только отъ этого смѣха жутко... Совсѣмъ побѣлѣвшія десна, синія губы сдвинуло вверхъ и внизъ. И ноги раскинулъ, какъ руки; худой какой, зеленый совсѣмъ...

— Ахъ, ты, Господи!.. — шепчутъ кругомъ солдаты.

— Приподымите-ка его, ребята? — приказываетъ офицеръ изъ молодыхъ, съ видимымъ сожалѣніемъ вглядываясь въ лицо трупа.

Ближайшіе наклонились. Попробовали. Еще разъ принялись — все также неподвижно смотритъ вверхъ и скалитъ зубы замерзшій.

— Нельзя, вашбродь! — съ натугою выпрямились опять видимо съ болью разгибая спины.

— Почему нельзя?...

— Земля не пускаетъ... Вихрь зашевелилъ рѣсницы у мертваго, точно безмолвно согласился съ тѣмъ, что дѣйствительно земля его не пускаетъ.

— Земля дѣржитъ!..

Видимо несчастный примерзъ къ этой землѣ, приледенѣль къ ней... Не оторвать его... За голову подняли — ничего не подѣлаешь, точно онъ затылкомъ опирается въ ледъ... Точно самъ мертвецъ не хочетъ поднять головы.

— Можетъ, его еще къ жизни вернуть можно?

— Гдѣ вернуть!.. Не вернешь!.. Онъ давно замерзши здѣсь... Ишь, точно камень!..

— Земля всегда вѣрнко дѣржитъ! — философствуетъ живой, глядя прямо въ глаза мертвому.

— Вверхъ отъ ей не полетишь!.. Зарыть-бы...

— И гдѣ тутъ зарыть? Теперь насквозь промерзло. Все равно, что змень рыть.

Голова колонны двинулась дальше... Проходя мимо, солдаты крестятся и скидаютъ кепки; усталые при видѣ трупа обрѣтаютъ новыя силы — отстать — ляжешь такимъ-же трупомъ.

Подобрать некому: развѣ только въ сторону немного оттащить, потому что давай Богъ каждому самому уйти отъ этой грозы и непогоды.

Нѣкоторые изъ солдатъ на пути наклонялись, схватывали горсть снѣгу и жевали его, освѣжая высухшій отъ усталости ротъ.

— Турскій квасокъ! — попробоваль было пошутить одинъ: — ишь онъ какой!..

Сосѣдъ только съ недоумѣніемъ взглянулъ на него.

— Одно слово, поганая сторона!.. — отозвался онъ.

— У насъ теперь чудесно!..

— Ну, тоже и у насъ чего хорошаго?

— Тепло... Печи теперь затопять — чудесно!..

— Тепло — это точно... Вотъ онѣ, Балканы-то какія!..

— А ты думаль сахарныя, — попробоваль было пошутить опять солдатикъ, наглотавшійся турскаго кваску.

— Сахарныя не сахарныя... А все-же... И круча-же Господня!..

— Не взойти! — оглянулся одинъ на почти отвѣсный обрывъ горы.

— Какъ тутъ взойдешь!?!..

— Никакъ нельзя!.. Ишь ты: что стѣна!..

— А ежели прикажутъ — взойдешь!

— Ежели прикажутъ — точно что! — немедленно согласился первый, оглядывая крутизну Дервишь-беира!

Солдаты смотрѣли совсѣмъ захирѣлыми... Худые, блѣдные, усталые, съ синими подтеками на щекахъ, съ тусклыми глазами... Видимое дѣло, болгарскіе кормы были не впрокъ. Цѣлыя недѣли безъ отдыха на трудномъ походѣ, впроголодь; живо износился этотъ полкъ — одинъ изъ полковъ только недавно перешедшей Дунай двадцать-четвертой дивизіи. Тотъ, кто ее видѣлъ недавно — щеголеватой, одѣтой съ иголочки, не узналъ-бы теперь вовсе въ оборванныхъ и захирѣлыхъ кирилкахъ вчерашнихъ молодцовъ и франтовъ...

— Можно-ли вести полкъ въ такую погоду!—недовольно обернулся полковой командиръ къ ближайшимъ офицерамъ.

— Порастеряемъ народу не мало...

— А ослушаться нельзя... Приказали.

— Дивизионный нашъ прѣдетъ на Шипку тоже...

Полковникъ промолчалъ и только нахмурился пуще...

„Какъ-же прѣдетъ!—думалъ онъ про себя:—Ждите!.. Кой чортъ выгонитъ его теперь изъ теплыхъ землянокъ главной квартиры!“

— Хоть-бы село какое...

— А что?

— Можно было-бы разставить солдатъ по домамъ пока не уймется вьюга.

— Да какъ вы до села теперь доберетесь?

— Ну, вотъ!..

— Разумѣется... Все занесено снѣгомъ. И входы, и выходы... Отъ села только бѣлые бугры торчатъ... Вотъ, можетъ быть, село — чортъ его разберетъ!

И говорившій взмахнулъ направо, гдѣ въ долинѣ бѣлѣли неподвижные сугробы снѣга.

— Все-бы чернѣлось что-нибудь.

— Да вѣдь вьюга какая! Съ крышами похоронить... Вонъ роща — какіе дубы, а посмотрите: только верхушки торчатъ изъ подъ снѣгу!.. Сплошь занесло ее. Не хотите-ли коньяку, полковникъ?

— А съ вами есть?

— Какъ-же... Какой-бы иначе я адъютантъ былъ.

— Вотъ спасибо... Хоть согрѣмся немного... Солдатамъ-то жутко какъ приходится... Я боюсь за отсталыхъ.

— Позади маіоръ Мосоловъ ѣдетъ. Онъ подбодритъ тамъ.

— Да вѣдь какъ подбодрить — если ноги-то отымутся... Конь сильнѣе — а вы посмотрите на моего, — едва дышетъ. Ишь морду отъ вѣтра воротить. Что съ нимъ подѣлаешь? Вотъ если-бы...

Что „если-бы“ — полковнику сказать не удалось. Бѣшен-

ный порывъ вѣтра унесъ далеко въ сторону окончаніе его фразы и чуть самого не сбросилъ внизъ съ коня.

Одна кучка солдатъ остановилась вплотную другъ къ другу, плечомъ къ плечу и тяжело дышетъ, выдерживая напоръ вѣтра... Вихрь точно задался цѣлью во что-бы то ни стало сорвать ихъ внизъ... То налетитъ спереди, то слѣва ударить... Солдаты только тѣснѣе жмутся, сдвигаясь такъ, что скоро нельзя было-бы руки продвинуть между ними. Потрепалъ, потрепалъ вѣтеръ, отбѣжалъ прочь, и только что эта толпа разошлась было, какъ вдругъ налетѣлъ съ визгливымъ хохотомъ, сбрасывая внизъ въ снѣгъ и такъ на мѣстѣ опрокидывая обманутыхъ его хитростью пѣшиходовъ... Руки ушли въ снѣгъ — смокли; смокли и лица... Вытереть нечѣмъ. Все въ снѣгу; а непогода дуетъ пронзительной стужей, и капли воды на голомъ тѣлѣ леденѣютъ... Лица и руки синѣютъ, морозъ щиплетъ ихъ; глазамъ смотрѣть больно, дышать трудно... Кажется, буря до самого сердца добраться хочетъ, чтобы и его неровно-бьющееся, больное, измученное, сжать въ одинъ неподвижный комокъ льда...

— Спаси Господи! — поднимается одинъ изъ солдатиковъ, встряхиваясь какъ мокрый песъ, только что выбравшійся изъ воды.

— Не погода — а вѣдьма!

— У насъ, братъ, и вѣдьмовъ такихъ нѣтъ...

— Точно что нѣтъ!.. Сквозь прошло... Ну, ужъ и Шипка ихняя...

— Одно слово, Балбанъ!

— Водеи-бы теперь... Живо согрѣло-бы!..

— Какъ не согрѣть!.. Скоро-ль дойдемъ?..

— Къ ночи, сказываютъ...

— Ой, нѣтъ моей моченьки! — валится въ снѣгъ молодой, безусый парень лицомъ внизъ, точно ему страшно видѣть надъ собою эти быстро бѣгущія сѣрыя тучи зимняго неба, эти, еще быстрѣе бѣгущія, бѣлыя тучи зимней мятели...

— Ну, Архипъ, не склизься... Вставай, вставай!..

— Дай ему полежать... Сейчас пойдеть!..

— Знаю я... Полежи — живо ноги отнимутся. Вставай, вставай!.. Бодри его, братцы!.. Подъ мышки, вотъ такъ!.. Тутъ, братъ, ляжь — какъ червь сгинешь... Знаю я!..

Позади по всему пути, пройденному полкомъ, уже валялись отставшіе, которыхъ были не въ силахъ подбодрить или поддержать усталые товарищи. Лазаретныя фуры опрокинуло непогодой при самомъ выѣздѣ изъ Габрова — тамъ онѣ и остались. Отсталые рѣдко гдѣ лежали по двое, по трое, чаще въ одиночку... Вокругъ нихъ уже хлопотала выюга. Точно лелѣя первыя свои жертвы, она закутывала ихъ въ мягкое бѣлое покрывало снѣга. Тѣ, тяжело дыша старались приподняться, сбросить съ себя холодныя саваны, собирая послѣднія усилія, дѣлали нѣсколько шаговъ и опять падали лицомъ въ мягкую, рыхлую массу снѣга... Быстро леденѣли мокрыя ноги, покрываясь корою; сознание уступило мѣсто галлюцинаціямъ, чудилась теплая изба; слышались родные голоса; сладко засыпалось утомленному, такъ сладко, что когда товарищеская рука будила его, засыпающій злобно ругался и, поворачивая прочь отъ наклонившагося къ нему лица, погружался въ еще болѣе сладкій и пріятный сонъ...

— Ляксѣй, Ляксѣй!.. — тормозилъ молодаго солдата остановившійся надъ нимъ товарищъ.

— Ну тебя!.. Ступай къ чорту!.. бормоталъ сквозь зубы лежащій.

— Замрешь, вставай!..

— Ладно... потрудились, будетъ... спать хочу!..

Силой подымалъ товарищъ, ставилъ упавшаго на ноги, но усталый не находилъ мочи даже раскрыть глазъ, и какъ только товарищъ оставлялъ его, словно подрѣзанный опять падалъ въ снѣгъ. Грузно падалъ, не чувствуя боли отъ ушибовъ, не сознавая, что съ нимъ, гдѣ онъ.

— Ахъ ты!.. Что тутъ дѣлать? — всплескивалъ руками

первый и отходилъ въ сторону. — Осипъ! а Осипъ... Помоги поднять вотъ...

— Пробоваль... Ничего не подѣлаешь... Только самъ измаешься — да рядомъ съ нимъ и ляжешь.

— Ну, и походи!..

— Мука!..

— Вставь себѣ перо въ носъ и лети, куда хошь! — попробоваль было пошутить мимоидущій.

— Полетишь!... Къ Богу въ рай!.. Одна, братъ, дорога тутотва. Другой нѣтъ...

— Телѣгу-бы ротную... Можно было-бы сложить ихъ да везти.

— Телѣги ротныя завязли по пути внизъ... Совсѣмъ завязли!..

Ни зги не видно было кругомъ. Когда вѣтеръ утихаль и снѣговья тучи разсѣивались — на далекое пространство отрывалась и то на одну—двѣ секунды безконечная панорама горныхъ вершинъ, бѣлыхъ среди бѣлаго пейзажа. Не успѣвали солдаты обинуть перспективу ожидавшаго ихъ пути, какъ вѣтеръ срывался опять съ какого-нибудь горнаго склона и наносилъ на нихъ новыя бѣлыя массы снѣгу... Около одного изъ лежавшихъ солдатъ сидѣль, всхлипывая, другой—совсѣмъ молодой еще парень... Шелъ мимо, опираясь на прикладъ ружья, старый унтеръ... Посмотрѣль минуту...

— Чей ты?..

— Братъ кончается... — и опять давай, покачиваясь головой впередъ, всхлипывать.

— Подъ руки ты его возьми...

— Ничего не можетъ... Силы моей нѣтъ... Я ужъ его на себя взялъ — да упаль... Мочи не стало...

— Давакосъ вмѣстѣ!..

Подошелъ, поднялъ засыпавшаго... Сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, оказалось, что и братъ ходить не можетъ... Ноги отнялись совсѣмъ.

— Эко горе-то, горе какое!..

Старикъ унтеръ поболтался, поболтался... Оставилъ спавшаго и прочь пошелъ...

Плачь ему вслѣдъ слышался — не оглянулся. Все равно помочь нечѣмъ. Дай Богъ силы самому не улечься...

— Хорошій солдатъ былъ, тверезый! — разсуждалъ онъ самъ про себя, съ трудомъ передвигая ноги въ густомъ мѣсивѣ снѣга, наметнувшемся цѣлыми горами на его пути.

На десятой верстѣ отъ Габрова полкъ — до того шедшій сплошной стѣной — разбился на отдѣльныя вучки.

— Этакъ солдатъ не доведешь совсѣмъ! — остановился полковникъ.

— Никто какъ Богъ!..

— Отвѣчать-то вѣдь не Богъ будетъ, а я... Говорилъ я вчера генералу: нельзя выступать...

— А ему что!

— Онъ теперь въ Габровѣ... Ему съ полгоря. Въ теплѣ себѣ спить. Разчесалъ усы на обѣ стороны, да и дрыхнетъ.

— Нужно было въ Радецкому на Шипку телеграмму послать.

— Да вѣдь это еще какъ-бы онъ взглянулъ на дѣло... Скажутъ — рохли... Наша дивизія только что прибыла.

— Сказываютъ — изъ тѣхъ, что поранѣе пришли на Шипку, пропасть померзло нашихъ.

— Да какъ-же не замерзнуть? Вы посмотрите — развѣ это сапогъ?.. Паутина какая-то, а не сапогъ.

Дервишъ-гора кончалась совсѣмъ... Путь упирался въ стѣну небольшой котловины... Вѣтеръ и бѣлыя тучи снѣга проносились надъ нею въ высотѣ... Здѣсь было тихо... Здѣсь и снѣгу было мало...

— Нужно дать отдыхъ!..

— Самый подходящій уголокъ для этого.

— Соберите-ка полкъ сюда!.. Горнисть, труби скорѣе!

Горнисть, съ покраснѣвшимъ носомъ, приложилъ трубу ко рту, собралъ всѣ силы, надулъ щеки во всю — но, какъ оказалось,

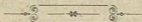
старался совершенно напрасно. Труба его была бессильна перекричать бурю... Ближайшіе его слышали; къ остальнымъ доносились только грохотъ мятели и пронзительный визгъ вѣтра, который врвался въ узкія тѣснины между утесами, злился на то, что они неподвижно стоятъ подъ его могучимъ напоромъ. Еще и еще разъ кидался онъ на ихъ каменные массы, подымалъ съ ихъ вершинъ сѣдыя кудри стараго снѣга, развѣвая ихъ во все стороны, но утесы стояли неподвижны, презрительнымъ безмолвіемъ встрѣчая гнѣвные порывы горнаго вихря...

— Нужно поѣхать самому!..

И полковникъ, грузно взобравшись на усталаго коня, поѣхалъ на встрѣчу полку.

Скоро въ котловину собрались все, въ комъ еще оставалось хоть немного силы добраться до этого сравнительно безопаснаго пространства... Солдаты до краевъ наполнили его... Безмолвіе царило между ними. Сидѣли, понурясь, не поднимая головы, слушали бурю, проносившуюся вверху надъ ними... Тяжело дышали намученныя груди...

А сѣрыя тучи еще быстрее бѣжали на югъ... Еще быстрее, точно имъ хотѣлось, какъ можно поскорѣе оставить позади это царство ужаса... Съ завистью смотрѣли на нихъ тѣ, въ коихъ еще было силы поднять голову... На востокъ темнѣло... Ранняя зимняя ночь приближалась оттуда, на встрѣчу вихрю и мятели...

ГЛАВА II.

Надъ бездною.

Вряду не долго пришлось отдыхать въ сравнительно спокойномъ мѣстѣ. Не успѣли еще подтянуться отставшіе, какъ голова колонны уже стала выстраиваться вверхъ вдоль дороги, по которой во всю мочь бѣсился горный вѣтеръ, нанося цѣлыя тучи снѣга, сорваннаго съ вершинъ, — густыя, бѣлыя тучи... Казалось, онъ хотѣлъ похоронить подъ ними этихъ смѣльчаконъ; казалось, ему ненавистно было присутствіе челоуѣка среди мертвой пустыни. Вершины горъ, съ которыхъ тотъ же вихрь срывалъ бѣлыя струи снѣга, казались головами лежащихъ великановъ съ развивающимися во все стороны сѣдыми волосами... Отсюда, утомленнымъ взглядамъ солдатъ дали являлись еще ужаснѣе... Горы за горами, скаты за скатами. По бѣлому фону снѣговъ — синія тѣни лоцинъ... Если бы не рѣдкіе дымки, тонко изгибавшіеся изъ ущелій по волѣ вѣтра, — страна казалась-бы совсѣмъ необитаемой... Изъ подъ однообразнаго покроя зимы голыя вѣтви деревьевъ казались руками, бессильно простертыми вверхъ. Вдрагивая, будто-бы, отъ холода, онѣ молили кого-то о помощи; но помощь не могла придти ни откуда. Ни съ этихъ небесъ, по которымъ

ползли такія-же бѣлыя однообразныя тучи, ни съ этихъ вершинъ, тонувшихъ въ мгlistомъ просторѣ...

— Нашли время для похода! недовольно проворчалъ полковой командиръ, когда лошадь его чуть не отнесло въ сторону внезапнымъ порывомъ урагана. Конь, храпя и озираясь, сталъ пятиться назадъ, въ только что оставленный спокойный уголокъ. Копыта его скользили по обледенѣвшей поверхности дороги... Онъ пересталъ слушаться удилъ и подъ ударами нагайки только подергивалъ кожей да встряхивалъ ушами.

— Того и гляди сорвешься — отозвался адъютантъ, котораго сквозь легонькое пальцецо питерскаго покроя давно уже пробрало морозомъ и вѣтромъ. Онъ поднялъ барашковый воротникъ, но холодъ сквозь него еще ощутительнѣе перехватывалъ шею...

— Не нужно было выступать!

— Не нужно... А генераль?..

— Генералу чудесно. Теперь онъ по большой дорогѣ катить изъ Габрова въ главную квартиру...

— Карета у него удобная, мягкая...

— Онъ себѣ туда тюфякъ уложилъ и подушки. Поди завернулся въ шубу и дрыхнетъ... Ему что! А тутъ вотъ какъ растеряешь солдатъ — съ кого спросить... Что, отсталыхъ много?

— Есть!.. Пока некогда было переключку дѣлать... На сапоги жалуются солдаты.

— А что?

— Да вѣдь Малкіелевскіе... Жидовской поставки... Расползлись — одно только названіе, что сапоги. Отмороженныхъ много будетъ къ ночи...

Полковой командиръ только схватился за голову.

— Я вѣдь не хотѣлъ принимать — приказали. Я зналъ, что это не сапоги, а рвань какая-то... Вотъ теперь и отдувайся.

— Поставщики! Положимъ, что они, какъ кулаки, воспользовались случаемъ смошенничать, а интендантство-то, при-

нимавшее сапоги, чего смотрѣло? Тоже душу чорту продали... Нѣтъ, я-бы этихъ прохво...

Сильный порывъ вѣтра отнесъ въ сторону слова говорившаго и залѣпилъ ему все лицо снѣгомъ. Куда онъ ни поворачивался, вѣтеръ, казалось, дулъ отовсюду. Снѣгъ кололъ щеки и носъ точно мелкими иглами. Сквозь рукавъ проникалъ внутрь — такъ что локти и плечи схватывало острую ревматическою болью... Солдатамъ пришлось еще хуже...

— Послѣднія времена, братцы!.. — роняетъ одинъ, падая лицомъ прямо въ снѣгъ.

— Помирать — одно слово!.. — приваливался рядомъ товарищъ.

— Вы чего?.. Въ началѣ пути уже лоскомъ ложитесь, налетать на нихъ офицеръ; но тѣ даже не поворотили головы.

— Вы, вашескорodie, не троньте... пуцай ихъ! — вступался фельдфебель.

— Замерзнуть вѣдь.

— Не... Отдышутся... Я посмотрю... Только они съ легкимъ сердцемъ глонуть воздуху, я ихъ подыму сейчасъ. Не дамъ имъ прокладаться такъ-то... Ну, дыши, дыши ребята... Глони снѣжку, снѣжку-то глони. Посвѣжѣть.

Солдаты глотали снѣгъ — и дѣйствительно ихъ освѣжало... Поднимались и шли снова впередъ... Зачастую по обледенѣлой поверхности дороги несчастные падали, сбивали съ ногъ другихъ и съ усиленіемъ, цѣпляясь другъ за друга, приподымались, чтобы упасть тотчасъ-же... Нѣкоторые смелись было руками локоть за локоть; но одинъ падавшій увлекалъ за собою остальныхъ и, усталые только стонали...

— Ну, походъ!.. — остановился одинъ.

— Что, Артемьевъ? — обогналъ его офицеръ.

— Неспособно!.. Бѣда, вашескорodie... Смерть!..

— До смерти еще далеко...

— Гдѣ далеко. Вотъ она здѣсь сторожить и ловить. Только ты поддался — она сейчасъ.

— Сапоги — вотъ, вмѣшался другой.

— А что?

— Томятъ... Въ городу они ничего, а здѣсь, вашъбродь, нога страсть въ нихъ тоскуеть... А у кого и совсѣмъ развалились. Вонъ у Степанова, нашей роты, совсѣмъ ноги отнялись, отмерзли, потому обуток у него во всѣ стороны... Въ четырнадцатой дивизіи — сказывали намъ — чудесно...

— Чѣмъ это?

— Да у нихъ сухарные мѣшки тоже на обутку пошли.

— Ну?

— И шкуры, которыя остались отъ битаго скота... Чудесно... Такъ они обвертѣли себѣ ноги, будто въ банѣ.

И вы-бы то-же сдѣлали.

— Нельзя... У насъ мѣшки подай назадъ и шкуры бургарамъ продають, а деньги — въ ящикъ.

„Вотъ некстати вздумали экономничать!“ мельнуло въ головѣ у офицера, и онъ съ видимымъ состраданіемъ посмотрѣлъ на Артемьева, у котораго отъ тѣсной обуви видимо ноги свело совсѣмъ...

— Пропади ты!.. — бросилъ назадъ ружье о землю другой солдатъ и самъ растянулся рядомъ.

— Эге, рано братъ, притомился!.. Ну, глони снѣгу-то, глони... — поспѣлъ и сюда фельдфебель.

— Ничего не подѣлать... Ноги не идутъ... Вымерзли...

— Ну-ею, братцы, скидавай съ него сапоги, да ототрите снѣжекомъ ноги-то... А ты очухайся... Вѣдь смерть...

— Что-жь смерть, жизнь-то не больно красна... Ну, и смерть!..

Дорога всползла на самый гребень горы и версты на двѣ потянулась имъ...

Все, что до сихъ поръ вынесли солдаты, было шуткой въ сравненіи съ этимъ путемъ.

Вѣтеръ тутъ уже не встрѣчалъ предѣла своей злобѣ и бѣшенству. Справа передъ нимъ не возвышался откосъ за-

сыпанной снѣгомъ горы. Напротивъ, по обѣимъ сторонамъ были скаты, и солдаты сразу почувствовали себя брошенными на произволъ судьбы. Вѣтеръ — то окутывалъ ихъ тучами снѣгу, такъ что солдатъ совсѣмъ не было видно въ этихъ тучахъ, то разметывалъ снѣгъ направо и налево и, точно озлившійся на горсть смѣльчаковъ, вошедшихъ въ его царство, кидался на нихъ, отбѣгалъ назадъ и снова бросался, сталкивая однихъ съ другими, стоналъ отъ гнѣва и ненависти, сметалъ ихъ прочь отсюда... Солдаты совсѣмъ перегнулись впередъ, подставляя ему головы. Они съ усиленіемъ двигались въ этой бурѣ, точно выдавливая передъ собой въ сплошной и тяжелой массѣ пространство, необходимое для каждаго своего шага. Казалось, что усталые везли за собою что-то до-нельзя грузное. Какъ надорвавшаяся лошадь, они дѣлали два, три шага, останавливались, тяжело дышали и потомъ, снова напрягая усилія, послѣ нѣсколькихъ попытокъ еще немного продвигались впередъ... Тутъ уже сбились въ кучки... Въ одиночку нельзя было и выдержать напора этого могучаго вихря... Полковой командиръ давно сползъ съ коня и шелъ въ массѣ со всѣми остальными. Никто не говорилъ ни слова, потому что въ неистовомъ ревѣ и свистѣ вѣтра нельзя было-бы разслушать рядомъ стоявшаго человѣка. Вѣтеръ иной разъ давалъ двѣ или три секунды покоя и въ этотъ промежутокъ отрядъ, какъ утомленное стадо, сбивался вмѣстѣ, головами внутрь, спиною внаружу и, едва переводя дыханіе, спѣшилъ собраться съ силами для новаго порыва горной непогоды... Точно бѣсясь на упорство этой жалкой горсти, осмѣлившейся продолжать свое дерзкое шествіе въ его предѣлахъ, вихрь кидался о земь, закручивался въ снѣгъ, взрывалъ его, сносилъ цѣлыя глыбы смерзнувшихъ сугробовъ внизъ, въ ущелья, рыдалъ и жаловался тамъ кому-то и потомъ вдругъ измѣнически неожиданно налеталъ откуда-нибудь со стороны или сзади, сбивая съ ногъ ближайшихъ, стараясь ворваться въ средину этой живой, тяжело дышавшей массы людей и съ дикимъ хохо-

томъ бѣжалъ впередъ по этой дорогѣ къ далекимъ снѣжнымъ вершинамъ. Солдаты закрывали глаза, залѣпленные ударами вѣтра, подносили руки къ щекамъ, стараясь отогрѣть ихъ, но руки, въ свою очередь, костенѣли... Они двигались массою, не отдѣляясь одинъ отъ другаго, сплошно... Издали, когда ихъ закутывало снѣжною тучей, казалось, что въ ней шевелится и ползетъ какая-то громадная черная амфибія, потому что отдѣльныя фигуры сливались въ одно цѣлое... Тутъ ужъ не падали въ снѣгъ, потому что падать было некуда... Направо и налево скаты, свалившійся туда никогда-бы не вернулся назадъ. Кого вѣтеръ сбивалъ съ ногъ, тотъ встрѣчалъ тѣломъ товарищей и схватывался за нихъ... Дышали, отворачивая головы отъ вѣтра, вѣтеръ лютою стужей проникалъ въ легкія, точно холодными желѣзными клещами схватывая и сжимающая сердце... Не однимъ людямъ приходилось скверно. Вотъ направо на скатѣ, разбросивъ широко свои громадныя крылья, бьется орелъ... Онъ попробовалъ было подняться, но вихремъ опять ударило его о землю, онъ цѣпляется за снѣгъ, ползетъ; а вихрь все сильнѣе и сильнѣе сбиваетъ его въ рытвину, засыпанную мягкимъ бѣлымъ пухомъ... Орелъ бессильно раскрываетъ клювъ, зѣваетъ, какъ рыба, выброшенная на берегъ, судорожно впивается когтями въ снѣгъ, но онъ не держитъ ихъ и орелъ все скользитъ ниже и ниже...

Путь чѣмъ дальше, тѣмъ становится все хуже и хуже.

Скатъ направо сталъ круче и, наконецъ, перешелъ въ отвѣсъ... Подъ нимъ зіяла бездна... Сверху можно было различить чуть-чуть замѣтное внизу село... Черепичныя кровли его кое-гдѣ краснѣли изъ-подъ снѣга... Сады казались темнымъ пятномъ... Голыя деревья слѣдовали длинной и извилистой линіей вдоль по теченію замерзшей рѣченки, которая лѣтомъ бурлила по дну ущелья, вливаясь гдѣ-то за Габровымъ въ Янтру. Въ болѣе спокойное время эта деревушка, пріютившаяся на самомъ днѣ пропасти, показалась-бы необычайно красивою; теперь голову кружило... Казалось, что вотъ-вотъ

вѣтеръ снесетъ туда прямо внизъ, и падающему не за что будетъ уцѣпиться... Ни одной вѣтки по отвѣсу; только сѣрые гребни скалъ взрѣзали его кое-гдѣ и, какъ оскаленные зубы, словно ждуть—не дождутся первыхъ жертвъ этого чудовищнаго похода. Дорога узилась; наконецъ, вся она искривилась по наклонной плоскости... Внизу—бездна;верху—одно покрытое сѣрыми тучами небо... Нога скользитъ по льду склона; уцѣпиться не за что; нигдѣ нѣтъ опоры. Первые, вошедшіе сюда, чуть не упали внизъ—хорошо что товарищи выручили, поддержали. Солдатамъ, впрочемъ, думать было некогда. Вѣтеръ гналъ ихъ уже въ спины, точно желая всѣхъ смести внизъ. Передовые, упираясь штыками ружей въ землю, пробовали кое-какъ подвигаться впередъ. Благодаря этому, ноги не скользили по ледяному наклону... Вотъ уже весь этотъ узкій промежутокъ покрытъ идущими. Тутъ они вытянулись гуськомъ... Боятся смотрѣть внизъ—голову закружить... Неуверенно ступаютъ впередъ... И на штыкъ навалиться—боязно: сломится—и тогда прямо въ пропасть и поминай какъ звали, спасенія не будетъ... Вонъ передовые уже вышли на сравнительно болѣе спокойное и безопасное мѣсто... По ужасной тропинкѣ горнаго склона идутъ и идутъ все новые и новые солдаты... Ослабѣвшій было на время вѣтеръ, — точно опомнился, — засвисталъ внизу, точно въ атаку вверхъ сталъ взбѣгать, взрывая снизу струи снѣга; чѣмъ выше, тѣмъ вѣтеръ становится сильнѣе, струи соединяются въ снѣжную бѣлую массу, онъ уже несетъ цѣлую тучу вверхъ... Еще переходящія опасное мѣсто солдаты видятъ это... Они спѣшатъ какъ можно скорѣе дойти до конца его... Торопятся—но куда?.. Нѣсколько секундъ, и бѣлымъ облакомъ окутало ихъ отовсюду. Ни тѣ, которые впереди, ни тѣ, которые позади, уже не видятъ вовсе этихъ... Въ облакѣ двигаться нельзя. Не видно, куда поставить ногу, а позади напираютъ... Вонъ одинъ слишкомъ навалился на штыкъ, опираясь имъ въ ледъ... Штыкъ пополамъ, ружье выпало изъ рукъ, и несчастный какъ-то не-

лѣпо взмахнулъ руками, точно въ это послѣднее мгновеніе онъ собирался взлетѣть вверхъ. Тѣ, что были впереди, сквозь ревъ и свистъ вѣтра слышали пронзительный, отчаянный крикъ... Такъ и сѣло въ ухахъ. Какъ нарочно вѣтеръ отнесъ бѣлую снѣжную тучу въ сторону, и передъ отрядомъ мелькнула внизъ сѣрая фигура солдата, тщетно старавшаяся схватиться за отвѣсъ обледенѣлаго склона... Кувыркомъ по горѣ... Грохнулась объ острый гребень утеса, оставивъ красное пятно на немъ... Внизу рывина, наполненная снѣгомъ... Прямо въ рывину, въ снѣгъ... Темная дыра осталась въ снѣгу съ красными краями... Видно смерзся снѣгъ сверху. Падавшій пробилъ эту кору и ушелъ подъ нее...

Только одинъ крикъ и былъ... Ни звука... Точно удовлетворившійся пока одною жертвою, вѣтеръ замеръ... Тишина...

— Архиповъ! Архиповъ! — сотни людей крикнули сверху... — Эй, Архиповъ!

Но Архиповъ не подаетъ голосу изъ своей рывины. Точно его и не было на свѣтѣ.

Одинъ за другимъ товарищи гуськомъ проходятъ мимо его могилы... Каждый обращаетъ внизъ полные ужаса глаза. Каждый внимательно останавливаетъ взглядъ на красныхъ пятнахъ утеса и снѣга въ рывинѣ и идетъ дальше... Долго оторваться не могутъ взгляды отъ этого роковаго мѣста.

— Можетъ, живъ?..

— Можетъ только ушибло?..

И опять сотни голосовъ.

— Архиповъ!.. Эй, Архиповъ!

Крикнуть и пріостановятся, не будетъ-ли отзыву; но окрестности молчатъ... Молчитъ вѣтеръ, притаившійся гдѣ-то, молчитъ покраснѣвшая чужою кровью скала, молчитъ засыпанная снѣгомъ рывина...

— Архиповъ!.. Эй, Архиповъ! — разносится по сторонамъ...

— Со святыми упокой!..

— Эхъ!.. Господи, Господи!..

— Балканъ, такъ ужь Балканъ и есть!

— Эй, Архиповъ?.. Въ послѣдній разъ надсаждаются груди товарищей; но вмѣсто упавшаго они будятъ вѣтеръ, и тотъ съ дикимъ хохотомъ и свистомъ отзывается имъ отовсюду, и изъ предательской бездны, и изъ синихъ ущелій, и съ обледенѣлыхъ вершинъ, точно волны снѣжнаго моря, уходящихъ отсюда и на югъ, и на западъ, и на востокъ...

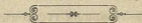
— И солдатъ былъ! — крестится фельдфебель.

— Исправный!

— Може еще выйдетъ...

— Гдѣ выйти!.. Въ самую глубь ушелъ теперь...

Сломавшійся конецъ штыка торчитъ изо льду по дорогѣ; его старательно обходятъ солдаты. Каждому онъ точно напоминаетъ: смотри, сейчасъ твоя очередь, — и каждый озирается на него безпокойно.

ГЛАВА III.

Метель утихла.

Метель мало по малу стихала...

Солдаты — усталые и измученные — шли через силу... Если-бы теперь снова поднялся вѣтеръ — онъ-бы ихъ легко смелъ внизъ, въ лоцины, синѣвшія подъ ногами... Ничего не было похожего на мало-мальски правильный строй. Кое-гдѣ шли кучками тѣсно, точно подпирая другъ друга; въ иныхъ мѣстахъ вытягивались гуськомъ; на поворотахъ останавливались, тяжело дыша. Задніе наталкивались тогда на переднихъ, солдаты сбивались въ одну молчаливую толпу... Сверху сыпало снѣгомъ, мокрымъ и пухлымъ, тотчасъ-же таявшимъ на лицахъ и на рукахъ людей.

Странною казалась эта невозмутимая тишина среди нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, съ трудомъ продвигавшихся впередъ даже теперь, когда только легкіе вздохи засыпающаго вѣтра изрѣдка колыхали совсѣмъ застоявшійся воздухъ... Даже хрустѣнія сапогъ въ мягкой и рыхлой массѣ новаго снѣга не было слышно... Въ бѣломъ облакѣ его весь отрядъ казался безконечною вереницей призраковъ, медлительно двигавшихся

все впередъ и впередъ. Можно было подумать, что не люди, а тѣни павшихъ здѣсь въ августѣ бойцовъ стремятся куда-то вдаль, напоминая всѣмъ живымъ и дышащимъ объ ужасахъ недавнихъ боенъ, о злодѣйствахъ, оставшихся неотомщенными, о жертвахъ, еще никѣмъ неоплаканныхъ... Конца не было этимъ вереницамъ черныхъ призраковъ, которыхъ то заслоняло бѣлое облако густо падающаго снѣга, то выводило ихъ опять на свѣтъ Божій—все однихъ и тѣхъ-же изнуренныхъ, измученныхъ, усталыхъ, едва-едва продвигавшихся по гребню съ опущенными головами... Казалось, что ноги у каждого изъ этихъ мучениковъ Шипки движутся уже машинально, помимо воли, какъ заведенная кѣмъ-то и еще неостановившаяся пружина... Одинъ за другимъ, безостановочно... Да и остановить ихъ теперь было-бы далеко не удобно... *Продолжать* идти они могли, но начать снова послѣ недолгаго отдыха едвали-бы хватило силъ. Кажется: сядь—въ этотъ снѣгъ— и конецъ, такъ и застыль-бы въ состоянїи, близкомъ къ обмороку... Мысль не работала. У каждого голова казалась налитой свинцомъ... Ни о чемъ не думалось, ничего не грезилось. Дышалось съ трудомъ, съ болью, медленно дышалось, точно груди уже не подъ силу было вбирать въ себя воздухъ и выпускать его изъ легкихъ. Въ горлѣ что-то хрипѣло при этомъ; не смотря на массу падающаго снѣга, на цѣлые ручьи, сбѣгавшіе по лицамъ солдатъ, — во рту у нихъ пересохло, горѣло. Языки словно тряпки лежали тамъ, и рѣдкое—рѣдкое слово, безотчетно вырывавшееся кое у кого, словно разрывало горло, прежде чѣмъ могло прозвучать изъ этихъ поблѣднѣвшихъ, и съезженныхъ губъ...

Длинная змѣя спереди такимъ образомъ взбиралась на горы, сходила съ нихъ и снова вползала на кручи. Люди ужъ и не отличали въ общей натугѣ, что тяжелѣе: идти-ли вверхъ—когда ноги едва несли на себѣ тяжесть понуреннаго и словно разомъ опустившагося туловища, или внизъ, когда скользкая почва, казалось, уходила изъ подъ ногъ совсѣмъ... По колѣно тонули люди въ мягкой рыхлой массѣ новаго снѣга и

не замѣчали этого... Сапоги промокли насквозь—кое у кого совсѣмъ уже распались, зѣвали — никто не замѣчалъ этого...

А кругомъ горы все росли и росли...

Когда снѣгъ немного пріостановился и ненарокомъ люди машинально оглядывали окрестности — вокругъ нихъ оказывалось словно какое-то сказочное царство... Въ недосыгаемую высоту направо и налево, впередъ и назадъ уходили бѣлыя вершины бѣлыхъ горъ... Изрѣдка на самыхъ лысынахъ темнѣли, словно развалины какихъ-то фантастическихъ замковъ, таинственные черные груды скалъ—орлиныя гнѣзда, какъ называли ихъ здѣсь. На однообразныхъ бѣлыхъ скатахъ синѣли рытвины... Ущелья едва мерещились внизу... По сѣрому небу ползли сѣрыя тучи, оставляя свои отрывки на самыхъ близкихъ къ нимъ вершинахъ. Казалось, что тамъ, вверху, по тому-же направленію, по какому шель отрядъ, подвигались безчисленныя массы постоянно мѣнявшихъ свои очертанія туманныхъ, таинственныхъ существъ... Двигались безостановочно, но медленно, оспаривая у царства горъ и снѣговъ шагъ за шагомъ... Усталые оставались внизу на вершинахъ горъ, отдыхали на нихъ и, затѣмъ, собравшись съ силами, приставали къ новымъ наползавшимъ съ сѣвера тучамъ и вмѣстѣ съ ними двигались все по тому-же направленію... Казалось, что это дикій, суровый сѣверъ посылаетъ свои однообразныя полчища для борьбы съ южнымъ солнцемъ...

Вѣтеръ совсѣмъ упалъ... Теперь онъ даже не вздыхалъ въ ущельяхъ и точно свернулся и заснулъ тамъ на мягкой пуховой постели новаго снѣга...

Вдали послышался какой-то гулъ, точно отъ обвала, сорвавшагося внизъ съ крутизны въ глубокую пропасть... Грохотало впереди... Громыхало и грохотало, но такъ, что самое чуткое ухо ничего не могло-бы разобрать въ этомъ... Какъ ни были измучены солдаты,—но поняли въ чемъ дѣло... Подтянулись... Медленно повернули головы туда, откуда слышались эти звуки... Ноги идутъ сами собою, а ухо слушаетъ...

Одни не останавливаются для другого... Шагъ за шагомъ... Остановись и силъ не будетъ пойти опять... Вонъ снова громыхнуло и раскатилось... Теперь уже точно далекій ударъ грома, подхваченный ущельями и повторенный горнымъ эхомъ.

— Енъ палить?..— обернулся солдатикъ къ шедшему рядомъ.

Тотъ совсѣмъ „прихилился“, осѣлъ; казалось, вотъ, вотъ рухнетъ внизъ студенистая масса и расползется по снѣгу...

— Енъ палить?—повторилъ свой вопросъ первый.

Уставшій только головой мотнулъ и хрипнулъ что-то.

— Слышь ты, аль нѣтъ?

— Слы...шу!..

— Это ёнъ... Ишь какъ!.. Гранатой?..

Но вопросъ остался на этотъ разъ безъ отвѣта... Уставшему было все равно, кто палить, въ кого и зачѣмъ. Если бы граната рухнула передъ нимъ, разорвалась-бы у самыхъ ногъ бѣдняги—она-бы произвела на него не болѣе впечатлѣнія. Ноги двигались еще кое-какъ, а тѣло все больше и больше осѣдало на нихъ... Ухо слышало, но мозгъ какъ-будто совсѣмъ отказывался разбирать, какіе это звуки, откуда и кому они грозятъ... Смерть! Такъ что-же—развѣ это состояніе лучше смерти, когда все болить, все томить, когда и идти больно, и дышать больно, и рука, держащая ружье, затекла, и спина подъ ранцемъ ноетъ... А нужно!.. И идти надо, и дышать надо, и ружье съ ранцемъ бросить нельзя... Нѣтъ, смерть лучше... Лечь, раскинуться въ волю на этомъ мягкомъ, пуховомъ снѣгу, хорошо раскинуться, разбросавъ по сторонамъ усталыя руки и широко раздвинувъ отекившія ноги... Такъ спокойно, отрадно! Глаза закроешь, больная грудь дышать перестаетъ,— и она отдохнетъ... Хорошо!.. Совсѣмъ хорошо!.. Вонъ Архипову, что въ пропасть сорвался, отлично теперь. Лежитъ себѣ, не зная усталы, не зная жажды и голода... Ничего не видитъ, ничего не слышитъ...

— Енъ и есть!—соображаетъ вслухъ менѣе уставшій молодой солдатикъ...

— Ишь какъ, еще вдарилъ... Большое, должно быть, у его орудіе?.. И, Господи ты мой, сколь онъ много народишку положить — страсть!.. Не сочтешь... Ень и есть!..

— Куда это ёнь?..

— Не въ насъ еще!..

— Не, не въ насъ... Насъ онъ еще не видитъ... Какъ увидить — такъ и начнетъ жарить... Поди изо всёхъ орудій запалить тогда?

— А то какъ? неужли-жь ему пропускать... Ему тоже не велѣно... Онъ, братъ, свою пользу соблюдаетъ. Ему что!?

— Его дѣло извѣстно: знай себѣ пали!

— Таперича онъ сѣлъ себѣ за валомъ, тепло, костры раскладаетъ, пищу себѣ, какая ему полагается, варить...

— Горячую.

— Во-во!..

— Н-да... Хорошо это.

— Чего лучше ужь.

— А ты что словно сова? — обернулся другой товарищъ къ усталому солдату.

— Оставь его... Видишь человѣку невозможно...

— Аль окостенѣлъ?..

— Тутъ, братъ, окостенѣешь... Тутъ, братъ, живо... Ишь онъ какой, Балканъ!..

— Въ Питерѣ теперъ поди, а?..

— Да... тепло... Кого-то въ наши казармы?.. Аль пу-
стуютъ?..

— Должно быть... Ахъ ты, жизнь солдатская!

Впереди громыхало, но солдаты уже прислушались ко всему этому, и удары турецкихъ батарей пропадали даромъ, не пугая измученныхъ людей... Воспріимчивость и впечатлительность совсѣмъ упали — теперъ-бы ихъ ничто не изумило... Ъхавшій впереди полковой командиръ пріостановилъ ковы. Не менѣе людей измученное животное понурилось... Лизнуло язы-

комъ снѣгъ и опять застыло, опуствя голову. Казалось, вотъ-вотъ рухнетъ внизъ и уже не подыметъ больше.

— Я васъ поджидалъ! — обернулся полковникъ къ молоденькому адъютанту, когда тотъ нагналъ его.

— А что?

— Слышали?

— Да... Какже... Это онъ по шинкинскимъ позиціямъ открылъ огонь.

— А чортъ его знаетъ. Можетъ быть, тамъ бой идетъ, и намъ безъ передышки придется прямо въ свалку.

— Это невозможно.

— Прикажутъ!

— Мало-ли что. Посмотрите на людей... Я видѣлъ сейчасъ.

— Ну?

— Дунь ребенокъ—такъ они, какъ карточные солдатики, всё свалятся... совсѣмъ устали.

— Да, бурю большую въ горахъ выдержали...

— Я нашего доктора видѣлъ.

— Да?..

— Говорить, что завтра вѣрно нѣсколько десятковъ придется отправить въ Габрово, больныхъ.

— Да еще сколько отстало?

— Отставшихъ подберутъ лазаретныя фуры. Мятель утихла—теперь можно имъ подняться.

— А сколькихъ засыпало... Вѣдь и такіе были, что пальцемъ пошевелить не могли... Померзли...

— Что тутъ сдѣлаешь!?

— Теперь въ Питерѣ зимній сезонъ въ разгарѣ... хорошо!

— Знаете, военные, положимъ, должны любить свое дѣло, но только не въ такой обстановкѣ. Помилуйте, это не съ людьми война, а со стихіями. И при томъ ничто и нието насъ не подготовилъ къ ней. Посмотрите, какъ одѣты, какъ обуты. Вѣдь въ этомъ видѣ на парадъ чудесно! Щеголями смотришь, а въ горы такъ да еще въ бурю—слуга покорный!..

- Меня что беспокоить: гдѣ мы на Шипкѣ приотимся?
- Придется рыть себѣ землянки.
- Сегодня ротные котлы не поспѣютъ?
- Куда-же, помилуйте!
- Солдаты безъ горячей пищи останутся!..
- Да вообще на Шипкѣ удобно-ли будетъ кухни устроить?
- Не знаю... Я спрашивалъ у нашего генерала...
- Ну?
- Что ну?—Онъ топорщитъ усы, пучитъ глаза да одно твердитъ: тамъ увидите сами... Увидимъ, да ужь поздно будетъ.
- Ему чудесно разсуждать...
- Да, ужь наградила Богъ начальствомъ, нечего сказать!— вмѣшался старый майоръ, у котораго на пальто едва замѣтна была старая полинявшая георгиевская ленточка.
- У васъ въ Севастополѣ были такіе?
- Какъ не бывать! Они вездѣ есть. Ими Питеръ снабжаетъ всю Россію... Такъ-бы ужь ихъ и держали для парада, да гостинныхъ. Въ дѣло-бы пускать не слѣдовало... Измучишься съ ними!
- Хоть метель стихла, слава Богу!
- Да... Еще бы часокъ побушевала—весь отрядъ-бы похоронила...
- Ну, каркайте еще!
- Правда, чего тутъ. Солдаты-то едва ноги волочатъ, точно у нихъ пудовики къ нимъ привѣшены... Ничего, голубчики, не подѣлаете!..
- А орудія-то все слышиѣе и слышиѣе...
- Ишь опять какъ ударило... Это слѣва откуда-то.
- Турки вѣдь вездѣ понастроили батарей.
- Вотъ скоро узнаемъ... На своей шкурѣ испробуемъ.
- Одно меня удивляетъ—отчего наши молчатъ?—недоумѣвалъ адъютантъ, прислушиваясь къ отголоскамъ боя.
- Какъ молчатъ?

— Да не отвѣчаютъ туркамъ. Вѣдь вы тоже ничего не слышите. Палятъ оттуда, а не отъ насъ.

— Наши выстрѣлы туда относить. Мы и слышать ихъ не можемъ.

И опять „начальство“ погрузилось въ молчаніе... Только кони порою фыркаютъ и бьютъ копытами въ землю...

Молчать и солдаты... Одно громыханіе турецкихъ орудій слышно въ этой снѣжной пустынѣ... Вонъ въ сторонѣ изъ подъ снѣга что-то чернѣетъ. Грузное, видимо большое... Не человѣкъ — ясно... Чуть, чуть присыпало — только вспученное брюхо на виду да копыто торчитъ изъ подъ бѣлаго покрыва...

— Конекъ-то!? — оглядывается молодой солдатъ.

— Чего?

— Конекъ-то, гляди, лежитъ болѣзненный... Ротный, должно-быть?

— Тутъ, братъ, не одни кони-то... Тутъ и человѣка не пожалѣютъ... Тутъ, братъ, упади — и тебя также вспучить.

— Во!..

— А ты какъ думаешь. Кому тебя подбирать здѣсь охота?..

И опять молчаніе... Еще тяжелѣе солдатамъ. Усталъ растеть, ноги слабѣютъ. Заведенная пружина все тише и тише работаетъ. Дышать труднѣе... Совсѣмъ трудно... Отсталые едва движутся какъ-то...

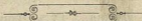
Вотъ одинъ идетъ... совсѣмъ ото всѣхъ отбился... Порою подниметъ съ усиліемъ голову, посмотреть передъ собою — близко-ли товарищи... Все дальше и дальше они... Вонъ ближайшій къ нему какъ пятно тускнѣетъ въ облакѣ снѣга... Пропалъ совсѣмъ. Жутко... Отсталый — одинъ теперь, совсѣмъ одинъ... Добѣжать-бы, нагнать... Собрать послѣднія усилія, сдѣлать нѣсколько шаговъ, да колѣни какъ-то размотало, силъ нѣтъ. О, какъ жутко. Одинъ, одинъ кругомъ... Теперь даже пороха шаговъ отъ тѣхъ, что тамъ впереди, не слышно... Слышно, какъ снѣгъ шуршитъ, падая на пухлыя бѣлыя массы... Слышно, какъ что-то хрипитъ въ груди у него — а шаговъ

товарицей точно и не бывало... Безлюдье, безмолвіе кругомъ... Пустыня... „Господи, спаси!“ Нѣтъ, не спасетъ... Гдѣ спастись... Рука обостенѣла совсѣмъ, сама отъ приклада ружейнаго отпала... Ревматическая боль въ пальцахъ... Ружье падаетъ въ бѣлую массу снѣга... Солдатъ искоса взглядываетъ на него: штыкъ торчитъ изъ подъ снѣга... Ноги какъ-то во всѣ стороны. То ихъ вправо сдунетъ, то влѣво... Слабѣе и слабѣе... Рѣже колеблются... Шаги становятся медленнѣе. Больше какъ-то насѣдаетъ онъ... Вотъ насѣлъ на одну ногу... Въ груди хрипитъ сильнѣе... Изъ глазъ точно уходитъ все... Колеблется... Нога подвертывается колѣнномъ впередъ... Рухнулъ... Тяжело рухнулъ — лицомъ въ снѣгъ... И силы нѣтъ повернуться... Раскрылъ ротъ... Снѣгъ таетъ во рту, не освѣжая его... Въ горлѣ сухо... Совсѣмъ сухо... Крикнуть-бы — силы нѣтъ... Слабѣе работаетъ голова... Въ ушахъ звонъ какой-то... Что это?.. Колокола гудуть... Или чудится?.. Колокола и есть... Больно гудуть. Отъ каждаго удара ихъ точно черепъ распасться хочетъ...

Тише, тише колокола... Легче головѣ... Ужъ ничего не слышно; послѣдній ударъ колокола прошелъ гдѣ-то далеко, далеко... Слабѣе хрипитъ грудь... Не такъ ей больно... Медленнѣе таетъ снѣгъ подъ лицомъ у навшаго.

А сверху новыя снѣжинки уже засыпаютъ умирающаго... Какъ ту навшую лошадь засыпали... Еще черезъ полчаса — только очертаніе тѣла едва будетъ замѣтно надъ рыхлою бѣлою пеленою...

Отдыхай, измученный!.. Здѣсь никто не помѣшаетъ тебѣ!..

ГЛАВА IV.

Н а б и в а к ѣ.

то это чернѣется впереди такое? остановился полковникъ, вглядываясь вдаль. Не бивакъ-ли нашъ?.. Не тутъ-ли перевязочный пунктъ?

Весь опушенный снѣгомъ всадникъ ѣхалъ оттуда къ отряду, торопя и дергая, подвигавшуюся бойко лошадежку.

— Должно быть, это и есть—судя по описанію...

— Вы вотъ что, поручикъ, поѣзжайте-ка по всему пути, гдѣ растянулся полкъ, и подбодрите людей, скажите, что бивакъ рукой подать.

— Длинна рука-то! недовольно отозвался старый севастополецъ.

— Что? повернулся въ сѣдлѣ полковникъ, внимательно озираясь по сторонамъ и словно соображая, сколько у него осталось народа.

— Говорю, рука длинна... Тутъ добрыхъ версты двѣ, а то и всѣ три...

— Ну, гдѣ-же!.. кого это къ намъ Богъ несетъ?..

— Не нашъ!..

Всадникъ, ѣхавшій на встрѣчу отряду, то пропадалъ въ

бѣломъ облакѣ снѣга, то снова показывался изъ него... Его порою заслоняли выступы скалъ, взрѣзывавшихъ почву по сторонамъ этой горной дороги... Очевидно, онъ торопился именно сюда, иначе кой чертъ понесъ-бы его въ эту непогодь.

— Не нашъ и есть... Чего-бы это ему надо?.. и полковникъ подбодрилъ коня нагайкой.

Его такъ засыпало снѣгомъ, что погоновъ и разобрать нельзя было, а кечи все закуталъ тоже запушенный снѣгомъ башлыкъ. Всадникъ, пріѣхавшій въ этотъ моментъ, такъ и не узналъ, кого онъ видитъ передъ собою.

— Это *** полкъ? — Едва дышалъ онъ отъ усталости.

— Да.

— Гдѣ полковой командиръ?

— Передъ вами.

— Ахъ, простите, полковникъ... меня послалъ вамъ на встрѣчу Радецкій. Онъ только часъ тому назадъ получилъ телеграмму о вашемъ выступленіи изъ Габрова...

— А гдѣ корпусный командиръ самъ?

— Онъ на позиціяхъ... У себя... У него землянка тамъ. Онъ очень удивлялся, зачѣмъ полкъ выступилъ въ такую вьюгу.

— А про то пусть онъ у нашего начальства спросить.

— Приказано и выступили! бухнулъ себѣ подъ носъ старый маіоръ.

— Генераль полагаетъ, что у васъ сегодня очень много отсталыхъ... Не нужно-ли вытребовать изъ Габрова лазаретныя фуры и подводы, чтобы подобрать ихъ? Во всякомъ случаѣ, онъ крайне недоволенъ...

— Да мы то причемъ?

— А вашъ дивизионный съ вами?

— Нѣтъ, гдѣ-же! уклонился отъ прямого отвѣта полковой командиръ.

— Значить въ Габровѣ остался?

— Что ему тамъ дѣлать.

— Погодите, маіоръ; дивизионный отправился въ главную квартиру назадъ...

Молодой офицеръ улыбулся про себя.

— Могу я поѣхать обратно къ Радецкому?—спросилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе... Гдѣ нашъ бивакъ?

— А вотъ около этой долины, видите впереди?.. да тамъ все равно помѣститься негдѣ.

— Землянокъ на полкъ — нѣтъ?

— Гдѣ — есть! для офицеровъ хватитъ. Ну, а солдатамъ придется подъ открытымъ небомъ.

И ординарецъ Радецкаго погналъ своего коня обратно, опять исчезая въ бѣлыхъ облакахъ, продолжавшагося сыпаться снѣга. Полковой командиръ ѣхалъ молча, недовольный, кусая усы и видимо злясь на что-то.

— Ну? Егоръ Ивановичъ... обернулся къ нему маіоръ.

— Что ну?

— Сладко?..

— Да вотъ отвѣчай этимъ господамъ... Онъ вотъ въ усы себѣ улыбается... хорошее понятіе о нашей дивизіи получать!

— Причемъ тутъ дивизія?..

— Все-таки...

Солдаты стали подтягиваться. Видимо, близость бивака заставила ихъ собрать послѣднія силы...

Въ мысляхъ каждаго изъ нихъ бивакъ являлся не иначе какъ отдохомъ въ тепломъ и сухомъ мѣстѣ.

— Слава Господу! Заночуемъ чудесно.

— Да, землянки, должно, есть... хворосту натащимъ, согрѣмся... Снѣжку сейчасъ въ котелки — чай! первый сортъ.

— Да, теперь-бы чаю чудесно.

— Можетъ и водка будетъ.

— Откуда-то? Обозъ, я такъ думаю, еще и отъ хвоста то нашего далеко, къ самой ночи придетъ.

— Ну, вотъ позаботились...

— Кому о насъ заботиться-то?.. Всякъ о себѣ... Когда

это заботились... переходили-то отъ Тырнова до Дренова — во рту ничего не было. Аль забылъ?

— Сухари были...

— Да нешто сухари зимой слѣдуетъ?.. Эхъ, ты... Шти надобны и чтобъ горячіе.

— Не въ Рассеѣ.

— Тутъ-то народъ еще побогаче... я и то у бургарь хлѣба взялъ пожевать тогда, а то-бы и такъ съ пустымъ брюхомъ...

— Тутъ какое дѣло было... Только мы къ Габрову подошли — сичасъ котлы... варить, а по горячему самъ знаешь, стосковались... разложили костры — котлы поставили — хватъ похватъ ни крупы, ни мяса. Что тутъ дѣлать?.. а около въ лѣску слышу мычить что-то... А лѣсокъ-то голый, откуда тамъ скоту быть? Ну, мы сичасъ туда; посмотримъ — избушечка махонькая, а около хлѣвокъ, въ хлѣву-то коровка и мычить, судьбу свою, значить, чувствуетъ. А въ избѣ — никого... Ну, сичасъ тихимъ манеромъ корову вывелъ — да въ товариство въ роту и привелъ. Чтожь-бы ты думалъ? часа черезъ три бургарь прибѣжалъ, хозяинъ значить, — а отъ коровки ужъ и хвоста не осталось, все до чиста съѣли. Кости да требуху въ снѣгъ зарыли, — а шкуру такъ спрятали, что и чортъ-бы не нашелъ.

— Ловко!

— И скусная-же коровка была... Гляди во и привалъ.

Шедшіе впереди въ головѣ колонны уже добрались до бивака... Справа копромъ сталъ гребень горы, защищая отъ вѣтра небольшое плато, на которомъ дымилось нѣсколько землянокъ. Въ жалкой мазанкѣ, подъ черепичной кровлей, — былъ перевязочный пунктъ когда-то; теперь здѣсь лежали больные, пересылавшіеся съ дальнихъ боевыхъ позицій въ Габровѣ. Солдаты густо набились въ тѣсномъ пространствѣ своего бивака. Офицеры сунулись въ землянки — большая часть ихъ оказалась занятыми. Въ однихъ лежали больные, въ другихъ, какъ сельди въ бочкѣ, сбилось пропасть всякаго

народа. Тотчасъ-же со всѣхъ концовъ площадки послышались громкіе голоса:

— Первая рота сюда!..

— Третья рота вправо!..

— Черти! Гдѣ тутъ пятая рота? изъ себя выходилъ занесенный снѣгомъ офицеръ, въѣзжая въ спѣшенную массу столпившихся солдатъ.

— Тринадцатая рота!.. доносилось откуда-то со стороны.

Солдаты расходились — всякъ къ своей ротѣ. Часа полтора длилась вся эта суматоха. То и дѣло подходили оставшіе и, видя передъ собой множество отдѣльных кучекъ товарищей, разбросанныхъ по сторонамъ и загалдѣвшихъ на отдыхъ, орали во все горло:

— Гдѣ такая-то рота?..

— Ищи, братъ, воронъ въ полѣ... Были да улетѣли! отзывались ему у ближайшей толпы.

— Гдѣ *** рота? зѣвалъ онъ въ другую сторону.

— Вся вышла... Ты горло-то пошире, авось кого и проглотишь! — отзывались отсюда.

— Да тебѣ какую роту?

Тотъ назвалъ.

— Шаснадцатую!..

— Хорошая рота.

— Да гдѣ она?

— Шаснадцатая... Дай Богъ память... Была такая рота — точно...

— Ахъ ты идоль, идоль!..

И солдатикъ опять принимался зѣвать, глядя то вправо, то влѣво...

Гомонъ стоялъ надъ бивакомъ. Менѣе уставшіе, передохнувъ съ полчаса, заводили громкую бесѣду. Измученные солдаты и только что пришедшіе падали въ снѣгъ плашмя и тяжело дышали, не отвѣчая даже на обращенные къ нимъ вопросы.

— Семеновъ! Ты слышишь? тебя спрашиваю! — остановился офицеръ надъ однимъ такимъ.

Тотъ попробовалъ было подняться, да опять упалъ въ снѣгъ.

— Что съ тобою?

— Смучился... только и могъ проговорить бѣдняга.

Кое-гдѣ приваливались одинъ къ другому, такъ что земли не было видно подъ лежавшими...

Гомонъ то падалъ совсѣмъ — и на минуту здѣсь водворялась тяжелая, точно на кладбищѣ тишина, то опять разгорался. Все сидѣло или лежало. Теперь у рѣдкихъ явились-бы силы — пройти еще нѣсколько шаговъ, а между тѣмъ нужно было еще разложить костры, набрать для нихъ дровъ, разгрести снѣгъ, что-бы дорыться до земли... Вдали, тамъ, гдѣ площадка служивалась въ горную дорогу, по которой сейчасъ только что прошли всѣ эти люди, то и дѣло показывались отставшіе. Нѣкоторые изъ нихъ такъ и не могли дойти до своихъ ротъ — приваливались кто куда поспѣлъ.

— Гдѣ твое ружье? — наскочилъ на одного такого офицеръ.

Солдатъ удивленно взглянулъ себѣ на руки.

— Гдѣ ружье бросилъ?

Тотъ недоумѣло оглянулся, себѣ подъ ноги взглянулъ. Видимое дѣло — до того смучился, что и не помнить, съ нимъ-ли ружье, самъ-ли бросилъ или оно выпало изъ рукъ...

— Вонъ и другіе тоже оставили свои ружья... Завтра придется послать отыскивать...

Кое-гдѣ уже началась переключка.

А снѣгъ все падалъ сверху ровно, медленно, спокойно! Точно безжалостное божество этого волшебнаго горнаго царства рѣшилось во что-бы то ни стало засыпать этотъ отрядъ... Если-бы хоть одинъ просвѣтъ засинѣлъ на небѣ. Нѣтъ! напрасно утомленные глаза измученныхъ солдатъ всматривались въ эти сѣрыя медленно наползавшія тучи. Много ихъ уходило на югъ, но, казалось, еще больше выдвигалось съ сѣвера, точно ожидая своей очереди пролиться надъ этими бѣлыми

вершинами, засыпать их легким снѣгомъ и точно также исчезнуть за ними... Уже темнѣло кругомъ; зимній день готовился уступить свое мѣсто долгой и холодной зимней ночи, — а въ тучахъ не было ни малѣйшаго отблеска вечерней зари. Точно день тутъ былъ безъ солнца, точно ночь наступала безъ лазуревыхъ сумерокъ, безъ яркихъ звѣздъ, безъ мечтательнаго блеска мѣсяца... Тучи за тучами... Новыя только были темнѣе уходящихъ — въ одномъ этомъ и сказывалось приближеніе ночи... Развѣ еще въ томъ, что дальнія вершины, бѣлыя какъ и все кругомъ, точно сѣрѣли, блекли; рѣзкость ихъ контуровъ смягчалась, сливалась мало по малу съ окружающею мглою... Казалось, что эти горы распускались совсѣмъ въ вечернемъ воздухѣ...

Солдаты потянулись за дровами.

Лѣсъ на скатахъ. Сырой. Голыя деревья протягивали вверхъ свои беззащитныя вѣтви. Точно пощады просили, вздрагивая отъ холода. Солдаты рубили ихъ; казалось, что, сжалаясь надъ ними, они хотѣли отогрѣть ихъ въ яркомъ пламени костровъ. Силъ не хватало рубить стволы — рубили сучья. Товарищи дорывались до земли, сгребая снѣгъ въ стороны. По срединѣ этихъ площадокъ, которыя новый снѣгъ тотчасъ-же стремился засыпать, складывали хворостъ и сучья, но увы!.. Голыя вѣтви также простирались вверхъ и также дрожали отъ холода... Огонь не вспыхивалъ здѣсь жгучимъ полымемъ. Точно испугавшись этого снѣга и этихъ новыхъ тучъ, онъ трусливо тлѣлъ внизу, окутывая вѣтви дымомъ... Тлѣя, точно раскрывалъ красный глазъ, чтобы еще разъ взглянуть на массы падающаго снѣга, и потомъ вдругъ жмурился... Видимо — сообразилъ, что ему не совладать съ безчисленными тучами... Солдатики хлопотали вокругъ, раздували его, но умирающее пламя гасло и если вспыхивало, то только для того, чтобы сейчасъ-же потухнуть.

Такіе-же дымки поднимались и отовсюду на площадкѣ. Изрѣдка хворостъ скрипѣлъ, трескался, развивался подъ вне-

запно разгорѣвшимся огнемъ; но огню опять приходилось добираться до насѣвозъ отсырѣвшихъ вѣтвей, и онъ гасъ, досадливо чада сѣрымъ дымомъ...

— Ничего не подѣлаешь! заключали солдаты и, пожевавъ крѣпкихъ, какъ камень, сухарей, падали на землю, гдѣ пришлось.

— Не совладаешь!..

— Одно слово — Балканъ! утѣшались они, очевидно вѣруя, что здѣсь иначе и быть не можетъ.

Скоро на бивакѣ совсѣмъ застыли и люди, и костры...

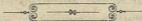
Точно мертвое царство легло кругомъ... Только наверху среди сѣраго простора неба было еще движеніе. Тамъ медленно ползли потемнѣвшія ночью тучи; оттуда медленно падалъ все тотъ-же влажный и пухлый снѣгъ...

Тихо падалъ... Падалъ на сѣрыя шинели солдатъ, на изможденные, обострившіяся, похудѣвшія лица, падалъ на раскинутыя руки, падалъ на коней, бессильно опустившихъ свои головы внизъ. Снѣгъ засыпалъ и лежавшія кучи хворосту. Теперь даже нельзя было отличить мѣста, на которомъ солдаты еще недавно хотѣли развести костры.

Гдѣ-то далеко-далеко въ сторонѣ послышался ружейный выстрѣлъ...

Послышался — и замеръ, не поддержанный горнымъ эхомъ... Горное эхо, очевидно, тоже было засыпано этимъ снѣгомъ, запугано этими тучами...

Все передъ ними смирялось: даже вѣтеръ, бушевавшій утромъ, стихнулъ — трусливо заползъ въ ущелье и заснулъ тамъ, пережидая, когда настанетъ его время...

ГЛАВА V.

Н е с п и т с я .

Молодой врачъ только что добрался до бивака. Въ трехъ шагахъ отъ себя нельзя было ничего разобрать... Ночь потемнѣла такъ, что и безъ снѣга, который все также продолжалъ падать сверху, ближайшія вершины тонули въ ея сумракѣ. У самыхъ ногъ усталого доктора словно мертвые лежали солдаты. Онъ наклонился, заглянулъ въ лицо ближайшему — оно было совсѣмъ мокрое. Снѣгъ, падавшій бѣлыми хлопьями на его шинель, на рукава, на кепи, таялъ только на лицѣ. Спящій тяжело дышалъ. Каждый вздохъ вырывался у него изъ груди съ какимъ-то хрипѣніемъ, но солдаты не просыпался... Другіе, лежавшіе рядомъ, тоже промокли насквозь... Врачъ ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ — кругомъ было все то-же сонное царство. Люди прижимались одинъ къ другому такъ, чтобы сырости и снѣгу предоставить какъ можно менѣе поверхности своего тѣла... Вонъ одинъ съ головой закрылся шинелью, точно убитый... Докторъ, проходя мимо, не разсмотрѣлъ его и наступилъ ногою ему на руку. Спящій не пошевелился. Странно показалось это — и врачъ откинулъ на минуту шинель съ лежащаго...

Что это?.. Глаза будто открыты... Такъ и есть. Молодой человекъ наклонился, взглянулъ прямо въ лицо лежавшему... Дѣйствительно тотъ смотритъ въ упоръ на него... Столбнякъ что-ли нашель?.. Докторъ взялъ его за руку — щупаетъ пульсъ — не бьется. Къ сердцу прислушался. Въ груди, словно въ пустой комнатѣ, ничто не шелохнется. А глаза умершаго все такъ-же неподвижно и удивленно смотрятъ вверхъ.

— Должно-быть, отъ устали умеръ бѣдняга! — вслухъ проговорилъ докторъ, опять покрывъ мертваго шинелью.

— Эй, кто тутъ?.. Есть-ли живая душа? — крикнулъ онъ, оглядываясь по сторонамъ.

Но кругомъ царило то-же зловѣщее молчаніе... Докторъ сталъ продвигаться впередъ, стараясь не попадать ногою въ спящихъ. „Не дай Богъ мороза утромъ!“ думалъ онъ: „все это, что вымокнетъ за ночь, замерзнетъ разомъ“. Нечаянно попалъ ногой въ костеръ, засыпанный снѣгомъ, разбросалъ его, посмотрѣлъ, не осталось ли хоть теплыхъ угольевъ, но оказалось, что костеръ и не загорался вовсе. Какое-то хрипѣніе послышалось въ сторонѣ. Докторъ остановился на одну минуту и прислушался.

— Кто-то умираетъ... Помочь надо! — и онъ отправился на эти звуки.

Поперекъ пути солдаты, но онъ уже не разбираетъ пока. Помочь надо, — гдѣ ужъ тутъ осторожничать! Ноги попадаютъ на спящихъ, — тѣ со сна ругаются. „Кого чортъ носить? о, чтобъ-те розорвало! сгинь окаянный!.. Смерти на васъ нѣтъ, душегубы!“ Но доктору нечего обращать вниманія на это... Онъ шагаетъ себѣ впередъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хрипѣніе становится все слышнѣе и слышнѣе. Наконецъ, вотъ ужъ и людей не стало... Позади они. Тутъ чистый бѣлый снѣгъ, нога глубоко уходитъ въ него. Чтобы это значило? кто это?

— Кто тутъ? — приостанавливается докторъ, не зная, куда идти.

— Хрипѣніе сильнѣе. Онъ идетъ прямо на него... Ближе. Что-то черное на землѣ — большое?

Подошелъ совсѣмъ близко...

— Ахъ, ты бѣдняга, бѣдняга!

На землѣ бьется въ агоніи измученная и умирающая отъ усталости лошадь... Старается подняться на переднія ноги — и силъ нѣтъ, опять рушится о земь и хрипитъ, стараясь, зачѣмъ-то, какъ можно дальше вытянуть шею, точно чтобы добраться до чего-то, лежащаго далеко отъ нея... Полежитъ-полежитъ и опять тянется, и опять хочетъ привстать и снова падаетъ съ долгимъ, натуженнымъ, мучительнымъ хрипѣніемъ.

На бѣломъ снѣгу около бочкомъ-бочкомъ прыгаетъ воронъ. Откуда взялся онъ?.. Подбирается къ коню, заглядываетъ ему прямо въ глаза: не пора-ли, не остановились-ли они?.. Но конь нѣтъ-нѣтъ да шевельнется, нѣтъ-нѣтъ да опять давай приподыматься... Вотъ упалъ совсѣмъ, тяжело рухнулъ... Протянулъ морду впередъ въ снѣгъ и замеръ... Совсѣмъ, должно-быть, готовъ... Воронъ также все бочкомъ-бочкомъ подобрался сплошь, попрыгалъ у морды коня, вскочилъ на нее... Только что на глаза нацѣлился, какъ конь точно ожилъ, забился опять... Поднял морду, опять напрягъ переднія ноги... Отдѣлился отъ земли, на которой лежалъ, привсталъ на секунду, и опять тяжело, грузно рухнулъ въ снѣгъ, чтобы больше уже не подыматься. Только одинъ признакъ жизни — глубоко втягиваетъ въ себя и безъ того втянутые бока.

Докторъ отошелъ прочь.

Опять кругомъ спящіе люди... Опять наступаетъ онъ имъ на руки и на ноги.

— Ишь, дьяволъ!... Сна на тебя нѣтъ! — слышится ему вслѣдъ. Цѣлая куча спящихъ шевелится.

Кто-то приподымается изъ этой кучи.

— Фу, какъ холодно!.. И сырость какая! Ба, докторъ, это ты, Соймоновъ?

— Я... Неужели и офицеры землянокъ не нашли?

— Гдѣ тутъ найдешь? Въ землянкахъ набилось народу до страсти. Чего ты бродишь, какъ оглашенный?

— Только что ноги приволокъ... Нужно-же найти мѣстечко куда лечь.

— Да вались въ нашу кучку. Все лучше, чѣмъ въ снѣгъ прямо.

Докторъ такъ и сдѣлалъ.

— Тутъ снѣгомъ сейчасъ засыплеть! — недовольно проговорилъ онъ, заворачиваясь въ пальто.

— И засыплеть, будь спокоенъ. Отчего не засыпать?.. Мы уже часа три такъ-то.

— Неужели могли заснуть?

— Да вѣдь что-же дѣлать — идти некуда, топтаться на мѣстѣ тоже толку не будетъ.

— Ёсть-то было что?

— Огня разложить нельзя, а ты — ёсть!.. Пожевали сухарей, ну и только, да и то еще у кого было.

— У меня и того нѣтъ... Голоденъ страшно... Думаю, не заснуть мнѣ сегодня.

— Ну, это какъ хочешь, а меня опять смариваетъ.

Доктору удалось лечь между своимъ пріятелемъ и какимъ-то солдатомъ. Послѣдній похрапывалъ медленно и спокойно, точно онъ спалъ у себя на постели.

— Ишь какъ спить-то! — позавидовалъ докторъ:

— Ишь какъ спить-то! Хоть-бы часокъ такъ — чудесно! А ты заснулъ что-ли, Асановъ?... Асановъ, спишь что-ли?... Но офицеръ, къ которому онъ обращался, уже ничего не слышалъ. По ровному дыханію докторъ заключилъ, что и тотъ уже заснулъ...

Попробовалъ закрыть глаза. Усталъ тоже морила — свое брала.

Забудется на нѣсколько минутъ... Тепло вдругъ станетъ ни съ того, ни съ сего, а тамъ опять зальется талый снѣгъ за воротникъ — и опять недоумѣло раскрываются глаза...

— Ну, почлегь!.. — недовольно говоритъ онъ, стараясь поплотнѣе застегнуть воротникъ — чтобъ не заливалось.

— Да ужь ночовка! Чортъ ее дерн!.. — слышится сочувственный отзывъ въ сторонѣ.

— Кто тамъ это? — радуется докторъ, что нашель себѣ собесѣдника.

Но тотъ уже заснулъ; видимо тоже проснулся на минуту, отозвался и опять забылся...

— Нечего дѣлать! — вздыхаетъ врачъ и опять старается заснуть.

— Ну, васъ къ Богу! все равно не заснешь!.. — приподнялся было опять.

Лежать такъ становилось совсѣмъ несносно. Хоть думать о чемъ-нибудь; да извольте думать въ этой дужбѣ, среди этой сырости, когда мокрый снѣгъ то и дѣло хлопьями падаетъ на лицо. Наконецъ, онъ надумался: стянулъ пальто повыше — пусть ногамъ будетъ холоднѣе — закрылъ имъ лицо... Глаза сомкнулъ...

— А что теперь дѣлаетъ Айша?.. — мелькнуло у него въ головѣ.

И разомъ точно теплѣе стало... Видитъ онъ передъ собою ярко горящія глаза изъ подъ высокихъ черныхъ бровей, тонкій, красиво очерченный носъ, алыя губы маленькаго рта и цѣлыя массы волосъ на головѣ... Спитъ она теперь, должно быть... Разумѣется, спитъ... Тепло ей въ габровскомъ монастырѣ, завернулась въ шубу...

„Какая хорошая эта Венелина, что приютила Айшу... Куда-бы несчастная турчанка дѣлась между болгарами? Какъ они косятся на нее!.. На улицѣ умерла-бы съ голоду, если-бы не сестра милосердія... Добрая!..“

Соймоновъ недѣли двѣ уже жилъ въ Габровѣ и отлично сошелся съ сестрами. У одной изъ нихъ онъ встрѣтилъ Айшу, пришелъ на другой день и встрѣтилъ опять. Айша тоже, какъ умѣла, ухаживала за ранеными. Помогала сестрамъ.

Сталъ отъ бессонницы припоминать все, что ему рассказывали о ней... Все время коротается...

И лѣтъ-то ей вѣдь немного? Пятнадцать всего. А какая красавица! Привези такую въ Петербургъ — смотрѣть сбѣгутся на нее... Разказывали, что родилась въ Эски-Загрѣ. Наши заняли Эски-Загру — турки бѣжали, ее подняли на дорогѣ полуумирающей... Испугалась какъ, бѣдная... Какое-то бородатое лицо наклонилось надъ ней... Думала, вотъ сейчасъ надругается, да поперекъ горла ножемъ... И глаза даже закрыла и заболтала что-то жалостнымъ-жалостнымъ голоскомъ... Какъ дитя захныкала... Улыбнулось бородатое лицо — взяли ее уральцы-казаки къ себѣ и честь-честью — ничѣмъ не обидѣли, не тронули. Такъ и въ Габрово привели. А тутъ ужъ городъ. Сама справляйся какъ хочешь. Уральцы ушли — осталась она одна на улицѣ... Болгары проходятъ — плюютъ на нее... Ъсть захотѣлось... Просить стала. Шель солдатъ — краюху хлѣба даль... Сжалился... Ночь переночевала на базарѣ, на панеляхъ прямо. Куда-же дѣваться? Самые добрые изъ болгаръ, и тѣ зло глядѣли на нее.

— У насъ самихъ бѣженоеъ нашихъ полны дворы. Имъ ѣсть тоже нечего... Зачѣмъ ваши турки перерѣзали ихъ отцовъ и братьевъ?.. И съ тобой слѣдовало-бы поступить также.

Точно она виновата?.. Она только и можетъ, что плакать, и плакать, бѣдная! Жаль, что только на ея слезы никто вниманія не обращаетъ... Хорошо еще, что не бьютъ. Одинъ попробовалъ, да русскій защитилъ. Мимо шель! Разъ стоитъ она на базарѣ у самой башни *), прижалась къ стѣнѣ, опустила голову, а слезы такъ изъ глазъ и каплють... Кругомъ торгуютъ: сколько хлѣба, мяса, овощи всякой... Стала она съ земли подбирать брошеное, жевать — отогнали бѣженки... Самы тѣмъ-же занимались, сами съ земли подбирали, сами голодны. А они христіане, они здѣсь теперь хозяева... Что ей дѣлать?.. Схватила съ руками за голову... Качаетъ головой и давай плакать... Плакала, плакала... Чья-то рука опустилась

*) Посреди Габровскаго базара стоитъ сторожевая башня.

на ея плечо... Вздогнула — глаза подняла... Стоит русская въ сѣромъ. На груди красный крестъ, на лѣвой рукѣ тоже красный крестъ нашить... Улыбается доброю-доброю улыбкой. Говорить что-то — ничего не понять словъ, за то голосъ понятенъ, тонъ его близькъ сердцу. Айша тоже поняла его. Схватила русскую за руку, поцѣловала руку... Та повела ее за собой — въ монастырь... Боялась Айша войти — а вдругъ какъ выгонять. Нѣтъ — на встрѣчу ей вышли такія же добрыя сестры, хорошія... Накормили ее и одѣли. Спать положили... Всю ночь Айша проснется и плачетъ отъ радости, засыпаетъ съ улыбкой на губахъ... Утромъ ея не выгнали, а она было боялась этого.

Такъ въ монастырѣ и осталась у сестеръ...

Мѣсяца черезъ три ужъ и сама заговорила по-русски, ужъ много понимать начала.

— Ишь какъ похорошѣла! — замѣчали сестры: — совсѣмъ красавицей стала! — говорятъ ей.

Она тоже улыбается, понимаетъ... Цѣлуетъ сестеръ, какъ къ матерямъ привязалась къ нимъ. Думала она, что не будутъ-ли ее въ свою вѣру уговаривать перейти... Боялась этого. Нѣтъ, ничего — молчатъ, никто и не поминаетъ объ этомъ... Расцвѣла, успокоилась... Даже болгары поглядывать на нее стали поласковѣй, какъ замѣтили ее ухаживающей за ранеными... Она старается тоже угождать чѣмъ можетъ. Ухаживаетъ за сестрами...

Соймоновъ познакомился съ Айшей у Венелиной.

Познакомился и заинтересовался совсѣмъ. Оно и понятно: только что съ университетской скамьи — сердце раскрыто настежь цѣлому міру... Всякое впечатлѣніе глубоко проникаетъ въ душу... А тутъ эта несчастная брошенная красавица.

Сталъ ходить каждый день... И въ самомъ дѣлѣ сердце екнуло, какъ замѣтилъ онъ, что Айша, встрѣтивъ его, краснѣетъ, и по тону голоса ея понялъ онъ, что и турчанка не совсѣмъ равнодушна къ нему.

Впрочемъ, по своему...

— То мнѣ сестры... Ты, русскій, будь мнѣ братомъ! — говоритъ она ему; говоритъ и довѣрчиво смотритъ прямо въ глаза доктору: „я не боюсь тебя“, говоритъ этотъ взглядъ „я люблю тебя!“

Совсѣмъ южный цвѣтокъ, почувствовавшій тепло и солнце...

Какимъ ароматомъ пахнуло на него отъ этого цвѣтка!.. Какъ-бы не измять его нѣжныхъ лепестковъ... Какъ-бы не затоптать!

Молодъ, значить — честенъ... Онъ не затопчетъ...

Венелина ужъ и замѣчать стала.

— Вы, смотрите, Соймоновъ, не сверните головы моей Айшѣ... Грѣхъ будетъ. Знаете, вѣдь сирота!

— Да вы меня-то за кого принимаете?

— Нѣтъ, я такъ!.. Все-таки вѣришь, какъ скажешь!

— Будьте спокойны...

А самъ про себя думаетъ: „что-жъ, кончится война — женюсь... Оригинально, правда, слишкомъ... Турчанка... Ничего не знаетъ. Да развѣ въ томъ счастье, чтобы знала что... Эта молиться на тебя всю жизнь будетъ... Не испортитъ тебѣ жизни, какъ наши кислосладкія барышни, что замужъ идутъ точно на содержаніе... Рады батрака найти, навязаться ему на шею да его-же и измучить“.

— Что-жъ, если я теперь и женюсь!? — улыбается онъ самъ-себѣ и не замѣчаетъ, что свѣтъ пошелъ сильнѣе, что все его пальто насквозь промокло, что лужа подъ нимъ становится все холоднѣе и холоднѣе.

— Соймоновъ, ты спишь? — слышится рядомъ.

— А?... Что?..

— Спишь, спрашиваю?

— Нѣтъ, какое... Думаю...

— Нашелъ мѣсто!

— Ну, а спать-то здѣсь удобнѣе?..

— Положимъ... Вотъ я боюсь тифъ нажить... Чего добраго. А впрочемъ, отъ судьбы не уйдешь!

— Хорошо-бы теперь въ Габрово — въ теплую постель.

— Еще чего?..

— Иль въ Питеръ. Теперь еще только два часа. Поѣхали-бы мы съ тобой въ „Малый Ярославецъ“, заказали-бы себѣ селянку въ кастрюлѣ... Селянку-то изъ разной рыбы... Янтарь!.. И хрящики тутъ-же...

— Ну, тебя къ чорту! — повернулся Соймоновъ. — Въ слюну даже ударило.

— А то перьменей... А?..

— Хорошо-бы, вашбродь! — вздохнулъ даже солдатъ, проснувшійся рядомъ.

— Тутъ и сухарей нѣтъ, а онъ... — недовольно ворчалъ Соймоновъ.

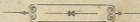
— Вотъ сухарь... — протянулъ ему солдатъ: — коли не брезгуете...

— Чего тутъ, голубчикъ, брезговать! — И Соймоновъ сталъ грызть.

Сухарь былъ мокрый. Всего его чѣмъ-то облѣпило, но голодъ не разбираетъ... Асановъ опять заснулъ; заснулъ и солдатъ около.

Соймоновъ со своимъ сухаремъ спрятался опять подъ мокрое пальто.

А ночь длилась и, казалось, конца ей не будетъ — холодной и сырой, какъ не будетъ конца этому равнодушному, безпрестанно падающему снѣгу...

ГЛАВА VI.

Айша.

олнце сегодня совсѣмъ не зимнее... Грѣть точно весной... Отъ вчерашнихъ тучъ и слѣда нѣтъ на голубыхъ, безоблачныхъ небесахъ... Въ воздухѣ стоитъ теплынь, благодать. Снѣгъ, еще вчера заваливавшій крыши габровскихъ домовъ, сегодня весь растаялъ и красныя черепицы, словно вымытыя заботливою рукою хозяйки, — ярко блестятъ на солнцѣ. Блестятъ и окна, обращенныя къ рѣкѣ, закованной въ ледъ, но громко и злобно рокочущей подъ нимъ; точно гордый узникъ, не желающій мириться съ своими оковами, бьется Янтра и кое-гдѣ ломаетъ свои цѣпи... Въ проломинахъ всучивается бѣлая пѣна; вольная струя выбивается на свободу и заливааетъ ледяные припай... На улицахъ города сегодня шумъ и суета. Обозы за обозами двигаются сюда, и, кажется, нѣтъ имъ конца. Всѣ улицы заставили они, а изъ зади напираютъ еще болѣе многочисленныя. Между телѣгами снуютъ болгаре и солдаты. Базаръ обратился въ сплошное море головъ, орущихъ, выкрикивающихъ, зазывающихъ. Чадъ изъ переносныхъ кухонь, запахъ пригорѣлаго масла смѣшиваются съ испаре-

ніями отогрѣвающейся земли, съ дыханіями тысячъ людей. Все, что вчера сидѣло за стѣнами домовъ, пряталось отъ непогоды, сегодня выползло на улицы. Сотни бѣжанокъ и бѣженцовъ выпрашиваютъ подаваніе. Вонъ голодный мальченко — еще недавно росъ въ Казанлкѣ среди богатой семьи — теперь ни семьи, ни довольства. Отца и мать зарѣзали турки, братъ бѣжалъ неизвѣстно куда — остался одинъ онъ... Благо еще, что солдаты кормятъ... Иначе хоть съ голоду умирай. Жиды въ лавкахъ благополучно и выгодно ведутъ свое дѣло. Жирѣютъ на обильныхъ болгарскихъ барышахъ, даже не чужды нѣкоторому состраданію — выбрасываютъ гроши бѣженкамъ, которыя покрасивѣе, зазываютъ ихъ къ себѣ... Вонъ въ толпѣ движется медленно, сообразно съ своимъ достоинствомъ, толстый мулла. Когда въ Габровѣ установился порядокъ и турки убѣдились, что русскіе не вырѣзываютъ никого, они вернулись по домамъ; вернулся и бѣжавшій было мулла.

— Айша! — остановился онъ передъ хорошенькой турчанкой, пробиравшейся въ толпѣ.

Та мигомъ спустила на свое лицо покрывало и остановилась передъ нимъ.

— Айша... Ты совсѣмъ русской стала... Видна подлая кровь... Все послѣднее время ты въ мечеть и носа не кажешь...

— Некогда... У насъ много дѣла. Отмороженныхъ привозятъ съ Шипки, нужно дѣлать перевязки.

— Да ты кому помогаешь-то: врагамъ, гяурамъ? христіанскимъ собакамъ? — Какая-же ты послѣ того мусульманка.

— Когда я, умирая съ голоду, бродила по этимъ улицамъ, кто, какъ не христіанскія собаки, подобрали и спасли меня? Я кидалась къ туркамъ, они заперлись въ своихъ домахъ и гнали меня прочь на улицу. Если-бы не сестры, что живутъ теперь въ монастырѣ, — я бы уже была выброшена за городъ. Издохла-бы, какъ кошка, на его улицахъ отъ голода... Болгары вѣдь тоже не помогали.

— Ты красива... Можешь найти себѣ мужа теперь.

— Спасибо!.. Не хочу...

— Если тебѣ некуда дѣваться — переходи ко мнѣ. У меня найдется тебѣ мѣсто.

— Нѣтъ, мнѣ и у сестеръ хорошо...

— Погибнешь! Поди, они сманиваютъ тебя въ свою вѣру?

— Ни слова не говорятъ о вѣрѣ... Онѣ не такія, онѣ не принуждаютъ...

— Охъ! Айша, Айша. Ты подумай, что станется, если наши вернутся. А вѣдь это скоро уже будетъ. Сказываютъ, султанъ собралъ въ Африкѣ пятьсотъ тысячъ солдатъ, да въ Азїи столько-же, и вся эта сила — да хранить ее пророкъ! — обрушится на невѣрныхъ и раздавить ихъ. Тогда будутъ истреблены здѣсь всѣ христіане — и русскіе, и болгары. Тогда не пожалѣютъ и тѣхъ, кто служилъ имъ... Тебя не пожалѣютъ, Айша. Отдадутъ тебя солдатамъ, пьянымъ отъ крови, остервенѣлымъ... Подумай, что будетъ съ тобою.

— Я съ тѣми и останусь, кто приютилъ меня... Погибнуть онѣ и я съ ними.

Мулла покачалъ головою.

— А то лучше переходи ко мнѣ... Сошью я тебѣ платье шелковое, ни въ чемъ не будешь нуждаться. Ышь сколько хошь, всѣ тебя уважать станутъ. Подумай, Айша...

— И думать нечего! — улыбнулась та подъ своимъ покрываломъ.

— Ну, прощай... Смотри, когда станетъ сбываться все, что я сказалъ тебѣ, — придешь сама, да ужъ будетъ поздно.

— Прощай, мулла. Не приду, будь спокоент!..

И она пошла вдоль домовъ, пробираясь по улицамъ сплошь залитымъ сегодня грязью отъ цѣлой массы растаявшаго по улицамъ снѣга. Простившись съ муллою, она снова откинула свое покрывало, отъ котораго уже давно отвыкла. Глаза ея весело блестѣли; грудь дышала легко; губы улыбались всему божьему міру, ласково свѣтившему ей сегодня, улыбались, открывая прелестные ровные зубы.

— Ну и дѣвка! Гдѣ только дѣвки такія водятся! — остановилъ ее какой-то донецъ въ лихо взбитой на-бекрень фуражкѣ.

— Оставь, оставь меня!.. — испугалась-было турчанка, уже понимавшая по-русски.

— А ты не пужайся. Чего пужаться-то?.. Я вашу сестру не ѣмь... Ты мнѣ скажи вотъ что — гдѣ повидать тебя, ежели, примѣрно, вечеромъ?..

Та заболтала по своему, отходя отъ него.

— Козырь, совсѣмъ козырь. Эдакую ежели и къ намъ на Донъ привезти, такъ не стыдно... Ну, прощай!.. Будь спокойна: мы бабовъ не обижаемъ, за то и зовемся христолюбивымъ воинствомъ. Мы не то что бузукы ваши... Это только бузукамъ полагается бабовъ обижать, а у насъ что баба, что дѣвка ходи вольно... Безъ опаски... Хотя на всѣ четыре копыта — никто тебѣ и слова не скажетъ.

— Айша!.. Ты это куда пробираешься? — остановилъ ее молодой офицеръ, начальникъ округа...

Добрые мягкіе глаза его привѣтливо смотрѣли на дѣвушку.

— Такъ... гуляла... Теперь въ монастырь надо...

— Что-же сестры ждуть, что-ли?

— Нѣтъ. Сегодня работы мало.

— Зайдемъ ко мнѣ на минутку. Кстати мнѣ надо показать тебя одному художнику.

— Художнику?.. Что такое?.. Не понимаю...

— Ты картины знаешь, портреты?..

— Знаю, видѣла... У сестеръ есть...

— Такъ художникъ тотъ, который картины рисуетъ. Онъ и тебя, Айша, нарисуетъ.

Глазенки у дѣвочки заблестѣли.

— Неужели и меня нарисуетъ?

— Да.

— И похоже будетъ?

— Ужъ если нарисуетъ, значитъ похоже...

— Ну пойдёмъ...

Офицеръ принималъ большое участіе въ Айшѣ, и та привыкла къ нему какъ къ родному.

— Ну, что отъ Соймонова еще ничего не получала?

— Письмо есть, покраснѣла Айша. — У нихъ Шипка — холодно... Снѣга много... Очень много...

— А скоро онъ пріѣдетъ?

— Скоро... Я хочу, чтобы скорѣй ѣхалъ, созналась она и вдругъ покраснѣла. Соймоновъ хорошій... Урусь хорошій. У васъ хорошо... Одна жена... Не то что у турокъ... Турки — тьфу!.. Старая жена — молодую беретъ... Нехорошо... Урусь лучше.

— Такъ вотъ что Айша, выходи за него замужъ...

— За кого? — совсѣмъ покраснѣла турчанка.

— За Соймонова.

— Онъ не возьметъ меня.

— Теперь нельзя. А когда война кончится.

— Развѣ... онъ говорилъ что?

— Какже... Онъ тебя любить... Только вѣдь у насъ нельзя. Законъ такой; христіанинъ не можетъ жениться на магометанкѣ.

— Глупый законъ!

— Да... Ничего не подѣлаешь...

— А если магометанка... перекрестится... Тогда можно? —

И Айша опустила глаза внизъ.

— Тогда еще-бы! Разумѣется, можно.

— А мнѣ все равно, если ему нельзя на мнѣ жениться по вашему закону... Я и такъ съ нимъ уйду.

— Ты, Айша, смотри, глупости не болтай! Это въ Турціи у васъ хорошо, а въ Россіи на это дурно смотреть.

— Что-же, если ему жениться нельзя, я и такъ... Когда любишь, тогда все равно, какъ смотреть... Пускай смотрятъ!.. Лишь-бы онъ любилъ...

— А ты въ Россіи прими нашу вѣру и будешь его женой. Впрочемъ, какъ хочешь, — спохватился офицеръ. — Я знаю, что мѣнять вѣру нехорошо... Не слѣдуетъ.

— Когда любишь — все хорошо... И на смерть пойдешь, и на стыд!.. Нужно только любить!..

Они дошли до дому... Дружинники болгарскаго ополченія, стоявшіе на часахъ у квартиры начальника округа, неумѣло отдали честь.

— Только, Айша, — художникъ-то вѣдь по-русски не понимаетъ ни слова...

— А онъ кто-же... Инглизъ?

— Нѣтъ... Французъ.

— Фиренгъ... Фиренги, говорятъ, всѣ нехорошіе.

— Отчего?

— Да они лягушекъ ѣдятъ... И вообще нечистые.

Офицеръ расхохотался.

— Monsieur Бонвилье! Гдѣ вы?

— Здѣсь! — отозвался изъ другой комнаты молодой голосъ.

— Идите сюда.

Красивый французъ показался въ дверяхъ. Разговоръ шель по-французски, Айша не понимала ничего, только чувствовала, что дѣло идетъ о ней, и потому краснѣла...

— Ого... Я и не зналъ, что въ обязанность начальниковъ города входитъ отыскивать дѣвушекъ, какъ эта... Вотъ типъ-то!..

— Это турчанка. Ее наши сестры приютили... Хотите нарисовать ее? Затѣмъ и привелъ къ вамъ.

— Еще-бы не хотѣть!.. Да за это наша иллюстрація будетъ какъ благодарна? Ну, а на счетъ... какъ она?.. Знаете?

— Это вы отложите... Это хорошая и честная дѣвушка... Да къ тому-же она влюблена въ доктора одного.

— Nous arrivons toujours trop tard!.. запѣлъ французъ.

Вынуть свой походный альбомъ и набросать портретъ Айши было дѣломъ одной минуты... Дѣвушка не могла совладать съ любопытствомъ. Подошла ближе, взглянула, ахнула и пальцами даже защелкала, выражая крайнее свое изумленіе...

— Что хорошо? — спросилъ офицеръ.

— Ахъ какъ хорошо!.. Совсѣмъ хорошо... Пожалуйста,

попроси его, пусть онъ мнѣ подарить этотъ портретъ. Зачѣмъ ему? Вѣдь меня онъ больше никогда не увидитъ — и къ чему-же ему?...

— А тебѣ зачѣмъ?

— Я пошлю его...

— Куда?

— Къ Соймонову... на Шипку... Соймоновъ радъ будетъ и, по крайней мѣрѣ, меня не забудетъ. Будетъ все смотрѣть на меня.

Офицеръ расхохотался и перевелъ просьбу Айши Бонвилье. Тотъ улыбнулся тоже.

— Хорошо, я согласенъ!... Только съ однимъ условіемъ. Даромъ работать не стану... Пусть она меня за это поцѣлуетъ.

— Вона! Слишкомъ дорого хотите.

— Иначе не согласенъ.

Офицеръ перевелъ ей. Айша, совсѣмъ по дѣтски сложивъ губы, потянулась къ французу... До того это вышло наивно, что всѣ расхохотались. Турчанка покраснѣла.

— Это для Соймонова! прибавила она какъ-бы въ поясненіе.

— Ну, я не знаю, будетъ-ли Соймоновъ доволенъ.

— А что? Вѣдь я этого фиренга больше никогда не увижу.

— Оно положимъ. Только ужъ лучше не рассказывай Соймонову, какимъ образомъ ты получила портретъ.

— Вай-вай! — закачала головой Айша. — Развѣ это хорошо?... Это совсѣмъ нехорошо. Развѣ скрывать надо что-нибудь?... Когда человекъ любишь, ничего скрывать не слѣдуетъ... Ничего! Все надо говорить...

Айша бережно завернула портретъ въ бумагу.

— Какъ ты отправишь его?

— А я Венелину просить буду. Она мнѣ письмо къ нему напишетъ... А я ему по нашему напишу.

— Что именно.

— Все ровно не поймешь.

— А, можетъ быть и пойму.

— Менъ секи чохъ севиремъ! Чохъ гююлимъ варь...

Харангя сень мяны эйля сёвясенъ — маляклеръ бюзумъ бахтумъ уза ришхандъ иляллеръ... Эйля бюзумъ ёмрюмюсъ ниджабиръ даяяга нитчаръ (я тебя люблю; я тебя хочу всей душою; если ты меня полюбишь, то ангелы въ небѣ позавидуютъ нашему счастью... Такъ наша жизнь пройдетъ, какъ одно мгновеніе).

— Да вѣдь Соймоновъ тоже не пойметъ.

— Захочетъ понять — пойметъ... Тамъ плѣнные есть, которые знаютъ по нашему. Теперь я пойду.

И Айша веселая и счастливая выбѣжала изъ комнаты...

— Какіе они странные — думала она, проходя по улицамъ; — если любишь, такъ надо еще вѣрить ихнему Богу... Развѣ мнѣ не все равно, какому Богу молится онъ?... Говорятъ: нельзя быть женою; ну, я рабою его буду, служить ему стану... Они не умѣютъ любить... Имъ непремѣнно пустяки еще нужны при этомъ!... Развѣ солнце спрашиваетъ у цвѣтка, какой у него и запахъ? Всѣхъ ровно оно грѣетъ, и пышную розу, и скромную фіалку!.. Нѣтъ, у русскихъ должно быть сердце холодное... Не по нашему они чувствуютъ. Совсѣмъ не по нашему!..

Она въ эту минуту была на Горбатомъ мосту, переброшенномъ черезъ Янтру...

Далеко, далеко на югѣ рисовалась вершина св. Николая... Точно серебряное облако на голубомъ фонѣ. Вокругъ тѣснились другія вершины Балканъ... На второмъ планѣ тутъ мерещились еще болѣе отдаленныя... Айша заглядѣлась туда... Такъ и тянуло ее въ эти горы, въ эту заманчивую даль...

— Тамъ теперъ Соймоновъ... думала она. Холодно ему на высотѣ... Если-бы мнѣ туда къ нему... Отчего-же?.. Развѣ только вотъ сестры не пустятъ!... А то совсѣмъ-бы хорошо... А если я, не спросясь, уйду... Не спросясь — не хорошо! Да вѣдь для любимаго человѣка все можно...

ГЛАВА VII.

Шипка зимой.

реди снѣжнаго царства Балканскихъ горъ — едва замѣтны наши позиціи... Мы зарылись въ ледъ и въ снѣгъ, гдѣ возможно — въ землю... Изрѣдка, черная черточка прорѣжется, тамъ гдѣ поставлена траншейка, да и ту скоро завалить новымъ снѣгомъ, и она будетъ совсѣмъ незамѣтна между другими такими-же... Издали могло-бы показаться, что здѣсь живой души нѣтъ, если-бы не выстрѣлы часовыхъ изъ-за валовъ и не удары орудій, отвоевавшихъ себѣ здѣсь въ поднебесы честь и мѣсто... Окрестныя вершины тоже казались совсѣмъ безлюдными. Только внимательный взглядъ могъ отличить на нихъ темныя насыпи редутовъ и амбразуръ. Зигзаги траншей были замѣтны въ оттепель; въ холодные, морозные дни послѣ снѣга — самый зоркій глазъ не разсмотрѣлъ-бы ихъ среди этой бѣлой пустыни.

А между тѣмъ на этихъ, кажущихся мертвыми, вершинахъ кипитъ жизнь и днемъ, и ночью, безустанная жизнь накануне смерти, яркая, тяжелая, полная впечатлѣній и ужасовъ, полная самыхъ неожиданныхъ контрастовъ. На первомъ всходѣ вытянулись нѣсколько засыпанныхъ снѣгомъ домиковъ,

вѣнчающихъ Рашейскую вершину. Здѣсь стоялъ брянскій полкъ, одинъ изъ немногихъ, славныхъ своею обороною шипкинскихъ позицій въ августѣ. Путь сравнительно безопасенъ теперь, хотя гранаты ненарокомъ залетають и сюда... Но для защитниковъ Шипки онѣ самое пустое дѣло. За Рашейской горой — внизъ лощина; за нею, на слѣдующей высотѣ — обращенная на западъ батарея № 8. Ее называютъ Подтягинской — по имени командира, безпокоившаго отсюда горную турецкую батарею, выскочившую на сосѣднюю вершину влѣво и обстрѣливающую эту часть нашихъ позицій. Въ ясные дни начинается артиллерійскій поединокъ между этими двумя батареями... Чугунные мячики перебрасываются съ одной стороны на другую. Къ нимъ уже такъ притерпѣлись, что когда замолчатъ орудія — брянцамъ даже скучно становится: „что это наши спускають имъ? чего это затихли — словно въ ротъ воды набрали...“ А громыхнетъ орудіе: „гдѣ это ахнуло...“ — „Наше“... „Ну, слава Богу, теперь все повеселѣй пойдетъ... Завели разговоры пушчѣнки!..“ Зато отъ этого „разговора“ тошнехонько приходится Райской долинь. Она сейчасъ-же за Подтягинской батареей начиналась на скатѣ небольшой горы. Чудное имя дано очень пакостному мѣсту... Со всѣхъ сторонъ гремятъ эту долину и неизбежную дорогу по ней турецкія орудія — и вдоль, и съ фланговъ. Вокругъ турецкихъ батарей нарыты траншеи; еще ближе въ ложементамъ ихъ аванпосты. И изъ траншей, и изъ ложементовъ турки гремятъ Райскую долину ружейными выстрѣлами. Часто по одному пѣшеходу даютъ залпы.

Тутъ, братъ, какой морозъ ни на есть — жарко станетъ! — говорятъ солдаты.

— Это точно!... Кто въ Райской долинь не бывалъ — Бога не знавалъ...

— Кто по-этой долинь ни ходилъ — Спасу не маливался!...

— Самое, что ни на есть, подлое мѣсто.

Гранаты пускались вдоль райской дороги — онѣ сметали

все, что находили на своемъ пути!... Днемъ Радецкій приказалъ прекратить движеніе по этому перевалу, но турокъ и ночью не угомонивался. Засвѣтло они брали прицѣль — и ночью громили дорогу, такъ что и въ самую глухую темень, когда сосѣдъ сосѣда только локтемъ чувствуетъ, а глазомъ не видитъ, на этой дорогѣ было скверно до тошноты! Били людей, лошадей... Въ щепки обращали телѣги, загромаждая путь, который утромъ приходилось очищать съ большими потерями. Ординарцы проклинали это мѣсто; доѣзжая до начала райской дороги, они крестились, давали коню нагайку, наклонялись къ луку и вихремъ проскакивали вплоть до слѣдующей высоты. Много несчастій и сиротства оставила эта подлая долина... Когда я первый разъ былъ на ней, вмѣстѣ съ генераломъ Мольскимъ, я невольно подивился.

— Кто окрестилъ эту мерзость — Райской долиной?

— Я! — засмѣялся генераль.

— Ради чего это?

— Да какъ-же не райская, помилуйте! Хотите въ рай понасть — прокатитесь и прямо въ горнія!

Турки потомъ не удовольствовались, что путь этотъ былъ непроходимъ: они для Райской долины поставили еще специальную батарею. Тогда ужъ совсѣмъ тутъ стало несносно... Начальство пріѣзжало сюда и, разумѣется, со свитой, оставляло ее до сумерекъ за Брянскою долиною. Первое время въ Райской долинѣ пробовали жить и поставили даже, на зло туркамъ, землянки, но турки къ этимъ землянкамъ скоро пристрѣлялись и стали скверныя шутки выкидывать съ нашими солдатиками... Задремлютъ утомленные, набившись сюда „соснуть всласть“. Вдругъ ночью падаетъ граната, сводъ рушится, и несчастныхъ заваливаетъ землею, давитъ балками, рветъ въ куски чугунными осколками... Туркамъ, разумѣется, было тоже не сладко... Ихъ громили съ нашихъ позицій, при чемъ нѣкоторые старались непременно кончить послѣдними...

— Ахъ, какіе невѣжи, перестали отвѣчать! — съ отчаяніемъ восклицали батарейные, когда послѣ обычнаго нашего салюта на позиціяхъ у турокъ продолжала царить ненадлежащая тишина.

— А ну-ка еще ихъ, подлецовъ!.. Трахни-ко!..

Слѣдовали новые выстрѣлы... Турки по-прежнему безмолвствовали.

— Не растормошишь! Развѣ въ послѣдній разъ попробовать?

Опять залпъ... Мертвый покой на сосѣднихъ горахъ... Только бѣлыя облачка снѣга взрываются тамъ, гдѣ падаютъ наши гранаты.

— Не хотятъ сегодня. Чортъ съ ними!.. Не понимаютъ хорошаго обращенія вовсе!

Случалось, что турки со всѣхъ позицій громили насъ залпомъ по общему сигналу съ ихъ центральной батареи, на которой помѣщался Леманъ-паша. Артиллерійскій залпъ болѣе чѣмъ изъ ста орудій производилъ сильное впечатлѣніе... Массы гранатъ прорѣзывали застоявшійся воздухъ. Казалось, что сотни чудовищъ летятъ съ небесъ съ громомъ, свистомъ и стономъ на наши позиціи. Горные утесы вздрагивали на своихъ гранитныхъ стержняхъ, обваливались землянки, залежавшія снѣгъ громадными массами осыпался съ откосовъ... Злобно впивались чудовища въ многострадальную землю Шипкинской позиціи, рвали ее въ клочки, словно хотѣли дорыться до самаго центра горъ. Громовой ударъ этого залпа раскатывался на нѣсколько десятковъ верстъ, подхватываемый другими батареями. И когда послѣ этого стихійнаго, полного бѣшенства и ненависти удара на позиціяхъ воцарялось мертвое молчаніе, казалось, что кипѣвшая здѣсь жизнь замерла совсѣмъ, замерла безъ отрыва. Что всякое дыханіе прекратилось, что подъ разрушенными снѣговыми массами схоронено все живое... Чудилось, изъ подъ обваловъ потекутъ рѣвья крови, обогрѣя бѣлые скаты горъ... Но вотъ съ одной изъ нашихъ батарей взры-

вался отвѣтный залпъ. Слѣдующіе повторяли его, и на валы траншей, на брустверы, изъ землянокъ, на гребни горъ выбѣгали тысячи живыхъ и здоровыхъ солдатъ — повидать, что надѣлалъ нашъ залпъ у турокъ. Оказывалось, что сотни орудій унесли много-много десятъ—пятнадцать жизней!.. Сильное впечатлѣніе оканчивалось смѣхомъ—и только... Нѣсколько новыхъ могилъ прибавлялось на высотахъ Шишки, и свѣжіе деревянные кресты безмолвно говорили душѣ о бойцахъ, которые легли въ чужую землю, среди чужихъ вершинъ, за чужое дѣло...

„Больше сея любви никто-же имать, да кто душу свою положить за други своя!..“

Въ тысячный разъ повѣтствовалъ о семъ шишкинскій священникъ, опуская новыхъ мучениковъ въ мерзлую могилу, и солдаты крестились, не понимая, о какой это любви дѣло идетъ и какіе это „други“, за которыхъ они кладутъ свои неповинныя головы... „Большое историческое дѣло“ творилось въ ихъ сознаніи.

Оставивъ Райскую долину позади, — отдыхали. Тутъ ужъ сравнительно было безопасно, но, все-таки—сравнительно. Подъ защитой высокаго вала устроились подольцы, понастроившіе себѣ землянокъ за траверсами...

— У минцевъ лучше! — говорили они.

— Почему лучше?

— Да минцы въ землю врылись, а мы надъ землей построились. Минцамъ-то и теплѣе... Ихъ земля грѣетъ.

— Ну, вотъ!

— Извѣстно, — наивно пояснили солдаты: — гора дышетъ, въ нутрѣ-то и теплѣе. Опять-же граната — то и дѣло по нашимъ землянкамъ бьетъ... Не схоронись. А коли-бы въ землю — куда способнѣе... У насъ что ни день, то десяти человѣкъ нѣтъ, а у минцевъ всѣ цѣлы. Допрежь у минцевъ по сорока человѣкъ въ день выбывало!

— Что-жъ вы не вроегесь, чудаки?

— Когда теперь? Не до того... Другаго дѣла полный

ротъ, да и земля скрѣпла. Не вырешь: что въ камень, что въ землю! Все одно хоть порохоми рви ее!..

Вотъ какъ записана была въ мою записную книжку картина дальнѣйшихъ позицій.

Землянки подольскаго полка похожи были на кровли. Поставятъ бревна угломъ, плоскость къ плоскости, обложить дерномъ или покроютъ сѣгомъ, — и вся недолга. По другую сторону шоссе у позицій подольскаго полка находилась двухъ-орудійная батарея, которую прозвали скороспѣлкой; она дѣйствовала противъ одной изъ турецкихъ батарей на Лѣсной горѣ и новой горной ихъ батарее.

— За что ее скороспѣлкой окрестили — спрашиваю.

— Да ее Рѣзвый началъ ночью строить, а утромъ она ужъ турокъ долбанула.

— Здорово она ихъ тогда конула!.. Диву дались турки-то; на первыхъ порахъ на корачкахъ поползли.

На слѣдующей горѣ стояла батарея № 7, называемая Драгомировской, потому что 12-го августа здѣсь ранили этого генерала. Между нею и скороспѣлкой за валомъ въ лоцинѣ — землянка начальника позиціи Петрушевскаго. Здѣсь онъ жилъ съ своимъ бригаднымъ командиромъ Бискупскимъ. Два генерала помѣстились довольно просторно, за то въ водяномъ царствѣ... Туманъ тутъ лежалъ вѣчный. Сырость сквозь кровлю просачивалась постоянно въ землянку. На лица, на бумагу, на тарелки, на полъ капало постоянно. Сидѣли мокрые на мокромъ, ложились въ мокрую постель, покрывались мокрымъ одеяломъ, писали на мокрой бумагѣ. Тутъ, когда еще не зарывались въ землю — въ валу каменстаго гребня была пещера, гдѣ жили Радецкій, Дмитровскій и Петрушевскій. Здѣсь даже писарей било пулями, когда они занимались невиннѣйшимъ канцелярскимъ дѣломъ. Въ солдатскихъ землянкахъ было еще хуже. Люди просыпались въ водѣ. За ночь натекало, и землянка заливалась до половины. Хорошо, гдѣ были койки — большинству приходилось сидѣть чуть не по горло въ водѣ.

Въ сильныя морозы стужа пронимала до костей. Случалось, что отъ постоянного водополя кровли рушились и давили спящихъ. Самая постройка землянокъ была очень трудная. За лѣсомъ ходили въ окрестныя горы подъ огнемъ. Когда случался туманъ, партіи солдатъ блуждали долго, натывались на турецкія позиціи, гибли. Такъ шло всю зиму!.. И такъ шло только въ 14-й дивизіи; у 24-й не было ничего подобнаго. Кухни у первыхъ выводились подъ выстрѣлами и старательно блиндировались. Прежде пищу привозили холодной по ночамъ, что невыгодно отражалось на здоровьи солдатъ... Теперь по ночамъ гнали только быковъ.

— У насъ, братья, какъ! торжествовали солдаты: — говядина-то по ночамъ на ногахъ идетъ, а крупу солдаты несутъ...

Не доходя до Драгомировской батареи у шоссе стояли саперы, подалѣе житомирцы, а направо отъ нихъ — мортирная батарея № 2. Драгомировскую на первыхъ порахъ солдаты прозвали Мароуткой.

— Орудія-то на ней махонькія, пыжится она, пыжится, — а попасть не можетъ... Настоящая Мароутка...

Потомъ поставили дальнобойныя пушки, но солдаты по старой памяти продолжали величать ее Мароуткой.

— Да она нынче въ какъ работаетъ.

— Что-же, Мароутка у насъ дѣвка крѣпкая, ражая дѣвка... Почто ей не робить... Пуцай ее робить... Она страсть что турку напакостила...

Сѣвернѣе мортирной батареи расположился минскій полкъ; онъ весь глубоко зарылся въ землю и окружилъ себя цѣлымъ фронтомъ оборонительныхъ приспособленій. Направо и налево заложилъ фугасы; батареи круглая и штурмовая защищали его съ востока, большая центральная съ сѣвера. Тутъ былъ нашъ слабѣйшій пунктъ... Направо — Волынская гора, которую должна была занять 24-я дивизія. Тутъ тоже было нѣсколько батарей. Волынскимъ позиціямъ будетъ отведено особое мѣсто

въ слѣдующихъ главахъ... Тутъ были свои особенности. Тутъ отрядъ переживалъ самыя тяжелыя минуты.

Всѣ наши шипчинскія позиціи въ общемъ составляли шесть или семь верстъ. Это длинная линія траншей, батарей и землянокъ. Идешь по ней — вершины наши кажутся громадными, а все окружающее — малымъ и ничтожнымъ. Такъ грузны массы нашихъ горъ, такъ смѣлы ихъ очертанія. И только когда турки сдались и я побывалъ у нихъ, то вышло, что всѣ русскія позиціи, влючая св. Николай — гораздо ниже чѣмъ пункты, занятыя непріателемъ. Оттуда, съ вершинъ Лысой, Девятиглазой, Соска, Пуза, видно на какихъ ничтожныхъ въ сущности позиціяхъ мы держались, причемъ все что дѣлалось у насъ, туркамъ было отлично видно!.. Турецкія позиціи окружали насъ подковой. Только сообщеніе съ Габровымъ было свободно. Будь непріатель предприимчивѣе, онъ могъ-бы соединить концы подковы, могъ-бы отрѣзать насъ отъ Габрова... Одно только спасало насъ — Радецкій и удивительная по своимъ боевымъ качествамъ четырнадцатая дивизія!..

ГЛАВА VIII.

Т р и г е н е р а л а .

 ечего сказать — хорошь!.. Въ такую погоду двинуль полкъ... И самого чортъ знаетъ куда унесло!..

И худощавый, весь посинѣвшій отъ стужи генераль рас- кашлялся, отходя отъ ординарца.

— Много у нихъ потерь?

— Ничего пока неизвѣстно... Еще собрать не успѣли, едва-ли раньше завтрашняго дня опредѣлять. Пропасть от- стальныхъ.

— Еще-бы не пропасть! Разумѣется, пропасть... Ахъ эти паркетные!.. Зла-то, зла отъ нихъ сколько... Нѣтъ, вѣдь это чортъ знаетъ, что такое! Дивизія безъ боя пропадетъ вся!.. Вы видѣли... каковы солдаты?

— Изморены! Совсѣмъ вымучены. Вѣтромъ сдуетъ...

— Вотъ, вотъ! Чего-же и ожидать было?.. Посланы телеграммы остановить другіе полки?

— Какже-съ.

— Нужно Федору Федоровичу доложить... Со всѣхъ сто- ронь... А тутъ еще кашель душить.

— Еще-бы не душить! — вмѣшался другой генераль съ

длинными усами, здоровый, сильный, совсѣмъ фельдфебель съ виду, бравый образцовый фельдфебель, на котораго обыкновенно зарятся посторонніе ротные командиры.

— Какъ, отчего-бы?

— Да вѣдь вы въ этихъ горныхъ туманахъ, да на морозѣ съ августа?

— Съ августа, точно.

— И безвыходно?

— Безвыходно!

— Ну, такъ на что-же вы жалуетесь?—подумайте сами.

— Да вы на себя взгляните; вѣдь вы тоже съ августа.

— Я—дѣлю другое... Я старый солдатъ... Меня еще и не такіе морозы ковали... Я привыкъ. Я еще Севастопольскую кампанію юнкеромъ дѣлалъ.

— Да вѣдь и я не новичекъ. Въ Туркестанѣ маялся, на Кавказѣ...

И Витровскій опять раскашлялся. Страшно было смотрѣть на него... Худой-худой, краше владуть въ гробъ. Чуть не послѣ каждаго слова его давилъ кашель... Здоровье было расшатано то тла...

— Доктора что вамъ говорятъ?

— А что! Гонять отсюда... Говорять, что я на Шипкѣ подохну.

— Ну, и уходите.

— Благодарю. Что я нѣмецъ развѣ. Это нѣмцамъ прости-тельно, а никакъ не мнѣ... Я солдатъ тоже, какъ и вы. Вы вѣдь, какъ васъ контузило, въ Габрово не уѣхали на отдыхъ.

— Съ чего-же я уѣду?

— Ну, то-то... Мы здѣсь часовые... Хорошъ-бы примѣръ былъ солдатамъ!.. Они-то развѣ здоровѣе насъ? Вы на нихъ посмотрите—на что они похожи. Тѣни, совсѣмъ тѣни... Коли генералы станутъ разбѣгаться и имъ здѣсь не сладко покажется.

— Смѣхъ съ ними. Зарылся я еще глубже. Сидятъ въ землянкѣ чуть не на плечахъ другъ у друга и разсуждаютъ:

„Экое мѣсто, братцы! Ни лечь, ни стать!.. Совсѣмъ жить невозможно!.. Невозможно, отзываются со всѣхъ сторонъ... Какъ есть невозможно!.. Это точно... Вѣрно твое слово... Ни лечь, ни стать... И куревомъ пахнетъ... А одинъ въ углу совсѣмъ сторбился. Его къ стѣнѣ мокрой прижали... Ему неудобнѣе всѣхъ и дымъ ему глаза ѣсть... Слушалъ онъ, слушалъ... „Точно что, братцы, жить нельзя, а находиться можно!..“ Это онъ то—онъ то отозвался. Такъ всѣ на томъ и помирились!..

И генераль Вольскій расхохотался.

— А что, водка-то у васъ будетъ? дѣловымъ тономъ обратился онъ къ Витровскому.

— Будеть...

— Надѣюсь, съ закуской.

— Цѣлый ужинъ. Щи, тамъ, что-ли. Котлеты нашъ Ефремъ рубить.

— Ну, и чудесно!.. Отличное дѣло!.. А еще говорятъ, что намъ скверно, помилуйте — котлеты есть. Чего-же лучше!.. Что Федоръ Федоровичъ?..

— А за газетами сидитъ, злится!..

— Вона, на газеты.

— Нѣтъ... Тутъ англичанинъ-корреспондентъ наши позиціи описываетъ... Никогда не бывалъ у насъ, а описываетъ.

— Ну?

— Такъ генераль руками только разводитъ, да плюетъ въ сторону... На семь верстъ, говоритъ, наврано. Нигдѣ живаго мѣста не оставилъ—вездѣ набрехалъ!..

— Викторъ Ивановичъ! — Послышалось изъ другой конурки.— Съ кѣмъ вы тамъ?

— Да Вольскій пріѣхалъ.

— Ну, и чудесно. Значить, въ картишки засядемъ. Ночь-то кое-какъ и уьемъ!

— У меня въ землянкѣ лучше, чѣмъ у васъ! — пожалъ ему руку Вольскій.

— Это почему?

— Хоть тѣснѣе, за то сухо! А у васъ вѣдь безобразіе...

И въ самомъ дѣлѣ, капало съ кровли, лилось со стѣнъ, на полу стояли черныя лужи... При каждомъ шагѣ брызги летѣли во всѣ стороны... Столы, стулья и табуреты стояли мокрые; на ландкартахъ—желтыя пятна высохшей и темныя еще оставшейся воды. Книга мокрая была брошена на мокрую постель; совсѣмъ сырая газета была похожа на вымоченную въ водѣ грязную тряпку... Мокрыя подушки, мокрая одѣяла... Рука, которую Ѳедоръ Ѳедоровичъ подаль Вольскому, была тоже мокра.

— Нѣтъ, какъ хотите, у меня лучше! Я съ Насвѣтевичемъ вмѣстѣ, мы устроились въ сухѣ...

— Я думаю, придется послать дать знать, въ какомъ видѣ полкъ къ намъ пришелъ! — волновался Витровский, входя въ мокрую конуру и кашляя.

— Куда послать?

— Да въ главный штабъ.

— Ну, а тамъ мѣры примутъ?—и улыбка скользнула по симпатичному лицу Ѳедора Ѳедоровича, улыбка, словно прятанная подъ его сѣдыми усами.

— Мѣры-то, положимъ...

— Подъ сукно бросать—и вся недолга. Нѣтъ ужъ лучше этой переписки не заводить... Все равно не поможешь. Если бы толь былъ — другое дѣло.

— Все-таки.

— Нѣтъ, ужъ оставьте... Они привыкли къ нашему: „все спокойно на Шипѣ“... Ничему вѣдь не повѣрятъ. Вы, вѣроятно, еще не забыли свою поѣзду въ Горный Студень.

Витровский сразу озлился, чуть не задохся отъ кашля.

— Умирать буду—не забыть! Помилуйте... Мы мерзнемъ, сапогъ нѣтъ, полушубковъ нѣтъ... Поѣхалъ къ нимъ, умоляю дать на отрядъ, что слѣдуетъ. А они мнѣ въ лицо смѣются... Вы, вѣдь, орлы, говорятъ, а орлы и безъ сапогъ могутъ обойтись!.. Каково это?.. Спасибо полковнику Соболеву.

— А что? Я про него не слышала,—спросилъ Вольскій.

— Да онъ убѣдилъ Черкаскаго, и тотъ у себя по гражданскому отдѣлу сдѣлалъ кое-какія распоряженія—дали намъ сапогъ и полушубковъ. Если-бы не Соболевъ, чортъ его знаетъ, какъ-бы наши солдаты выдержали эту зиму.

— Да ужъ и теперь не поймешь, какъ они ее выдерживаютъ.

— А вотъ какъ и я! Чахотку наживемъ. А вы посмотрѣли-бы въ Горномъ Студнѣ что! сунулся я къ Артуру Адамычу. Ну, тотъ важными стратегическими соображеніями занятъ, ему до насъ дѣла нѣтъ. Къ Левицеому. Левицкій честный человѣкъ—ни въ чемъ дурномъ упрекнуть его не могу—но онъ подначальный!.. Только озлился я еще больше. Каждый разъ какъ ночевать къ Соболеву приходилъ—ругательски ругался. Главное зайдетъ рѣчь о нашемъ отрядѣ—самыя восторженные фразы... А на счетъ помощи—отваливаютъ.

— Слѣдовательно нечего на нихъ рассчитывать... Своими средствами должны мы обходиться.

— Да средствъ нѣтъ...

— Нужно духъ поднять!.. А это легко... Живите одною жизнью съ солдатомъ...

— Въ этомъ вы, ваше превосходительство, всѣмъ примѣръ.

— Ну, что-жъ я?.. сконфузился Ѳедоръ Ѳедоровичъ, который не выносилъ похвалъ и любезностей.—Что-жъ я?.. Я тутъ послѣднее дѣло.

— А какъ ***ому полку пришлось скверно... Растрѣливали его турки. Боялись за полкъ, какъ-бы не оставилъ позицій. Вы же, Ѳедоръ Ѳедоровичъ вошли въ кучку солдатъ: пустите-ка, братцы, меня къ вамъ. Дѣваться мнѣ некуда, примите въ свою компанію! И сѣли подъ огнемъ. Ни одинъ солдатъ не оставилъ позицій. Всѣ точно очнулись и выросли. Или тогда, помните 13-е августа...

— Сядемте-ка лучше въ карты... заторопился Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— А это дѣйствительно интересно, — вступился Вольскій.

— Нѣтъ, что тамъ! Всѣ дѣлаютъ свое дѣло честно и только... Чего-же тутъ... Не для картины вѣдь позируемъ!.. А солдаты и безъ насъ отлично понимаютъ.

Добродушная улыбка опять скользнула по губамъ и точно спряталась въ усы...

— Вы тутъ, Викторъ Ивановичъ, распорядитесь, а я прой-дусь.

Федоръ Федоровичъ вышелъ... Цѣлыя тучи снѣгу несло къ нему на встрѣчу, слѣпило глаза... Темная ночь уже окутала окрестности. Видна была обледенѣлая площадка и мгла, густившаяся за лощинами.

— А чортъ тебя разорви!—слышалось гдѣ-то въ сторонѣ.

— Не дойти!

— Гдѣ тутъ дойти! Земля изъ подъ ногъ бѣжитъ!..

— Чтобъ ей!.. Ну, чего ты тутъ сталъ?

Кто-то наткнулся на Федора Федоровича.

— Чего ты?.. Виноватъ, ваше превосходительство!.. Не примѣтилъ! — струсилъ солдатъ.

— Ну, что, голубчикъ? плохо? а?..

— Совсѣмъ плохо, ваше пр—ство!

— А я думалъ, что еще сносно. Ты это куда?

— Въ полкъ... Командиръ послалъ на перевязочный пунктъ.

— Зачѣмъ?

— Схолодавши... За коньякомъ.

— Ну, пойдемъ-ка вмѣстѣ... Мнѣ кажется, еще идти-то можно, а?

И генералъ пошелъ по обледенѣлому скату. Земля дѣйствительно бѣжала изъ подъ ногъ; снѣгъ со всѣхъ сторонъ валилъ, словно занавѣсью закрывалъ ближайшіе предметы. Что-то безпріютное, суровое, зловѣщее сказывалось здѣсь во всемъ...

— Да, братъ, плохо идти... Дѣйствительно!

— Точно такъ-съ, ваше—ство!

— Только такіе молодцы, какъ вы, ребята, можете здѣсь держаться.

— Ради стараться, —вашество!

— И на зло всему, удержимся, а?.. Какъ ты думаешь, удержимся?

— Коли прикажите — удержимся!..

— А если сами?.. Безъ приказанья?.. А?.. солдатъ подумаль.

— Трудно!.. А только и сами удёржимся.

— Ну, вотъ, молодець!.. А, теперь ступай одинь!.. Это чьи землянки?

Солдатъ сказалъ. Скоро онъ совсѣмъ пропаль въ мглѣ и снѣгѣ... Никого кругомъ. Только въ пяти шагахъ точно красное пятно какое-то вспыхиваетъ...

Радецкій подошелъ — изъ устья землянки выносились наружу говоръ и голоса... Видимо, куча солдатъ сбилась тамъ у огня... Генераль вошелъ къ нимъ, едва не споткнувшись у входа.

— Сиди — сиди, ребята!.. Сидите!.. Я къ вамъ погрѣться... Примите-ка къ себѣ. Дайте мѣстечко у огонька.

Солдаты раздвинулись. Радецкій заглядѣлся на пламя... Котелокъ въ немъ точно всхлипываль; вода булькала, приподымая крышку, и выливалась въ огонь.

— Что это вы, себѣ супъ варите?

— Точно такъ...

— И сухари есть?..

— Есть... Только...

— Что только?

Солдаты переглянулись.

— Червивые... нерѣшительно сказалъ одинь.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Ну, что-жь, братцы!.. Нечего дѣлать. Такое у насъ положеніе особое — Шипкинское.

— Это точно.

— Покажите-ка, какіе они у васъ?

Солдатъ подаль мокрый сухарь. Кое-гдѣ прозеленѣло... Въ скважинахъ дѣйствительно завелась нечисть.

— Свѣрный хлѣбъ, точно... А ѣсть его надо... и Радецкій спокойно откусилъ и началъ жевать.

— Ничего не подѣлаешь,—загомонили солдаты.

— Не вкусно, а ѣсть можно! и Радецкій отдалъ сухарь солдату.

— Точно такъ—можно!—послышалось кругомъ.

— Тепло здѣсь, а?

— Здѣсь, ваше—ство, чудесно!

— Ну, прощайте, ребята!

Опять тьма окутала со всѣхъ сторонъ генерала... Онъ не боялся сбиться. Тутъ каждая пядень земли была ему знакома. „Вотъ только окармливаютъ солдатъ—а что подѣлаешь? Кому жаловаться на товарищество—все равно никакого хода жалобамъ не даютъ... Терпи!“

Вообще молчаливый, онъ только съ солдатами, случалось, разговаривался по душѣ.

— Ну, что готово?—спросилъ онъ, войдя къ себѣ.

— Да все какъ слѣдуетъ... Въ преферансъ, что-ли?

— Какъ хотите... Я во все играю...

Вьюга опять расшумѣлась кругомъ... Слышался протяжный вой вѣтра, точно оплакивавшего кого-то внизу, въ лощинахъ. Сюда наверхъ онъ не рѣшался подняться, словно боясь этой тяжелой ночи, этихъ тяжелыхъ все ниже и ниже опускавшихся тучъ...

— Фу, какъ онъ сегодня развылся! — нервно заговорилъ Витровский.

— Кто? — поднялъ глаза отъ картъ Федоръ Федоровичъ.

— Да вѣтеръ...

— Ну, вотъ... Было, кажется, время къ нему привыкнуть... Все время при немъ состояли... Ходите, вашъ ходъ... Не задерживайте игру...

— Да, хорошо вамъ!—ворчалъ Витровский, сбрасывая карту.

— Всѣмъ, голубчикъ, одинаково хорошо!.. Коли-бы мы съ вами ради крестовъ сюда залѣзли — ну такъ. А вѣдь сами знаете, кровное дѣло дѣлаемъ... Что это съ семерки — крупнѣе не нашлось?..

— Время покажетъ... какъ говорилъ попъ!

— Какой попъ?

— А это анекдотъ такой есть... и Вольскій задумчиво сталъ разбирать карты...

— Такъ... Ну, а мы семерку — королемъ!.. Вотъ и конецъ... Тасуйте-ка снова!..

Какой-то шумъ на одно мгновение выдѣлился въ воѣ вѣтра и шорохѣ снѣга. Что-то взвизгнуло надъ кровлей, со всей силы вбилося въ нее, ахнуло и осколки полетѣли впередъ съ печальнымъ металлическимъ стономъ. Земля осыпалась сверху.

Витровскій и Вольскій вскочили.

— Сдавайте-же! — нетерпѣливо обернулся къ нимъ Радецкій. — Вѣдь этакъ мы до ужина не кончимъ.

— Ишь, подлецы, какъ наловчились...

— Да, смотрите, побольше тузовъ...

— Прямо въ крышу.

— Невидадь!.. Или не притерпѣлись... Пора-бы, кажется!..

И игра пошла своимъ порядкомъ.

ГЛАВА IX.

П р о б у ж д е н і е.

Вло часа четыре утра, когда Соймоновъ, наконецъ, всталъ. Снѣгъ пересталъ. Кругомъ мертвая тишина пустыни.

Силъ не было оставаться на мокрой землѣ. Стужа прохватывала насквозь; кости болѣли ревматически... ныли... Трудно было сдѣлать нѣсколько шаговъ. Сумракъ еще лежалъ кругомъ. Только бѣлыя вершины окрестныхъ горъ выдѣлялись изъ мглы холодной ночи, безжизненные и суровыя. Соймоновъ долго всматривался въ нихъ: не блеснетъ-ли огонекъ оттуда, не послышится-ли какого нибудь звука... Внимательный взглядъ его слѣдилъ за изгибами гребней, старался проникнуть въ ущелья, гдѣ еще гуще клубился сумракъ, пробѣгалъ по горнымъ скатамъ, но кругомъ все было пустынно и тихо, все какъ-будто говорило о полномъ отсутствіи движенія... Точно мертвая, оледенѣвшая планета ложилось кругомъ — это балканское царство... Мысль невольно переносилась въ будущее, когда смерть будетъ царить невозбранно повсюду, когда никакое дыханіе не нарушить на землѣ молчаливаго и безповоротнаго торжества этой смерти... Когда только

льды будутъ расти и въ глубь, и въ высь, когда даже вѣчные странники неба — тучи, разъ упавъ на промерзлую землю послѣдними снѣжинками, уже не воскреснутъ, уже не помчатся вдаль подъ теплымъ вѣянiемъ весенняго вѣтра...

Глубоко потрясенный, всматривался Соймоновъ во все его окружающее.

Вонъ коническая вершина... Громадная — словно зарвалась въ недосыгаемую глубь неба, испугалась да и помертвѣла навсегда... Тамъ, сказываютъ, у турокъ большой редуть, траншеи... Теперь ничего не видать. Также безжизненно все, какъ и внизу... снѣгъ, ледъ, скалы... Можетъ-ли жизнь ютиться на такой почвѣ?.. Не вѣрилось въ ея присутствiе тамъ... Совсѣмъ не вѣрилось!..

А кругомъ-то!..

Измученные лежатъ еще солдаты... Снѣгъ только увеличилъ количество грязи... Спать въ ней усталые... Спать цѣлыми горами, потѣснѣ привалились одинъ къ другому... Промокли насквозь шинели, а подъ утро — морозить: одеревенѣютъ и станутъ коробиться на простуженномъ тѣлѣ... Ноги опухнуть... Какъ-то встанутъ эти несчастные, какъ они пойдутъ еще далѣе, на свои боевыя позиціи?.. Вонъ Асановъ, его прiятель... И ротъ раскрылъ настежь. Спать во всю... Прямо со школьной скамьи сюда попалъ. Воображалъ, что сейчасъ засвистятъ пули, понадобится энтузіазмъ, храбрость... А вмѣсто того, метели горныя, сырость, стужа... Не энтузіазмъ нуженъ — а здоровье. Воловья мускулы, воловья шкура... Кто выдержитъ!...

Тишина кругомъ нерушимая.

Отойти нѣсколько въ сторону и не повѣрилъ-бы, что нѣсколько тысячъ человѣкъ залегли тутъ и спать на склонѣ этой горы. Совсѣмъ-бы не повѣрилъ. Ничего похожего... Вотъ гдѣ-то снѣгъ захрустѣлъ... Должно быть, глыба сорвалась сверху, шурша, повалилась внизъ. И опять молчанiе мертвое... Даже жуто здѣсь. Молчатъ люди, молчатъ точно на смерть

пораженная природа... Только у Соймонова болѣзненно бьется сердце... Невыразимо жаль ему этихъ людей... За что гибнуть? Кому нужна эта жертва великая?.. Кому?

Чу!.. Гдѣ-то зашевелилось...

— Степанъ!.. Степанъ! — слышится вдаль.

Огонекъ блеснулъ тамъ и замеръ... Опять блеснулъ. Да это, должно быть, у домика, гдѣ перевязочный пунктъ.

— Степанъ! — разносится кругомъ. — Куда тебя чортъ унесъ?.. Давай мыться!

Соймоновъ пошелъ на голосъ... Идти было, къ счастью, недалеко... Домикъ близко. Въ дверяхъ показывается какой-то докторъ.

— Куда ты пропадаешь! — съ просонья не разобралъ: принялъ Соймонова за своего Степана. — Ахъ! Виновать... Вы какъ сюда попали, коллега?

И докторъ протянулъ руку Соймонову.

— Врачъ *** полка, Соймоновъ.

— Ужъ коли на рекомендаціи пошло, такъ позвольте: Шишкинскій пустынно-житель Милановъ! Шестъ мѣсяцевъ здѣсь въ схимѣ, въ великомъ постриженіи... До того мнѣ эта Шипка опостылѣла!.. Ревматизмы благопріобрѣлъ, а вѣдь за нихъ-то пенсіи не даютъ... Это васъ вчера нанесло сюда?

— Да.

— Не поздравляю... Особенно вамъ не завидую.

— А что?

— Вотъ посмотрите, сколько у васъ будетъ сегодня перемороженныхъ... Возни-то, возни предстоитъ вамъ! Куда это чортъ унесъ Степана?.. Степанъ! а Степанъ!..

— Рано вы, однако, поднимаетесь!

— Да... Скоро начнется перевязка... Какъ вы на счетъ чаю полагаете? А, на счетъ китайскаго братьевъ Корещенко?

— Чудесно-бы...

— И я такъ думаю. Ну, а коньякъ не отрицаете?

— Еще-бы! Здѣсь мертваго Лазаря коньякомъ воскресить можно...

— Ну, и ромъ, знаете, тоже дѣйствуетъ недурно. Ежели въ надлежащемъ количествѣ... Зайдите-ка ко мнѣ въ келію направо... Тамъ на окнѣ найдете цѣлую аптеку... Если обжечь себя требуется, такъ возьмите длинную бутылку — бѣлаго стекла. Тамъ цѣльный спиртъ, какъ есть!.. А чай мы будемъ пить здѣсь, на воздухѣ. Потому у меня если двумъ войти, такъ ужъ самовару мѣста не будетъ.

Соймоновъ забрался въ „келію“, обжегъ себя спиртомъ и не могъ противиться внезапно охватившей его дремотѣ. Упалъ на поставленную внизу, вмѣсто кровати, носилки для раненаго да и заснулъ столь крѣпко, что врачъ — хотя кой-какъ и вымыться успѣлъ и чаю ему согрѣлъ, а добудиться Соймонова такъ ужъ и не могъ.

— Какъ ды думаешь, Степанъ, можно его разбудить? А? Звѣрообразный госпитальный служитель уставился на Соймонова.

— Трудно... Изморившись... А можно, все-таки.

— Какъ?

— Нюхальнымъ табакомъ... Сейчасъ расчихается... Либо водой прыснуть... Прикажете?..

— Нѣтъ, ты ужъ оставь его въ покоѣ. Пускай себѣ блаженствуетъ.

— Чю жъ мы и оставить можемъ... Пущай его... А только нюхальнымъ табакомъ чудесно...

— Проснется — напои его чаемъ. Слышишь. Чтобы самоваръ былъ ему, коньякъ... Закусить что-нибудь. А я пойду къ больнымъ... Слышишь?

— Слышу... Помилуйте! Я тутъ во и сяду...

— Не буди... Дай ему отдохнуть.

И докторъ ушелъ, оставивъ Соймонова у себя.

Давно-бы пора быть свѣту, но ни темныя небеса, ни тускло выдѣлявшіяся изъ мрака вершины горъ, ни мгла, клубившаяся внизу, ничего не говорило о близости утра... Ночи, казалось, не было конца...

Уже въ землянкахъ кое-гдѣ замелькали огоньки. Видимое дѣло, затопили тамъ печурки... Народъ сталъ просыпаться. Только спавшій въ повалку полкъ еще не подымался. Если-бы кто-нибудь вошелъ сюда на эту горную поляну, ему почудилось-бы, что за ночь сюда снесли цѣлыя тысячи мертвыхъ и они лежатъ теперь неподвижные и безмолвные въ ожиданіи погребенія... Лежатъ въ послѣдній разъ обвѣиваемые горнымъ воздухомъ, въ послѣдній разъ открывая свои лица этому темному небу, этимъ сѣрымъ все болѣе и болѣе наползающимъ на него тучамъ...

Изъ одной землянки вышелъ офицеръ. Сталъ всматриваться вдаль.

— Мельницкій!

— Что? — слышалось изнутри.

— Турки-то сегодня... какими умницами себя держатъ...

— А что?

— Да спать не мѣшаютъ... Не то что вчера и третьяго дня... Въ четыре часа стрѣльбу открывали.

— Ты еще сглазишь!...

Опасеніе Мельницкаго сейчасъ-же не замедлило оправдаться.

Не успѣлъ онъ еще докончить фразы, какъ на сосѣдней вершинѣ слѣва что-то громыхнуло... Точно огненный глазъ тамъ раскрылся и закрылся сейчасъ-же опять!..

— Такъ и есть — сглазилъ!.. Кто тебя просилъ?..

Граната, свистя и вздрагивая, пронеслась въ холодномъ воздухѣ и упала гдѣ-то далеко, далеко...

— Ну, теперь начнется... Ты знаешь, какъ генераль называлъ это?

— Какъ?

— Турецкой утренней зарей...

— Громыхнуло на другой горѣ рядомъ... Передалось на слѣдующую. Точно гроза, по очереди, переходила со своими громовыми ударами съ вершины на вершину... Будто гора за горой раскрывали свои пламенные очи, взглядывали на

наши позиціи и опять смежали ихъ... Снопы огня издали именно казались такими очами... Нѣкоторые громовые удары сливались по нѣсколько въ одно...

— Это турецкіе барабаны еще... Сейчас мелкую дробь забьютъ.

— Ступай въ землянку!

— Ну вотъ... Что-же мнѣ даровой спектакль пропускать! Не слѣдуетъ...

Теперь все грохотало кругомъ... Тѣмъ не менѣе, наши позиціи еще казались мертвыми. Батареи не отвѣчали. Въ землянкахъ еще не слышалось дневнаго говора. Поле спалъ, по прежнему, въ повалку. Странное впечатлѣніе производила эта канонада среди совершенно мертвой или казавшейся такою пустыни... Медленно проносились въ высотѣ гранаты, словно какія-то чудовищныя желѣзныя птицы,нося въ своихъ твердыхъ клювахъ смерть всему, что осмѣлилось-бы поднять голову и обнаружить жизнь на этой оледенѣлой окраинѣ...

Около ближайшей батареи замелькали огоньки.

— Ну, сейчасъ и наши ихъ съ добрымъ утромъ поздравятъ!

Точно во все горло крикнула металлическая грудь дальнобойнаго орудія... Крикнуло и слѣдующее, да такъ, что лежавшіе въ повалку посреди грязи солдаты повскакали...

— Что это, братцы? — со сна не сообразили они было.

— Что это ребята?...

— Что? аль не узналъ?... Орудію пустили... Ишь... Какъ оно полымемъ-то дышетъ яро!

Шипкинскій день рождался въ грохотѣ батарей, въ огнѣ и дыму пушечныхъ выстрѣловъ. Ранѣе небесной зари, ранѣе огня, озаряющаго востокъ — пороховой огонь озарилъ краснымъ блескомъ бѣлые и темныя гребни зубчатыхъ брустверовъ и траншей... Красный въ первыя мгновенія дымъ темнымъ облакомъ нависъ надъ ними...

Гдѣ-то барабанъ забилъ зорю... Трубы подхватили сигналы. Рѣзкіе звуки ихъ замерли въ холодномъ воздухѣ.

— Прикажете строить полкъ?...

Полевой командиръ сидѣлъ на барабанѣ и на первыхъ порахъ ничего не могъ понять въ суматохѣ, внезапно поднявшейся кругомъ.

— Прикажете строить полкъ?

— А?.. Что?..

— Для переключки?...

— Да, да, пожалуйста, очнулся онъ. — Пожалуйста, распорядитесь...

Взаимные салюты турецкихъ и русскихъ батарей недолго были единственными звуками, нарушавшими молчаніе этой мертвой пустыни. вмѣстѣ съ пѣніемъ рожковъ и мелкою дробью барабановъ скоро присоединилось къ нимъ сухое пощелкиваніе ружейныхъ выстрѣловъ...

— Ишь заплѣла! — замѣтилъ солдатъ, когда пуля высоко въ воздухѣ пронеслась надъ нимъ.

— Точно пчела...

— Она тебѣ покажетъ пчела-то эта... Она ужалить чудесно...

— Ядовитая?..

— Точно что! — кланялся другой на каждый звукъ пролетавшей мимо пули.

— Ну, ребята, наклоняйтесь еще, успѣете! — ходили по рядамъ офицеры...

— Тяжело было стоять на ногахъ послѣ вчерашней усталости. Нѣкоторые такъ и не поднимались. Къ нимъ подходили товарищи...

— Ну, вставай, братъ, вставай!...

Солдатъ пытался приподняться и не могъ.

— Что?

— Ноги не дѣржать... Ахъ, братцы, помогите подняться!...

Его подхватывали подъ руки. Становили. Но только что отпускали, солдатъ, какъ спонецъ, падалъ на землю...

— Что?

— Ноги не дѣржать... Ногъ у меня нѣтъ... Не могу, ребятушки... Смертушка моя, Господи...

— Ну, братъ, Семеновъ, плохо твое дѣло...

— Совсѣмъ... Прощайте!.. Совсѣмъ у меня ногъ не стало!...

И солдатъ безсознательно начиналъ ихъ щупать... Вотъ вѣдь онѣ — тутъ, только малость опухли, а не дѣржать... Шагу ступить нельзя.

— Ты попробуй... Побѣги... Ничего что больно....

— Коли-бы больно, ребятушки, коли-бы больно.... А то словно и нѣтъ ихъ совсѣмъ... Вотъ рукой ихъ щупаю, а она не чувствуетъ, нога-то... Ишь подвертывается...

— Ну, ползи на перевязочный пунктъ!..

И солдатъ ползъ туда...

Къ одному подошли — не подымался тоже....

— Вставай, Спириденко!

Молчитъ солдатикъ. Свернулся калачиемъ. Лицо подвернулъ подъ руку и спитъ себѣ.

— Спириденко! Фитьфебель спрашиваетъ — вставай!

То-же молчаніе.

— Эвъ уснулъ!...

— Еще-ль не уснуть — затомился тоже. Солдатишко ёнъ молодой, хлибкій, кволый солдатишко!

— Ну-ко, подыmemъ его.

Подхватили — подняли....

Голова свѣсилась, руки тоже что плети... Глаза закрыты совсѣмъ... Подняли вѣко — остеклѣвшій глазъ неподвижно смотреть впередъ... Грудь послушали — не дышетъ.

— Господи, спаси! — солдатъ отшатнуло точно.

Трупъ тяжело, комомъ рухнулся на землю. Только ранецъ звякнулъ... Рука подвернулась, да такъ локтемъ назадъ и торчитъ... Лицо прямо въ слякоть попало...

— Ахъ ты, Господи! — крестились кругомъ солдаты.

Кепка свалилась. Волосы копромъ стали. Галстухъ съ

петлями на самый затылокъ всползь... Между нимъ и воротникомъ синее-синее тѣло... Черный шнурокъ крестика...

— Поправь руку-то, руку-то... Больно ему...

— Кому больно?... —

— А и впрямь...

— Ой, голубчики, родимые... Ой, милые... Въ бокъ, въ бокъ... Вдарило... — И стоявшій надъ трупомъ солдатъ, ни съ того, ни съ сего схватился рукою за грудь и кинулся впередъ.

Солдаты еще пуще закланялись пролетающимъ мимо пулямъ...

На востокъ начинало яснѣть.

Полеъ выстраивался.

ГЛАВА X.

Пойманный баши-бузукъ.

о узенькому переулочку, что изъ Габрова ведетъ прямо въ горы, словно насушившіяся и оцетинившіяся надъ самымъ городомъ, угрюмымъ лѣсомъ бѣжитъ густая толпа народа. Шумъ достигаетъ до отдаленныхъ улицъ, и люди оттуда сбѣгаются посмотреть, что случилось. Лица страшно оживлены. Всѣ болтаютъ въ одно и то же время. Мальчишки забѣгаютъ впередъ и выкрикиваютъ новоприходящимъ какую-то удивительную новость. За ними сплошная масса. На покраснѣвшихъ отъ восторга лицахъ, на пестрыхъ фигурахъ, на цѣломъ маревѣ самыхъ разнообразныхъ типовъ — весело играетъ солнце, за одно уже обливая сегодня щедрыми лучами и стѣны домовъ, и бѣлый снѣгъ, кое гдѣ еще сверкающій на кровляхъ... Въ толпѣ смѣхъ порою смѣняется восклицаніями злости и бѣшенства... Со всѣхъ сторонъ сбѣгаются бѣженцы и бѣженки. Узнавъ, въ чемъ дѣло, бѣженки начинаютъ орать тоже во все горло, кому-то показываютъ кулаки...

— Что, что тутъ такое?.. — набѣгаетъ одна изъ такихъ, стоявшая до сихъ поръ спокойно въ воротахъ небольшого домика.

— Сейчасъ вѣшать будутъ! — съ энтузіазмомъ выкрикиваетъ ей мальчикъ.

— Кого, кого вѣшать?

— Башибузука поймали... Башибузука... Настоящій...

— Будь онъ проклятъ! въ одно мгновеніе выходитъ изъ себя бѣженка, въ воспоминаніяхъ которой проходятъ зарѣзанные братья, отецъ и неизвѣстно куда уведенная сестра... Будь онъ проклятъ — подлая кровь!.. Скоро-ли его вѣшать будутъ?

— Сейчасъ, должно быть... Сейчасъ... Сведутъ только — покажутъ капитану. И потомъ повѣсятъ, — а мы смотрѣть будемъ, какъ башибузукъ станетъ въ петлѣ качаться.

— Сію минуту... подтверждалъ другой. — Мы его на площади... Тамъ около башни есть такое мѣсто...

— Очень хорошее мѣсто... Всѣмъ будетъ видно.

— Еще-бы! Отлично увидятъ всѣ.

— А вѣшать будетъ панайоть Иванчо!... Вотъ онъ идетъ — видишь.

— Бѣженка продирается къ панайоту. Панайоть съ полнымъ сознаниемъ своей важности въ данную минуту распустилъ свои пышные черные усы и несетъ въ рукѣ толстую веревку, изъ конца которой заботливо онъ-же сдѣлалъ петлю.

— Ты будешь вѣшать?.. — робко спрашиваетъ его бѣженка.

— Я... самъ! — роняетъ панайоть, не удостоивая ее взглядомъ.

— Этой веревкой?

— Да...

— Пожалуйста, панайоть, покрѣпче... Повѣсь его такъ, чтобы ему больно было.

— Не безпокойся, будетъ доволенъ... Веревка прочная!..

Бѣженка дотронулась до веревки и только тогда вспомнила, что самага-то башибузука она и не видѣла вовсе.

— Гдѣ-же онъ?

— А его наши дружинники ведутъ... Позади онъ. Туда не продерешься.

Но бѣженку уже слишкомъ одолѣвало любопытство. Не обращая вниманія на толчки со всѣхъ сторонъ и ругань расхопившихся зрителей, она стала на мѣсто, пропуская мимо толпу. Такимъ образомъ, ей, наконецъ, пришлось увидѣть двухъ черномазыхъ дружинниковъ въ барашковыхъ шапкахъ съ осмиеконечнымъ крестомъ. Они вели опутаннаго веревками молодого турка, фізіономія котораго совершенно не подходила къ типу башибузуковъ. Онъ былъ замѣчательно красивъ. Черные гордые глаза смѣло смотрѣли изъ подъ черныхъ правильно очерченныхъ бровей. Безусый ротъ нѣсколько поблѣднѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, по лицу его изрѣдка скользила презрительная улыбка, возбуждая злобу въ и безъ того впечатлительной толпѣ.

— Еще смѣется убійца, собака, воръ, злодѣй!..

— Племя подлое!.. — И совсѣмъ потерявшаяся отъ злобы бѣженка быстро нагнулась, захватила изъ подъ ногъ комъ грязи и бросила его прямо въ лицо турку, — только не попала, а прямо угодила въ одного изъ самодовольныхъ и благополучнѣйшихъ въ эту минуту дружинниковъ.

— Чего эти бабы мѣшаются! — заколыхалась толпа... — Вонъ бабъ, гони ихъ!

Бѣженку толпа подхватила подъ мышки; черезъ минуту она была уже выброшена въ боковую улицу и, успокоившись, примкнула къ заднимъ рядамъ.

— За что вы меня схватили? — обернулся молодой турокъ къ толпѣ.

— А вотъ какъ повѣсимъ, такъ узнаешь, за что.

— Я никогда не былъ башибузукомъ. У меня ни оружія нѣтъ, ничего. За что вы меня мучите?

— Скоро кончимъ... Только вотъ вздернемъ.

— Отведите меня къ вашему начальнику, въ городъ есть русскіе-же... Онъ пусть разбереть...

— Ладно — не бойся. Не учи...

Изади кто-то ухитрился протянуть руку и ударить юношу въ спину.

— Жалкіе псы! — озлился онъ: — если вы меня, Аллахъ вѣдаетъ за что, казнить собираетесь, зачѣмъ же вы оскорбляете безоружнаго?

— А ваши что съ нами дѣлали... Не оскорбляли?... Не насильовали женщинъ, не вырѣзывали у нихъ ремни изъ тѣла, не сжигали живыми мужчинъ, не разбивали головы младенцамъ о камни? — Толпу при этихъ словахъ стало разбирать бѣшенство. Крики усилились.

— Не знаю... Я никогда не принималъ участія въ такихъ мерзостяхъ! — опустилъ голову молодой турокъ.

— Ладно! Зачѣмъ-же ты шатался около нашего города?.. Зачѣмъ въ снѣгу лежалъ, когда мы нашли тебя?.. Зачѣмъ? Что ты тамъ дѣлалъ?..

— Усталъ!.. Голодень былъ... Вѣдь я-же не бѣжалъ отъ васъ.

— Еще-бы ты отъ насъ убѣжалъ!

— Онъ отъ насъ убѣжать хочеть!.. — ни съ того ни съ сего заговорили въ толпѣ: — убѣжать злодѣй собирается.

— Петко! держи его крѣпче!..

— Не бойтесь... Я его и безъ того здорово скрутилъ.

— Я около вашего города ходилъ, потому что родныхъ отыскиваю.

— Вотъ-вотъ! Нашелъ гдѣ родныхъ искать! Таеъ и повѣрили!..

Домъ начальника округа былъ уже близко. Вокругъ крыльца тамъ собралась густая толпа... Стѣною стала... Молодой офицеръ вышелъ изъ дому.

— Что тамъ у васъ такое?

— Да вотъ, говорятъ, башибузука поймали, ведутъ къ тебѣ... Мы пришли посмотрѣть, какъ ты вѣшать его станешь.

— Кляните-ка переводчика, — обернулся офицеръ въ двери.

Молодой болгаринъ вышелъ на зовъ. Онъ былъ одѣтъ по европейски и, вообще, казался человѣкомъ интеллигентнымъ.

— Нужно будетъ, Узуновъ, разобрать, что такое! А, Айша, ты какъ сюда попала?

Въ переднихъ рядахъ толпы улыбалось ему хорошенькое личико дѣвушки.

— Я шла по улицѣ — да вотъ какъ сбѣжались люди, такъ мнѣ и двинуться никуда нельзя.

— Кстати, въ случаѣ чего переведешь, чтò тутъ будетъ турокъ говорить. Турка вашего поймали, говорятъ — башибузукъ.

Толпа, которая вела башибузука, привалила къ крыльцу.

— Капитанъ... Вѣшать надо, сейчасъ, вѣшать! запыхавшись, торопились люди. Панайотъ стоялъ ужъ на крыльцѣ съ веревкой, — мы его на площади повѣсимъ.

— Молчите!.. — закричалъ по-болгарски переводчикъ: — чего вы шумите? — Нагайками вѣдь разгонять васъ сейчасъ.

— Мы что-жъ... Мы только посмотримъ, какъ его вѣшать будутъ.

— Да гдѣ-же онъ, башибузукъ, гдѣ? — обратился молодой офицеръ: — чего вы собрались? разступитесь!

Толпа медленно разступилась.

Айша, бывшая впереди, вздрогнула, поблѣднѣла вся, и еще не успѣли дружинники опомниться, какъ она бросилась къ турку.

— Омеръ!.. Милый братъ мой, Омеръ!..

Юноша на минуту оживился. Онъ взялъ сестру за руку и заговорилъ съ нею по-турецки.

— Скажи имъ, Айша, что я не башибузукъ. Я тебя отыскивалъ вездѣ... Въ Акенджиларѣ былъ, въ Мустафа-кюй былъ, въ другихъ мѣстахъ... Нигдѣ не находилъ... А тутъ подъ Габровымъ отдыхать прилегъ, — эти и захватили меня.

Айша чуть не сходила съ ума. Оставивъ брата, она бросилась къ офицеру!

— Онъ не башибузукъ... Онъ братъ мой... Онъ меня отыскивалъ... Отпустите его.

— Не вѣрь, капитанъ, — заволновалась толпа. Онѣ всѣ такія.. Онѣ всѣ за своихъ стоятъ... Не вѣрь ей, капитанъ... Не вѣрь... Его повѣсить надо... Вотъ у насъ ужъ и веревка готова... Тебѣ и хлопотать нечего. Мы сами пойдемъ и кончимъ съ нимъ...

— Оружіе при немъ нашли?

— Нѣтъ... Оружія у него не было.

— Почему-же вы думаете, что это башибузукъ.

— У нихъ всѣ такъ... Съ виду ничего... Какъ ихъ отличить? Позвольте намъ распросить его по своему — онъ самъ сознается.

— Капитанъ... Пусть меня Аллахъ накажетъ, если я лгу... Это мой братъ... Это Омеръ!.. — убивалась Айша. — Какой онъ башибузукъ, когда ему всего только четырнадцать лѣтъ!

— Что-жъ что четырнадцать? — шумѣла толпа. — У нихъ мальчики — и тѣ ужъ рѣжутъ.

— Спросите у сестеръ у Венелиной, у Холодѣвой — лгу-ли я когда?

— И я не лгу! Поднялъ голову Омеръ. Я никогда не обидѣлъ ни одного болгарина! Я пальцемъ никого не тронулъ.

— Еще-бы онъ говорилъ другое! Разумѣется, теперь онъ готовъ за нашего друга выдавать себя.

— Что съ нимъ толковать!.. Повѣсить его!.. У панайота ужъ и веревка вотъ готова.

— У меня готова. Я хоть сейчасъ — подтверждалъ панайоть.

Капитанъ взглянулъ на всѣхъ этихъ озленныхъ людей. Выраженіе лицъ мало обѣщало хорошаго Омеру. Издали набѣгали новыя толпы, и у каждаго было, видимо, только одно желаніе посмотрѣть поскорѣе, какъ будутъ вѣшать турка.

— Что дѣлать? — обернулся капитанъ къ молодому болгарину-переводчику.

— Я знаю Айшу... Она не солжетъ!.. Если она говоритъ, что Омеръ не башибузукъ — значитъ такъ! — Отвѣтилъ тотъ.

Вся блѣдная, какъ смерть, Айша подошла къ нему, схватила его руку и поцѣловала.

— Да я и самъ вижу, какой онъ башибузукъ!. Ясное дѣло — сестренку искалъ.

— Отпустить слѣдуетъ. Только...

— Что только?

— А какъ вы думаете... далеко онъ уйдетъ?

— Почему это вы спрашиваете?

— Я не знаю какъ... Какъ его отпустить?

— Да просто — освободить...

— А потому... Посмотрите-ка вы на лица у толпы, окружающей насъ.

— Ну?

— Озлены... Они прослѣдятъ за нимъ... Догонять его за городомъ и тамъ сами повѣсятъ, или зарѣжутъ, какъ барана, безъ суда!

— Пожалуй, что такъ будетъ. Отъ нихъ этого можно ожидать.

— Предоставьте мнѣ говорить съ толпою! Не бойся Айша, мы не тронемъ твоего брата.

— Я передаю дѣло въ ваши руки. Согласился начальникъ округа.

— Братъ! Громко крикнулъ молодой болгаринъ, обращаясь къ толпѣ.

Всѣ разомъ затихли.

— Сейчасъ вѣрно вѣшать станутъ! Прошептала сосѣдкѣ все та-же неугомонная бѣженка.

— Братъ! Вы совсѣмъ непонимаете русскихъ законовъ... По русскимъ законамъ такъ нельзя. Поймалъ — и сейчасъ-же вѣшать. Такъ теперь недѣлается.

— А то когда? Вступился панайотъ... Вотъ вѣдь и веревка и все...

— Молчи болванъ! озлился болгаринъ и панайотъ съ крыльца слетѣлъ внизъ.

Толпа расхохоталась.

— Таъкъ нельзя. Его надо посадить сначала въ тюрьму — понимаете... Въ тюрьмѣ его допросятъ... Одинъ-ли онъ, гдѣ его товарищи? Не знаетъ-ли онъ чего, о турецкомъ войскѣ... Поняли?

— Поняли... Поняли!...

— Можетъ быть у него важныя свѣдѣнія есть-какія нибудь. Большое несчастье можемъ предупредить такимъ образомъ. А повѣсить его мы всегда успѣемъ... Потомъ, послѣ разпроса — его будутъ судить и повѣсятъ въ праздникъ, поняли?

— Ты не бойся ничего! Шептала сестра Омеру... Я знаю этихъ русскихъ... Они добрые... Они не обидятъ даромъ.

— Ну, Айша, мы его пока должны въ тюрьму запереть. Если его сейчасъ выпустятъ, народъ убьетъ.

— Правда!.. Бѣдные, мы бѣдные...

— Кто тутъ изъ казаковъ есть?.. Данильченко, Боровикъ!..

Двое казаковъ выскочили изъ передней.

— Развяжите этого турка.

Омеръ вытянулъ замлѣвшія отъ веревокъ руки и съ благодарностью взглянулъ на офицера.

— Отведите его въ тюрьму и скажите, я приказалъ караулъ поставить къ нему изъ нашихъ, а не изъ болгаръ. Айша, ты можешь навѣщать его... Ну братушки, убирайтесь по домамъ. Больше вамъ ничего не будетъ.

— Когда-же? продиралась впередъ бѣженка.

— Что когда?.. остановился уходившій офицеръ.

— Когда-же его повѣсятъ?

— Данильченко! проводи-ка эту бабу, знаешь, повѣжливѣ!..

Данильченко вытащилъ изъ за голенища нагайку...

Бабы какъ не бывало.

— Онѣ бабы здѣсь, вашъ бродъ, — ядовитыя!

Панайотъ съ веревкой стоялъ у крыльца въ раздумьи.

— Капитанъ! Когда судъ соберется и скажетъ, чтобы башибузука повѣсили, меня позови.

— Зачѣмъ это?

— Я его самъ вѣшать буду. Они у меня отца повѣсили...

Такъ я этого...

— Ну, ладно! скажу тогда... А теперь ступай домой.

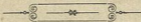
— Накормите Омера у меня сначала... Потомъ отведите.

— Зачѣмъ-же онъ увелъ его въ свой домъ? заколыхалась толпа.

— Допрашивать будутъ сначала... А потомъ въ тюрьму...

— А жаль что не сейчасъ повѣсили.

И толпа, мало по малу, начала расходиться.

ГЛАВА XI.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

олпа разошлась, но не вся.

Кучка людей, наиболѣе озлобленныхъ, собралась въ концѣ улицы, ожидая, когда поведутъ Омера въ тюрьму.

Переводчикъ, хорошо знавшій своихъ, сообразилъ, въ чемъ дѣло. Не то чтобы эти могли отбить у русскаго конвоя плѣнника, но они могли забросать его грязью или камнями, такъ или иначе, надѣлать тьму неприятностей.

Онъ вышелъ къ нимъ...

— Чего вы собрались здѣсь?

— Такъ... Развѣ ужъ и собираться нельзя намъ?

— Нѣтъ, отчего-же? съ доброю цѣлью... А бѣшеныхъ собакъ всегда разгоняютъ. Вы сами знаете, какъ поступаютъ въ такомъ случаѣ?

— Нѣтъ, ты вотъ что скажи намъ: какъ поступаютъ съ отступниками? — пробился впередъ сѣдой коренастый болгаринъ, въ рыжей куртѣ, самодѣльнаго сукна, и широкихъ, на подобіе мѣшка, шароварахъ.

— Нужно знать, о комъ ты говоришь? — спокойно отвѣтилъ ему переводчикъ.

— Хотя-бы о тѣхъ, что, окончивъ ученіе въ русскихъ

университетахъ, возвращаются въ намъ чуждыми намъ людьми и служатъ не нашему дѣлу, а тому, кто имъ платитъ.

— Это ты меня хочешь задѣть?

— Хотя-бы и тебя... Мы, кажется, свободны говорить, что намъ угодно. Этого права никто у насъ не отниметъ.

— Хорошо... Видишь-ли: кончивъ русскій университетъ, я вернулся въ Болгарію, пять лѣтъ тому назадъ, и началъ возстаніе противу турокъ въ Герловѣ и Казанѣ. Я не зналъ, что значить тепло и покой. Кровомъ мнѣ былъ сводъ небесный, постелью — земля. За мной турки охотились, какъ за звѣремъ... Когда поймали — хотѣли повѣсить; къ счастью, у отца деньги были, заплатилъ... Меня сослали въ Діарбекиръ...

Я въ ссылкѣ провелъ два года, голодая, прося милостыню... за свою родину... Отщепенецъ-ли я, братья!?

— Нѣтъ, какъ можно. Мы знаемъ тебя хорошо...

— Теперь поговоримъ о тебѣ, Златанъ... Пока я дрался за свое отечество съ турками, сидѣлъ въ тюрьмѣ и мучился въ ссылкѣ, что дѣлалъ ты?.. Ты-то что дѣлалъ?.. Можешь рассказать свою жизнь такъ-же, какъ я рассказывалъ свою?.. Что-же ты молчишь?.. Ну, такъ я тебѣ напомню. Ты дружилъ съ турками. Ты бралъ на откупъ народную десятину. Ты промышлялъ доносомъ. Кто выдалъ Ковальджіевъ? — Ты, Златанъ. Кто продалъ Ванчо Петкова? — Ты, Златанъ!.. Кого-же мы должны повѣсить скорѣе — несчастнаго юношу турка, что, отыскивая свою сестру, забрался къ намъ, — или тебя?.. Кому мѣсто въ петлѣ? Какъ тебѣ кажется?

— Златаны всегда были измѣнниками. Его отецъ тоже дружилъ туркамъ!.. — отозвались въ толпѣ.

— Вотъ видите-ли — въ смутное время кто васъ разжигаетъ, кто, подъ видомъ патриотизма и любви къ свободѣ, науськиваетъ васъ на подлыя дѣла — Златаны... Что-жъ ты молчишь!.. Я отвѣтилъ на твое обвиненіе; отвѣтъ ты, если можешь?

Златанъ забился въ толпу, — очевидно, совсѣмъ перекон-

фуженный... Толпа, еще часъ назадъ слушавшая его, теперь разступилась, давая ему дорогу. Никто не хотѣлъ коснуться до него, точно онъ былъ зачумленъ.

— А вы что?.. Вы въ силу чего дѣйствуете, братья? За чѣмъ вы собрались здѣсь? Рады, что юноша, ни въ чемъ неповинный, достался вамъ? Скажите мнѣ: свободные вы люди или подлые рабы? Чего вы хотите: счастья и воли или рабства? Развѣ такими путями люди завоевываютъ себѣ волю? Стоите-ли вы ее — свирѣпые псы, покорные только одному чувству мести и злобы... Забыли, что сказала Христось о врагахъ своихъ... За что вы хотѣли сегодня совершить убійство?

Толпа шелохнулась. Никто не отвѣчалъ ни слова.

— Ты, Дончо! Обрадовался, что поймалъ безоружнаго мусульманина, скрутилъ и, какъ башибузука, привелъ его въ городъ... А ты, панайоть — давно-ли у тебя страсть къ ремеслу палача явилась?.. Ты — храбрый дружникъ въ бою — съ веревкой по цѣлому городу ходишь, чтобы удавить ни въ чемъ неповиннаго, только потому, что онъ ходитъ въ мечеть, а ты — въ церковь? Срамъ! Что-бы сказала твоя мать, если бы видѣла тебя? Она бы прокляла тотъ день, когда ты родился. Изъ панайотовъ еще не было палачей.

— У меня отца зарѣзали...

— Зарѣзали! Иди въ честный бой и бейся съ врагомъ! Вотъ мечь свободаго гражданина...

Продолжать молодому человѣку не пришлось. Пристыженные болгаре, одинъ за другимъ, расходились: въ концѣ бесѣды передъ нимъ оказалась только одна бѣженка.

— А мнѣ ты что скажешь? — накинулась она на него. — Мнѣ, у которой зарѣзали отца, убили мать и братьевъ, сестеръ увели и продали? Что ты мнѣ скажешь?

— Скажу, что мнѣ жаль тебя, — и только. Иди домой и работай... Мы тебя приняли и приютили не затѣмъ, чтобы ты ссорила насъ съ русскими. Не бабѣ дѣло соваться сюда... Уходи скорѣе!..

„Ну, теперь Омеръ можетъ быть спокоенъ. Его не тронуть!“ — сообразилъ онъ, оставляя улицу.

Айша живо переговорила съ братомъ.

— Ты можешь мнѣ уйти отсюда? — спрашивалъ онъ. Я радъ, что нашелъ тебя... Изъ всей нашей семьи только ты и осталась... Сама знаешь — братъ убить... Мать зарѣзали болгаре... Ты тоже уйдешь отсюда со мною, а?

Айша готова уже была согласиться, да вспомнила Соймонова.

— Пока мнѣ хорошо здѣсь... Очень хорошо. Сестры меня любятъ, я не знаю нужды. Гдѣ мнѣ будетъ безопаснѣй? Когда кончится война, ты знаешь, гдѣ найти меня...

Омеръ пытливо заглянулъ ей въ глаза.

— Послушай, не другое-ли что у тебя на умѣ?

Айша всыхнула и потупилась.

— Не думаешь-ли ты измѣнить вѣрѣ своихъ предковъ?.. Тогда мнѣ легче увидѣть тебя мертвою!

— Нѣтъ, что ты... Куда ты самъ денешься теперь?

— Куда?.. Одинъ путь мнѣ. Поступлю въ войско... Нужно защищать свой домъ и свою родину... Побудь пока съ сестрами... А кончится война, буду живъ, вернемся въ нашъ домикъ и тамъ заживемъ!..

Вошелъ переводчикъ.

— Айша, мы должны твоего брата пока отправить въ тюрьму... Для его-же спасенія — ты знаешь: народъ возбужденъ. Если мы его освободимъ, народъ Богъ знаетъ что можетъ съ нимъ сдѣлать.

— Я знаю это...

— Пусть онъ не обвиняетъ насъ въ несправедливости.

— Нѣтъ, какъ можно!

— Тебя будутъ допускать къ нему... когда хочешь... А потомъ какъ-нибудь онъ и освободится...

— Когда?

— А это увидимъ... Дѣло въ томъ, что мы мѣшать ему

уйти не будемъ... Ночью карауль можетъ заснуть... Иди на всѣ четыре стороны. Куда онъ только двинется?.. Пройдетъ-ли онъ?

— Я сначала въ Абенджиларъ уйду...

— А оттуда?..

Омеръ потушился.

— Я никогда не лгаль... Я поступлю въ войско султана, если меня выпустятъ...

— На твоёмъ мѣстѣ, если-бы я былъ турокъ, — поступилъ бы такъ-же!.. Сестру не уводи съ собой; ей здѣсь безопасно.

— Знаю самъ!..

Когда Омера вели по габровскимъ улицамъ, на нихъ ужъ толпы не было. Только по узенькому переулочку скользнула какая-то женская тѣнь и, поровнявшись съ молодымъ туркомъ, кинула ему: „Злодѣй, воръ, убійца!..“

— За что ты меня?.. Что я тебѣ сдѣлалъ? — Омеръ узналъ голосъ бѣженки.

— Песья душа!.. — И она швырнула въ него камнемъ.

— Ну-ну, баба!.. Проходи своей дорогой! — пригрозили казаки: — Не то, знаешь...

И баба исчезла, довольная успѣхомъ своей мести.

Былъ уже вечеръ. Но не такой, какъ наканунѣ.

На небѣ ни одного облачка. Солнце закатывалось за серебряныя вершины Балканъ, казавшіяся на этомъ фонѣ совершенно темными, точно это были не горы, а тучи, громоздившіяся на западѣ. За то изъ-за нихъ, изъ-за этихъ грузныхъ массъ прощальное сіяніе отгоравашаго дня раскидывалось по всему чистому, голубому небу... Румянымъ отблескомъ были озарены стѣны домовъ, улицы, кровли. Окна горѣли какъ пламя, тамъ, гдѣ онѣ были обращены къ отходящему солнцу... Казаки нарочно повели Омера по безлюднымъ улицамъ. Вонъ налѣво свернула скованная льдомъ Янтра. Какъ она шумитъ подъ нимъ, какъ грозитъ ему, какъ злится и ропщетъ на

свои оковы!.. Когда Омеръ взошелъ на горбатый мостъ и оглянулся вокругъ, ему стало и больно, и грустно!.. Давно-ли здѣсь владычествовали они, давно-ли именемъ султана жило все въ этомъ краѣ!.. А теперь христіане все прибрали къ рукамъ, и даже съ верхушки минарета уже не слышится въ урочный часъ призывъ муэззина... Вонъ она, эта верхушка. Она вырѣзалась рѣзко и красиво на красномъ фонѣ заката... Полу-воздушная утонула въ воздухѣ... Теперь-бы самое время показаться на ней черной фигурѣ и бросить всему мусульманскому міру молитвенный привѣтъ. Но ни чей голосъ не слышится оттуда, и только черные вороны приютились тамъ... Мерзость заустѣнія!.. Что-жь ему-то, плѣннику?.. Онъ знаетъ, что пора творить намазъ. И именно здѣсь, на мосту, на виду у всѣхъ. Пусть видятъ, кто хочетъ, что онъ одинъ не боится, что ему одному все равно. Онъ исполнитъ свою обязанность такъ-же, какъ исполнялъ ее и во время владычества турокъ... Ему все равно...

Но вдругъ Омеръ опустился на колѣни...

Казаки опѣшили было, да скоро поняли, въ чемъ дѣло.

— Пуцай его... Молиться хочеть... По ихнему обычаю, такъ выходить.

— У нихъ это чудесно... Съѣлъ себѣ и давай рожу мыть... Есть вода — водой, нѣтъ воды — пескомъ, песка нѣтъ — прямо руками. Совсѣмъ Азія необразованная. А только очень хорошо... Потому, все-таки, молитва, какая ни на есть... Дѣло свое они тонко знаютъ.

Когда Омеръ всталъ, одинъ изъ казаковъ хлопнулъ его по плечу.

— Это ты, братъ, хорошо надумалъ... И впередъ веди себя такъ... Ты Бога не забылъ — и Богъ тебя не забудеть. Онъ, братъ, все можетъ — изо всякаго плѣна выведетъ...

— Точно что! — подтвердилъ другой конвойный.

— Дѣло твое непропащее... Коли-бы ты настоящій арестантъ былъ, тебя-бы тогда въ тюрьму съ солдатами послали.

Никакого-бы разговора не было. А это такъ на время. Посидишь и выпустятъ... Небось.

Омеръ ничего не понималъ, но улыбался въ отвѣтъ и бормоталъ что-то такое по своему.

— Вотъ вѣдь и я тоже говорю! — поощрялъ его на дальнѣйшую бесѣду казакъ. — Будемъ такъ говорить: — у насъ Богъ, а у васъ Махмудка... Вѣрно мое слово, правда? А то еще сказываютъ — вы въ камень такой вѣрите... Вѣры разныя бываютъ... Вонъ, болтаютъ, нѣмцы есть, которые въ пѣтуха больше... Одно у васъ нехорошо, зачѣмъ вы этихъ бургаръ чикаете?

— Они братушекъ здорово чикаютъ... Гдѣ ихняя возьметъ — сейчасъ дома зажгутъ, дѣвокъ, какія есть, попортятъ, — а потомъ и давай всѣхъ чикать поперекъ горла!.. Очень у нихъ на это неблагогородно!..

— Потому они ненастоящіе солдаты. Ишь у него штаны какіе — мѣшокъ. Куль муки свободно войдетъ въ нему въ штаны-то... Какой онъ солдатъ... А только дай намъ эти штаны, ахъ, хорошо-бы!

— Отчего это?

— Какъ отчего. Можно сказать, очень насъ начальство обидѣло. Кафтанъ теперича въ обтяжку, штаны тоже... Что въ нихъ спрячешь? А дай-ко намъ такіе штаны, сколько-бы мы въ нихъ сбрантовать могли... Тутъ, братъ, въ этотъ мѣшокъ дѣлаго гуся упрячешь... И съ легкимъ сердцемъ гуся-то... Перво дѣло свернулъ ему голову — и вали. А поросятъ пару — свободно.

— Поросятъ свободно! — согласился товарищъ.

— Ну вотъ... А нынче намъ и куру — какая есть настоящая, благословенная, христіанская кура — спрятать нельзя...

На дворѣ тюрьмы была суматоха... Только что привели партію разбойниковъ, пойманныхъ въ окрестностяхъ. Шла разборка. Толстый благополучный болгаринъ, завѣдывавшій тюрьмой, важно разспрашивалъ у нихъ, за что взяли, хотя совсѣмъ это не его дѣло было. Конвой отдыхалъ по угламъ...

— И много вы христіанскаго народа загубили?

— Мы — нѣтъ! отвѣчали турки... Мы никого не трогали тамъ... А только скоть угоняли.

— Зачѣмъ?

— На султанскую службу... Мы при войскѣ, при Вейсель-пашѣ... Ну, онъ приказалъ привести ему воловъ, мы и взяли въ Теплишѣ...

— Плохо ваше дѣло! пугаль ихъ смотритель.

— А что?

— Повѣсятъ васъ!

— Ну что-жь!.. Кысметъ — судьба!.. Такъ въ небѣ написано, значить. Придетъ время — васъ вѣшать стануть... Всякому свое... Теперь ваша очередь — вы вѣшаете, а потомъ будетъ наша... Какъ кому опредѣлено, такъ и будетъ...

Омера заперли отдѣльно.

Маленькая грязная конура. Окно съ рѣшеткой. Онъ пощупалъ ее — оказалась деревянною. Вязка соломы брошена посреди пола. Что-то шуршитъ въ этой соломѣ. Должно быть, крыса забралась туда. По стѣнѣ ползаетъ всякая нечисть. Омеръ, впрочемъ, привыкъ къ этому. Измученный впечатлѣніями этого дня, онъ перетряхнулъ солому и бросился на нее. Прямо въ лицо ему свѣтила умирающая улыбка дня. Розовые лучи зажигали на грязной стѣнѣ какую-то золотистую зыбь... Точно рѣка теперь мерцала подъ солнцемъ и струилась куда-то... Чья-то пѣсня слышалась рядомъ изъ слѣдующей конурки... Омеръ прислушался — оказалась турецкая...

„Подъ кровлей у меня вила гнѣздо ласточка... Весело играла она въ солнечные дни передъ моимъ окошкомъ... Въ теплые вечера я слышалъ, какъ она щебечетъ надъ нимъ... Ой, берегись ласточка... Близокъ коршунъ... Давно онъ высматриваетъ тебя сверху“...

Слезы подступали къ глазамъ Омера. Пѣсня была родная, знакомая съ дѣтства... Вдрагивающимъ отъ волненія голосомъ онъ сталъ продолжать пѣсню.

„Ласточка только играла въ отвѣтъ... Налетѣлъ злой коршунъ и схватилъ ее цѣпкими когтями... Бьется въ нихъ ласточка, исходить кровью бѣдная птичка... Ой, говорилъ я тебѣ, ласточка, берегись злаго коршуна!..“

Минута молчанія и вдругъ изъ сосѣдней комнаты еще громче зазвучало продолженіе этой пѣсни:

„И, умирая, потускнѣвшими глазами смотрѣла бѣдная птичка на кровлю моего дома. Уносимая злымъ коршуномъ вверхъ, она не сводила взгляда съ алыхъ розъ, что цвѣли въ саду у меня, на высокіе тополи, что шумѣли у самаго гнѣзда ея... Прощай, ласточка!..“

Омеръ зарыдалъ отъ тоски.

ГЛАВА XII.

Вторая.

Портъ знаетъ, что такое! — горячился полковникъ: — этакъ вмѣсто трехъ тысячъ солдатъ и одной не доведешь до позиціи.

— Да, народъ валится.

— Помилуйте... Сегодня сто двадцать человѣкъ... идти не могутъ... Вѣди это Богъ знаетъ что... Куда насъ сунули! Ну, я понимаю, вы привыкли здѣсь и принаровились, а намъ-то, намъ-то каково?

— Принаровитесь и вы.

— Какъ-же? Объясните, отецъ родной!.. Какъ это прикажете принаравливаться... какъ намъ еще?.. Вашъ-то солдатъ — развѣ это солдатъ...

— Вона!

— Разумѣется... У васъ лапландцы какіе-то... Имъ съ полгоря въ снѣгахъ. Вы знаете, какъ нашъ полкъ велся... Для парадовъ. Все всегда съ иголочки. Сапоги тонкіе... Мы вѣдь немного можемъ отъ гвардіи отстали, и вдругъ зимой пожалуйте на Шипку!..

— Не для парадовъ войска.

— Вѣрно! Но отъ параднаго нельзя требовать, чтобы онъ

въ одну минуту сталъ такимъ, какъ ваши... Вонъ поглядите-ко... развѣ это солдатъ форменный у васъ?.. Поди-ко сюда, любезный!

Солдатъ, проходившій мимо, подбѣжалъ къ полковнику.

— Обличье-то у него солдатское? Такого вы въ Питерѣ покажете?

Солдатъ четырнадцатой дивизіи, о которомъ шла рѣчь, мялся и видимо конфузился...

— Ты-то кто, скажи на милость!

Тотъ было ротъ открылъ, но собесѣдникъ полковника вступился самъ.

— Онъ-то настоящій солдатъ и есть... Во всѣхъ условіяхъ во всякой обстановкѣ онъ на своемъ мѣстѣ окажется. Съ этимъ всюду можно... А съ вашимъ... Вы не смотрите, что онъ уродомъ выглядываетъ... Эти уроды намъ Шипку въ августѣ спасли и зимою ее отстояли... Вотъ что эти уроды сдѣлали.

Солдатъ дѣйствительно на непривычный взглядъ производилъ нѣсколько странное впечатлѣніе.

Онъ былъ удивительно подѣланъ къ этимъ сѣрымъ тучамъ и этимъ засыпаннымъ снѣгами горнымъ вершинамъ. Параднаго въ немъ дѣйствительно нельзя было ничего отыскать. Ни одной черты. Встрѣтись съ нимъ, и за война его принять было трудно. Полушубковъ не полагалось. Благополучное интендантство еще не дотащило ихъ и до Унгенъ. Войска обходились такъ. Промокшая шинель стояла отъ мороза коробомъ; поверхъ шинели онъ былъ закутанъ полотнищемъ турецкой палатки, которая тоже торчала во всѣ стороны, совсѣмъ одеревенѣвъ на стужѣ. Башлыкъ плотно, совсѣмъ ужъ не по формѣ, окутывалъ голову, причемъ у него былъ поверхъ башлыка повязанъ лоскутокъ отъ турецкихъ шальваръ. Ноги лапландца были подобіемъ какихъ-то необыкновенной толстоты тумбъ. Оно и понятно. Сапоги на эту дивизію достались широкіе. Солдатыкъ — передъ тѣмъ какъ надѣть ихъ — набилъ для тепла соломой. Поверхъ сапогъ былъ обернуть мѣшками,

оставшимися отъ сухарей, а совѣмъ снаружи ноги были окутаны шкурами отъ битаго скота — мездрой наружу. Тѣмъ не менѣе, если-бы свѣжій человѣкъ всмотрѣлся въ курносое лицо этого необыкновеннаго христоролюбиваго воина, то, прежде всего, ему пришлось-бы остановиться на выраженіи глазъ самоувѣренныхъ, на этой улыбкѣ веселой и словно говорившей вамъ:

— Мы свое дѣло сробимъ... Какъ-то вы еще, а мы — не сумлѣвайтесь... Отстоимъ!..

Рядомъ съ этимъ еще наканунѣ франтоватые солдаты 24-й дивизіи казались обмякшими и обмокшими. Лица свело отъ усталости, плечи какъ-то внизъ сползли, даже спины скрючило. Еще-бы послѣ такого похода!

— Неврасивъ ты, братецъ, дѣйствительно. Нужно правду сказать!.. Хоть и молодець, а Богъ знаетъ на кого похожъ.

Солдатыкъ фыркнулъ.

— Чего ты смѣешься?

— Потому мы, вашескоблагородіе, здѣсь совѣмъ стали въ родѣ какъ-бы дамы...

— Ну?

— Совѣмъ на дамочку похожи... Потому эти карнарины на себя надѣли...

— Какіе кринолины?

— А во! И солдатъ съ гордостью поправилъ на плечахъ свою турецкую палатку: — совѣмъ карнаринъ, вашескоблагородіе...

— Что-жъ вы и въ бой такъ?

— А отчего не идти?.. Больно способно. Пока еще скорбило, а какъ высохнетъ — чѣмъ не одѣжа?.. Тепло будетъ, это точно. Теперь-бы хуфайки намъ, и чудесно: первый сортъ... Только, сказываютъ, хуфакъ намъ не будетъ. Потому на больныхъ да на раненыхъ не хватило...

— Въ картину не годится?.. А? Вотъ-бы баталистамъ нашимъ изобразить такого солдата? И вида вѣдь воинственнаго нѣтъ въ немъ...

— По нашей службѣ и шкура такая! — засмѣялся солдатъ.

— Отчего это?

— Потому мы, какъ кроты, все въ землѣ роемся. А въ землѣ не видать!..

— Вонъ вы и разсуждайте!.. У нашего солдата вѣдь сапожки какіе — въ обтяжку. Жиды подлецы такіе доставили, что и на суконную портянку не лѣзетъ... Приходится его ножемъ въ подъемъ разрѣзать... Какая-же ногѣ защита отъ мороза?.. Вы не знаете, каковы Вольтинскія позиціи, на которыя мы идемъ?

— Да такія-же, какъ и вездѣ здѣсь. Отъ передовой траншеи до непріятели очень близко...

— Неужели близко?

— Да... Голову надъ брустверомъ подымать не безопасно... На выборъ бѣгутъ... Ну, всходы къ траншеямъ тоже неудобны... Ледяныя горы, ползти по нимъ трудно... Смѣяться вамъ придется ночью... Днемъ нельзя...

— Почему?

— Да въ виду турокъ, шагахъ въ трехстахъ нужно идти — перекатаютъ!

— Не рай!.. Не рай вамъ, братцы!

— А только, ваше высокоблагородіе, — вмѣшался ободренный солдатъ, и имъ не сладко.

— Что?

— Намъ не медъ, да и имъ не сахаръ.

— Кому это?

— Туркѣ. Онъ, турка, тоже страхъ мерзнуть. Ну и мы имъ тоже пARDону не даемъ. Чуть она покажется — ну, мы ее по затылку въ лучшемъ видѣ...

Отчего насъ подѣ Плевно не направили?.. Тамъ, все-таки, лучше...

— Кому-нибудь и сюда нужно.

— Оно вѣрно... А только жутко... Не за себя... Что мы тутъ — единицы... Мнѣ моего полка жаль! — И голосъ у ко-

мандира дрогнулъ. — Полкъ мой гибнетъ я это вижу. А вѣдь я съ нимъ-то, съ полкомъ, десять лѣтъ. Родиѣе родныхъ мнѣ онъ... И если-бы еще въ бою — не позорною смертью помереть... Скажутъ — погибли со славой... А какъ вымерзнемъ?..

— Все равно славная смерть!..

— Толкуйте!.. Какъ смѣяться-то еще стануть... Вы послушайте-ка...

— У насъ тоже бывало скверно... Особенно осенью. Землянокъ еще не рыли, а просто прокапывали ложементикъ, да въ лужи такъ и садились. Мокреть страшная... Солдатъ хоть выжми, что губки воды насосутся. А тутъ вѣтромъ... Ну, понятно, къ огню... Отъ огня-то и въ этакое видѣ послѣдствія совершенно одинаковыя, что и отъ мороза. Тоже самое обмороженіе выходило. Ужъ и доктора дивились!..

— Стратотерпцы!

— А вы какъ думали? Вѣдь это только въ книгахъ чудесно выходить. И картинно, и занято, и весело...

Полеъ двинулся...

Райскую долину прошли за ночь еще — можно было ожидать, что обойдется безъ большихъ потерь...

— Вы, докторъ, куда? — обернулся старый маіоръ къ Соймонову.

— Куда? А туда-же, куда и вы...

— Вамъ-бы на перевязочномъ пунктѣ остаться. Что вамъ тутъ дѣлать съ нами.

— А неравно васъ попортить — починимъ; все, знаете, оно лучше.

— Ну васъ къ Богу!.. Каркайте тутъ...

На одномъ изъ поворотовъ пришлось идти въ виду турецкихъ позицій. Маіоръ подъѣхалъ къ командиру.

Видите вы эту сѣренькую полоску?.. — показалъ онъ на сосѣдную гору. На ея вершинѣ дѣйствительно мерещилось что-то.

— Вижу.

— Ну, насъ оттуда сейчасъ встрѣтятъ... Тамъ у нихъ амбразурки прорѣзаны... Вонъ-вонъ...

Не успѣлъ еще окончить, какъ надъ одной изъ амбразурокъ точно вскочило бѣловатое облако — комочкомъ...

— Пронеси, Боже!...

Гуль отдаленнаго выстрѣла повторился лощинами. Вверху — высоко, высоко пронеслась граната.

— Ну, что?

— Не по правилу.

— Какія еще правила?

— Да первый выстрѣлъ долженъ быть недолесть, второй перелетъ, а по третьему — пиши пропало. А у нихъ на выворотъ!

Но турки, очевидно, не желали оправдать его ожиданій. Второй бѣлый комочекъ вскочилъ надъ слѣдующей амбразурой и вторая граната совсѣмъ неожиданно упала передъ барабанщикомъ, точно крикнувъ ему надъ самымъ ухомъ какое-то страшное слово, — такое слово, что весь онъ поблѣднѣлъ и ни съ того, ни съ сего кинулся назадъ. Граната зарылась въ снѣгъ, — такъ что только темный слѣдъ ея виднѣтъ былъ направо.

— Егоровъ... Егоровъ... Куда-ты?... останавливали барабанщика. Наконецъ, фельдфебель схватилъ его за воротъ.

— Чего ты?

— Ахъ ты, Господи... Спасе нашъ... Она-то... она...

— Ну?.. А еще солдатъ! Чего бѣжишь! Развѣ отъ нея уйдешь. Она быстрѣе тебя побѣжить-то.

— Спужался... Невзначай... Я думалъ, она вверху... А она — вотъ тутъ... Руками ее бери... Воды-бы мнѣ испить... Ахъ ты, Господи!..

Полковнику самому съ непривычки было жутко... Едва-едва удерживался, а то шея какъ-то сама гнулась при каждомъ звукѣ пролетавшаго снаряда. Еще нѣсколько гранатъ ударились около.

— Артиллерійскій огонь не опасенъ! — замѣтилъ докторальнымъ тономъ молоденькій адъютантъ. Онъ дѣлаетъ только много шуму; вотъ ружейный...

И не докончилъ.

— Носилки! какъ-то неестественно рѣзко крикнули назадъ... Носилки!.. Санитары!..

— Тронуло... Тронуло кого-то... шепотомъ пошло по рядамъ.

— Носилки гдѣ?.. Носилки поскорѣе!..

— Вотъ вамъ и не опасенъ!.. Поѣзжайте-ко, посмотрите кого тамъ...

Молоденькій адъютантъ круто повернулъ коня и съ сильно бьющимся сердцемъ сталъ пробираться сквозь наступавшіе на него ряды солдатъ...

Въ четырехъ стахъ шагахъ отсюда люди раздѣлились на два рукава — оба направо и налево, — оставляя посрединѣ пути пустоту... Совсѣмъ какъ измученные кони только косятся, не рѣшаясь взглянуть прямо на страшный имъ предметъ, солдаты какъ-то вперекося смотрѣли на цѣлую груду, выдающуюся въ снѣгу посреди оставленной на дорогѣ пустоты... Цѣлую груду... Что въ ней такое — на первый разъ и отличить было трудно... Перемѣшалось. И въ глазахъ у адъютанта смѣшалось. Сошелъ съ коня... Лошадь храпить — и заставляетъ держать ее за поводъ... Вытянула шею, морду тянетъ, а не идетъ ближе.

— Возьми-ко ее, поддержи.

Солдатъ взялъ подъ уздцы.

Адъютантъ подошелъ ближе.

На растоптанномъ сапогами снѣгѣ дороги — громадная красная лужа... Кровь быстро просачивается внизъ, хоть новая такъ и хлещетъ изъ какого-то пробитаго бока, а какого — не разберешь... Ключья шинелей, бѣлый конецъ какой-то кости и кровь, много крови... Красное что-то. А вонь, и изъ подъ этого тѣла сочится то-же самое... Тамъ лежитъ третье...

Смотрѣть противно... Въ холодный воздухъ поднимается парь отъ ранъ... Офицеръ было наклонился — чѣмъ-то острымъ, кислымъ пахнуло на него — отшатнулся... А тутъ новая граната летитъ вверху... Слава Богу, мимо. Гдѣ-то въ сторонѣ ахнула... Вотъ и осколокъ въ снѣгу... Черный чугунный осколокъ... Иззубренные края... Поднялъ его машинально... Въ рукахъ несетъ — зачѣмъ, не знаетъ самъ. Нужно вѣрно!.. Солдаты все по-прежнему на двѣ рѣвки раздѣляются... Считаютъ лежащихъ. Адъютантъ было совѣмъ ушолъ — да опомнился. Сколько-же ихъ — не разобралъ, въ глазахъ путалось. Нужно опять вернуться... А возвращаться нельзя... Не то что нельзя, впрочемъ, а такъ точно что-то внутри не пускаетъ... Держить его... мѣсто ужъ очень опасное... Скверное, зловѣщее мѣсто!.. Еще, пожалуй...

Поймалъ себя на этой мысли и покраснѣлъ... Чего добраго, другіе замѣтили... Смотрить въ лица имъ и успокаивается — видитъ, и тѣмъ жутко, не до него... Солдаты, что держить его коня, какъ и конь, вытянулъ шею и голову, и не подходя, издали, точно хочетъ разглядѣть лежащихъ... Офицеръ подошелъ еще разъ...

— Что это со мною... Ноги точно устали, подкашиваются... Фу, какая мерзость!..

Сколько-же ихъ... Одинъ, два... Вонъ еще чья-то нога снизу. Третій должно быть... Такъ и есть... Этотъ третій еще живъ вѣрно... Носокъ сапога какъ-то съезживается... Шевелится... А, можетъ быть, умираетъ, и только въ агоніи двигаетъ мѣрно и ровно — носкомъ. Ни малѣйшаго стона отсюда... Изъ подъ низу... Принесли носилки. Такъ и есть трое. Прямо въ кучу попала проклятая!..

— Какъ ты берешь его, каналья!.. Развѣ можно пеперебѣ тѣла?..

— Да ёнъ ужъ не чувствуетъ, вашъ-бродь! — изумился, въ свою очередь, санитаръ.

„Въ самомъ дѣлѣ, что-жъ это я?.. съ ума схожу, что-ли?..“

«опомнился адъютантъ и пошелъ къ своей лошади... „Совсѣмъ съ ума схожу. Богъ знаетъ, что такое... Этакъ чортъ знаетъ до чего договорисься“.

А санитаръ преспокойно взялъ подъ поясъ убилаго и поднялъ его. Голова и ноги свѣсилась внизъ... Вскинулъ его и пошелъ... За другаго принялся... Нижний продолжалъ шевелить носкомъ.

— Живъ еще?

— Не...

— А вонъ нога-то?..

Санитаръ внимательно посмотрѣлъ на ногу.

— Нога жива, а самъ померъ...

— Какъ-же это?

— А вонъ поглядите-ка.

Въ самомъ дѣлѣ — какая странность... Глаза смежились. Синева на щебахъ... Подняли вѣку — совсѣмъ стеклянный, мертвый взглядъ... Руку подняли — оставили, какъ плеть упала... Прислушались къ сердцу — не бьется... А нога только одна шевелится...

— Это ужасно!... Это совсѣмъ ужасно!.. Уже не сдерживаясь, крикнулъ молодой офицеръ и бросился къ своему коню...

ГЛАВА XIII.

По льду.

Крутой скать горы... И лѣтомъ трудно взобраться на нее, — теперь-же просто страшно становится при взглядѣ на эту обледенѣлую поверхность... Вѣтромъ давно свѣяло съ нея снѣгъ, да онъ и не держится на льду при этой крутизнѣ, которая теперь при блескѣ солнца глаза рѣжетъ... Гдѣ удержались струйки снѣга — рѣдко впрочемъ — тамъ точно легли синія пятна... И вплоть до верхушки идетъ этотъ естественный паркетъ. Полеъ дошелъ до низу — остановился, видимо недоумѣвая: что тутъ дѣлать?.. Остановились и офицеры... Никто не идетъ впередъ... Не можетъ быть, чтобы дорога шла сюда... Вонъ сверху ползетъ солдатикъ четырнадцатой дивизіи. Пока по синему пятну идетъ — по снѣгу... Добрался до края его, подумаль, подумаль, сѣлъ на ледъ и смѣнно размахивая руками, точно птица крыльями, сталъ сѣзжать внизъ... Его повертывало, то вправо, то влѣво. Разъ онъ вырбнулся, но тотчасъ-же опять сѣлъ... Веселое, бойкое лицо такъ и искрится отъ снѣга... Замѣтилъ солдатъ внизу... Всмотрѣлся сверху — видитъ чужіе.

— Вотъ у насъ какъ — въ четырнадцатой дивизіи, братцы... Самъ тутъ и самъ съ собою... Безъ коней чудесно ѣдимъ.

— Сверху-то чудесно такъ — а какъ ты наверхъ всползешь?

— И наверхъ, вашъ-бродь, можемъ! Сейчасъ штыкъ въ снѣгъ и ходи вольно!

— Да развѣ другой дороги нѣтъ? — спросилъ кто-то.

— Какія тутъ дороги!.. Вотъ она — прикажутъ и идемъ...

— Зацѣпиться не за что, — въ раздумьи проговорилъ солдатикъ, бывший ближе къ нему.

— Не уцѣпишься, точно... А ходимъ... Потому, чудака ты братецъ, ежели тебѣ командуютъ: „шагомъ маршъ!“ — ужли-жь ты будешь внизу воронъ считать?

— Не можетъ быть, чтобы не было обходнаго пути, — вмѣшался Асановъ.

— Отчего не быть?.. Можетъ, и есть, да намъ онъ неизвѣстенъ... Но сегодня тяжело... Въ оттепель чудесно — все стааетъ, мягко. Ну, а теперь голый ледь...

— Нужно попробовать! — обернулся полковникъ. Онъ давно уже оставилъ коня позади. — Посмотрите-ка налѣво...

Налѣво — такая-же крутая гора. И вся бѣлая, ослѣпительно бѣлая. На ней черный зигзагъ какъ-то вверхъ. А вверху — бѣлый валъ чудится съ свѣтлыми прорѣзами... Дымокъ оттуда вьется вверхъ... Вонъ какая-то черная точка ползетъ вверхъ по бѣлому скату. То останавливается, то снова ползетъ... Вотъ внизъ катится... Сначала медленно... Потомъ быстро, быстро...

— Это турки?.. Это ихъ позиція... Траншея. Редутъ наверху... А это ихній солдатъ вѣрно пробирается. Ишь съѣхалъ назадъ. Не удержался.

Воронью чудесно... Сытое — грузно поднялось изъ лоцины, и медленно взмахивая крыльями, потянулось къ вершинѣ... Вотъ еще изъ той-же лоцины стая... Крикъ тамъ... Выстрѣлъ какой-то послышался... Цѣлой тучей вылетѣло оттуда воронье

и все по карнизамъ сосѣдней горы разсѣлось. Точно черною лентою ее обвернуло.

— Что тамъ у нихъ?

— А тутъ въ августѣ шибко много побито народа было. Такъ воронамъ тутъ до сихъ поръ страсть сколько этой ѣды!... Волки забѣгаютъ, вороны тучами, — а все объѣсть не могутъ. Вѣтромъ какъ оттуда потянетъ — смерть! Такъ разить, такъ разить... Кажется... сейчасъ-бы носомъ въ землю закопался...

— Ну, ребята, дѣлать нечего. Попробуемъ.

Полеовникъ взялъ ружье со штыкомъ и, вбивая штыкъ въ ледъ, сталъ подыматься.

— Тутъ какъ конямъ, нужно было-бы боваться на острые шипы, — съострилъ Асановъ, тоже подымаясь кверху.

Солдатики кое-кто послѣдовали за начальствомъ.

Путь былъ невыразимо тяжелъ... Дѣлали шаговъ двадцать и сползали назадъ... Казалось-бы смѣшно, если-бы та-же участь не предстояла всѣмъ. Нѣкоторымъ съѣзжать приходилось на брюхѣ, другіе на спинѣ катились прямо подъ ноги товарищамъ, остававшимся внизу. Солнце сегодня ужъ и грѣть начало... Еще хуже пришлось. Ледъ сталъ скользкимъ, больше скользкимъ, чѣмъ прежде. „Обмокрѣлъ“ сверху... Нивакая нога не могла-бы удержаться на немъ... Вотъ нѣсколько солдатиковъ добрались какъ-то чудомъ до перваго снѣговаго пятна на этомъ скатѣ и столпились на немъ. Стали было радоваться — уже и смѣхъ прыснулъ, и шутка зазвучала — да взглянули вверхъ, оглянулись на низъ и замерли. Точно и вовсе никакого пути не дѣлали. Скатъ все такъ-же высокъ. Разстояніе до вершины точно не уменьшилось... И еще круче, еще тяжелѣе путь вверхъ... Что дѣлать...

— Топоры-бы?

— Что тутъ съ топоромъ? Съ топоромъ ничего не сдѣлать... Не можно топоромъ...

— Нарубить по льду... Чудесно...

— Топоровъ гдѣ достать?

Однако, у одного оеазалось... Онъ давай тропку выру-
 бать... Ступенями... Ледъ, ярко сверкая на солнцѣ, брызжетъ
 изъ подъ топора осколками. Вырубить нѣсколько — станеть
 на вырубленное и давай дальше работать. Не смотря на хо-
 лодъ, изморился весь, потъ градомъ... Внизу тоже замѣтили—
 обрадовались. Но трудъ выходилъ совсѣмъ египетскій, потому
 двое пройдутъ хорошо, слѣдующіе съ трудомъ, — а послѣ подъ
 сапогами слѣдующихъ солдатъ ледъ опять сгладится, опять
 тсанеть такъ скользко, что разогнавшійся было солдатикъ съ
 полу-пути вскинеть нелѣпо руками и опрокидывается прямо
 подъ ноги остальнымъ, сбиваетъ ихъ тоже плашмя на ледъ..
 Такъ цѣлыми вереницами и катятся внизъ, разбивая лица и
 локти, проклиная судьбу, а больше — Балканы съ ихъ неужи-
 данными зимними неудобствами. По всей горѣ теперь ползуть
 черныя тучи... Во всѣхъ направленіяхъ... При скатахъ зве-
 нять, конечно, и ранцы... Штыки звонко стучать по льду...
 Вездѣ, гдѣ были залежавшіяся клочки снѣгу, густо-густо за-
 сѣли добравшіеся до нихъ солдатикки... Почернѣли эти не-
 давно блѣдно-синія пятна... Точно вороны на сосѣдней горѣ...
 Разомъ усядутся черныя фигуры... Отдохнуть, отдохнуть, а
 затѣмъ также разомъ вскинуть и давай ползти дальше...

— Сегодня турки себя отлично ведутъ!..

— Да, молчать!..

— Вѣрно у нихъ здѣсь орудій нѣтъ? Были-бы пушки, давно-
 бы насъ они встрѣтили огнемъ... А тутъ-бы не удержаться отряду...

Заговорили и точно накликали.

Вонъ изъ-за валовъ редута показались какія-то кучи чер-
 ныхъ точекъ... рассыпались по всей горѣ и давай быстро-бы-
 стро скользить внизъ... Видно тоже съѣзжаютъ на чемъ Богъ
 послалъ... Одинъ за другимъ... Вонъ новыя кучки высыпали
 изъ-за валу... И тоже внизъ.

— Что это они?

— Скверно! Очень скверно! — заговорилъ Асановъ.

— Ничего не понимаю.

— А вотъ внизу, поближе къ намъ, у нихъ на всякій случай траншейка. Ну, такъ это они туда...

— А оттуда навѣрно начнутъ стрѣлять по нашему полку? Ишь аспиды!

Солдаты стали еще поспѣшнѣе взбираться... Руки точно цѣпкость какую-то приобрѣли, тверже ноги стали... А все внизу полка точно не убываетъ. Теперь густо на сѣдловинѣ тамъ стоятъ еще не успѣвшіе подняться... Совсѣмъ чернѣла эта сѣдловина подъ сплошными рядами солдатъ. Точно тамъ снѣгъ совсѣмъ стаялъ, и черная земля обнажилась подъ яркимъ солнцемъ, которое уже поднялось надъ вершинами горъ и съ безоблачнаго неба точно желало отогрѣть эту замерзшую пустыню... На верхушкѣ ледяной горы уже показалось нѣсколько черныхъ фигуръ. Это были передовые, которымъ удалось добраться до перевала на ту сторону. Издали они еще больше представляли сходства съ вороньемъ, разсѣявшимся по карнизу сосѣдней горы...

Асановъ былъ уже на половинѣ пути.

— Соймоновъ!.. Вы ужъ сюда поспѣли?

— А что?

— Куда раненыхъ дѣвали?

— Справилъ на перевязочный пунктъ всѣхъ... Да раненыхъ немного, всѣ остальные убиты...

— Одно могу сказать: дорого намъ этотъ походъ обошелся!

— Это еще только начало. Вы посмотрите, сколько народу померзнетъ въ траншеяхъ. Потому у насъ въ отрядѣ нѣтъ настоящей боевой опытности. Что-то треснуло гдѣ-то въ сторонѣ... Вонъ еще... И еще... Точно тамъ щелкалось что...

— Это вѣдь они...

— Турки-то?

— Да, не даромъ въ передовую траншею выбѣгали изъ редута... Ну, великодушный врагъ!.. Что-бы имъ дать намъ всползти на эту гору.

Дѣйствительно, по склону горы, занятой вверху турецкимъ редутомъ, уже мало двигалось черныхъ точекъ. Очевидно траншея впереди была уже наполнена солдатами... Стрѣляли пока оттуда очень сдержанно... Словно такъ для формы. Видимое дѣло ждали, пока остальная часть полка всползеть на ледяные скаты, и тогда начать прямо въ гущу... Солдаты хорошо поняли этотъ расчетъ непріятеля и съ своей стороны не особенно торопились взбираться сюда. Полковникъ, которому никакъ не удавалось добраться хоть до половины ската, сползъ еще разъ назадъ и совсѣмъ заморенный легъ въ снѣгъ и тяжело дышалъ...

— Вамъ подождать надо.

— Что? — обернулся онъ къ старому маіору.

— Пусть полкъ пройдетъ. Ледъ-то подъ ногами весь отобьется... Тогда и мы съ вами двинемся...

— Хорошо вамъ говорить, а съ кѣмъ-же я тѣхъ пушу передовыхъ? Вѣдь вотъ нѣсколько человекъ уже вверху...

— Какъ нибудь. Все равно траншеи наши занимать раньше ночи не придется.

— Почему это?

— А очень просто... Тамъ въ нѣсколькихъ шагахъ турецкія позиціи... Еще перестрѣляютъ всѣхъ!..

Отсюда открывался чудный видъ.

Балканскія вершины подъ солнцемъ казались глыбами раскаленнаго серебра... Въ непроглядную даль уходили онѣ, теряя яркость красокъ и рѣзкость очертаній, но и тамъ въ этой непроглядной дали видѣлись только едва-едва различаемыми бѣлыми облаками. Синія ущелья казались какими-то полувоздушными. Вотъ оставленная деревня внизу... Голые тополи тянутся вверхъ... Подъ ними кровли черепичныя болгарской деревни... И ни движенія, ни звука оттуда... Ни одной черной точки невыползетъ изъ деревни... Замерла совсѣмъ... Вонъ лѣсъ по горѣ подъ солнцемъ... Свѣжные хлопья и комья на вѣтвяхъ горятъ радужнымъ блескомъ... Огнистою массой

встаетъ утесъ изъ за нихъ... Верхушка его совсѣмъ разгорѣлась, точно тамъ кто-нибудь разложилъ костеръ и весь онъ такъ и раскинулся слѣпящимъ глаза полымемъ... Далеко, далеко внизу по одному изъ ущелій точно черная змѣя ползетъ... Вьется... Тихо ползетъ... Въ этой черной змѣѣ золотыми искрами блеститъ изрѣдка что-то...

— Это вѣдь тоже полкъ тянется? Какой-бы это?

— Да... И орудія везуть... Ишь поблескиваютъ.

Черная змѣя вытягивается все больше. Голова ея все дальше и дальше заползаетъ по ущелью — а хвоста еще не видно... Конца ему нѣтъ... Полковникъ заглядѣлся туда и забылся совсѣмъ-было, да шальная пуля ударила рядомъ въ землю... Шипя, впила въ нее...

— Однако, и сюда залетаютъ.

— Тутъ вездѣ... Только это что...

Когда большая часть полка всползла уже на ледяной скатъ и онъ весь почернѣлъ подъ нимъ, изъ турецкой траншеи открыли настоящій огонь...

— Вотъ оно... Заиграли шарманки!..

— Да, теперь держись.

— Ну, что-жъ, больше шуму и треска, чѣмъ дѣйствительнаго вреда.

— Какъ это?

— Очень просто... Вѣдь прицѣльно турки стрѣляютъ. А по крутой поверхности какъ тутъ принаровишься?..

— Жаль полка!.. Жаль!.. Какой полкъ былъ. Помните — въ Питерѣ на парадахъ — чуть не первымъ всегда.

— Ну и обутка! — разсуждалъ солдатъ рядомъ.

— Да ужъ... самая дѣтская... Томитъ ногу-то... Страсть... Хоть гольемъ ее обувай!

Доля солдатская!

— Слышите?.. А жиду этому, который вотъ такую дѣтскую обутку на нашихъ стратотерпцевъ поставилъ поглядите-ко, послѣ войны всякій почетъ будетъ...

— Да развѣ онъ виновать?

— Вона!

— Развѣ мошенникъ можетъ стать честнымъ человекомъ въ его годы. Помилуйте, всю жизнь подличалъ, а тутъ вдругъ! Кто принималъ — вотъ настоящій злодѣй. Вотъ гдѣ корень всякихъ мерзостей!..

— Да тамъ разсуждайте какъ хотите!

Показались уже раненые. Они прямо катились внизъ... Внизъ съ крутаго ската...

А огонь у турокъ все усиливался и усиливался.

ГЛАВА XIV.

Засада.

ыла уже ночь.

Яркая луна словно застыла над серебряными вершинами Балканских горъ, только что выступившими изъ тяжелаго, безпросвѣтнаго мрака сгустившагося внизу. Эти снѣговья вершины казались островами, плававшими въ неподвижномъ и спокойномъ какъ смерть морѣ полуночной тьмы. Скаты ихъ, чѣмъ ниже, тѣмъ все становились тусклѣе и тусклѣе, пока совсѣмъ не сливались съ сумракомъ ущелій и долинъ... Сверху были видны и вдали тѣже самыя серебряныя вершины... Горы, хребтами тянувшіяся во всѣ стороны, тоже выдѣлялись подъ луною ярко-освѣщенными гребнями, сѣдловинами. Иногда казалось, что это не могучій Балканскій великанъ, а какое-то призрачное чудовище, изогнувшееся, спрятавшее свою голову во тьму лощинъ и только громадный хребетъ свой подставившее лунному свѣту... Неровности и сѣдловины этого хребта казались громадными позвонками, ребрами... На сѣверѣ далеко, далеко все тонуло въ свѣтлой дымкѣ... Точно пропадали и горныя вершины и бѣлая лента дороги, начинавшейся здѣсь около Волинской горы и уходившей туда —

къ Габрову... На югъ серебряныя вершины становились все выше и вуче, точно сходясь въ вучу, онѣ хотѣли перерости другъ друга, и поднимались, чтобы изъ-за плечь своихъ сосѣдей заглянуть туда въ благословенную долину Казанлыка, что раскинулась теперь подъ луннымъ блескомъ цѣлымъ моремъ таинственнаго свѣта.

Все спитъ кругомъ.

Спать лощины и ущелья... Заснули села, пріютившіяся кое-гдѣ къ ихъ скатамъ; заснули горныя рѣченки подъ своими ледяными покрывами; заснули вершины горъ; заснули редуты, чернѣющіеся на нихъ... Все неподвижно, спокойно... Только бѣгущая подъ луною тучка вытянулась и извивается, точно ей хорошо и отрадно раскидываться въ этомъ сіяніи, точно оно охватываетъ ее, усталую странницу неба, истомой и нѣгой короткаго отдыха... Но вотъ тучка сбѣжала прочь... Свернулась гдѣ-то далеко въ комочекъ... Серебряный комочекъ спрятался за горы и опять чистое ночное небо, опять эта яркая луна, опять эти печальныя, едва-едва замѣтныя звѣзды...

Впрочемъ, нѣтъ; не вездѣ спокойно, не все еще спитъ здѣсь... Вонъ по одному серебряному хребту, словно длинный изогнувшійся перешеекъ, перекинувшійся отъ одного острова къ другому, среди этого моря тьмы и мглы, движется какое-то черное пятно... Еще ничего разобрать въ немъ нельзя — но оно все колышется и колышется... Мѣняетъ очертанія... И медленно, медленно вытягивается по хребту... Хребетъ уже почернѣлъ подъ нимъ... Можно было подумать, что это туча нашла, или туманъ со дна долины поднялся и тихо ползетъ впередъ по крутой вершинѣ, цѣпляется за скаты, притягивается, сучивается передъ новымъ движеніемъ впередъ... Нѣтъ, это слишкомъ темно для тумана... Совсѣмъ черная тѣнь стала...

На верхушкѣ горы, мимо второй должно пройти это темное пятно, — словно горныя орлы засѣло нѣсколько чело-вѣкъ. Красныя фески обмотаны бѣлыми чалмами... Поверхъ

синихъ куртокъ брошены сѣрыя шинели съ кашюнонами... На ночь выползли они сюда и расположились въ горныхъ скалахъ... Стволы ружей, положенныхъ на выступъ утесовъ, поблескиваютъ подъ луною... Одинъ впереди долго, долго всматривался внизъ... точно хотѣлъ разобрать, что это такое, тѣнь отъ тучи, туманъ или въ самомъ дѣлѣ масса людей движется по сѣдловинамъ?.. Даже руки къ глазамъ приложились... За ружье потомъ схватился... Въ тишинѣ ночи среди этого орлинаго гнѣзда послышался гортанный говоръ, ближе всего похожій на недовольный клокотъ хищной птицы.

— Эй!.. Поднимаются... Русскіе...

Между скалами зашуршало... Точно тамъ зашевелились большія змѣи, выползая на свѣтъ...

— Гдѣ Русскіе?... Приснилось, что-ли...

— Смотрите сами... Я ужъ давно слѣжу... Вонъ оттуда идутъ.

— Нужно дать знать своимъ.

— Ты, Мустафа, поди скажи... А мы продвинемся внизъ и встрѣтимъ ихъ... Ты знаешь, изъ боковаго ущелья...

— А какъ они бросятся?

— Вѣдь тутъ каждая тропа мнѣ знакома... Я васъ въ такую трущобу спрячу, самъ шайтанъ сто лѣтъ ищи — не найдетъ васъ.

Сколько ихъ можетъ быть? — всматривался горбоносый Мустафа въ темное пятно. — Омеръ-бей спроситъ сколько.

— Табора четыре... По ихнему — полкъ, не болѣе... Тихо идутъ — видно устали. Ты свое ружье на всякій случай намъ оставь — тебѣ не надо будетъ... А утромъ мы вернемся... Принесемъ.

— Хорошо. Мнѣ-же идти легче...

Мустафа ушелъ въ противоположномъ направленіи отъ двигавшагося сюда пятна.

— Али! Идти, такъ сейчасъ...

— погоди! Нужно сообразить: туда-ли они идутъ, куда я думаю...

И опять все тихо кругомъ, таеъ тихо, что откуда-то издали доносится ропотъ рѣченки, не мирящейся съ ледяными оковами внизу... Вскорѣ, впрочемъ, къ этому ропоту примѣшалось еще что-то... Какой-то сплошной звукъ... Ничего въ немъ не поймешь... Сливающійся-ли это топотъ тысячи ногъ, или это громадная ледяная лавина гдѣ-то въ сторонѣ шуршитъ внизъ по засыпанному глубокимъ снѣгомъ скату снѣговой горы...

— Слышите?

— Да это они... Я думаю, теперь и у насъ разслышали... Что если выстрѣлить?..

— Рано теперь... Пули пропадутъ даромъ... Я васъ проведу въ такое мѣсто, откуда каждый ударъ — навѣрняка... Теперь можно уже идти... Они именно туда и ползутъ, куда я думаю.

Горные орлы взяли со скалъ свои ружья, собрали сумки съ патронами и тихо стали спускаться внизъ по снѣгу.

Руки тонули въ немъ, когда они искали на крутизнѣ точки опоры; зачастую ноги по колѣна уходили въ бѣлую, рыхлую массу... Но кучка турецкихъ аскеровъ спускалась быстро, быстро... На перерѣзъ большому пятну, двигавшемуся по сѣдловинѣ внизъ, — сбѣгало маленькое пятно сверху... Можно было-бы издали подумать, что это сбившаяся въ кучу хищная стая волковъ сорвалась внизъ, почуявъ добычу... Широкая рытвина словно раздвигала скать... На днѣ этой рытвины выросъ лѣсъ... Турки сбились туда и, чуть не по поясъ уходя въ снѣгъ, двинулись дальше по этой рытвинѣ... Внизу рытвина дѣлалась ущельемъ... Съ полчаса шли аскеры по немъ... Снѣгъ осыпался съ задѣтыхъ ими сучьевъ, беспомощно протягивающихся впередъ, но вершины буковъ и грабовъ казались все неподвижны... Съ комьями сложившагося на нихъ снѣга они рѣзко чернѣли по свѣтло-синему фону, рисовались на чистомъ небѣ, озаренномъ луною... Гнѣздами какихъ-то чудовищныхъ птицъ ночныхъ казались вверху эти комья...

Таеъ и чудилось, вотъ послышится оттуда рѣзкій хриплый крикъ и темная тѣнь отъ крыльевъ — ляжетъ на землю, но заколдованный лѣсъ стоялъ въ своемъ вѣчномъ зимнемъ снѣ безмолвный и неподвижный... Впереди изъ ущелья показался просвѣтъ...

— Ты знаешь, что тамъ? — заговорилъ тотъ, кого товарищи называли Али.

— Ну?

— Дорога, по которой пройдутъ русскіе... Мы заляжемъ шагахъ въ четырехъ-стахъ отъ нихъ — они все пройдутъ мимо насъ...

— Будемъ бить на выборъ...

— Они многихъ недосчитаются сегодня.

— А если они бросятся сюда?

— Тутъ такія рывины, что не зайдутъ, а вотъhalb есть тропинка въ щель... Тамъ не найдутъ...

Продвинулись еще хищныя птицы... Вотъ и лѣсъ остался позади... Теперь по сторонамъ голыя стѣны, засыпанныя снѣгомъ, да прямо изъ подъ ногъ торчатъ сѣрые осколки утесовъ... Вонъ ледяная глыба завалила дорогу... Громадная... Видимое дѣло снѣгъ — ледъ смерзались вверху на выступѣ утеса, что нависъ въ воздухѣ надъ этимъ мѣстомъ... Смерзались; — да буря подлипла и рухнулъ внизъ обвалъ, разсыпавшись, раздробившись... Рискуя на каждомъ шагу засѣсть въ эту массу по-горло, турки съ трудомъ миновали ее... Вотъ цѣлый хаосъ скалъ... Турки засѣли въ нихъ...

— Тутъ хорошо! И одинъ изъ нихъ принаровился какъ стрѣлять. Положилъ дуло на выступъ сѣраго камня. Вышло отлично...

— Я тебѣ говорилъ... Ну, занимайте мѣста поскорѣй... Вотъ такъ... Да не сейчасъ стрѣляйте, дайте первымъ пройти... Ждите моего выстрѣла.

Опять въ скалахъ точно зашуршали змѣи... Гдѣ-то стукнулъ стволъ ружья о камень... И опять все затихло, точно

ничье дыханіе не слышалось здѣсь въ этомъ мертвомъ уголкѣ оледенѣлой пустыни.

Ущелье, какъ корридоръ, выходило на сѣдловину, изъ которой долженъ пройти русскій отрядъ.

Тутъ дѣйствительно никто не могъ миновать опасности... Уйти было некуда... Сѣдловина направо круто обрывалась внизъ, слѣдовательно, всякій долженъ былъ пройти мимо этихъ воротъ... Луна была прямо въ нихъ. Каждый солдатъ, вступившій въ этотъ гибельный влочокъ дороги, былъ ярко освѣщенъ... До него отсюда отъ этой предательской засады было не болѣе трехсотъ шаговъ..

Турокъ словно не бывало.

Замерли...

Нѣсколько минутъ зловѣщей тишины...

— Слышите?.. Толкнулъ локтемъ сосѣда внезапно насто-
рожившійся Али...

Тотъ-же шорохъ, который они слышали наверху, только гораздо яснѣе и громче... Теперь ясно, что это топотъ ногъ по крѣпкому, слежавшемуся снѣгу дороги. Топотъ множества ногъ... Вонъ звонъ какой-то... Штыки о штыки стучать... Говоръ... Близко, совсѣмъ близко... Турки приникли головами къ ружьямъ, да такъ и застыли... Ждутъ, чутко ждутъ. Только сердце колотится о грудную клѣтку, какъ птица, которую вспугнули въ клѣткѣ...

Вонъ въ ворота этого узкаго ущелья словно тѣнь слегла...

Гуще тѣнь... Фигуры показались... Медленно, медленно шли они... Вѣрно устали солдаты на ночномъ походѣ... Густо повалили.

Али совсѣмъ впередъ выдался. Навалился грудью о камень... Глаза такъ и впились туда, въ эти ворота... Щелкнулъ замокъ ружья... Въ тишинѣ послышалось, что замки и у другихъ ружей щелкнули... Все, значить, готовы...

Теперь ужъ и отдѣльные голоса слышатся сюда... Вонъ одинъ тамъ вырвался изъ общаго говора... Звонкій... Вонъ

звякають штыки!.. Должно быть, впереди идущіе солдаты слишком отвалили ружья съ плечъ... Вонъ громкій звонъ манерки и ружей... Хохотъ... Али видитъ, что какая-то черная фигура шлепнулась о земь... Товарищи расхохотались надъ неловкимъ солдатикомъ.

— Пора! — шепнулъ самъ себѣ Али.

Вздрогнуло ущелье. Эхо подхватило пять выстрѣловъ и разнесло его по горамъ... Крики слышались въ воротахъ... Новая черная волна рѣвки навалила туда... Крики слышатся тамъ... Стонетъ кто-то... Говоръ разомъ разгорѣлся...

Но Али хорошо видитъ...

Люди наклонились тамъ надъ бѣмъ-то... Всмотрѣлся пристально... Нѣсколько человѣкъ бьются на землѣ... Не даромъ пропали патроны...

Еще разъ щелкнули замки... Новый громъ изъ злобщей тѣснины прямо въ эти свѣтлыя ворота, прямо въ эту люющую мимо нихъ рѣку... Новыя жертвы падали внизъ къ устью этой тѣснины, искупленіемъ за этотъ опасный путь...

Рѣка полилась еще быстрее... Точно люди хотятъ перебѣжать мимо... Но бѣгутъ сплошной массой...

Али только засмѣялся...

— Не теряйте времени... Не теряйте... Бейте ихъ во славу Аллаха!..

И замки опять защелкали...

Густой дымъ сталъ надъ темными утесами... Въ ущельи точно гремѣла сплошь какая-то грозовая туча...

— Что дѣлать? — заволновался полковникъ въ русскомъ отрядѣ.

— Вотъ, подлецы, засѣли куда...

— Бѣгомъ что-ли?

— Все равно... Они бьютъ на близкую дистанцію и, видимое дѣло, хорошіе стрѣлки... Прوماху не даютъ...

— А люди валятся...

— Нужно штурмовать ихъ...

— Да гдѣ ихъ отыщешь?.. Они, какъ тараканы, въ щели сидятъ...

— Ну, вотъ мы эту самую щель и займемъ...

Солдаты, сначала перебѣгавшіе мимо воротъ, теперь сбились передъ ними, какъ стадо, топочась на мѣстѣ и не зная куда дѣваться...

— Ахъ ты, Господи!..

Прямо передъ сбившейся толпой, на снѣгу растоптанной уже дороги, царапается свалившійся съ ногъ фельдфебель... Пальцы точно поглубже хотятъ уйти въ снѣгъ... Упалъ лицомъ внизъ и силы перевернуться нѣтъ... Шевельнетъ голову вверхъ и опять кладетъ ее на землю... Вонъ другой, впереди, приподымается на вытянутыхъ рукахъ — да видимое дѣло тоже силы не хватаетъ — руки слабѣютъ и онъ тяжело падаетъ, чтобы сейчасъ-же опять повторить свою бесплодную попытку... А тамъ далѣе цѣлая кучка труповъ...

— Если-бы сложить трупы у входа въ это ущелье.

— Много понадобится... Да и чортъ знаетъ, откуда они бьютъ... Не разберешь.

— Не разберешь — это точно.

Говоръ въ толпѣ совсѣмъ замеръ... Подтянулись... столпились... Смотрятъ впередъ... Косятся налѣво...

А налѣво — гора разсѣлась щелью. Входъ въ эту щель и видѣнъ — синій, синій... Лунный свѣтъ туда не попадаетъ...

— Семь-ко я! Ни съ того ни съ сего — вскрикиваетъ молодой солдатикъ... Крадется тихо-тихо къ воротамъ этой щели... Добрался и во всю прыть потому черезъ опасный промежутокъ дороги...

Оттуда изъ устоя щели загремѣло.

Солдатикъ уцѣлѣлъ...

Уже по ту сторону какъ-то радостно вскинулъ руки, снялъ кепку и давай раскланиваться съ товарищами.

— Вотъ мы какъ — лихо вскрикиваетъ онъ оттуда... Вотъ мы какъ!.. Что съѣлъ турка?

— Молодецъ Полушкинъ, — одобряють его.

— Ну-ко-ся и я! — крадется другой.

Доврался до устья... Тишина тамъ... Такая тишина, что кажется, испоконъ вѣку никто даже и не дышалъ въ этой синей щели... А ему боязно, страсть боязно.

— Что-же ты, Климовъ?

— Сейчасъ, братцы, я сейчасъ... И давай, ни съ того, ни съ сего присѣдать... Точно прыгнуть хочеть.

— А ты съ легкимъ духомъ, вали!

— Сейчасъ... Я сейчасъ... И прынулъ, почему-то зажмуривъ глаза.

Опять грануло оттуда... Засвистали въ воздухъ свинцовыя пули...

— Добѣжить Климовъ!

— Батюшки, что это онъ?

Климовъ споткнулся... Уронилъ ружье... И безсознательно давай подымать его...

— Бѣги Климовъ, брось... Но уже поздно, совсѣмъ поздно. Одинокій выстрѣлъ послышался изъ щели и Климовъ какъ-то странно перевернулся на мѣстѣ, упалъ, подскочилъ на землѣ и вытянулся, словно желая получше улечься на отдыхъ.

ГЛАВА XV.

ОХОТНИКИ.

ДА опять тишина... Опять столпившіеся люди, стоя на мѣстѣ, пугливо смотрятъ на эту освѣщенную луною площадку... Оттуда, изъ этой щели, предательской и ужасной — тоже ни звука... Кому удалось перейти на ту сторону, тотъ тоже топчется, не подвигаясь впередъ... Точно всёхъ одурманило...

Направо внизъ — крутой скатъ... За этимъ скатомъ новая гора... Вонъ въ высотѣ ея острая вершина такъ и свѣтится подъ мѣсяцемъ безлюдная, пустынная...

— Что-же, долго стоять на мѣстѣ? — недовольнымъ тономъ обернулся старый севастиополецъ къ полковому командиру.

— А вотъ погодите, маіоръ, дайте обдумать...

— По нашему такъ — ура и въ штыки!..

— На вѣрную смерть?

— Да вѣдь и такъ по дорогѣ идти, такъ они на выборъ сотни людей уложить...

— Какъ-бы узнать, сколько ихъ тамъ?

— Очень легко... Позволите?

— Пожалуйста.

Старикъ тихо пошелъ къ устью ущелья.

— Что это вы? — остановилъ его полковникъ; но тотъ только отмахнулся рукой.

Вотъ оно это устье... Вонъ эти трупы, что леги на площадкѣ передъ нимъ... Вотъ и раненные... Корчатся... Одинъ ползеть... Доползъ до маіора... Хватаетъ его за ногу.

— Голубчикъ, — не узнаетъ онъ офицера, — меня вдарило, въ спину вдарило... Милой... Ой, болить... смертушка моя! Маіору не до него... Сейчасъ начнется...

Приостановился на минуту — перекрестился... Въ памяти мелькнулъ яркій солнечный день... Черное море внизу бьется въ пѣну... Сожженные небомъ скалы поднимаются по сторонамъ... Ни клочка зелени... Севастополь налѣво, весь точно изъ мѣлу высѣченъ... Городъ мучениковъ. Свистъ пуль, грохотъ ядеръ — озлобленная атака повторяется опять, уже въ седьмой разъ... Освирѣпѣлые французы лезутъ на валы... Вонъ они близко, — близко... Онъ стоитъ съ немногочисленной кучкой солдатиковъ...

— Помните присягу, братцы!...

— Помнимъ!

И вдругъ взрывъ: дрогнуло все и эти бѣлыя скалы и это голубое море заколыхалось. И Севастополь куда-то отошелъ... А яркое голубое небо низко-низко опускается. И боль въ груди какая... „Убило, поручика!“ — слышитъ онъ рядомъ, а тамъ за валомъ бѣшеные крики... Первый лязгъ штыковъ... Тускнѣеть въ глазахъ... Тихо все становится кругомъ, колышетъ его точно въ лодкѣ — въ покойныхъ носилкахъ... Отчего это ему именно теперь пришло въ голову? Развѣ будетъ тоже самое? Не все-ли равно?.. Онъ долженъ идти... Одинъ изъ всѣхъ здѣсь онъ обладаетъ боевою опытностью. Снял шапку, перекрестился еще разъ и пошелъ... Тихо пошелъ...

Вотъ онъ уже у самаго устья... Сѣрый выступъ скаты, съ котораго давно сползъ снѣгъ. Какая-то былинка торчитъ оттуда, вся на свѣту... Колышется... Сейчасъ начнется... Онъ

уже идетъ у самаго ската... Выступъ загнулся внутрь... Сейчасъ будетъ видно... Ахъ, какъ ярко свѣтитъ луна! Если-бы тьма теперь, туманъ!.. Нѣтъ, во всю свѣтитъ... Въ Петербургѣ теперь?.. Дома точно серебряные стоятъ, широкія улицы красиво бѣгутъ по сторонамъ отъ этого-же свѣта... Сейчасъ, сію минуту начнется... Попадутъ или нѣтъ?.. Попадутъ, разумѣется... А нужно вниманіе и хладнокровіе... Зоркость нужна...

„Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божию созданную нашу брасоту, безобразну, безславну, не имущую вида...“

Почему эти именно слова погребальнаго гимна пришли ему въ голову? или сегодня и онъ, какъ эти, ляжетъ на площадеѣ; прямо въ глаза ему будетъ свѣтитъ луна, а онъ ея уже не увидитъ... Не увидитъ... Ахъ, какъ быстро, впрочемъ, мысли несутся... Словно вихрь этотъ со стороны пролетаетъ черезъ его голову... А жить-то какъ хочется!.. Жить! Счастья сколько! Эта бѣлая ночь... Эти серебряныя горы...

Вотъ оно... Синее... Синее ущелье...

Ноги спѣшать... Зачѣмъ? — надо медленно... Какъ можно тише... Назадъ-бы теперь... Что за подлая мысль!.. Еще уснѣю!.. Еще уснѣю назадъ... Есть время... А жить-то, жить!.. Какъ хороша жизнь, какъ она отрадна... Дышать, ходить, пить этотъ воздухъ... Видѣть это небо... этотъ снѣгъ... эти скалы...

Разъ!..

Свистнула мимо, близко, близко... Кровь въ голову хлынула. Жарко стало... Два... три... четыре... Жутко... жутко!..

Неужели все?.. Не можетъ быть... Вотъ ужъ и тотъ конецъ близко... Только нѣсколько шаговъ... Только нѣсколько шаговъ — и онъ спасенъ. И ничего не будетъ, — и опять эта ночь его, и этотъ свѣтъ его...

Пятый!.. Господи!.. Неужели цѣль?.. Онъ прибавилъ шагу и бросился бѣжать — не выдержалъ п сѣль. Какъ хорошо, какъ на душѣ легко!..

Да, только пять огоньковъ было... Онъ только сію минуту, когда миновала опасность, сообразилъ это... Именно только пять... Тогда онъ смотрѣлъ туда, — но не давалъ себѣ отчета... Видѣлъ, но не зналъ, что видѣлъ... А теперь зажмурилъ глаза — и сейчасъ ему все это представилось... Синяя глубь ущелья... Какія-то сѣрыя очертанія — должно быть, скалы... И изъ за нихъ пять огоньковъ. Да, пять только... Неужели-же такъ?..

— Господи! благодарю Тебя... И эта ночь пока его, всёѣмъ его... Сейчасъ надо будетъ назадъ опять, мимо этого мѣста, къ полковнику... Но пока онъ живетъ, дышетъ, видитъ, говоритъ съ солдатами; впрочемъ, этотъ и слушалъ ихъ и не слушалъ. Кровь быстро, горячо бѣжитъ по его жиламъ... Жарко ему стало... Самъ чувствуетъ, что щеки разгорѣлись.

— Что, братъ, Полушкинъ, и ты уцѣлѣлъ? — ни съ того, ни съ сего беретъ онъ за руку солдатика, которому удалось пробѣжать мимо опаснаго мѣста.

— Какъ-же... Мы всегда ради стараться... Пуля въ было... Кажется, дыхнуть-бы и наскрозь...

— Да-да! — Не слушаетъ его маіоръ. — А тѣ вонъ лежать... Климовъ-то... А? Ну, прощайте, братцы... Миѣ назадъ пора...

Могъ-бы протянуть еще, здѣсь остаться, побыть съ ними, уцѣлѣвшими... Да зло взяло... Ужъ скорѣй-бы, чего томить... Теперь назадъ бѣгомъ надо... Во всю прыть... Взялся за саблю рукой, чтобы на бѣгу не мѣшала... И опять мимо ущелья... Уже не смотря туда. Что это?.. Кажется, у самыхъ ногъ пулька впила въ землю... Другая свистнула опять... Вновь загремѣло ущелье... Авось удастся... Если попадетъ — въ правый бокъ ударить, сообразилъ онъ... Или въ руку... И вдругъ у локтя зануло... Точно туда вотъ сію минуту попала пуля... Нѣтъ, удалось и въ этотъ разъ...

— Ну, поздравляю васъ! — встрѣчаютъ его. — Жмутъ ему руку. — Счастливъ вашъ Богъ... Отлично вы это.

— Да! — возбужденно выкрикиваетъ онъ... Торопится — точно боится, что сію минуту у него языкъ отнимется. — Да... тамъ немного... Совсѣмъ мало... Пустяки... Только пять человѣкъ... Знаете темно... А въ темнотѣ пять огоньковъ... Я считалъ, — всего пять... За скалами они тамъ... Знаете выбить можно ихъ... Непремѣнно надо... И сейчасъ. А то чортъ ихъ знаетъ... Вдругъ къ нимъ можетъ подбѣжать подкрѣпленіе... Нужно, знаете, вызвать охотниковъ и броситься... Штыками... И самимъ занять эти скалы... пока весь нашъ полкъ пройдетъ... Хорошо?... А?..

А у самого въ головѣ вихремъ совсѣмъ не тѣ мысли...

— Да, я самъ такъ думаю! — соглашается съ нимъ полковникъ.

— Этотъ маіоръ Самойленко у насъ совсѣмъ орель! — говорятъ солдаты.

— Орель!.. Какъ онъ туда?... А?... Тихо...

— А оттуда за то — турманомъ.

— Побѣжишь, небось!

— Охотники, впередъ! — командуетъ полковой командиръ. — Охотники!

Солдаты мнутса... Пятеро выступили впередъ.

— Ребята... Кто хочетъ охотой?... Турокъ тамъ пятеро за скалы засѣло... Нужно ихъ штыками выбить.

Еще стали выходить...

— Докторъ, — а вы куда?

— Да я тоже хочу посмотрѣть... Можетъ, и понадобится.

— Не ваше дѣло...

— Во-первыхъ, мое дѣло — вездѣ, гдѣ ранятъ и убиваютъ.

— Да вы тутъ нужны.

— Позвольте ужъ, полковникъ...

— Богъ съ вами — идите... Сколько-же всего?... Человѣкъ двадцать только.

— Больше не надо!.. Я съ ними пойду...

— Отчего это только я полѣзъ! — проносится въ мозгу у маіора. — Мнѣ-бы вѣдь другаго послать... Зачѣмъ это... ужъ навѣрное убьютъ...

И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, какое-то удивительное равнодушіе къ жизни... И разомъ вѣдь... То жить хотѣлъ... А теперь совсѣмъ другое. Если и убьютъ — плакать некому; одинъ я на бѣломъ свѣтѣ!.. Одинъ? А деньщикъ Ермошка... Все равно что родной.

— Полковникъ, если меня убьютъ... деньщика моего Ермошку возьмите къ себѣ... Какія деньги у меня — тоже ему...

Ну, пора... Теперь о себѣ и мысли нѣтъ... Чувство ответственности за другихъ заслонило все остальное...

— Какъ-бы не осрамились...

— Ваше высокоблагородіе... — проталкивается впередъ какой-то солдатикъ.

— Ермошка... Тебѣ чего?

— Такъ нельзя... Я съ вами... помилуйте! Какъ-же вы одни-то безъ меня... Никакъ это невозможно... Никакъ я этого позволить не могу... Не спросясь у меня, и идете... Я съ вами...

— Оставайся Ермошка. Не твое дѣло тамъ.

— Помилуйте... законъ... Я при васъ долженъ... Я свое мѣсто... При баринѣ... Какъ можно!..

— Да вѣдь ты безъ ружья... Дуракъ!

— А во — у убитыхъ возьму ружье и пойду... — И Ермошка пристроился къ другимъ охотникамъ.

— Ну, Господь съ тобой... Пойдемъ...

— Вы-бы имъ нѣсколько словъ... — предложилъ полковникъ.

— А это тамъ какъ понадобится, — улыбнулся маіоръ.

„Въ слова вѣрить!“ засмѣялся онъ еще разъ. „Кто трусъ — того никакимъ словомъ не прошибешь!..“

Охотники двинулись за маіоромъ.

У самаго устья ущелья онъ остановилъ ихъ, выстроилъ и сталъ внимательно вглядываться имъ въ лица.

Солдатики очевидно не были воодушевлены предстоявшимъ имъ подвигомъ. Зачѣмъ-же впередъ вышли? А такъ — скорѣе сами ноги шагнули — а онъ почти не принималъ въ этомъ никакого участія. Фукомъ какъ-то... Шатнулось — и попали въ охотники. Зачѣмъ?.. въ чему?.. Едва-ли бы кто-нибудь изъ нихъ отвѣтилъ на это. Сами не знали... Жутко было имъ это точно. Очень жутко. Очевидно каждый испытывалъ то-же, что и маіоръ нѣсколько шаговъ тому назадъ. Сняли шапки — крестятся... Накрылись... Молчатъ и ждуть... Тучка ползетъ по небу, медленно ползетъ... Маіоръ ждетъ, когда она луну затянетъ — все не такъ будетъ ярко свѣтить она прямо въ устье этой щели... Все опасность уменьшится...

— Вы ребята вотъ что... Какъ войдете — такъ бѣгомъ... Слышите?

— Слышимъ, ваше высокоблагородіе.

— Непріятеля мало, всего пять человѣкъ... Чтобы имъ бѣжать — нужно время... Сидятъ они шаговъ за триста; значитъ, какъ вы на него кинетесь — онъ сдѣлаетъ залпъ и давай самъ утекать... Поняли?..

— Поняли.

— Ну, вотъ... Вы только за мной! Бояться нечего... А вы-бы, докторъ, назадъ ушли. Ну что вамъ здѣсь — подумайте!

— А ужъ до этого вамъ дѣла нѣтъ.

— Да мнѣ что — пожалуй, подставляйте голову, коли охота есть...

Медленно, удивительно медленно ползетъ эта тучка... Еще половины разстоянія не прошла... Мѣняетъ, словно отъ нечего дѣлать, свои очертанія: то вытянется, то опять скучится... Будто раздумываетъ... Смотритъ на нее маіоръ, и кажется ему, что она совсѣмъ застоялась на небѣ... Не хочется ей дальше плыть по его безбрежному простору... Раскинулась — и ни съ мѣста... Нѣтъ... Идетъ... Вонъ изъ за того края звѣзды показались, а тамъ всѣ пропали... Идетъ только тихо, тихо, нехотя... „Да скорѣй-же!“ готовъ онъ былъ бривнуть ей.

Солдаты какъ-то осѣли... Какъ мѣшки навалились на ружья. Одинъ колупаетъ пальцемъ по ржавому пятну на стволѣ ружья... Другой — въ десятый разъ, безъ цѣли, сбрасываетъ на затылокъ кепку и потомъ надвигаетъ ее на лобъ опять. Ермошка сѣлъ себѣ на землю и переобувается...

— Чего-ты? — спрашиваетъ его солдатъ рядомъ.

— Да понало что-то... Колеть...

— Снялъ сапогъ... Развернулъ портянки, поставилъ голую ногу на снѣгъ, да и забылъ про нее... Задумался о чемъ-то.

— Ну?.. А-ль ошалѣлъ? — толкнулъ его сосѣдъ.

— Ась?.. Ай-да!.. — И давай обуваться опять.

Вотъ тучка уже близко, близко... Вотъ часть луны затянула... Точно студенистая, чудовищная амфибія въ недосыгаемой выпинѣ, захватила она своими длинными щупальцами луны и втягиваетъ въ себя... Вотъ только край луны свѣтится... Точно потускнѣла окрестность... Нѣтъ той яркости... Съ меньшей опредѣленностью отражаются на снѣгу тѣни солдатъ... И трупы, что лежатъ тамъ у входа, будто слились. Не такъ рѣзки ихъ очертанія.

— Ну, ребята, съ Богомъ! — подхватываютъ за мной ура! — Слышите?

Солдаты заторможились лихорадочно какъ-то!.. Ермошка подобрался къ маіору поближе... Звякнули штыки о штыки...

— Для скорости-то сбросьте ранцы... Поторашливайтесь, братцы...

Сбросили и ранцы... Еще больше потемнѣло... Тучка совсѣмъ втянула въ себя луны и побѣлѣла сама...

Маіоръ скользнулъ за уступъ... Солдаты какъ одинъ человѣкъ кинулись за нимъ... Отсталыхъ не было...

На встрѣчу — затрещали Пибоди.

— Ой!.. Голубчики... Точно засѣло въ ухахъ... Видно кого-нибудь ударило...

— Ура! — слышенъ голосъ маіора...

„Урра!“ какъ-то неестественно громко разносится въ мо-

розномъ воздухѣ... „Ура!“ подхватываютъ ущелья и скаты окрестныхъ горъ... „Урра“ перебрасывается въ массы солдатъ, сбившихся по обѣ стороны устья... „Ура“ и тамъ звучитъ и растетъ, нервно, возбужденно... Видимо и тотъ, кто крикнулъ первый, и тѣ, которые подхватили одинаково исполнены ужаса.

Тра-та-та! — точно мелкая дробь, трещать турецкія ружья на встрѣчу охотникамъ.

— Чего ты? — оглядывается Самойленко.

— Сюда, въ сюда! — оторопѣвъ, указываетъ солдатъ на животъ; сюда...

— Что сюда?

— Вдарило... Видимо такъ оторопѣлъ, что и боли не чувствуетъ... Вдарило... Вдарило — жалобно растягиваетъ онъ. Ой, горитъ, милые вы мои... Братчики горитъ...

— Ахъ вы подлые! — оретъ кому-то озлившійся Ермошка... Онъ схватилъ первое попавшееся ему на дорогѣ ружье, но зато потерялъ свою кепку и, не замѣчая этого, бѣжитъ впередъ...

Трескъ магазиноеъ точно оборвался, когда солдаты перебѣжали половину разстоянія...

— Вонъ они, братцы... Вонъ они.

Точно темныя тѣни скользнули влѣво... Куда-то въ новую щель... Скользнули и пропали... Будто ихъ и не было вовсе.

— Скорѣе, скорѣе, ребята! — слышится голосъ маіора... Турки ушли...

— Урра! уже радостно звучитъ изъ рядовъ, еще нѣсколько мгновеній назадъ смущенныхъ...

Добѣжали до скаль... Тихо, пустынно...

Камни торчатъ изъ подъ снѣга... Видно вотъ тутъ лежали... Обмялось... Отсюда послали они свои губительныя пули... Теперь все молчитъ кругомъ... Молчитъ лѣсъ, насупившійся позади... Молчитъ ущелье...

— Ну, спасибо, братцы... Лихо обдѣлали! — радостно подымается маіоръ на ближайшій утесъ.

— Рады стараться!..

— А ты, Ермошка, куда кепку дѣль?

— Кепку!.. Во-на...

На снѣгу валяется феска... Красная... Ермошка под-
нял ее.

— Чего еще... Пощеголяю въ турецкой шапкѣ... Намъ,
деньщикамъ, можно... Потому мы не строевые...

Впереди площадка, у самого устья... Ее тоже освѣтило...
Засеребрилась вся... Трупы, лежащія на ней, рѣзо выресо-
вывались... Маіоръ взглянулъ наверхъ...

Луна выползла изъ-за тучки и опять разгорѣлась во всю...

— Эй, кто-нибудь!.. Помогите снести раненаго! — слыш-
шался невдалекѣ голосъ Соймонова.

— И гдѣ-же они? Слышь Ермошка?

— Кто?

— Да турки...

— Лови вѣтра въ полѣ...

— Значить побѣгли?

— А то какъ — извѣстно побѣгли... Рази они могутъ
противъ насъ...

— Могутъ, отчего не могутъ... Ишь сколько народушку
побили — до страсти... А тоже насъ супротивъ ихъ много
было, ну они и не выстояли, это точно...

— И слѣда нѣтъ.

— А ты еще насули, они тебѣ слѣдъ покажутъ. Что
скучно, поди, безъ нихъ...

— Нѣтъ! а только перехватать-бы ихъ.

— Перехвати... Они теперь поди въ гору тамъ царапа-
ются...

И дѣйствительно въ гору...

Не успѣлъ еще Ермошка принаровиться въ красной фе-
скѣ, отдохнуть, развалившись въ снѣгъ прямо, какъ съ бли-
жайшей высоты грянулъ выстрѣлъ... Пуля щелкнула прямо
въ скалу.

— Ребята, въ эту сторону всѣ! — приказалъ маіоръ, прижимаясь къ откосу.

— Ишь ты, сѣмя подлое! Сколь оно ядовито.

— А что?

— Да покою нѣтъ. Кажется довольно хорошо мы ихъ раскатали — нѣтъ опять!

Еще слышались выстрѣлы — но они уже никого не пугали... Поцелкивали ближе и ближе...

Ермошка было выползъ и какъ разъ надъ ущельемъ, на выступѣ сѣраго гранита, вверху увидѣлъ турка, зорко смотрѣвшаго внизъ... Турокъ смотрѣлъ туда, гдѣ недавно были наши...

— Ахъ ты боровъ! — заругался Ермошка.... Ишь подлець — страху на тебя нѣтъ. Ну да постой, я тебя ублаговторю.

— Даваго-съ ружье! — шепчетъ онъ ближайшему солдату.

— Чего ты?

— А ты громче! И Ермошка, мимоходомъ, далъ ему затрещину.

Выползъ нѣсколько въ сторону.

Турокъ весь на свѣту. И утесъ свѣтомъ облитъ и черная фигура аскера вся передъ сіяніемъ мѣсяца такъ и вырѣзывается... Шаговъ сто вверхъ будетъ...

— Я тебя! — шепчетъ Ермошка, — цѣлясь въ него. — Я тебя!..

А турокъ, точно исполняя его желаніе, совсѣмъ близко подошелъ къ краю, даже нагнулся внизъ, какъ острый выступъ камня...

— Вотъ-же!

— Молодецъ Ермошка! — одобряли его кругомъ.

— Ну-ко, кого ты обрестилъ?.. Кажи-ка крестника?

— Вонъ онъ какой! — и Ермошка съ законною гордостью только ударилъ турка по лбу... А говорятъ мы деньщики... Мы вотъ какіе деньщики. Солдату не уступимъ...

— Это точно...

Турокъ, раненный на смерть въ грудь, еще и разбился при паденіи... Онъ только открывалъ и снова закрывалъ глаза... Въ груди у него что-то хрипѣло... Сѣдая борода обогрилась кровью... красная пѣнка на губахъ пузырится.

— Масульмандеръ билирсенъ? — силится сказать онъ.

— Старый!.. А? — изумленно смотритъ на него Ермошка, разставивъ ноги, засунувъ руки въ карманъ и сдвинувъ феску на затылокъ.

— Совсѣмъ старый!.. А, поди, какой уязвительный... Поди, у него дѣтки есть? — перешелъ Ермошка въ другой тонъ... Дѣтки малые, слабые... Ножки таперича у нихъ мягкія... Что они могутъ... Ахъ ты глупый, глупый... Зачѣмъ драться пошелъ?

— Аллахъ юсуль...

И докончить не могъ старикъ... Схватился за грудь — подняться хочетъ...

— Лежи, лежи... Сейчасъ доктора тебѣ дадимъ... Жена у него... Теперь ждетъ одна... Дѣтки... Ахъ вы дѣтки, дѣтки!

Подошелъ майоръ. Видитъ: только что торжествовавшій Ермошка горькими слезами разливается...

— Чего ты, Ермолай?

— Какъ-же, вашебродь, турко, гля-кось, какой старый, старый...

— Ну, дуракъ?

— Да вѣдь у ево — поди дѣтки есть... И у меня тоже дома оставлены... Зачѣмъ я его... Пущай-бы онъ сверху смотрѣлъ...

ГЛАВА XVI.

ВОНЬ ИЗЪ КЛѢТКИ.

Сговоръ мало по малу утихъ въ Габровскомъ монастырѣ. Больные и раненые заснули въ своихъ койкахъ... Стонали въ бреду кое-гдѣ; вскрикивалъ ампутированный, который въ забытѣ подносилъ въ лицу руку и только при видѣ залитаго въ гипсъ и забинтованнаго безобразнаго обрубка замѣчалъ, что ея нѣтъ уже нѣсколько дней... Хрипѣлъ въ углу солдатъ съ пробитою насквозь грудью... Сверху лился тусклый свѣтъ лампъ, едва-едва выхватывавшихъ изъ мрака блѣдныя искаженные лица, съ заострившимися чертами, съ шрамами и подтеками, сворчившіяся подъ солдатскимъ сукномъ тѣла и граціозную фигуру Айши, которая, переходя отъ одной койки къ другой, прислушивалась къ больнымъ, подавая одимъ пить, закрывая другихъ, поворачивая третьихъ, взбивая подушки четвертымъ...

— Спасибо рѣдная!.. Дай тебѣ Богъ!.. — засыпалъ больной, видая на нее благодарный взглядъ.

„Сегодня, сегодня надо спасти его, во что-бы то ни стало... Сказываютъ, начальника округа скоро перемѣнятъ, — другой, пожалуй, станетъ судить Омера. А тамъ что будетъ —

одинъ Аллахъ вѣдаетъ!.. Непремѣнно сегодня. Часовыхъ у него нѣтъ...“ думала она, оставаясь свободной, когда большіе утихали...

— Айша!

Она обернулась на зовъ. Въ дверяхъ комнаты стояла молоденькая сестра милосердія.

— Ты устала за цѣлый день... Иди спать!.. Теперь моя очередь. Ну, что?

— Герасимовъ... худо...

— Что съ нимъ?

Совсѣмъ дышать трудно... Очень худо!..

И она повела ее къ хрипѣвшему солдату, у котораго грудь была пробита насквозь.

— Да... Скверно... Докторъ видѣлъ?

— Сейчасъ былъ... Сказалъ: ночью умереть.

— Бѣдный!.. Славный какой былъ!.. Ну, иди, отдыхай, Айша... Ахъ, да! чуть не забыла... Сегодня получено письмо отъ Соймонова... Онъ тебѣ кланяется...

Айша вспыхнула разомъ и схватила сестру за руку.

— Говорятъ, что его скоро приплотъ въ Габрово — сопровождать партію отморозженныхъ... Ну, такъ тогда онъ самъ съ тобой повидается...

— Соймоновъ хорошій... Соймоновъ очень хорошій.

Сестра улыбнулась.

— Вотъ поѣзжай съ нами въ Россію... А тамъ что будетъ...

— Будетъ? Соймоновъ хорошій и будетъ хорошо...

Айша веселая пошла къ себѣ.

Сестры спали... Ночникъ едва мигалъ въ углу. Айша прислушалась къ дыханію сестеръ... Все было тихо...

Нагнулась надъ своей постелью... Вынула монеты, что ей дарили все это время... Ножъ достала — давно его принесла... Револьверъ, купленный ею на дняхъ у болгарина-ополченца.

„Ему надо!.. По крайней мѣрѣ будетъ чѣмъ защититься, если врага встрѣтитъ“, думала она.

Закуталась въ темный платокъ... Еще разъ оглядѣла сестеръ... Дверь скрипнула... Айша замерла — не услышатъ-ли. Нѣтъ, спали все такъ-же. Она вышла во дворъ. Вонъ свѣтится окно у доктора. Заглянула она... Наклонясь надъ столомъ, что-то пишетъ докторъ... Лампа ярко освѣщаетъ бѣлый листъ и наклонившееся надъ нимъ серьезное, сильно похуѣвшее лицо... Чьи-то шаги позади нея... Айша отскочила отъ окна и прижалась къ стѣнѣ. Слава Богу, шли по ту сторону двора... Не видать, кто въ темнотѣ, только папироса вспыхиваетъ, кидая красный отблескъ на круглый кончикъ чьего-то носа... Айша скользнула къ калиткѣ... Сторожъ... Кабъ-бы не замѣтилъ?.. Нѣтъ, спитъ себѣ... Перешагнула — и очутилась на улицѣ...

Улица точно черная щель... Узкая, узкая... Стѣны домовъ, мимо которыхъ идетъ она — видить, а дальше — ничего. Точно въ колодезь. Улица загибается то направо, то налево... Кривая. Страшно ей, совсѣмъ жутко... Вдругъ наткнется на кого-нибудь!.. Еще счастье, что ни одного прохожаго нѣтъ... А вдругъ!.. Вонъ издали точно чьи-то шаги... Остановилась, къ стѣнѣ прижалась... Нѣтъ, такъ почудилось, никого нѣтъ... Пошла и опять слышатся ей тѣ-же шаги... Стала — стали и они... Айша перешла на другую сторону улицы... Разумѣется никого нѣтъ, такъ только пугается... Вѣрно ея собственные шаги отдаются тамъ... Вонъ, впереди фонарь мелькаетъ масляный... Скупо горитъ, точно заснуть ему хочется... Задремлетъ, а потомъ вдругъ раскроетъ глаза, взглянетъ на кривую улицу, на слѣпую стѣну дома и опять жмурится, погружаясь въ темноту...

Слава Богу, хоть немного свѣту, а то жутко, совсѣмъ жутко...

Айша даже остановилась подъ фонаремъ и стала вглядываться... Никого.

Скользнула дальше... Въ улицу вбѣжалъ тѣсный переулокъ, — въ переулокъ пошла; переулокъ вывелъ на Янтру. Подо льдомъ злится она и шумить... Мостъ перекинулся... Мѣсто открытое — всё ее увидятъ... Она перебѣжала черезъ мостъ, что есть духу... Слава Богу, опять потянулись безлюдныя улицы...

Айша уже смѣлѣе бѣжить по нимъ... Вонъ въ темнотѣ мелькаетъ впереди башня базарной площади... И не размотришь.

— Эй, ты, что шляешься по ночамъ? кричитъ ей кто-то по болгарски.

Айша только поплотнѣе кутается... Башня ближе, но не размотришь ее: то сольется съ мракомъ ночи, то опять на немъ зачернѣетъ.

— Должно быть, къ офицеру какому-нибудь... Эти бѣженки совсѣмъ одурѣли! — слышится голосъ того-же болгарина... Шаги его замираютъ гдѣ-то вправо... На смѣну имъ лязгъ шапекъ... Айша скользнула въ уголъ... Мимо прошелъ какой-то казакъ... Подвыпиль, должно быть... Покачиваетъ его... Теперь ужъ близко... Рукой подать!..

Вотъ и тюрьма.

Съ этой стороны часоваго нѣтъ... Вонъ и окно, точно дыра черная... Ни луча свѣта за нимъ... Деревянная рѣшетка крутомъ. Стекло нѣтъ.

— Омерь!..

Тишина тамъ... Неужели заснулъ такъ крѣпко... Оторвала съ земли примерзшій камешекъ — ливынула...

— Кто тамъ?

— Омерь?

— Ты, Айша?.. — показалось за рѣшеткой лицо, которое трудно было разглядѣть въ сумракѣ.

— Я... Я сама!.. Ты одинъ здѣсь?

— Одинъ... Сегодня развѣ?.. Слава Богу... Мнѣ давно уже наскучило сидѣть здѣсь.

— Скорѣй только, пожалуйста... Слышишь? Могутъ увидѣть.

— Меня не караулятъ... Осталось немного... Почти вся уже рѣшетка сломана. Ножь-бы поскорѣе.

— Вотъ со мной есть!

— Сейчасъ кончу работу.

Послышался скрипъ дерева подъ ножемъ. Айша чутко сторожила — не появится-ли кто на улицѣ... Издали донеслась громкая пѣсня закутившаго болгарина:

Нема нето—зло големо
Глупови момчета!..

Она замирала уже, когда дерево смолкло подъ ножемъ и въ черной дырѣ окна не было уже видно рѣшетки... Въ дыру просунулась голова узника... Слышно было, какъ онъ тяжело и порывисто дышалъ.

— Ну?.. Никого нѣтъ?.. — шепчетъ онъ ей изъ окна.

— Никого... Скорѣй, скорѣй...

Выдвинулся до пояса... Прислушался самъ съ секунду... Шорохъ и стукъ паденія чего-то грузнаго.

— Слава Аллаху... Бѣжимъ... Я тебя провожу до конца города... Пойдемъ, пойдемъ отсюда... Если узнаютъ болгары — убьютъ.

— Какъ до конца города?.. Развѣ ты не со мною?

— Нѣтъ; я уже говорила тебѣ, братъ... Меня здѣсь сестры любятъ... Тутъ мнѣ безопасно... Пока война кончится.

— Смотри!.. Не измѣни завѣту отцовъ своихъ...

Айша промолчала на это.

— Я тебѣ принесла вотъ тутъ деньги... Вотъ шапка болгарская... Въ фескѣ нельзя... Тебѣ всю ночь идти придется — тутъ вотъ что поѣсть.

— Да, я раньше утра на турецкой сторонѣ не буду.

— Не заблудись, смотри.

— Всякую тропинку знаю здѣсь... Какъ заблудиться?..

Улица прямо упирается въ черную — среди этой безлунной ночи — гору... На черной горѣ чудится черный лѣсъ.

— Ну, прощай, Омерь!..

— Прощай, Айша... — обнявъ онъ сестру. — Прощай... Пусть тебя сохранитъ Аллахъ... Война кончится, приѣзжай въ Айдириэ, тамъ знаешь, гдѣ найти меня, у дади, у Юнуса... Не уйди съ русскими!..

Айша и на этотъ разъ промолчала ему.

— Послушай, братъ... У меня къ тебѣ просьба.

— Какая?

— Ты къ Сулейману теперь?

— Да... Запишусь въ войско... Другаго приюта нѣтъ...

— Если въ бою встрѣтишь русскаго доктора или кого-нибудь съ перевязью краснаго креста — щади!.. Не убивай...

— Почему?

— Они дѣлаютъ много добра нашимъ раненымъ... Очень много добра, братъ!.. Смотри, щади и ты... Скажи всѣмъ нашимъ... Они за нашими ранеными и больными ходятъ такъ-же, какъ и за своими... Никакой разницы нѣтъ. Прощай, братъ.

— Прощай, Айша...

И невыразимо грустно стало ей... Можетъ быть, не увидитъ его больше... Убьютъ или она уѣдетъ... Сестра сегодня говорила... Никогда не встрѣтится... Вонъ его уже не видно... Пропалъ во тьмѣ. Только шаги слышны... Снѣгъ скрипитъ у него подъ ногами.

— Прощай, Айша!.. — словно шопотъ долеталъ до нея оттуда.

— Прощай, Омерь!.. Прощай!..

„Можетъ быть, скоро ты со всѣмъ чужой будешь мнѣ... Уйду далеко, далеко!... Другой край будетъ мнѣ родиной, другая страна приютитъ меня, можетъ быть“. И слезы сами неволью льются изъ глазъ, и уже не боится она натѣнуться на кого-нибудь, потому что тоска сжимаетъ ей сердце... Одну

минуту она даже поколебалась, не вернуться-ли, не уйти-ли съ нимъ въ горы, къ своимъ. Старая пѣсня припомнилась... Еще мать пѣвала ее...

„Изъ родимаго края, изъ родной семьи, далеко—далеко унесъ меня вѣтеръ...

„На чужой сторонѣ такъ-же ярко свѣтитъ солнце, такъ-же пышно расцвѣтають цвѣты...

„Такъ-же улыбаются люди, и еще больше полюбила меня семья моего мужа...

„Но—тоска меня точитъ, какъ змѣя, и все меркнетъ въ моихъ глазахъ...

„Ахъ, нѣтъ солнца ярче и людей милѣе, какъ на родиѣ!“ *)

Вернувшись домой, она застала сестеръ спящими... Сама легла въ постель — и до зари проплакала.

*) Румелійская народная пѣсня.

ГЛАВА XVII.

Дома!

Ермошкѣ не долго пришлось оплакивать убитаго имъ турецкаго солдата.

Ущелье это было важно только до тѣхъ поръ, пока мимо него шель полкъ, и наши сидѣли здѣсь еще съ часъ. Когда послѣдніе ряды мелькнули мимо устья, маіоръ со своими охотниками тоже двинулся назадъ.

Трупъ аскера оставили на скалахъ.

— Что-жъ мы съ нашими-то станемъ дѣлать? — задался Ермошка, останавливаясь надъ своими убитыми...

Одинъ изъ нихъ, падая, прислонился къ стѣнѣ... Такъ и стоитъ точно живой... Глаза открыты, кепка всползла на затылокъ, изъ подъ козыря волосы на лобъ падаютъ... Въ лицо прямо бьетъ лунный свѣтъ — яркій, яркій...

— Совсѣмъ точно и не померъ... — остановился передъ нимъ Ермошка. — Ахъ ты, Тузовъ, Тузовъ!.. И солдатикъ-то какой хорошій былъ!.. И Ермошка ни съ того, ни съ сего поправилъ ему кепку... Одна пуговица у шинели оказалась незастегнутой — застегнулъ; сдунулъ свѣтъ, упавшій ему на плечо.

— Чего ты съ нимъ возишься? — удивился маіоръ, проходя мимо.

— Нельзя, солдатъ вѣдь... Прямо на смотръ къ Богу теперь... Нужно, чтобы во всемъ паратъ былъ... И другихъ-бы подобрать слѣдуетъ...

— Да вотъ тутъ оставлены санитары съ носилками... До позиціи донесутъ... Дорога теперь легкая будетъ... И недалеко...

— Что-жъ мертвыхъ таскать?

— Да турки рази мертвыхъ пожалѣютъ?.. Что имъ мертвые! Сейчасъ сапоги съ него долой, шинель... Голову прочь... Наругаются...

— Тузова перваго, братцы! — суетился Ермошка. — Хорошій солдатъ былъ... Ахъ, хорошій солдатинка!.. У Бога ему теперь чудесно будетъ... На самое хорошее мѣсто поставятъ... Одно слово — воинъ!

Положили на носилки Тузова... Свалили на другія другихъ убитыхъ...

Двое раненыхъ приотстали... Эти сами шли.

— Легъ-бы ты... Не дойдешь, — остановилъ одного Соймоновъ.

— Помилуйте, вашъ-бродъ, рана самая пустая... Только, что кровь открыли... Въ кости мозжить, а только терѣтъ можно...

— Ну, иди, коли хочешь... Горить вѣдь?

— Горѣтъ — горить... Отчего ей не горѣтъ?.. А только я въ — снѣжку прикладаю и легче...

Охотники двигались впередъ. Черная масса полка уже вся была на крутизнѣ горы... Черная съ тускло блиставшими подъ луннымъ свѣтомъ лѣсами штыковъ.

Направо стояли бездны, темные скаты... Сѣрые утесы взрѣзывали землю и снѣгъ, словно сторожа путь отъ невѣдомаго врага. Тишина стояла кругомъ... нерушимая, какъ въ безлюдной пустынѣ, гдѣ молчаливое небо смотреть тысячами робко

мигающихъ звѣздъ на молчаливую землю, гдѣ молчаливый день смѣняется такою-же молчаливою ночью.

— Всякая новая щель налѣво въ скатѣ горы возбуждала у маленькаго отряда опасенія... Каждый, проходя мимо, пытливо засматривался въ ея тьму... Ноги сами собою ускоряли шагъ... Въ головѣ безотвязно шевелилось: „а вдругъ!.. Вотъ, вотъ сейчасъ!“ Но щель, за щелью отходила назадъ, и выстрѣла не было!..

На встрѣчу спокойно плетется себѣ солдатикъ... Ружье — вольно, отвалилось назадъ. Походка безпечная...

— Ты откуда? — останавливаетъ его маіоръ.

— Съ позиціи, вашъ-бродь!

— Далекое еще?

— Не! за горой... Спчасъ будетъ...

— Куда-жь ты это?

— А нужно тутъ... Офицеръ позволилъ, я и иду... На роту табаку достать надо... Скучно безъ него...

— Чудакъ ты эдакой... Турки здѣсь!..

— Турка, вашъ-бродь, спитъ вся теперь... Она вся теперь въ землю зарылась и спитъ.

— Вонъ видишь какъ спитъ... Это все у насъ перебили.

— Это точно... А только насъ онъ не смѣетъ... Вашихъ онъ точно что... А насъ ему нельзя!

— Что-же, онъ спрашивается у тебя станеть?

— Спрашивается не станеть, только четырнадцатую дивизію онъ не посмѣетъ тронуть! Мы за всегда безъ опаски...

— Ну, а ежели тронеть?

— А тронеть — тогда помирать будемъ!

И отпущенный маіоромъ солдатикъ также безпечно двинулся по роковой, пройденной полкомъ дорогѣ.

— Вотъ тутъ и разсуждай!.. Какова самоувѣренность! замѣтилъ Соймоновъ.

— Да, батюшка, въ этой самоувѣренности залогъ успѣха всякаго... Я-бы счастливъ былъ, кабы мой баталіонъ изъ такихъ-же самоувѣренныхъ солдатъ состоялъ... Чудесъ-бы надѣ-

далъ съ ними... Вы оглянитесь на эту шельму, какъ онъ идетъ... Ишь и ружье завалилъ, и правую руку въ карманъ засунулъ... И ноги у него во всѣ стороны... Путается себѣ и чортъ ему не братъ... Послушайте, докторъ, ну что вашъ романъ?

— Какой романъ?

— Да съ турчанкой этой, въ Габровѣ, что-ли?

— Ну?

— Таеъ все и кончено?

— И романа никакого не было... Она ребенокъ совсѣмъ и хорошій ребенокъ...

— Красавица!

— Вѣдь жениться на ней нельзя, а такъ въ любовь поиграть совсѣмъ не честно, не идетъ. Особенно теперь. Слезы за собой оставлять не слѣдуетъ... И не то знаете, чтобы она мнѣ не нравилась... Она во всякомъ случаѣ лучше нашихъ барышень... Что-то дикое въ ней, оригинальное. И вѣдь вотъ, по нашему, совсѣмъ необразованная выходитъ — а какъ говорить, какъ думаетъ, какъ держится!

— Онъ удивительныя, эти женщины Востока!

— А что?

— Да я ихъ много перевидалъ и прежде... Раба-работой — пока любить... А задѣнь ты ее — вдругъ въ рабѣ человекъ выростетъ, свободный, смѣлый, готовый голову сложить за свое достоинство...

Отрядъ уже вползалъ на гору...

Направо и налево опять раскинулась панорама Балканскихъ вершинъ, облитыхъ луннымъ свѣтомъ... Налѣво мельнули наши позиціи... Черныя землянки сливались въ общія пятна... Бруствера батарей рѣзко выдѣлялись за ними... Вотъ правильныя очертанія Стальной... Вотъ скалы Ординаго гнѣзда на Святомъ Николаѣ... И самъ Святой Николай, смѣлымъ взлетомъ вырвавшійся изъ сумрака...

На вершинѣ горы отрядъ пріостановился — своихъ догналъ...

Тутъ было идти легче. Поправѣ видѣнь былъ длинный изгибъ траншеи, куда вступали солдаты.

Полковникъ давно ужъ въѣхалъ туда... Баталіонный командиръ — бывший тутъ — сдавалъ ему позиціи...

— А землянокъ не полагается?..

— Землянки у насъ далеко позади... Не нуждались; все тепло было. А теперь вамъ придется вырыть... Лучше всего какъ у турокъ — устьями въ траншеи, и удобно, и легко... А мы рады: по крайней мѣрѣ поотдохнемъ въ Габровѣ... Вѣдь мы здѣсь, какъ-бы вы думали — съ августа дежуримы!.. Озвѣрѣли совсѣмъ...

Между солдатами, давно стоявшими здѣсь, шелъ радостный говоръ.

— Въ Габровъ уйдемъ — отдыхать... Обносились — поправимся... Чудесное дѣло!.. Ну, двадцать-четвертая! Четырнадцатая не выдала — теперь ваша чередъ...

— Вотъ мы и дома!.. — съострилъ молодой солдатикъ...

— Хорошій домъ! Нечего сказать...

Солдаты живо заняли мѣста вдоль бруствера. Разставили часовыхъ. Въ печуркахъ, вырытыхъ въ валу, загорѣлись огни. На нихъ поставили котелки, наполнивъ ихъ предварительно снѣгомъ...

— Замѣсто чаю — кипяточкомъ нагрѣмся... И то ладно...

Траншея шла версты на двѣ... Извивалась, отвѣчая очертанію горы. Говоръ сейчасъ-же пошелъ по ней... Турецкій часовой торопливо всполошился и далъ выстрѣлъ... Хорошо, что не подхватили другіе... Такъ и замеръ онъ безъ отвѣта...

Соймоновъ сталъ на банкетъ...

Шагахъ во ста, не далѣе — такой-же валъ въ лунномъ свѣтѣ рѣзко вырисовался весь... Близко совсѣмъ... Взялъ да и перешелъ, точно черезъ улицу... Вонъ и тамъ, на валу, сѣрая фигура...

Должно быть, часовой ихній... Оперся о ружье — только штыкъ торчитъ вверхъ и задумался... О чемъ? Вонъ подальше еще такая же фигура — другой, должно быть...

— Тоже и они вашъ-бродь, безстрашные!—замѣтилъ Ермошка, примостившійся рядомъ.

— А что?

— А такъ, что нѣтъ на нихъ страха... Чего онъ торчитъ? Такъ ему живо зарядъ въ лобъ вкатить можно...

— Не стоитъ—близко. Они нашимъ вкатытъ...

— Точно что, на то и война!..

Говоръ замираетъ мало по малу... Гдѣ-то вспыхнула было пѣсня, да, не разгорѣвшись, потухла... Не поется: видимо дѣло — устали солдаты... Сбились въ пути... Тихо и тамъ... Тоже спать вѣрно...

— И почему такому онъ вдругъ мнѣ врагъ теперче?—не унимался Ермошка.

— Кто онъ?

— А вонъ хотя тотъ, что стоитъ теперь супротивъ насъ... Я его не знаю, онъ меня не знаетъ — и врагъ. У ево свое дѣло, у меня свое... Почему-жъ бунты у нихъ завелись, а? Я такъ полагаю...

И Ермошка замолкъ.

— Что ты полагаешь?

— Коли-бы столковаться — и войны не было-бы... Тебѣ чего надоть? Того—бери... А потомъ—намъ давай это вотъ. Ну и ладно!..

— Гдѣ-то Айша теперь? спитъ?..—думалъ Соймоновъ. И наперекоръ ему самому — привѣтливый образъ дѣвушки носился передъ нимъ въ лунномъ свѣтѣ, грезился въ сумракѣ, когда онъ устремлялъ глаза внизъ въ темную лощину. Сквозь болтовню Ермошки слышался ему тотъ ласковый голосъ... звучный, крадущійся въ душу.

ГЛАВА XVIII.

По волчьи.

Омерь не шель, а врался въ гору... То и дѣло, онъ оставливался и, прижимаясь къ толстымъ стволамъ обезлиствѣвшихъ грабовъ, всматривался сверху внизъ... Всматривался, чутко прислушиваясь къ звукамъ, раздававшимся въ тишинѣ этого безлюднаго лѣса... Вонъ шорохъ слышится, точно слежавшійся снѣгъ скривить и мнетса подь чыми-то шагами... Вонъ сыплется что-то... Должно быть бѣлые комья снѣгу сорвались съ вѣтвей и падаютъ, шурша о сухіе сучья... Вонъ сукъ подломился подь тяжестью такихъ комьевъ... И опять тишина мертвая, душная... Точно и этотъ лѣсъ, и эти горы, какъ и Омерь, тоже прислушиваются къ чему-то, точно и имъ жутко, точно и они боятся каждаго звука, каждаго шороха... Прислушиваются, затая дыханіе... Стонъ какой-то пронесся надь вершинами и заколыхались онѣ медленно и важно, осыпая старый снѣгъ на подпирающія ихъ снизу вѣтви... Стонъ промчался дальше... Вѣрно заснувшій вѣтеръ проснулся... Ишь тянется внизу къ городу... Тутъ взроетъ струйку снѣга и завьеть ее вверхъ, разсыплетъ кругомъ... Тамъ ворвется въ

ущелье и давай стучаться въ обступившіе его утесы... Точно въ этихъ утесахъ сидятъ невидимые духи и вѣтеръ ихъ будить и добудиться не можетъ... Побѣется, побѣется и, насвистывая свою печальную пѣсню, бѣжитъ дальше внизъ, въ тихія улицы спящаго города... Смотритъ Омеръ туда... Всѣ онѣ подъ нимъ узкія, кривыя. Сонныя дома стаятъ, опустивъ вѣки надъ черными незрячими окнами... Только въ двухъ-трехъ не затворены ставни. Оттуда мелькаютъ огоньки... И то робко, робко мелькаютъ, будто имъ самимъ страшно прорѣзывать эту тьму... Ишь какъ она насупилась кругомъ... Вонъ по одной изъ кривыхъ улочекъ какой-то красный глазъ бѣжитъ... Мигнетъ, закроется и опять взглянетъ въ черный мракъ и побѣжитъ впередъ, слѣдуя извилинами улицы... „Идетъ кто-нибудь съ фонаремъ“, воображаетъ Омеръ, невольно слѣдуя за движеніями краснаго огонька... Повернулъ куда-то въ переулокъ и утонулъ въ непроглядной тьмѣ... Изъ чернаго города въ черномъ маревѣ ночи — соборъ поднялся... Башня базарная высится... На ней еще нѣсколько дней тому назадъ хотѣли повѣсить его... Омеръ взглянулъ на нее и вздрогнулъ... Болтался-бы теперь на этой вонъ перекладинѣ... Сталь-бы его вѣтеръ колыхать и повертывать во всѣ стороны... Воронье глаза-бы выклевало... Онъ невольно поднесъ руку къ глазамъ... Теперь-бы тутъ сухія, запекшіяся кровью впадины были... Страшно ему стало... Что, если онъ попадется болгарамъ въ руки? Тьмъ, что тогда тащили его въ городъ. Ужъ теперь не поведутъ его къ доброму русскому мирь-алаю. Теперь его прямо... Вотъ хоть на этотъ сукъ узловатый и крѣпкій... Ишь надъ самой его головой вытянулся... Черный какой, толстый... Онъ выдержать его тяжесть!.. И крикнуть не успѣшь!.. Страшно стало Омеру... Онъ зажмурился... Зажмурился и слышится ему, что кто-то крадется около, тихо, тихо крадется... Видимое дѣло боится, чтобы шаговъ его не слышалъ лютый ворогъ... „Эко какъ чудится здѣсь!“ сталь было успокоиваться Омеръ и опять вздрогнулъ... Да, крадется... Теперь онъ слы-

шить... Легкій, легкій шорохъ... Такой легкій, что невозбужденное боязнью ухо и не разслучало-бы его. Точно тѣнь скользить по снѣгамъ... Остановилась... Тоже должно-быть прислушивается... Опять зашелестило... Омеръ невольно—всунуль руку за пазуху —ножь вынулъ и съ сильно бьющимся сердцемъ еще ближе приникъ къ корявому стволу стараго граба, точно онъ вроси въ него хотѣлъ... Шорохъ... Вонъ впереди просвѣтъ на снѣгу... Тутъ деревья разрѣдѣли... Сейчас выступить сюда — если пройдетъ, не замѣтитъ — не трону, — соображаетъ Омеръ, — если замѣтитъ — безъ шуму ножъ въ бокъ и конецъ... Страшно проливать человѣческую кровь! Первый разъ вѣдь! Да своя-то дороже... Тутъ такая пора, или самъ зарѣжь другаго, или тебя зарѣжутъ... Ужасное время настало... А шорохъ все ближе и все осторожнѣе... Врагъ-то, должно-быть, чутокъ, чуетъ его... Дыханіе вѣрно слышитъ. И Омеръ прижалъ рукою грудь, сильно прижалъ, точно хотѣлъ остановить сердце, чтобы оно не билось такъ громко, не стучало въ свою клѣтку, какъ вспугнутая птица... Хотѣлъ-бы дыханіе остановить совсѣмъ... А грудь точно на зло ему все больше и больше воздуху забираетъ, все глубже и глубже дышетъ... Вонъ точно что-то скользнуло на поляну... Черная тѣнь какая-то... Зорко всмотрѣлся Омеръ... Ближе она къ нему и тоже остановилась... Тоже вѣрно всматривается въ эту массу чернаго граба, тоже старается различить на ней какой-то силуэтъ... „Тьфу, ты! разозлился на себя Омеръ. — Шайтанъ проклятый!“ крикнулъ онъ, забывъ сразу всякую осторожность... Бродячій песъ трусливо зажалъ хвостъ подъ себя и опрометью бросился съ этой полянки... „До чего дошелъ — всякой собаки боюсь!“ и даже стыдно стало Омеру... Какой-же изъ меня аскеръ выйдетъ султану, если я даже загадочнаго шороха пугаюсь! И уже рѣшительно онъ двинулся впередъ по горному хребту, надъ спящимъ городомъ, крѣпко сжимая рукоять ножа и смѣло вглядываясь зоркими глазами въ таинственный сумракъ, густившійся между старыми деревьями этого молчаливаго лѣса...

Ноги шагали увѣренно по окрѣпшему снѣгу, звуки ихъ уже не пугали Омера... Онъ былъ готовъ — тутъ только и можетъ встрѣтить врага. Пройдетъ тотъ мимо — хорошо, остановитъ его — ножъ въ бокъ и кончено... И первый разъ въ душѣ его стала назрѣвать злоба и ненависть ко всему, что не говоритъ его языкомъ, не молится его Богу, не служитъ его султану... Даже когда вели его въ петлю — онъ еще не ненавидѣлъ ихъ, этихъ трусливыхъ собакъ, такъ подло праздновавшихъ свою дешевую побѣду надъ его беззащитною слабостью. Тогда онъ понималъ ихъ, этихъ осиротѣвшихъ людей... Теперь-теперь плохо было-бы тому, кто-бы на него наткнулся!.. Слава Богу, городъ кончился... Вонъ послѣдніе дома его точно какіе-то черныя глыбы среди чернаго, мрака... Вонъ огонь изъ караулки блеститъ... Точно звѣздочка сорвавшаяся съ неба и затерявшаяся гдѣ-то далеко-далеко внизу... Теперь, правѣ его, по узкой долинкѣ бѣжитъ пустынная дорога... Тамъ-бы легче идти ему — да она прямо выведетъ Омера на русскія позиціи. Изъ огня да въ полымя... Тамъ ужъ его не пожалѣютъ... Пожалуй, еще за шпіона примутъ!.. Нужно взять тѣвѣе... Туда, гдѣ горные узлы переплетаются такъ, что посреди ихъ самъ чертъ съ дороги собьется. Онъ еще слышалъ въ Акенджиларѣ у себя, что на горныхъ узлахъ этихъ стали турки — словно орлы въ поднебесы, слѣдя оттуда за тѣмъ, что дѣлается у русскихъ на Св. Николаѣ и другихъ горахъ шипкинскихъ позицій... Старый паша-Эйюбъ ему знакомъ. Когда-то, давно еще, останавливался онъ у нихъ въ домѣ и подарилъ даже Айшѣ, сестрѣ его, золотую монетку... Ребенкомъ была она, веселымъ, смѣлымъ ребенкомъ... Когда-то еще-то онъ увидится съ нею... Не уведутъ-ли ее русскіе съ собою. Измѣнить вѣрѣ предковъ, полюбить кого-нибудь изъ этихъ гяуровъ!.. Легче-бы ему убить ее!.. А какое время тогда было... когда Эйюбъ останавливался у нихъ... Тихое, мирное, спокойное... Только кое-гдѣ въ Балканахъ воеводы подымались... Въ долпнахъ работалось безъ помѣхи... Розами пахло...

Въ садахъ колыхались розовыя миндальныя деревья... Какъ хороша была та весна!.. И зачѣмъ это муллы рѣзню эту за-тѣяли?.. Изъ Стамбула явились и всполошили народъ... Болгары вѣдь не трогали насъ!.. Розовыя миндальныя деревья на темно-синемъ небѣ въ памяти такъ и вырѣзываются отчетливо... Хорошо было... А потомъ кровь полила... Рѣка крови... Убийства, грабежи... Черные клубы дыма надъ пожарницами, въ черныхъ клубахъ красные языки прожорливаго ненасытнаго пламени... Трещать плодовыя деревья, точно въ предсмертной агоніи корчатся розовыя кусты... Смердѣ гніющихъ труповъ... Запахъ гари... Крики и стоны... Еще ребенкомъ видѣлъ онъ, какъ хищный коршунъ напалъ на гнѣздо малиновокъ въ саду... Пискъ поднялся, перья полетѣли кругомъ изъ подъ остраго клюва разбойника-птицы... Неоперившіеся малютки — которые избѣжали его цѣпкихъ когтей — выпали изъ разрушеннаго гнѣзда на землю и разбились... И долго еще послѣ слышались ему жалобныя стоны малиновки, безпокойно носившейся вокругъ того мѣста, гдѣ еще недавно колыхалось посреди зеленыхъ вѣтвей ея счастливое гнѣздо. Не тоже-ли самое? Теперь уже, впрочемъ, поздно разсуждать, кто правъ, кто виноватъ? Нужно идти и драться!.. Всѣ идутъ. Вся молодежь ушла... Онъ не хотѣлъ — да что подѣлаешь? такъ дѣло идетъ, что и ему нѣтъ другой дороги...

Путь свернулъ въ глубокую лощину... Въ самомъ низу, на днѣ — красное пятно какое-то... Туманъ тамъ — иначе костеръ горѣлъ-бы ярко. А то точно кучей накалившихся углей кажется онъ во мглѣ... Кто тамъ?.. Свой или чужіе?... Сторожко спустился онъ внизъ... Комья снѣгу срываются изъ подъ ногъ и съ глухимъ шуршаньемъ падаютъ туда въ глубину этой лощины. На одномъ поворотѣ и самъ онъ поскользнулся и сорвался было — да на счастье завязъ въ мягкомъ сугробѣ... Едва-едва выползъ оттуда, отряхиваясь, какъ мокрая собака... Тамъ внизу уже голоса слышатся... Ничего разобрать нельзя... Ни одного слова не долетаетъ до него — только от-

звучія какія-то... Прислушался еще — замолкло все... Двинулся... Ржаніе лошадей донеслось... Ужъ близко теперь... Красное пятно въ туманѣ все растетъ и растетъ... Ужъ видно какъ мигаетъ пламя... Видно взрывается вверхъ, да не осиливъ сырыхъ сучьевъ костра, опять падаетъ и курится между ними ѣдкимъ сѣроватымъ дымомъ... Кто-бы это были? Если чужіе — нужно совсѣмъ замереть... Эти не пожалѣютъ... Вонъ какъ уже хорошо видно... На свѣту... Голову наклонилъ внизъ... По сѣдлу — не разберешь — свои или чужіе. Въ туманѣ очертанія его сливаются совсѣмъ!.. А голосовъ не слышно. Замолкли или заснули они тамъ... Должно-быть привалились къ костру и забылись... устали... Хорошо, если свои — до утра съ ними... А тамъ къ Эйюбу... А вдругъ казаки — эти въ плѣнъ не возьмутъ — застрѣлятъ... Какъ собаку застрѣлятъ... Какъ снѣгъ скрипитъ подъ ногами... Онъ сѣлъ на него и сталъ, уже сидя, скользить по наклону, глубоко въ видѣ тормазы зарывая руки въ снѣгъ и задерживая, такимъ образомъ, слишкомъ быстрый спускъ... Вонъ опять голоса слышались... И только что Омеръ наклонился впередъ, чтобы лучше прислушаться, какъ снѣговая глыба, о которую онъ опирался, поддалась впередъ... Турокъ хотѣлъ было удержаться, врывъ ноги въ снѣгъ, но онѣ скользнули по его обледѣннѣлой поверхности и онъ полетѣлъ внизъ... Чуть было не крикнулъ, да во-время удержался... „Ну, конецъ сейчасъ!“ мелькнуло у него въ головѣ.

— Кого чортъ несетъ? — слышалось снизу... Люди, бывшіе у огня, повскакали... Слышался торопливый говоръ... „Кто идетъ?“ громко прозвучало въ туманѣ. И Омеръ уже понялъ, что это русскіе... Вотъ щелкнулъ замокъ одной изъ берданокъ... Казаки, державшіе пикетъ, кинулись къ ружьямъ... Сами перепугались, видимое дѣло... Бѣдняга Омеръ напрасно цѣплялся за выступы — руки его безсильно скользили по нимъ и онъ сползалъ все ниже и ниже, царапая руки въ кровь, обдирая лицо ссадинами... Еще нѣсколько мгновений и его

снесеть прямо въ середину этого зловѣщаго, краснѣющаго въ туманѣ костра... Выстрѣлъ грянулъ оттуда ему на встрѣчу... Другой... И въ ту самую минуту, какъ турокъ уже зажмури- валь глаза, чтобы не видѣть этихъ ненавистныхъ лицъ, не видѣть дула, устремленнаго въ грудь ему, ноги его уперлись во что-то твердое, онъ невольно перевернулся и бокомъ уда- рился въ то-же, неожиданно выросшее передъ нимъ, препят- ствіе... Ощупаль его рукою — утесъ. Онъ приникъ къ нему, прижался... А тамъ внизу уже началась бѣготня... Перекли- кались на чуждомъ ему языкѣ... Гремѣли выстрѣлы, видимо со слѣпу направляемые куда попало... Одинъ прозвучаль близ- ко, близко, пуля свиснула у самаго уха... Омеръ притаился какъ мышь, что прикидывается въ когтяхъ у кошки мертвою... Притаился, зажмуривъ глаза, едва дыша... Одна нога подвер- нулась у него — ему больно... Но онъ не смѣетъ сдвинуть съ мѣста ее... Не смѣетъ положить поудобнѣе. А въ головѣ такъ и проносится: вотъ-вотъ сейчасъ найдутъ... Сейчасъ оты- щутъ. И страшно взглянуть въ туманъ, нависшій надъ нимъ... Страшно... А какъ вдругъ оттуда наклонится прямо въ лицо ему чужое, неумолимое, хищное... И опять это старое воспо- минаніе — разворенное гнѣздо, пухъ и перья, летящія изъ подъ ногтей коршуна, пискъ маленькихъ малиновокъ, тревож- ные крики матери и кровь, капающая сверху на зеленые листья лѣснаго платана... Сердце такъ и отсчитываетъ секун- ды, съ болью отсчитываетъ... Уймись, проклятое!.. А съ каж- дымъ новымъ выстрѣломъ оно колотится сильнѣе и сильнѣе... Айша, бѣдная Айша! если-бы она знала, что съ ея братомъ... Ахъ, какъ больно въ груди... Точно чья-то холодная рука сжимаетъ ему горло... Холодные мерзлые пальцы давятъ его... Холодная рука касается и лица... Нѣтъ, это снѣгъ осыпает- ся — на него... Рѣже выстрѣлы... Точно люди тамъ, что вниз, успокоиваются.

— Волкъ, должно быть? — всматриваются казаки въ ту- манъ, опускаая свои берданки.

— Волкъ и есть!.. Прихилился гдѣ-нибудь, треклятый!.. Только напужалъ...

— Гдѣ тутъ человѣку сорваться?.. Нивакъ невозможно... Откуда тутъ турку показаться?.. Съ той стороны таперича Габрово...

— Габрово и есть...

— Значить волкъ?

— Окромя волка и быть некому.

— А, ну, я еще разъ стрѣлю!

Послѣдній одиночный выстрѣлъ еще разъ всполошилъ лѣса, что надвинулись надъ этой ложиной и замеръ гдѣ-то далеко-далеко...

Еще нѣсколько времени пролежалъ Омеръ, не рѣшаясь подняться... Онъ слышалъ, какъ, мало-по-малу, гасли голоса пикета. Какъ опять ихъ покрылъ трескъ и шорохъ сучьевъ въ кострѣ... Вонъ кто-то зѣвнулъ тамъ, сладко зѣвнулъ... Видимо сонъ одолеваетъ... Не смотря на страхъ и волненіе и Омера стало позывать на зѣвоту... Едва удержался. А какъ тутъ оставаться?—нельзя. Черезъ три-четыре часа разсвѣтать начнетъ, они его тогда живо накроютъ за этимъ камнемъ... И двинуться отсюда нельзя — каждый шагъ его будетъ слышенъ... въ догонку пустятся. Глаза открылъ. Лежа, зорко всматривается въ туманъ — ничего не видитъ... Все онъ окуталъ своею однообразною неленою... Попробовалъ перевернуться... Высвободить ногу совѣмъ отекишую... Ничего... Тамъ за камнемъ молчатъ... Ему со страху чудится, что они сейчасъ тутъ вотъ за камнемъ и есть... Ишь, одна сырая вѣтка въ кострѣ треснула и зашипѣла... Закурилась вѣрно... Отчего-же, если они близко, не пахнетъ дымомъ?.. Вѣдь дымъ въ туманѣ не вверхъ идетъ, но по всему туману въ ширь расползается. Омеръ рѣшился сѣсть... Уперся руками и поднялся... Все та-же тишина!.. А если кто-нибудь изъ нихъ сторожить его изъ-за камня... Только что онъ подыметъ — ему пулю въ лобъ... А жить-то какъ хочется, жить!.. Уйти-бы отъ

нихъ, подале... Не видѣть, не слышать!.. Сидѣль, сидѣль и точно что-то вдругъ подтолкнуло его въ бокъ, разомъ вско- чилъ на ноги, помертвѣлъ совсѣмъ — но выпрямился — и обер- нулся туда, откуда смерти ждалъ... Какъ-то безотчетно сдѣ- лалъ все это, самъ недоумѣвая, откуда пришла ему такая смѣ- лость... Тутъ-ли ножъ — придется, такъ хоть умереть защища- ясь, чтобы не зарѣзали они какъ бараналъ. Когда Омеръ всмо- трѣлся туда за каменья — оказалось, что опасность совсѣмъ не такъ близка, какъ онъ думалъ. Красное пятно костра мигало ему шагахъ въ пятидесяти. Черные туманные силуэты двухъ коней смутно вырисовывались на этомъ заревѣ... Людей было не замѣтно... Омеръ прислушался... Видимое дѣло, успокои- лись совсѣмъ... Не слышать ихъ вовсе... Видимое дѣло — при- валились къ костру и дремлютъ... „Хорошо-бы коня увести“, мелькнуло въ головѣ молодого турка... Да вѣрно привязаны — дороги не знаешь — куда на немъ умчишься? Гибель вѣрная... А конь тутъ вотъ?.. Перебѣжалъ-бы, срѣзавъ поводъ и ки- нулся въ горы!.. Вонъ тамъ зашевелились... Черный силуэтъ, расплывавшійся въ туманѣ, наклонился къ огню нѣсколько разъ... Красное пятно ярче разгорѣлось... Вѣрно сгребъ ко- стеръ въ кучу или подбросилъ сучьевъ еще!.. Голоса послы- шались опять.

— Волки, должно, и есть!?

— Таится гдѣ-нибудь около! — гнѣвно перебрасываются казаки.

— Ну, и пушай его!.. Волкъ намъ ничего не сробить...

— Что ему сдѣлать?

— Коню оло... не посмѣтъ!

— Гдѣ ему смѣтъ?.. Онъ только издали облизывается, да зубы на нихъ скалнить!

„Пора уходить!“ мелькнуло въ головѣ Омера. Пора ухо- дить!.. Еще нѣсколько мгновений чуткихъ сторожевыхъ и ту- ровъ вдругъ разомъ бросился вверху въ горы, откуда часъ назадъ онъ сползъ сюда... Вверхъ по кручѣ, съ опасностью

каждую секунду сорваться вниз и теперь ужь прямо на вѣрную смерть... Разумѣется на вѣрную... Теперь ужь не обманешь ихъ... Они повскакали и бѣгутъ за нимъ.. Онъ слышитъ ихъ шаги въ разбродѣ... Слышитъ выстрѣлы за спиною.. Къ счастью, не всё они направлены сюда, следовательно и казаки сразу не могутъ сообразить взятаго имъ направленія.. Вотъ одна пуля чмокнула въ снѣгъ у самыхъ ногъ его, придавъ имъ еще болѣе быстроты... Другая пронеслась высоко-высоко... до лѣсу — тамъ срѣзала по пути вѣтвь. Слышно ему все... а ноги забираютъ все дальше и дальше... Слава Богу!.. Вотъ и стволы деревьевъ.. Вотъ и родныя горы.. Тутъ уже онъ безопасенъ... Тутъ уже не найдутъ его враги.. Омеръ все бѣжалъ и бѣжалъ впередъ, хотя отъ усталости у него прерывалось дыханіе, хотя шапку свою онъ потерялъ давно и мокрые волосы липли ко лбу; хотя и погони давно ужь не было слышно за нимъ и послѣдній выстрѣлъ уже замеръ далеко-далеко, повторенный какимъ-то одиночнымъ ущельемъ. Подъ ноги ему протягивались какіе-то узловатые корни изъ подъ снѣгу, точно снизу высывались руки, чтобы схватить его за ногу; вѣтви хлестали бѣглецу въ лицо, царапали его.. Онъ не замѣчалъ ничего, падалъ, подымался и бѣжалъ вновь.. Бѣжалъ, пока не спотынулся въ ровъ какой-то и не упалъ грудью въ рыхлую массу холоднаго снѣга.. Лежа прислушался — все кругомъ было тихо и спокойно... На высотахъ тумана не было и сквозь толпя вѣтви съ небесъ робко мигали ему двѣ-три звѣздочки... „Что-же это я?.. Куда?..“ Всталъ, отряхнулся, заглянулъ въ даль... Тамъ видна внизу долина... Всю ее заволокло туманомъ — но русскія позиціи остались позади — тутъ уже свое пошло... Туда уже смѣло можно пойти!.. Отдохнуть только. Очень ужь ноютъ затомившіяся ноги.. И Омеръ легъ прямо въ снѣгъ, забросивъ руки подъ голову и на нѣсколько минутъ погрузился въ тяжелую дремоту. Очнется, откроетъ глаза, прислушивается двѣ-три секунды и опять засыпаетъ, не чувствуя, какъ таетъ подъ нимъ снѣгъ,

какъ за шею ему заливается мокреть, какъ руки уходятъ тоже во что-то мягкое, влажное...

Когда Омеръ проснулся совсѣмъ — перепутавшіяся надъ нимъ вѣтви деревьевъ выступали гораздо яснѣе на поблѣднѣвшихъ небесахъ... Между стволами — вдаль было видно гораздо яснѣе... Свѣтало... На востокъ уже мерещились золотистые тоны и тучка, съ самой ночи застоявшаяся тамъ, уже зардѣлась по окраинамъ. Омеръ совсѣмъ по волчьи оглядѣлся и, страхивая съ себя комья снѣга, мокрый и измятый двинулся впередъ, по направленію замѣченной имъ еще часа два назадъ долины... Тамъ уже курился туманъ, ночью неподвижнымъ маревомъ лежавшій въ ея берегахъ, т. е. между горами, окаймлявшими ее... Впереди далеко, далеко на кручахъ, выносившихся изъ тумана, точно плававшихъ въ этомъ морѣ однообразной мглы, чернѣли какія-то черточки. Омеръ узналъ въ нихъ турецкія позиціи. Туда ему надо было пробраться еще засвѣтло, чтобы вторая ночь сырая, холодная и туманная не застала его опять одинокаго и усталаго, голоднымъ и обезсиленнымъ посреди этого оставленнаго людьми простора. Онъ сталъ спускаться внизъ, въ самое царство тумана, прислушиваясь къ нарождавшимся вокругъ него звукамъ, присматриваясь ко всему, что выросло по сторонамъ его пути... По мѣрѣ того, какъ онъ опускался все ниже — небеса яснѣли и яснѣли, и туманъ, подымавшійся въ долину, собирался бѣлыми клубами и, цѣпляясь по кручамъ балканскихъ отроговъ, вползалъ на ихъ лѣсистыя вершины... Вотъ нѣсколько клубовъ уже слились и легли горизонтально бѣлою тучею въ полугорѣ, точно ожидая первыхъ лучей солнца, чтобы подняться въ согрѣтую ими высоту и распуститься въ ней безслѣдно... Вонъ изъ ущелья подулъ легкимъ утренничкомъ и застоявшійся передъ нимъ туманъ взволновался и сталъ медленно поддаваться вверхъ, отрывая подъ собою развалины какой-то деревушки... Обгорѣлыя стѣны домовъ, лишенныхъ кровель — торчатъ тамъ посреди бѣлаго снѣга... Са-

ды въ пожарницѣ потеряли свои вѣтви и торчатъ обгорѣлыми пнями... Точно разрушенные временемъ челюсти какихъ-то гигантскихъ животныхъ—обвалившіеся каменные заборы зубьями вверхъ тянутся отъ одной развалины къ другой... Лай слышенъ откуда-то... Издали вѣрно доносить его вѣтеръ... Омеръ зорко сталъ всматриваться туда — и едва различилъ другую, прислонившуюся къ горамъ деревушку... Тамъ еще жили люди... Вонъ тонкія струйки дыму поднялись изъ трубъ и высоко тянутся въ ясномъ уже воздухѣ... Опаловая нить рѣки засвѣтилась... Солнце ужъ встало и золотые лучи отъ его царственного вѣнца раскидываются изъ за горы... Вся она, черная, ошетилившаяся лѣсомъ, такъ и вырисовывается на этомъ сіяющемъ фонѣ... Когда Омеръ сошелъ внизъ совсѣмъ— отъ всего ночнаго тумана только одна небольшая тучка осталась... Поднялась въ голубыя небеса и, послѣ ночнаго холода долины, точно грѣется въ нихъ подъ яркими лучами, подставляя имъ то одну, то другую сторону, и вытягиваясь подъ ними, точно тепло и нѣга проникаютъ ее насквозь... Гдѣ-то далеко, далеко громыхнуло... Звукъ такъ и былъ проглоченъ воздухомъ безъ отголосковъ...

— Слава Богу!.. Это наши топы (пушки) заговорили! Вонъ откуда!—Различилъ бѣлый клубъ отъ выстрѣла Омеръ и смѣло ужъ направился въ ту сторону.

— Теперь дойду и не собьюсь въ пути...

Позади тоже громыхнуло... Омеръ оглянулся... Оттуда на привѣтствіе турецкихъ пушекъ отвѣчали русскія... Бѣглець находился какъ разъ между двумя враждебными позиціями.

Долина, по которой шелъ Омеръ, уже давно была оставлена.

Изъ подъ снѣга кое-гдѣ торчали ребра палой лошади... Во рвахъ пучились еще не объѣденные волками кони... На самой дорогѣ валялись неубранные турецкіе трупы... Съ августа мѣсяца они лежатъ тутъ, вперивъ впадины своихъ череповъ въ голубыя небеса и словно допрашиваясь отъ нихъ отвѣта, на какой-го роковой вопросъ.

Порою въ сторонѣ бѣлѣлъ оставленный фонтанъ.

Незамерзшая струя внутренняго источника, выбиваясь въ отверстіе его, падала съ нѣжнымъ журчаніемъ въ мраморный бассейнъ, точно призывая къ себѣ людей, утолить ихъ вѣчную жажду... Но уже четыре мѣсяца какъ ни чей кувшинъ не подставлялся подъ его узкое горлышко, и ни чей благоговѣйный взглядъ не останавливался на золотой вязи арабской надписи изъ алкорана, одиноко блестящей подъ солнцемъ.

Пустынна была дорога, проходившая мимо этого бассейна, и только сытые вороны съ голыхъ вѣтвей деревьевъ смотрѣли на пробѣгавшаго подъ ними Омера... Смотрѣли и перекаркивались одинъ съ другимъ, точно разсуждая вкусенъ-ли будетъ этотъ новый кормъ, какъ и другіе осужденный лечь въ жертву жадной птицѣ, на снѣгахъ этой нѣкогда счастливой долины.

Вонъ впереди оставленный ханъ. Цѣлая роща кругомъ... Стекла хана выбиты... Окна зіяютъ, какъ незатянувшіяся раны трупа, дохлая собака валяется въ дверяхъ хана... Омеръ мимоходомъ заглянулъ внутрь и отшатнулся... Оттуда несло смрадомъ... Поперегъ пола валялся убитый хозяинъ хана — болгаринъ... Перерѣзанная шея давно почернѣла...

Впереди на дорогѣ показался человекъ.

Омеръ пріостановился... Пріостановился и тотъ. Поднялъ ружье... Омеръ ощупалъ за пазухой ножъ.

Свой или чужой? Одинаково шевелилось вѣрно въ головѣ у обоихъ.

ГЛАВА XIX.

Коршунъ.

Старый Юсуфъ ненавидѣлъ христіанъ ото всей души.

Еще-бы!...

Онъ родился въ то счастливое для турокъ время, когда все здѣсь принадлежало правовѣрнымъ. И дома, и земли, и рѣки, сады... Насчастливая райя была рабомъ турецкимъ. Христіане работали на чужихъ поляхъ и считали себя на верху блаженства, если хозяева оставляли у нихъ головы на плечахъ и позволяли спокойно жить въ жалкихъ землянкахъ и смрадныхъ логовищахъ. Снопъ соломы подъ голову, жалкіе сучья въ глиняную печь, скудный кусокъ хлѣба—вотъ чѣмъ въ тѣ времена исчерпывались всѣ наслажденія христіанина... И все это измѣнилось. На глазахъ стараго Юсуфа—владѣльцами турецкихъ полей, дѣсовъ, садовъ сдѣлались болгары, райя стала подыматься, недовольные уходили въ горы и недавніе рабы осмѣливались бить своихъ господъ... Разумѣется, каждый разъ за это проливались рѣки крови—но дѣло не измѣнилось... Въ концѣ концовъ излѣнившіеся господа обѣдѣли, а трудолюбивая и сильная райя совсѣмъ забрала верхъ въ этой покоренной землѣ. Еще-бы Юсуфу не ненавидѣть райю. Въ са-

момъ Тырновѣ, гдѣ онъ родился, въ домѣ, принадлежавшемъ его отцу, полнымъ хозяиномъ зажилъ Петко Велковъ, виноградники, гдѣ ребенкомъ бѣгалъ онъ, потѣшаясь надъ христіанами-псами, покорно работавшими подъ палкою его старшаго брата, — отошли къ Христо Стойчеву, загородный садъ съ чифтникомъ, который такъ любила его мать — перекупили Ванчо Оджаковъ... Все турецкое ушло въ поганья руки, незамѣтно, день за днемъ забиравшія и землю и воду до тѣхъ поръ, пока мусульманамъ совсѣмъ уже стало душно... Работать-бы — да вѣдь на нихъ должны работать болгары. Вѣдь такъ и по алкорану выходить, чтобы побѣжденный работалъ на побѣдителя. Не привыкли магометане городскіе прикладывать къ дѣлу свои изнѣженные руки!.. Даже ремесленниковъ турокъ начали выживать мастеровые изъ христіанъ. Послѣдніе всякую новизну подхватывали, лучшіе инструменты появлялись — они уже въ христіанскихъ рукахъ, выдумка какая-нибудь — ею, глядишь, воспользовались гауры. А турокъ работаетъ себѣ такъ, какъ работали его отцы и дѣды во время славныхъ султановъ Селима и Махмуда!.. Моды не знали въ тѣ счастливыя времена... Глядишь, всѣ заказчики перешли къ христіанамъ!.. И торговля изъ рукъ тоже точно вода пролилась — нѣтъ ея. Сидитъ турокъ въ лавкѣ своей, поджавъ ноги, и знать ничего не хочетъ, придетъ покупатель — турокъ жмурится на солнце, ему и торговаться-то лѣнь... Скажетъ цѣну, какая въ голову придетъ... Хочешь — бери, хочешь — иди прочь... А болгаринъ самъ зазываетъ покупателей, самъ къ нему на домъ побѣжить, цѣну спросить большую — за то на всякую уступку изъ нея пойдетъ!.. До того дошло, что даже наши за болгаръ горой стали. Еще-бы, турокъ оскудѣлъ совсѣмъ, а болгаринъ безъ пешкета въ конакъ *) и непоказывается. Понятно, что христіанинъ валию и мудиру пріятнѣе сталь!... Слава Богу, что еще муллы поддерживаютъ въ серд-

*) *Конакъ* — правительственный домъ.

цахъ турокъ ненависть къ назареймъ... Если-бы не они, такъ мусульмане, пожалуй, совсѣмъ-бы примирились со своимъ положеніемъ. И муллы недовольны тоже. Недавно еще болгаре, какъ разсѣянное стадо, разбѣгались при видѣ ихъ — а теперь рядомъ съ джаміями и мечетями выросли храмы, увѣнчанные крестами и голосъ муэззина, призывающій съ высоты минарета къ молитвѣ всѣхъ вѣрныхъ Аллаху и Магомету пророку его — покрывается и заглушается громкими звуками биль, висящихъ у стѣнъ христіанскихъ церквей... Подъ желѣзными колотушками чугунныя доски эти во все горло звенятъ, такъ что въ самыхъ отдаленныхъ узкихъ улицахъ голосъ ихъ слышенъ, тогда какъ крикъ муэззиновъ съ каждымъ годомъ становится все тише и тише, голоса ихъ все печальнѣе и печальнѣе...

Жаловались и нашимъ! Да паши сами готовы продать Магомета... Лишь-бы цѣну дали хорошую.

— Отчего вы не работаете такъ, какъ работаютъ христіане?

— Мы побѣдители — они рабы... По алкорану они на насъ трудиться должны за то, что мы оставили имъ жизнь.

— Это давно было... Теперь нныя времена настали!

— Да развѣ коранъ не тотъ-же?

— Европа стоитъ за христіанъ... Ихъ трогать уже нельзя...

Европа! Франки какіе-то, которые въ столь униженномъ и подломъ видѣ являются передъ ними, заискиваютъ въ туркахъ, служатъ имъ! И этихъ франковъ боятся! до чего дошли мы.

— Московъ-гяуръ слѣдитъ за нами. Урусъ какъ ястребъ высматриваетъ!

И это въ невыразимое удивленіе погружало мусульманъ.

Давно-ли урусъ сталъ такъ силенъ, развѣ двадцать лѣтъ тому назадъ мусульмане не побѣдили его? На всѣхъ базарахъ рассказываютъ, какъ доблестные и храбрые аскеры султана до самой Москвы дошли тогда — сжигали христіанскіе города и тысячами истребляли непокорныхъ урусовъ. И только тогда

остановились храбрые воины ислама, когда московский хань отдалъ въ гаремъ султану всѣхъ своихъ дочерей. Только тогда въ неизрѣченной милости своей падишахъ дозволилъ ему дышать и „смотреть, какъ свѣтитъ солнце“. Когда-же все это успѣло такъ измѣниться? И отчего? Какъ проглядѣли все это могущественные еще вчера и совсѣмъ слабые сегодня турки?

Понятно, что кромѣ ненависти ничего и не могло быть въ ихъ душѣ...

Муллы первые взялись за умъ. Вспомнили, что кровь врага пріятна Аллаху!.. Вспомнили, что гяуры должны быть истреблены всѣ до единого. Они обратились къ правовѣрнымъ и Юсуфъ одинъ изъ первыхъ отозвался на ихъ призывъ. Еще до войны онъ ушелъ изъ Тырнова, гдѣ продажные паши держали сторону христіанскихъ собакъ!.. Ушелъ и занялся разбѣгомъ — благо въ османъ-базарскомъ округѣ это было удобно.

Война застала его уже готовымъ — онъ собралъ отрядъ баши-бузуковъ и за свой страхъ работалъ, гдѣ понало...

Старинная ненависть его заглушала и чувство человѣколюбія и даже голосъ разсчета. Его не соблазнялъ выкупъ, его не трогалъ плачь матери и просьба дѣвушки!.. Онъ уничтожалъ и ту и другую, позволяя своимъ молодцамъ предварительно натѣшиться ими... Потомъ, когда Аллахъ допустилъ русскихъ дойти до Балканъ, Юсуфъ присталъ къ шишкинскимъ войскамъ Вейсиля-паши и сталъ нести развѣдочную службу. Подкрадывался къ русскимъ аванпостамъ и убивалъ часовыхъ, въ одиночку проходилъ въ тылъ къ намъ, прятался въ кустарникъ у дороги и рѣзалъ болгаръ, проходившихъ мимо... Жегъ дома, причѣмъ злоба его разгоралась еще болѣе и болѣе. Уничтожалъ наши телеграфы... Вообще вредилъ насколько могъ.

Сегодня онъ съ утра вышелъ съ Илдызь-табѣ.

Къ вечеру ему надо было пробираться на русскія позиціи и разузнать, что это за новые полки, которые все двигаются изъ Габрова на Св. Николай? Смѣняютъ-ли они старые, уxo-

дать ли эти старые полки назад или новые еще усиливают русский отряд?..

По всему пути — безлюдному и пустынному — старикъ радовался, глядя на обгорѣлыя деревни, попадавшіяся по сторонамъ. Оттуда даже лай собакъ не было слышно, ни одинъ дымокъ не возносился къ голубому небу... Черные столбы, обуглившіеся деревья торчали посреди бѣлаго снѣга долины; кое-гдѣ на порогахъ домовъ, лишенныхъ крова, лежали полуистлѣвшіе трупы... Вонь на черномъ сукѣ дерева болтается еще свѣжій!.. Недавно повѣсили его, вѣрно ходилъ болгаринъ высматривать, что дѣлается у турокъ, да не успѣлъ.. Попался въ руки врагамъ...

На одномъ изъ поворотовъ пути наткнулся старикъ Юсуфъ на осла... Реветь онъ, нагруженный чѣмъ-то; видимо, надобло ему ожидать хозяина...

Подошелъ Юсуфъ поближе — видитъ на ослѣ всякая рухлядь... съ убитыхъ турокъ снятая; нѣсколько ружей Пибоди тутъ-же...

— Должно быть болгаринъ недалеко... Явился сюда мертвыхъ грабить!..

Сначала было хотѣлъ осла угнать — да сообразилъ, что не дурно будетъ и самого болгарина изловить.

Направо у самой дороги, пустая хижина... Юсуфъ засѣлъ въ нее такъ, что идущимъ по пути — его не видно, а ему вся дорога открыта...

Ждать пришлось не долго... Вонь вдаль движутся двѣ черныхъ точки...

Зорко сталъ вглядываться въ нихъ Юсуфъ... Они точно... болгары!.. Глазъ его давно привыкъ къ дальнимъ разстояніямъ.

— Самъ Аллахъ ведетъ ихъ сюда! — мелькнуло въ головѣ у стараго турка.

— Ихъ двое, справлюсь-ли?.. Одного надо убить издали... Чтобы не мѣшалъ, а другаго?..

И Юсуфъ даже улыбнулся... Пощупаль остріе ятагана... Годится!.. Положилъ дуло ружья на окошко и сталъ ждать...

Точки растутъ и растутъ... Осель тоже, почувавъ своихъ, заревѣлъ еще отчаяннѣе... На весь просторъ...

Теперь уже хорошо различаетъ ихъ Юсуфъ. Одинъ побольше ростомъ, другой маленькій... Да это мальчикъ совсѣмъ... Отецъ съ сыномъ вѣрно... У обоихъ ноши... Мальчикъ несетъ два турецкихъ ружья... У отца цѣлый узелъ за спиною...

Кого уложить перваго?.. Мальчиба мучить нечего, онъ не такъ виновать.

Юсуфъ примостился къ окну... Они его не замѣчаютъ, идутъ прямо... Весело идутъ... Близко ужъ... Теперь отецъ не уйдетъ... Даже осель, стоявшій до сихъ поръ неподвижно, двинулся къ нимъ на встрѣчу...

Юсуфъ взялъ прицѣлъ... „Не промахнуться-бы, съ двумя, пожалуй, не совладать!“

Болгаринъ уже взялъ ружья у сына и сталъ ихъ навьючивать на осла. Потомъ завозился со своимъ узломъ... Привязалъ его тоже на спину терпѣливаго животнаго... Теперь совсѣмъ хорошо... Потянулъ вьюкъ въ одну сторону, въ другую — ровно будетъ... Обернулся сказать что-то сыну, какъ вдругъ откуда-то грянулъ выстрѣлъ... Мальчикъ схватился за грудь... Ахнулъ... Побѣжалъ куда-то впередъ... Со слѣпу побѣжалъ... Упалъ... За свѣгъ хватается... Отца зоветъ... Силится подняться.

Старый болгаринъ бросился къ сыну... На осла посадить хочеть... Еще уйти можно... Горы тутъ сейчасъ... А въ горахъ русскіе... Можетъ быть даже онъ только такъ легко раненъ...

— Бѣги самъ, отецъ!.. Я сейчасъ умру!.. Насквозь меня... — плачетъ умирающій мальчикъ... — Матери скажи...

И не успѣлъ дослушать отецъ... Не успѣлъ, потому что ему самому изъ-зади сжала горло чья-то сильная рука.

— Ну, падаль!.. — слышится издали хриплый голосъ, — Ну, христіанская собака!..

Болгаринъ зажмурился... Ему страшно смотрѣть было въ то лицо, которое сторожило каждое его движеніе изъ-зади. А крѣпкіе цѣпкіе пальцы все тѣснѣе и тѣснѣе сжимають ему горло... Каждый точно вросли хочеть въ его шею... Злобный смѣхъ слышится ему за спиной... Бѣдняга даже не думаль о томъ, сколько ихъ... Ни одной мысли о борьбѣ... Какая тутъ борьба!..

— Ну?.. Ты у меня умрешь теперь медленною смертью!..

И Юсуфъ погналь его въ пустую хижину.

— Хорошо еще, что она удѣляла!—смѣялся старый коршунъ себѣ въ бороду;—теперь понадобится... Я тебя согрѣю передъ смертью...

Болгаринъ послушно пошелъ передъ нимъ, даже не думая просить пощады... Онъ хорошо сознаваль, что никакой пощады и ожидать нельзя отъ такого врага... Все въ немъ точно застыло...

— Молись своему Богу... Пусть онъ спасеть тебя теперь!..

Болгаринъ и для молитвы не нашель въ себѣ силы... Поблекшія губы его какъ-то скривились, голова наклонилась впередъ... Точно у барана, что покорно тянеть подъ ножъ свою шею.

— Ишь, какое платье у тебя. И куртка теплая!.. Въ этакій холодъ она и доброму турку будетъ впору. Раздѣвайся-ко!

Старый Юсуфъ наслаждался, видя, какъ поспѣшно болгаринъ сталъ исполнять его приказаніе.

— Ишь, у тебя и веревка готова... Не бойся, не бойся... Я тебя вѣшать не стану... Зачѣмъ такого старика вѣшать!..— потѣшался Юсуфъ... — Я тебѣ только руки свяжу назадъ.

Юсуфъ втолкнуль старика въ хижину, связаль ему руки назадъ... Хотѣль было связать и ноги — да новая ужасная мысль промелькнула у него въ головѣ.

— Жаль мнѣ тебя!..

Болгаринъ оживился было...

— Жаль мнѣ тебѣ вязать ноги... Старый ты какой?

— Помилуй... Отпусти...

— Отпустить?..

— Прости... Ты самъ старей... У тебя вѣрно тоже дѣти есть?..

— Есть... А у тебя есть?

— Трое.

— Вотъ это хорошо... Большіе?

— Нѣтъ, маленькіе...

— Пропадутъ они безъ тебя теперь?

— Пропадутъ... Какъ же имъ не пропасть?.. Смилуйся, отпусти меня...

— Отпустить не отпущу, но и вязать ногъ не стану... — улыбнулся Юсуфъ... — Захочешь бѣжать — бѣги... Ногъ у тебя связаны не будутъ... Встань и бѣги на нихъ... Только погоди, пока я здѣсь...

Турокъ вышелъ изъ хижины; зажегъ ее съ двухъ сторонъ... Дождался, пока пламя принялось и пробѣжало вверхъ по ивовому плетню, по стѣнѣ съ соломенной кровлей... Потомъ вошелъ послѣднимъ въ хижину...

— Я тебѣ обѣщаль не вязать ногъ и не буду... Бѣги, если найдешь силы, собака проклятая!..

И вынувъ ятаганъ, онъ перерѣзалъ старику жилы подъ козльями...

Прислушиваясь къ стомамъ своей жертвы, онъ отогналъ осла въ сторону къ одиноко стоящему дереву, привязалъ его...

— Ночью буду возвращаться, съ собой захвачу...

Когда онъ окончилъ это, обернулся — хижина была уже вся охвачена огнемъ... Въ ней замирали крики задушаемой дымомъ жертвы...

— Да будетъ славно имя Аллаха!.. — шепталъ про себя старей Юсуфъ, опять двигаясь впередъ по пути.

Когда онъ уже прошелъ долину и подходилъ къ горамъ — впереди показался кто-то.

Юсуфъ сбросилъ ружье съ плеча... Готовился уже пристрѣлить неосторожнаго — да разсмотрѣлъ костюмъ того...

Одѣтъ туркомъ... Турокъ-ли только?... Вѣдь сколько разъ онъ самъ переряжался въ болгарскій костюмъ. Не лазутчикъ-ли это — переодѣтый?..

Юсуфъ остановился.

Остановился и тотъ... Безоружный... Молодой...

— Эй... Проходи... Проходи дорогой!..

— Проходи ты сначала...

Говорить по турецки чисто... Да вѣдь и болгары тоже хорошо говорятъ.

— Кто ты, турокъ или христіанинъ?

— Турокъ!..

— А звать тебя какъ?

— Омеромъ.

— Родился гдѣ?

— Въ Акенджиларѣ...

— Около Габрова...

— Да.

— А кого ты тамъ знаешь?

— Всѣхъ знаю.

— Какъ муллу зовутъ?

— Гассаномъ.

Старый Юсуфъ нѣсколько успокоился и двинулся къ нему на встрѣчу, все-таки, не опуская ружья. Зорко въ глаза тому смотреть.

— Куда пробираешься?

— Къ своимъ...

— Куда къ своимъ?

— Тутъ наша есть... Эйюбъ... Къ нему хочу... Въ аскеры...

— Это хорошо ты задумалъ... Теперь всѣмъ у кого есть сила въ рукахъ — нечего сидѣть дома... Срамъ. Только тебѣ полѣвѣе надо взять.

— Ты знаешь гдѣ Эйюбъ?

— Да... Онъ вотъ на этой горѣ...

И Юсуфъ показаль на серебряную вершину, которая сегодня, казалось, совсѣмъ потонула въ голубомъ просторѣ... Ни черточки на ней не было, слѣдовъ отъ укрѣпленій совсѣмъ нельзя было замѣтить.

— Тамъ ничего нѣтъ.

— Эхъ, ты... Глупъ и молодъ... усмѣхнулся Юсуфъ... Эйюбъ умный папа, онъ всѣ свои валы засыпаль снѣгомъ. Теперь съ русскихъ позицій по нимъ и стрѣлять трудно — ничего не видать... Все этой дорогой иди — вонъ за этой хижиной, что горитъ, а оттуда пойдетъ дорога на лѣво — по ней двинься... Она прямо тебя до Эйюба и доведеть.

— Спасибо тебѣ.

— Хорошій аскеръ изъ тебя выйдетъ...

— Чего это горитъ она?.. удивился Омеръ.

— Хижина-то?

— Да.

— Это я ее зажегъ... Тамъ теперь для шайтана мясо жарится... Слышишь?

Омеръ не поняль.

— Болгаринъ тамъ... Онъ кричить... Слабо только уже... Видно скоро и кончится совсѣмъ... Онъ нашихъ убитыхъ грабилъ... Мальчика на горкѣ найдешь, я его застрѣлилъ... Съ болгаринномъ былъ онъ... Да у тебя ружья нѣтъ.

— Нѣтъ.

— Вотъ видишь дерево?

— Ну...

— Около осель привязанъ... На ослѣ ружья, а во вьюкахъ и патроны... Выбери себѣ... Тутъ, братъ, не знаешь, что встрѣтишь... Все лучше какъ защита есть...

Омеръ поблагодарилъ и пошелъ впередъ.

Старый Юсуфъ долго ему смотрѣль въ слѣдъ.

— Красивый какой!.. Должно быть мать черкешенка была...

У насъ такихъ высокихъ бровей не бываетъ...

— Эй, — остановилъ онъ его опять.

— Что ты? оглянулся къ нему Омеръ.

— Ты не голодень-ли?

— А есть у тебя хлѣбъ...

— Есть...

— Я съ вечера не ѣлъ ничего...

— Ну, на тебѣ... И Юсуфъ передалъ юношѣ двѣ галеты.

Омеръ бодрѣе пошелъ по горкѣ... Дымъ на встрѣчу ему влудится отъ горящей хижины... Проходя мимо онъ заглянулъ въ нее... Внутри, изъ краснаго полмя видѣялось что-то черное, обгорѣлое... Нельзя было даже разобрать его формъ... Омеръ съ омерзѣніемъ отвернулся и пошелъ прочь, чтобы сейчасъ наткнуться на умирающаго мальчика... Этотъ молча, безъ стопа, безъ крика, силится подняться съ земли... Приподыметъ на рукахъ... снова лицомъ въ снѣгъ... Опять приподыметъ и опять падаетъ... И все повторяетъ это, только медленнѣе и медленнѣе... Вотъ приподнялся уже у самыхъ ногъ Омера... Молодой турокъ всмотрѣлся... Подъ грудью на снѣгу красное пятно... Свѣжая кровь сочится туда и уходитъ въ снѣгъ...

— Бѣдный, шевельнулось въ головѣ Омера... Бѣдный... Поди мать есть, сестра...

Осла онъ увидѣлъ еще издали... Выбралъ себѣ ружье, взялъ патроновъ...

— Теперь совѣмъ аскеръ... Слава Богу!..

Только къ вечеру онъ добрался до турецкихъ аванпостовъ... Его было остановили—но когда объяснилось, что свой—пустили идти куда хочеть...

— Изъ Авенджила ты?.. Черезъ часъ спрашиваетъ его Эйюбъ-паша...

— Да...

— Помню... Славное село!.. Въ садахъ все... Богатое...

— Ты, паша, у насъ останавливался... Помнишь?..

— Ты чей-же сынъ?

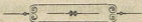
— Мустафы... Кривой такой...

— А... Помню, помню... Еще у тебя маленькая сестра была... глазатая такая...

— Она большая теперь... Въ Габровѣ у христіанъ... Тѣ ее пріютили... Добрые они...

— Ну, хорошо сдѣлалъ, что султану служить пришелъ... Эй, Таиръ-ага... Отведи-ко его въ свой таборъ... Изъ него хорошій воинъ будетъ...

И Омеръ, такимъ образомъ, ночью ужъ засѣлъ въ траншею, обращенную прямо къ нашей Волинской горкѣ.

ГЛАВА XX.

Обволокло туманомъ.

 а Шипкѣ сегодня было дѣйствительно все спокойно.

Полкъ, долгое странствіе котораго мы описали въ прошлыхъ главахъ, уже почти освоился со своими позиціями.

Солдаты мало по малу вымерзали. Приѣхалъ генераль, командовавшій дивизіей, пробылъ нѣсколько дней и вернулся опять назадъ. Заболѣлъ здѣсь, посреди этого громаднаго царства снѣговъ и льдовъ, загромождавшихъ вершины и ущелья Балканъ... Валились и солдаты—сотнями, тысячами...

— Генералу-то хорошо, въ тепло уѣдетъ лечиться... — ворчалъ Соймоновъ, — а вотъ тутъ возись — попробуй...

Не столько морозы морили солдатъ, сколько отсутствіе теплаго платья и скверная малькіелевская обувь, невѣдомо какъ принятая интенданствомъ.

— Кончится война, этому Малкіелю не поздоровится! — утѣшалось офицерство.

— Почему?

— Суду предадутъ, какъ послѣ Севастополя.

— То послѣ Севастополя... А теперь прежде всего слѣдовало приѣмщиковъ на цугундеръ.

— Не разберешься тутъ... сколько народу нагромождено... Однихъ канцелярій, черезъ которыя пара сапогъ пройти должна — десятки...

— И во всѣхъ подай и подмажь...

— А полушубки наши...

— Полушубки лежатъ на желѣзныхъ дорогахъ.

— Вона! Почему это?

— А потому что румынамъ выгодноѣ ихъ задерживать какъ можно долѣе...

— Умный ты человекъ, я погляжу.

— Умнѣй тебя!...

— Докажи почему выгодно-то.

— А потому что конвенція такая заключена съ ними. Нагрузить вагонъ — и стоитъ онъ, а за него платятъ румынамъ, какъ за находящійся въ ходу... Простой вагонъ мѣсяць — оплачивается мѣсячный транспортъ... Понялъ?

— Понялъ!..

— Ну, вотъ!

— Да ты почему все это знаешь?

— Чудакъ эдакой. Какъ-же не знать! Вѣдь я комендантомъ былъ сколько времени... Впрочемъ, копію-то съ конвенціи намъ сообщили подъ самый конецъ, такъ что я и былъ спокоенъ на своей станціи... Вижу грузятъ вагоны, знаю, что путь занятъ, что отправить ихъ еще нельзя, ну, да думаю, пускай, лучше чѣмъ въ мокрыхъ сараяхъ гнить-то... А потомъ оказалось вонъ что!.. Обошли насъ румыны совсѣмъ... А еще какая штука вышла... Мы имъ чуть не тысячи паровозовъ своихъ прислали, значитъ на нашъ счетъ, а возвращаютъ они намъ въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ эти паровозы день возврата. Что-жъ бы ты думалъ... Они свои локомотивы всѣ попрятали, движеніе совершаютъ по всѣмъ линиямъ нашими паровозами, ломаютъ ихъ, калѣчатъ и возвращаютъ безъ колесъ... А за пѣчинку-то намъ выводятъ счета. Имъ выгодно — румынамъ-то.

- Эхъ, братъ, кто насъ не сосеть-то. Такого человѣка нѣтъ.
- И холодно-же становится, господа!
- Теперь-бы хотъ нашатырю вышить—лишь-бы обожгло.
- Скипидару не хочешь-ли?
- Коньяку-бы!
- А гдѣ онъ, коньякъ-то?
- А у маркигантовъ.
- Деньги у тебя есть?
- Нѣтъ... Ни копѣйки...
- У меня столько-же.
- Что-жъ казначейство... Вѣдь посылали Артюшева за нашимъ жалованіемъ.
- А тамъ ему отрѣзали какъ — и безъ васъ, говорятъ, голова кругомъ идетъ... Дѣла видишь-ли у нихъ пропасть, некогда имъ сдѣлать распоряженіе...
- Насъ-то, кажется, и Богъ позабылъ.
- Тутъ, господа, вездѣ одно большое недоразумѣніе тянется!—вступился Соймоновъ.
- Какъ это?
- А такъ... Я вотъ хлороформу да хинину выписывалъ изъ склада, а мнѣ рыбаго жира да осетроваго клею, невѣдомо зачѣмъ, послали... А вѣдь и понять трудно—какъ осетровый клей попалъ въ аптечный складъ... Кабы не „Красный крестъ“...
- Кабы не „Красный крестъ“ — совсѣмъ-бы пропасть нужно...
- За то-же и злы на него.
- Еще бы!.. Какъ бѣльмо въ глазу... Тутъ этакая сложная административная машина справиться не можетъ, а „Красный крестъ“ изворачивается себѣ...
- Главное сестры!.. Уполномоченные-то того...
- Баричи!
- Не всѣ, а есть и между ними порядочный народъ.

— Какъ ему не быть!

Соймоновъ вышелъ изъ холодной землянки, гдѣ у кучки уже потухшихъ углей грѣлось офицерство.

Солнце заходило, хотя его не было видно совсѣмъ...

Туманъ окутывалъ дали... На западѣ, его насквозь проникали желтоватые тоны заката, востокъ и сѣверъ тонули въ голубой мглѣ... Вблизи мерещились контуры, смутные неопредѣленные контуры не то вершинъ горныхъ, не то тучъ, залегшихъ на ночь... Траншею, гдѣ сидѣли наши, еще можно было различить, но спуски съ нея уходили въ туманъ совсѣмъ... Впереди тоже неопредѣленною массою выступало какое-то темное пятно.

— Тамъ турокъ сидитъ... Указывалъ туда солдатикъ, попавшійся Соймонову.

— Не сладко и ему, поди!

— Что ужъ сладкаго... Безобразіе одно.. Также биза всякаго дѣла...

Въ нашей траншеѣ солдатики сбивались кучками. Въ кучкѣ теплѣе... Одинъ къ другому привалются и сидятъ...

— Вы-бы походили, братцы, пѣсни попѣли — замерзнете вѣдь... Будиль ихъ Соймоновъ.

— Тутъ не расходишься... Простору нѣтъ, да и ноги-то сапогъ томить—страсть... Снялъ-бы его, да бросилъ турку въ подарокъ. Вотъ!..

— Не поется... Примались было пѣть-то — да холодно... Съ холоду-то и птица не поетъ...

— Какъ можно птицѣ... Она сейчасъ носъ подъ крыло — и спитъ съ холоду.

— Либо мерзнуть...

— Померзнемъ и мы!

— Каркай!

— Что каркать! каркать не надо... А только померзнемъ... Ишь, холода какіе!.. Теперь, не дай Богъ, вьюга... Все занесетъ... Всѣхъ повалитъ... Сегодня оно вѣдь и тихо, а у насъ

двадцать человекъ ноги поморозило... А двое такъ и совсѣмъ... Утромъ мы ихъ давай будить—часовыми ихъ ставить, сапоги, что камень... Смерзли.

— Эхъ!.. Что ужъ и говорить.

— Война!.. Это, братъ, большое дѣло... Кого пулей, кто съ голоду, кого и морозъ ушибетъ...

— Пулей-то лучше...

— Ну, это тоже, куда вдарить... Ежели въ животъ — измучаетъ тебя... Умереть—сразу не помрешь, а дѣнь черезъ пять... Стонетъ, корчится... Либо голову тебѣ попортить, такъ ты на всю жизнь несчастный человекъ...

— А все надо!

— Присягу приняли царскую—значить надо!

— Ну, то-то! И скулить нечего. Скулой, братъ, не поправишь дѣла-то... Только еще хуже станетъ отъ скуленія отъ этого самого.

Соймоновъ долго прислушивался то къ замиравшему, то опять разговарившемуся говору въ траншеѣ... Ему больно, тяжело было смотрѣть на этихъ—обреченныхъ смерти—людей, такъ поборно ожидавшихъ на шипкинскихъ высотахъ своей очереди—уйти туда-же, куда до нихъ ушли сотни и тысячи товарищей... Туманъ, мало по малу, густѣлъ, точно осѣдая внизъ, въ эту узкую траншею... Теперь уже и она ушла отъ глазъ... Слышны были голоса—не видно людей... во влажномъ воздухѣ—звуки разносились гораздо сильнѣе—даже съ турецкихъ позицій долетаютъ отрывки какихъ-то непомятыхъ криковъ.

— Ишь это она самая! — слышалось около Соймонова.

— Кто она?

— Турка невѣрная... Аллу свою кричить... Она всегда такъ — Алла — Алла!

— По ихнему-то Алла, что значить?

— Алла... „Рады стараться“, должно быть. Потому ихнее начальство имъ: молодцы ребята, а она турка, — сейчасъ „Алла“ ...

— Какихъ на свѣтѣ наций нѣтъ.

— Разныя... это ты вѣрно...

Солдаты засыпали, стараясь закутаться въ свои худыя шинелишки — потеплѣе. Изрѣдка издали приносили раненыхъ.

— Кого это?

— Офремова... Тронуло... На часахъ стоялъ... И пуля-то такъ зря попала.

— Куда его?

— Да въ самое плечо значить.

Носилки пропадали въ туманѣ — и раненыхъ сейчасъ-же позабывали. Нервы уже притерпѣлись ко всему этому ужасу... Молчали. Не все-ли равно — сегодня Офремова, завтра — меня.

— Всѣмъ помирать, братцы! Аха-ха-ха... — зѣваль солдатъ.

— Всѣмъ, извѣстно!.. Не минуешь... А есть такіе, которые заговоръ знаютъ...

— Ну — во!...

— Миѣ сказывалъ одинъ унтеръ, изъ подь Севастополя онъ... Есть, говорить, такіе, которые всякую пулю проглотить и выплюнуть могутъ... Но только и имъ не сладко... Потому, ежели пулю эту самую перекрестить, да съ молитвой ее — сейчасъ она ему въ лобъ прямо.

— Заговоренному-то?

— Ему самому... Съ туркой ему хорошо воевать, потому турка молиться не станетъ, съ крестомъ она тоже не можетъ...

— Дохтуръ этотъ тоже здѣсь... — слышалось съ другой стороны около Соймонова.

Онъ началъ прислушиваться.

— Чего это онъ съ нами... Перевязочный-то пунктъ назади, а онъ здѣсь...

— Отчаянность эта въ немъ... воинъ!.. Опять-же и помочь можетъ здѣсь раньше...

— Это точно... А только я полагаю... Это онъ просто отъ своей храбрости.

— Храберь... Я его видѣлъ... Онъ это все можетъ, что офицеръ!

Туманъ клубился точно дымъ кругомъ... Дерево, стоявшее позади, совсѣмъ пропало... Еще первое время какимъ-то пятномъ казалось, а теперь и пятно это расплылось въ туманѣ... Валъ траншеи тоже разошелся во мглѣ... Ближайшій къ Соймонову часовой казался какою-то неопредѣленною тѣнью... Почему-то особенно отчетливо сѣрѣлъ его башлыкъ, а самъ солдатъ совсѣмъ пропадалъ... Переходившіе траншею съ конца въ конецъ люди наталкивались одинъ на другаго...

— Теперь бѣда!—разсуждали дежурные на валахъ.

— Да! Теперь туркѣ на насъ напасть—ничего не стоять.

— Что ему... Руками бери... Подошелъ и бери...

— А мы его штыкомъ.

— Да въ туманѣ... Только и замѣтишь тады, какъ онъ перекинется черезъ валъ...

— Одно слово — страшно!

— Нужно усилить секреты на сегодняшнюю ночь, — слышался издали тревожный голосъ полковника.

— Это вы, докторъ.

— Я... Поглядываю...

— Вотъ ночка-то... Какъ-бы еще бритоголовые не напали... А?

— Полноте... Я думаю, они сами теперь боятся насъ. Точно также усиливаютъ свои секреты. Паническое-то дѣйствіе одинаково, что на насъ, что на нихъ...

— Все-же, знаете... Береженого Богъ бережетъ. Опять-таки они у себя, имъ здѣсь каждая тропка знакома, а мы-то въ гостяхъ...

— Хороши гости!..

— Незваные, непрощенные... Поручивъ Орѣховъ, вы секреты-то сами повѣрьте... Слышите, пожалуйста...

— Слушаю-сь, полковникъ!..

Изъ тумана выступила новая фигура... Опять только и

видно было Соймонову, что остроконечный башлыкъ, да рука Орѣхова, приложенная „подъ козырекъ“.

— Сами, пожалуйста, сами... Знаете, не ровень часъ... Я ужъ васъ попрошу потщательнѣе сдѣлать это...

— Тоска какая право! — замѣтилъ Соймоновъ. — Мерзнешь, мерзнешь... Послушайте Орѣховъ, я пойду тоже съ вами... А?... Возьмете?

— Отчего-же. Вдвоемъ все-таки лучше... Только вы палку со штыкомъ не забудьте.

— Развѣ такъ скользко?..

— Ледъ одинъ... Съ розмаху-то куда слетишь... Вы сообразите...

— Да, неудобные „пути сообщенія“... На дорогу-бы хорошо знаете... коньяку...

— Нѣту... И ни у кого изъ офицеровъ нѣтъ...

— А у меня есть... Полбутылки...

— Голубчикъ...

— Ну, не подличайте, Орѣховъ, и безъ того дамъ!

— Вотъ это резонно по товарищески, какъ слѣдуетъ!..

Спусти часъ, когда Орѣховъ и Соймоновъ выползли изъ землянки — туманъ уже совсѣмъ обратился въ какую-то сплошную, густую кучу... Точно кисель какой-то лежалъ кругомъ...

— Давайте-ка руку мнѣ... — предложилъ Орѣховъ.

— Зачѣмъ это? Неужели полстакана коньяку — такъ подействоваль... — засмѣялся Соймоновъ.

— Нѣтъ... Плохо вижу васъ — вотъ что. Въ этомъ туманѣ — ни зги вѣдь... Хуже всякаго мрака... Точно онъ глотаетъ всѣхъ...

— А на голосъ?

— Туда, куда мы съ вами пойдемъ — трудно голосъ подавать... По голосамъ турки-то бить начнутъ...

— И не попадутъ.

— Ну, это бабушка на двое сказала... Что до меня касается, такъ я въ картахъ очень счастливъ. Пожалуй, и здѣсь

пулю въ затылокъ выиграю... Отъ такого выигрыша я-бы съ удовольствіемъ отказался... Что хорошаго наканунѣ производства въ штабсъ-капитаны — и вдругъ хлопъ тебя на поваль. Совсѣмъ глупая вещь вѣдь.

— Чего глупѣе!

— Я вотъ уже ротою командую. Умирать-то вѣдь пожалуй погодить надо... Я еще и жениться собираюсь...

— И предметъ есть...

— Пока еще въ проектѣ... Я на болгаркѣ хочу непременно...

— А я на турчанкѣ,—подумаль про себя Соймоновъ... — Айша! — какъ-то ни съ того, ни съ сего произнесъ вслухъ Соймоновъ...

— Что?

— Нѣтъ, я такъ... Такъ вы непременно на болгаркѣ? Вѣдь красивыхъ-то совсѣмъ мало, между ними?

— За то вѣрность какая, честность. Эта не обманеть... Какія онѣ хорошія жены и матери! Не чета нашимъ русскимъ...

— А все-таки прежде всего — рабыни... Восточная женщина — знаете...

— Чего тутъ знать... Развѣ нѣтъ у самого такой.

— Айша—исключеніе,—опять пронеслось въ головѣ Соймонова—и онъ снова усмѣхнулся самъ себѣ... Головка дѣвушки точно смотрѣла на него изъ этого тумана... Образъ ея сквозилъ въ его сѣроватыхъ клубахъ.

— А знаете, я кажется завтра отпрошусь въ Габрово... Дѣло у меня есть тамъ... въ родѣ вашего... Тоже и я себѣ высматриваю...

— Болгарка?

— Нѣтъ.

— Сестра милосердія?

— Тоже нѣтъ...

— Кто можетъ быть?... Я все Габрово вдоль и поперекъ знаю.

— Турчанка!.. Вотъ кто... ..

— А это значить то, бракъ съ лѣвой стороны?... такъ вы это въ любовь поиграть хотите?

— Ну, вотъ глупость какая... Если не приметъ христіанства, такъ и безъ священника обойдемся.

— Такъ-то, говорятъ еще слаще... Ну-съ, докторъ, пожалуй и пора...

— Что это?

— Да секреты повѣрять... Пойдемте. — Васильевъ, — позоваль онъ унтеръ-офицера. — Ступай съ нами... Ты знаешь, гдѣ у насъ секреты расположены?

— Знаю, ваше благородіе.

— Ну, такъ побажжи... Густо сегодня...

— Въ сорока шагахъ одинъ отъ другаго... Турка не пропустятъ...

Всѣ трое перелѣзли черезъ валъ и утонули въ царствѣ тумана... Какъ ближайшій часовой, мимо котораго прошли они, ни всматривался во мглу, въ ней не было ничего... Туманъ проглотилъ ихъ трехъ, точно и не бывало! Еще шаги были слышны — а самые силуэты исчезли...

— Это марь! — Опасливо взглядывался солдатъ.

— Смотри-не смотри — одинъ чортъ!..

ГЛАВА XXI.

Въ секретяхъ.

у, теперь благословясь! обернулся Орѣховъ къ Соймонову, когда они втроемъ съ Васильевымъ оставили брустверь за собою.

Палка со штыкомъ понадобилась на первыхъ же порахъ... Подъ ногами былъ голый ледъ... Снѣгъ подтаялъ—а потомъ замерзъ—точно покрылся ледяною корою: ногѣ нигдѣ не было здѣсь достаточной опоры. Она скользила—и тѣмъ еще ужаснѣе было-бы нападеніе, что оказывалось невозможнымъ опредѣлить гдѣ-бы оно остановилось... Скатъ шель далеко внизъ—тамъ сидѣли турки... По всей этой кручѣ не было ни скалы, ни дерева, которое могло-бы задержать падающаго... Прежде, чѣмъ сдѣлать шага два, нужно было непривычному человѣку вбить штыкъ въ эту ледяную кору... Туманъ дѣлалъ еще болѣе скользкимъ поверхность этой коры.

— Хорошенькое мѣстечко, нечего сказать!..

— Я не понимаю, чего-же при такомъ условіи бояться нападенія турокъ... Интересно какъ-бы они прошли здѣсь...

— Вы забываете, что на туркахъ не нашъ сапогъ, а мягкая опанка. Они отлично пройдутъ въ ней по снѣгу... Да и привыкли они...

— Нашимъ-то солдатикамъ поди какъ жутко идти.

— Точно такъ, — отозвался позади Васильевъ. — Вчера это — Свищовъ сорвался...

— Куда?

— Въ секреты шолъ... Такъ внизъ его снесло... Только голосъ подалъ — а потомъ мы ужъ его не слышали...

— Живъ еще можетъ быть.

— Никакъ нѣтъ-съ. Потомъ ежели былъ-бы живъ — кричать сталъ!

— Ну, тамъ не закричишь... Турки подъ бокомъ. А можетъ быть его и турки прикололи.

Шаги трехъ человѣкъ далеко разносились въ туманѣ... Они шли, ничего не видя ни впереди, ни позади... Шли уже нѣсколько минутъ — а секретовъ нѣтъ, какъ нѣтъ...

— Васильевъ, ты хорошо помнишь, гдѣ секреты? — обернулся Орѣховъ къ унтеръ-офицеру. — Самъ вѣдь ты ихъ разводилъ.

— Надо быть скоро... Ничего, ваше благородіе, не сообразишь... Ишь марь какая... Гдѣ тутъ... Надо случаемъ искать...

— Чортъ знаетъ, что за время стоитъ!.. Туманъ да морозъ, морозъ да туманъ...

— Совсѣмъ неспособное...

Пошли опять... Ледъ порою кололся подъ штыкомъ и трещалъ... Соймоновъ какъ-то поскользнулся, ударился лицомъ прямо — и всталъ ругаясь.

— Да гдѣ-же это ваши чертовы секреты!.. — закричалъ онъ.

— Тише, тише, что вы это...

— Секреты здѣсь, ваше благородіе... — донесся шопотъ со стороны...

— Гдѣ здѣсь?..

— Здѣсь.

Пошли на голоса и увидѣли секретъ, чуть не наступивъ на него... Въ снѣгу вырыта ямба, въ ямкѣ лежатъ трое сол-

дать... на брюхѣ лежать... Ружья со штыками тутъ-же подъ руками... Разсмотрѣвъ въ туманѣ офицера, стали было подыматься...

— Лежите, лежите братцы! Ну что, ничего не слышать?

— Тутъ передъ нами секретъ смѣняли...

— Какой?

— Турецкій!.. По ихнему разговоръ шель...

— Близко это?

— Не видать... А только по голосамъ должно быть близко...

Слышать ихъ очень... Совсѣмъ супротивъ насъ тутъ...

Соймоновъ сталъ всматриваться туда — но глазу, утомленному этимъ туманомъ только мерещились силуэты тамъ, гдѣ ничего не было... Онъ уже было хотѣлъ двинуться дальше... какъ впереди послышался какой-то шорохъ...

— Воцъ, вонъ они... Слышите?

Шорохъ усиливался... Наши примолкли, прислушиваясь... Въ однообразней мглѣ вырисовывалась какая-то смутная фигура... Молоденькій солдатикъ въ секретѣ взялъ было прицѣль, да лежавшій рядомъ остановилъ его...

— Чего ты? Ишь нашихъ сколько стоитъ... Ты съ дуру выстрѣлилъ по воронамъ, а турки-то влѣпять прямо въ лобъ... Лежи... Стрѣлять — сказано тебѣ, когда тревога... А до тѣхъ поръ молчи...

— Такъ, такъ... учи ихъ... одобрилъ Орѣховъ...

— Эге-ге-ге!.. — послышалось впереди...

— Это онъ тѣшится... — Шепчуть у насъ въ секретѣ. —

Опъ, ваше благородіе, наши слова знаетъ... Оттуда кричалъ намъ...

— Что-же именно?

— Непристойныя... Какія самыя неподобныя слова, такъ ихъ... И чисто такъ... Лучше не надо...

— Смотрите-же братцы въ оба... Чуть что — пошлите одного назадъ дать знать... Поняли?

И Соймоновъ пошелъ дальше за Орѣховымъ.

— Теперь это самое плохое дѣло... Еще потеряешь направленіе въ туманѣ... да прямо и напорешься на турецкій секретъ...

— Да! На великодушіе господь турокъ полагаться тоже не слѣдуетъ...

— Позвольте мнѣ, ваше благородіе, впередъ, — попросился Васильевъ. — Мѣсто мнѣ знакомое... Я водилъ ихъ... Вотъ тутъ бугорочекъ, за нимъ опять наши.

Дѣйствительно изъ-за бугорка вполголоса крикнули имъ кто идетъ?

— Свои, свои!.. Здорово братцы...

— Здравія желаемъ, — крикнулъ было одинъ... — Да оборвался... Васильевъ угостилъ его тузманкой...

— Чего горло-то дерешь?.. Чего?.. Гдѣ тебя поставили... Тихо ты должонъ. А не то что растворилъ ротъ, что ворота, и давай орать! Васъ дураковъ не учи — пропадешь съ вами...

И онъ для большей убѣдительности еще разъ полегоньку толкнулъ того въ затылокъ...

— Турки близко?

— Тутъ во, сейчасъ... Они только ничего, смирно сидятъ... Одинъ въ намъ подползаль... По своему, что-то болталъ... За штыкъ у меня тянулъ.

— Какъ, за штыкъ?

— Точно такъ-съ! Изъ за бугорочка этого...

— Чтожь ты его видѣлъ?

— Руку видаль, а самага за туманомъ не видно... Я его по рукѣ-то делонько... Потому трогать его нельзя — сколько ихъ тамъ — ничего не знаемъ...

— Однако, положеніе!.. — проворчалъ Орѣховъ. — Они наши секреты чудесно могутъ обойти и вырѣзать... Вы вотъ что, ребята — одинъ впередъ смотри — а остальные слѣди за тѣмъ, что по сторонамъ дѣлается... Турокъ-то и изъ-зади заползти можетъ... Ну, счастливо братцы... Въ оба-же, слышите...

Двинулись опять въ туманъ... Сдѣлали шаговъ тридцать —

нѣтъ секрета... Мгла кругомъ, ни зги не видно... Держать другъ друга за руки... Идутъ молча, чтобы не было слышно самыхъ шаговъ по льду, тутъ ужъ и штыкомъ опираться опасно — ледъ колотья станеть — услышать... А туманъ впереди разстилается совсѣмъ бѣлою целеною... Ночь свѣтла — еще свѣтлѣе отъ этого бѣлаго влажнаго пара, окутавшаго горныя вершины. Вонъ въ этомъ бѣломъ парѣ неясное пятно какое-то... Едва намѣтилось... Наши остановились... Соймоновъ чувствуетъ какъ его руку безотчетно-опасливо сжимаетъ рука Васильева... Никто не произноситъ слова... Слышно только, какъ сердце колотится въ груди... Пятно опредѣляется... Разбилось на два пятна... Два человѣка имъ на встрѣчу идутъ... Наши или турки?..

— Наши? — шепчетъ Орѣховъ на ухо Васильеву.

— Неизвѣстно... Можетъ и наши...

Орѣховъ вытащилъ саблю. Васильевъ взялъ ружье на изготовку.

— Не наши! слышитъ и Соймоновъ.

Слышитъ и видитъ... Тѣ совсѣмъ близко, чуть не у самаго носа... Фески... Синее пальто на одномъ, офицерскій галунъ поперекъ плеча... Голова обернута поверхъ фески бѣлою тряпцею. Тѣ тоже оторопѣли... Офицеръ — видимо ничего сообразить не можетъ. Наконецъ, Соймоновъ догадался вытащить маленькій револьверъ изъ кармана... Изъ-за турецкаго офицера, изъ-за спины выдвинулось дуло ружья Пибоди... Прямо въ упоръ... Дуло смотритъ въ лицо Соймонову... Онъ не успѣлъ отвести лица... До того все это было неожиданно... Неприятное ощущение... Лобъ что-то щекочетъ, точно онъ уже чувствуетъ прикосновеніе холодной стали... Турецкій офицеръ отвелъ дуло въ сторону — тотчасъ-же и Васильевъ опустил свое... Турокъ приложилъ руку къ губамъ и лбу — по своему чести сдѣлалъ. Орѣховъ отвѣтилъ „подъ козырекъ“.

— Bonne nuit et adieu!.. — проговорилъ турокъ, немилосердно коверкая языкъ.

— Ступай, ступай!.. И Васильевъ съ душевнымъ облегченіемъ увидѣлъ, какъ оба турка повернули назадъ и скрылись въ туманѣ, смѣшавшись сначала въ одно общее пятно.

— Ступай, ступай!.. Ну, ваше благородіе, счастливо онъ отдѣлался!..

— Какъ это онъ? А мы?

— Что-жъ мы... Мы его могли въ плѣнъ, да пожалѣли... Пуцай его еще на волѣ погуляеть.

— Да вѣдь дуломъ, чудакомъ этакой, онъ куда цѣлилъ...

— Въ доктора... Въ его благородіе.

— Ну?

— Доктора-бы онъ точно что убилъ — а мы ихъ сейчасъ-бы живьемъ забрали...

Соймоновъ улыбнулся.

— Ну, братъ, я на это совсѣмъ не согласенъ... Слава Богу, что такъ кончилось.

Шли-шли... секретовъ нашихъ нѣтъ... Наконецъ Васильевъ предложилъ имъ остановиться, а онъ поищетъ, пойдетъ...

— Да какъ-же насъ-то ты увидишь... Вѣдь ничего разобратъ нельзя...

— А я голосъ подамъ, ежели что...

— Ну, ступай...

Васильевъ, какъ ранѣе его двое турокъ, пропалъ въ туманѣ.

Соймоновъ и Орѣховъ закурили папироски, чутко прислушиваясь... Шаги сначала звучно отдавались на льду... потомъ и они пропали. Прошло нѣсколько минутъ... Ни звука!.. Ледяная пустыня молчала...

— Что-жъ это Васильевъ? Куда онъ дѣвался? — опасно заговорилъ Орѣховъ. — Вы ничего не слышите?

— Ничего... Совсѣмъ мертвое царство...

— Скорѣе царство мертвыхъ... Вѣрно мы отбились...

— Должно быть... Однако северно. — Нѣтъ, вотъ что-то слышно... Слышите?..

— Да... Только это не то... Это не Васильевъ.

— Ну, вотъ.

— Развѣ это сапоги... Это опанки... Слышите шуршать по льду... Ложитесь... Сейчасъ ложитесь Соймоновъ. — И не дышите.

Оба бросились о земь... Въ туманѣ шуршанье опанокъ о ледъ — росло и росло... Видимое дѣло нѣсколько человѣкъ шло имъ на встрѣчу... Вотъ и говоръ слышенъ... Заговорили громко — значить ихъ много, не опасаются... Говоръ не нашъ. Хриплые гортанные звуки — такъ и садятся въ ухо... Орѣховъ крѣпко жметъ Соймонова за руку, а у самого въ головѣ — „что если они прямо на меня... Оступится который-нибудь... Зарѣжутъ... Гдѣ это Васильевъ?.. У него хоть ружье въ рукахъ“... Шаги уже надъ самую головою... Орѣховъ зажмурился... Лучше не видѣть... Шаги становятся тише... Совсѣмъ пропали...

— Я ихъ видѣлъ! заговорилъ чуть слышно Соймоновъ.

— Ну?

— Ихъ семеро было... Съ ружьями. Горой они прошли, гуськомъ, одинъ въ затылокъ другому.

— А Васильева нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Что дѣлать?

— И голосу не подаетъ...

— Да теперь если и подастъ голосъ — такъ еще хуже, турокъ накличетъ... Куда это насъ занесло въ туманѣ?..

— Совсѣмъ скверно...

— Давай Богъ живымъ выйти... а то и штабсъ-капитанство и рота — все уйдетъ.

— Нашли о чемъ жалѣть.

Стали еще ждать... Прошло минутъ десять... Тишина... Кругомъ точно все вымерло... Будто здѣсь никогда и не раздавалось человѣческаго голоса...

— Я думаю крикнуть... А? Вѣдь туманъ такой, что турки не осмѣлятся двинуться на насъ?

— Подождемъ еще... Можетъ быть Васильевъ знаетъ гдѣ мы — да опасность видить... И таится...

Прошло полчаса — ждать болѣе нельзя было.

— Я крикну! — рѣшительно заговорилъ Орѣховъ.

— Васильевъ!..

Кругомъ та-же тишина... Тотъ-же туманъ... Тоже мертвое спокойствіе смерти.

— Васильевъ!..

Ни одного звука въ отвѣтъ... Ледяная пустыня молчить...

— Что-жь это... Васильевъ... Унтеръ-офицеръ Васильевъ!..

Какой-то врадущійся шорохъ въ сторонѣ... Прислушались — это опять такой шорохъ опановъ... Крадется все ближе и ближе... Орѣховъ и Соймоновъ стали тоже проебрываться назадъ...

— Если-бы его зарѣзали — крикнуль-бы; если-бы застрѣлили — мы-бы выстрѣль слышали... — Шепчетъ Соймоновъ...

— А какой унтеръ-офицеръ — лучший у меня въ ротѣ... Неужели его схватили?..

— Вотъ!.. я вамъ говорю, что хотъ-бы какой нибудь звукъ донесся до насъ...

— Отступали, отступали... Ощупью... Едва-едва передвигали ноги...

— Кто идетъ? — послышалось за ними.

— Слава Богу, наши!.. — заговорилъ громко Орѣховъ. — Это брустверь... Мы назадъ въ траншею вернулись...

— А Васильевъ? Остановился Соймоновъ.

— Живъ — такъ придетъ!

Часа черезъ два Орѣховъ обходилъ траншею и спрашивалъ Васильева.

Васильевъ, оказалось, еще не возвращался...

Смѣнились секреты — у нихъ узнавали, и тѣ не видѣли Васильева...

Точно въ воду кануль. Впрочемъ, въ туманъ кануть — было еще хуже.

ГЛАВА XXII.

Первыя жертвы.

Въ судьбѣ часто скрыта глубокая иронія. Повинуясь какому-то всепошляющему началу, она одинаково обращаетъ въ ничто и мужество, и безумную дерзость, и нравственную силу... Титаны гения и ума могутъ выростать рядомъ съ нею — она надѣлила ихъ желудками, которые надо питать; организмомъ, чувствующимъ малѣйшую перемену погоды — и рядомъ съ мощью мысли, съ великими полетами фантазій, является глупая зависимость отъ холода и голода. Тысячи стальныхъ жерлъ, выбрасывающихъ на встрѣчу вамъ десятки тысячъ смертей — не заставятъ васъ опустить глаза, показать тылъ, остановить свой могучій натискъ; злбныя жала штыковъ только воспламеняютъ ваше мужество — но судьба входитъ въ заговоръ съ мошенничествомъ и природою — первое даетъ вамъ скверные, на первыхъ шагахъ разваливающіеся, сапоги; отвратительный хлѣбъ; вмѣсто овчины — рваныя шинели; вторая — дойметъ босую армію морозомъ и ея не стало; не стало, не смотря на то, что она была полна боевою доблестью, не стало, не смотря на то, что послѣдній солдатъ этой арміи готовъ былъ: или вырвать побѣду у врага, или дорого ему-же продать свою жизнь.

Тутъ останавливается всемогущество человѣка, тутъ крылья духа падаютъ подъ тяжестью тѣла, тутъ геройское сердце чувствуетъ себя связаннымъ съ самымъ обыденнымъ процессомъ пищеваренія... Холодъ, убивающій шипкинскую армію, морозъ, побѣдившій французскую гвардію Наполеона — все это явленія одного и того-же порядка... Судьба какъ-будто хочетъ показать человѣку — ты силенъ, пока я допускаю это, ты могучъ до тѣхъ поръ, пока не становишься лицомъ къ лицу со мною... Разъ это случилось — опусти руки и жди моего приговора... Я твой судья, — я твой палачъ, — во мнѣ все!..

Морозы и мятели на вершинахъ шипкинскихъ позицій, уничтожавшіе 24-ю дивизію — были однимъ изъ средствъ этой судьбы... Солдаты, которые при другихъ условіяхъ вышли-бы триумфаторами — покорно ложились въ мерзлыхъ траншеяхъ... Они знали, что ихъ ждетъ смерть. Смерть мучительная, томившаяся безсиліемъ своихъ жертвъ, смерть, которую встрѣчаютъ не съ оружіемъ въ рукахъ — а расprostертыми на снѣгу, съ отнявшимися руками и ногами. Солдаты знали это, они уже проводили свои первыя жертвы, первыхъ товарищей — замерзшихъ въ долгія ночи подъ свистъ мятели, занесшей ихъ бѣлымъ сугробомъ, знали и не видѣли выхода — выхода не было вовсе... Сойти отсюда не было возможности... Тутъ на вершинахъ Шипки спасалось русское дѣло въ Болгаріи... Уступить въ ноябрѣ Шипку — значило проиграть войну на этотъ годъ, значило — одушевить Османа въ Плевнѣ, Сулеймана въ Софіи... Вейсиль паша — соединился-бы съ войсками, разбившими на голову князя Святополка-Мирскаго подъ Еленой — не успѣли-бы мы и опомниться какъ Габрово, Дреново, Сельви и Тырново были-бы въ рукахъ у турокъ... Сотни тысячъ болгаръ легли-бы подъ ятаганами и штыками освирипѣвшихъ таборовъ, дымъ пожаращъ курился-бы на мѣстѣ этихъ счастливыхъ и, по своему, богатыхъ городовъ!.. Поэтому — намъ дороги были вершины шипкинскаго перевала, ихъ слѣдовало оставить за собою во что-бы то ни стало...

На нихъ мы выиграли и плевнинскую побѣду, на нихъ мы выиграли и всю кампанію. Пульсы этой войны бились не въ Софіи, не въ западныхъ Балканахъ, даже не въ Плевнѣ — они бились здѣсь на Св. Николаѣ, на Волынскихъ позиціяхъ... Мы могли умирать на этихъ вершинахъ, умирать сотнями, тысячами, десятками тысячъ — но отнюдь не уступать ихъ врагу... Дѣло было еще труднѣе потому, что тутъ было мало мужества, смѣлости, генія... И мужество и смѣлость и геній — бессильны въ царствѣ мороза. Здѣсь требовалась готовность умирать, умирать не защищаясь, потому что какая-же защита можетъ быть въ такихъ битвахъ съ природою?..

Для умиравшихъ, для падавшихъ оставалось одно утѣшеніе: ихъ побѣждали не люди... Тутъ не было побѣдителя...

Мятедь и морозъ — вотъ силы, сокрушавшія бойцовъ... Они, по крайней мѣрѣ, не торжествуютъ этихъ побѣдъ, не носятъ лавровъ, не кичатся цифрами убитыхъ ими людей... Уму, терпѣнію, знанію — бессмысленная сила какъ-будто говорила — я больше тебя, ты слабѣ меня... И умъ, и терпѣніе и знаніе безмолвно соглашались съ этимъ... Потому что умъ безъ сапогъ, терпѣніе безъ полушубковъ въ 30° мороза — дѣйствительно, слабѣ ребенка... Знаніе также нуждается въ кровѣ...

Народъ валился вездѣ.

Въ резервахъ, на боевыхъ позиціяхъ, въ землянкахъ!..

Утромъ — траншеи были полны замерзнувшими, днемъ — то и дѣло на носилкахъ выносили изъ нихъ не раненыхъ, нѣтъ! Раненыхъ въ это время было мало, — турки не стали бы даромъ тратить свои боевые снаряды... Таскали солдатъ, отморожившихъ себѣ ноги... Люди съ отмороженными руками — шли сами... Для нихъ не хватало носилокъ, для нихъ было-бы недостаточно санитаровъ. Были дни, когда сразу изъ одного полка выбывали сотни людей... А вьюга злилась все пуще и пуще, точно ей мало было этихъ жертвъ, точно ненасытное, кровавое божество этихъ вершинъ требовало все

больше и больше... Вершины горъ — стали его алтаремъ, на нихъ каждую минуту приносились цѣлыя гекатомбы людей.

Туркамъ было лучше.

У нихъ — теплыя землянки, прекрасная обувь и теплое платье... Ихъ кормили — тогда какъ наши голодали... Въ траншеяхъ они держали только часовыхъ — остальное пережидало морозы въ теплѣ... У насъ всѣ были въ боевой линіи...

Дорога съ Шипки внизъ въ это время производила ужасное впечатлѣніе.

Это былъ по истинѣ путь мертвыхъ, или умирающихъ...

Первые на время просто сбрасывались въ снѣгъ, вторыхъ несли въ Габрово. Больничные фургоны были полнымъ полно ими-же... они-же тащились и на телѣгахъ... Это торжественное шествіе смерти начиналось у самаго Габрова и кончалось на Волынской горкѣ, растянувшись болѣе чѣмъ на 20 верстъ разстоянія, которое иную процессію могло-бы сдѣлать великолѣпною... Эту-же дѣлало только ужасной... Порядокъ шествія былъ таковъ, что промежутковъ почти не было... Встрѣчая на пути обозы, пушки, зарядные ящики — молчаливое шествіе смерти не останавливалось, а только обходило ихъ. Молчаливое потому, что больные и умиравшіе уже не находили силъ жаловаться на судьбу... Однообразный скрипъ телѣгъ и фургоновъ, да крики погонщиковъ, одушевлявшихъ побоями усталыхъ буйволовъ — вотъ все, что нарушало мертвое молчаніе этой дороги... На поворотахъ ея — обозъ сбивался въ кучу, тѣло этой двадцати верстной змѣи здѣсь точно расширялось, утолщалось, пухло, новые прибывавшіе фургоны еще болѣе увеличивали затрудненія... Но вотъ одинъ за другимъ они выбивались изъ этой сумятицы и двигались дальше... На улицахъ Габрова толпа здоровыхъ людей съ ужасомъ смотрѣла на эти новыя жертвы кроваваго культа, совершавшаго свою ужасную литургію на шипкинскихъ вершинахъ... Порою изъ телѣги приподымались синія-синія лица — съ выраженіемъ муки, заострѣвшей въ каждой чертѣ ихъ, онѣ

всматривались въ знакомыя улицы и, ёловно не узнавая ихъ, опять ложились обратно... Все, что оставалось въ живыхъ, шло въ госпитали, въ больницы, въ шатры „Краснаго Креста“. Все, что не выдерживало — складывалось на каменныя холодныя плиты габровскаго собора... Складывалось сотнями, такъ что некуда было ноги поставить живому среди этихъ мертвыхъ... Клади прямо на полъ — гробовъ-бы не достало для всѣхъ. Въ долгія noci перебѣгающее и тусклое сiяние лампадъ озаряло эти неподвижныя сѣрыя силуэты, точно они не были положены на полъ, а изваяны на немъ... Эта лѣнная работа смерти — приводила въ ужасъ самый свѣтъ лампадъ, видѣвшихъ не мало горя и слезъ у иконъ, ими озаряемыхъ... Бродящее сiяние ихъ разбѣгалось по всему собору, точно отыскивая такого уголка, гдѣ-бы не было этихъ силуэтовъ и, не найдя его, возвращалось обратно къ тусклымъ ликамъ образовъ... Лампадки горѣли все тише и тише и, наконецъ, гасли, закрывали свои слабыя глаза, точно имъ страшно было оставаться всю ночь до утра лицомъ къ лицу съ этими безмолвными свидѣтелями!... Страшно и жутко... Лучше не видѣть ихъ... И самыя безмолвныя свидѣтели въ дни, слѣдовавшiе за этими страшными ночами, не видѣли и не слышали ничего, хоть глаза и уши ихъ были открыты... Они не видѣли дыма отъ кадилъ, носившагося надъ ними, не слышали печальныхъ молитвъ, возносимыхъ за нихъ... Бѣлые клубы фимиама колыхались надъ неподвижными лицами. Изрѣдка солнечный свѣтъ освѣщалъ эти клубы радужнымъ отблескомъ... А они, эти рядомъ сложенные трупы, все казались тою-же лѣнною работою смерти на каменныхъ плитахъ собора, тѣми-же недвижными силуэтами, уложенными неизвѣстно для чего на полу этого громаднаго склепа.

Люди валились страшно.

У Соймонова не было свободной минуты.

— Ужасно тяжело! — жаловался онъ. — Сознаешь свое безсилiе вполнѣ; что тутъ подѣлаешь, когда рядомъ тысячи

требуютъ твоей помощи... Одного смотришь — сотни остаются такъ!.. Вотъ она эта война...

— А какъ въ Питерѣ-то о ней мы думали... Распущенныя знамена, музыка... побѣды...

— Да!... Изнанка-то лицо заполонила...

— Поэты войны совсѣмъ не такую рисуютъ ее намъ.

— Еще-бы... Всѣ поэты лгутъ... Вотъ она настоящая война... Ее надобно наблюдать не на поляхъ битвъ — это вѣдь моменты; смотри на нее въ баракахъ госпитальныхъ, въ шатрахъ больничныхъ, въ ампутаціонныхъ, на перевязочныхъ пунктахъ, вотъ въ этихъ замерзающихъ траншеяхъ. На походѣ ее наблюдай, гдѣ никакое одушевленіе не выдержитъ устали, гдѣ холодъ и голодъ бьютъ человѣка... Вотъ гдѣ ее наблюдать надо!.. Мы знаемъ войну — врачи, сестры... Знаемъ ее — не въ торжественной сценической постановкѣ заранѣе подготовленнаго боя, а въ реальной правдѣ, такую, какова она въ дѣйствительности, безъ прикрасть. И разумѣется ужъ не мы ее станемъ рисовать заманчивыми красками... Вы видѣли художника Воленса, пріѣзжавшаго сюда.

— Какже.

— Ну онъ вѣдь такъ и отъѣхалъ обратно... Тутъ, говорить, нечего рисовать... Это смерть одна... Ни одной благородной академической позы не нашель. Я, говорить, и дома сидя — войну нарисую художественнѣе чѣмъ она здѣсь, у васъ.

— Прохвость этакой...

— Вотъ и толкуйте... Романисты и художники въ этомъ случаѣ являются великими преступниками. Война подъ ихъ перьями и кистями является столь заманчивою, что тысячи юношей послѣ того только и мечтаютъ о счастіи попасть на эту кровавую ниву. Энтузіастами являются... Ну, разумѣется, ихъ энтузіазмъ не выдерживаетъ даже первыхъ двухъ-трехъ дней!.. Все гаснетъ, силы падаютъ... Сознаніе скверной дѣйствительности приходитъ только уже слишкомъ поздно — когда возврата нѣтъ.

— Сколько сегодня через ваши руки прошло отмороженных?

— Шестьдесят!.. Вѣдь свиста пули не слышали эти несчастные, а ужь легли... Вотъ вамъ и жертвы войны...

— Да у Алексѣева пятьдесятъ человѣкъ... Этакъ и безъ боя вся дивизія исчезнетъ. Растаетъ какъ снѣгъ весною!..

— Именно, какъ снѣгъ!.. Въ иномъ большомъ сраженіи не пропадаетъ столько народу сколько у насъ ушло въ какихъ-нибудь десять дней!..

— Ишь проклятая!..

— Что вы?

— Да мятель опять поднимается... Слышите вы внизу...

Соймоновъ прислушался.

— Гдѣ внизу — въ ущельяхъ, да?

— Вотъ, вотъ... Она всегда оттуда, снизу, по воровски, подбирается къ намъ.

Тамъ, дѣйствительно, начиналъ уже уныло посвистывать вѣтеръ, гоня передъ собою бѣлыя облака снѣга... Такое-же посвистываніе слышалось и на лѣво, гдѣ крутой спускъ велъ прямо на дно глубокой котловины... Оно теперь курилось все, потому что вихрь взметалъ тамъ цѣлыя облака снѣгу... Они еще не доходили до половины горы, но въ ихъ бѣлыхъ клубахъ измученные, усталые защитники Шибки видѣли уже проснувшихся призраковъ бури... Эти бѣлые призраки подымались все выше, пробѣгали вверхъ по ущельямъ, будили другихъ и вмѣстѣ съ ними уже съ громкимъ торжествующимъ визгомъ и шумомъ врывались въ ближайшія къ нимъ траншеи...

— Это они по душамъ, по нашимъ, плачутъ...

— Съ собой зовутъ!..

— Ишь какъ она тоскуетъ-то?—замѣтилъ солдатикъ, когда вьюга вдругъ начинала стонать и плакать, точно убиваясь надъ какою-то, ей одной видимой и вѣдомой, тайною...

— По душу, по душу идетъ! Слышалось кругомъ...

И души, за которыми она шла, эта безпощадная, горная

мятель, уже заранѣе замирали и падали... Онѣ не находили силъ бороться съ нею. Покорныя, онѣ готовы были сейчасъ-же идти на ея зовъ...

— Знобить!—жаловались солдаты.

— Гдѣ знобить?

— Ногу, страсть, ознобилъ!..

— Походи.

— Силы нѣтъ ходить-то... Совсѣмъ точно ноги нѣтъ... Эту ужъ и знобить перестало...

Другіе и не жаловались, а погружались въ какое-то окаменѣлое спокойствіе...

Смерть одѣняла ихъ... Какъ змѣя свою жертву она заставляла ихъ врасплохъ и не позволяла сдвинуться съ ея пути подъ своимъ заколдовывающимъ взглядомъ...

— Докторъ, пожалуйста въ офицерскую землянку!..

Соймоновъ, возившійся съ отороженнымъ солдатомъ, обернулся.

— Что тамъ еще?

— Анчутина принесли... Совсѣмъ въ комъ какой-то обратился... Мы его оттираемъ тамъ.

— И оттирайте... Знаете, какъ это нужно дѣлать?

— Знаемъ.

— А мнѣ нельзя... Видите, какой рядъ у меня еще здѣсь наваленъ, а тутъ мятель подбирается... Сейчасъ ихъ всѣхъ засыплетъ...

Молоденькій офицеръ побѣжалъ обратно.

— Что тутъ подѣлаешь!..

Свистъ вѣтра и шорохъ снѣга, гонимаго имъ передъ собою, слышался уже совсѣмъ близко... Вотъ онъ зашумѣлъ около... Сорвалъ смерзнувшуюся глыбу съ кручи, расшибъ ее вдругъ о скалы, торчавшія оттуда. Вотъ онъ погналъ бѣлые клубы по отвѣсамъ горъ... Выше и выше... Закружилъ ихъ на самой вершинѣ и давай сыпать оттуда на молчаливыя траншеи, гдѣ неподвижно, прикурнувши къ брустверамъ, точно

прятались отъ него — ряды замерзающихъ солдатъ... Вонъ онъ, торжествующій и неистовый, пронесся по траншеѣ, приподымая полы жидкихъ шинелишекъ, словно заглядывая, чѣмъ эти люди защищаются отъ его могущественной стужи, охватывая ихъ облаками мерзлаго снѣга, кружась вокругъ, точно выплясывая какую-то дикую, воинственную пляску надъ обреченною смерти жертвою.

— Запорошило... совсѣмъ бѣда! — жалуются солдаты, протирая глаза.

— Грудь-то какъ знобитъ...

И дѣйствительно, вѣтеръ стучался въ эти больныя усталыя груди, стучался точно хотѣлъ допроситься быются-ли еще тамъ сердца, или уже замерли.

— Что дѣлать, что дѣлать! — складывалъ руки Соймоновъ. — Опять вьюга поднялась... Отправить нельзя этихъ больныхъ.

— Отчего это?

— Да пути не найдутъ. Лошади съ дороги собьются, а тѣхъ кто пѣшкомъ — самъ двинется — засыплетъ сугробами... Заживо похоронить... Вы, Орѣховъ, что еще тутъ бродите...

— Полноте злиться... Чего вы набрасываетесь...

— Мѣшаете только...

— Да я Васильева ищу... Канулъ онъ тогда въ туманъ и слѣда нѣтъ... Можетъ быть между замерзшими...

И онъ давай вглядываться имъ въ лица.

Мертвыхъ прикрыли шинелями... Онъ откидывалъ полы, закрывавшія ихъ головы... Между десятками этихъ неподвижныхъ, какъ-то особенно пристально смотрѣвшихъ ему въ глаза лицъ, не было знакомаго вовсе... На рѣсницахъ у нѣкоторыхъ замерзли капли влаги... На щекахъ — синіе подтеки... Отъ одного нельзя было приподнять даже шинели — мокрая примерзла къ мокрому лицу... Молодой солдатикъ, улегшійся между этими и также какъ они неподвижный — оскалилъ зубы и точно смѣялся въ лицо Орѣхову, словно эти бѣлыя десны, эти синія губы говорили ему:

— Чего ты ищешь! Не безпокойся напрасно... Скоро ты его встрѣтишь тамъ, гдѣ всѣ мы будемъ, всѣ... Никто не уйдетъ! И ты тоже.

„Никто не уйдетъ!“ подхватывала мятель, засыпая снѣгомъ Орѣхова; „Никто не уйдетъ“, визгливо выкрикивала ему, срывая шинели съ мертвыхъ. „Никто не уйдетъ, какъ не ушли эти“ — плакала уже гдѣ-то въ сторонѣ она, словно освѣдомляясь о томъ — не уцѣлѣли-ли кто-нибудь... Не дышать-ли еще кто-нибудь живой въ ея царствѣ...

Теперь вблизи уже нельзя было-бы разсмотрѣть нашихъ позицій...

Онѣ всѣ окутались въ бѣлыя облака снѣгу... Горы точно курились бѣлыми клубами... Въ этихъ бѣлыхъ клубахъ притаились редуты, батареи, траншеи... Ни одной черточки не было видно въ колеблющемся, съ мѣста на мѣсто переносившемся, то взрывавшемся вверхъ, то падавшемъ внизъ маревѣ... Солдаты, кучками пробиравшіеся по дорогѣ — тонули въ немъ, громадныя лазаретныя фургоны — выбравшіеся отсюда еще до мятели — теперь останавливаются гдѣ попало... Заносимыя снѣгомъ лошади только похрапывали, безсильно опуская головы, да изрѣдка встряхиваясь... Больные, бывшіе внутри фургоновъ, умирали отъ холода, не смѣя смѣшивать своихъ стонъ съ побѣдными голосами бури, бѣсившейся вокругъ.

Кое-гдѣ до непогоды горѣли костры — вѣтеръ засыпалъ ихъ снѣгомъ. Изъ подъ нѣкоторыхъ еще курился рѣдкій сѣроватый дымокъ, но онъ уже казался отлетающей душой умершаго огня... Солдаты, кто пободрѣе, бѣгали съ мѣста на мѣсто, топтались, боролись, похлопывали руками. Другіе просто ложились въ снѣгъ и замерзали, цѣпенѣя и ощущая зловѣщіе приступы тепла и забытья, которыми мятель обматывала умиравшихъ.

— Ну, пободрѣй, пободрѣй! — одушевляли другъ друга двое солдатъ, боровшихся въ снѣгу.

— Ну-ко!.. — И одинъ подставлялъ другому ногу.

Тотъ падалъ, подымался и безъ всякой злобы лѣзъ въ драку.

Вонъ изъ одного сугроба торчитъ рука... Посинѣла вся и неподвижна стала... Пальцы сжались и одеревенѣли... Изъ подъ снѣговой глыбы въ другомъ мѣстѣ чьи-то ноги...

— Ахъ ты жизнь! — вздыхаетъ проходящій мимо солдатъ и хочетъ присѣсть.

— Не смѣй, не смѣй! Замерзнешь! — останавливаетъ его другой.

— Усталъ...

— Иди, иди... нечего... Я тебѣ устану!.. Обопрись объ меня... Вотъ такъ.

А мятель злится, что отъ нея уходятъ эти двѣ жертвы, бросается за ними, окутываетъ ихъ бѣлымъ облакомъ и раскутываетъ опять, кидается имъ подъ ноги — не удастся ли опрокинуть внизъ и вновь отбѣгаетъ въ сторону. Еще разъ набрасывается, старается оторвать одного отъ другаго... Бьетъ ихъ то въ спину, то въ плечи... То съ лица... на встрѣчу. Соловьемъ-разбойникомъ дуетъ и свищетъ...

Точно ей надоѣло возиться на одномъ мѣстѣ — она унеслась куда-то далеко, далеко...

Изъ подъ сугробовъ карабкаются уцѣлѣвшіе, стараясь воспользоваться минутой затишья... Соймоновъ съ полною энергіею принимается за работу; оглядывая траншею, солдаты видятъ ее почти засыпанною снѣгомъ.

— Выгребай, выгребай снѣгъ, ребята!..

Лопаты быстро работаютъ. Кое-гдѣ изъ подъ снѣга вытаскиваютъ свѣжіе трупы. Больничные фургоны опять пускаютъ въ путь... Лошади, встряхиваясь, по брюхо въ снѣгу — едва нащупываютъ копытами дорогу...

Свалившаяся пара солдатъ опять поднялась и двигается дальше...

Но не на долго...

Съ унылымъ крикомъ мятель разомъ налетаетъ отовсюду...

„Какъ смѣли вы подняться“, точно говорить этотъ крикъ — и опять заметались кругомъ бѣлые клубы, и опять траншея наполняется снѣгомъ, опять Соймоновъ не видитъ никого и ничего, опять двое солдатъ падаютъ въ сугробъ и уже совсѣмъ остаются въ немъ.

Фургоны останавливаются... Лошади, встряхиваясь, тонуть въ снѣгу...

Изрѣдка, въ адскомъ грохотѣ мятели — точно вздыхаютъ мѣдныя горла орудій... Точно и имъ не въ мочь, и они бросаютъ прямо въ лицо бурѣ огонь и смерть... Но она смѣется надъ ними... Она презираетъ ихъ злость...

Выстрѣлы тонуть въ ней, какъ люди... Гранаты проносятся въ бѣлыхъ клубахъ снѣга — какъ метеоры, окутанные бѣлымъ паромъ. Но теперь ихъ нѣтъ не слышать... Ничье сердце не вздрагиваетъ передъ ними...

Иной, болѣе могучій врагъ, сталъ лицомъ къ лицу...

ГЛАВА XXIII.

Бой во льдахъ.

Не успѣла еще мятель утихнуть, какъ на Соймонова наткнулся совсѣмъ почти ослѣпшій отъ снѣга солдатъ.

— Куда ты?

— Полковника-бы! — черезъ силу шевелились помертвѣвшія губы.

— Зачѣмъ тебѣ? — Соймоновъ разсмотрѣлъ фельдфебеля... Этотъ едва держался на ногахъ.

— Турки...

— Гдѣ турки?

— Изъ секретовъ дали знать, что идутъ... Турки идутъ...

— Да ты самъ едва на ногахъ держишься...

— Наше дѣло такое... Полковника-бы...

— Вотъ проглоти коньяку...

— Спасибо, ваше благородіе... Совсѣмъ ожилъ... Помиралъ вѣдь...

— Совсѣмъ пропадаетъ мой полкъ! — сокрушался полковникъ, сидя у себя въ землянкѣ. Огонь почти потухалъ въ печуркѣ, давая мало тепла, за то много дыму.

— Не одинъ нашъ. Всѣ!..

— До другихъ мнѣ дѣла нѣтъ... Мнѣ своего жаль... Ахъ, тоска какая, если-бы вы знали... Вѣдь полкъ-то словно близкій родной... Сиди надъ нимъ и смотри, какъ онъ умираетъ, а помощь подать безсиленъ?

— Ваше высокоблагородіе! — показался въ землянѣ фельд-фебель.

— Что тебѣ, Арнаутовъ?

— Изъ секретовъ дали знать... турки идутъ...

— Ребята, живо!.. Алексѣевъ — гдѣ мой револьверъ... Вотъ подлецы выбрали время для нападенія... Да не со-врали-ли?..

— Не могу знать — говорятъ только, что турки показа-лись...

— Мятель-то потише стала...

— Куда тише, чѣмъ утромъ... Такъ только теперь — слегка... Погодка разгуливается...

— Турки идутъ, турки идутъ — слышалось въ траншеѣ.

Когда полковникъ дошелъ до ея середины — вѣтеръ только кое-гдѣ носилъ клубы снѣга... Мятель уже стихала совсѣмъ... Бѣлые призраки укладывались опять въ ущельяхъ, до новаго пробужденія.

— Турка идетъ... И удѣлѣвшіе солдаты дрожащими ру-ками устало брались за ружья... Нехотя шли къ брустверамъ — за которыми тоже еще ничего нельзя было различить... Бѣлые сугробы, наметенные бурей, заслоняли даль... Вотъ между ними показались черныя фигуры... Солдаты стали всматриваться... Кое-кто уже приложился...

— Не трожь, наши... Секреты это...

— Черезъ силу идутъ... Замело ихъ должно быть...

— Какъ не замести!...

— Турки, братцы! — Передавали солдатеи изъ секретовъ...

— Много?

— Страсть сколько ихъ высыпало... Только тихо, безъ Аллы идутъ сегодня...

— Они думаютъ насъ мягель-то совсѣмъ засыпала!...

Офицеры ходили по траншеѣ.

— Смотрите, ребята, если залпами не удастся отбить — принимай въ штыки... Слышите.

— Слышимъ.

А какое слышимъ. У руки едва хватало силы ружье держать, а тутъ еще въ штыки...

— Подавятъ они насъ, коли мы залпой не отобьемся. — Шептали солдаты.

— Подавятъ что мухъ...

— Не очень-то... Они тоже турки словно пареные... — Сообщали солдатики изъ секретовъ.

— Какъ это?

— Да такъ... едва, едва нога за ногу... Колышутся... И ихъ буря-то побила.

— Что-жъ они не сидятъ-то?

— Начальство вѣрно приказало — ничего не подѣлаешь. Иди!

— Коли велѣно, пойдешь!

— И бѣгомъ пойдешь... Будь спокоенъ. На то и война...

Орѣховъ сталъ у бруствера и зорко всматривается впередъ... Вонъ показались темныя фигуры въ разбродъ... Видимо съ трудомъ подвигаются въ массѣ снѣга... Еще труднѣе имъ тамъ, гдѣ вѣтромъ смело снѣгъ и оставило гладкій какъ зеркало паркетъ бѣлаго льда... Орѣхову видно, какъ они расползаются, точно падаютъ... Вонъ одна кучка сбилась потѣснѣе...

— Эти не страшны, полковникъ...

— А что?

— Да сами едва бредутъ... Ишь какъ... Тоже заморыши...

Шагахъ въ трехстахъ турки остановились... Въ ихъ разрозненныхъ и нестройныхъ рядахъ вспыхнуло „Алла“ и снова погасло... Кое-гдѣ на флангахъ тоже вскрикнули и тоже сразу оборвались.

— Войны! — злился Орѣховъ, — только безпокоють.

— Что они не стрѣляютъ? — Тревожно спросилъ полковникъ.

— Вы точно накликали! — замѣтилъ Соймоновъ, когда оттуда пронеслось нѣсколько пуль...

Направленные сюда — онѣ пролетѣли высоко... высоко...

— Стрѣляютъ плохо...

— Я думаю и ружья-то держать не ахти какъ!..

— А вамъ-бы понравилось если-бы они лучше стрѣляли?

Мало по малу перестрѣлка стала разгораться... Наши тоже отвѣтили имъ... Но передъ недавнимъ мощнымъ голосомъ горной непогоды — трескъ выстрѣловъ и глухіе удары орудій казались слишкомъ слабы... Они даже не производили замѣтнаго впечатлѣнія на притерпѣвшіяся уши солдатъ... Оттуда стрѣляли лѣниво, отсюда лѣниво отстрѣливались... Такъ, точно по казенной надобности, дѣлалось все это... Случайно раненый въ плечо солдатъ шель по траншеѣ, держась за рану здоровою рукою и ругаясь...

— Ты это что, Алексѣевъ? — Остановилъ его Орѣховъ.

— Да какъ-же, ваше благородіе, — злился тотъ. — Чего онъ пуцаеть, не видитъ рази, что я не строевой... Какой это порядокъ, чтобы деньщиковъ бить? Мнѣ и ружья не полагается, а ёнь пуцаеть...

— Кость тронуло?..

— Гдѣ ему бритолобому кость тронуть... Рукою еще могу шевелить — не тронуло... Вотъ только доктору скажу и назадъ.

— Это имъ хочется, пользуясь погодой, выбить насъ...

— Лови!.. Выбьетъ какъ-же...

Севастопольскій маіоръ, съ трудомъ пробираясь между большими и отмороженными, подошелъ къ полковнику.

— Господинъ полковникъ... Позвольте мнѣ ихъ отбить прочь...

— Какъ-же вы это сдѣлаете... Солдаты-то вѣдь нигуда не тодятся...

— У меня рота наберется... По крайности насъ тревожить не стануть...

— Ну, съ Богомъ!..

Маіоръ откозырять и двинулся назадъ.

— Ну что, братцы, всё въ охотники, либо вызывать?

— Всё, всё, ваше высокоблагородіе. Лучше чтобъ всё!..

— Ладно... Я полагаю, что одной роты будетъ довольно, а?—Обернулся онъ къ старому капитану, всматривавшемуся въ ряды турокъ.

Спустя нѣсколько минутъ, онъ съ этой ротой былъ уже за брустверомъ траншеи.

Рота разсыпалась... Перестрѣлка зачастила... Откуда-то на наши позиціи бросили шрапнель... Не долетѣвъ, она разорвалась въ воздухѣ... Осколки и пули, которыми она была начинена, взрыли снѣгъ... Турки, въ виду неожиданнаго ими отпора, стали сбиваться въ кучки и занимать мѣста за сугробами покруче и побольше.

— Ну, ну, братцы, впередъ, да посмѣлѣй... Авось они нашего „ура“ не выдержатъ... Ура!

— Ура! вспыхнуло кое-гдѣ, но лѣнливо, не разгораясь въ одинъ одушевленный крикъ.

Такое-же неудачное „Алла-Алла“ слышалось оттуда.

— Плохо дѣло!—проворчалъ про себя маіоръ, прислушиваясь къ утомленному, точно вынужденному, крику его роты.

— Срамъ, ребята! Стыдно мнѣ вести васъ. Что вы за бабы стали, вѣрно тепло вамъ? Ну-ко, давайте разогрѣмся... Нечего лѣниться-то... Ну-ко, ребята, за мной!..

И онъ увѣреннымъ шагомъ, по колѣна въ снѣгу, двинулся на турокъ.

Часть роты послѣдовала за нимъ. Остальные разсѣлись передъ траншеей.

— Эко сволочь какая!—злился старикъ—хоть вы, братцы, не отставайте!

Турки встрѣтили едва бредущихъ въ снѣгу солдатъ залпами изъ-за бугровъ.

Много шуму — мало дѣла... Раненыхъ почти не было... Видимое дѣло, что и тѣ не могли стрѣлять своими окостѣневшими пальцами.

Неудача этихъ выстрѣловъ одушевила даже самыхъ лѣнивыхъ и усталыхъ. Тѣ, которые оставались позади, живо нагнали своихъ... Почерная силы въ этомъ минутномъ возбужденіи, маіоръ ихъ быстро повелъ впередъ.

Ну, сами видите, чего-же вы боялись.

Чѣмъ ближе подвигались наши, тѣмъ турки все больше и больше отходили назадъ, перебѣгая отъ одного сугроба къ другому. Самые прыткіе изъ нихъ залѣзли уже въ свои траншеи и открыли оттуда бѣглую и нелѣпую стрѣльбу.

— По воронамъ бьютъ! — засмѣялся старикъ маіоръ.

— Ослабши тоже и они.

— Хотѣли выбить насъ, думали, что мы совсѣмъ померзли...

Братцы, а это что такое? Вотъ и сюрпризъ...

Маіоръ остановился надъ чѣмъ-то, что имѣло видъ засыпаннаго снѣгомъ человѣческаго тѣла.

— Сапоги стащили турки-то... Это нашъ вѣрно.

— Нашъ и есть... Ишь ноги голыя...

— Ну-ко, ребята, разгреби снѣгъ... Да поскорѣй!..

Солдаты не заставили понукать себя... Снѣгъ, лежавшій на трупѣ, былъ новый, рыхлый... Его можно было легко смести прочь... Видимое дѣло только сегодня нанесло мятежью... Изъ подъ него широко раскрытыя уже смотрѣли прямо въ лица сметавшимъ — остеклѣвшіе глаза.

— Братцы, да это нашъ унтеръ-офицеръ Васильевъ.

— Какой?

— А что вчера съ поручикомъ Орѣховымъ пошелъ секретъ повѣрять, да безъ вѣсти пропалъ.

— Ну, вотъ.

— Онъ и есть... Ужли-жъ я не знаю... Онъ у насъ въ ротѣ былъ...

— Ахъ ты, Господи!..

— Замерзъ, что-ли?

— Какой замерзъ... Ишь поперекъ горла-то, гляди-ко...

Черезъ всю шею чернѣла одна сплошная запекшаяся рана... Видимо, ему перерѣзали горло, изъ-зади, совершенно неожиданно... Съ несчастнаго шинель была уже снята... Кепка нахлобученная козырькомъ на бокъ, отрывала это нѣсколько удивленное лицо... Ни малѣйшаго страданія не было въ чертахъ его...

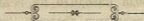
Турки уже сидѣли у себя въ траншеѣ и лѣнливо попадали оттуда въ остановившуюся посреди снѣговъ роту.

— Дальше идти нечего! — съ видимымъ сожалѣніемъ рѣшилъ майоръ. — Къ себѣ они не пустять.

— И то хорошо еще, что безъ потери обошлось.

— Обѣ стороны изморены. Какія тутъ потери.

— Ну, ребята, подымайте-ка Васильева... Понесемъ его... Хоть похоронимъ по христіански.

ГЛАВА XXIV.

Айца ушла.

бщее уныніе въ Габровѣ.

Это молчаливое, торжественное, какъ сама смерть, шествіе безконечныхъ обозовъ съ замороженными людьми, по узкимъ улицамъ города наводило на всѣхъ тоску.

Первый бой съ грознымъ врагомъ—зимой, оканчивался не въ нашу пользу... Ея партизанскіе отряды—вьюга и метель, уже вырвали изъ русскихъ рядовъ сотни жертвъ—главная армія, шедшая позади—морозъ грозилъ всему остальному, что еще смѣетъ жить и дышать на этихъ вершинахъ... Врагъ еще страшнѣе потому, что съ каждою новою побѣдою онъ не терялъ силъ, а какъ-будто пріобрѣталъ новыя... Съ безмолвнымъ укоромъ въ остеклѣвшихъ глазахъ—сотни труповъ, лежавшихъ на плитахъ габровскаго собора, смотрѣли въ сумракъ, скоплавшійся подъ его куполомъ. „За что?“—казалось, говорили безкровныя губы... „За что и ты на насъ?“ Но спокойное и холодное небо съ одинаковымъ равнодушіемъ разстило свой звѣздный шатеръ и надъ правыми и надъ виноватыми. Съ его недосыгаемыхъ высей жалка и ничтожна казалась вся эта бойня мелкихъ червей, которые точно въ орѣхѣ завелись

на этой маленькой землѣ и истребляютъ одинъ другаго съ свирѣпостью и злобой, по истинѣ ужасными... Ему — этому небу — были не слышны жалобы и стоны... Свѣтлыя очи его не могли проникнуть въ темную глубину человѣческаго сердца, которое само вмѣщаетъ въ себѣ цѣлую вселенную, въ которомъ бьются свои грозы, гремятъ свои грома, блещутъ слѣпящія молніи и все это сильнѣе, громче и ярче, чѣмъ небесные...

— Помираете? — остановился солдатикъ четырнадцатой дивизіи у одного изъ обозовъ.

Руки заложилъ въ карманы, сталъ фертонъ и трубочка въ зубахъ попыхиваетъ.

— Помираемъ! — едва слышно изъ подъ брезента телѣги. — Совсѣмъ помираемъ.

— Помирайте, братцы, помирайте. Теперь ваша очередь пришелъ.

— Это точно, что...

— Вотъ... Я и говорю. Допрежъ мы помирали — теперь вы. Каждому свою обязанность сполнять надо... Такое дѣло — война...

— Тяжко только...

— Чего не тяжко... Дѣло не легкое... Ты думалъ такъ... Нѣтъ, братъ, тутъ помолишься...

— Кому молиться-то... Богъ о насъ забылъ совсѣмъ...

И торжественное шествіе слѣдуетъ дальше, огибая узкими переулочками выступъ безмолвныхъ, точно погруженныхъ въ трауръ, домовъ.

— Турокъ, братъ, силенъ! — Разсуждали солдаты. Енъ видить, что съ нами ничего не подѣлать — колдовать давай ишь какую мару на насъ напускаетъ. Ему ничего — онъ въ теплѣ сидитъ тамъ. А мы — во!

— Сказываютъ колдуновъ-то ему англичанка ставить...

— Отъ ей хватить... Отъ ей завсегда... Она это съ полнымъ удовольствіемъ... Потому — она это страсть русскаго духа не любить.

— Во-во! Онъ ей претить...

— Не можетъ она терпѣть-то...

— Съ чего это?

— Такое было, братъ, промежь нихъ дѣло...

— Промежь кого?..

— А былъ у насъ, братецъ ты мой, Симеонъ-царевичъ, красоты такой, что во всей подвселенной — равнаго ему не найти...

— Чтой-то не слышно про него...

— Потому онъ померъ... И притомъ ума необнакновеннаго... Сказываютъ — всякую траву понималъ и всякаго чело­вѣка сквозь могъ... Взглянетъ и сейчасъ, что у тебя внутрѣ увидеть... А англичанка эта самая тогда молодая была... Тоже изъ себя ррумяная, здоровая... Баба, надо правду сказать, — первый сортъ, ядреная баба... Потому на пше­ничныхъ хлѣбахъ выхолена, тѣло-то она себѣ какое нагуляла!.. Не уколупнешь! Вотъ прослышала тая самая агличанка про Симеона-царевича и распалилась... Такъ распалилась, такъ распалилась — до бѣла! Ковать можно, вотъ какъ!..

— Ишь ты... У нихъ у бабъ это скоро...

— Дѣло ее господское, о чемъ ей думать-то больше... Спать мягко, ѣсть сладко.

— Жизнь!..

— Это точно... Распалившись, стала она пословъ засылать чтобъ безпремѣнно взялъ ее за себя Симеонъ-царевичъ... Въ законъ — какъ слѣдуетъ... Ну, только Симеонъ-царевичъ благочестивый былъ... Думалъ онъ, думалъ — къ Филарету поѣхалъ... А Филаретъ — подь Москвой старичекъ такой былъ махонькій, сѣденькій, чуть его отъ земли видно — а сила у него несмѣтная... Енъ все могъ... Прозорливый старецъ... Приѣхалъ Симеонъ-царевичъ къ Филаретушкѣ. Такъ и такъ, Филаретушка, докладываетъ... Какъ быть? Филаретушка бороду, клиномъ она у него, оставилъ... Это, говорить, дѣло мудре­ное... Нужно мнѣ объ ѣмъ у семи праведниковъ спросить...

Приходи завтра... Пришелъ Симеонъ-царевичъ — погоди, говорить, еще день — нужно мнѣ у семи праведницъ тоже дознать...

— Ишь!.. Откель столько!..

— У насъ, братъ, праведниковъ и праведницъ сколько хошь... Такъ полагается — сколько праздниковъ — столько и праведниковъ, а на постные по два!

— Чудно!..

— Ну, вотъ Филаретъ-старецъ распрошалъ у семи праведниковъ и у семи праведницъ и говоритъ Симеону-царевичу: нѣтъ тебѣ благословенія, чтобы иновѣрную агличанку волшебную брать за себя!.. Сиди, говорить, смирно — потому должонъ ты помереть.

— О!..

— Вѣрно! Должонъ ты помереть безпремѣнно, потому эта самая агличанка изведетъ тебя отъ своей лютой злобы... Ну, только помрешь ты за всю землю, какъ есть, за всѣ православные христіаны и за все христолюбивое воинство и за это за самое — за кротость твою, за согласъ — прямо, сичасъ, ты померь — въ рай!.. А ежели ты возьмешь за себя ту волшебную агличанку — и душу свою не спасешь и землю погубишь... Восплакалъ тутъ Симеонъ-царевичъ, заплакалъ, возрыдалъ горькими слезами и говоритъ: за что Филаретушко меня она подлая агличанка тая возлюбила, жить-бы мнѣ безъ ей, красоваться, на свѣтъ божій любоваться, да родителей своихъ радовать!.. Ну старецъ его утѣшилъ — такъ тебѣ, говорить на роду написано и ничего ты противъ этого не подѣлаешь... Поѣхалъ Симеонъ-царевичъ въ Питеръ и говорилъ посламъ аглицкимъ, такъ и такъ, не хочу я за вашу волшебную агличанку — въ неугасимомъ огнѣ горѣть, хочу за всѣ православные христіаны, все христолюбивое воинство пострадать, за всю землю значить... Ну, тѣ уещать его стали, народы хитрые!.. Тоже братъ умѣютъ они это... Стали уещать, уещали-уещали — не уестили... Уѣхали! А агличанка уже на берегу стоитъ —

плачетъ и бѣлымъ платочкомъ машеть... Ну что, послы мои вѣрные, скоро-ль повезете меня, сироту горькою, за Симеона царевича выдавать... Такъ и такъ, докладываютъ послы, сколь мы не старались, не выстарались... Тутъ она и залютовала; залютовала-залютовала... Что, мнѣ, говорить, теперь съ вами сдѣлать?.. Послы ей въ ноги — мы, говорятъ, для тебя рады стараться... А она еще пуще... Хвостъ распустила трубой и давай кидаться!.. Посламъ этимъ — головы долой...

— Строгая!

— Ужъ такая-ли строгая... Строгости много — а форсу еще больше... У ей, — что у генерала изъ нѣмцевъ — одного крику не оберешься!.. И стала она лютѣть еще пуще, на царевича-Симеона сухоту наслала, опосля сухоты — темную болѣзнь... Не сталъ онъ свѣта бѣлаго видѣть... Сидитъ только голубчикъ и таково-ли горько плачетъ... Такъ она и совсѣмъ извела его — принялъ отъ колдовства ея кончину праведную... Съ тоѣ самой поры — не можетъ терпѣть она духу русскаго... И турку по этому самому помогаетъ... А только такой предѣлъ положенъ, что опослѣ всѣхъ ея пакостей — мы ее заберемъ со всѣми ейными потрохами...

— Побѣдимъ!..

— Во-во!.. Много она намъ зла надѣляетъ, а потомъ мы ее побѣдимъ... Потому у насъ архирей такой есть...

Айша вмѣстѣ съ сестрами милосердія совсѣмъ изводила себя надъ замороженными мучениками Шипки.

Теперь уже мало было раненыхъ — массы привозились оттуда, но уже не искалеченныхъ въ бою солдатъ — а тѣхъ, кто палъ въ борьбѣ съ суровою балканскою природою... Возни съ ними было еще болѣе... Могилы росли вокругъ Габрова тысячами!.. *).

*) Автору часто приходилось встрѣчать упреки въ преувеличеніяхъ. Легкомысленные скептики любятъ закрывать глаза на страшную дѣйствительность. Ихъ слабые нервы не выносятъ зрѣлища людскихъ страданій. Для того, чтобы предупредить такіе упреки и впередъ по поводу заморо-

Айша допрашивалась у больных о судьбѣ Соймонова.

Вотъ уже мѣсяць, какъ о немъ не было ни слуху, ни духу. Точно докторъ канулъ въ воду и только. Прежде онъ писалъ сестрамъ, писалъ и ей — теперь она только думала о немъ, не зная, гдѣ онъ и что съ нимъ.

О братѣ она не беспокоилась. Габровскій мулла какъ-то встрѣтилъ ее на улицѣ.

— Ну, что ты все съ русскими?

Она, какъ и прежде, хотѣла пройти мимо, потушась.

женныхъ мучениковъ Шинки, приведемъ здѣсь свѣдѣнія о томъ, что нашъ безотвѣтный солдатъ выносилъ въ это эпическое время. Мы обращаемся къ официальному журналу „Военному Сборнику“, опубликовавшему дневникъ, къ сожалѣнiю, только одного Енисейскаго полка 24 дивизii. Авторъ этого дневника сообщаетъ поразительныя цифры заболѣванiя солдатъ: 16-го октября Енисейскiй полкъ пришелъ въ Габрово, 20-го его тщательно освидѣтельствовали въ медицинскомъ отношенiи, выдѣлили 56 человекъ слабосильныхъ, *остальные были здоровы*. У всѣхъ оказались сапоги, къ сожалѣнiю, „не достаточно просторныя, чтобы надѣвать на сукожную портянку“. 21-го октября полкъ идетъ занимать боевыя позицiи на Шинку. Въ первый-же день явились отмороженныя. *Пища не была доставлена, огня не раскладывали, ноги стали опухать такъ, что и безъ того узкiе сапоги совсемъ уже не вмѣстятъ*. Въ этотъ первый день отмороженныхъ было 13; 23-го октября отмороженныхъ 29, на слѣдующiй день—44. Но на 25-е уже оказалось большое число людей съ отеками и опухшими ногами, озноблено при этомъ—56. — 26-го—107; 27-го—63; 28-го—80; на слѣдующiй день число больныхъ на столько увеличилось, что въ ротахъ не доставало уже людей для трехъ смѣнъ сторожевой и траншейной службъ... Въ 4-й ротѣ оставалось въ строю только 50 человекъ. Изъ 1,074 человекъ перваго баталiона заболѣло уже 425, а во всемъ полку 606.—30-го октября выбываетъ еще 42. Черезъ десять дней уже состояло въ полку больныхъ опухольями, отмороженiями 979 человекъ, а черезъ шесть еще 1,096 человекъ. Къ 25-му ноября къ этой цифрѣ прибавилось еще 275 человекъ. Съ 21-го октября, т. е. со дня вступленiя на позицiи, люди не имѣли на себѣ ничего сухаго и ни разу не могли порядочно отогрѣться и отдохнуть; затѣмъ до 4-го декабря цифра заболѣванiй въ день колеблется отъ 16—52, а съ 4-го по 6-е декабря разомъ выбывало изъ строя отмороженныхъ 101. Съ 7-го—число замерзающихъ принимаетъ ужасающiе размѣры. Сообщенiя прекращены мятелями, огня нигдѣ нельзя разводять. Сильный морозъ и страшная вьюга. Одежда нижнихъ чиновъ представляетъ толстую ледяную кору, сгибать рукъ почти невозможно; ходьба затруднительна. Свалившiйся съ ногъ безъ посторонней помощи подняться не въ состоянiи, въ 3—4 минуты его заноситъ снѣгомъ; приходится выкапывать... Шинели такъ крѣпко примерзли,

— Ужь не стала-ли ты христіанкой?

— Нѣтъ... Зачѣмъ. Меня никто не неволить. Я молюсь когда и какъ хочу...

— То-то. Скоро за русскаго пойдешь!.. Впрочемъ, Аллахъ

что полы не сгибаются—ломаются. Солдаты не въ состояніи распоясаться, люди отказываются отъ пищи, всѣ ложементы до верха окончательно занесены снѣгомъ. Раскопка ихъ замерзшими руками затруднительна и бесполезна—мятель снова ихъ заносить... Отъ мороза и вьюги укрыться негдѣ (значить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ для солдатъ землянокъ не вырыли на позиціяхъ, такихъ, напримѣръ, землянокъ, которыя у турокъ выходили устьями въ траншеи), только 9-го декабря отморожено 198 человекъ; къ 10-му декабря въ полку числилось больными 1,717 человекъ, а на лицо оставалось 1,084. Сверхъ того, въ этотъ день вновь заболѣло 167 человекъ, 11-го и 12-го—еще 175.

Вотъ, напримѣръ, въ какомъ составѣ были нѣкоторыя роты 3-го баталіона:

Въ 9-й	ротѣ	3	унтеръ-офицера	и	2	рядовыхъ.
"	10-й	"	4	"	"	9
"	11-й	"	4	"	"	5
"	12-й	"	5	"	"	11
"	3-й	стрѣлковой	5	"	"	11

Всего въ баталіонѣ шестьдесятъ пять штыковъ; во всемъ-же полку къ этому дню оставался 831 штыкъ.

Отъ 13-го—17-го число замерзшихъ не уменьшалось. Въ землянкахъ, гдѣ такія были, нельзя было развести огня, согрѣться и высушиться. Доставка дровъ затруднительна. Околотокъ въ Габровѣ представлялъ ужасающее зрѣлище. Полъ во всѣхъ комнатахъ тѣсно занятъ людьми съ почернѣвшими отмороженными руками. *Подвижные лазареты больше не принимали больныхъ отъ полковъ, для эвакуаціи ихъ не было средства.*

18 февраля полкъ смѣнился съ Шинки.

По прибытіи въ Габрово въ немъ оказалось менѣе 800 человекъ. Изъ эти не были здоровы: „физически почти всѣ чѣмъ-нибудь да страдали!“

Когда полку пришлось совсѣмъ выступить изъ Габрова—на половинѣ солдатъ вмѣсто сапогъ были ошанки.

За все-же время ранено и убито въ полку 71 человекъ.

Какъ жаль, что такія-же свѣдѣнія не опубликованы и отъ остальныхъ полковъ. Не правда-ли, что мученичество нашихъ бойцовъ является изъ этихъ краткихъ данныхъ въ такомъ яркомъ ореолѣ, что всякіе упреки въ преувеличеніяхъ невольно замираютъ на устахъ. Право, точно читаешь дневникъ полярной экспедиціи, поневолѣ зимующей подъ 90° сѣверной широты, причѣмъ отъ живыхъ людей остаются только трупы, а судьба ихъ дѣлается извѣстною только изъ листовъ, случайно сохранившихся въ жестянкахъ и доставленныхъ, послѣдующимъ экспедиціямъ, эскимосами?..

Примѣчаніе автора.

въ безконечной мудрости своей не попустить этого... Скоро русскіе всё вымрутъ на нашихъ горахъ и тогда сюда придутъ турки... Ты-бы подумала о томъ, что случится съ тобою. Христіанъ не пожалѣютъ... Не станутъ щадить и тѣхъ, кто дружилъ съ ними.

— Мнѣ все равно.

— Тебя зарѣжутъ, какъ и ихъ.

— Пускай!..

— Ты-бы хоть съ своего брата примѣръ взяла. Онъ хорошій юноша.

— А ты почему знаешь о моемъ братѣ?

— Тутъ черезъ одного нашего онъ передавалъ...

— Мнѣ есть что-нибудь?..

— Есть.

— Что такое?

— А то, что приказываетъ онъ тебѣ быть вѣрной исламу, не измѣнять вѣрѣ отцовъ своихъ.

— А еще?

— А еще, говорить, чтобы ты слушалась меня, какъ отца.

— Здоровъ онъ? гдѣ теперь?

— Онъ въ таборахъ у Эйюба-паши... Солдатомъ... Сражается за своего султана!.. Былъ уже въ бою...

— Слава Аллаху!..

— Онъ сохранить его!.. А тебя, если ты хоть подумаешь измѣнить вѣрѣ и уйти съ русскими сестрами — не пожалѣетъ... Еще разъ подумай, о чемъ я говорилъ тебѣ тогда.

Она, не отвѣчая, прошла мимо. Старикъ только покачалъ головою въ слѣдъ ей.

Солдаты, за которыми она ходила въ больницѣ, не могли ничего рассказать ей о Соймоновѣ. Одинъ только, когда она спросила его, отвѣтилъ:

— Померъ должно... Всѣ померли.

— Когда померъ?

— А я рази знаю... Всѣ помрутъ... И онъ помретъ.

— Да ты его видѣлъ?

— Чудачка ты, какъ-же не видѣть, коли онъ мнѣ перевязку дѣлалъ...

— Здоровъ былъ?

— Гдѣ-жъ тамъ здоровіе... Тамъ здоровыхъ нѣтъ... Какое еще тамъ здоровіе... Мрутъ!..

Выходя въ ясные дни на мостъ черезъ Янтру, она жадно смотрѣла на вершины Балканъ, точно онѣ могли ей рассказать что-нибудь о Соймоновѣ.

Вотъ онѣ... Морозъ тамъ должно быть сегодня... На голубомъ небѣ ни одной тучки... Точно серебряныя вырѣзались на немъ горы... Льдомъ покрыты ихъ крутыя выси... Неужели въ этихъ льдахъ онъ?... Холодно ему... Ъсть нечего, говорятъ солдаты... Больныхъ подъ руками много — отдохнуть некогда. Да и отдыхать негдѣ... Въ землянкахъ ни хворосту, ни дровъ — жечь нечего...

Вонъ онѣ, эти роковыя горы... Грозныя, однообразныя въ своихъ серебряныхъ ризахъ... Стоять — молчаливыя... Даже и пушекъ совсѣмъ не слышно съ ихъ вершинъ... Все живое попряталось въ норы... А ему спрятаться некуда... Некуда уйти — въ снѣгу, во льду... И въ утро, и въ полдень, и въ вечеръ... А ночь, ночь, когда подымается мятель, когда она все заметываетъ своими бѣлыми сугробами...

— Видѣлъ я его, — сообщилъ ей одинъ солдатъ.

— Ну, что каковъ онъ?

— Совсѣмъ не въ себѣ... Худѣящій сталъ — не узнать... Я его помню, каковъ онъ былъ прежде... Съ нами все и изъ траншей не выходитъ... Тамъ спитъ — тамъ и живетъ... Лучше всякаго офицера...

„Измучился должно быть... Извелъ себя!..“ Думаетъ Айша — и еще жаднѣе смотритъ въ горы.

Кажется, вотъ онѣ — близко, рукой подать... Въ нѣсколько часовъ добѣжишь до нихъ... Какъ круты ихъ серебряные склоны, да вѣдь тропинки-то вдоль бѣгутъ... И не устанешь

особенно... Ей-бы только посмотрѣть на него — поцѣловать ему руку и уйти... Опять сюда, къ этимъ несчастнымъ, въ эти больницы, въ эти смрадные клѣтушки, гдѣ мучатся такіе же какъ и онъ.

По ночамъ не спитъ Айша... Все ей чудится Соймоновъ... Одинокій, умирающій въ замерзшей траншеѣ... Трупъ среди труповъ... Можетъ быть и онъ вспоминаетъ о ней, если живъ еще... Если живъ!

Прошло нѣсколько дней — и послѣднія вѣсти о Соймоновѣ прекратились.

Солдатъ перестали принимать въ больницы — всѣ онѣ были полнымъ полны... Некуда дѣвать!.. И то лежали въ нихъ люди какъ дрова... Отмороженные, распухшіе люди — оставались на улицахъ, складывались въ церкви...

Теперь и Св. Николая не видать... Ясные дни кончились... Солнце уже не блещетъ на серебряныхъ ризахъ горъ... Даже тогда, когда внизу все тихо и вѣтеръ не гонитъ снѣга по долинѣ Янтры — горы на югѣ являются закутанными точно въ дымъ какой-то... Айша хорошо знаетъ, что это за дымъ такой... Ей это понятно...

Разумѣется не туманъ... Это мятель бушуетъ тамъ теперь, заметая траншеи — гдѣ живетъ онъ...

И еще больнѣе стало дѣвушка... Она задыхалась въ габровскомъ теплѣ и холѣ.

Встрѣтила какъ-то солдатъ, доставленныхъ оттуда...

— Богъ знаетъ, что съ ими тамъ дѣется...

— А вы не знаете?

— Гдѣ знать... Къ нимъ теперь и не подвозятъ ничего...

Ишь какая непогодъ — скрозъ идетъ...

Неужели она не сумѣетъ добраться до него... Помочь ему... Теперь лежитъ онъ — и некому ходить за нимъ... А она молода, здорова и сильна...

Говорятъ, что ее не пустятъ къ нему... Она передъ самымъ старшимъ генераломъ бросится на колѣни — будетъ

плакать... Поцѣлуетъ ему руку... Онъ ее знаетъ вѣдь... Онъ добрый—старикъ этотъ, когда посѣщаль Габрово—погладилъ ее по головѣ, видя какъ она ухаживаетъ за больными...

Разумѣется ее пустятъ!.. Смѣшно и думать иначе...

Какъ-то непогода прекратилась... Скупое сіяніе дня изъ за тучъ озарило эти горы...

Онѣ казались совсѣмъ мертвыми... Никакая жизнь невозможна на нихъ... Мертвые возносились онѣ надъ мертвыми ущельями и долинами, надъ мертвыми лѣсами...

Это было кладбище среди пустыни...

Черезъ нѣсколько дней сестры утромъ не нашли Айши въ ея комнатѣ...

Днемъ ее тоже не было видно... Всполошилось все... Стали искать... Вечеромъ она тоже не явилась... Слѣдовъ никакихъ не было... Сообщили начальнику округа...

Стали спрашивать — наконецъ добрались до казака, только что пріѣхавшаго съ Шипки...

— Черномазенькая такая, большеглазая...

— Да-да!..

— По нашему говорить...

— Говорить...

— Ну, она самая значить... Я это ѣду, а она дала мнѣ монету и спрашиваетъ, какъ пройти на Шипку... Я ей дорогу эту указалъ и подивился еще... Куда это она такая хлипкая...

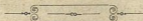
Сестры догадались въ чемъ дѣло — и написали Соймонову.

Черезъ день полученъ былъ отвѣтъ, еще болѣе встревожившій всѣхъ.

— Айша сюда не приходила. На нашихъ позиціяхъ ее не видѣли. Ради самаго Бога — узнайте гдѣ она, что съ нею...

Въ Габровѣ все поднялось на ноги. Вездѣ были произведены поиски — но безъ всякаго успѣха.

Айши не было!..

ГЛАВА XXV.

Мученики Шипки.

Ермошка давно уже со щами пробирается къ маіору... Мерзлые склоны, ледяные скаты... Некуда ногу поставить, а тутъ еще судокъ въ рукахъ... Главное, чтобы не расплескать драгоцѣнную влагу... Пули посвистываютъ около, звенятъ надъ головой... Ермошкѣ мало до нихъ дѣла. Тутъ вотъ какъ-бы не поскользнуться... Ишь сверху солдатъ спускается...

— Ловко! — любитъся Ермошка.

Солдату надоѣло спотыкаться и падать, онъ сѣлъ себѣ на собственныя полозья и летитъ оттуда, такъ быстро, что только духъ захватываетъ...

— Держи правѣй!.. — оретъ ему Ермошка на встрѣчу...

— У меня, братъ, кони не слушаютъ... Ишь они какъ...

Окончаніе фразы уносится далеко внизъ вмѣстѣ съ солдатомъ.

— Кони хорошіе! — одобряетъ Ермошка.

Вонъ впереди сидитъ кто-то... Прихилился весь... Схватилъ ногу въ обѣ руки, да такъ и свернулся...

— Ты это что?

— Да вотъ Ермолай Савичъ, ногу мнѣ...

— Свело, что-ли?

— Гдѣ свело... Вдарила, ишь...

Штанина и сапогъ разорваны, на льду подъ солдатикомъ большое кровавое пятно; кровь сочится изъ свѣжей раны.

— Каплетъ? — сочувственно отзывается Ермошка, останавливаясь...

— Отчего ей не капать, коли скрозь.

И солдатъ преравнодушно начинаетъ ковырять въ ногѣ.

— Гдѣ это тебя?

— А тутъ... Шельь вотъ, по пути и вдарило...

— Носилки-бы...

— Гдѣ тутъ... Тутъ какъ собака — помирай... И идти-то трудно, а ужъ съ носилками — совсѣмъ невозможно...

— А ты-бы съѣхалъ? Съѣлъ — да съѣхалъ...

— Отдохнуть маленько... Силы много потерялъ — бѣда!

— Я во, маіору своему, Самойленкѣ, шти несу.

— Голодуемъ тамъ... Давно не ѣмши сидятъ всѣ...

— Ну, прощай!..

— Прощай, Ермолай Савичъ... Коли что — у фитьфебеля у меня полтора рубля прикоплено... Ежели помру — на поминъ души...

— Ладно...

— Родныхъ у меня нема... Такъ на поминъ души... За раба Божія Андрея...

— Живъ будешь... Эта, братъ, рана пустяшная...

— Не... кость тронуло... Рѣзать будутъ... По сіе мѣсто отрѣжутъ, — ткнулъ онъ себя выше колѣна...

— Ну, чтожъ, и на дулдышкѣ походишь.

— Какая ужъ и жизнь съ дулдышкой!.. Никуда не примуть — Христа ради только и останется... Я полагаю такъ, коли-бы онъ мнѣ теперъ въ голову вдарилъ — въ лучшемъ видѣ...

— Ну, вотъ, эвій ты братъ Андрей.

И Ермошка побрелъ дальше, осторожно перестукая съ ноги на ногу и на вѣсу держа судки.

Маіоръ Самойленко совсѣмъ потерялъ голову.

У него и роты не осталось... Точно снѣгъ подь весеннимъ солнцемъ — баталіонъ его таялъ и таялъ... Съ каждымъ днемъ становилось все меньше и меньше солдатъ.

— Что это, что это! — повторялъ онъ, глядя, какъ послѣ всякой ночи выносились изъ траншеи отмороженные.

— Ты это что, ты это что? — набрасывается онъ на солдата, преспокойно распарывавшаго себѣ сапогъ ножемъ.

— Никакъ невозможно, ваше высокоблагородіе... Нога пухнетъ — болитъ... Лучше-жь я такъ...

— На морозѣ-то... Да ты съ ума сошелъ...

— Оберну тряпкой какой — все лучше будетъ...

— Тряпкой? — Я тебѣ дамъ тряпку!

Хотѣлъ было прибавить „казенное добро портишь“, да вспомнивъ, какое добро, только отмахнулся рукой и пошелъ дальше.

Картина траншеи была въ высшей степени печальна.

Все завалило снѣгомъ. Не доставало рукъ разгрести его. Въ снѣгу сидѣли и лежали люди. Давно уже на этихъ вершинахъ не слышалось пѣсни — теперь и разговоры прекратились. Больно было говорить, языки не шевелились въ опухшихъ ртахъ, съ больными деснами. Больно было переходить съ мѣста на мѣсто — ноги опухали, во всѣхъ суставахъ ломило. Казалось, ревматизмъ засѣлъ въ каждую косточку и грызетъ ее, не давая минуты покоя несчастнымъ... Темныя пятна отъ отмороженій выдѣлялись на посинѣвшихъ и безъ того лицахъ... Все, что носило названіе тряпки, шло въ ходъ... Лица, руки, ноги — обертывались чѣмъ поцало. Вонъ одинъ солдатикъ добылъ себѣ кусокъ рогожи и завернулъ въ нее, точно въ кулекъ какой-то, голову. Другой сдѣлалъ себѣ рукавицы изъ красныхъ фесокъ убитыхъ турокъ, издали ка-

жется, что у него руки выпачканы въ свѣжей крови... Въ углу, изъ подъ груды снѣга, торчатъ чьи-то ноги. Неподвижно торчатъ — остальное завалено бѣлой массой... Солдаты сторонятся. Одинъ идетъ мимо — точно конь на палаго коня, посмотрѣлъ какъ-то бокомъ, пугливо — и прочь. Вчера тутъ замерзъ солдатикъ въ мятель — да до сихъ поръ еще не пришелъ его чередъ — не вынесли. Вонъ другой лежитъ. Безкровныя губы свело какъ-то судорогой, воспаленнымъ взглядомъ обводитъ онъ товарищей... Видимо конецъ близко... Хриплое дыханіе съ натугой выходитъ точно изъ горла, стиснутаго холодными пальцами смерти...

— Ты, братъ, что это? — останавливается маіоръ передъ молодымъ солдатикомъ... Тотъ разулся и оттираетъ снѣгомъ ногу.

— Для тепла, ваше высокоблагородіе... Смерзла очень, такъ я ее подлую снѣгомъ.

— Молодецъ!.. А потомъ какъ-же?

— А потомъ я сапогъ-то совсѣмъ прочь.

— Какъ-же ходить будешь?

— Вотъ у меня тутъ сукна нарѣзано и веревочекъ наготовлено — оберну, хорошо будетъ...

— Да вѣдь на подошвѣ-то сукно протрется...

— А голенища на что!.. Я изъ нихъ такую себѣ подошву выкрою — чудесно...

— Вотъ такъ солдатъ... Ты ужъ и другимъ покажи, какъ ты это дѣлаешь.

— Радъ стараться, вашъ-бродь! — совсѣмъ повеселѣлъ солдатикъ.

— Что-жъ вы больныхъ не отправляете? — наивнулся маіоръ на Соймонова.

Тотъ озлившійся ходилъ какъ тѣнь по траншеѣ... Сотни больныхъ на рукахъ. Айша пропала, ушла куда-то... Не къ туркамъ-ли? Не убили-ли ее болгары?.. Чего добраго. Отъ фанатиковъ всего ждать можно! А тутъ еще маіоръ этотъ...

— Куда это я ихъ отправлять стану?

— Въ Габрово.

— Зачѣмъ?

— Да лечить ихъ нужно!

— Нужно.

— Ну-съ...

— А то ну-съ — что подвижные лазареты больше уже не принимаютъ больныхъ. Поняли, ну-съ!.. Перевозить больныхъ не на чемъ-съ. Поняли... Ну-съ?

— Какъ не на чемъ?

— Воловъ нѣтъ, повозки всѣ заняты... Поняли? Чего вы только пристаёте ко мнѣ. Я бы вотъ въ петлю сейчасъ готовъ...

— Что-же съ больными-то?

— А что хотите... Вы мнѣ покажите, кто здоровъ?.. Покажите, сдѣлайте одолженіе, гдѣ вы здороваго нашли?.. Ты здоровъ? — обращается Соймоновъ къ проходящему мимо солдату.

— Никакъ нѣтъ... Грудь у меня...

— А ты здоровъ?.. Часовой, ты здоровъ?

Съ банкета бруствера весь закутанный поварачиваетъ къ нимъ посинѣвшее лицо часовой...

— Не... Кости ноютъ, вашъ-бродь... Во какъ ноютъ...

— Слышали, маіоръ!.. Ну-съ?.. Что вы теперь мнѣ скажите... Ну-съ?..

— Помирать пора... Вотъ что я сказать могу... И станемъ помирать!.. А со своего поста не сойдемъ...

— Такъ чего-же вы ко мнѣ пристаёте? Я со своего поста уйду, что-ли?

— Ну, довольно... Не сердитесь, докторъ!.. Тоска меня беретъ — вотъ что. Вѣдь у меня ни родныхъ, ни близкихъ. Только вотъ баталіонъ былъ, а теперь весь онъ стаялъ... Нѣтъ его — моего баталіона!..

Въ голосѣ маіора что-то дрогнуло... Въ глазахъ набѣжали слезы...

— Развѣ мнѣ не больно видѣть... Легче-бы самому умереть... Я ужь старъ — что мнѣ. А вотъ тутъ-то все вѣдь это молодежь — жить-бы имъ, да жить... А вы посмотрите... Офицеровъ много-ли осталось.

— Горькое дѣло!..

— Да, вотъ она настоящая война... Видите, вѣдь отъ вчерашней мятели снѣгъ еще не убранъ... Могу-ли я послать работать больныхъ — нельзя. Силь у нихъ нѣтъ никакихъ. Эхъ, докторъ, докторъ!.. И виноватыхъ не найдешь. Природа...

Сѣлъ Самойленко у бруствера и понурился совсѣмъ... Холодѣютъ ноги — что ему?.. Холодъ прокрадывается за шею... груди холодно!..

— Вы знаете, нѣкоторые солдаты отъ хлѣба отказались. Ъсть не могутъ.

— Знаю!

Соймоновъ постоялъ, постоялъ... Схватился за голову.

— Убили они ее, убили!

— Кого, ее? — поднялъ голову маіоръ.

— Да вы Айшу знали?

— Турчанку... У Венелиной — въ Габровѣ?

— Вотъ... Она самая.

— Кто ее убилъ?

— Почему я знаю!.. Недѣлю назадъ исчезла... Казакъ какой-то встрѣтилъ ее по пути на Шинку — на томъ и слѣды всѣ оканчиваются...

— Что-же это такое?

— Война!..

Сѣлъ Соймоновъ рядомъ... Все ему представляется Айша истерзанная, измученная.

— Хорошо, если еще сразу ее... А то можетъ быть...

— Рано сокрушаетесь... Ничего еще неизвѣстно.. Можетъ быть...

— Можетъ быть?.. Что можетъ быть?..

— Къ туркамъ попала... Увели...

— Это еще хуже...

— Ну, они свою трогать не станут...

— Да я-то ее не увижу...

— Не придется... Какъ тутъ увидѣть, коли мы всё померзнемъ... да за то русское дѣло выиграемъ. Прибавилъ онъ помолчавъ.

— Какое?

— Русское дѣло... Придетъ весна, тепло пригрѣтъ... Наши будутъ уже далеко-далеко за Балканами... У Босфора у самага отдохнуть въ холѣ, въ нѣгѣ... Подъ самымъ Константинополемъ стануть... Войдутъ въ него... А мы тутъ на вершинахъ Шибки подъ земляными насыпями заснемъ... и всё насъ забудутъ... А безъ насъ имъ-бы ничего не сдѣлать... безъ нашихъ могилъ... Наши могилы спасаютъ большое-большое дѣло!..

— Какое-же это дѣло?

— Услышите, коли живы останетесь...

— Вы вотъ въ поэзію ударились... О Босфорѣ замечались... А какое это большое дѣло — рассказать не можете.

— И не могу и не хочу... Потому — въ наше время не разсуждали... Приказывали и шли... И все-таки легче было... Мы умирали не разсуждая, а теперь разсуждаютъ и все-таки такъ-же мрутъ.

Позади маіора что-то толкнуло.

— Ты, братъ, это что? — обернулся онъ на часоваго.

Тотъ, какъ мѣшокъ осѣлъ на землю... ружье вывалилось изъ рукъ... Ударило оно Соймонова и скатилось въ траншею.

— Ты что-жъ это? — озабоченно приподымается Самойленко...

Часовой точно сѣрый узелъ какой-то неподвижно лежитъ на banquetѣ.

Соймоновъ беретъ его за руку... Пульсъ? Не бьется... Поднялъ вѣки глазъ...

— Замерзъ что-ли? — спрашиваетъ маіоръ.

— Нѣтъ... Отъ истощенія умеръ!..

Исхудалое лицо съ заострившимися чертами какъ-то спротивно выглядываетъ изъ подъ башлыка... Губа приподнялась кверху... Опухшія, бѣлая десны, молодые, здоровые зубы...

— Нельзя отвадиться?

— Нѣтъ! — качнулъ головой докторъ. — Совсѣмъ готовъ... Вотъ ужъ этотъ именно до послѣдней капли крови — исполнилъ присягу вполнѣ...

— Карскій!

Унтеръ-офицеръ вытянулся передъ Самойленко.

— Поставь на часы кто поздоровѣй!

— И только? — обернулся Соймоновъ.

— Что и только?

— Надгробное слово... Коротко и ясно!.. Поставь на его мѣсто другаго... А этого убрать-то некуда... Такъ до завтра на своемъ мѣстѣ останется... Теперь часты такія смерти. Знаете тутъ Анчутина — офицеръ, не вашего онъ баталіона, изъ молодыхъ...

— Разумѣется знаю.

— Сижу я съ нимъ, говорю... Вдругъ онъ на одинъ вопросъ не отвѣчаетъ... Замолчалъ. Посмотрѣлъ я на него — а онъ ужъ и готовъ... Сразу. Безъ всякихъ предисловіи!..

— Это хорошая смерть! Ба, да вѣдь это Ермошка мой пробирается... И съ судками...

— Онъ и есть.

— Ты что это, Личарда...

— Штей вамъ принесъ... Да бѣлья вотъ захватилъ, а то вѣдь вы тутъ совсѣмъ заскудѣли...

— Вѣрно, вѣрно.

— Шти холодныя, а только я вамъ ихъ разогрѣю...

— Да гдѣ ты ихъ взялъ?

— Укралъ.

— Какъ это?

— Такъ укралъ. На енаральскую кувшину пошелъ и скралъ.

— Съ судками, совсѣмъ?

— Точно такъ. Они тамъ совсѣмъ готовыя стояли. Я и думаю — нежели другому барину — пуцай ужъ лучше моему.

— И Соймоновъ и Самойленко невольно расхохотались.

— Да вѣдь тебя, Ермошка, за это...

— Никто не видалъ-съ... А если и увидали-бы, такъ я бы сказалъ: что-же моему маіору изъ за васъ, чертей, помирать что-ли?.. Тутъ еще что-то въ другомъ судкѣ, да я ужъ не смотрѣлъ. А вотъ это — у маркизана.

И онъ вытащилъ изъ кармана бутылку съ водкой...

— Совсѣмъ пиръ валтасаровъ... Что-же вы сидите, докторъ, пойдете.

— Не могу. У меня эта Айша изъ головы не выходитъ...

— Полно, пойдешь... Ахъ ты, Ермошка, Ермошка.

— Посмотрю я на ваше высоблагодіе, совсѣмъ вы какъ-бы тараканы стали...

— Это еще что?

— У насъ въ деревнѣ, гдѣ сила этихъ таракановъ заведется — такъ ихъ такъ-то зимой... Хозяева въ другую избу къ сусѣдамъ, а свою — окна и двери настезь... Въ морозы-то. Ну всѣхъ таракановъ повымораживаютъ — тогда опять на старое мѣсто... Вотъ и васъ вымараживаютъ... И снѣгу-же навалило... Чего вы не раскапываете! — обернулся Ермошка къ унтеру.

— Нельзя.

— Почему такому?.. Помирать легче.

— Руки замерзли у всѣхъ... Да и раскапывать что-жъ...

Ишь туча идетъ.

— Ну?

— Опять занесетъ все снѣгомъ... Бѣдущее дѣло... Такіе морозы стоятъ. То ись сколько народу валится — скажи не повѣрятъ.

— Въ казармы-бы теперь чудесно!.. Помнишь наши-то казармы въ Питерѣ — тепло.

— Самое прекрасное дѣло...

— Чего костровъ не грѣете?

— Чудакъ человекъ — дровъ-то гдѣ взять... Тутъ и съ носилками ходить невозможно...

Да раньше-то стояли вѣдь?..

— Раньше и морозовъ такихъ не было...

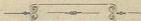
Словно оправдывая слова унтера, сѣрая туча неслышно напозла на позицію — опустилась низко-низко и давай засыпать ее снѣгомъ.

Солдаты безнадежно взглядывали вверхъ, корчились, другъ къ другу потѣснѣй приваливались — точно все свое тѣло хотѣли въ комокъ собрать... Занять какъ можно менѣе пространства на этомъ холодномъ снѣгѣ. Скоро часовыхъ нельзя было отличить отъ валовъ, у которыхъ они стояли. Бѣлый налетъ покрылъ ихъ шинели и башлыки... Снѣгъ падалъ тихо, тихо... Онъ не нарушалъ молчанія этого громаднаго алтаря смерти.

Послѣдніе выстрѣлы изъ непріятельскихъ позицій замолкли...

Природа брала на себя ихъ дѣло.

Смерть подходила тихо... Тихо и неотступно... Она молча справляла свою побѣду.

ГЛАВА XXVI.

Въ когтяхъ у коршуна.

Айша уже давно оставила за собой Габрово.

По дорогѣ ей попался казакъ, объяснившій куда надо идти; еще не много спустя, она встрѣтила солдата, который подѣхалъ было къ ней съ любезностями, но не поощренный оставилъ дѣвушку въ покоѣ...

— Не дойти тебѣ! — Отвѣтилъ онъ на ея вопросъ.

— Почему это?

— Да потому — рази у тебя ноги? Тутъ скрозь шаснадцать верстовъ будетъ, да и версты-то какія! Въ гору по снѣгу...

— Я пройду... Ничего...

— А ты-бы домой вернулась... Лучше... Тутъ, братъ, разнаго народу не мало... Я съ тобой на согласъ пошелъ, а у другаго нарвешься...

— Прощай...

— Ну прощай, Господь съ тобой... Прощай глазастая!.. И какія это у васъ у турковъ бабы.

Айша поднялась на первую гору... Снѣгъ умялся — идти было не трудно... На право и налѣво тянулись лѣса, скаты,

покрытые снѣгомъ... Не на чемъ было остановиться пытли-
вому взгляду... Ни впереди, ни позади не было прохожихъ.
Изрѣдка, въ сторонѣ, нижней дорогой, извивавшейся вдоль
Янтры по дну ущелья — проносились верховые, торопясь по-
скорѣе попасть въ Габрово, чтобы засвѣтло воротиться на Шип-
ку... Еще рѣже видѣлись обозы съ больными... Айша пошла
верхней дорогой, потому что, какъ объяснили ей, она была го-
раздо короче... Чѣмъ далѣе подвигалась она, тѣмъ болѣе ро-
сло въ ней чувство неувѣренности... Куда она? Зачѣмъ? Къ
Соймонову — что-же она скажетъ ему?.. А если русскій за-
смѣется?.. Скажетъ, что за больными ходить пришла — а раз-
вѣ у сестеръ она спросилась? Развѣ, если-бы это нужно было
онѣ-бы сами не поѣхали въ горы?.. Нѣсколько разъ уже
Айша хотѣла вернуться — но, повинуваясь какому-то безотчет-
ному чувству, какому-то могучему желанію во что бы то ни стало
увидѣть доктора, убѣдиться въ томъ, что онъ живъ, она шла все
дальше и дальше... Русскіе разумѣется добры и обращаются съ ней
хорошо... Сестры, Венелина и другія, лучше матери относятся
къ ней... Но разумѣется, она-бы и дня не осталась съ
ними, ушла-бы съ братомъ или къ брату, если-бы не Соймо-
новъ. Если онъ умеръ — она уйдетъ сейчасъ... Кровь своя
ближе — и то ужъ мулла постоянно коритъ ее... Свои отво-
рачиваются...

— Куда ты это собралась?..

Айша вздрогнула... Она совсѣмъ было забылась и не за-
мѣтила шедшаго ей на встрѣчу болгарина... Изъ южныхъ —
усы распущены... Подъ мѣховой курткой широкой поясъ,
за нимъ цѣлый арсеналъ ножей, ятагановъ, пистолетовъ...
Добродушная улыбка бродитъ по мужественному загорѣлому
лицу?

— Ты куда это собралась?

Айша потушилась, хотѣла пройти мимо.

— Постой, постой...

— На Шипку иду... Дѣло есть... пусти.

— Ты вѣдь изъ Габрова... Я знаю тебя. Ты зачѣмъ сестеръ оставила?

— Послали онѣ меня... Пусти, мнѣ некогда.

— Ну напрасно ты этой дорогой...

— А что?

— Тамъ не ладно... ваши ходять...

— Гдѣ это?

— А верстъ черезъ пять будетъ... Лѣсъ тутъ... Тамъ въ лѣсу не хорошо.

— Турки меня не тронуть.

— Ну... коршунъ не разбираетъ... Ему что... Лишь-бы горлица въ когти попала, своя она или чужая — дѣла нѣтъ. Айша пошла опять... Болгаринъ скоро догналъ ее...

— Послушай... Иди лучше по нижней дорогѣ... Пронадешь вѣдь!

— Я сама знаю...

— Ну, какъ хочешь — твое дѣло... Я тебѣ зла не желаю. „Знаю я, какъ не желаешь“ — подумала она про себя... Изъ памяти у дѣвушки не выходила толпа такихъ-же болгаръ, хотѣвшихъ повѣсить ея брата, совсѣмъ безоружнаго...

Солнца сегодня не было... Сѣрое, зимнее небо надъ засыпанной снѣгомъ землей... Видно было далеко по дорогѣ...

— Если попадется кто — я его замѣчу во-время — думала Айша... Да, наконецъ, что-же мнѣ своихъ бояться — свои меня не тронуть... Встрѣча съ болгарами гораздо опаснѣе... Избави Богъ отъ нихъ... Этотъ еще добрый попался — не тронулъ...

Вонъ въ дали темныя пятна какія-то... Подошла ближе — обезлиствѣвшія купы деревь...

Темныя пятна все чаще и чаще... Деревья сбѣгаются въ рощи... Вся даль теперь занята ими, бѣлая дорожка уходитъ въ лѣсъ... Нога глубоко тонетъ въ рыхломъ снѣгу... Не окрѣпъ онъ, видно, въ лѣсу... „Здѣсь-то опасныя мѣста и начинаются — здѣсь-то и бродятъ наши, должно быть“...

Айша приостановилась, стала всматриваться...

Лѣсъ не шелохнется, даже вѣтви деревьевъ не колыхнутся... Неподвижныя, склонились подъ комьями смерзшагося на нихъ снѣга... Черныя шалки старыхъ гнѣздъ темнѣютъ вверху на сѣромъ фонѣ неба въ сквозной арабескѣ переплетающихся тамъ черныхъ сучьевъ... Вслушивается Айша — ни чей голосъ не звучитъ въ лѣсу... Тишина такая — точно и лѣсъ мертвъ, и горы мертвы, и эти тучи не скользятъ по небу, а замерли и заснули мертвымъ сномъ, на вѣки... Тишина такая, что звуки робкихъ шаговъ раздаются далеко, далеко. Вонъ съ вѣтвей сорвалась глыба снѣгу... зашуршала, сталкиваясь съ другими вѣтвями... Одна — хрустнула, надломившись... Шорохъ снѣга, падающаго внизъ, опять смѣнился тою-же перушимою тишиною... Чудится Айшѣ, что это лѣсъ притаился, слушая ее... Притаился и подстерегаетъ каждое движеніе, каждый ея шагъ... Притаился и изъ-за cadaго своего ствола тысячами невидимыхъ глазъ — присматривается къ ней, одинокой путницѣ въ его глуши... И сверху и снизу смотритъ... Страшно ей и жутко становится... Страшно и жутко — какъ слабой и безсильной, ставшей лицомъ къ лицу съ чѣмъ-то невѣдомымъ, съ чѣмъ-то могучимъ, что можетъ уничтожить ее однимъ дыханіемъ... Уничтожить въ тишинѣ, не нарушая этой тишины... Съ чѣмъ-то совсѣмъ непонятнымъ, силу котораго она чувствуетъ только, не зная ея... Въ такія минуты явная опасность, видимая, пожалуй, еще лучше даже...

Нѣсколько разъ она останавливалась... Ей что-то чудилось, а что — она едва ли могла дать отчетъ... Что-то страшное, творившееся вокругъ... Потомъ она сама убѣждалась, что это только кажется и даже улыбалась своему ребяческому страху... Улыбалась, чтобы черезъ нѣсколько минутъ опять почувствовать, какъ онъ холодный и глупый, ничѣмъ невызываемый, прокрадывается въ ея робкое сердце.

А лѣсъ чѣмъ дальше, тѣмъ становился все гуще и гуще. Сумрачный совсѣмъ, таинственный надвинулся на нее ото-

всюду... Надвинулся такъ, что теперь уже и просвѣтовъ не видать по сторонамъ... Густой лѣсъ... Стволы, стволы и стволы... Въ верху сучья переплелись густо, густо. Тѣ же гнѣзда все громадными желваками чудятся, точно сидятъ на нихъ и сторожатъ ее какія-то сказочныя хищныя птицы, тѣ, что въ невѣдомыя страны къ людодѣдамъ великанамъ уносятъ одинокихъ путницъ и дѣтей въ своихъ сильныхъ когтяхъ... А можетъ быть хоронятся въ нихъ тѣ самыя вампиры, что сосутъ кровь у людей, сосутъ такъ, что тѣ погружаются въ пріятный, полный первое время радужныхъ сновидѣній, сонъ, — для того, чтобы никогда ужъ не просыпаться для жизни, для свѣта, для тепла... Заснувшій остается недвижимымъ на лѣсной тропинкѣ и только одна красная точка на шеѣ у него выдаетъ знающимъ людямъ тайну этой непонятной смерти.

Чѣмъ больше Айша припоминала дѣтскія сказки, тѣмъ шибче старалась идти все впередъ и впередъ.

Впередъ, хотя съ каждымъ шагомъ она погружалась все глубже въ это загадочное заколдованное царство горнаго лѣса... Вонъ вдали между стволами мелькнуло что-то... Безъ шума мелькнуло... Показалось-ли ей или дѣйствительно что-то было тамъ? Вверху слышатся медленные взмахи чьихъ-то широкихъ и громадныхъ крыльевъ... Айша пугливо подымаетъ голову... Надъ переплетающимися вершинами береста и граба скользитъ вверху чья-то громадная тѣнь... Горный орелъ это шныряетъ надъ лѣсомъ, или что нибудь еще болѣе страшное, непонятное?... Не разобрать его очертаній, только тѣнь одна видна отъ нихъ... Медленно, медленно движется по одному направленію съ Айшею.. Айшѣ кажется, что онъ слѣдитъ за нею именно... Айша прибавляетъ шагъ, усталыя ноги съ трудомъ справляются съ глубокимъ снѣгомъ лѣсной тропы, и тѣ широкія и сильныя черныя крылья тоже усиливаются двигаться скорѣе и все по тому-же направленію...

Айша остановилась наконецъ...

Черныя крылья медленно отодвигаются!.. Дальше и дальше... Вотъ уже ихъ не видно совсѣмъ...

Слышны только мѣрные таинственные взмахи... И они звучать все глуше и глуше...

Послѣдній звукъ замеръ въ этой лѣсной пустынѣ... И опять лѣсъ притаился и слушаетъ... И опять что-то невѣдомое и непонятное сторожить Айшу изъ-за каждаго ствола, съ каждой густой верхушки дерева.

Айша чувствовала себя совсѣмъ усталой: она уже нѣсколько разъ садилась отдыхать на старыхъ узловатыхъ корняхъ, взрѣзавшихъ почву и снѣгъ и торчавшихъ въ наружу, точно черные изгибы какихъ-то колоссальныхъ змѣй; на вывернутыхъ бурей дубахъ, ложившихся поперекъ дороги... Она уже жалѣла зачѣмъ не послушалась солдата, зачѣмъ не вернулась... Дѣйствительно, только издали путь этотъ казался легокъ, и цѣль, его шипкинскія вершины — близки... Тѣмъ не менѣе оставаться здѣсь нельзя было... Часа черезъ два могла уже наступить ночь — а тогда впотемкахъ и вовсе сбиться съ дороги легко. Собравъ послѣднія усилія Айша пошла впередъ, стараясь идти какъ можно скорѣе... Еще сдѣлала она такимъ образомъ версты двѣ...

Синія сумерки уже густились между деревьями...

Сѣрое небо надъ ихъ вершинами — темнѣло и темнѣло... Солнце садилось въ тучахъ густыхъ и непроницаемыхъ, въ нихъ не мерцали даже золотистые отблески заката... Дальніе силуэты деревьевъ утонули въ однообразной мглѣ, ближайшіе точно стали расплываться... Контуры ихъ дѣлались менѣе рѣзкими... Вѣтви мѣшались въ одну массу...

— Ночь, скоро ночь!.. — вслухъ говорила Айша...

— Аллахъ! ты всемогущъ — спаси меня...

И маленькія, слабыя ножки дѣвушки торопились скорѣе — хоть выбраться изъ этого страшнаго, очарованнаго лѣса на ближайшую поляну, гдѣ-бы не густились такъ деревья, гдѣ-бы въ сумеркахъ не чудилось столько холодныхъ,

медленно скользящихъ призраковъ, гдѣ-бы въ сыромъ воздухѣ не шелестило что-то совсѣмъ уже непонятное, совсѣмъ ужасное, отъ чего мурашки у ней бѣгали по тѣлу и волосы шевелились на головѣ...

— Скоро ночь! — И она еще болѣе заторопилась, спотыкаясь о корни деревьевъ, падая въ ухабы, образовавшіеся въ снѣгу...

Ночь дѣйствительно не заставила себя ждать...

Черная — среди черного мрака, она точно коснулась лица Айши своею длинною мантией...

Точно что-то холодное, легкое какъ паутина, скользнуло по ея лицу. Айша пріостановилась и беспомощно сложила руки...

Вонъ за этою черною ночью идетъ, точно царская свита, громадный рой черныхъ видѣній... Каждое становится оболочкой — всѣ они образуютъ громадный кругъ, въ центрѣ котораго дѣвушка смотритъ на нихъ обезумѣвшими отъ страха глазами... Кругъ этотъ смыкается и смыкается... Что это — словно блеснули огни... Она закрыла лицо чернымъ платкомъ обвязывавшимъ ея голову... Сильная холодная рука легла на ея плечо... Колѣна Айши подогнулись сами... Она тяжело рухнула въ снѣгъ...

Когда она опять открыла глаза — видѣнія стояли кругомъ — но уже воплощенные въ отчетливыя формы людей... Огни — горятъ... При ихъ красномъ блескѣ она видитъ сумрачныя лица съ повисшими усами, съ оцетинившимися бровями, съ хищными крючковатыми носами...

— Чего ты, дѣвушка! — говорятъ ей по турецки. — Чего испугалась?

Айша удивленно всматривается... Еще придти въ себя не можетъ... — Кто это, зачѣмъ, что имъ нужно...

— Ты, вѣдь, турчанка?

— Да! — чуть слышно проговорила она совсѣмъ блеклыми губами.

— Откуда?

— Изъ Агенджилара.

— Нечего тебѣ бояться насъ... Мы добрые мусульмане. Своихъ не трогаемъ.

— А вы... кто?.. — спросила и сама испугалась.

— Султану служимъ... Не въ войскахъ, а какъ придется.

Айша оглянулась. Вонъ у одного на шеѣ навёрнута только что срѣзанная телеграфная проволока. Много ее... При каждомъ движеніи его она звенить, точно сильный вѣтеръ пробѣгаетъ по ней отъ столба къ столбу, заставляя вздрагивать и сталкиваться висящія въ нѣсколько рядовъ проволоки. Вонъ у другаго на плечахъ — русскій солдатскій кафтанъ, а изъ подъ кафтана — своя синяя куртка видна... Айша сразу сообразила въ чемъ дѣло.

— Баши-бузуки! — Пронеслось въ головѣ у нея и дѣвушка невольно вздрогнула.

— Баши-бузуки!.. Все равно, они своихъ не трогаютъ... — И Айша опять стала приходить въ себя.

— Ты куда шла?

— На русскія позиціи.

— Зачѣмъ?

— Меня русскія женщины, что за ранеными ходятъ, послали, — солгала она.

— Зачѣмъ-же ты слушаешь ихъ?

— Нельзя... Иначе мнѣ плохо будетъ...

— Есть у тебя родные?

— Есть братъ.

— Тоже въ Габровѣ, невѣрнымъ псамъ служить?

— Нѣтъ... Я ночью его выпустила изъ тюрьмы... Онъ теперь у Эйюба-паши...

— У Эйюба-паши... Ну, счастье твое, дѣвушка... Мы сами оттуда... Завтра ты увидишь брата, а послѣ мы отправимъ тебя въ Казанлыкъ. Тамъ тебѣ найдется дѣло!

— Мнѣ нельзя... Я должна идти... Мнѣ приказали... — Перепугалась Айша.

— А это какъ твой братъ скажетъ — такъ и будетъ... Велить тебя вернуть къ гяурамъ — часу не удержимъ, выведемъ — ступай... Нѣтъ — поступимъ по его желанію!..

Айша покорно сѣла въ костру и глядя на раскалившіеся угли, по которымъ бѣгали красныя змѣи огня, стала думать о Соймоновѣ... „Прощай!.. Прощай, мой владыка!“ сама про себя повторяла она...

— „Прощай“...

Она знала, что ей не уйти отсюда; знала, что разъ попавъ въ турецкій лагерь, она уже не воротится въ Габрово къ добрымъ сестрамъ, приютившимъ ее!.. — Крупныя слезы капали изъ глазъ дѣвушки... Комнатку свою въ габровскомъ монастырѣ вспомнила... Венелина какъ огорчена теперь... Плачетъ, пожалуй...

— Глупая я, глупая!..

И Айша, опустивъ голову на колѣна, закрылась платкомъ и зарыдала...

Еще не разсвѣтало, когда партія баши-бузуковъ тронулась въ путь.

Айшу посадили на осла... Черезъ три часа она была уже между своими... Въ лагерь сбѣжались смотрѣть на нее. Отыскали Омера... Обрадованный, онъ не хотѣлъ и думать о возможности отпустить ее назадъ въ Габрово.

— Мнѣ хорошо тамъ было...

— Въ Казанлыкѣ будетъ еще лучше... Я самъ тебя провожу туда, если пустятъ...

Вдругъ всѣ кругомъ разступились и стали отдавать селямъ...

Верхомъ на чудесномъ конѣ показался толстый турокъ, сумрачный, въ рыжемъ кафтанѣ съ двумя поперечными нашивками на плечахъ.

— Самъ паша! — только и успѣлъ шепнуть ей Омеръ.

Дѣвушка поклонилась.

— Это еще! Откуда это въ лагерь къ намъ такія попадають?

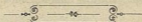
Начальникъ баши-бузуковъ подошелъ къ пашѣ и объяснилъ все...

— Такъ это сестра твоя?.. — И Эйюбъ внимательно взглянулъ на Айшу... Ну, такую жемчужину оставить въ Габровѣ жаль. Пока она къ моей женѣ въ Казанлыбѣ поступить, а тамъ — мы посмотримъ...

И Эйюбъ посмотрѣлъ на Айшу взглядомъ, обѣщавшимъ мало хорошаго...

— Омеръ — ты можешь проводить ее!

Черезъ нѣсколько часовъ Айша, уже по турецки вся закутанная, спустилась съ шипкинскихъ позицій въ теплую долину Казанлыба, теплую даже теперь — когда мятель и морозъ истребляли на горныхъ вершинахъ тысячи солдатъ...

ГЛАВА XXVIII.

Экспедиція генерала Бабкова.

Генераль Бабковъ объѣзжалъ сегодня позиціи... Въ ночь была страшная мятель, дороги были занесены снѣгомъ... Съ утра начался морозъ... Молодой адъютантикъ кутался въ жиденъкій барашковый воротникъ, оставляя кончикъ носа на жертву холоду и ругался про себя.

— Вы чего тамъ ворчите?..

— Нѣтъ, ваше превосходительство... Это я погоду ругаю...

— За что?

— А за то, что не въ-время морозомъ ударила, не дождала пока мы объѣдемъ позиціи...

Генераль Бабковъ добродушно улыбнулся.

— Природу, такъ природу... А я думаю, что это вы меня... За природу-то дѣйствительно подъ арестъ не посадятъ, а за генерала — пожалуй... Какъ вы объ этомъ думаете?

Адъютантъ закутался еще плотнѣе.

— Нужно-же имъ радость сообщать, оправдывался генераль. — Это воодушевить... Легко-ли — Плевна пала!.. Да вѣдь мы изъ за этого только здѣсь и сидимъ...

— Такъ вотъ насъ и выпустили...

— А вы какъ-бы полагали... Теперь всё за Балканы двинемся. Станемъ турку оттуда выбивать.

— Какъ-же это двинемся, въ лобъ имъ?

— И въ лобъ, если прикажутъ... У васъ въ генеральномъ штабѣ этого не полагается.

— Наука... — началъ было адъютантъ.

— Начхать мнѣ на вашу науку... Вы всё какъ индюки — только хвостъ распускаете, да пыжитесь...

— Разумѣется, ваше превосходительство, еще грибоѣдовскій Скалозубъ — полковникъ...

— Ну-съ.

— Еще онъ собирался фельдфебеля въ Вольтеры дать...

— И полковника такого не знаю, да и о фитьфебелѣ такомъ не слыхалъ-съ... Они гдѣ же служили?..

— И по сіе время служить... При театрахъ-съ... При Александринскомъ въ Петербургѣ, да при Маломъ въ Москвѣ.

— Ну, такъ мнѣ на нихъ на обоихъ наплевать! Хороші военные — нечего сказать. Теперь тутъ дерутся, — а они при театрѣ. Нашли мѣсто. Въ наше время, при покойномъ Николаѣ Павловичѣ, ихъ-бы такъ турнули... Съ протекціей, должно быть, этотъ полковникъ Грибоѣдовскій?

— Какже-съ!.. Имъ Фамусовъ покровительствуетъ... И публика очень любитъ... — потѣшался адъютантъ.

— Ну, оно и понятно... У насъ, батюшка, такъ — нѣтъ у тебя заручки — весь вѣкъ въ генераль-маіорахъ просидишь. За 5-е то мнѣ-бы слѣдовало Георгія на шею... Ну, а что я получилъ? Что... — И генераль Бабковъ круто повернулъ коня и въ упоръ наскочилъ на адъютанта.

— Что я получилъ... Станиславскую ленту — благодарю покорно-съ...

— Я въ этомъ не виноватъ...

— Ну, а будь здѣсь вашъ, какъ его... Полковникъ-то...

— Скалозубъ?

— Вотъ, вотъ... Онъ-бы получилъ... Потому что его публика любитъ, а насъ публика не одобряетъ...

— Отчего-же-съ... Вы на Скалозуба очень похожи... И васъ такъ-же наша публика любитъ...

— Наша публика не въ счетъ... Наша публика что — наша публика — армейская кирилка. Кто ее слушаетъ?

— Не вы одни, ваше превосходительство... Вотъ у Щедрина служить — Дитятинъ, — такъ тоже очень недоволенъ...

— Это кто-же Щедринъ?.. Корпуснаго командира я тако-го не слыхалъ.

— Это въ Питерѣ, ваше превосходительство...

— Генераль-лейтенантъ?..

— Больше-съ.

— Генераль отъ кавалеріи?

— Больше-съ.

— Ну, вотъ... Генераль-фельдмаршала у насъ вѣдь нѣтъ... Окромѣ Барятинскаго... Такъ вѣдь тотъ на покоѣ...

— Щедринъ, по своей части, — тоже генераль-фельдмаршаль...

— Такъ онъ вѣрно изъ штатскихъ, отдѣльною частью управляетъ?.. Командуетъ особымъ вѣдомствомъ какимъ?..

— Точно такъ-съ!

— Не слыхалъ... Не слыхалъ его... И генераль Дитятинъ у него по особымъ порученіямъ?..

— Вѣрно-съ...

— И не доволенъ-съ?

— Очень недоволенъ...

— Хорошій человѣкъ значить... Коли недоволенъ — значить хорошій человѣкъ... Чѣмъ-же это онъ недоволенъ.

— Чиномъ обошли, простору ему нѣтъ настоящаго...

— Эге... Да. Дитятина я зналъ еще въ 1848 году... Вмѣстѣ Венгерскій походъ мы дѣлали... Онъ изъ сдаточныхъ, но храбрый... Тогда онъ поручикомъ былъ... Никакъ къ носовому

платку привыкнуть не могъ... Все знаете перстами... Не тотъ-ли самый...

— Можетъ быть и тотъ-съ.

— Тотъ — тотъ, должно быть... Мы его цѣлымъ полкомъ учили танцовать... Нельзя-же — офицеръ и не танцуетъ...

— Выучили?..

— Все могъ, а вотъ шассе круазе ему не далось... — Старался... Старательный офицеръ былъ... Любилъ драться съ солдатами...

— Чуть что — въ зубы?

— Въ зубы, въ зубы!..

— Ну, такъ это онъ-съ.

— Благодарю васъ.

— За что-же?

— За вѣсточку... Я его очень любилъ... Душой былъ простъ... Очень простъ... Онъ еще въ штабъ-капитанскомъ чинѣ одного венгерскаго жида повѣсилъ...

— Это за какую провинность?

— По своей простотѣ... Жидъ по русски не понималъ, а Дитятину показалось, что онъ упорствуетъ, потому по понятіямъ Дитятина всѣ жида говорятъ по русски... И повѣсилъ-съ... Въ наше время это за самый пустякъ считалось... Слышали вы анекдотъ; а только это не анекдотъ, а правда. Былъ въ одномъ полку капитанъ; сидитъ онъ на вечеринкѣ и въ карты играетъ... Только пришли ему шесть козырей и два постороннихъ туза, — онъ обдумываетъ какъ-бы обремизить партнеровъ — а въ это время къ нему фельдфебель... — Юська, ваше благородіе, пришелъ... — А Юська маркитантъ былъ... Ну, тотъ оторваться отъ картъ не можетъ, да фельдфебелю шутя: — повѣсь, говоритъ, пока своего Юську на первой осинѣ... А кончу — такъ выйду... — Слышаю-съ, сдѣлалъ фельдфебель кругъ-гомъ! И пошелъ-съ. Заигрался капитанъ... Выигралъ много... Окончили... Вспомнилъ про Юську... — Позвать, говоритъ, фельдфебеля. Явился. —

Ну, говорить, зови сюда Юську... Что ему надо?.. — Никакъ нельзя-съ, вашъ-бродь! — Это почему, — ушелъ, что-ли... — Никакъ нѣтъ-съ!.. Потому мы, по вашему приказу, его повѣсили... Только осины не нашлось — мы на липѣ... Все равно крѣпко будетъ-съ!.. Надежно висить. — Такъ капитанъ и сѣлъ... Потомъ одѣлся въ парадъ — ѣдетъ къ полковому командиру — такъ и такъ... Отобрали у капитана саблю — посадили на гауптвахту, начали судить... Судили, судили, присудили — въ солдаты... Пошло на резолюцію. И состоялась резолюція: приговоръ утвердить, но за заведенную въ своей ротѣ капитаномъ такимъ-то образцовую дисциплину — вернуть ему чины и ордена и произвести въ майоры. Потомъ этотъ капитанъ шибко впередъ ушелъ. Я еще въ малыхъ чинахъ былъ, когда онъ уже военными кантонистами завѣдывалъ, а потомъ его сдѣлали начальникомъ арестанскихъ ротъ... Вотъ, батюшка, какъ въ наше то время служили... Ну-ка, вы попробуйте... „Только, говорить, вашъ-бродь, осины не нашлось — мы его на липѣ...“ Это вотъ дисциплина. А нынче что, нынче солдатъ развращенный...

— Почему-же развращенный?

— А потому что думаетъ. Солдатъ думаетъ. Прежде ему этого не полагалось. Наши жены — ружья заряжены, вотъ гдѣ наши жены... Наши сестры — сабли остры, вотъ гдѣ наши сестры; наши матки — бѣлыя палатки, вотъ гдѣ наши матки... Вотъ какъ прежде было-съ! И хорошо-съ было, по всей откровенности могу вамъ сказать... А теперь что солдатъ, какъ индюкъ напыжится да думаетъ... Генеральнаго штаба развелось — а вѣдь вы что — только куварикать умѣете, ничего болѣе... По наукамъ непріятели бить!.. По наукамъ!..

— А то какъ-же, ваше превосходительство?

— А такъ, что одна наука и есть — вся въ трехъ словахъ: кладъ, пли... урра! вотъ и наука... Тактика, фортификація!.. А по моему: разсыптесь молодцы за камни, за кусты, по два въ рядъ! Прежде какъ мы побѣждали?... Ну-ка нынѣшніе вы... Побѣдите-ко? Посмотримъ... Измаиль,

напримѣръ, Прага! Ну, и прочее. Приказывали и побѣждали!..

— А Севастополь?..

— Севастополь... Севастополь не въ счетъ.

— Почему это?

— Потому...

— То есть какъ-же?

— Въ Севастополѣ измѣна была... Нѣмецкіе генералы насъ заѣздили. Да у непріятеля и ружья лучше были...

— А это не наука?

— Какая-же это наука!.. Я противъ вашего фазанства, а впрочемъ, штабсъ-капитанъ, не разсуждайте, потому что вы еще въ малыхъ чинахъ...

— Слушаю-съ!..

— Ну, то-то... Вамъ-бы побольше насъ стариковъ слушать — лучше-бы было!.. Эй ты, мухортка?

Пѣхотный солдатикъ остановился... Вытянулся...

— Молодецъ!..

— Радъ стараться!..

— Поздравляю!.. Поди и товарищамъ сообщи — Плевну наши взяли!..

— Ради стараться, ваше превосходительство!

— Ну, вотъ... Урра!..

— Урра!..

— Нѣтъ, тутъ въ арміи еще сохранились солдаты!.. А только и эти уже послѣдніе.

Налѣво батарейка темнѣла... Изъ массы снѣга, засыпавшаго все кругомъ, рѣзко выдѣлялись зеленые лафеты... Ярко вычищенная желтая мѣдь орудій тускло поблескивала безъ солнца... Тутъ безмолствовали подь огнемъ непріятеля — батарейный командиръ, осѣдлавъ брустверь и ничего-же сумляшея, раскладывалъ себѣ грандъ-пасьянсъ.

— Э, чортъ знаетъ, какъ супу хочется! — Приостановился онъ.

— Легко помочь этому, — вмѣшался артиллеристъ, разсматривавшій въ бинокль непріятеля.

— Какъ?

— Изъ вашихъ картъ хорошей наваръ получится...

— Ну, васъ!.. Всегда вы со своими островами...

— Однако... Все-таки...

— Что-же выходитъ?..

— А ничего... Скука-то какая, скука!.. Батюшки, генераль Бабковъ къ намъ...

— Умный генераль... Вы знаете, какъ онъ бинокли эти самые зоветъ — бинками... Вчера мнѣ говорить: хорошая эта газета „Московскія Вѣдомости“... Какой я это тамъ фаэтонъ читалъ?.. Онъ, видите, въ фельетонахъ ѣздить, а фаэтоны читаетъ...

— Ну, васъ!..

— Вѣрно... Вы слышали, какъ онъ съ прусскимъ военнымъ агентомъ Лигницомъ по нѣмецки разговаривалъ?

— Нѣтъ...

— Помилуйте — чудесно!.. Тотъ ему вопросъ, а генераль Бабковъ поворочаетъ глазами, перстами помахаетъ въ воздухъ — а потомъ, показывая на столъ: „годки, не угодно-ли?..“ Потомъ вышелъ и говорить: „хорошій человекъ этотъ Лигницъ... Мы съ нимъ большой разговоръ имѣли“.

— Здорово, молодцы артиллеристы?.. — послышался голосъ Бабкова.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

— Поздравляю. Наши вчера Плевну взяли...

— Урра!

— Теперь скоро и войнѣ конецъ, братцы!

— Урра!

— Кругомъ маршъ въ Россію обратно. Русскія щи хлебать.

— Ради стараться...

— Ну, вы, капитанъ, что дѣлаете?..

— Наблюдаемъ за непріателемъ...

— Въ бинки эти?..

— Точно такъ-съ!

— Отвѣчали?

— Отвѣчали... Недолетаетъ... Далеко стоятъ они...

— А ихніе долетаютъ?

— Тоже нѣтъ...

— А ну-ко, пальните ему сейчасъ... При мнѣ... Для меня, я вамъ скажу, эта музыка лучше всякой другой.

Какъ настоящій пѣхотинецъ, генераль питаль нѣжнѣйшую страсть къ артиллеріи...

— Первое!..

Выстрѣль грянулъ... Граната, точно вздрагивая въ воздухѣ, понеслась далеко...

— Лети, лети — письмо любви! Это, кажется, вашъ Лермонтовъ сказалъ? — обернулся Бабковъ къ адъютанту.

— Нѣтъ-съ, — даже не удивился тотъ, — это вольный переводъ Шекспира.

— Ну, мнѣ все равно... Что это значитъ вольный переводъ?.. Какая разница съ обыкновеннымъ?..

— А это, ваше превосходительство, все равно, что разница между: на плечо и ружья вольно!..

— Такъ-такъ, понимаю... Я Пушкина читаль-съ. — Совершенно неожиданно обернулся онъ къ адъютанту.

— Да?..

— Какъ-же... Хе-хе... Читаль-съ!.. Ловко онъ это... А только по моему Державинъ лучше... генераль былъ...

— Кто?

— Чему васъ учать въ академіи?.. — обидѣлся Бабковъ. — Державинъ, говорю, генераль былъ.

— Военный?

— Двѣ звѣзды имѣлъ. Оду на взятіе Шамиля какою написалъ...

— Онъ, кажется, дивизіей командоваль?

— Не слыхаль-съ! Изумился генераль.

— Какже. У корпуснаго командира Ломоносова... Генераль Державинъ дивизіей командоваль. Но былъ отчисленъ безъ пенсіона...

— За что?

— За эпиграму:

„Рѣка времянь въ своемъ движеньи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей“.

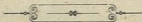
— Скажите, пожалуйста... хе-хе... Это онъ дѣйствительно смѣло!.. Такъ безъ пенсіону и безъ мундира!..

— Да!..

— Строго!.. Прежде, молодой человекъ, было строго!.. „Народы, царства и царей!..“ Скажите пожалуйста... А то еще у насъ былъ поэтъ Семянниковъ въ полку, такъ онъ про полковаго командира какую критику пустилъ:

„Нашъ полковникъ очень храбрый
Хорошо владѣетъ шваброй!“

и вдругъ на недѣлю подъ арестъ... За швабру-то!

ГЛАВА XXVIII.

Замерзшая траншея.

днако!.. Это Богъ знаетъ что!..

Молоденькій адъютантъ напрасно старался закутаться въ жиденское пальто.

— И кто ее выдумалъ эту войну. Чортъ знаетъ, и воротники-же у насъ.

— А воротникъ чѣмъ еще провинился?—усмѣхнулся генералъ Бабковъ.

— Да развѣ можно имъ шею прикрыть. Насквозь вѣдь пробираетъ.

— Молодая кровь!.. Вамъ по настоящему-то и жаловаться грѣшно! Намъ старикамъ еще туда-сюда... А вамъ, какъ-будто-бы, и стыдно. А что на счетъ войны, такъ это точно... Ее Каинъ выдумалъ.

— Братоубійца.

— Первый оружіе поднялъ — дубину... Съ таё поры и война пошла... Это еще, какъ я солдатомъ былъ, такъ мнѣ фитьфебель внушалъ.

— Ты и до сихъ поръ солдафонъ: таё, фитьфебель!—пробурчалъ про себя адъютантъ.

— Вы что тамъ въ носъ шебаршите.

— Да вотъ погоду все...

— То-то... Я такъ полагаю начальство осуждаете.

— Да и начальство тоже хорошо!

— А чѣмъ это не угодило вамъ?

— Да что-жъ, по вашему, сладко намъ тутъ.

— Сладко—не сладко—а велѣно. Значить шабашъ. Мы разсуждать не можемъ... Наше дѣло—помирать... Ну, ты!.. Даль онъ шпоры поскользнувшемуся на горномъ склонѣ коню.

— Отчего вы, ваше превосходительство, не женились?

— А потому, что у меня былъ въ молодости, конь—Марушка, да фитьфебель—Мурашка.

— Что такое? Я ничего не понимаю.

— Вотъ по этому самому и не женился. Потому конь у меня былъ красавецъ... Статуй настоящій...

— Статуя, ваше превосходительство.

— Какъ-же статуя, если онъ жеребецъ?.. Статуй значить!.. Ну, а Мурашка фитьфебель такимъ поведеніемъ отличался, что по всей дивизіи равнаго не было. Вотъ я такъ себѣ и положилъ: если найду дѣвицу красотой въ Марушку, а поведеніемъ въ Мурашку, такъ и женюсь... Да не одна такого экзаменту выдержать не могла.

— Такъ вы при Мурашкѣ и Марушкѣ и остались...

— Вотъ-вотъ... Ну, Марушка-то еще себя оправдала... А Мурашка подлецъ оказался...

— Вона!..

— Еще каковой... Повѣрите-ли. Какъ въ отставку вышелъ; сейчасъ кабакъ открылъ... Съ тѣхъ поръ я въ людей не вѣрю-съ!..

— Ты не повѣришь, ты не повѣришь... какъ ты мила!

— Это вы откуда?

— Изъ оперы „Неимовѣрный генераль“ ...

— Неужели и такая есть?

— Есть, есть, ваше превосходительство.

Путь становился все труднѣе и труднѣе... Кони то и дѣло скользили на голомъ льду, кое-гдѣ устилавшемъ скаты. Ноги разѣзжались. Даже острые шипы подковъ не помогали. Молоденькій адъютантъ, озлившись на своего россинанта, стегалъ его нагайкой. Тотъ только отфыркивался да отчаянно помахивалъ головой, точно упрекая: „за что ты меня... Чѣмъ я виноватъ“... Генеральскій конь тоже спотыкался, а изрѣдка и останавливался, точно давая понять: „не будетъ-ли, не пора-ли и домой“.

— Вашбродъ! Вашбродъ!—наклонился къ адъютанту одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ генерала.

— Чего тебѣ?

— Дальше на коняхъ неспособно...

— Почему это?

— Скользко... Ледовина одна... Тутъ пѣшомъ дай Богъ... Безпремѣнно конь себѣ ноги попортить.

— Ты чего это?—обернулся генераль.

Адъютантъ ему передалъ.

— Что-жъ я поразомнуся еще пѣшкомъ. Пѣшкомъ-то куда лучше... Первый сортъ...

Молодой офицеръ соскочилъ съ коня и передалъ поводъ казаку.

— Ну станишникъ—побереги коней-то...—Сползъ со своего сѣдла и генераль...—Мы ужъ одни и пѣшкомъ дойдемъ туда.

Вверхъ еще было добрыхъ версты три...

Тропинка зигзагомъ шла туда; по ней, впрочемъ, еще тяжелѣе было идти. Сгладилась такъ, что ноги разѣзжались, хоть вскорѣ направо обрисовался отвѣсный спускъ, дно котораго курилось туманомъ.

— Таперчи ежели туда!..—оглянулся генераль въ низъ.

— Да... И безъ того голова кружится...

— А идти надо... Хошь и кружится, а надо!.. Ничего не подѣлаешь...

— Это разумеется!..

Въ иное время можно было залюбоваться на картину, представляющуюся оттуда.

Среди тумана, точно изъ моря, высились серебряныя вершины горъ... Онѣ казались совсѣмъ безжизненными... Сегодня даже орудія молчали, точно вчерашняя буря убила все, что еще осмѣливалось дышать и двигаться на этихъ скатахъ... Вонъ на право изъ снѣгу торчитъ брошенное съ лѣта еще орудіе... Подбитое, негодное, оно безпомощно выставило свой черный зѣвъ изъ бѣлаго сугроба, хищно разинутый, точно ему мало было той крови, какую онъ уже пролилъ за краткій періодъ своего существованія на этихъ самыхъ горахъ... Вонъ зеленый лафетъ торчитъ, точно ребра палаго и обѣденнаго волками коня... Вонъ чей-то трупъ... Присыпало его снѣгомъ... Только по очертанію этого бѣлаго выступа можно догадаться, что подъ нимъ улегся человѣкъ... А вдали вершины за вершинами... Щетинки обезлиствѣннаго лѣса бѣгутъ снизу... вырываются изъ тумана и всползаютъ на высоту, да видимо осилить не могутъ и на полдорогѣ останавливаются... Вонъ на право развалины... Кучи камня... стѣна какая-то, иззубренная... Точно ее изгрызли желѣзные зубы сазочнаго чудовища... Вонъ далеко-далеко, на турецкой позиціи какія-то черныя точки ползутъ, тоже въ гору... Все выше и выше... Двигутся...

— Что это?

— Турки... Какъ и мы, на позицію пробираются...

— Это они должно какую пакость замыслили!

— Почему.

— Да какъ-же!.. Экое время выбрали. Нечего сказать!.. Тутъдохнешь — а они бродятъ. Бродяги... А солдаты и у нихъ хорошіе. Грѣхъ пожаловаться — хорошіе солдаты... Такихъ и у насъ мало.

Генераль, какъ и простой солдатъ, всегда склоненъ былъ преувеличивать достоинства непріятеля...

— И народъ чудесный...

— Чего-же мы воюемъ съ ними?

— А вы вотъ у станишника спросите!.. — и генераль усмѣхнувшись обернулся къ одному изъ казаковъ, сопровождавшихъ „начальство“ въ гору.

— Станишникъ, изъ-за чего мы съ туркой воюемъ?

— Изъ-за евоного разбоя... И изъ-за недоимки... Ваше-ство!..

— Какъ-же такъ. Что-то я не понимаю?..

— Потому они братушекъ стали забижать разбойнымъ дѣломъ... Опять-же недоимка... За Севастополь съ нихъ слѣдовала намъ подать, такъ они ее платить не хотятъ... Такъ вся въ недоимкѣ осталась!..

Вершина, куда двигались наши путники, преодолевая тысячи препятствій и все-таки съ трудомъ оставляя за собою оледѣнныя скаты, казалась совсѣмъ мертвою... Еще мертвѣе тѣхъ, которые также, какъ и она плавали въ морѣ тумана, клубившагося сегодня со дна долинъ и ущелій... На ней можно было разсмотрѣть очертанія бруствера траншеи... Но вся она была засыпана снѣгомъ... Ни одного силуэта тамъ не выдавалось утомленнымъ взглядамъ молодого адъютанта... Напрасно онъ всматривался туда, ему казалось, что онъ и его спутники единственные живыя существа среди всего этого проклятаго небомъ простора... Ни одинъ костеръ не бурился тамъ, никакая темная струйка дыма не подымалась отсюда къ небесамъ, сѣрыя тучи которыхъ сегодня казались еще ниже и грузнѣе... Вотъ, вотъ еще нѣсколько мгновений и онѣ опустятся на эту бѣлую вершину, точно ревниво окутывая горсть людей, затаившихся на ней... Точно имъ угрожаетъ какая-то невидимая опасность и это небо милосердно хочетъ прикрыть ихъ отъ нея, защититъ, спасти... Но это только казалось... Гонимыя съ сѣвера на югъ такими-же темными, низко висящими и грузными тучами, они все ползли и ползли далѣе, застаиваясь по очереди на такихъ-же вершинахъ, какъ

эта и все дальше и дальше продвигаясь къ теплу и свѣту...

— Эта самая опасная изъ нашихъ позицій, — замѣтилъ адъютантъ.

— А что?

— Всего больше померзло народу здѣсь... Чего она намъ только стоять?

— Считать нечего... А то одурь возьметъ... Плевна пала — скоро и Шипка вся наша будетъ, тогда и сочтемъ...

— Тутъ-бы монументъ потомъ поставить... Только и написать на немъ два слова „Мученикамъ Шипки“.

— Монументъ, будьте спокойны, поставятъ... Чего-чего, а на счетъ монументовъ у насъ свободно...

Адъютантъ усмѣхнулся.

— Вы это чего-же-съ?.. Надъ начальствомъ...

— Ваше превосходительство изволили сейчасъ радикальную идею выразить.

— Ну, тамъ какую еще!.. А только вѣрно говорю... Монументы у насъ не воспрещены — ставь!.. Вотъ примѣрно, у меня начальство было генераль, изъ французовъ онъ... Собака у него околѣла, такъ онъ и надъ псомъ — мраморный ангелъ плачетъ, на камнѣ сидя, а подъ нимъ слова: — за дружбу и вѣрность!..

— Однако, какъ-же мы это долѣземъ?

— Нужно... Посмотрѣть, во-первыхъ, что у нихъ дѣлается а во-вторыхъ — передать, что Плевна наша. Это я вамъ скажу, то-же, какъ пріятно услышать-то... Скоро конецъ значить...

Тѣ, которымъ надлежало узнать радостную вѣсть, еще не показывались изъ-за брустверовъ...

Ни одного выстрѣла не доносилось оттуда.

Молчали и на турецкихъ позиціяхъ... нашихъ путниковъ начало серьезно беспокоить это мертвое спокойствіе!...

— Точно на кладбищѣ!..

— Да!.. Не весело... Чтобы это значило?..

Уже въ верстѣ былъ брустверь траншеи, но ни позади ея, ни надъ нею—никого не было видно.

— Не оставили-ли ее?.. Во время мятели сегодня ночью...

— Ну, вотъ... Не можетъ быть этого.

— Можетъ быть; турки... Чортъ ихъ знаетъ... Отъ нихъ, подлецовъ, всего дождешься... Не знаешь, какъ и гдѣ...

— Что?

— Напали и отняли... Теперь захилились и сидятъ.

— Перестрѣлку-бы слышали мы...

— Гдѣ тутъ ночью услышишь въ мятель?.. Рядомъ съ нашими позиціями—батарея; вчера, во время мятели, изъ нея нарочно залпъ сдѣлали, что-же-бы вы думали? такъ у насъ никто и не слыхивалъ... А совсѣмъ рядомъ...

— Балканъ!.. Онъ грозѣнъ... Сколько тутъ на немъ нашей крови пролилось.

Чѣмъ ближе къ траншеѣ, тѣмъ ея молчаніе становилось загадочнѣе и загадочнѣе.

Невольно чувство опасенія проникало въ неробкія души. Что могло тамъ случиться?

Генераль пріостанавливался, вслушивался, но въ величавой и зловѣщей тишинѣ не раздавалось ни одного звука... Совсѣмъ мертво было кругомъ все, доступное глазу...

— Вонъ, вонъ что-то?..

Наши насторожились, прислушиваясь...

Въ сторонѣ что-то шуршало...

— Это, вашъбродъ, снѣгъ... Сорвался съ кручи...

Дѣйствительно, большая глыба снѣга сползла внизъ и рассыпалась тамъ въ туманѣ, клубившемся на днѣ долины.

Брустверь траншеи все вырастаетъ и вырастаетъ... Вонъ онъ совсѣмъ близко уже... За нимъ должны быть люди.. Ихъ ужъ и видѣть надо-бы...

Одного замѣтно, впрочемъ... Вонъ онъ разлегся, заснулъ, должно быть, позади траншеи... Свернулся въ комокъ и заснулъ... И свернулся-то какъ. Видимо, старался занять на

снѣгу какъ можно менѣе мѣста, чтобы теплѣе было, чтобы не предоставить непогодѣ и холоду слишкомъ много своего тѣла...

— Скрутился совсѣмъ...

— Эй, ты... Молодецъ!..

Скорчившійся солдатикъ молчитъ, только кончикъ рыжаго башлыка торчитъ прямо на встрѣчу генералу.

— Красавецъ!..

Но красавецъ и ухомъ не ведетъ.

— Затомился, сердешной!.. Совсѣмъ затомился. Не слышать ему насъ теперь!..

Казакъ бросился было къ нему, наклонился, приподнялъ руку спавшаго... Но тотъ, какъ-будто нарочно, такъ крѣпко прижалъ ее къ боку, что не отогнуть... Казакъ попробовалъ за голову—вмѣстѣ съ головой поднялось и тѣло все... Опустилъ—и все рухнуло въ снѣгъ... Казакъ опѣшилъ и отодвинулся прочь.

— Ну, что?

— Замерзъ, ваше превосходительство... заоченѣлъ ужъ...

— И солдатикъ-то молодой... Ахъ ты бѣдный, бѣдный...

А у того, у бѣднаго-то, губа немного вверху всползла, открывая бѣлыя десны... Глаза закрыты... Руки въ рукавъ одна другой засунуты... Скрючены ноги къ животу и колѣни согнуты...

— Когда его такъ могло... Некому-то и подобрать видно...

— Кому тутъ подбирать, давай Богъ самимъ-то выстоять, что ужъ о другихъ думать. Не приходится...

Хотѣлось старику генералу пошутить... Ободрить своихъ... Да шутка на полусловѣ замерла... Такъ и смолчалъ...

Вотъ ужъ и траншея...

Вотъ она — передъ ними; что-же они не идутъ... Что-же они остановились какъ вкопанные?

— Господи, Боже мой!... Сколько на свѣтѣ живу — ничего не видѣлъ подобнаго...

И старикъ крестится... крестятся и остальные за нимъ...

— Да неужли-жъ всё?... Здорово, ребята?..

Какъ странноъ этотъ громкій крикъ въ мертвой пустынѣ... Чѣмъ-то чуждымъ ей онъ прозвучалъ здѣсь и погасъ, не вызвавъ отвѣта.

— Здорово, ребята!.. — Голосъ дрожить отъ волненія. — Плевну наши взяли...

Траншея молчить, по прежнему...

— Да, вѣдь, не можетъ быть... Кто тутъ живъ, отзовись...

То-же безмолвіе, что и въ первый разъ...

Съ ума сойти можно... Сна такого страшнаго не увидишь... Сказки не придумаешь ужаснѣе этой дѣйствительности.

Всѣ, всѣ... Какъ есть всѣ!.. Повторяетъ генераль, входя въ траншею...

Въ снѣгу внутри траншеи въ разныхъ положеніяхъ сидѣли, лежали и даже стояли, опершись о брустверь, люди...

Нѣкоторые были совсѣмъ зачуханы снѣгомъ, другіе нашли видимо уголки, куда онъ не падалъ... Но отъ этого имъ не было легче.

Вонъ, у самыхъ ногъ генерала, сидитъ, охвативъ колѣни руками, офицеръ... Кепка сползла на самые глаза, мѣшаетъ ему видѣть, да если-бы и не мѣшала, все равно онъ ничего бы не увидѣлъ. Попробовали было его шевельнуть — онъ какъ деревянный упалъ на бокъ, причемъ ни колѣни, ни охватывавшія ихъ руки не измѣнили своего положенія... Вонъ рядомъ вытянулся и лежитъ солдатъ... Синія щеки... Бѣлыя губы... бѣлѣе щекъ... Широко раскрытые глаза... Что онъ допрашивается ими у этого суроваго неба... Чего ему нужно отъ него?.. Вонъ подальше, третій взялъ ружье, да такъ и застылъ съ нимъ... Снѣгу набилось въ дуло... Бѣлой пуховочкой надъ нимъ торчитъ...

— Да часовые-то живы?

Никто изъ нихъ не отзывается.

Генераль шевельнулъ одного за плечо — не оборачивается...

Что-то ужъ очень внимательно смотритъ за брустверь, такъ внимательно, что не слышитъ даже голосовъ позади себя, не чувствуетъ руки, опущенной на его плечо...

И такъ по всей траншеѣ... Человѣкъ сорокъ здѣсь осталось и всѣ они спать.

Тяжелая ночь выдалась — отдыхаютъ болѣзные...

— Сердешные вы мои! — всхлипываетъ генераль... „Войну Каинъ выдумалъ“ — вспоминаетъ адъютантъ...

— Да не можетъ-же быть, чтобы всѣ...

Разумѣется не можетъ... Вонъ одинъ въ сторонѣ шевельнулся... Казакъ попробовалъ поднять его — не смогъ... Товарища позовалъ... Стали оттирать... Оттирали, оттирали — бросили...

— Ну?.. Чтожъ вы, ребята...

— Ничего не подѣлаешь, кончился... Совсѣмъ кончился...

Теперь уже взглядъ этихъ, за минуту назадъ еще видѣвшихъ, глазъ остеклѣлъ... Только удивленіе въ нихъ замерло къ чему-то, показавшемуся въ послѣднее мгновеніе.

— Поручикъ... Сейчасъ съ казакомъ спуститесь, садитесь на коней и на ближайшую позицію...

— Слушаю-съ...

— Чтобы сію минуту прислали людей... Этихъ не спасешь... Но, вѣдь, турки тоже не дураки... Я думаю и то дивятся, чего молчатъ наши... Какъ-бы нападенія не сдѣлали...

— А ваше превосходительство какъ-же?

— Я побуду здѣсь пока... Ну, живо, поручикъ...

Генераль одинъ остался въ этой мертвой траншеѣ.

Одинъ, вглядываясь въ неподвижныя лица, одинъ, зорко присматриваясь за брустверь въ неопредѣленную черту турецкихъ позицій.

Не долго онъ, впрочемъ, наблюдалъ за нею...

Не осилилъ... Сълъ тутъ-же и зарыдалъ безсильными старческими слезами... Некого ему было стыдиться, кругомъ были разбросаны одни трупы... Новыя жертвы ночнаго боя съ зимой, съ морозомъ, съ лютующей на этихъ вершинахъ природой... А тучи вверху ползли все тѣ-же сѣрыя, однообразныя, грузныя, неся въ своихъ нѣдрахъ тысячи смертей... Противъ кого еще ополчились онѣ?..

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns, symmetrical about a central vertical axis, framing the text.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

РАСПИСКА

ГЛАВА I.

Полуразоренный Казанлыкъ весь переполненъ турецкими обозами, проходящими черезъ него свѣжими войсками, длинными поѣздами раненыхъ аскеровъ, которыхъ въ тряскихъ арбахъ свозятъ отвсюду въ больницы, гдѣ съ утра до ночи хлопочуть греческіе и армянскіе доктора, вмѣстѣ съ англійскими врачами, присланными сюда изъ Константинополя. Голыя вѣтви деревьевъ въ садахъ, дома, оставшіеся безъ кровель лослѣ пожара, слѣдовавшаго по пятамъ за таборами Сулеймана, монастырь обращенный въ хозяйственный складъ, церкви, въ которыхъ помѣстились солдаты — все это производило впечатлѣніе какого-то невообразимаго хаоса. Крики и гвалтъ съ утра стояли надъ этимъ городомъ, съ улицъ перебрасывались въ дома, изъ домовъ на улицы. Густыя озабоченныя толпы сновали съ конца въ конецъ. Скрипучія арбы тонули въ жидкомъ мѣсивѣ талаго снѣга и грязи; порою сквозь всю эту суматоху неслись, сломя голову и топча пѣшеходовъ, всадники. Съ крикомъ „хабарда“ проскакивали черкесы на своихъ мелкорослыхъ бойкихъ конькахъ, торопясь еще засвѣтло попасть зачѣмъ-то на шипкинскія позиціи. Въ

тысячеголосой толпѣ какъ тѣни скользили женщины, закутанныя въ черныя покрывала, по крестьянскому обычаю; изрѣдка щеголеватыя жены поставщиковъ и высшихъ офицеровъ турецкой арміи, сопровождаемыя уродливыми ханумами и феллашками, переходили изъ одного дома въ другой, или проѣзжали на коняхъ, старательно закутывая свои лица и только изрѣдка обдавая горячимъ взглядомъ черныхъ глазъ молодаго бимбаши, вырвавшагося въ Казанлыкѣ съ боевыхъ позицій на отдыхъ. Порою показывались здѣсь и европейскіе офицеры, австрійскіе или англійскіе, уже облекшіеся въ турецкія фески, казавшіеся уродливыми на рыжихъ волосахъ британскихъ ненавистниковъ Россіи и всего русскаго... Когда двигались съ юга новыя таборы и музыка играла унылый маршъ, на улицахъ Казанлыка подымалась давка невообразимая...

— Слава Аллаху! Къ намъ еще войска пришли.

— Да, теперь урусамъ скверно будетъ.

— Всѣ погибнуть!.. Нашъ султанъ могущественъ... Если онъ до сихъ поръ терпѣлъ всѣ дерзости московскихъ собакъ — такъ только изъ милосердія.

— Ужъ они и то гибнутъ теперь, какъ черви въ яблокѣ, брошенномъ на снѣгъ.

— Наши изъ Габрова дали знать — плохо имъ придется тамъ... Всѣ переморожены.

— Самъ Аллахъ за насъ... Онъ бурей истребитъ ихъ.

Красивые, смуглые албанскіе солдаты казались далеко не восхищающимися перспективою боя съ русскими. Ихъ оторвали отъ семей, совсѣмъ еще юношами... Что-жъ, муллы вѣдь объясняли имъ, что всѣмъ надо идти сражаться за вѣру, за пророка, за султана.

— Истребите ихъ побольше, не жалѣйте гяуровъ! — кричала имъ радостная толпа.

А рядомъ по другой сторонѣ широкой улицы, главной въ Казанлыкѣ, двигались арбы съ ранеными и больными...

Эти не кричали. Съ болью разжимали вѣки, смотрѣли и

новые таборы и опять закрывали глаза, стараясь не выдать стона нечеловѣческой муки.

На встрѣчу солдатамъ выходили и женщины. Эти кидали имъ шитыя шелками полотенца, сласти, и молча отходили назадъ, не осмѣливаясь слить свои голоса съ восторженными криками толпы.

Въ суматохѣ этой была и Айша.

Она сильно перемѣнилась за нѣсколько дней. Похудѣла. Большіе черные глаза стали еще больше... Горѣли почти лихорадочнымъ свѣтомъ. Она все думала о Габровѣ, о добрыхъ сестрахъ, о Соймоновѣ. Она было задумывала бѣжать назадъ — да горы казались отсюда слишкомъ высоки... Черезъ турецкія позиціи не пропустятъ... А сквозь ущелья тоже нельзя — наткнешься на болгаръ или на баши-бузуковъ. На Топлишь-бы пойти черезъ Куруджу, да тамъ тоже болгары живутъ, а они не пожалѣютъ... Не мало въ Казанлыкѣ рассказываютъ про эти ужасы... Еще недавно цѣлая семья двинулась туда, къ отцу, что оставался въ Габровѣ у русскихъ. Такъ и не дошла. Въ деревенскомъ ущельѣ нашли потомъ ихъ трупы съ перерѣзанными горлами, съ пробитыми пулями грудями... Жестокое время, когда и женщинѣ и ребенку одинаково грозитъ опасность!..

Айша вышла на улицу вмѣстѣ со старухою, женою паши...

Та привязалась къ дѣвушкѣ. Сначала было заговорила зависть къ ея красотѣ и молодости, а потомъ сообразила, что вѣдь все равно, кого-нибудь возьметъ паша, такъ ужъ лучше эту — эта добрая, послушная.

— Тебѣ хорошо будетъ! — Приставала къ Айшѣ старуха. Та первое время только отмалчивалась.

— Ты слышишь, тебѣ совсѣмъ хорошо будетъ... Въ шелкахъ ходить станешь, сладко ѣсть, на мягкомъ спать...

— О чемъ ты это, матушка?..

— А о томъ, когда тебя Эйюбъ нашъ за себя возьметъ.

— Какъ это?

— Да вѣдь ты и теперь у него въ гаремѣ, ну и останешься совсѣмъ. Братъ твой ничего не будетъ имѣть противъ этого... Ему еще лучше... Паша и ему поможетъ...

— Я не хочу идти за пашу...

— Отчего? — въ который уже разъ изумлялась старуха.

Айшу точно что-то за языкъ дергало — ей хотѣлось кому-нибудь рассказать о Соймоновѣ, о томъ, какъ она его любитъ, какъ добры къ ней русскіе, какъ, вообще, хорошо съ ними, и, разумѣется, рассказала-бы, да разъ, какъ-то, она видѣла слѣдующую сцену. По казанлыкской улицѣ вели русскаго плѣннаго. Онъ обливался кровью, одна нога была перебита, черезъ все лицо шла рана поперекъ... Едва ползъ, опираясь на палку... Старуха-жена Эйюба, увидѣвъ его, озлобилась, во все горло и на всю улицу стала выкрикивать:

— Гяурь, христіанскій песь... Отчего тебя не пришибли по пути, что это за солдаты!.. Они должны были сжарить тебя на медленномъ огнѣ...

Солдату, довольно наслушавшемуся этихъ озлобленныхъ ругательствъ — было не въ диковинку. Онъ понималъ ихъ по тону... онъ даже не повернулъ головы...

Тогда старуха стала швырять въ него камнями.

Айшѣ всякій разъ, какъ она хотѣла рассказывать ей о русскихъ, вспоминался и этотъ случай... Какъ тогда свело всю старуху. Она дрожала отъ злости; по ея лицу бѣжали судороги.

Еще-бы! Айша-бы даже не осмѣлилась спорить съ нею. Слово защиты таяло на ея губкахъ прежде, чѣмъ оно могло быть произнесено!

Развѣ въ первый походъ русскихъ за Балканы не былъ зарѣзанъ болгарами братъ этой старухи, развѣ они не сожгли ея дома, не раззорили чифтлика, гдѣ она привыкла проводить лѣто, гдѣ каждое дерево было взлелѣяно ею!

— Русскіе изверги, — говорила она.

— Я знаю русскихъ женщинъ, онѣ... начинала было Айша.

— Я тебѣ говорю, что всѣ они — демоны злые! бѣсилась старуха.

— А тѣ ходили за нашими ранеными!..

— Ты молода, еще не понимаешь! Они вылечать нашихъ раненыхъ и отправятъ ихъ въ Россію затѣмъ, что-бы тамъ ихъ казнить! О русскіе хитры... Они-бы и тебя взяли съ собою, заставили перемѣнить вѣру и сдѣлали-бы своею рабынею. Ты-бы у нихъ ходила въ лохмотьяхъ, томилась-бы на самыхъ черныхъ работахъ.

— Они мнѣ ничего не говорили о вѣрѣ.

— Потомъ когда увезли-бы тебя въ Россію... Они со всѣми нашими такъ... Самыхъ упорныхъ заставляютъ пасти нечистыхъ свиней!.. Это подлое, жадное племя!..

И она вся дрожала отъ злости и негодованія!..

Ея мужъ было старо-турокъ. Въ то время, какъ Вейсиль и Леманъ паши брали плѣнныхъ, онъ никогда не дѣлалъ такихъ „глупостей“. Если къ нему въ руки попадались русскіе, онъ, поморивъ ихъ за надежнымъ карауломъ, отдавалъ потомъ на потѣху своимъ солдатамъ.

Тѣ и тѣшились! Потомъ изуродованныя тѣла враговъ сбрасывались съ балканскихъ кручъ прямо внизъ и дѣлу конецъ... Въ спискахъ русскихъ еще однимъ безвѣстно пропавшимъ дѣлалось болѣе.

— Побѣжденнымъ смерть! По корану разсуждалъ Хюсни... Размечите ихъ — чтобы жены ихъ и дочери долго плакали о судьбѣ своихъ мужей и отцовъ... Слезы женщинъ пріятны побѣдителямъ... Пусть дѣти ихъ растутъ въ страхѣ къ нашему могуществу... Пусть они знаютъ, что никто, поднявшій на насъ оружіе, не получитъ пощады!..

Мулламъ нравился Хюсни больше всѣхъ.

— Эхъ, еслибы у насъ всѣ думали такъ, какъ ты. Славное время Махмудовъ и Селимовъ скоро-бы вернулось и поганыхъ франковъ не было-бы вовсе между правовѣрными!..

Въ бессонныя ночи Айша мучилась неопредѣленными опасеніями.

Ей все чудился Соймоновъ — измученный, обливающийся кровью, бессильно распростертый на ледяной поверхности Балканъ...

Сердце такъ и стремилось къ нему, а ненавистная клѣтка держала здѣсь въ душныхъ комнатахъ казанльскаго гарема. Она даже писала своему брату. „Если попадется тебѣ, или кому изъ вашихъ, въ плѣнъ докторъ (хекимъ баша) Сойманъ — спаси его, потому что онъ спасъ меня и многихъ другихъ изъ нашихъ“. Выходя въ конецъ города, откуда были видны на сѣверъ грозныя вершины засыпанныхъ снѣгами горъ, она съ отчаяніемъ всматривалась туда и когда надъ ними точно курился бѣлый дымокъ, сердце ея сжималось тоскою и болью. Она хорошо понимала, что это горная мятель бушуетъ тамъ и злится, что посреди мятели быть можетъ умираетъ онъ.

Онъ, который ей дороже брата, дороже всѣхъ своихъ...

И еще пристальнѣе она всматривалась въ эти клубы бѣлаго дыма, точно вотъ-вотъ онъ долженъ разорваться и показать ей дорогое, милое лицо любимаго человѣка... Но сколько она не глядѣла туда, — краски дня блекли, свѣтъ вечерній зари отторалъ на горныхъ склонахъ и они сами погружались въ смутное марево зимнихъ сумерекъ, не показавъ ей ничего и никого.

Айша для новой бессонной ночи уходила домой.

Какъ-то шла по улицѣ — видитъ знакомое лицо... Турокъ!.. Гдѣ его видѣла?

Всмотрѣлась и вспомнила — въ Габровѣ.

Подошла, забылась совсѣмъ, даже за руку его схватила...

Тотъ тоже остановился, недоумѣло смотреть на нее.

— Изъ Габрова, давно-ли, какъ попалъ сюда.

— Бѣжалъ, ханумъ!

— Что такъ?

— Это ты, Айша! А я думалъ кто... Наконецъ разобралъ

и онъ, изъ подъ слегка приподнятаго покрывала, черты ея лица.

— Что въ Габровѣ?

— А тебя считаютъ тамъ умершею... Думаютъ, что ты замерзла по дорогѣ.

Что-то кольнуло ее въ сердце.

И онъ, значить, тоже считаетъ ее умершею.

— Докторъ съ горь пріѣзжалъ тебя искать — такъ и уѣхалъ.

— Сестры, что?

— Русскія?.. Тамъ-же все въ монастырѣ работаютъ... Мулла про тебя въ мечети сказалъ, что ты совсѣмъ къ русскимъ ушла!.. А ты вотъ гдѣ!..

Значить можно пробраться туда?.. Вѣдь прошелъ-же этотъ.

— Какъ ты прошелъ?

— Думалъ пропаду, да слава Аллаху, къ своимъ попалъ — тѣ вывели!..

— Ты вѣрно любишь кого-нибудь, — приставала къ ней старуха.

Айша потупилась.

— Ну вотъ, всѣ вы дѣвушки такія... Тебѣ счастье въ руки идетъ, лови... Ты пашѣ самому нравишься и какъ еще... Второй женой у него будешь... Я стара, скоро умру... Одна останешься, богатой будешь и счастливой...

Айша только отмалчивалась.

— У него въ Эдирне (Адрианополѣ) гаремлыкъ какой!..

И старая Гюльма давай расписывать прелести адрианопольскаго конака паша.

Айша жила только одной надеждой... Она видѣла русскихъ, знала ихъ лучше, чѣмъ всѣ эти. Она знала, что, рано или поздно, русскіе должны побѣдить... Они займутъ Казанлыкъ и тогда, можетъ быть, она увидитъ Соймонова... Займутъ Казанлыкъ! Да, вѣдь, значить, бой будетъ, можетъ быть убьютъ ея брата, сколько погибнетъ мусульманъ при этомъ... И лова

себя на этой мысли, Айша вздрагивала, считала себя чуть не преступницей.

Какъ-то по Казанлыку вѣсть прошла — проведутъ русскихъ плѣнныхъ.

„Нѣтъ-ли и его между ними“?

И Айша, наскоро завернувшись въ свое покрывало, бросилась навстрѣчу... За городомъ натѣнулась на партію оборванныхъ, измученныхъ солдатъ... Турки ихъ безпощадно подгоняли прикладами ружей... Она внимательно всматривалась въ лица плѣнныхъ... Каждого пропускала мимо себя... Все чужіе... Ни одного знакомаго не видно... Вотъ одинъ ослабѣлъ совсѣмъ, ноги подкосились... упалъ.

Стали надъ нимъ турки, толкуютъ про себя.

Остановились и другіе плѣнные, какъ усталое стадо, опустивъ головы и видимо не сознавая, что дѣлается кругомъ.

Одинъ изъ конвойныхъ подошелъ къ упавшему. Пошевелилъ его ногой...

— Моченьки моей нѣтъ... Ой, смертушка... Голубчики, — стоналъ тотъ.

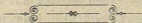
Конвойный подумалъ — подумалъ, поднялъ ружье... Приложился и выстрѣлилъ ему въ високъ.

Плѣнный вытянулся, точно ему легче стало... Маленькая струйка крови... Выраженіе спокойствія на лицѣ...

Остальные, также опустивъ головы, также молча, двинулись по направленію къ городу...

Его между ними не было.

И Айша еще разъ поблагодарила Бога:

Г л а в а П.

В ъ г а р е м ѣ.

Н е смотря на зиму, теплая ночь охватывала Казанлыкъ отовсюду, когда Айша шла домой по шумнымъ еще улицамъ турецкаго города.

Туманъ окуталъ вершины Балканъ, и какъ она ни всматривалась на сѣверъ — ей ничего не удавалось различить въ однообразномъ сумракѣ далей. Только верстахъ въ двухъ гдѣ-то свѣтились огоньки, должно-быть, запоздавшій на Шипку таборъ низама остановился тамъ и разложилъ костры, выжидая утренней зари, чтобы двинуться дальше, на обледенѣлыя скаты этихъ могучихъ, горныхъ массъ.

Айша кралась по стѣнкамъ домовъ, пугливо озирая встрѣчныхъ. Она была одна между ними. Ей совсѣмъ страшно казалось еще нѣсколько минутъ провести среди этой озабоченной толпы.

Также по улицамъ скрипѣли обозы, и медлительные буйволы, задумчиво покачивая, подъ низкимъ ярмомъ, свои рогатые головы, тащили громадныя арбы, доверху наполненныя рисомъ, галетами, платьемъ для аскеровъ, опанками. На бойкихъ лошаденкахъ кавалеристы сновали между ними, давя

прохожихъ и выкрикивая, уже охриплымъ голосомъ, свое: „хабарда“. Изрѣдка черкесь, низко-низко наклонясь къ сѣдлу, словно стрѣла пронизывалъ эту толпу, повидимому, торопясь куда-то поспѣть съ важнымъ извѣстіемъ... Казалось тутъ и рысью не пробраться въ живомъ мѣсивѣ сотенъ и тысячъ воловъ и людей, въ скрипучемъ царствѣ безобразныхъ арбъ, заслонявшихъ входы въ переулки — а черкесь неся въ карьеръ и вездѣ находилъ себѣ дорогу. Въ окнахъ домовъ по главной улицѣ, гдѣ были расположены больницы, сверкали огни; другія окна, казалось, совсѣмъ опустили вѣки и заснули до утра. Тьма смотрѣла изъ нихъ на эту шумную и ночью улицу...

На поворотѣ передъ Айшею легла опять совсѣмъ пустынная, обставленная темными домами, молчаливая улица. Она скользнула туда... Яркія звѣзды свѣтились вверху, на темно-синихъ ночныхъ небесахъ.

— На какую звѣзду теперь смотреть онъ? — мелькнуло у нея въ головѣ, и Айша стала пристально вematриваться въ одну, сверкавшую, какъ ей казалось, прямо надъ вершиною св. Николая.

Вонъ луна прорѣзалась... Изъ-за минарета засіяла своимъ серебряннымъ краемъ... Совсѣмъ черный минаретъ кажется еще чернѣе на ея свѣтломъ дискѣ...

Она взглянула опять на сѣверъ. Тумана какъ не бывало... Свѣтлая ночь густилась тамъ голубыми сумерками...

„Теперь — думала Айша — мѣсяцъ ярко освѣщаетъ горы... Серебрятся ихъ скаты подъ его ласковымъ свѣтомъ. Смотритъ-ли онъ со своихъ вершинъ, отыскиваетъ-ли его взглядъ маленькую Айшу свою, какъ она ищетъ его?“

Лунный свѣтъ и на безлюдную улицу легъ своимъ мечтательнымъ, точно зыблющимся сіяніемъ...

Черные дома по сторонамъ стали еще чернѣе... Изрѣдка, гдѣ-нибудь, хлопала калитка, на улицу выглядывало робкое лицо женщины и снова пряталось... Съ вышины минарета слышался печальный крикъ муэззина.

Впереди показалась какая-то маленькая дѣвочка.

— Рая? — брадовалась ей Айша.

Рая отыскала руку Айши и поцѣловала ее.

— Куда ты?

— Такъ... Завтра насъ увозятъ съ мамой.

— Далеко?

— Въ Люле-Бургасъ... Къ папѣ въ гаремъ... Сказываютъ — тамъ въ вашу вѣру переведутъ...

— Что-же, тебѣ жаль Казанлыка?

— Мама плачетъ. Сегодня цѣлый день плачетъ.

— А ты?

— Говорятъ, у паши весело... Музыка. Нашъ папа богатый, очень богатый!

— А объ отцѣ своемъ забыла?

— Отца зарѣзали турки... — совершенно равнодушно уронила Рая. — Мама говоритъ, что онъ больше не встанетъ... Мы его зарыли тогда. Вырыли ямку, положили туда отца и забросали землей... Онъ не встанетъ...

— Что-же, тебѣ не жаль его развѣ?

— Жаль!.. А только у паши будетъ весело... Старая Гюми намъ много про него рассказывала... Намъ у него хорошо будетъ... У меня шелковые шальвары есть...

— Куда-же ты теперь?

— Такъ, на улицу взглянуть... У насъ тихо все... Гюми спитъ... Мать плачетъ сидить... Скучно. Гюми говоритъ, что и тебя скоро повезутъ...

— Куда? — встрепенулась Айша.

— А развѣ ты не знала? Гюми знаетъ это.

— Куда-же повезутъ?

— Въ Эдирне... *) Туда твой папа поѣдетъ...

— Какъ скоро?

— А только вотъ русскихъ всѣхъ выгонятъ, тогда и по-

*) Эдирне — Адрианополь.

везуть. Тебѣ тоже хорошо будетъ. Гюми говорить, что твой паша еще богаче нашего... У него въ комнатахъ деревья въ цвѣтахъ стоятъ, и на цвѣтахъ сидятъ и поютъ красныя птицы; Гюми разъ была у него въ домѣ — она знаетъ! Она всё знаетъ!..

„Ну, долго-же ждать, когда они русскихъ прогонять!“ — подумала Айша про себя... — „Очень долго! Этакъ мы успѣемъ уйти отсюда...“

— Прощай, Айша! — заторопилась дѣвочка. — Теперь я совсѣмъ турчанкой буду...

— Прощай, Рая...

И маленькая фигурка скользнула въ калитку совсѣмъ слѣпаго дома, выходящаго на улицу заднимъ фасадомъ; ни одного окна не было въ немъ.

Айшѣ не хотѣлось еще идти домой. Она знала, что старая Гюльма не спитъ, станетъ приставать къ ней съ разсказами о томъ, какъ скоро турки начнутъ вырѣзывать всѣхъ русскихъ, какъ уцѣлѣвшихъ потопить въ Дунаѣ и истребить даже ихъ женъ и дѣтей, что-бы на свѣтѣ какъ можно меньше оставалось этого проклятаго племени. Она повернула въ другую улицу. Та уже выходила на окраину города; за нею видны смутно намѣчивающіяся туманныя облака обезлиствѣвшихъ садовъ и рощъ, со всѣхъ сторонъ ревниво обступившихъ мирныя еще недавно села этой счастливой долины розъ. Теперь эти деревни пусты, совсѣмъ пусты... Только хоронящійся отъ свѣта мародеръ, да бродячія шайки бани-бузуковъ засѣли въ пустыхъ руинахъ. Изрѣдка гулкой раскатъ выстрѣла...

Айша оглянулась назадъ — бѣлый городъ точно наступаетъ на нее оттуда... Бѣлые минареты рвутся вверхъ изъ охватившей ихъ отовсюду массы домовъ... Эти улицы, примыкающія къ окраинамъ города, совсѣмъ раззорены. Рѣдкій домъ уцѣлѣлъ. Разбитыя стѣны, выдавленные окна, раззоренныя сады... Тутъ вотъ заборъ проломанъ и вся внутренность еще недавно богатаго болгарскаго двора видна насквозь...

Вонъ домъ богатаго шпаньола — мѣстнаго еврея, ведущаго свой родъ отъ тѣхъ, что когда-то переселились сюда изъ Испаніи. Самъ хозяинъ давно убрался въ Константинополь отъ боевыхъ тревогъ. Домъ его стоитъ совсѣмъ пустой... На стѣнахъ рисунки. Желѣзная дорога на всѣхъ парахъ влетаетъ въ какую-то турецкую надпись. Иуда Маккавей грозитъ съ боковаго забора своимъ размалеваннымъ мечемъ. Изъ оконъ, защищенныхъ желѣзными рѣшетками, мерцаютъ огни; при свѣтѣ ихъ Айша различаетъ лица больныхъ. На дворѣ цѣлая толпа турецкихъ санитаровъ дѣлать на больныхъ пищу...

Казанлыкъ одинъ изъ лучшихъ турецкихъ городовъ. Во всякомъ случаѣ — здѣсь наиболѣе просторныя улицы и наиболѣе прямыя. Вотъ какъ онъ занесенъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ перваго знакомства, въ мою записную книжку: „Улицы чѣмъ дальше, тѣмъ становятся все лучше и лучше. На улицу выходятъ амбары, сараи, конюшни. Сквозь калитку входишь въ первый дворъ — передъ вами опять видна въ стѣнѣ калитка. Только перейдя черезъ нее, вступаешь въ красивый дворъ, посреди котораго большой домъ на двѣ половины. Вотъ, напримѣръ, тотъ, гдѣ остановились мы: деревянное рѣзное крыльцо ведетъ въ двое сѣней рядомъ; изъ каждаго сѣней входъ въ просторную комнату; въ стѣну ея вдѣланы шкапы, украшенные чернымъ деревомъ, орѣхомъ, палисандромъ. Шеапы въ задней стѣнѣ такъ велики, что могутъ замѣнить спальню. Вокругъ стѣны большая мягкая софа. Потолокъ орѣховаго дерева. Около печки дверь въ стѣну; черезъ нее входишь въ маленькую баньку, чистенькую, красивую; вверху ея куполь. Въ куполѣ прорѣзано пять круглыхъ отверстій, такъ что банька днемъ освѣщается оттуда, полъ мраморный. Два казана съ водою врѣзаны въ самую печь, такъ что, топя комнаты, тѣмъ самымъ нагрѣваете и баню. Въ стѣнѣ бани окно въ комнату. Ставя отсюда за стекло свѣчку, вечеромъ освѣщаете баню и комнату. Въ домѣ двѣ

такихъ комнаты, двое бань, двое сѣней. Подъ домою чистый и просторный погребъ. Передъ крыльцомъ густыя изгороди миртъ, кусты розъ, айвовыя, персиковыя и грушевыя деревья. Посреди двора на очень высокихъ столбахъ сѣнь изъ виноградныхъ лозъ; подъ нею въ жаркое лѣто — приятная прохлада... Красиво даже зимою. По краямъ двора колышутся подъ вѣтромъ высокія, пирамидальныя тополи... Особенно хороши они въ лунныя ночи, облитые яркимъ сіяніемъ мѣсяца.

Дома болгарскіе раззорены и разрушены. Ихъ легко отличить отъ мусульманскихъ. Домъ христіанина весь наружу, онъ не прячется за заборомъ посреди двора... Мусульманское жильё устроено иначе. За первымъ дворомъ — еще дворъ; на немъ мелкія гаремныя постройки, потомъ опять дворъ. Сквозь изгороди внутреннихъ дворовъ можно проходить въ крохотныя калитки, въ которыхъ приходится изгибаться въ три погибели, шмыгать, а не идти. Въ нѣкоторыхъ гаремахъ стѣны разрисованы цвѣтами, на нихъ висятъ, красками по золотому фону, очаровательно исполненныя, надписи изъ корана; тысячи арабесокъ выются въ самые прихотливые узоры.

Вездѣ фонтаны, во дворахъ домовъ колодцы.

Обиліе воды и тѣни!

Мечетей въ городѣ очень много, но всѣ они бѣдны и некрасивы. На окраинѣ женскій монастырь, гдѣ въ иконостасѣ церкви черкесы, ограбившіе обитель, стрѣляли изъ своихъ магазинныхъ ружей по лицамъ иконъ. За то они иначе и не оскорбляли храмовъ. Не дѣлали изъ нихъ конюшенъ. Турки въ такихъ случаяхъ относятся съ большимъ уваженіемъ къ христіанскимъ святынямъ, чѣмъ мы къ мусульманскимъ. Они, все-таки не северняютъ ихъ... Я помню, во что были обращены нашими солдатами мечети Систова, Тырнова, Плевны. Стыдно за своихъ. У турокъ иначе. Шипка разрушена вся — церковь цѣла. Въ Казанлыкѣ и церковь не тронута и монастырь какъ былъ.

Айша забралась на одну площадку.

Передъ ней темнѣла всѣми своими окнами старая мечеть. Высокій минаретъ ея тонулъ въ воздухѣ, вырѣзываясь на голубомъ небѣ своею острою верхушкою. На лѣво обезлиствѣвшая вздрагивала подѣ легкимъ дыханіемъ ночнаго вѣтерка старая тополь. Меланхолически журчалъ фонтанъ, гоня холодную струю въ мраморный бассейнъ.

Ей хорошо было здѣсь... Она часто уходила сюда — думать и мечтать.

Молодая турчанка вѣрила въ скорый конецъ войны. Она старалась не думать о новыхъ битвахъ, о тѣхъ рѣкахъ крови, по которымъ люди эти доплывутъ до міра и спокойствія. Ей жутко было слышать далекіе отголоски шишкинскихъ орудій; она внала отъ себя тяжелыя мысли о новыхъ жертвахъ. Иногда ей представлялось невозможная, страшная картина — какъ ея братъ сцѣпился съ Соймоновымъ, какъ они душатъ и рѣжутъ другъ друга... Но тотчасъ-же, вслѣдъ за тѣмъ, успокоенное воображеніе рисовало ей инныя картины — общаго мира, далекаго загадочнаго края, куда она уйдетъ съ Соймоновымъ, куда за ней уйдетъ и ея братъ...

Что хорошаго здѣсь, на родинѣ?

Здѣсь, гдѣ женщинъ держать, какъ птицъ въ влѣткахъ, здѣсь, гдѣ никто и пикнуть не смѣетъ передъ чужою волей!.. Здѣсь, гдѣ жизнь человѣческая цѣнится ни во что...

— Ханумъ, Ханумъ!.. — послышалось изъ-за мечети.

Айша вздрогнула.

— Ханумъ... Айша?

— Я здѣсь... Кто тамъ?

— Это я... Зейнабъ.

Отвратительное черное лице съ бѣлыми бѣлками глазъ и полуоткрытымъ ртомъ показалось около.

— А что, вѣрно Гюльма зовешь?

— Да... Ужь, я знаю, гдѣ отыскать ханумъ! — хвасталась негритянка, хватая Айшу за руки и цѣлуя ее.

— Зачѣмъ ты цѣлуешь. Вѣдь я сказала тебѣ, что я такая-же несчастная рабыня, какъ и ты.

— Нѣтъ, Айша. Ты госпожа скоро будешь. Это мы, рабыни, насъ и на рынкахъ продаютъ потому... А тебя наша любить... Онъ Гюльму не любить уже — она стара вѣдь. А тебя любить. Ты скоро будешь полная хозяйка у насъ въ домѣ... Мнѣ какъ сказала Гюльма — отыщи Айшу, я и пришла сюда... Я знаю, что ты любишь это мѣсто.

Закутавшись, онѣ обѣ двинулись въ сумракъ узенькой улочки, бывшей передъ ними.

— Хорошо въ Турціи — восхищалась негритянка. — Ахъ какъ хорошо!.. Я сюда попала совсѣмъ еще молодой. Помню прежде.

— Есть еще страны, гдѣ еще лучше.

— Такихъ нѣтъ! — убѣжденно отозвалась Зейнабъ.

— Въ Россіи лучше, тамъ женщины не прячутся, онѣ свободны совсѣмъ. За кого хотять, за того и выходятъ... Тамъ нельзя жениться на двухъ... На одной только.

— Говорять, московскія женщины съ открытыми лицами ходять.

— Да.

— Ай, срамъ какой!.. То-то пророкъ отвратилъ отъ нихъ лицо свое и проклялъ ихъ. Ему противно видѣть такое безстыдство... Ты знаешь, тамъ, въ Россіи, ѣдятъ собакъ и свиней... Они всѣ нечистые... эти русскіе!..

— Кто тебѣ рассказывалъ объ этомъ?

— Ужъ я знаю... Я издалека вѣдь... Изъ такой страны, гдѣ солнце жжетъ огнемъ. У насъ пески; только у рѣкъ зелень есть... Мы голыя ходили... Никакого платья на насъ не было... А только и у насъ лучше, чѣмъ у урусовъ... Москва — проклятая страна! Турки убили моего отца и мать, когда отнимали насъ съ братомъ у нихъ; а все-таки они лучше русскихъ...

Узенькая улочка обанчивалась, упираясь въ глиняный заборъ.

Рабыня отворила калитку. Айша юркнула туда, Зейнабъ за нею.

Пробираясь по узенькой дорожкѣ между безлистными кустами розъ, онѣ дошли до втораго забора. Тутъ тоже была калитка... Постучали въ нее.

— Зейнабъ, ты? — послышался издали старушечій голосъ.

— Я... Айша со мною.

— Рада, что ноги молодья, бѣгаетъ до ночи. Погоди поживешь съ мое, станешь дома сидѣть, — ворчала старуха, отворяя калитку.

— Ночь хорошая... — стала было оправдываться Айша.

— Я ужъ дошла до того, что на ночь люблюсь лишь изъ окна. Лучше не надо...

— Я гуляла тутъ. Около мечети.

— Ой ты, Айша, Айша! Что это съ тобою? Какія это дѣвушки стали — не боятся ничего. Развѣ можно одной ходить тамъ... А если бы обидѣлъ кто?

Въ небольшой комнатѣ тускло свѣтился бумажный масляный фонарь, спускаясь по длинной веревкѣ. Полкомнаты занимала громадная софа. По ней были разбросаны подушки и одеяла. На одномъ концѣ ея лежала доска, на доскѣ дымилось блюдо горячаго риса... Въ печкѣ, въ углу комнаты, трещалъ огонекъ и слышалось за стѣною изъ бани клокотанье кипящей воды.

— Ну, что? пойдешь въ баню сначала?

— Да. — И Айша стала раздѣваться, сбрасывая на софу платье. — Жарко какъ здѣсь.

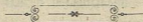
— Тебѣ жарко? А мнѣ ужъ давно холодно... Я давно уже не знаю, что значитъ жарко.

Продвинувъ пальцы ногъ въ ремни деревянныхъ башмаковъ на высокихъ подставкахъ, Айша, покачиваясь, пошла въ баню.

И я была когда-то такая! — шептала ей вслѣдъ Гюльма — Еще красивѣе была. Теперь такихъ нѣтъ уже...

— Помочь тебѣ? — предложила было негритянка.

— Нѣтъ, Зейнабъ... Я и одна справлюсь, — отозвалась уже изъ баньки Айша.

ГЛАВА III.

Вѣсти съ горъ.

Е успѣла еще Айша одѣться послѣ бани, какъ въ калитку къ нимъ кто-то застучалъ сильною мужскою рукою.

— Аллахъ! — заволновалась старуха. — Кто можетъ быть такъ поздно?... Зейнабъ, ступай, буди Гассана.

Негритянка, уже заснувшая было передъ огнемъ, живо вскочила и бросилась къ двери.

Старый Гассанъ спалъ себѣ на кошмахъ въ конюшнѣ, около лошадей и мирнаго осла, совершенно довольнаго своею участію: давно уже ему не приходилось возить никого и ничего. Съ просовья негритянка наткнулась на это терпѣливое животное.

— Ну, чего тамъ еще... Съ ума сошла, что-ли? — обернулся къ ней Гассанъ.

— Слышишь...

— Чего еще?

— Слышишь, стучать... Госпожа велѣла тебѣ подняться и отворить.

— А сама не можешь...

— Я женщина. Это слышно мужчина стучить.

— Женщина! Шайтанъ шайтаномъ, а тоже считаетъ себя женщиной, — ворчалъ Гассанъ, подымаясь.

— погоди, еще женишься на мнѣ, — пошутила Зейнабъ.

— Нѣтъ, для тебя вотъ ишака (осла) этого въ женихи хорошо... Славная парочка бѣдетъ.

Ни мало не обидѣвшаяся, Зейнабъ расхохоталась прямо въ лицо ему.

— У насъ-бы меня красавицей считали, — перешла она въ грустный тонъ.

— Такъ ты и отправляйся въ адъ, откуда пришла.

Стукъ продолжался все громче и громче.

— Сейчасъ... Чего торопишься, или Азраилъ гонится за тобою съ огненнымъ мечемъ своимъ! Должно быть аскеръ.

— Почему аскеръ?

— Потому что простой турокъ не осмѣлится стучать теперь, — сообразилъ Гассанъ.

— Солдатъ, значить отъ паши, съ Шиньи.

— Эй, кто тамъ? — Остановился Гассанъ передъ воротами.

— Живѣе отворяй.

— Кому отворять-то?.. Мало-ли васъ, бродягъ, по ночамъ шатаются, башни-бузукъ можетъ... Вы, вѣдь, и своихъ не жалѣете. Поди, ищи васъ потомъ.

— Аскеръ, аскеръ... Изъ редифовъ... — успокоилъ его за калиткой.

Гассану слышно было, какъ лошадь тамъ бьетъ копытомъ въ окрѣпшій снѣгъ.

— Отъ кого ты?

— Отъ самого паши... Отъ Хюсни паши... Дѣло есть... Да отворяй скорѣе.

— Скоро только смерть приходитъ! — философски проворчалъ Гассанъ, подымая щеколду калитки.

— Лошадь куда-бы поставить...

— А ты кто будешь?

— Омеръ... Братъ Айши.

Куда дѣвалась лѣнь! Гассанъ быстро подхватилъ его подъ руку, ввелъ во дворъ; потомъ помѣстилъ его коня въ конюшню.

— Какъ простынетъ — ячменя ему дамъ. Сѣна у насъ тоже много.

— Спасибо... Айша спитъ?

— А вотъ сейчасъ побѣгу къ нимъ. Погоди меня здѣсь.

Омеръ остался одинъ... Осель заоралъ было, привѣтствуя гостя, да неожиданно смолкъ, точно сообразилъ, что не стоитъ. Омеръ самъ разсѣдлалъ коня. Повѣсилъ уздечку на стѣну, сѣдло положилъ въ уголь и накрылъ его чепракомъ. Самъ себѣ высмотрѣлъ мѣсто — гдѣ заснуть... На случай, ежели сестра его уже въ постели.

— Иди, тебя зовутъ, господинъ! — почтительно позвалъ его Гассанъ.

Омеръ двинулся за нимъ.

Въ гаремѣ — сестра было кинулась къ нему, да Гюльма схватила ее за руку.

— Безстыдная... Закрой лицо...

— Да вѣдь онъ братъ, — попробовала было оправдаться Айша.

— Мало-ли, что братъ... Не маленькій ужъ... Все-таки мужчина.

Старуха уже плотно закуталась въ свое покрывало. Даже негритянка — и та спустила на лицо какую-то сѣрую тряпку.

— Ну, да будетъ благословенъ приходъ твой.

Омеръ сдѣлалъ селямъ и молча сѣлъ въ уголь. Первый со старшимъ онъ не осмѣлился заговорить. Старуха нѣсколько помолчала.

— Какова погода?

— Тепло...

Опять молчаніе. Айшу разбирало нетерпѣніе.

— Какой дорогой пришелъ, сынъ мой?

— Съ горь... Съ Шипки...

— Не усталъ-ли?

— Я ѣхалъ верхомъ... Паша далъ мнѣ коня.

— Какъ здоровье моего господина. Щадятъ-ли его пули невѣрныхъ?

— Слава Аллаху... Пашу я оставилъ веселымъ.

— Хорошо-ли ему тамъ?

— У него землянка большая.

— Тебя зовутъ Омеромъ, сынъ мой?

— Да...

— Ты братъ Айши?

— Ну, разумѣется, братъ, — опять вспыхнула Айша, которой казалось, что всѣмъ этимъ предварительнымъ переговорамъ конца не будетъ... — Разумѣется, братъ... Чего еще тутъ?

— Молчи, дѣвушка. Тамъ, гдѣ говоритъ старая курица — цыплята молчать должны.

— Зачѣмъ паша, мой господинъ, прислалъ тебя, юноша?

— Онъ проситъ васъ приготовить ему комнату. Завтра утромъ, чуть свѣтъ, онъ пріѣдетъ сюда съ верху... Отдохнуть на недѣлю. Тамъ холода теперь — тепла ему захотѣлось.

— Завтра паша пріѣдетъ, — сорвалось съ языка рабыни.

Гюльма тоже поднялась.

— Нужно затопить комнату, воду приготовить въ котлахъ... Ковры послать. Ну, Айша, ты останешься съ братомъ, а мнѣ нужно позаботиться, чтобы достойно принять своего повелителя.

— Онъ не одинъ пріѣдетъ.

— Вотъ еще. Кто съ нимъ?

— Инглизъ одинъ. Гауръ.

— Гауръ! Зачѣмъ? Аллахъ керимъ! Спаси насъ Магометъ отъ этихъ чужестранцевъ. Зачѣмъ еще гаура онъ съ собой везетъ?

— Гяуръ у своихъ большой начальникъ. Онъ только день пробудеть у паши и послѣ завтра вернется назадъ на Шипку. Онъ у насъ всѣми топами (пушками) завѣдуетъ. Они, инглизы, русскихъ не любятъ еще больше насъ.

— Ну, если русскихъ не любить, значитъ хорошій человекъ. Придется, значитъ, и эту комнату очистить, — заторопилась старуха. — Айша, мы съ тобой во второй дворъ перейдемъ. Зейнабъ, вели Гассану затопить здѣсь у паши печи и до утра огонь поддерживать, чтобы ему тепло было, а ты поди, топи гаремъ — мы туда утромъ перейдемъ. Ты, Омеръ, помѣстишься въ сѣняхъ — тамъ тебѣ хорошо будетъ.

— Я аскеръ, мы привыкли ко всему!..

— А пока я тебя оставлю съ сестрой!..

И старуха отправилась, гремя ключами, въ другую половину дома.

— Какъ я рада, что вижу тебя. Здоровъ-ли ты, братъ мой милый?

Омеръ поцѣловалъ полу ея покрывала.

— Здоровъ. И ни разу не былъ боленъ. Хотя у насъ холода. Это русскіе мерзнуть, какъ крысы на снѣгу, а мы зарылись въ землянки. Лѣсу у насъ вдоволь. Только, когда вотъ на часахъ — скверно. А въ остальное время у огня грѣмся.

— Ишь, у тебя лицо какое стало, — погладила она его по щекъ.

— Огрубѣло...

— Совсѣмъ мужчина ужь!.. Былъ въ бою?

— Какже... Раза два ходили мы на русскихъ.

— Ну?

— Да что, они близко не подпускаютъ... Стрѣляютъ еще издали. Мы и возвращались назадъ. Я же теперь чаушъ (фельдфебель). Паша обѣщался меня офицеромъ сдѣлать, накануне твоей свадьбы.

— Я не хочу за него идти, Омеръ.

— Глупости, Айша... Мы съ тобой бѣдные люди... Куда ты дѣнешься? За такого-же аскера, какъ я, выйдешь. Всю жизнь работать да голодать придется. За нашей лучше быть... Да ты не бойся, онъ еще не скоро собирается жениться.. Онъ говорить, что сначала пусть война окончится, а потомъ и свадьба ваша будетъ.

Айша немного успокоилась.

„Лишь-бы не сейчасъ... А тамъ еще многое перемѣнится... Да можетъ быть ей и бѣжать удастся“.

— Нѣтъ-ли извѣстій изъ Габрова какихъ-нибудь?

— Русскіе болѣютъ сильно. Каждый день ихъ сотнями туда съ горъ свозятъ замерзшихъ.

— Ничего не слышала о хекимъ-баши Соймоновѣ?

— Нѣтъ! — удивился Омеръ.

— Онъ добрый такой къ туркамъ.

— Ахъ, это молодой докторъ такой?

— Да.

— Что на горахъ у нихъ было, а потомъ въ Габрово перешель?

— Почему ты знаешь?

— Наши, которые бѣжали изъ Габрова, рассказывали, что онъ за турецкими плѣнными, какъ и за своими ходитъ. Добрый, говорятъ, и сестеръ хвалятъ... Онъ тоже ласковья!..

Айша въ неудержимомъ порывѣ схватила брата за руку и поцѣловала.

— Слава Аллаху, помиловавшему его. Значить, онъ не замерзъ.

— Говорятъ тебѣ, видѣли его въ Габровѣ.

— Недавно?

— На дняхъ.

— Что-же онъ тебѣ сдѣлалъ? Чего ты радуешься?

— Онъ меня къ сестрамъ помѣстилъ, спасъ меня отъ болгаръ! — солгала она брату.

— А!.. Ну, я-бы хотѣлъ также сдѣлать ему что-нибудь...

За добро — всегда нужно платить добромъ, даже врагу...

— Ты это можешь...

— Какъ?

— Не пойдетъ-ли кто изъ вашихъ въ Габрово?..

— Часто переодѣтые болгарами ходятъ лазутчики.

— Я напишу хекимъ-баши, а ты передай.

— Какъ ты напишешь?

— А я вѣдь выучилась у нихъ по ихнему писать...

— Ой, какая ты Айша! — съ изумленіемъ покачалъ головою Омеръ. — Чтожь ты писать ему станешь?

— Поблагодарю его за все добро, какое онъ сдѣлалъ мнѣ.

— Это ты хорошо задумала, сестра... Я на-дняхъ-же передамъ письмо твое... Къ намъ и болгары ихніе ходятъ... Наши, вѣдь, дорого платятъ за свѣдѣнія о русскихъ; болгары и предають своихъ же.

— Только не говори при старухѣ о письмѣ, — попросила, Айша.

— Хорошо, не стану.

— Къ завтраму письмо будетъ готово.

— Ну, наговорились, — вошла Гюльма. — Тебѣ, сынъ мой, я думаю и спать пора. Поѣшь, тамъ тебѣ кебабъ приготовилъ Гассанъ... А потомъ, — я на полу тебѣ постель устроила, — передъ печкой заснешь, тебѣ тепло будетъ. Если хочешь, мангалъ поставлю.

— Нѣтъ, довольно и того, что я подъ кровлей, въ домѣ... Отвыкъ ужъ совсѣмъ.

— А много-ли ты урусовъ убилъ, а?

И у Гюльмы загорѣлись глаза даже.

— Не считалъ, не знаю!.. — улыбнулся Омеръ.

— Истребляйте ихъ побольше... Чтобы никого изъ этого злаго племени не осталось... Да погодите, Аллахъ справедливъ, онъ на нихъ моръ наплетъ!

— Ихъ и безъ того много гибнетъ отъ холода.

- Ну, слава пророку!.. Это онъ на нихъ морозъ послалъ...
Только и вы ихъ тоже бейте... Нечего жалѣть ихъ!..
— Прощай, Айша!
— Прощай, Омеръ.

ГЛАВА IV.

Паша пріѣхалъ.

а другой день, паша дѣйствительно пріѣхалъ въ Казанлькь. У воротъ своего дома, какъ и слѣдовало, онъ былъ встрѣченъ Гассаномъ и Омеромъ; женщины не показывались. Они ждали своего повелителя въ гаремныхъ клѣтушкахъ, не осмѣливаясь даже появиться на первомъ дворѣ. Только одна негрятка безъ всякой церемоніи показывала свои бѣлые зубы и Хюсни-пашѣ, и сэру Грегему, пріѣхавшему сюда тоже отдохнуть послѣ долгаго шипкинскаго сидѣнія.

Сэръ Грегемъ не понималъ Хюсни-пашу; въ свою очередь, этотъ никакъ не могъ до сихъ поръ научиться нѣсколькимъ англійскимъ фразамъ, преподававшимся ему британскимъ офицеромъ. При нихъ обоихъ, въ качествѣ переводчика, состоялъ Заэдъ, омусульманившійся армянинъ изъ Константинополя. Заэдъ, числившійся въ чинѣ маіора — сахъ-калаагаси, еще годъ тому назадъ подавалъ чубуки въ одной изъ тавернъ Константинопольской Галаты. Сэръ Грегемъ разговорился съ нимъ на французскомъ языкѣ и предложилъ ему поступить къ нему на службу.

— Въ качествѣ чего? — спросилъ Вартаньянцъ, тогда еще не совершившій надъ собою великое таинство обрѣзанія.

— Въ качествѣ лакея!

— О!.. — только и могъ выговорить честолюбивый чубукчи.

— Это вамъ не нравится?

— Нѣтъ.

— Ну, а если я вамъ дамъ пять лиръ въ мѣсяцъ?

— Тогда я согласенъ быть вашимъ секретаремъ.

— И чистить сапоги?

— Пожалуй.

— И ходить за лошадыю.

— Да! Только какъ секретарь, а не какъ лакей. Мой отецъ былъ чиновникъ. Онъ служилъ въ Блистательной Портѣ.

Англичанинъ тутъ-же поручилъ секретарю осѣдлатъ себѣ лошадь, что тотъ исполнилъ съ достаточнымъ рвеніемъ.

Вполнѣ удовлетворенный этимъ, Грегемъ повезъ новаго своего секретаря въ Адрианополь. На турецкую службу вначалѣ кампаніи они поступили вмѣстѣ, причемъ Вартаньянцъ уже оказался Заэдъ-эффенди. Благодаря протекціи Грегема, его приняли офицеромъ и нашъ рассказъ застаеть бывшего чубукчи — маіоромъ.

— Что, эта у него единственная представительница прекраснаго пола? — спросилъ Грегемъ у Заэда, указывая на Зейнабъ.

— Нѣтъ... Тутъ есть настоящая жемчужина, Айша, сестра вотъ этого олуха Омера.

— О чемъ спрашиваетъ англичанинъ? — повинтересовался Хюсни.

— Онъ беспокоится о твоёмъ здоровьѣ, паша! — совралъ Заэдъ.

— Поблагодари его!..

— Что-жь, эта жемчужина не показывается совсѣмъ, что-ли?

— Айша? Ей нельзя... Женщины вѣдь не смѣютъ появляться тамъ, гдѣ есть мужчины.

— Хорошо, а если я тебѣ дамъ за это десять лиръ?

— Нельзя.

— А ты попробуй. Вѣдь она жена этого стараго болвана Хюсни!

— Что ему нужно? — спросилъ папа, услышавъ свое имя.

— Онъ изумляется твоей храбрости... Говоритъ, что такихъ пашей, какъ ты, даже у нихъ въ Англии мало...

— Скажи, что и я не разъ удивлялся его мужеству.

— Она ему вовсе не жена еще... Она дѣвушка. Онъ только собирается жениться на ней по окончаніи войны, въ Адрианополь.

— Неужели и посмотреть ее нельзя?

— Нельзя совсѣмъ. Головой за это заплатишься. Болгарки подходящія здѣсь, навѣрное, есть... Я для васъ узнаю.

— То-то... Пожалуйста... Право, когда эти подлецы русскіе отступаютъ! Какъ мухи гибнуть на своихъ вершинахъ, а держатся... Мнѣ ужъ надоѣло. Пора въ Лондонъ ѣхать.

— Османъ ихъ скоро разобьетъ подь Плевно.

— Ну, это еще вопросъ. Османъ самъ въ мышеловкѣ сидитъ.

— Да вѣдь Сулейманъ ведетъ къ нему подкрѣпленіе.

— Вчера скверныя вѣсти были.

— Какія?

— Спроси у Хюсни, что ему рассказывали у Вейсиля?

Заэдъ-эффенди спросилъ у Хюсни-паши.

— Ничего вѣрнаго нѣтъ. Гурко-папа идетъ на Сулеймана, а Османъ вчера вышелъ противъ русскихъ.

— И побѣдилъ ихъ?

— Пока неизвѣстно. Гази Османъ не дели (сумасшедшій) безъ толку не сунется... Вѣрно русскіе уже разбиты...

Отдохнувъ немного съ гостями, Хюсни крикнулъ Омера.

— Пойдемъ къ сестрѣ вмѣстѣ. Ты, вѣдь, тоже членъ семьи.

Омеръ бросился впередъ предупредить женщинъ, и когда

паша вошелъ къ нимъ, онѣ встрѣтили его, стоя, съ опущенными глазами и сложенными на груди руками.

— Здравствуй, Гюльма!.. Довольно-ли у тебя всего?

— Довольно, мой господинъ.

— Слушается-ли тебя прислуга?

— Благодарю, паша.

— Айша не скучаетъ съ тобою?

— Нѣтъ. Я ее полюбила, какъ дочку.

— Радъ этому.

Паша опустился на подушки. Омеръ сталъ въ дверяхъ.

Маленькая гаремная комнатка была очень красива.

Рѣзныя стѣны, украшенныя орѣхомъ и палисандромъ, были въ низу покрыты коврами; пестрою арабскою вязью были расписаны края ихъ наверху. Изреченія изъ корана изъ золотыхъ переливались въ красныя, голубыя и зеленныя. Съ небольшихъ жердочекъ, вися на серебряныхъ цѣпочкахъ, колыхались пестрыя чучела птицъ; внизу — всюду были разбросаны на большой, почти всю комнату занимавшей, софѣ подушки. Софа была покрыта бѣлымъ войлокомъ, шитымъ золотомъ и шелками; подушки тоже бросались въ глаза изящными арабесками изъ краснаго и желтаго, съ серебромъ, шелка по черному полю. Толстый коверъ покрывалъ полъ. Въ самомъ углу холодная струйка воды падала въ мраморную раковину... На Айшѣ вмѣсто покрывала была бѣлая крѣповая накидка, шитая бѣлыми арабесками. Маленькія ножки въ пестрыхъ чулкахъ небрежно, какъ-будто, едва касались красныхъ, шитыхъ золотомъ, туфель; желтыя канаусовыя шальвары шуршали при каждомъ ея движеніи; узкій станъ обхватывалъ пестрый — красный съ чернымъ и желтымъ — шелковый шарфъ, концы котораго висѣли перекинутыми одинъ за другой. Изъ подъ тюлевой накидки видна была черная бархатная, шитая золотомъ, куртка безъ рукавовъ. Широкая шелковая рубашка, вся сквозная, позволяла разсмотрѣть чудную нѣжность молодой груди, красивыя округленныя плечи и нѣжныя руки, на которыхъ вверху се-

ребряные браслеты казались надѣтыми только для того, чтобы сдержать это молодое тѣло, сдержать эти молодые мускулы...

Паша посмотрѣлъ на нее съ большимъ удовольствіемъ.

— Какая красавица стала Айша! Война кончится, дѣвушка, тогда женюсь на тебѣ.

Айша вспыхнула.

— Что-же молчишь?

— Твоя воля, паша!

— Ну, вотъ... Скоро твоего брата я офицеромъ сдѣлаю. Всѣмъ вамъ жить дамъ... Только-бы скорѣе мира добиться.

Айша молча поклонилась ему.

Зейнабъ принесла ему кофе. Хюсни погрузился въ молчаніе; молчали и кругомъ всѣ, только маятникъ французскихъ часовъ продолжалъ свое однообразное тикъ-такъ, тикъ-какъ.

— У тебя братъ храбрый аскеръ. Онъ молодцомъ велъ себя въ бою. Что-жъ ты не подойдешь ко мнѣ?

Гюльма подтолкнула Айшу въ спину. Она подвинулась къ пашѣ.

— Поближе, поближе... Я вѣдь не кусаюсь... Меня бояться нечего.

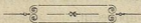
— Долго этотъ инглизъ пробудетъ у насъ? — осмѣлилась вмѣшаться Гюльма.

— Не знаю... Я думаю, завтра уѣдетъ. Надоѣлъ онъ мнѣ — суется во все. Гаремъ мой прѣсилъ показать. Совсѣмъ нашихъ обычаевъ не знаетъ.

Когда Хюсни завалился спать, Айша вышла къ Омеру.

— Вотъ письмо, — протянула она къ нему конвертъ. — Пожалуйста, братъ, отправь его.

— Скорѣе, чѣмъ ты думаешь. Сейчасъ придетъ къ пашѣ болгаринъ, котораго мы посылаемъ въ Габрово собрать свѣдѣнія о томъ, что слышно о Плевнѣ, не подходятъ-ли новыя войска къ русскимъ. Онъ отнесетъ и твое письмо.

ГЛАВА V.

Слѣдъ нашелся.

окторъ Соймоновъ? гдѣ докторъ Соймоновъ? — торопливо спрашивалъ какой-то офицеръ во дворѣ уже извѣстнаго читателямъ габровскаго монастыря.

— Онъ тутъ въ палатѣ, внизу...

— Кто меня спрашиваетъ? — И снизу на лѣстницѣ, что вела въ глубоко врывшіяся въ землю келіи, повазался измученный докторъ.

— Письмо къ вамъ.

— Отъ кого?

— А я почему знаю. Какой-то болгаринъ передалъ мнѣ. Тутъ онъ за воротами ждетъ васъ. Говоритъ только, что очень нужное и важное.

Соймоновъ взглянулъ на подпись... Кровь бросилась ему въ лицо.

— Что, хорошія извѣстія?

— Да, я разцѣловать готовъ этого братушку. Гдѣ онъ?.. Какъ онъ ухитрился пронести.

Соймоновъ радостный, счастливый бросился за ворота.

Пустынная улица шла направо и налево... На ней не было никого.

— Да гдѣ-же онъ?

— Сейчасъ былъ тутъ, сію минуту...

— Ушелъ, должно быть... Жаль. Я-бы ему нѣсколько золотыхъ не пожалѣлъ за это извѣстіе.

— Вѣрно ужъ очень счастливое.

— Да... Гдѣ сестры... Анна Александровна... Венелина.

— Что-о! — слышалось откуда-то, тоже снизу.

— Скорѣй сюда!..

Усталая сестра выскочила на воздухъ, зажмуриваясь было на солнце.

— Шире, шире раскройте глаза.

— Что такое съ вами?

— Кричите: ура!

— Генераломъ, что-ли, васъ сдѣлали?

— Больше.

— Ничего не пойму.

— Вотъ этотъ клочекъ бумаги больше всякаго генеральства значить...

— Да не томите!

— Айша! — Докторъ видимо наслаждался недоумѣніемъ Венелиной.

— Ну?

— Наплась.

— Слава Богу!.. Значить — не умерла, не убита бѣдная дѣвочка.

— Нѣтъ, жива, здорова...

— Что-же съ нею? Гдѣ она?.. — И Венелина чуть не вырвала у Соймонова лоскутокъ бумаги.

— Ишь нацарапала... Ну, читайте вслухъ.

— „Айша Казанлыкъ. Здоровая... Докторъ пусть помнитъ, Айша докторъ не забудеть... Когда урусь придетъ Казанлыкъ,

Айша увидить докторъ... Айша очень любить... Много плакала... Сестеръ жаль!“

— И все?

— Да тутъ каждая буква дорогаго стоитъ, помилуйте, а вы спрашиваете — все-ли? Чего-жь больше? Моя милая дѣвочка въ Казанликѣ, у своихъ, должно быть. Помнить меня, ждетъ насъ... А главное жива, здорова... Еслибы съ ней случилось горе какое, будьте увѣрены, не написала-бы ни слова... Вѣрно у родныхъ приютилась.

— Да какъ она отсюда исчезла?

— И куда этотъ братушка дѣлся?.. Разспросить-бы его... Точно съ неба свалился и исчезъ... Вѣрно изъ бѣжавшихъ оттуда отъ турокъ...

— Такъ-бы онъ Айшѣ — турчанкѣ и сказалъ, что онъ бѣжать собирается. Почему онъ знаетъ, что Айша изъ нашихъ.

— Ничего не понимаю... Да вѣдь это Айша нацарапала.

— Она, разумѣется... Я знаю ея руку. Я-же вѣдь учила ее... Не къ брату-ли она бѣжала?..

— Сама не ушла-бы... Ее вѣрно заманилъ куда-нибудь братъ — да силой и увелъ... Ну, теперь камень съ души свалился... Слава Богу!.. Вы знаете, Анна Александровна, — я женюсь на ней...

— На турчанкѣ-то?

— Она приметъ христіанство... Она мнѣ разъ сама сказала: твой Богъ — мой Богъ...

— Восточная женщина! Полюбить, такъ вся отдается — и мыслью, и чувствомъ, и вѣрой.

— Да, онѣ все-таки, лучше нашихъ женщинъ!..

— Соскучитесь съ нею быстро... Смотрите — увезти въ Россію не долго, а тамъ какъ бросите — что будетъ?

— Да, это скверный-бы поступокъ былъ. Я ее вѣдь люблю, знаете, совсѣмъ таки. Вѣдь я ополоумѣлъ, когда она исчезла.

— Радоваться, все-таки, рано. Она въ Казанликѣ. Когда мы еще тамъ будемъ?

— Вчера вѣдь мы отпраздновали взятіе Плевны.

— Ну, а сегодня я у Радецькаго другую вѣсть слышала...

Можетъ быть, мы перейдемъ Балканы.

— Зимомъ?

— Да.

— Это совсѣмъ невозможно!

— И Радецкій говоритъ, что невозможно, и Дмитровскій говоритъ, что невозможно — а мы, все-таки, перейдемъ.

— Какъ-же это? что-то чудно ужъ очень — я ничего не понимаю.

— Я также. Что нашимъ въ голову втемяшится — сдѣлають. Оно на первый взглядъ безсмысленно, а сдѣлають. Радецкій какъ говоритъ: прикажутъ — сдѣлаемъ... А ужъ что прикажутъ — такъ это сдѣлайте одолженіе. Чего мы по сію сторону горъ сидѣть-то будемъ? Лѣта ждать? Такъ лѣтомъ у турокъ новыя арміи появятся. Лѣтомъ-то съ ними и разговоръ другой будетъ... Они этихъ-то Плевенъ вездѣ понастроятъ.

— Да вы на солдатъ-то взгляните.

— Ну?

— Въ чемъ они?

— По ту сторону горъ — теплынь, говорятъ... Лишь-бы перекинуться, а тамъ благодать!..

— Это еще кто? — И Венелина обернулась къ воротамъ Габровскаго монастыря.

— Да это давшій офицеръ, что письмо мнѣ передалъ. Съ кѣмъ это онъ?

— Докторъ, я братушку отыскала, который посланіе-то вручилъ мнѣ, — вотъ онъ. На базарѣ, шельма путается.

— Добре дошелъ! — попривѣтствовалъ его по-болгарски Соймоновъ.

Братушка полѣзъ ему руку цѣловать.

— Ну, считай — на вотъ тебѣ за письмо, — и докторъ далъ ему нѣсколько золотыхъ.

— Откуда ты?

— Изъ Казанлыка сбѣгаль!..

— Что тамъ дѣлается?

— Сикшихъ турцы-те порѣзали... — И болгаринъ сталъ было прощаться...

— Нѣтъ, ты постой... Кто тебѣ письмо это передалъ?

— Една дѣвойка... Лѣпа дѣвойка!..

— Съ чего-же она это?

— Я зналъ, что она изъ Габрова, зналъ, что она русскихъ любить... Сама мнѣ говорила объ этомъ... Я ей и сознался, что бѣжать хочу... Она и дала мнѣ письмо... У нея братъ есть — аскеръ онъ, молодой такой...

— Она, она и есть; значить, съ братомъ теперь... Гдѣ-же живетъ Айша?

— У Хюсни-паши въ домѣ.

— Вотъ тебѣ и на... Въ гаремѣ у него, что-ли?

— Да... Пока такъ, а потомъ паша на ней женится. А теперь она какъ дочь у него. Сама мнѣ говорила, какъ увижу тебя, такъ сказать, что она пока какъ дочь живетъ; просила чтобы русскіе поскорѣй Казанлыкъ брали, а то ей скучно безъ тебя...

— А ты-то какъ прошелъ сюда?

— А я сказалъ, что лазутчикомъ иду, такъ мнѣ пропускъ и дали.

— Да ты не лазутчикъ-ли въ самомъ дѣлѣ? — подозрительно осмотрѣлъ его офицеръ.

Болгаринъ гордо выпрямился и заломилъ баранью шапку на затылокъ.

— Спроси у нашихъ — кто такой Стоянь. — У меня двое сыновей въ дружинахъ... Когда я былъ въ Казанлыкѣ, Хюсни-паша былъ у себя. Только онъ съ Айшей хорошо обращается, еще и пальцемъ до нея не дотронулся. Онъ потомъ хочетъ! Тамъ его первая жена старуха и негрятянка... Только эти съ нею и живутъ...

— Ну, а ты можешь провести ее къ намъ сюда?

— Трудно!..

— А возможно?

— Если не удастся — такъ турки и ее, и меня зарѣжутъ...
Лучше подождать...

— Ну, а если пашѣ надоѣсть ждать, да онъ женится?

— Немного подождемъ. А тамъ посмотримъ... Наши ея не тронуть, если она со мною на Топлинь пойдетъ, только какъ мимо турокъ съ нею пройти?..

— Гдѣ найти тебя, если понадобится?

— У начальника округа... Я теперь къ нему; нужно разсказать о туркахъ... Пусть сообщитъ своему генералу... Я съ ними мѣсяць прожилъ... Все знаю, что тамъ дѣлается... Они думали, что я имъ служу... и не скрывались отъ меня вовсе... Тутъ у нихъ есть лазутчиковъ много. Они о русскихъ все знаютъ отлично...

— Все-таки, какъ ни трудно, а нужно украсть Айшу...
Если понадобятся деньги...

— Тутъ деньгами ничего не сдѣлаешь... Я подумаю, какъ это сдѣлать...

ГЛАВА VI.

Два фазана.

Генераль Бабковъ проснулся, попробоваль было выгля-
нуть изъ-подъ одъяла — сверху, прямо на носъ ему
капнуло...

— Эй, Шестаченко!

Деньщикъ влетѣлъ, какъ угорѣлый.

— Таеть, должно быть, сегодня?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство... Тепло. Сол-
нышко показалось.

— Давно-бы пора... сколько времени его не видѣли. Чаю,
да послать мнѣ поскорѣе Савельева. Скажи — генераль сей-
часъ просить. — Сей-минуть!

Генераль Бабковъ посмотрѣлъ въ окно своей землянки,
но какъ разъ въ это время его заслонила сѣрая солдатская
спина.

— Точно туманъ! — мелькнуло у него въ головѣ. — Не
разберешь ничего... Одначе-же, мы и постояли здѣсь — не-
чего сказать...

— Ваше превосходительство изволили требовать?

— Да... собирайтесь.

— Куда это?

— Въ Габрово ѣдемъ.

— Урра!..

— Обрадовались небось! И я радъ. Много мы тутъ съ вами натерпѣлись, пора и отдохнуть; а только отдыху не будетъ.

— Это какъ-же?

— А такъ, что не будетъ. Время-то какое — пользоваться надо. Начальство теперь за умъ взялось. Какъ Плевень пала, такъ мы сейчасъ и поумнѣли.

— Ваше превосходительство изволите не совсѣмъ почти-тельно выражаться о начальствѣ.

— Я за правду-матку — горой... А только что мы поумнѣли, такъ это вѣрно... Теперь велѣно на восемьсотъ коней вьюки заготовить... Поняли?

— Ничего не понялъ.

— Гдѣ вамъ понять! Молода — въ Саксоніи не была. Потому еще — рекогносцировки надо сдѣлать за Балканъ.

— Какъ за Балканъ?

— А такъ, къ Куруджѣ и за Куруджу.

— Ничего не понимаю.

— Потому съ Траяна тоже на Калоферъ.

— Значить, походъ?

— Онъ и есть... Только помалкивайте.

— Да у насъ на Шипкѣ уже предчувствуютъ...

— Вона!

— Вѣрно... совсѣмъ другое настроеніе.

Дѣйствительно совсѣмъ иное. Шипкинскій отрядъ со дня паденія Плевны чувствуетъ какую-то перемѣну во всемъ.

Солдаты ходятъ козырями. Измученная морозами, потерявшая три четверти своихъ, двадцать-четвертая дивизія, давно уже была смѣнена четырнадцатой. Эта привыкла къ лишеніямъ... Горные орлы нисколько не были утомлены стоян-

кой въ царствѣ морозовъ и мятелей. Солдаты весело болтали между собою, посмѣваясь надъ турками, которые менѣе прежняго стрѣляли изъ своихъ граншей. Очевидно, на нихъ вѣсть о сдачѣ Гази Османа произвела гнетущее впечатлѣніе.

— Ишь, точно совы теперь... Хоронятся.

— Молчать.

— Молчать!.. Ты покажи-ка голову — они тебѣ покажутъ.

— И покажу.

— А ну?

Солдатъ пресерьезно надѣваетъ свою кепку на штыкъ ружья и приподымаетъ ее надъ брустверомъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, съ турецкихъ позицій одинъ выстрѣлъ, и тотъ точно нехотя.

— Прежде-бы они залпой сейчасъ.

— Погоди — оправятся...

И дѣйствительно оправились. На другой-же день недавнее уныніе смѣнилось озлобленіемъ. Турки еще ожесточеннѣе стали бить по отдѣльнымъ солдатамъ, по обозамъ, по ротнымъ телѣгамъ. Цѣлую недѣлю они отчаянно обстрѣливали наши позиціи, точно хотѣли засѣять ихъ своими гранатами.

— Ишь подлые!

— Это они, братцы, за Плевень, за эту самую.

— Ну — еще-бы... Извѣстно — за Плевень.

— Османы паршивые!

— Они, братъ, тоже заскучали.

— Заскучаешь. Еще какъ. Думаешь, легко это... Это, братъ, куда какъ тяжело!

Савельевъ хотѣлъ-было распросить генерала Бабкова о будущемъ походѣ, но тотъ только моргалъ глазами и не отвѣчалъ ни слова.

— Нельзя-съ! Рано еще объ этомъ разговаривать — вотъ что.

— Да вы, ваше превосходительство, сами объ этомъ ничего не знаете, — думалъ его подзадорить Савельевъ.

— Не знаю. Это вы вѣрно. Вотъ чаю я съ вами напиться могу... Это точно. А только на рекогносцировку я никого, какъ васъ... Вы у меня поѣдете. Возьмите еще кого нибудь съ собою.

— Тутъ штабный одинъ приѣхалъ, Тереховъ.

— Изъ фазановъ?

— Самый настоящій фазанъ.

— Возьмите его... Пущай онъ попробуетъ, сколь это сладко. Сегодня вмѣстѣ съ нимъ приходите ко мнѣ ужинать — потолкуемъ.

Савельевъ вышелъ отъ Бабкова, улыбаясь... Ему уже впередъ было смѣшно при мысли о Тереховѣ въ боевой обстановкѣ. Землянка его была недалеко.

— Ну, вы, кажется, хотѣли сильныхъ ощущений? — проговорилъ онъ, наклонясь въ дверяхъ, чтобы не разбить себѣ лба.

— А что? — вскочилъ съ кровати молоденькій офицерикъ выхоленный и чистенькій, какъ балованная собаченка, поцавшавшая на воспитаніе къ старой дѣвѣ.

— Могу васъ поздравить.

— Да не томите вы, ради Христа! Въ чемъ дѣло-то?

— Сегодня ночью!..

— Что сегодня ночью?

— Мы съ вами отправляемся.

— Куда?

— Секретъ!

— Послушайте, Савельевъ, я васъ зарѣжу.

— Мы съ вами отправляемся по приказанію генерала...

Ну, что дадите? — скажу...

— Что хотите...

— Бутылку шампанскаго, даже двѣ.

— Три, если хотите, четыре.

— Ровно въ десять часовъ вечера генераль приказалъ намъ обнимъ...

— Ну!? — совсѣмъ замирающимъ голосомъ переспросилъ Тереховъ.

— Явиться къ нему... ужинать!

— Чортъ знаетъ, что такое!..

Молоденькій офицерикъ чуть не заплакалъ.

— И зачѣмъ это меня занесло сюда!... Просился-бы лучше къ Гурко или къ Скобелеву...

— Мало вамъ!.. Изъ-за чего вы только хлопчете?.. Сидѣли въ штабѣ — а получили все, до Владиміра съ мечами включительно.

— Георгія нѣтъ еще... Золотой сабли... Мои товарищи уже съ золотыми саблями. Стыдно показаться.

— Посмотрите — наши армейцы больше васъ дѣла дѣлаютъ, а все одними Сигизмундами да клюковками *) на саблю довольствуются.

— То армейцы.

— Да вы то, фазанъ этакой, что такое?.. Бѣлой кости, вѣрно?

— Разумѣется вашимъ армейцамъ не надо. А я вернусь въ Питеръ — мнѣ безъ георгіевской ленты на пальто и показаться будетъ стыдно.

— Попали-бы вы къ Гурко или Скобелеву...

— Ну?

— Васъ-бы въ огонь послали.

— Что-же такое?

— Убили-бы...

— *Par si bête, mon cher* — я-бы на рожонъ не пошелъ. У меня сорокъ пять тысячъ годового дохода. Умирать-то еще бы и рано.

— Тогда-бы васъ ни къ чему не представили.

— И не надо. Я-бы вернулся въ штабъ и рассказалъ.

*) Станиславъ 3-й и Анна 4-й степени.

И безъ представленій дали бы — сдѣлайте одолженіе... Не беспокойтесь. Это вамъ представленія нужны...

— Тьфу ты — какая наглость!

— Умѣніе жить, вовсе не наглость... Чтожъ по вашему лучше въ траншеяхъ гнить?

— Лучше.

— Ну, это особенная логика у васъ. Голова не въ порядѣ. Я тутъ у васъ въ землянкѣ недолго да и то промучился.

— А мы уже шесть мѣсяцевъ такъ-то.

— Вамъ и книги въ руки... За то вы орлы!.. Хоть скорѣе на рыжихъ крысѣ, что въ водосточныхъ трубахъ живутъ, похожи...

— Куда ужъ намъ! Особенно съ вами рядомъ.

— Я и не спорю: мы — парадные, у насъ особенное назначеніе... Мы не *chair à saupon*, Слава Богу!

— Да что-же вы такое?

— Свое назначеніе въ природѣ имѣемъ.

— Какое?

— Содѣйствовать...

— Чему это?

— Всему... Обращенію капиталовъ, улучшенію вкусовъ, развитію искусствъ и художествъ.

— Это вы-то художники!

— Мы — нѣтъ, а только безъ насъ они бы съ голоду подохли. Мы — покупаемъ.

— И Толстоузовъ какой-нибудь тоже покупаетъ.

— И онъ содѣйствуетъ!

— Эхъ, кабы моя воля!

— Ну?

— Я-бы васъ въ двадцать четыре часа...

— Разстрѣляли?

— Нѣтъ! выскѣкъ и затѣмъ-бы выгналъ изъ арміи на всѣ четыре стороны... Присылаютъ вѣдь такихъ проходимцевъ за наградами...

— Да вы то, Савельевъ, чего сердитесь?

— Какъ чего!

— Ну да, чего? Вы вѣдь генеральный штабъ... Моменты!.. Вѣдь и васъ не обдѣляютъ... Слава Богу — жаловаться ужъ вамъ-то не резонъ. Георгіевскій крестъ сталь совсѣмъ принадлежностью мундира генеральнаго штаба.

— Ну, не всѣмъ везеть... Мы за то и учились сколько.

— Тоже... Фазановъ (вы меня, кажется, такъ называете?) и между вами поискать-то можно... Да еще какихъ! Въмѣсто реляцій, кто романы пишетъ?.. Вамъ-бы въ фельетонисты, и чудесное дѣло... По четвертаку за строку.

— Что такъ много?

— За талантъ... Вамъ дешевле нельзя... Вы, вѣдь, за то учились. Да при томъ у васъ и описательная часть! Вы тоже своими рапортами объ одномъ убитомъ казакѣ и двухъ раненыхъ кобылахъ любого корреспондента за поясъ заткнете, по красотѣ слога.

— Да вы чего обидѣлись?

— Я? — нисколько... Такъ только хотѣлъ замѣтить вамъ, мой милый Савельевъ, что мы другъ друга стоимъ и оба явились сюда вовсе не съ цѣлю положить свой животъ, а, напротивъ, и себя показать, и людей посмотреть.

— Опять вамъ говорю, и люди различны, и цѣли различны.

— А въ послѣдней реляціи кто это изобразилъ, какъ капитанъ генеральнаго штаба Савельевъ дорогу отъ Капринію до Гассанлы изслѣдовалъ подъ убійственнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ непріятеля?

— Вы это когда прочли реляцію-то?

— А вы ее ужъ слишкомъ откровенно на столѣ оставляете, я и ознакомился съ вашимъ литературнымъ произведеніемъ... Слогъ хорошъ — ничего! Даже впечатлѣніе гранатнаго огня описано, какъ дай Богъ любому литератору... Вы бы еще двѣ-три картинки природы, парочку анекдотиковъ о

солдатикахъ, да въ концѣ, въ тонѣ благородной независимости, — насчетъ интендантства, что-ли, — и печатайте. Любая газета „отъ нашего собственного корреспондента“ озаглавить. Вѣрно вамъ говорю. Хотите, я вамъ это сегодня-же обдѣлаю...

— Ну, чортъ съ вами! довольно считаться...

Оба примолкли...

— Экая скука какая! — не выдержалъ Тереховъ.

— А вамъ-бы теперь въ Букарештъ?..

— Что-жъ, и въ Букарештъ — недурно... Я думаю и вы бы не отказались... Румыночки, я вамъ скажу...

— Вы это дѣло специально, кажется, изучили.

— Экая у васъ, Савельевъ, память короткая!.. Вѣдь мы вмѣстѣ съ вами, кажется... Помните, страда Стырбей-вѣда?..

— Помню.

— Вы за Линой...

— А вы за Мицей...

— А помните благороднаго румынскаго капитана?

— Манулеско?

— Ну, да, — какъ онъ вамъ свою собственную супругу за двадцать полумперіаловъ предлагалъ?

Оба расхохотались. Миръ былъ заключенъ.

— Вотъ что, Тереховъ, теперь я могу вамъ сказать: насъ обоихъ посылаютъ на рекогносцировку.

— Браво!

— Предполагается переходъ черезъ Балканы... Бабевъ точно воды въ ротъ набралъ... Не высказывается...

— Вотъ шутъ-то!

— Положимъ, оно такъ и слѣдуетъ...

— Тайну соблюдать-то?

— А то какъ-же?

— Такъ вотъ-же вамъ тайна...

Тереховъ полѣзъ въ карманъ и вытащилъ письмо.

— Я сегодня изъ штаба получилъ. Слушайте...

— Ну-съ?

— „Милый Терешка (это меня приятели такъ величаютъ), заваривается каша... Турціи скоро придетъ конецъ. Въ четырехъ мѣстахъ мы переходимъ Балканы: Гурко на Софію, Карцевъ на Траянь, Скобелевъ черезъ Куруджу и Этрополь на Имитли, кн. Мирскій черезъ Травну и Гузово...“

— Вотъ тебѣ и на. А мы то съ кѣмъ-же?..

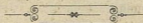
— Радецкій, если возможно, спустится съ Шипки... Мирскій и Скобелевъ, предпринявъ обходъ, нападутъ на турокъ снизу, въ долину Казанлыка, а Радецкій — прямо въ лобъ.

— Ну, я до этихъ лбовъ-то не охотникъ.

— Нужно намъ съ вами присоединиться куда-нибудь, а?

— Надо-бы.

— Теперь все отъ генерала Бабкова зависитъ.

ГЛАВА VII.

аково было совсѣмъ неузнаваемо.

Суматоха съ утра до ночи, а иногда и ночью, тревожила удивленныхъ братушекъ, не понимавшихъ, что это творится такое. Шестъ мѣсяцевъ сидѣли русскіе совершенно спокойно, знать ничего не знали, — только хоронили замерзшихъ, убитыхъ да умершихъ, а тутъ вдругъ закипѣло такое дѣло, которому, кажется, и конца не будетъ.

Наѣхали офицеры совсѣмъ изъ другихъ дивизій: кто изъ подъ Плевны, кто съ лѣваго фланга — куда-то исчезаютъ на время, опять появляются, нанимаютъ зачѣмъ-то рабочихъ, такъ, чтобы въ извѣстному времени они были совсѣмъ готовы — послѣдовать, куда имъ прикажутъ. Заказываютъ вьючныя сѣдла на сотни лошадей, сѣдла совсѣмъ особаго устройства; какія-то сани поручили дѣлать тоже сотнями — мелкія и въ то-же время такой прочности, чтобы они могли поднять цѣлое орудіе. Упряжь особая для такихъ саней готовится — какими-то лямками, точно запрягать въ нихъ будутъ не коней, а людей. Жиды-маркитанты тоже почуяли въ воздухѣ что-то особое — послали въ Систово, Букарештъ — возстановлять запасы. Гешэф-томъ запахло, сунулись туда-сюда — нѣтъ-ли поставокъ. Жидовъ

прогнали. Объявили, что и безъ нихъ обойтись съумѣютъ. Штабные отъ Великаго Князя чуть не каждый день приѣзжали къ Радецкому, — и тотъ тоже въ хлопотахъ, ходить озабоченный; Дмитровскій съ ногъ сбился: видимое дѣло — необычная работа какая-то идетъ. Телеграфъ занятъ съ утра до ночи — проволока работаетъ, какъ не работала всю осень и зиму. Плевна взята. Лѣндивые рассчитывали на долгій отдыхъ, даже фразу подходящую придумали: „собраться съ силами надо для рѣшительнаго удара“. Но отдыха какъ не бывало; оказывается, что рѣшительный ударъ думаютъ нанести еще до весны. Всѣ планы на букарештское приволье рухнули: нужно было ждать здѣсь...

Дороги были заняты сплошь.

Всюду тянулись подводы; хлѣбъ свозился въ Габрово; артиллерійскіе парки работали какъ никогда. Тонули по ступицу въ жидкой грязи болгарскихъ дорогъ, — а все-таки, мало по малу, подтягивались сюда съ громаднымъ запасомъ снарядовъ... Стали со всѣхъ сторонъ и квартирьеры подъѣзжать; рыскали какіе-то странные люди — не то болгары, не то турки; видимое дѣло — и послѣдніе замѣтили совсѣмъ необычную суету и выслали сюда своихъ лазутчиковъ. Доморощенные стратеги сбивались съ толку, то на одно бросались, то на другое. Только и слышались разговоры:

— Помилуйте! какъ-же мы это въ тылу у себя оставлемъ турокъ?

— Какихъ турокъ?

— А въ Шумлѣ, въ Османъ-Базарѣ, въ Русувѣ...

— Да вѣдь тамъ Наслѣдникъ Цесаревичъ стоитъ. Тамъ два корпуса — заслономъ.

— Лучше, все-таки, кончить съ этими сначала, потомъ уже двигаться на югъ.

— Да пока съ ними вы кончите — турки настроятъ вамъ такихъ Плевенъ за Балканами, что война опять года на два протянется.

— За то къ веснѣ нашъ операціонный базисъ будетъ опираться на всю придунайскую Болгарію, въ тылу не будетъ ни одного непріятельскаго солдата...

— А вы ни во что не ставите возможность европейскаго вмѣшательства весной?

Такимъ образомъ, доморощенные стратеги волновались по штабамъ и на боевыхъ позиціяхъ, а дѣло помимо нихъ дѣлалось въ главной квартирѣ, гдѣ чуть не каждый день собирались военные совѣты. Особенно шумная жизнь замѣчалась въ шестнадцатой дивизіи. Тутъ шли грандіозныя приготовленія. Солдаты и офицеры обрадовались походу. Плевна — городъ мервыхъ — надоѣлъ уже со своими домами, обращенными въ больницы, съ массами труповъ, съ запахомъ кладбища всюду. Всюду чистили и осматривали оружіе. Цѣлыя роты перевооружались — вмѣсто своихъ дрянныхъ ружей Крика — турецкими Пибоди. Казаки чистили берданки, оттачивали пашки; артиллеристы подкармливали коней, отощавшихъ на дурныхъ кормахъ. Лопаты, кирки, мотыги и топоры заготовлялись тысячами. Ранцы бросали совсѣмъ, какъ ненужную тяжесть; полушубковъ не было — интендантство не пошевелило рукой, чтобы ихъ доставить. Полки командировали своихъ офицеровъ въ Румынію, въ Сельви, Ловчу, Тырново и Габрово покупать ихъ. Всякій кусокъ овчины шелъ въ дѣло. Чинились дурные сапоженки; завѣдующіе хозяйственною частью заготовляли сухари, зная, что у товарищества трехъ святителей, Грегера, Горвица и Когана, не достать ничего... Со всѣхъ сторонъ сгонялись гурты скота, худого, почти падающаго отъ усталости и безкормицы. Въ бочки заливался спиртъ, необходимый для горныхъ переходовъ. Медики заготовляли массы различныхъ средствъ, служащихъ противъ отмораживанія.

Шумъ и говоръ съ утра до ночи стоялъ на недавно еще совсѣмъ молчаливыхъ позиціяхъ.

— Нонѣ наша взяла! — слышалось между солдатами...

— Готовимся, ребята!.. Раскостить ихъ!.. Ишь ёнъ сколько насъ супротивъ Плевеня держаль... Таперчи и ему не сладко будетъ.

— Гдѣ сладко!.. Тоже за это не похвалятъ.

— Таперчи, мы черезъ горы, къ ему въ гости... Тара-рахнемъ...

— У ево должно тоже подъ микитками свербить.

— Чуесть.

— Почуешь. Тоже знаетъ, что мы безо всякаго дѣла не останемся.

— Къ лѣту домой, въ Рассею.

— Ну, это еще, братъ, какъ. У его тоже, гляди, сколько этихъ Плевеней за горами понасыпано... Тоже и турокъ не дураеъ.

— Сказываютъ, тамъ хлѣба, крупы, фуражу всякаго — сколько хошь.

— Это точно. Потому ёнъ братушекъ на-голо ограбилъ, ну, и запасъ.

— Для нашихъ?

— Точно что.

— На Кискинтинополь прямо, бають, поидемъ.

— Что-жъ, и на Кискинтинополь хорошо.

— Эготъ Кискинтинополь допрежь русскій городъ былъ.

— Ну!

— Вѣрно. Царствовалъ тамъ царь Кискинтинъ, нашего, расейскаго племени. Только за грѣхи его Богъ и наслалъ на него гололобыхъ. Сорокъ дѣнь онъ сражался съ ими, а только увидѣлъ, что сила небесная отъ него отступила — сверзился онъ съ башни прямо въ море и покончилъ съ собою. Ну, а турки, извѣстно, сичасъ городъ взяли, всѣ церкви, какія были, въ свои мечети повратили, а христіанъ православныхъ сичасъ — въ братушки; съ тоё поры они бурга-рами и прозываются. Ну, а теперь такое произволеніе съ небеси, чтобы Кискинтинополь опять въ русскій городъ и мечети въ храмы...

— У Бога, братъ, скоро; онъ съ тобой долго шебаршить не станетъ... У него, братъ, всякій грѣхъ на счету...

Оживленіе было всеобщее.

Савельевъ и Тереховъ уже спустились съ горъ — въ деревушку, занятую однимъ изъ безчисленныхъ штабовъ.

Они тоже замѣтили это движеніе, этотъ говоръ... Они тоже невольно втянулись въ общее оживленіе...

Ожиданіе чего-то близкаго охватило и ихъ. Близкаго, крупнаго и рѣшительнаго.

Генераль Бабковъ тоже сползъ въ долину и помѣщался уже въ деревянномъ болгарскомъ домикѣ...

— А на Шипкѣ, все-таки, лучше, — говариваль онъ своимъ.

— Почему-же лучше?

— Къ Богу ближе. Воздухъ чище.

— Тереховъ! — вбѣжалъ Савельевъ къ штабному. — Маркитантъ свѣжее шампанское привезъ.

— Ефремъ!

На порогъ землянки показался маленькій черный солдатикъ. Очевидно, еврей перекрещенный.

— Живо! — въ мгновеніе ока. Одна нога здѣсь — другая тамъ. Вотъ тебѣ полуимперіаль. Пошелъ!

— Какого?..

— Бѣлую головку... Понялъ?.. Ну, круг-гомъ аршъ!

Ефремъ моментально исчезъ.

— Что генераль?

— Бѣгаетъ изъ угла въ уголь, надъ картой дуется, точно авторъ ея смертельно оскорбилъ его чѣмъ-то... Ищетъ какое-то село, а самъ за Дунай пальцемъ заѣзжаетъ... Я ужъ ему показаль — окрылся... Я, говоритъ, и безъ васъ наукамъ учёнъ...

— Да, голубчикъ, въ кавалерійской конюшнѣ не ахти какое воспитаніе получилъ.

— Нѣтъ, какъ хотите, мнѣ такое счастье. Особаго рода совѣмъ. Все на безграмотныхъ наталкиваешься. Съ начала

кампаніи при Бутоновѣ пришлось; наконецъ, опомнились: на покой Бутонова послали. Теперь при Бабковѣ.

— И фамиліи!.. Такъ кантонистомъ и пахнетъ. У насъ есть писарь Букетовъ — все лучше. А то Бутоновъ!..

— Я думаю, вашъ Бабковъ прозѣваетъ турокъ.

— Нѣтъ, не говорите, онъ по письменной части плохъ, а на счетъ турокъ зорокъ. Не смотрите, что Бабковъ. Онъ въ самомъ жаркомъ огнѣ не растеряется. Я его видѣлъ подъ Гассанлы — ничего. Только обнаружилъ полное незнаніе артиллеріи. За три версты по туркамъ изъ горныхъ орудій хотѣлъ попасть. Еще какъ вскипятился-то. Батарейный ему было возразилъ... Такъ на него какъ наскочить.

— Вы что?—всичитъ—съ кѣмъ разговариваете? Если начальство прикажетъ,—такъ и за двѣсти верстъ стрѣлять должно...

— Молодецъ!

— Одно слово — Бабковъ!

Пока пріятели — одного поля ягоды — перекидывались замѣчаніями о генералѣ, пока Ефремъ бѣгалъ за шампанскимъ, на дворѣ совсѣмъ стемнѣло.

Синія сумерки окутали даль...

Гдѣ-то на вершинѣ одиноко-стоящей горы сверкали костры турецкихъ аванпостовъ. У околицы шумѣла рѣка, обивавшая здѣсь выступъ крутого холма. Изрѣдка слышались выстрѣлы далекой батареи, доносившіеся въ село только отзвучіями... Точно тамъ вздыхала чья-то желѣзная грудь.

Въ землянкахъ, кровли которыхъ давно были сожжены, вмѣсто дровъ, проходившими войсками, свѣтились огоньки. Цѣлы были только стѣны этихъ мазанокъ, да изгородки, пока пощаженныя неразборчивою солдатскою рукою. Отъ дождя и вѣтра не защищали эти землянки, но для бивуака и то даже было хорошо, что хоть какія-нибудь стѣны есть.

Въ одной изъ землянокъ даже разбили внутри палатку. Тамъ пріютились офицеры.

Оттуда то и дѣло слышалось:

— Уголь!

— На пе.

— На пере-пе!

— Вотъ я тебѣ пере-пе задамъ... Давай-ка сюда твое пере-пе... Пришли, пришли, не церемонься.

— Бушь — подь картой.

— Сейчасъ мы его откроемъ.

— Бита!.. Пожалуйте... Ну-ко таинственнаго незнакомца сюда!..

— Ахъ ты, чортъ тебя!.. Дана!..

— Ва банкъ! — вскрикивалъ чей-то молодой голосъ, и тотчасъ-же слышались его жалобы:

— Опять бита! Господи, — вотъ неудача-то!

— Все равно — завтра самого убьютъ. Незачѣмъ беречь-то. Господа, двадцать пять въ банкѣ.

Справа изъ околицы доносились шорохъ и стукъ копытъ въ коновязяхъ...

— Ишь ты чортъ!.. Я-те, шельму, успокою! ты у меня будешь стоять, рыжій дьяволь! — ругался какой-то казакъ.

— Брыкать еще хочешь, брынься!.. Ну, брынься... Я-те брыкну! — кричали рядомъ во дворѣ.

— Ты что это... турецкую кобылу муштруешь? — спрашиваетъ мимо идущій казакъ.

— Порядковъ нашихъ не понимаетъ... Такъ и наровитъ копытомъ въ брюхо.

— А ты ее въ морду.

— Я ужъ и то. Нагайка, слава Богу, своя — не купленная... Ну, ну брыньни разъ. Попробуй!.. Ну-ка... А вотъ я тебя, вотъ я тебя... Ну-ка... Ишь, подлая... Я тебя выучу... Ты тамъ съ бузуками отъ рубъ отбилась совсѣмъ... Тутъ, братъ, не бузуки. У насъ поррядокъ — сказано: Христолюбивое воинство.

Гдѣ-то далеко-далеко сухо щельнулъ выстрѣлъ... Точно кто-то орѣхъ расколоть камнемъ... Другой, третій... Разгоралось-было и замолкло.

— Что это? — выскочилъ Савельевъ.

— На аванпостахъ казаки шалютъ, должно быть. И куда это Ефремъ запропастился?..

— Здѣсь, вашъ-бродь! — слышалось въ сумракѣ.

— Взять?!

— Точно такъ-съ... Только бѣлой головки нѣтъ...

— Ну, а что есть?

— Клюка-съ, вашъ-бродь.

— О, вдова Клико, если-бы ты слышала этого варвара!

— Что-же, Тереховъ?.. Вышьемъ за близкое будущее!

— За вашъ георгиевскій крестъ...

— Ну, такъ, за наши георгиевскіе кресты!..

Пробка выскочила изъ горлышка... Шампанское зашумѣло въ стаканахъ.

— А закусить есть что, Ефремъ?

— Есть.

— Что такое?

— Колбаса — салама...

— Шампанское съ колбасой... О, военное время, военное время! Давай...

— Вы знаете, какъ васъ и меня называетъ генераль Бабковъ?

— Ну?

— Пурселепетанами!.. Онъ слышалъ фразу — *roug passer le temps*... Мы у него и обратились въ пурселепетановъ!

— Остроумный генераль. За его здоровье, Тереховъ!

— Нѣтъ, что-жъ онъ честный человѣкъ. У него интендантъ не украдетъ... Вы знаете, онъ полковника Образцова хотѣлъ повѣсить.

— Какъ это?

— Своимъ судомъ. „Привести“, говорить, его. Привели „Сухари гнилые“? — Гнилые. „Веревку“!.. Чуть не повѣсилъ. Ужъ я вмѣшался. Спасъ Образцова.

— Что-жъ Бабковъ, въ чью онъ это голову?..

— Заладилъ одно: „Суди меня Богъ и Государь, а я интенданта повѣщу“!.. Ну, а вы нашихъ армейцевъ знаете: изголодались, натерпѣлись — мигомъ веревку доставили...

— Недурно. Воображаю — въ главной квартирѣ какъ-бы это встрѣтили.

— Оно, знаете, иногда не мѣшаетъ.

— Не мѣшаетъ-то не мѣшаетъ, это точно...

ГЛАВА VIII.

Тайны гарема.

Старая Гюльма сегодня была почему-то очень озабочена.

Съ утра съ самаго она рылась у себя въ старомъ хламѣ, вытаскивала на свѣтъ Божій какіе-то загадочные свертки и узелки; потомъ, гремя ключами, отправлялась въ кладовыя, чтобы извлечь оттуда: то какую-нибудь необыкновенную, шитую золотомъ, съ вкрапленною бирюзой, куртку, то шальвары изъ тонкаго бассорскаго шелка, то дамасскій фераджи съ такими узорами и такою роскошною бахромою, о существованіи которыхъ даже не подозрѣвала до сихъ поръ выросшая среди деревенской простоты Айша... У Гюльмы оказались такіе браслеты, какіе съ удовольствіемъ надѣла-бы на себя и любая стамбульская красавица. Ажурные, вырѣзные, тонко отдѣланные, они были привезены въ свое время на рынки Каира и Александріи изъ далекаго аравійскаго Омана, гдѣ въ таинственныхъ, мало извѣстныхъ городахъ цѣлыя полкѣнія искусныхъ работниковъ выдѣлываютъ ихъ изъ серебряной паутины, съ такимъ изяществомъ отдѣлки, для котораго, казалось-бы, нужны глаза муравья, а не человѣка. Вотъ

широкій іеменскій плащъ, яркость котораго заимствована у тропическаго солнца, краски—у южныхъ цвѣтовъ въ немногихъ оазисахъ среди безлюдныхъ, сожженныхъ небомъ степей, разливающихъ свое изумительное благоуханіе. Плащъ этотъ ткали цѣлые годы смуглыя аравитянки подъ красными шатрами своей горячей родины. Казалось, каждой нити его онѣ передали теплоту своего неба, мягкость своего воздуха... Вотъ изящныя, шитыя чистымъ золотомъ туфли. На базарахъ Смирны — и то за рѣдкость — достаютъ такія. Остроносыя — безъ задковъ—онѣ и надѣваются-то такъ, чтобы однимъ движеніемъ маленькой, обутой въ шелковый чулокъ, или просто голой, ножки сбросить ихъ съ мягкой софы на такой-же мягкой, пушистый коверъ... Вотъ сквозныя брусскія, изъ шелковаго сырца, сорочки... Мягко, какъ дыханіе южнаго вѣтерка, онѣ обвиваютъ молодое тѣло, которое съвозитъ въ нихъ своимъ дѣвственнымъ румянцемъ... Онѣ ему придаютъ только шелковистый блескъ, не скрывая его изящныхъ округленныхъ формъ. Не рѣшаясь прикрыть полной шеи и высокой груди, бруская рубашка падаетъ къ полу, обвивая своими ласковыми складками бѣлыя ноги восточныхъ красавицъ. Широкіе рукава позволяютъ разглядѣть каждую линію красивыхъ рукъ, когда обладательница ихъ откинетъ эту тонкую, сквозную ткань... Вотъ и серги... Висячія, онѣ сдѣланы изъ маленькихъ гроздьевъ удивительной мешхедской бирюзы, занявшей у персидскаго неба свою теплую и нѣжную лазурь... Вотъ ожерелья изъ тяжелыхъ золотыхъ монетъ... Тутъ и иранскія, и индійскія... На нѣкоторыхъ едва различишь загадочныя надписи. Иная такая монета еще во времена Александра Македонскаго побывала въ тысячахъ рукъ, заставила совершить сотни преступленій, не разъ была облита братскою кровью, прежде чѣмъ пріютилась на груди красавицы, на этомъ живомъ и тепломъ тѣлѣ, нѣжномъ, какъ лепестокъ аѳинской розы, бѣломъ, какъ багдадская лилія.

— Что бы это значило? — думала Айша, съ недоумѣні-

емъ слѣдя за несовѣмъ обычнымъ оживленіемъ Гюльмы, которая каждую новую вещь клала около нея на софу.

— Погоди, погоди! — загадочно роняла та, встрѣчая вопросительные взгляды Айши.

— Нравится тебѣ вотъ это? — подносила она къ самому носу дѣвушки трапезундскіе браслеты, которые турецкіе щеголихи надѣваютъ на ноги, — эти золотые, совѣмъ круглые обручи, украшенные затѣйливою эмалью.

— Прелесть!..

— Ну, а эти кольца?

Бирюза въ серебряной оправѣ показалась-бы грубою на взглядъ западнаго варвара... Оправа уже почернѣла, но камень не потерялъ своей чарующей нѣжности и матоваго блеска...

— Хороши!..

— Это все твое будетъ! — остановилась Гюльма передъ Айшей. — Все твое будетъ: и фераджи эти, и парча, и золотыя запястья, и браслеты, и брусскія рубахи. Я ужь стара, у меня никого нѣтъ... Стану на тебя радоваться, когда ты будешь женою паши!.. Всѣ твои подружки съ ума сойдутъ отъ зависти.

— Долго-же имъ не придется завидовать — вырвалось у Айши.

Къ счастью, Гюльма поняла это по своему.

— Ты думаешь, долго эта война не кончится? Аллахъ справедливъ, мѣра его гнѣва исполнена... Онъ уже довольно наказалъ народъ свой. Мулла въ мечети послѣдній разъ говорилъ намъ объ этомъ... Скоро урусъ уйдетъ отъ насъ, потерпѣвъ великія несчастія!.. Такъ рѣшилъ Магометъ, великій пророкъ...

— И я уйду съ ними! — подумала про себя Айша.

Женщина, все-таки, останется женщиной.

Она не могла оторвать глаза отъ всей роскоши, разложенной передъ нею... Она молча думала, какъ-бы ярко сіяли ея глаза изъ подъ этого бѣлаго, мягкаго, какъ цвѣточная

пыль, покрывала... Какъ-бы заманчиво улыбались алая губы если-бы оно легло легкими складками вокругъ ея смуглаго лица... А какъ красивы были-бы руки въ этомъ золотѣ, въ этихъ камняхъ, какъ тонокъ станъ, еслибы его обвить этимъ дамасскимъ поясомъ, какъ красивы были-бы ножки въ этихъ, только кончики пальчиковъ скрывающихъ туфляхъ... И ей нужно отказаться отъ всей этой роскоши, бросить всѣ богатства для того, чтобы всю жизнь носить длинныя черныя платья, которыя она видѣла у сестеръ, скрывать все, что должно быть открыто взгляду любимаго человѣка, все, что должно чаровать и манить его...

Докторъ бѣденъ, онъ не можетъ дать ей ничего подобнаго!..

Она будетъ одѣваться такъ, какъ одѣвается Венелина...

И Айша невольно вздохнула...

— Что это? — остановилась Гюльма.

Невольно и Айша приподнялась.

За стѣнной молодой и сильный голосъ пѣлъ какую-то пѣсню...

Нервно пѣлъ, съ тою дрожью, которая придаетъ восточнымъ мелодіямъ необычайную нѣгу и страстность...

— Зейнабъ, Зейнабъ! — позвала Гюльма.

Черное лицо негритянки показалось въ дверяхъ.

— Кто это поетъ тамъ?

— Молодой офицеръ, что съ пашей и съ этимъ рыжимъ чортомъ пріѣхалъ. Онъ изъ армянъ, говорятъ.

— Красивый?!

— Нѣтъ... Только поетъ хорошо...

— Какъ звать его?

— Заэдъ-эффенди... Нашъ паша его не любитъ... Очень ужъ много онъ вина пьетъ... Своихъ христіанскихъ привычекъ еще не оставилъ.

Послѣ минуты молчанія, Заэдъ началъ одну изъ мелодій любимаго турецкаго поэта, Мурада-бея. Постараемся ее передать, сохраняя оригинальныя преувеличенія подлинника:

Какъ слезы ночи на двѣты
Стремятся бѣлою росю,
Къ твоимъ устамъ мой мечты
Летять вечернею порою...

— Хорошо поетъ, — одобрила Гюльма. — Въ мое время молодые люди такъ-же пѣли.

— Давно это было! — пошутила Айша.

— Погоди, придетъ и твое время... Черные волосы съдыми станутъ и морщины по лицу пойдутъ.

Какъ птица надъ морской волной,
Не разлучаясь съ нею, вьется,
Такъ надъ тобою голосъ мой
Подъ рокоть струнный раздается...

— Жаль, музыки нѣтъ! — вздохнула Айша. — Лучше было-бы.

— Молчи... Не мѣшай слушать!

— Нужно попросить папу, чтобы онъ еще заставилъ его пѣть!

Какъ волны къ тихимъ берегамъ
Вѣгутъ—пѣвучія отъ вѣка—
Къ твоимъ уносятся ногамъ,
Волнуясь, грезы человѣка!..
Тебя увидѣвъ, самъ пророкъ,
Въ гаремѣ заперъ-бы далеко,
Чтобъ не коснулся вѣтерокъ
Такихъ очей, такого ока!..

Пѣсня, вздрагивая своими послѣдними отзвучіями, точно унеслась куда-то — далеко, далеко...

На минуту было поддавшаяся ея очарованію, Гюльма опять захолопотала по кладовымъ.

— Попроси его, Зейнабъ, еще что-нибудь спѣть! — шепотомъ обратилась Айша къ негритянкѣ.

Та скользнула въ двери.

Во дворѣ Заэдъ точно ждалъ этого... Онъ только переспросилъ:

— Какая просить: старая или молодая?

— Молодая!

— На вотъ тебѣ! — и золотая монета скользнула въ карманъ Зейнабъ. — Ты мнѣ покажи эту молодую.

— Нельзя.

— Зейнабъ... На одной ногѣ ходить трудно — на тебѣ другую. — И вторая золотая монета прошла туда-же.

— Охъ вы ужь... Молодые!.. Что съ вами сдѣлаешь.

— Когда же ты мнѣ ее покажешь?

— Не скоро... Ты знаешь — время, какъ аробное колесо, долго тянется.

— Вотъ тебѣ еще одно, совсѣмъ круглое колесо, оно покатится скорѣе.

— Вы вѣрно очень богаты, господинъ? — съ удивленіемъ проговорила Зейнабъ, пряча третью монету. — Послушай, какъ только Айша соберется гулять, я скажу тебѣ... И куда пойдешь — укажу... А тамъ уже твое дѣло... Только не выдай!..

— Объ этомъ не безпокойся...

Заэдъ, отказавшій сэру Грегему, думалъ самъ воспользоваться молодой красавицей. Не послѣднее мѣсто въ этомъ намѣреніи занимало и желаніе, во что-бы это ни стало, посмѣяться надъ Хюсни-пашей, котораго Заэдъ ненавидѣлъ, какъ армянинъ вообще ненавидитъ турка.

— Скоро-ли ты пѣть начнешь?

— Сейчасъ.

Зейнабъ скрылась въ дверь гарема.

— Слушай, Айша... Онъ сейчасъ пѣть будетъ. О тебѣ спрашивалъ... Вотъ три монеты подарилъ мнѣ, — шепотомъ заговорила она.

— За что?

— За то, чтобы я рассказала, какая ты... Я и говорю: такая красавица, такая красавица — какой другой въ цѣломъ мірѣ нѣтъ.

Айша посмотрѣлась въ зеркало и улыбнулась.

— Говорить: гдѣ ее встрѣтить можно?.. Я ему отвѣтила, что ты никуда не выходишь.

— А какъ на него взглянуть?

— Да вотъ въ эту щелку видно... Ишь, сидитъ на скамьѣ.

— Носъ у него какой толстый!..

— Это такъ кажется отсюда.

Заѣдъ не заставилъ ждать долго... Онъ началъ пѣвучимъ говоркомъ выпѣвать стихотвореніе того-же Мурадъ-бея — „Ночь“ *).

Ночь хороша... Такъ радостны, мятежны
Во мглѣ садовъ, разлившихъ аромать,
Напѣвы флейты и лепетъ арфы нѣжной.
Перекликаются, восторженно звучать...
Усталъ старикъ, но юноши толпою,
Смѣясь, шума, идутъ со всѣхъ сторонъ
Въ свои сады, гдѣ съ первою звѣздою
Проснулся чудный пиръ и чашъ не молкнетъ звонъ.
И мѣсяцъ всталъ!.. Какъ будто пламенѣи,
Пророка ликъ горитъ изъ-за вѣтвей...
Красавицы, волнуясь и робѣи,
Лобзаній страстныхъ ждуть... Что-жь, юноши, скорѣи!..

— Гдѣ это такія красавицы, что къ молодымъ мужчинамъ выходятъ изъ гаремовъ? — удивилась, откуда-то появившаяся, Гюльма.

— Это въ Стамбулѣ!

— Ну, тамъ можетъ быть... Народъ испортился совсѣмъ...

А хорошо поетъ!..

— Такъ хорошо, что такъ-бы и вышла къ нему...

— Погоди... Въ Эдирне настоящихъ пѣвцовъ услышишь

Куда лучи во мглу не проникаютъ,
Гдѣ только листъ, какъ сонный, шелеститъ,
Тамъ свѣтляки нескромно озаряютъ
Безмолвный поцѣлуй... И тихій смѣхъ звучитъ.
Да соловей надъ юною четою
Поетъ свой гимнъ... Едва-едва дыша,
Отъ робости поникнувъ головою,
Лепечетъ дѣвушка: „какъ ночь хороша“!
А пиръ шумитъ... шербетъ повсюду льется,
Рода въ душѣ блаженную мечту...
Чу! пѣсенка... Она, какъ птичка, вьется...
Внимайте, юноши, и славьте красоту!..

*) Оно давно было переведено нами, приводимъ его второй разъ.

— Откуда онъ выучился всему этому?.. — подивилась Гюльма.

— Онъ изъ Стамбула самъ.

— Ты, Зейнабъ, почему знаешь?

— Да мнѣ рассказывалъ Омеръ, братъ Айши...

Заедъ помолчалъ съ минуту, потомъ тихо кончилъ:

Ужъ блекнетъ ночь... Ужъ вѣтерокъ разноситъ
Весеннихъ розъ, жасминовъ аромать,
Еще любви и страсти сердце просить,
Но ужъ въ лучахъ зари вершины скалъ горять!

— Вечеромъ у насъ сегодня паша будетъ... Я одѣну тебя какъ невѣсту!.. — наконецъ объяснила Гюльма свое загадочное поведеніе.

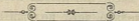
Айша вздрогнула и широко раскрыла глаза.

— Гюльма, ты говорила, вѣдь, что наша свадьба въ Адрианополѣ?

— Чего же ты испугалась?.. Сегодня вѣдь онъ только посмотритъ тебя... Не бойся!..

Айша успокоилась... Но теперь она уже съ ненавистью смотрѣла на всѣ эти дорогіе уборы.

И когда солнце, скользя въ комнату, блеснуло на яркомъ золотѣ, на нѣжной лазури бирюзы, на красномъ разливѣ атласа, Айша набросила на эти сокровища темное покрывало и сама забилась въ уголокъ гаремной кельи.

Глава IX.

Туалетъ гарема.

Гюльмѣ въ этотъ день, казалось, некогда было и отдохнуть.

Едва она успѣла опорожнить сундуки и опять уложить ихъ, оставивъ все необходимое Айшѣ на сегодняшній вечеръ, какъ пришлось сломя голову бѣжать на кухню. Турки мало ѣдятъ за обѣдомъ, оставляя свой аппетитъ для ужина, за которымъ подносятся разнообразныя блюда, приправленныя краснымъ перцемъ и всевозможными ароматическими травами. Паша сегодня собирался вечерять у себя въ гаремѣ — нужно было показать ему товаръ лицомъ. Гюльма выдавала рисъ, всевозможныя желе, мясо, наказывая повару Амеду, какъ все это приготовить и сколько чего положить.

— Лили-кебабъ сдѣлай такъ, чтобы онъ во рту горѣлъ, какъ въ печкѣ... Рисъ масломъ подправь; пусть каждое зернышко плаваетъ въ немъ, какъ лодка въ водѣ... Не жалѣй, Амедъ...

— Слушаю, госпожа!..

— А сверху надъ пилавомъ — корку сдѣлай... Самъ знаешь, домъ безъ крыши не строится...

— Слушаю, ханумъ.

— Мясо нарѣжь мелкими кусками, каждый обваляй въ перцѣ и зажарь, и тогда-уже мѣшай его съ рисомъ...

— А баклажаны?

— Начини ихъ рубленой печенкой, травами всякими, просомъ. Положи туда тхату побольше...

Когда съ кухней было кончено и въ заключеніе заказано ближайшему пирожнику нѣсколько сладкихъ пироговъ, Гюльма обратно прибѣжала въ гаремъ, сѣла на софу и давай смотрѣть на Айшу...

— Что ты? — спросила дѣвушка, приведенная въ недоумѣніе пристальными взглядами Гюльмы.

— Какая изъ тебя красавица выйдетъ... Падишаху не стыдно будетъ подарить такую... Ты-бы и въ султанскомъ гаремѣ звѣздой была.

— Что-же для этого сдѣлать надо?

— Чтобы красавицей быть?.. А вотъ дай отдохнуть, я займусь тобою... Видишь-ли, ты слишкомъ долго на свободѣ росла.

— Развѣ это худо?

— Грудь у тебя слишкомъ велика стала, бедра очень развились... Ну, мы это поправимъ.

— Какъ? — удивилась Айша.

— Сегодня, мы вмѣстѣ съ тобой въ баню пойдёмъ... Тамъ... Дай только мнѣ вздохнуть... Ужь слишкомъ я измучилась... Зейнабъ, подай кофе!

Въ маленькихъ золоченыхъ чашечкахъ негритянка подала черную ароматную гуцу... Полузакрывъ глаза, Гюльма вдыхала въ себя благоуханіе любимаго мусульманскаго напитка.

— Что мы въ банѣ дѣлать будемъ?

— Постой, дай мнѣ вздохнуть...

Чашка за чашкой... Наконецъ, Гюльма, подъ вліяніемъ настоящаго мекко, опять ожила...

Старательно завѣсивъ окна, чтобы даже въ щелку нельзя было различить ничего, она выгнала Зейнабъ на кухню.

— Поди, смотри за Амедомъ, чтобы онъ пилавъ какъ слѣдуетъ сдѣлалъ... Вѣчный срамъ на наши головы, если ужинъ выйдетъ не по вкусу пашѣ... Да приготовь шербетъ... Слышишь?..

— Слушаю, госпожа...

Зейнабъ выскочила во дворъ — Заедъ-эффенди уже ждалъ ее тамъ.

— Сегодня Айша никуда не пойдетъ.

— А завтра?

— Завтра скажу... Ты смотри, не сглазь ее у меня...

— А что, развѣ она глазу боится?

— Кто такъ, какъ ты, пѣть умѣетъ, тотъ каждую дѣвушку сглазить можетъ... Охъ, вы, мужчины, только и знаете, что губить насъ!

— Ну, тебя никто не погубить.

— Я безобразная... А только у себя дома меня красавицей считали тоже...

— Гдѣ это?

— Далеко отсюда... Тамъ, гдѣ солнце жжетъ, гдѣ золотые пески идутъ во всѣ стороны — не оглянешь... У васъ тутъ холодно... А у насъ хорошо, гдѣ вода есть... Здѣсь такихъ деревьевъ и такихъ птицъ и не слыхано... Ночью у насъ звѣзды большія, яркія горятъ... Пѣсни поемъ...

— Какія у васъ пѣсни?

— Все равно, не поймешь... По нашему ты и не знаешь вѣдь...

— У насъ есть на Шипкѣ солдаты, такіе-же, какъ-ты, черные.

— Изъ Миссира (Египта) вѣрно.

— Да; съ Гассаномъ пришли, да у насъ остались...

— Вотъ-бы ты, господинъ, прислалъ одного изъ нихъ ко мнѣ сюда.

— Хорошо!.. Только ты помоги мнѣ съ Айшей познакомиться...

Гюльма, въ это время, не теряла времени.

Айшѣ было не вдомекъ что съ нею хочетъ дѣлать старуха.

— Сними съ себя платя!..

Айша сбросила фераджъ и бюрсуилы; голубыя шелковыя шальвары упали на софу...

— Постой... Я пойду въ баню на минуту.

Гюльма зашла за дверь, въ небольшую баньку, и завозилась тамъ...

Айша въ одной рубашкѣ, поджала подъ себя ноги и застыла на мягкой софѣ...

— Ну, вотъ, теперь все готово. Встань-ко.

Айша вдѣла ножки въ маленькія туфли и стала на полу. Гюльма распустила ей шнурокъ, стягивавшій воротъ, и рубашка упала на полъ. Айша покраснѣла, но старуха вовсе и не замѣтила ея смущенія...

— Дай посмотрѣть на тебя хорошенько... — Старуха зажгла нѣсколько свѣчей и поставила ихъ кругомъ.

Дѣвушка была замѣчательно хороша собою... Она поражала дѣвственною чистотою линий, еще до сихъ поръ сохранившеюся тамъ, гдѣ осталось много древней греческой крови... Въ вечернемъ освѣщеніи — это смуглое тѣло точно ожило. Оно стало золотистымъ; глаза видѣли, какъ оно теплилось, точно свѣтилось изнутри... Стройныя ноги поддерживали роскошно-развитой станъ, тонкая талія котораго гармонировала съ покатыми, хорошо округленными плечами... Высокая грудь представляла почти идеальныя очертанія...

— Хорошо все... Только грудь надо уменьшить... Кабы ты родилась въ знатной семьѣ, тебѣ-бы въ двѣнадцать лѣтъ зашили грудь въ кожу и не дали роста ей... Талію тоже-бы перетянули... Ну, да это еще не поздно.

— Я не хочу! — заволновалась-было Айша.

— Ну, кто тебя станетъ спрашивать, что ты понимаешь! Руки у тебя тоже недостаточно нѣжны... Пойдемъ-ко со мной.

Въ банѣ было совсѣмъ жарко... Съ двухъ сторонъ ее нагрѣвали печи. Между ними стоялъ паръ отъ котловъ, замазанныхъ въ стѣны. Гюльма взяла рукавицу изъ бѣлой верблюжьей шерсти и начала растирать ею тѣло Айши.

— Больно!

— Потерпи, за то потомъ хорошо будетъ... Вы дѣвушки ничего не понимаете... Для того, чтобы мужчина любилъ васъ, — много надо. Вамъ-бы только бѣгать и веселиться...

Тѣло Айши горѣло отъ этой, совсѣмъ сухой, рукавицы. Когда, казалось, уже не было возможности выносить долѣе этихъ растираній, Гюльма взяла изъ заранѣе приготовленной банки какую-то мазь и давай покрывать ею Айшу... Тонкое благоуханіе розъ наполнило собою микроскопическую баньку.

— Что это?

— Мазь на розовомъ маслѣ... Отъ нея у тебя тѣло станетъ какъ шелкъ нѣжное, мягкое... Блестѣть будетъ...

Нѣсколько разъ повторяла Гюльма эту операцію, пока кожа Айши не была совсѣмъ насыщена этой ароматной массой...

— Сиди такъ здѣсь...

— И Гюльма ушла въ комнаты...

Отъ благоуханія розоваго масла голова Айши начинала кружиться.

— Что, если бы Соймоновъ меня видѣлъ здѣсь такою!

Подумала и покраснѣла, точно кто-нибудь другой поймавъ ее на этой мысли.

— Что-жь, пускай... Онъ еще болѣе полюбилъ-бы меня... Вѣдь не даромъ всѣ говорятъ, что я хороша... Красавицей называютъ.

— А если разлюбить?..

Кровь ударила ей въ голову.

— Если увезетъ къ себѣ, въ холодную Россію, да и броситъ тамъ... Всѣ говорятъ, что они злые... Вѣдь это еще ничего, что я видѣла добрыхъ сестеръ...

Тоска начинала охватывать дѣвушку... Сказывалось вліяніе окружающей ея среды.

— Да!.. Не лучше-ли послушать Гюльму и ѣхать въ Адрианополь, въ гаремъ паши?..

— Что я думаю!.. старый онъ, скверный...

— Что-жь, пускай русскій бросить — тогда я тоже въ сестры пойду, буду таковой, какъ Венелина, стану больнымъ служить...

— Ну, высохла? — спросила вернувшаяся Гюльма.

Гюльма провела руками по молодому тѣлу. Розовое масло впиталось въ него, не оставивъ снаружи никакого осадка. Въ рукахъ у старухи была стеклянка съ какою-то, бѣлою жидкостью, густою, какъ молоко... Она стала вытирать ею Айшу... Упругое тѣло ея скрипѣло подъ руками Гюльмы... Отъ этихъ растираній смуглая кожа стала блестѣть какъ золото.

— Ну, теперь набрось на себя фераджъ и пойдемъ отсюда.

Туалетъ турецкой красавицы былъ еще далеко не конченъ.

Въ то время, какъ она полулежала на софѣ, Гюльма стригла ей ногти на ногахъ, обравнивала ихъ пилкой и чистила твердой щеточкой. То-же самое продѣлала и съ руками. Потомъ внутреннюю сторону ногтей она покрыла густымъ слоемъ хны, отчего она стала совсѣмъ красной; тѣмъ-же хной она покрасила и концы пальцевъ.

— Точно я ихъ въ крови запачкала!

— Черезъ часъ смоешь — останется только розовый оттѣнокъ... Точно осенняя заря на небесахъ будутъ... Ты учись у насъ у старухъ — и всегда тебя мужъ любить будетъ... Вы, дѣвушки, ничего толкомъ не понимаете.

Когда Айша совсѣмъ простыла, Гюльма вытащила нѣчто вродѣ широкаго кожаннаго пояса.

И безъ того тонкую талію дѣвушки она стянула этимъ поясомъ такъ, что ея можно было обхватить пальцами. Казалося, Айша вотъ-вотъ переломится... Грудная клѣтка пода-лась вверхъ, грудь выступила еще болѣе впередъ.

— Посмотри-ка въ зеркало, какъ красиво теперь.

Толстой шелковой матеріей она перетянула грудь, чтобы она не казалась столь высокою; концы матеріи перебросила черезъ плечи и подтянула ихъ внизъ... Айшѣ было неловко, больно, но, тѣмъ не менѣе, приходилось терпѣть!..

— Тяжело?

— Да.

— Ничего... скоро привыкнешь. Нужно только на первыхъ порахъ выучишься спать въ этомъ — тогда все хорошо будетъ.

Окончивъ съ грудью, она накинула на Айшу рубашку.

— Могу одѣваться?

— Постой еще успѣешь.

Волосы дѣвушки падали ниже колѣнъ.

Гюльма покрыла ихъ розовымъ масломъ и давай заплетать въ тонкія косички, перевивая каждую золотыми шну- рочками. Когда цѣлый снопъ такихъ косъ былъ готовъ, она разбросала его по плечамъ Айши, полюбовалась издали и принялась опять за голову; надѣла на нее пеструю, шитую золотомъ, шапочку, поверхъ убора изъ золотыхъ монетъ, тяжело свѣсившихся на лобъ Айши...

— Хорошо? нравится тебѣ?

У дѣвушки даже глаза разгорѣлись.

— Теперь будь терпѣлива.

Надъ губой у Айши чернѣло нѣсколько волосковъ. Гюльма выщипала ихъ щипчиками, намазывая мѣсто, гдѣ они росли, какимъ-то составомъ.

— Теперь у тебя здѣсь всегда будетъ чисто.

Взяла кисточку съ черной краской и густо покрыла ею брови, кстати и удлинила ихъ такимъ образомъ. Потомъ далѣе, такой-же кистью, прошла по рѣсницамъ... Не довольствуясь этимъ, подсинила нижнія вѣки. И безъ того громадные глаза Айши казались теперь еще больше и горѣли со- всѣмъ неестественнымъ блескомъ.

— Не было и нѣтъ такой красавицы! — восхищалась Гюльма своей работой.

Положивъ розовой краски внутрь ушей и въ скважины ушной раковины, подкрасивъ румянами щеки и покрывъ легкимъ, едва замѣтнымъ, слоємъ бѣлилъ носъ и подбородокъ дѣвушки, Гюльма въ заключеніе придала ея губамъ цвѣтъ совсѣмъ темнаго коралла и успокоилась.

— Руки и ноги теперь можешь вымыть, а до лица не дотрогивайся.

Когда Айша исполнила все это. Гюльма надѣла на нее всѣ припасенныя драгоценности.

Теперь дѣвушка на восточный вкусъ стала совсѣмъ красавицей!..

— Сиди теперь и отдыхай на софѣ. Зейнабъ!

Зейнабъ не являлась.

Гюльма вышла на дворъ и давай хлопать въ ладоши.

— Поди, посмотри на Айшу, какая она стала теперь! — не могла она не подѣлиться съ Зейнабъ своими восторгамъ.

Зейнабъ вбѣжала въ комнату, сѣла противъ Айши и давай смотрѣть въ упоръ на нее и причмокивать губами.

— Я и не видала такихъ... Аллахъ! Какъ можно сдѣлать все изъ человѣка!.. Еслибы самъ пророкъ тебя увидѣлъ, онъ-бы не захотѣлъ опять на небо, здѣсь-бы съ нами остался на землѣ.

Потомъ, въ порывѣ восторга, подошла, схватила конецъ шелковаго фераджа и поцѣловала его.

Гюльма, совершенно удовлетворенная, вышла вонъ.

— Заандъ-эффенди опять про тебя спрашивалъ.

— Ну, что-же ты?

— Сказала ему, чтобы онъ про тебя и не думалъ. Омеръ сейчасъ былъ.

— Ну? — взволновалась Айша.

— Письмо тебѣ какое-то велѣлъ отдать. „Ты, говорить, добрая дѣвушка“ — это я-то... „отдай сестрѣ“.

Айша схватила письмо съ жадностью. Адресъ былъ написанъ по-русски.

— Не говори Гюльмъ.

— Что я, съ ума сошла, что-ли! Ты только не проговоришь.

Въ письмѣ было всего только двѣ строчки:

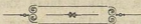
„Скоро увидимся!.. Нѣтъ силъ оставаться такъ... Жди меня; буду самъ скоро въ Казань. Соймоновъ“.

Сердце дѣвушки забилось съ болью.

И хорошо, и страшно ей было.

Значить любить — если на смерть идти.

Какъ-же онъ сдѣлаетъ это? И Айша задумалась, цѣлуя дорогія строки.

ГЛАВА X.

Н а к а н у н ѣ.

Въ Габровѣ все волновалось. Теперь уже ни для кого не былъ тайною задуманный походъ за Балканы.

Еще наши войска не трогались къ горамъ, а бѣженцы, съ августа бѣдствовавшіе въ придунайской Болгаріи, уже потянулись къ Трояну, Габрову и Травнѣ. Все это обнищавшее, обездоленное, изголодавшееся — было готово вслѣдъ за нашими солдатами волной перекатиться черезъ горы, чтобы поскорѣе осѣсть на старыхъ своихъ пепелищахъ. Они знали, что дома ихъ разрушены турками, имущество разграблено сулеймановскими отрядами; тѣмъ не менѣе, тамъ была ихъ земля. Люди попредусмотрительнѣе что поцѣннѣе — припрятали въ ямы, въ лѣса, зарыли въ землю, а остальные думали поживиться, въ свою очередь, у турокъ тѣмъ, чѣмъ послѣдніе поживились у нихъ. Братушки шли кто пѣшкомъ, кто ѣхалъ на ослахъ; болѣе счастливые двигались въ повозкахъ, запряженныхъ волами. Изъ арбъ выглядывали лица женщинъ и дѣтей. Со всѣмъ обнищавшіе, въ рубищахъ, тянулись за этими, сохранившими еще остатки своего недавняго богатства. Всѣ дороги

были переполнены ими — по ночамъ тысячи костровъ горѣли у городовъ и деревень, и ненашедшіе себѣ пріюта у знакомыхъ спали прямо на снѣгу, ожидая ранняго утра, чтобы двинуться все дальше и дальше, по тому-же направленію, на югъ. Мальчуганы, дѣвочки, потерявшіе отцовъ и матерей, существовавшіе подаваніемъ или кормившіеся при русскихъ отрядахъ, были охвачены тою-же жаждою видѣть поскорѣе свои родные очаги. Не зная, какъ они доберутся до нихъ, дѣти бѣжали за чуждыми имъ взрослыми, гибли десятками на дорогахъ отъ холода и голода и, все-таки, пока въ слабыхъ ноженкахъ находилось еще силы двигаться — шли... Трупики ихъ завѣивала вьюга, но уцѣлѣвшіе не образумливались.

— Куда вы это собрались? — спрашивали ихъ солдаты.

— До дому... Пора. Всѣ идутъ... — косились дѣтисы, боясь, чтобы русскіе ихъ не остановили.

— Ахъ вы, щеглы, щеглы!.. Ну, куда вамъ слабымъ?.. Поколѣте по дорогѣ-то!

— Сички на Балканъ... Сички долеземъ...

— Ну, лѣзьте, лѣзьте... Хлѣбца вѣдъ возьми... Пожуй сухаря...

И добродушный солдатъ дѣлился „неприкосновеннымъ“ сухаремъ со щеглами, встрѣченными по пути.

Габрово было переполнено такими бѣглецами.

Они кишмя кишѣли въ домахъ, во дворахъ, въ пустыхъ хлѣвахъ и конюшняхъ. Даже въ церквахъ они остановились цѣлыми таборами.

Все это ждало русскихъ, чтобы перекинуться вмѣстѣ съ ними черезъ Балканы — въ счастливую нѣкогда долину розъ.

На боевыхъ позиціяхъ, близъ Габрова, тоже царил необычайная дѣятельность. Аванпостная служба стала труднѣе... Ловили лазутчиковъ, боялись, какъ-бы вѣсти о нашемъ походѣ не прошли къ туркамъ. Наши знакомцы, Савельевъ и Тереховъ, были тутъ.

На Тереховѣ красовался уже щеголеватый петербургскій

сюртукъ съ бѣлыми кантами; усики его точно сами собою закрутились кверху; новенькая фуражка лихо съѣхала на бекрень... На груди поблескивалъ цѣлый рядъ орденовъ.

— Экая скука! — жаловался онъ Савельеву. — Хоть-бы дѣло скорѣе!

— Не прикажете-ли тройку и къ цыганамъ? — съязвилъ Савельевъ.

— Ну, зачѣмъ къ цыганамъ?.. Я не про то... И куда это красивыя болгарки дѣлись?

— А что?

— Да какъ же, какъ сюда я ѣхалъ — мнѣ уши прожужжали о красавицахъ придунайскихъ... Тутъ ни одной.

— Раньше васъ ихъ перевели турки.

— Совсѣмъ безъ женскаго общества.

— Практику боитесь потерять, Тереховъ? А жаль... Единственное ваше назначеніе, такъ сказать.

— Вы опять...

— Да вѣдь, мамочка, вы вѣдь только на племя и ходите... Ну, кому здѣсь придетъ въ голову думать о самбахъ?

— Все веселѣй-бы.

— Хотите, доставлю вамъ удовольствіе?

— Ну?

— Тутъ привели одну турчанку.

— Ей-Богу? — встрепенулся Тереховъ.

— Честное слово... Сегодня утромъ.

— Чего-же вы молчали! Вотъ извергъ рода человѣческаго...

Молоденькая?

— Лѣтъ восемнадцать.

— Хорошенькая?

— Прямо изъ Магометова рая...

— Голубчикъ, милый!..

— Ишь какая въ васъ подлость сидитъ! Вы ужь на цыпочкахъ вокругъ меня заходили?.. Ну, нечего сказать, козырь!.. Да ужь такъ и быть... Подъ какимъ предлогомъ только?..

Вотъ развѣ что допросить ее надо... Только вѣдь, сами знаете — ничего не добьетесь.

— Взглянуть-бы и...

— Умереть!..

— Ну васъ къ чорту... Пошлите за ней!

— Такъ и быть, для васъ... Вѣстовой!

— Чего изволите, вашъ-бродь!

— Переводчика и плѣнницу... Живо.

— Сейчасъ!

— Вы вотъ что, Савельевъ, — расчувствовался Тереховъ, — поласковѣе съ ней... Накормить надо... Она, я думаю, голодная, бѣдная... **†**

Савельевъ только зло улыбался.

— Непремѣнно накормить, — продолжалъ Тереховъ. — И не только накормить, но и... Гдѣ вы ее помѣстили?

— А въ нашей канцеляріи пока.

— Ну вотъ — съ писарями, да съ челядью!.. Ее бы лично помѣстить слѣдовало.

— Хотите къ вамъ?

— Хотѣль-бы... Только я не знаю, какъ это... А вотъ и она... Ведуть... ведутъ.

— Ведите себя поосторожнѣе. По солиднѣе... Не забывайте...

— Помилуйте! развѣ я не знаю?

Вдали показался силуэтъ женщины, закутанной во все черное. Она едва ступала, видимо была утомлена.

— Вотъ что, Астафьевъ, зажгите свѣчу въ замлянѣ... Мы ее приведемъ допрашивать туда... Переводчикъ Ботевъ здѣсь? — крикнулъ Савельевъ.

— Здѣсь.

— Ну, и чудесно... Передайте красавицѣ, чтобы она не пугалась... Ее не обидятъ... Накормятъ.

Въ окнѣ землянки заблестѣлъ огонекъ свѣчи... Савельевъ вошелъ туда.

— Ну, готовьтесь, Тереховъ. Ради Бога только не влюбитесь... Слышите?.. А то ваша кузина Мери задасть мнѣ жару.

— Ну вотъ... Табъ я и забуду Мери для каждой!

А у самаго уже руки фертотъ и усы еще выше завились на розовомъ, выхоленномъ, нѣжномъ, точно у восковыхъ „пушэ“ лицъ.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на свое волненіе, Тереховъ сѣлъ на складной табуретъ и постарался принять строгое выраженіе. Нельзя. Все-же — официальное лицо.

Турчанку ввели.

— Велите ей открыть лицо.

— Я боюсь за ваше сердце.

— Да полно-же зубоскалить! Разъ взглянуть...

— А что кузина Мери скажетъ?..

— Послушай, Савельевъ...

— Ну, табъ и быть...

Ботевъ перевелъ; турчанка открыла покрывало.

— Господи! — и Тереховъ чуть не полетѣлъ съ табурета.

— Вотъ подлость-то!..

Передъ нимъ была старуха лѣтъ шестидесяти... Съдыя космы падали на почернѣвшее, сплошь покрытое морщинами лицо.

— Господи!

— Что-же, Тереховъ? — наслаждался его пріятель. — Можно-ли быть такимъ невѣжей!.. Предложите свой стулъ дамъ.

Тотъ только глаза пучилъ отъ неожиданнаго зрѣлища.

— Она помѣщена очень неудобно, — продолжалъ Савельевъ: — Не возьмете-ли вы ее къ себѣ... Сами вы помѣститесь на полу — соломы подстелете, а ей — койку.

Пріятели оставались серьезными, не хотѣли дать понять плѣнной, что она вызываетъ смѣхъ.

— Вотъ подлость-то! — повторялъ Тереховъ. — Рожа-то, рожа!.. Ну, мы сочтемся, Савельевъ. Погодите, будетъ и на моей улицѣ праздникъ.

Начался допросъ. Переводчикъ, стоя, передавалъ вопросы и отвѣты.

— Ты куда шла?

— Въ Байрамъ-кiой.

— Зачѣмъ?

— Тамъ у меня дѣти. Я думала, что урусь съ женщинами не воюеть — потому и шла.

— Ты проходила черезъ турецкiй лагерь?

— Проходила.

— Что ты можешь рассказать о немъ... Много-ли тамъ топове (пушекъ)? много-ли аскеровъ?

— Неужели русскiе думаютъ, что я стану имъ рассказывать все это?

— Отчего-же?

— И топове довольно, и аскеровъ достаточно, слишкомъ достаточно, чтобы всѣхъ васъ завтра прогнать отсюда...

— Ого! — засмѣялся Савельевъ.

— Чему вы смѣетесь? За чѣмъ вы пришли къ намъ? — страстно заговорила старуха, протягивая къ офицерамъ высохшую руку съ крючковатыми пальцами. — Что вамъ здѣсь нужно? Развѣ *васъ* мы трогали? Что сдѣлали вамъ мои дѣти? Что сдѣлали вамъ наши поля, наши сады, наши дома?

— Я не понимаю, что съ ней?

— Сумасшедшая, какая-то.

— Пусть убирается на всѣ четыре стороны!

— Уйдите, — продолжала старуха, — пока султанъ не повелѣлъ истребить васъ всѣхъ до послѣдняго!.. Аллахъ справедливъ. Онъ пошлетъ побѣду намъ. Тогда не ждите пощады, не ждите ея вы — псы и братья псовъ-болгарь!

И старуха въ порывѣ бѣшенства, вцѣпилась ногтями себѣ же въ лицо и зарыдала.

Офицеры молча слушали ее. Савельевъ улыбнулся.

— Не смѣйтесь! — замѣтила она эту улыбку. — Придетъ часъ, когда будемъ смѣяться мы. Тогда вамъ придется пла-

кать горькими слезами. И вамъ и матерямъ, и сестрамъ, и женамъ вашимъ... Я слабая женщина, — а не боюсь васъ... Совсѣмъ не боюсь... Убейте меня!..

Но ее, къ ея удивленію, не убили.

Напротивъ, отвели въ канцелярію, накормили и отпустили на всѣ четыре стороны... Старуха бросилась опрометью.

Тереховъ, сильно разочарованный, вспомнилъ бстати о своей кузинѣ и засѣлъ за письмо къ ней.

„Пишу тебѣ подѣ тѣнью турецкихъ гранатъ, — не тѣхъ, на которыхъ растутъ плоды, выставленные у Смурова и Елисѣева, — а чугунныхъ, огонь и смерть вносящихъ въ наши ряды. Сегодня у насъ съ утра ужасныя потери. Около меня убило двухъ офицеровъ, одному казаку снесло прочь голову осколкомъ. Кровь, вездѣ одна кровь. Даже теперь, когда я пишу тебѣ это письмо, на барабанѣ, среди боеваго поля, я ощущаю острый запахъ этихъ черныхъ лужъ свернувшейся крови... Земля, досыта напитавшаяся ею, уже не всасываетъ больше... Мы привыкли къ этой обстановкѣ... Веселые, смѣемся шутимъ. Генераль Бабковъ, мой новый начальникъ, получившій воспитаніе въ кавалерійской конюшнѣ, а фамилію позаимствовавшій у какого-то бѣлаго кантониста, до сихъ поръ не хочетъ представить меня къ Георгію, хотя еще вчера я отбилъ у непріятеля орудіе, чудомъ уцѣлѣвъ самъ. Онъ, этотъ бутузъ, не имѣющій понятія о существованіи носовыхъ платковъ, даже не помѣщаетъ меня въ реляціяхъ чтобы не давать хода „барчукамъ“, какъ называетъ насъ сей неистовый мужланъ въ генеральскихъ эполетахъ... Ну что-жь! Моя Мери будетъ такъ-же любить меня и безъ георгіевского креста, какъ и съ нимъ, и даже больше... Впрочемъ, рано или поздно, а я получу его... Ты помнишь мой обѣтъ при нашемъ прощаніи:

„Или со щитомъ — или на щитѣ!“

Неизвѣстно, до чего-бы дошла импровизація Терехова, если бы въ землянку не влетѣлъ Савельевъ, весь блѣдный, какъ полотно.

— Вотъ подлецы братушки!.. А? можете себѣ представить!

— Что такое?

— Старуху-то!..

— Похитили? — засмѣялся Тереховъ... — Да вы, кажется, сами влюбились въ нее.

— Не похитили, нѣтъ... Зарѣзали.

— Какъ это?

— Пойдемте, — тутъ сейчасъ, около лагеря.

Тереховъ спряталъ письмо и пошелъ за Савельевымъ.

У самаго лагеря шагахъ въ трехстахъ отъ котораго расположились болгары-бѣженцы, на снѣгу дѣйствительно лежала старуха... Подъ ея шеей была лужа крови, просочившаяся въ снѣгъ... Горло, перерѣзанное поперекъ, чернѣло бозобразною широкою ранюю... Рука, вытянутая, лежала на снѣгу, — точно она еще грозила ея офицерамъ.

— Бѣдная, бѣдная!

— Къ дѣтишкамъ пробиралась.

— Эй, казакъ! — крикнулъ, озлившись, Савельевъ.

Казакъ выросъ какъ изъ земли.

— Возьми переводчика и сію минуту узнай у болгаръ, кто это такъ распорядился.

— Слушаю-съ

— Если узнаешь — сто нагаеешь!.. Понялъ?

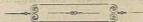
— Понялъ, ваше благородіе.

— Отпорешь — и тогда подъ арестомъ приведи бо мнѣ.

— Что же ты съ нимъ сдѣлаешь? — вмѣшался Тереховъ.

— Отправлю подъ конвоемъ въ Габрово — пусть судятъ...

Этакіе звѣри!..

ГЛАВА XI.

СОНЪ ЗЕЙНАБЪ.

ейнабъ, наконецъ, удалось отдохнуть. Бригоголовый Ибрагимъ возится въ кухнѣ за сковородами и котлами — ей ни до чего больше на сегодняшій день нѣтъ дѣла.

Она долго раздумывала о словахъ Заэда-эффенди. У него есть на Шинѣѣ такой-же черный, какъ и она невольница Гюльмы и Айши. Такой-же черный, курчавый, толстогубый. Заэдъ обѣщаль въ слѣдующій разъ пріѣхать сюда вмѣстѣ съ африканскимъ солдатомъ... Наконецъ, она увидитъ своего — потолкуеть съ нимъ о сожженномъ солнцемъ краѣ, о далекихъ пустыняхъ и оазисахъ Судана, откуда еще ребенкомъ увели ее въ страну чудесъ, въ Миссиръ (Египетъ), гдѣ и выросла она вѣчною рабою — сначала у какой-то арабки, неистово бившей ее въ гаремѣ стараго каирскаго купца, потомъ у какой-то неподвижной сиріянки, торговавшей въ Александріи и собою, и своими сестрами... Слава Богу, что къ Хюсни-пашѣ попала!.. А, все-таки, жаль Египта... Что Турція — о ней только кричатъ много. Тутъ и сотой доли нѣтъ тѣхъ чудесъ, какихъ она насмотрѣлась въ странѣ развалинъ!.. Хотя она туркамъ и хвалитъ Турцію, но Египетъ куда лучше.

Сначала рассказывала другимъ о немъ — потомъ бросила: слишкомъ ужь смѣяться стали, лгуньей ее сочли!..

Огонекъ пригрѣлъ ее... Задремала, точно давно-давно, подъ инымъ темно-синимъ небомъ, подъ горячими лучами африканскаго солнца... Задремала и улыбается... Чудится далекая, далекая степь... Песчаными буграми уходитъ она изъ глазъ... Кое-гдѣ сухая трава хруститъ у нея подъ ногами... На камень попадетъ — жжетъ ногу его изборозденная чудными, загадочными знаками поверхность... И много такихъ камней... Громадами поднимаются изъ-подъ бугровъ... Съела она на одинъ такой камень, фераджемъ накрыла себѣ голову, чтобы не такъ солнцемъ жгло... Совсѣмъ закаменѣла, такъ что даже зеленая ящерица, съ большими рубиновыми глазками, взбѣжала было ей на голую ногу. Вотъ золотая змѣя ползетъ между камнями тихо, тихо... Поблескиваетъ... Ядовитая — укуситъ, такъ смерть. А ей, Зейнабъ, лѣнь даже отодвинуться... И совсѣмъ не похожа она на теперешнюю Зейнабъ... Ничего общаго... Экъ сколько тряпокъ теперь на себя навѣшала!.. А тогда-то — рубаха да покрывало, и ничего больше; впрочемъ, нѣтъ — ожерелье изъ яреихъ раковинъ и звѣриныхъ зубовъ — амулетовъ, бѣлыя бусы... Стекланные блески цѣлыми кистями блестятъ подъ оттянувшимися отъ тяжести ихъ ушами. При каждомъ движеніи ея вздрагиваютъ онѣ... Молода Зейнабъ — тринадцатый годъ ей только пошелъ...

Чудная страна!.. Сквозь сонъ чувствуетъ она опять, какъ болятъ ея глаза, какъ болѣли тогда, когда она вглядывалась въ безконечную даль сожженной солнцемъ пустыни... А вотъ городъ... У самыхъ ласковыхъ въ мірѣ волнъ пріютился онъ... Средиземное море лежитъ у каменнаго берега, точно полная нѣги красавица раскинулась и лѣнь ей шевельнуться, лѣнь, вздохнуть поглубже... Совсѣмъ обезсилѣло оно, это тихое море, подъ раскаленными лучами свазочнаго края... Каменные дома поднялись надъ каменнымъ берегомъ... Золотистымъ свѣтомъ облило ихъ солнце... Такимъ живымъ, золотистымъ свѣ-

томъ, точно самый камень живетъ и дышетъ — живетъ, какъ живетъ кожа смуглой египтянки, теплая, полная блеска, млбющая подъ безмолвными поцблудами этого солнца... Издали, надъ горами домовъ, тонкіе мивареты точно повисли въ воздухъ... Ихъ вершины тонуть въ голубой безднѣ неба... Выше всѣхъ, у самаго моря — поднялся обелискъ... Сколько разъ Зейнабъ стояла около него, разинувъ ротъ, стараясь разобрать чудныя изваявія... Какіе-то люди вырбзаны въ камень, какіе-то знаки... Сбазываютъ, были волшебники, которые ставили такіе камни... Они написали на нихъ сказанія о своихъ тайнахъ — только нѣтъ никого, кто-бы могъ прочесть и разобрать ихъ... Франки и инглизы зовутъ эту массу камня нглою Клеопатры... А кто она была такая? Зейнабъ въ Александріи не могла ни у кого узнать объ этомъ!

Дивная южная ночь помнится ей... Перепродали ее тогда на берегъ Краснаго моря... Тутъ уже не было того приволья, къ какому она привыкла въ Александріи... Господинъ ея, арабскій купецъ, жилъ въ глиняной мазанкѣ у самаго берега... На плоской кровлѣ спала она... Крупныя, яркія звѣзды смотрѣли прямо въ ея черное лицо... Громадный дискъ луны останавливался надъ нею... Часто въ струяхъ вѣтра, проносившагося съ той стороны моря, съ того далекаго берега, слышались какіе-то дивные ароматы, точно вмѣстѣ съ нимъ несло дыханіе еще невиданныхъ ею цвѣтовъ... Сквозь сонъ, бывало, видитъ она стройные силуэты молодыхъ арабовъ... Какой-то шестъ на берегу съ широкимъ флагомъ... Говоръ, тихій, словно крадущійся... Кажется, онъ тише, чѣмъ сонный плескъ этихъ струй, слегка набѣгающихъ на отмели песчанаго берега. Вонъ на свѣту черная масса... Паруса только и видны одинъ надъ другимъ — въ три ряда... Грудью идутъ — надулись подъ этимъ легкимъ вѣтромъ... Черное, на свѣтломъ дискѣ луны, на яркомъ свѣтѣ ея вырбзалось это судно... Вонъ туда отчалила лодка съ молодыми арабами... Точно крыло стрекозы парусъ другой лодки, отчалившей отъ судна. Встрѣча

среди соннаго моря... Суматоха... Черезъ нѣсколько минутъ какіе-то тюки съ говоромъ сгружаютъ на берегу... Низко склоняя подъ ними спины, едва-едва двигаются носильщики въ мазанку... Слава Аллаху, контрабанду удалось спрятать; завтра хозяинъ будетъ веселъ!.. Помнитъ она, какъ-то разъ на морѣ издали донесся до нея какой-то стонъ, еще и еще... Она приподнялась съ плоской кровли на локти и давай всматриваться въ таинственный сумракъ ночи... Стонъ повторился еще слышнѣе. Плачь уже разбираетъ она... Вонъ ругается кто-то... Али, вѣрно, — хозяйскій сынъ. Слышенъ женскій крикъ, точно подъ сильнымъ ударомъ; еще и еще крики... Лодка причалила къ берегу... Силою вытащили изъ нее почти совсѣмъ обнаженную дѣвушку... Зейнабъ хорошо ее видѣла... Лицо несчастной въ эту минуту обратилось прямо противъ мѣсяца, все облитое слезами... Какая красавица!.. Громадные темные глаза, тонкій носъ, густыя золотыя косы...

— Съ этими коптскими дѣвушками всегда возня! — бранится Али...

Плачущую увели въ хижину; на слѣдующую ночь другое судно, съ того берега, изъ Аравіи, пришло за нею... Какъ рыдала, какъ билась она, прощаясь съ Египтомъ!.. Смуглые, совсѣмъ обожженные солнцемъ арабы схватили ее жилистыми, сильными руками, бросили, какъ тюкъ какой-нибудь рухляди, на дно лодки и отчалили... Прощай, красавица!.. На другой день подѣхали сюда чиновники и солдаты хедива — обшарили всѣ углы и не нашли ничего... Съ ними былъ старикъ какой-то въ бѣлой чалмѣ — плакалъ, бѣдный... И Зейнабъ было жаль его — да что она могла сказать ему въ утѣшеніе?.. Все равно, тѣхъ, кто попадетъ на тотъ берегъ, — даже Аллахъ не отыскалъ-бы!..

И другая ночь снится ей... Высоко въ голубомъ тепломъ воздухѣ тонуть роскошныя вершины пальмъ... Роскошныя магноліи и сикоморы раскидываются внизу... Какая-то колонна подымается — словно серебряная — изъ цѣлой груды разва-

линь... Какъ щедро облила ее своими лучами эта луна!.. Слышенъ стонъ совы, пролетающей въ тѣни неподвижныхъ вершинъ... Такой-же, какъ она, черномазый Омеръ — обнимаетъ ее, притаясь у подножія стараго дерева... Хорошо Зейнабъ... И невольницамъ судьба посылаетъ минуты счастья и радости!.. Между деревьями яркими просвѣтами ложится лунный свѣтъ — далеко, далеко видна песчаная равнина... Бѣжить по ней верблюдъ со всѣхъ ногъ. За нимъ его тѣнь скользитъ по пустынѣ. Запоздавшій путникъ немилосердно дергаетъ узду, продѣтую сквозь ноздри корабля пустыни, и напрягая послѣднія свои силы, животное плачущимъ, пронзительнымъ крикомъ оглашаетъ спящую окрестность... Позади, подъ густыми тамариндами едва мерещутся мазанки, крытыя пальмовыми листьями, глиной обмазанный куполь мечети чудится... Гдѣ-то мигаетъ огонекъ...

И все лучше и лучше становится спящей у печи Зейнабъ отъ этихъ воспоминаній.

А чудный Каиръ — эта сказка изъ тысячи и одной ночи, какимъ-то дивомъ воплотившаяся въ яркую, живую дѣйствительность... Этотъ городъ дворцовъ и минаретовъ... Гдѣ есть мечети болѣе красивыя?.. Такихъ джамій не видитъ и Константинополь — далеко Стамбулу до Миссира!.. Передъ Зейнабъ, во снѣ проходятъ картины одна красивѣе, одна прелестнѣе другой... Джамія Кеизъ бей, Шахъ-Заде, Гассана, Эзбека, Эль-Ахмада, Ибрагимъ-аги, Ибнъ-Тулуна — и не перечестъ ихъ всѣхъ...

Сквозь высокое, раскидистое дерево солнце бьетъ прямо въ стѣну высокаго дома... На каменныхъ столбахъ — выступъ верхняго этажа... Всю стѣну выступа заняли гаремныя окна со своими пестрыми фонариками и рамами изъ цѣлаго калейдоскопа яркихъ разноцвѣтныхъ стеколъ; рамы расписаны пестрыми узорами; одна приподнята, и въ отверстіи слегка колышется дамасская желтая съ чернымъ и краснымъ занавѣска... Лучи солнца, пронизавъ листву дерева свѣтлымъ каскадомъ, струятся и по этому окну, и по этой бѣлой стѣнѣ, точно

зажигая ея штукатурку... А издали, съ рынка, несется неистовый говоръ толпы, зазывы продавцовъ воды, крики верблюдовъ, звонъ какихъ-то бубенчиковъ... И тутъ-же, рядомъ, у самаго дома, нѣжный, словно лепетъ ребенка—говорокъ холодной свѣтлой струи, бѣгущей изъ жолоба въ бѣлой мраморной, золотую арабскою вязью украшенной, доскѣ, въ такую-же бѣлую раковину фонтана... Старикъ Ишханъ у воротъ своего дома точно замеръ, поджавъ подъ себя ноги... Когда онъ съѣлъ туда—тамъ была тѣнь... Теперь его бѣлая чалма точно загорается отъ солнца... И ему лѣнь сдвинуться съ мѣста, онъ и сидитъ, только все ниже и ниже клонить голову, чтобы лучи не добрались до его краснаго, глубокими морщинами прорѣзаннаго лица... Направо узкая улица—изъ такихъ-же, какъ и этотъ, домовъ, прямо къ мечети Эль-Ахмаръ... На свѣту ея темнымъ силуэтомъ выдѣляется какой-то феллахъ, выѣзжающій на ослѣ... Такіе-же выступы верхнихъ этажей и цѣлыхъ оконъ впередъ... Вонъ по стѣнкѣ крадется вся закутанная въ бѣлое женщина. Вонъ въ тѣни, на коврѣ, сидятъ молодые египтяне въ красныхъ фескахъ... Передъ ними чашки съ кофе; голоногий мальчикъ то и дѣло зажигаетъ трубки и подаетъ новыя чашки... А въ самой глубинѣ улицы—монументальная масса Эль-Ахмара, громадный куполь котораго давить, кажется, не только самую мечеть, но и окружающіе ее дома... Изъ-за этого купола тонкою стрѣлою выносятся узорчатый минареть...

И всюду солнце, жизнь, тепло... Какъ холодно, здѣсь, въ этой Болгаріи, куда закинула судьба бѣдную Зейнабъ... Какъ скучно, скудно и холодно... А тамъ вонъ, въ Каирѣ, проволока телеграфа протянулась—и ея не видно. Сплошь усѣлись ласточки, голуби, сойки... Карнизъ минарета—тоже весь усыпанъ всякой мелкой и крупной птицей. Старикъ Османъ вышелъ изъ воротъ своего дома—съ корзиною проса... Каждый день, въ этотъ именно часъ, онъ ихъ кормитъ. Цѣлою тучею ринулись птицы внизъ и заволокли улицу... Туманъ

сталъ на улицѣ — туманъ отъ этихъ вздрагивающихъ, шелестящихъ крыльевъ. Въ этой массѣ крыльевъ потонулъ и самъ Османъ, и важный мулла въ зеленой чалмѣ и зеленомъ халатѣ, что шелъ отсюда на встрѣчу. Только солнце находитъ себѣ путь между этими крыльями, точно зажигая ихъ, и на всякое пустое мѣсто льетъ свои яркіе, горячіе лучи...

Птицы разлетались на кровли, на карнизы.

Улица опять пуста...

Вонъ идетъ по ней молодой египтянинъ... Пристально по-сматриваетъ онъ въ одинъ изъ фонариковъ гаремнаго окна, выступившаго на улицу, точно повиснувшаго надъ нею... Видимое дѣло — и за нимъ, за этимъ юношей, на красной фескѣ котораго пылаетъ солнце, тоже наблюдаютъ... Онъ подошелъ уже подъ самый выступъ... Створка поднялась у фонарика, на одно мгновеніе въ ослѣпительно сверкающую атмосферу горячей улицы выдвинулась бѣлая рука, бѣгле той лилии, которую она выбросила... Тихо кружась, цвѣтокъ упалъ на плиты... Молодой человекъ поднялъ его, прижалъ къ груди, къ устамъ и къ глазамъ, и пошелъ дальше... Какъ дорога тѣнь на этой яркой улицѣ... Солнце стало прямо надъ нею; отъ домовъ нѣтъ тѣни; только отъ телеграфнаго столба легла она узенькой битью... И ею воспользовались усталые рабочіе, подставивъ солнцу голыя груди и голыя ноги, а лица — въ тѣнь столба, хоть немного онъ защищаетъ ихъ отъ этого свѣта...

Солнце — вездѣ: оно на изумительныхъ арабескахъ, украшающихъ стѣны; оно золотитъ красивыя вязи арабскихъ надписей, оно зыблется на кружевахъ изваянныхъ изъ камня надъ арками; оно широкими лучами проникаетъ подъ ворота, въ прохладу крытыхъ дворовъ; оно щедро обливаетъ минареты, точно хочетъ зажечь ихъ вмѣстѣ съ куполами мечетей, вмѣстѣ со стѣнами обращенныхъ къ нему домовъ; оно забрасываетъ свои лучи въ лавчонки Ханъ-эль-Халиля, гдѣ важно и неподвижно сидятъ толстые сонныя кушцы, дремля

съ утра до ночи на своихъ цыновкахъ и только изрѣдка просыпаясь, чтобы вдохнуть въ себя благовонную струю изъ нар-гиле. Солнце уходитъ подъ своды, гдѣ-бы уже, казалось, должна царствовать вѣчная тьма; солнце сквозь пестрыя стекла окна Меджима-эль-Азара золотымъ дождемъ падаетъ внутрь на сотни дѣтскихъ головъ, склонившихся надъ листками, на которыхъ камышевыми палочками выписываютъ ихъ руки надписи изъ корана, съ закорючками и хвостиками, составляющими особую красоту восточнаго письма... Солнце падаетъ на листы развернутаго и лежащаго на подставкахъ, сдѣланныхъ изъ корана... Оно свѣтится на золоченыхъ арабескахъ этихъ страницъ, и еще чериѣ выступаютъ подъ его свѣтомъ густо намазанныя буквы... Сквозь окна оно пробилося внутрь домовъ... Тяжело спится хозяевамъ на мягкихъ софахъ... Кажется, уже отовсюду завѣсились они отъ полуденнаго свѣта, — и вѣтъ, гдѣ-то пронизался одинъ лучъ его и, сверкая въ прохладномъ сумракѣ золотою нитью, зажигаетъ атмосферу — до того, что дышать становится трудно, совсѣмъ трудно... Приподымается затомившійся каирецъ, облакачивается локтемъ на подушки, а мальчикъ феллахъ уже точно сторожилъ его, — идетъ къ нему съ ароматною чашкою кофе, или съ прохладнымъ шербетомъ на серебрянномъ подносѣ... Гаремныя обитательницы тоже точно замерли. Надоѣло слѣдить изъ-за створокъ окна за горячей улицей; надоѣло тѣшиться надъ глупыми евнухами, играть съ обезьянами, которыя забились въ тѣнь угловъ; надоѣло даже перебраниваться между собою... Старая рабыня, старая, какъ Зейнабъ теперь, съ громадными кольцами въ ушахъ и браслетами на голыхъ ногахъ, заснула надъ картами, которыми она гадала молодой красавицѣ, раскинувшей по пестрой софѣ свои чудныя, на диво выточенные руки и ноги... Шитыя золотомъ по красному туфли, брошенные на коверъ внизъ, блестятъ, точно ихъ узоры зажглись и медленно горятъ подъ узенькою битью солнечнаго свѣта... Въ тѣни гарема почудился какой-то странный звукъ... Точно

чья-то грудь мелодически вздохнула... Рабыня открыла глаза — около брошеннаго посреди пола бубна мелькнула ящерица... Должно быть, упала сверху прямо на натянутую кожу его, и она отозвалась грустнымъ, всколыхнувшимъ этотъ сонный воздухъ, звукомъ... Заснулъ даже маленькій шалунъ Саисъ, дразнившій только-что кошку, какъ заснула и она, съ наслажденіемъ свернувшись среди этого тепла на мягкомъ пестромъ коврѣ, вытканномъ въ голыхъ сакляхъ пустыннаго Эль-Даира.

А ночь, когда вездѣ — и подъ темными сводами мечетей, и подъ арками домовъ, и въ окнахъ гаремовъ зажгутъ огни; ночь, оглашаемая живымъ трепетомъ струй въ говорливыхъ фонтанахъ, плескомъ Нила, тысячи лѣтъ съ одинаковой лаской лобызающаго каменныя громады, выстроенныя на берегахъ его, ночь, озаряемая яркими, страстными звѣздами африканскаго неба?.. Вонъ въ тишинѣ ея слышались громкіе звуки мѣстной музыки, пѣніе какихъ-то струнъ, стукъ бубновъ, печальное посвистываніе свирѣлей... Снится Зейнабъ, что вышла она на кровлю своего дома; въ лунномъ и звѣздномъ блескѣ вокругъ нея — въ синевѣ ночи — раскинулись тысячи такихъ-же плоскихъ кровель... Уступами, точно гигантскія лѣсницы, разбѣгающіяся во всѣ стороны и снова взбирающіяся вверхъ... А тамъ вдали — далеко, далеко — поднимаются суровыя, каменныя массы пирамидъ. Только три и различаетъ она. Онѣ точно стали на стражѣ пустыни... Тамъ за ними — она, величавая какъ море, но еще болѣе грозная своею неподвижностью... Горячимъ вѣтромъ часто дышетъ она на дивный городъ... И въ дыханіи этого вѣтра замираетъ на время все, что только осмѣливается жить рядомъ съ нею — грозной и таинственной, какъ сумракъ прошлаго, какъ марево будущаго...

— Зейнабъ!.. Зейнабъ!..

— Оставь меня... Мнѣ хорошо теперь...

И невольница опять наклонилась къ огню.

— Эй, Зейнабъ!.. — взяла ее за плечи Гюльма. — Проснись!

Зейнабъ открыла глаза и съ удивленіемъ оглянулась...

Темная комнатка казанлыкского гарема... Темныя стѣны, темныя окна, въ которыя смотритъ темный и холодный зимній вечеръ... Свѣчка горитъ въ жестяномъ шандалѣ...

— Зейнабъ, иди... Паша сейчасъ будетъ... Нужно ужинъ накрыть...

Зейнабъ съ сожалѣніемъ отошла отъ огня, подъ блескомъ и тепломъ котораго къ ней въ яркихъ снахъ слетало ея прошлое... Она оглянулась на Айшу... Та сидѣла, вся разодѣтая, на софѣ...

— Что такое? — переспросила Зейнабъ.

— Сейчасъ паша будетъ... Торопись... У стараго Гассана на кухнѣ все готово... Возьми и принеси сюда.

— Гдѣ же я была? — съ удивленіемъ проговорила Зейнабъ.

— Ангель Амру далеко уносить человѣка во снѣ.

— Я еще дальше была...

— Въ Миссирѣ, вѣрно... Ты всегда туда уходишь во снѣ.

— Да... Въ странѣ солнца, ханумъ...

— Здѣсь лучше... — проговорила Гюльма.

— Такъ сказала ящерица, забираясь къ себѣ подъ камень, во тьму и сырость. Птицѣ не мѣсто съ ящерицами... Умру — душа въ Миссирѣ пойдетъ... подумала Зейнабъ, уходя къ старому Гассану.

ГЛАВА XII.

Айша въ опасности.

мотри, сегодня будь поласковѣе съ пашей! — бросила Гюльма на бѣгу Айшѣ... Завтра онъ увѣжаетъ, нужно, чтобъ о тебѣ онъ сохранилъ самую лучшую память... Вѣдь онъ добръ для тебя.

Айша только кивнула головою...

Она думала о Соймоновѣ и ей было очень мало дѣла до пашы и до его любви или памяти о ней.

Записка отъ молодаго доктора совсѣмъ спутала ее... Что это значитъ? Какимъ образомъ онъ можетъ пробраться къ ней сюда... Онъ въ этомъ мусульманскомъ городѣ... Да если и проберется — что толку — какъ имъ видѣться здѣсь?.. Можетъ быть, онъ уже тутъ... Можетъ быть, онъ уже ищетъ ее, выжидаетъ момента ее увидѣть, а тутъ этотъ глупый паша, эти старухи, съ ихъ назойливымъ участіемъ...

Зейнабъ страхнула свои сны, заторопилась и завозилась по всему гарему...

Паша на этотъ разъ не заставилъ себя ждать...

Когда онъ показался въ дверяхъ, Гюльма поцѣловала его руку, что тотъ и принялъ, какъ должное...

— Завтра нужно уѣзжать, ты распорядись тамъ, чѣмъ нужно... Наши тоже уѣзжаютъ со мною... Заэдъ-эффенди и Омеръ.

— Все будетъ готово...

— О коняхъ я уже сказалъ Гассану... Чуть свѣтъ уѣду... Нужно къ полудню быть на Арабъ-Табіе. Русскіе что-то опять задумали...

— Да пошлетъ Аллахъ на ихъ головы моръ и голодъ... Да истребитъ ихъ ангель Азраилъ... да...

— Молчи, старуха... Нынче и Аллахъ, и его пророкъ отвратили лицо свое отъ правовѣрныхъ.

— Это все Стамбуль надѣлалъ!

— Да, пока турки жили по старымъ обычаямъ — они не знали поражений... Христіане вездѣ отступали передъ ними... А теперь, какъ въ Стамбулѣ армяне да греки забрали все въ свои руки — нашему могуществу конецъ пришелъ...

— Аллахъ смилуется.

— Гдѣ ему смиловаться... Гази Османъ въ плѣну... Плевна пала...

— Гази Османъ! — и старуха схватила за голову...

— Сорокъ пять тысячъ лучшихъ нашихъ войскъ уведены въ Москву...

— Вай-вай!.. И Гюльма заплакала, раскачиваясь на софѣ съ права на лѣво.

— Сто пятьдесятъ пушекъ, сотня тысячъ ружей — все это у русскихъ... Теперь они на насъ идутъ...

— На Шипку?

— Да.

— Они не осмѣлятся!.. Здѣсь они уже не разъ терпѣли пораженія!..

— Они на все осмѣлятся... У нихъ такой паша... Агъ-паша... А въ Стамбулѣ все еще этихъ грековъ да армянъ слушаютъ... Давно-бы нужно было объявить общій постъ мусульманамъ. Вырѣзать всѣхъ христіанъ и здѣсь, и въ Ру-

мели, въ Македоніи, въ Фессаліи и Эпирѣ, а потомъ самимъ взять и уйти за Босфоръ въ Азію, оставивъ здѣсь бесплодную пустыню... Кровь невѣрныхъ обрадовала-бы Аллаха, онъ-бы наконецъ послалъ намъ побѣду... Черезъ нѣсколько лѣтъ мы вернулись-бы сюда господами... Только христіанскихъ собакъ-бы не было, чтобы работать на насъ.

— Что-же султанъ думаетъ?

— Султанъ!.. Шейхъ-уль-Исламъ — давно ему совѣтовалъ сдѣлать это... Да Гамидъ развѣ способенъ на что-нибудь рѣшительное!.. Вѣдь онъ съ самаго начала все только, какъ женщина, колебался, да отлынивалъ... Рѣзня въ августѣ помимо его воли — Сулейманомъ устроена... Если еще такъ дѣла пойдутъ — на престолѣ калифовъ мы Сулеймана увидимъ... Родъ Омара, — совсѣмъ запятналъ себя дружбой съ невѣрными галилеянами! Срамъ! Какой-нибудь гауръ Зарифи *) больше власти имѣеть, чѣмъ Ибрагимъ-хаджа!.. Святой!.. Его палками недавно изъ Чарагана выгнали!..

— Немудрено, что пророкъ гнѣвень!..

— Я не удивляюсь, если черезъ мѣсяць урूसъ будетъ здѣсь хозяйничать, въ этомъ самомъ домѣ...

Айша жадно слушала разсужденія Хюсни-паши; не проронила ни слова, вдумываясь въ смыслъ передаваемыхъ имъ извѣстій.

„Русскіе кончили съ Плевной, русскіе скоро будутъ здѣсь!..“

И весело, и грустно становилось ей при этомъ... Значить, она скоро увидитъ своихъ сестеръ, доктора... Не объ этомъ ли онъ намекалъ ей въ своей запискѣ...

— Наша молодежь, ты знаешь, что думаетъ русскимъ предложить! — продолжалъ дѣлиться своими свѣдѣніями Хюсни.

— Ну?!

— Какъ-же... Кошка съ собакой хочетъ сдружиться!.. Имъ Европа, намъ Азія... Мы уйдемъ, вишь ты, отсюда въ Азію, и отнимемъ тамъ Индію у инглизовъ... Завоюемъ Пер-

*) Зарифи—Константинопольскій банкиръ.

сію, Кабуль, Белуджистанъ... Тамъ устроится у насъ громад-
ный калифатъ... Изъ Египта простой пашалыкъ сдѣлаемъ...

— Хоршо-бы.

— Да франки не позволяютъ. Они и теперь думаютъ,
какъ-бы разорвать насъ въ клочки... Инглизамъ нуженъ Еги-
петъ... Итальянцамъ — Триполи и Тунисъ; французы зарятся
на Сирію, греки на малоазіатскіе берега... А у русскихъ —
ротъ теперь широко раскрытъ... Нѣтъ такого куска, какой-
бы насытилъ ихъ... Они думаютъ все проглотить... Аллахъ
предалъ насъ въ руки невѣрныхъ... Урусъ ужъ на Эрзерумъ
идеть.

Въ гаремѣ воцарилось тяжелое молчаніе. Хюсни насупился,
глядя прямо въ огонь тлѣвшій въ печкѣ, Гюльма безмолвно пла-
кала опустивъ голову на круглую подушку... Одна Айша спокойно
глядѣла впередъ... Ей было рѣшительно все равно — что-бы
ни случилось... Она не питала вражды къ христіанамъ. Она
даже не могла до сихъ поръ понять, изъ-за чего эти муж-
чины перебѣсились и завели всю эту войну. Въ ея деревнѣ,
гдѣ она выросла, болгары не ссорились съ мусульманами...
И тѣ, и другіе работали себѣ рядомъ, какъ добрые сосѣди...

— Ну, довольно горевать! — обернулся Хюсни къ Гюльмѣ. —
Тебѣ еще много дѣла будетъ.

— Какого? — спросила Гюльма.

— Сюда со дня на день надо ждать русскихъ.

— Да спасетъ насъ Аллахъ.

— Они навѣрно прорвутся сюда горными проходами. Ла-
зутчики уже донесли, что они сосредоточиваются по ту сто-
рону Балканъ... Съ завтрашняго числа, Гюльма, начинай укла-
дываться, пока еще есть время, а такъ, черезъ недѣлю —
брось домъ на попеченіе стараго Гассана, а сама, съ Айшей
и Зейнабъ, отправляйся въ Эдирне (Адріанополь).

— Мы однѣ?

— Нѣтъ... Я на помощь и для охраны пришлю Омера...
Все-же спокойнѣе будетъ. Въ Эдирне я уже написалъ Мех-

меду — онъ будетъ готовъ... Тамъ меня и ждите... Намъ вѣрно придется отступать... Скоро увидимся... А вамъ лучше ѣхать теперь, пока еще дороги свободны... Неизвѣстно, что будетъ черезъ нѣсколько дней... Болгары могутъ занять всѣ пути — убьютъ и ограбятъ.

— Я думаю, паша, ты все представляешь себѣ слишкомъ мрачнымъ.

— Нѣтъ! Я знаю, что говорю... Съ тѣхъ поръ, какъ пала Карсъ, какъ пала Плевна — намъ нѣтъ спасенія...

— Значить и въ Эдирне могутъ войти русскіе...

— Одинъ Богъ знаетъ... У насъ мало войска совсѣмъ... У Сулеймана — ополченіе, не солдаты... Если-бы намъ до весны дали время, можно было-бы собрать — а теперь, едва-ли!..

Паша ударилъ въ ладоши... Зейнабъ показалась въ дверяхъ.

— Давай ѣсть, да и спать пора... Я сегодня здѣсь останусь!..

Гюльма бросила взглядъ на Айшу и улыбнулась...

Дѣвушка вспыхнула... Она никакъ не ожидала опасности съ этой стороны.

— Какъ хороша ты! — заговорилъ паша, осматривая ее. — Это Гюльма такъ нарядила тебя.

— Да.

— Какъ идетъ тебѣ все это... Въ Эдирне найдешь еще лучшіе уборы!..

— Мнѣ не надо!..

— Ого! — улыбнулся паша... — Дѣвушка отказывается отъ нарядовъ. Первый разъ слышу это.

— Я выросла, не зная роскоши...

— Теперь ее узнаешь!.. Каждому свое время.

Еще не успѣли Айша и Гюльма приняться за ужинъ, какъ за дверьми раздался тихій звонъ струнь...

— Это кто?

Паша улыбнулся.

— Я узналъ, что вамъ нравится пѣніе Заэдъ-эффенди и просилъ его пропѣть намъ изъ той комнаты кое-что.

Айшѣ очень нравился въ прошлый разъ его голосъ.

— Къ счастью, самъ пѣвецъ ни куда не годится! — улыбнулся паша.

Струны зазвенѣли — и замѣтно подь опытною рукою.

— Пекки-пекки! — повторялъ паша, прислушиваясь къ нимъ... — Хорошо, хорошо... Этотъ армянинъ достоинъ былъ бы играть и при дворѣ султана...

Прелюдія была скоро кончена, и первый, полный нѣги голосъ запѣлъ одну изъ пѣсенъ далекаго востока *).

Пусть все промчится, пусть вѣнчикъ розы

Сорветъ зима—

Пусть меркнетъ небо, бушуютъ грозы

Густѣетъ тьма—

Пока мы живы, пока мы юны,

Клокочетъ кровь,

Звучать лобзанья и славятъ струны

Одну любовь!..

Отдайся смѣло призыву страсти

И все забудь...

Ея великой, блаженной власти—

Покорна будь.

Не для того-ли расцвѣтъ прекрасный,

Чтобъ плодъ созрѣлъ—

Люби для счастья, для жизни ясной—

Таковъ удѣлъ!..

Осенній вѣтеръ цвѣты срываетъ,

Ихъ бьетъ морозъ,

Гдѣ милый вѣнчикъ—никто не знаетъ—

Отъ вешнихъ розъ.

Но тотъ, кто жадно благоуханьемъ

Тѣхъ розъ дышалъ,

О нихъ зимою воспоминанья

Благословлятъ!..

Пусть буря злится—придутъ морозы,—

Пусть почъ темна,—

Все тѣ-же въ сердцѣ сіяютъ розы,

Все та-жъ весна!..

Пока мы живы, пока мы юны,

Клокочетъ кровь,

Звучать лобзанья и славятъ струны

Одну любовь!

— Зейнабъ!.. Поди отъ меня поблагодари Заэдъ-эффенди!.. Довольно, скажи... Пусть спать ложится — завтра рано въ дорогу...

— Я уйду тоже... Прощай, паша! — поднялась Гюльма.

— Иди, иди!..

Айша осталась одна съ пашею.

Тотъ на время погрузился въ мрачное раздумье. Очевидно, что новости послѣднихъ дней потрясли его. Онъ низко опустилъ голову, такъ что тусклый свѣтъ нагорѣвшихъ свѣчей ложился только на красную феску Хюсни, да выхватывалъ изъ сумрака его длинные сѣдые усы...

Айшѣ становилось страшно.

— Зачѣмъ онъ остался здѣсь со мною! — думала она, стараясь не глядѣть на него.

Какъ всякая восточная женщина, Айша не способна была-бы сопротивляться своему господину пашѣ. Онъ могъ сдѣлать съ нею, что хотѣлъ. Въ ней не было силы для борьбы для протеста съ своимъ господиномъ...

— Подойди сюда... Сядь поближе!.. — взялъ онъ ее за руку.

Рука дѣвушки была холодна... Онъ потянулъ ее къ себѣ... Разстегнулъ пуговицы ея, шитой золотомъ, куртки... Изъ подъ нее блестнуло ароматное молодое тѣло... Грудь ея колыхалась, какъ волна, гонимая вѣтромъ. Вдругъ въ дверь комнаты кто-то постучался...

— Кто тамъ? — приподнялся паша...

— Я... Гюльма.

— Что тебѣ?

— Отъ Вейсиля-паши телеграмма... Съ Шипки...

Хюсни подошелъ къ дверямъ, съ неудовольствіемъ взялъ ключокъ бумаги, но только-что взглянулъ на нее, какъ разомъ встревожился.

— Коней!.. Скажи Заэду и Омеру, чтобы сейчасъ ѣхали со мной... Живо!

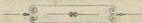
— Что такое? — вошла Гюльма.

— Сію минуту нужно ѣхать.

— Случилось что?

— Русскіе показались на вершинахъ Балканъ!..

Айша, радостная и счастливая, благодарила судьбу за свое спасеніе.

ГЛАВА XIII.

Турецкій гаремъ.

олгое время турецкій гаремъ являлся въ представле-
ніяхъ европейца яркой сказкой изъ тысячи и одной
ночи... Таинственная жизнь за тяжелыми занавѣсами и дамас-
скими коврами отдѣлявшими, терема мусульманскіе отъ осталь-
наго міра, раздражала воображеніе, и самыя блестящія фантазіи
казались далеко не соотвѣтствующими обольстительной дѣйстви-
тельности, ревниво охраняемаго евнухами и черными невольни-
цами, гарема... Путешественники, желая придать большій инте-
ресъ своимъ рассказамъ о Востокѣ, еще болѣе спутывали понятія.
Въ печати являлись рассказы, какъ таинственная старуха вела
смѣлаго туриста за руку по темнымъ переулкамъ Стамбула,
какъ вдругъ гдѣ-нибудь подъ тѣнью гранатнаго дерева она
останавливалась передъ казавшеюся совсѣмъ глухою стѣною...
Зловѣще прикладывала палецъ въ губамъ... Туристъ замиралъ
отъ ожиданія... Два раза старуха ударяла въ ладоши — и
вдругъ въ глухой стѣнѣ открывался узкій входъ... За ними —
дремали громадныя кипарисы садовъ, чудныя цвѣты разли-
вали свое благоуханіе; серебряныя озера мерцали и млѣли

подъ луннымъ блескомъ; откуда-то доносился страстный говоръ струнъ, мягко сливавшійся съ лепетомъ полусоннаго фонтана... Туристъ и дуэнья, какъ двѣ фантастическихъ тѣни, скользили по сумрачнымъ аллеямъ. Красные лепестки гранатныхъ цвѣтовъ падали на ихъ лица, лиліи по сторонамъ едва касались ихъ рукъ, точно привѣтствуя: „добро пожаловать, — дорогіе гости“. Наконецъ, вдали обрисовывалась темная мавританская арка... Изъ глубины ея чудился красноватый свѣтъ бумажнаго фонаря — и какъ только туристъ вступалъ туда, — тотчасъ-же ему открывался настоящій рай Магомета, рай, который подымалъ нервы у десятковъ тысячъ читателей. Въ сказочномъ царствѣ чудныхъ гурій и невиданныхъ дотошъ красавицъ счастливый путешественникъ проводилъ время до утра, — а когда солнце начинало золотить башни сераскеріата, когда на вершинахъ Мармара и Принкипо загорались первые лучи дня, — являлась та-же дуэнья, завязывала туристу глаза и выводила его на другую улицу. Тутъ повязка спадала съ глазъ, и европеецъ, — точно очнувшійся отъ очаровательнаго сна, съ удивленіемъ оглядывался кругомъ. Передъ нимъ тянулась глухая глиняная стѣна, изъ-за которой только вершины осыпанныхъ красными цвѣтами гранатъ вырывались на свободу; дальше вилась безлюдная улица съ такими-же слѣпыми домами; въ концѣ ея, внизу, пѣвучая волна Босфора набѣгала на теплый берегъ... А въ вышинѣ — тонкіе и величавые — рисовались уже въ яркомъ блескѣ зари минареты безчисленныхъ джамій сказочнаго города... Иногда туристы разнообразили свои рассказы. При выходѣ изъ калитки ихъ ждалъ ревнивый мужъ. Повязка спадала съ глазъ очарованнаго странника и въ ту-же минуту что-то, словно молнія, прорѣзывало воздухъ... Острая боль въ груди — и странникъ падаетъ на неохладившіеся еще за ночь камни царьградской мостовой... Убійца исчезаетъ... Въ полубморочномъ состояніи путешественникъ слышитъ какой-то отчаянный вопль за стѣною гарема... Казалось-бы, послѣ этого несчаст-

наго приключенія туристъ никакъ не могъ-бы написать десяти томовъ путешествія своего въ страну чудесъ, — напротивъ, онъ долженъ былъ-бы мирно почивать подъ тѣми самыми громадными кипарисами константинопольскаго кладбища, которые онъ описалъ такими яркими красками. Нѣтъ!.. Въ концѣ концовъ, очарованный странникъ даже жилъ въ какомъ-то таинственномъ медресе, куда его уносили благодѣтельные муллы и лечили тамъ раненаго гяура, надѣясь впоследствии обратить его въ поклонника пророка. Этому вѣрили; путешественнику завидовали; и долгое время, вернувшись на свою холодную родину, онъ казался своимъ соотечественникамъ какимъ-то счастливымъ выходцемъ изъ другаго таинственнаго, сказочнаго міра яркихъ чудесъ, поэтическихъ приключеній и оставшихся неразгаданными злодѣяній...

Увы! — все это, какъ лепестки цвѣтовъ осенью, осыпалось давно. Краски слиняли; золото оказалось литатурою; драгоценные камни — простыми стеклами... Таинственная жизнь Востока предъ судомъ европейскіхъ реалистовъ потеряла всю свою прелесть... Правда, и теперь еще въ блестящихъ влѣткахъ турецкаго гарема задыхаются тысячи женщинъ, — но мы уже знаемъ, что это не обольстительные пріюты любви и запретнаго счастья, а просто грустныя тюрьмы, куда до сихъ поръ могли проникнуть только знакомая дама изъ европейскаго дипломатическаго міра, да скромный врачъ, призванный лечить, въ присутствіи евнуховъ и дуэній, больную обитательницу супружеской темницы. Прежде всего разлетѣлись сказки о многочисленности обитательницъ гарема. Большинство послѣднихъ не заключаетъ въ себѣ болѣе одной жертвы. Полигамистовъ въ Турціи не болѣе четырехъ или пяти на сто, да и эти счастливцы рѣдко-рѣдко утѣшаются ласками болѣе чѣмъ двухъ женъ. Многоженство тамъ, положимъ, учрежденіе государственное, но, чтобы имъ пользоваться, нужно быть очень и очень богатымъ. Бракъ у турокъ скорѣе можетъ считаться гражданскимъ, чѣмъ церковнымъ. Онъ есть, прежде

всего, результатъ цѣлаго ряда экономическихъ договоровъ, купли и продажи. Имамъ, освящающій его, исполняетъ, въ сущности, не обязанность пастыря, призывающаго на юную чету благословеніе неба, а — нотариуса, скрѣпляющаго взаимныя обязательства супруговъ. Еще до сихъ поръ случается, весьма часто, что турокъ-женихъ ни разу не видитъ до самаго брака своей невѣсты. Только богатые изъ нихъ пользуются услугами дуэній — ашиклихъ. Ашиклихъ доставляетъ случай юношѣ увидѣть дѣвушку. Разговоровъ между ними никакихъ. Она уронитъ цвѣтокъ гранаты, онъ подниметъ и коснется до него губами. Вотъ и все... Рѣдко-рѣдко онъ позволитъ себѣ сказать ей „бенъ-гызмынъ“ — „твои глаза.“; — ашиклихъ стоитъ на-сторожѣ и спѣшитъ ее или его увести прочь отсюда... Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще до сихъ поръ нерушимо хранятся обычаи и преданія древняго ислама, — мужчина до свадьбы совсѣмъ не видитъ дѣвушки... За нею наблюдаютъ, такъ называемыя, „разсматривальщицы“... Эти идутъ или прямо въ гаремъ, гдѣ выросла эта роза, или въ баню, куда она отправляется мыться и проводить, по мусульманскому обычаю, цѣлый день. Такимъ путемъ и женихъ, и невѣста получаютъ первыя свѣдѣнія другъ о другѣ... Если восторженные описанія прелестей дѣвушки, сдѣланныя старухами разсматривальщицами, вскружили голову юношѣ, онъ посылаетъ въ семью своей будущей невѣстѣ векхилей, т. е. сватовъ. Семья, выслушавъ послѣднихъ, назначаетъ, съ своей стороны, тоже двухъ или трехъ векхилей. Затѣмъ бракъ становится уже чисто денежной сдѣлкой. Векхили встрѣчаются гдѣ-нибудь — и ведутъ переговоры, въ которыхъ нѣтъ ни одного слова о любви и страсти. Романтизмъ отсутствуетъ совсѣмъ — тутъ считаютъ деньги и хорошо считаютъ, какъ жиды, выторговываютъ лиру за лирой, сотни разъ успѣютъ расплеваться и разойтись, прежде чѣмъ порѣшуть окончательно. И во все это время женихъ и невѣста не только не видятся, не разговариваютъ, — но и случаевъ къ сближенію не ищутъ.

Вѣдь еще неизвѣстно, чѣмъ кончатся эти переговоры!.. Какъ только веяхили сговорились — карманы жениха начинаютъ трещать. Веяхили, въ присутствіи свидѣтелей, заключаютъ формальный контрактъ. Является имамъ, благословляющій это условіе — и государство, и церковь считаются исполнившими свои обычаи...

Разумѣется, не вездѣ обычаи одинаковы.

Вольнолюбивая Аравія не знаетъ такихъ стѣсненій. Аравитянка не закрываетъ своего чуднаго лица, а дивныя красавицы Омана ранѣе формального брака принимаютъ въ своихъ шатрахъ полюбившихся имъ юношей. Даже на опаленныхъ солнцемъ и бесплодныхъ каменныхъ горахъ Неджда женщина знаетъ, за кого она выходить замужъ... Нѣтъ у избранника ея денегъ и стада, чтобы заплатить жадной семьѣ ея калымъ — она сама подастъ ему мысль увезти ее... Ночью, при блескѣ яркихъ аравійскихъ звѣздъ, освѣщающихъ голые скалы и утесы бесплодныхъ горъ, — юноша сажаетъ ее передъ собой въ сѣдло кровнаго скакуна и быстро увозитъ добычу, а чтобы его не считали за вора — шагахъ въ двухстахъ отъ мирнаго шатра ея отца стрѣляетъ въ воздухъ изъ ружья... Братья, отецъ, родные поднимаются въ погоню — и часто, вмѣсто любви и счастья, юноша находитъ смерть въ пустынѣ, гдѣ его конь усталъ, или гдѣ его нагнали озлившіеся родственники похищенной дѣвушки... Тутъ, дѣйствительно, смерть идетъ рядомъ съ любовью. Собираясь въ бой, арабъ пріостанавливается у шатра своей избранницы и, дождавшись ея — кидаетъ ей вмѣсто послѣдняго прости: „за твои глаза иду на битву и на смерть“. Этотъ древній обычай сохранился и до сихъ поръ. Насколько онъ древенъ, видно изъ Абу Темма, изъ арабскихъ пѣсень „Гамазы“, осходящихся къ VIII столѣтію. Женщина у бедуиновъ — совсѣмъ не та раба, какою мы привыкли ее видѣть у турокъ. Она даже, въ качествѣ хиди, участвуетъ въ походахъ своего племени. Красивѣйшую дѣвушку племени беретъ съ собою въ походъ. Она —

хидія, она — божество отряда... Вся въ блестящихъ украшеніяхъ, сидитъ она на богато убранномъ верблюдѣ, и съ гордой улыбкой идетъ на смерть, зная, что самый трусливый боецъ отъ одного ея взгляда обратится въ героя... Преданія о битвахъ при Шатъ-эль-арабѣ, нынѣшнія войны турецкихъ пашей съ бедуинами въ райскихъ, покрытыхъ финиковыми рощами, долинахъ Евфрата — воскрешаютъ каждый разъ эту дивную эпопею хидій... Турки стараются, прежде всего, или убить, или взять въ плѣнъ хидію — тотчасъ послѣ этого, какъ послѣ потери знамени, бедуины утрачиваютъ вѣру въ побѣду и стараются только умереть, вспоминая дивныя, огненные очи дочери шейха, избранной ими въ хидію... Хидія, возвращающаяся въ отеческій шатеръ съ побѣдой — становится идоломъ цѣлаго племени. Оскорбленіе, нанесенное ей, наказывается смертью; ради любви къ ней совершаются подвиги, о которыхъ поютъ потомъ странствующие рапсоды... Юноша, обоженный взглядомъ ея божественныхъ очей, часто застрѣливается при ней, чтобы въ минуту его смерти она уронила свою слезу на бьющееся въ послѣдней агоніи тѣло несчастнаго... Но это все въ Аравіи, въ долинахъ Евфрата, тамъ, гдѣ мусульманская регламентація и обрядовая формалистика оказались бессильными въ борьбѣ съ преданіями и любовью къ свободѣ!..

У турокъ женщина все-таки раба!.. Раба, на столько-же непохожая на аравитянку, на сколько возовая рабочая лошадь не похожа на дикаго мустанга.

Напрасно думаютъ, что мусульманская женщина — не оставила ничего потомству. Цѣлый рядъ именъ перечислять вамъ, когда отъ непригляднаго настоящаго начнутъ обращаться къ яркому прошлому. Шитскія пилигримки завѣщали цѣлый циклъ своихъ пѣсенъ о священной Кербелѣ; поэтессы тихаго Неджеда, не переводятся, въ спаленной солнцемъ Аравіи; фантастическія сказки аравитянки Зейнабъ, до сихъ поръ рассказываются въ шатрахъ бедуиновъ, кочующихъ у священныхъ стѣнъ Медины. Мудрость и таланты Гинды, Амры

и Зорайи, до сихъ поръ приводятся въ примѣръ дѣвушкамъ этого, богато одареннаго, народа. А Олея — чудныя струны которой умиряли жестокихъ и заставляли плакать тирановъ. По словамъ бедуинской легенды, калифъ Гарунъ, послѣ одной изъ лучшихъ пѣсень, припѣвъ которой подхватывался хоромъ цѣлаго гарема, высыпалъ на головы этихъ кантатрисъ шесть милліоновъ золотыхъ монетъ... Рабыня становилась царицей, благодаря красотѣ, уму и талантамъ. Въ Заморрѣ калифъ Матасемъ создалъ цѣлое царство любви; послѣдніе Аббасиды возвели женщину на невиданную дотолѣ высоту... Славная пѣвица Джемиль, окончившая консерваторію Медины, восхищала своихъ современниковъ такъ, что знаменитый бедуинскій шейхъ Матасемъ-бей-Абдалла — пошелъ въ добровольное рабство къ полудикимъ племенамъ Адена, чтобы заглушить въ груди тоску по этой аравійской Патти, когда она умерла подъ ударомъ копыа какой-то изъ ревнивыхъ красавицъ Мекки... Поэтическая легенда царства женщинъ здѣсь была разрушена монголами. Тюркскія племена низвели женщину до положенія домашняго скота.

Мы довели описаніе обычаевъ гарема до того, когда брачный контрактъ уже оконченъ и благословенъ имамомъ.

Тутъ начинаются пиры. Они никогда не продолжаются день или два, чаще недѣлю или двѣ.

Въ первый день — обрученіе.

Во второй — мужъ присылаетъ свои подарки невѣстѣ. Чѣмъ богачѣ молодой — тѣмъ подарки роскошнѣе.

Третій — векхили и пріятели мужа, вмѣстѣ съ нимъ, справляютъ мальчишникъ.

Четвертый, пятый, шестой и седьмой — празднества для женщинъ у невѣсты.

Восьмой — самое вѣнчаніе. Невѣсту выводятъ закутанною въ дорогія фераджи и яшмаки... Предполагается, что молодой еще до сихъ поръ не видѣлъ лица... Золотистое покрывало скрываетъ ея формы. Только глаза ея сверкаютъ изъ подъ

сквознаго урюза. Молча стоитъ передъ нею юноша, потомъ ихъ разводять въ разныя стороны... Мужъ отправляется къ себѣ и ждетъ ее на порогѣ дома. Черезъ нѣсколько времени цѣлый кортежъ доставляетъ ее къ нему: по улицамъ слышны крики лезущей толпы, выстрѣлы развеселившихся родственниковъ, звуки музыки, раздирающей европейское ухо, но пріятно возбуждающей мусульманина.

Тутъ ее уводятъ въ гаремъ. Мужъ отправляется въ конакъ для гостей, тамъ до полночи длится пиръ, гости пьютъ шербеты, ѣдятъ кебабы... Наконецъ, наступаетъ условный часъ... Гости расходятся.

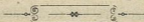
Тайкомъ мужъ пробирается въ гаремъ.

Тамъ его ждетъ молодая. Она закрыта все тѣмъ-же золотистымъ покрываломъ. Неподвижно сидя на тахтѣ она ни однимъ словомъ не встрѣтитъ своего повелителя. Около нея старуха. Какъ только мужъ показался на порогѣ — старуха срываетъ покрывало съ жены его и неслышно исчезаетъ въ одной изъ боковыхъ дверей. Матовый свѣтъ бумажнаго фонаря сверху скользитъ по парчевымъ покрываламъ, по яркимъ шелковымъ подушкамъ и шитымъ серебромъ софамъ... Шаги мужа не слышны, ихъ скрадываетъ пушистый и мягкій коверъ. Подойдя къ молодой, онъ садится у ея ногъ... Оба они молчатъ первое время: они еще не знаютъ другъ друга, часто даже и не видѣлись вовсе до этого момента... Молчаніе длится, слышится только изъ за стѣны меланхолическій трепеть воды въ бассейнѣ, да крики птицъ, нарушающихъ въ густомъ саду благоговѣйное безмолвіе сонной ночи... Но вотъ золотомъ шитая туфля упала съ ноги молодой, мужъ схватываетъ эту ножку и приникаетъ къ ней губами; молодая отодвигается въ уголь дивана — мужъ садится рядомъ. Ревниво охватывающій ея станъ поясъ дразнить его; онъ нерѣшительно беретъ его и снимаетъ, падаютъ, поддерживаемые поясомъ покровы и теперь къ журчанію воды и шороху вѣтвей присоединяются все-же безмолвные поцѣлуи...

Утромъ мужъ старается незамѣтно выскользнуть изъ гарема. Показаться теперь постороннимъ было-бы неприличіемъ.

Затѣмъ, для турецкой женщины начинается крайне-однообразное существованіе.

Внѣшній міръ она видитъ или только на улицѣ, когда скользитъ по ней тщательно закутанная въ свои покрывала, или сквозь мушераби—гаремное окно—закрытое такъ устроенною рѣшеткою, что изъ-за нее улица или площадь видны, но съ улицы или площади внутрь гарема не проникнетъ самый внимательный взглядъ. Изъ гаремлика — она никогда не позволитъ себѣ выйти въ отдѣленіе, гдѣ живетъ ея мужъ — селямликъ. Если женъ нѣсколько, то каждая изъ нихъ имѣетъ свою *ода*, т. е. комнату или двѣ, гдѣ она и живетъ со своею прислугою. У богатыхъ людей — массы невольницъ. Мужъ, по законному праву, пользуется тѣми изъ нихъ, которыя ему приглянутся и только рабыня, родившая отъ него дитя, становится свободною. Единственнымъ развлеченіемъ для всей этой толпы — ходьба въ гости и баня... Тутъ онѣ проводятъ цѣлые дни, сплетничая, танцуя, распѣвая пѣсни, играя на различныхъ инструментахъ и, наконецъ, обѣдая, такъ какъ всевозможные кебабы, мяса берутъ съ собою изъ дому и только жарятся и варятся тутъ. Въ большихъ городахъ женщины, закрывъ лицо тюлевымъ яшмакомъ и набросивъ на себя темный ферадже, — толпами ходятъ по улицамъ, провожая встрѣчныхъ горящими отъ любопытства глазами... Любовныя похождения въ гаремахъ, о которыхъ столько толковали путешественники, рѣдки и исключительны. Гаремное заключеніе не благопріятствуетъ развитію страстности въ женщинѣ и, кромѣ своего законнаго обладателя, она, въ большинствѣ случаевъ, не желаетъ никого больше...

ГЛАВА XIV.

Ночная рекогносцировка.

Н е успѣлъ Тереховъ дописать своей импровизаци, въ видѣ письма къ невѣстѣ, какъ его потребовали къ генералу.

— Тереховъ, надѣньте-ко саблю.

— Что такое, Савельевъ?

— Знаменитый генералъ Бабковъ васъ требуетъ.

— Чего еще тамъ?

— Да порученіе какое-то... Понадобилось.

— Какъ-бы еще въ главную квартиру не отправилъ...

Вѣдь отъ него хватить, чего добраго.

— Ну, нѣтъ, кажется куда-то на боевыя позиціи...

— Слава Богу!..

И оба пошли въ небольшой болгарскій домикъ, гдѣ въ абровѣ поселился генералъ.

„Мужланъ“, какъ назвалъ его въ письмѣ Тереховъ, ужъ бѣгалъ изъ угла въ уголь, сѣменя своими коротенькими ножками и неистово злясь на что-то... Бабковъ то подбирался къ столу, ёрзалъ по картѣ замусленнымъ пальцемъ, попадая вмѣ-

сто Сеймели въ Вѣну, а вмѣсто Гассанъ-Кіоя — въ Бѣлградъ... Истошась въ безплодныхъ усиліяхъ найти что ему надо, онъ отвертывалъ большое стекло изъ бинокля и пускалъ его въ дѣло вмѣсто луны. Но какъ и мартышкѣ, надѣвшею на хвостъ очки — луна ему не помогала, потому-что подъ нею ни съ того, ни съ сего выросталъ Букарешть.

Генераль отшлепывался, ругалъ кого-то скотиной и опять начиналъ свое кругосвѣтное плаваніе по комнатѣ.

— Экая гадость! — злобствовалъ онъ, упираясь въ стѣну.

— И какой подлець эту карту составлялъ!.. Чтобы ему пусто было... Ничего не разберешь...

Бобковъ опять кидался на карту съ жадностью верблюда, усмотрѣвшаго въ пустынѣ источникъ... Опять шмыгалъ по ней всѣми десятью перстами.

— Вотъ карта-то!.. И куда эту Гассанъ Кіой черти упрятали?.. Кажется, ее въ этой сторонѣ Савельевъ показалъ. Кажется тутъ-бы ей слѣдовало быть... А нуко-съ... — Луна устремлялась на намѣченную точку.

— Зимница! — читалъ генераль и нѣсколько минутъ хлопалъ глазами...

— Ишь напутали стервецы!.. Выдумали эти биньи (бинокли) да карты!..

Какъ разъ эту минуту въ землянку вошелъ Савельевъ съ Тереховымъ.

— Вотъ что, поручишь...

Тереховъ вытянулся, но въ глазахъ его такъ и свѣтилось, что онъ подозрѣваетъ кантонистское происхожденіе знаменитой фамиліи Бабковыхъ.

Тереховъ принадлежалъ къ числу тѣхъ балованныхъ любимцевъ счастья, которые каждому старшему ихъ чиномъ армейцу, самому заскорузлому, откозыряють, но рубли ему не подадутъ ни за что.

Своеобразное пониманіе воинской чести, свойственное, въ сожалѣнію, не одному ему.

— Вотъ что, поручикъ Тереховъ...

Тотъ еще разъ щелкнулъ шпорами. „Слушаю-де, говори скорѣй“.

Генераль хотѣлъ было разозлиться, Тереховъ почему-то особенно раздражалъ его, а въ этомъ щелканьи шпоръ Бобковъ усмотрѣлъ внезапно личную обиду.

— Вы того... Шпоры свои...

— Шпоры отъ Нестерова, ваше превосходительство.

— Чего такого?

— Отъ Нестерова, говорю, шпоры...

— То есть, какъ это? — совсѣмъ спутался Бабковъ, начиная багровѣть.

— По два рубля за пару-съ...

— Молчать! — рывкнулъ генераль и вдругъ обрѣзался... —

Вотъ тутъ дѣло-съ... А вы шпоры... И при чемъ Нестеровъ — не понимаю-съ... Вы эти гвардейскія свои привычки-съ... Того...

— Чего-съ, ваше-ство.

— По хвосту-съ... Вотъ, чего-съ!.. Что вы пылите на меня-съ... Пыль въ глаза пущать не удивительно-съ, а вотъ вы дѣло мнѣ одно обдѣляйте и чтобы въ аккуратѣ... Тогда я васъ благодарить буду.

— Что прикажете?..

— Возьмите нѣсколько человѣкъ надежныхъ донцовъ. Слышите?

— Слушаю-съ.

— Выберите себѣ охвицера по душѣ — и сдѣляйте рекогносцировку въ сторону къ Гассанъ-Кіой... Вотъ здѣсь... — указалъ онъ ему на карту.

— Слушаю-съ!.. Но только здѣсь Вѣна, ваше-ство!

— Молчать!..

— Я молчу-съ...

— Что вы разсуждаете... Вѣна!.. Какая Вѣна, когда я говорю Гассанъ-Кіой... Какой-нибудь болванъ начертилъ карту,

а я, по вашему, ей вѣрить долженъ? Что мнѣ Вѣна, я вамъ такую Вѣну дамъ...

„Настоящій Бобковъ“ — думаль про себя Тереховъ, выслушивая генеральскую распеканцію... „Экъ пальцами-то по картѣ ёрзаетъ... экъ ёрзаетъ-то...

Бобковъ, вѣроятно для большей убѣдительности, опять помуслилъ палець и еще настойчивѣе уперся имъ въ кружечекъ Вѣны, точно желая ее совсѣмъ выдавить прочь отсюда...

— Вѣна!.. — неунимался онъ. — И городъ подлый!..

— Точно такъ!..

— Чего...

— Я говорю тоже — подлый!..

— Еще-бы... Австріаки эти тоже-съ, скажу вамъ... Провосты!.. А отсюда вы посмотрите дорогу на Люле Ормазь... Слышите...

И мокрый палець генерала, освободивъ Вѣну, поѣхаль уже по направленію къ Инспруку.

— То есть къ Инспруку? — Не воздержался Тереховъ.

— Какъ? — генераль не слышалъ такого названія.

— Къ Инспруку, ваше превосходительство? — какъ можно почтительнѣйше спросилъ Тереховъ.

— Ну тамъ все равно... Болгары называютъ можетъ по вашему, а турки зовутъ его Люле-Ормазомъ... Посмотрите и донесите мнѣ завтра утромъ, чего тамъ нарыли эти подлецы... Шпіоны доносятъ, что тамъ на высотѣ... Какъ бишь его? — обернулся онъ къ Савельеву.

— На высотѣ Дервишь Беира...

— Ну вотъ, турки поставили тамъ новый редутъ и вооружили его орудіями. Сверхъ того, посмотрите взъѣзды на Маркову гору, узнайте, можно-ли на нее орудія встачить... А пока, — и генераль перешель въ ласковый тонъ, — мы закусимъ чѣмъ Богъ послалъ... Ну, садитесь-ко господа!

Господа сѣли...

— И какой подлець эту карту чертилъ? — задумчиво про-

говорилъ генераль, оборачиваясь на карту, — точно изъ-за нея смотрѣло на него лицо личнаго врага его превосходительства.

— Кого-бы взять съ собою? какъ вы думаете? — обернулся Тереховъ къ Савельеву, когда онъ вышелъ отъ генерала.

— Вы возьмите Свистунова.

— А что?

— Храбрый офицеръ, сообразительный... И — что для васъ главное — скромный...

— Почему-же для меня главное?..

— Ну, вотъ объяснять!.. сами вы пороку не выдумаете, а награду получить, разумѣется, не онъ... Свистуновъ по крайней мѣрѣ жаловаться не будетъ.

— Онъ донецъ?

— Да... настоящій степнякъ, молчаливый, угловатый...

— Пусть изъ своей сотни выбереть человѣкъ десять.

— Генераль приказалъ не больше пяти.

— Бабкову легко говорить — пять!.. Пусть его самъ сунется... Нутко — пять... Тутъ и съ десятью дай Богъ справиться.

— Ну, да ладно, ужь. Для васъ Тереховъ, только для васъ, а тамъ хоть трава не расти...

— Нужно будетъ съ собой коньяку и прочихъ прелестей въ кабуры забрать.

— Да чего-же лучше, вонъ въ той улицѣ — новый марбитантъ...

— Ну, и валимъ къ нему!..

Габрово уже было неузнаваемо.

Прошло только нѣсколько дней, а уже по улицамъ валили плотныя волны народа.

Проходили куда-то новыя полки. Солдатики 14-й дивизіи останавливались, руки въ бокъ, фертомъ...

— Здорово Плевенскіе!..

— Здорово Шишка!..

— Мы не выдали, теперь ваша очередь... И вы не выдавайте...

— Слава Богу, знаемъ... Мы, вѣдь, тоже... Скобелевцы!..

— Какъ вы нонче турку расшибете, такъ и войнѣ конецъ.

— Это точно.

— Сказываютъ, въ Кискинтинополѣ намъ новые сапоги построятъ... И полушубки дадутъ.

— Чудесное дѣло.

Офицеры тоже сходились кружками.

— Что, господа? Когда за Балканы?

— Скоро, скоро...

— Не слышно, какимъ путемъ?

— Въ тайнѣ хранить.

— А рекогносцировку въ какія стороны дѣлаютъ?

— Во всѣ. И изъ Трояна, и изъ Травны. Что тутъ однихъ генераловъ наѣхало — страсть.

— Значить скоро...

— Шестнадцатая дивизія вся уже прошла.

— Опять бойня начнется.

— Да, надоѣло сидѣть такъ-то!..

Юркій жидокъ, при свѣтѣ двухъ фонарей, возился въ лавкѣ среди беспорядочно разбросанныхъ ящичковъ, бутылокъ и корзинъ. У прилавка толпились офицеры, то и дѣло подходили деньщики... Въ самой лавкѣ стояли столики, заставленные бутылками... Около вспыхивали сигары, слышались громкіе разговоры, лязгъ сабель и звонъ шпоръ. Чье-то всхлипыванье доносилось изъ-за угла.

— Это кто тамъ?

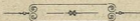
— Братушка одинъ.

— Чего онъ?

— Да интендантъ его смазалъ нагайкой... Ну и плачетъ.

— А онъ-бы обратно ему — по уху.

— Я ужъ училъ... Трусъ народъ... Тутъ вчера одинъ изъ этихъ валецовъ турку хлопнулъ по затылку, такъ тотъ за ножъ сейчасъ!..

Глава XV.

Новая опасность.

Айша почувствовала себя совсѣмъ счастливою, когда Хюсни торопливо выбрался изъ гаремлика.

Теперь ей не грозила опасность; она прислушивалась къ нетерпѣливому топоту коней во дворѣ, къ крикамъ конвоя, торопившаго конюховъ, къ говору солдатъ, собиравшихся слѣдовать за всадниками... Гюльма, оторопѣвъ, вбѣжала было въ комнату, но ее сейчасъ-же позвали и она опять оставила Айшу одну. У восточной женщины не нашлось-бы силы для сопротивленія. Потомъ, разумѣется, воспоминаніе о Соймоновѣ тревожило-бы красавицу — но съ каждымъ днемъ блекло-бы отъ новыхъ впечатлѣній. Пестрая жизнь Адрианополя и Стамбула разсѣяла-бы послѣднія сожалѣнія... Изъ Айши выработалась-бы скоро обычная гаремная затворница, ничего не ищущая, почти не живущая... Теперь за то Айшѣ дышалось вольно и легко. Еще нѣсколько дней и болгаринъ отведетъ ее обратно въ Габрово, и, разумѣется, она уже не вернется назадъ, въ опротивѣвшую ей среду единовѣрцевъ... Жаль, разумѣется, этихъ нарядовъ... тамъ такихъ не будетъ; придется

навсегда разстаться съ этими браслетами, ожерельями, серьгами... совсѣмъ, навсегда!.. Какъ еще удастся перейти черезъ Балканы?.. Болгары не тронуть ея, проводникъ спасеть отъ нихъ, а вотъ турки, свои?.. Будь, что будетъ. Она знаетъ одно, она не останется здѣсь ни подъ какимъ видомъ!..

— Онъ остается!..

Айша съ удивленіемъ приподняла голову...

— Онъ остается!.. — тихо, тихо шептала ей Зейнабъ, неслышно вошедшая въ комнату.

— Кто — онъ?

— Онъ, который пѣлъ... Заэдъ-эффенди... Ему какое-то порученіе далъ наша... Онъ тутъ будетъ, около насъ.

— Какое порученіе?

— Да, вишь, русскихъ ждуть сюда... Такъ Заэдъ долженъ, въ случаѣ опасности, проводить насъ въ Эдирне...

Айша совсѣмъ не обрадовалась этому...

— Что-же... Развѣ тебѣ неприятно?.. Онъ каждый день будетъ у тебя подъ окномъ пѣть.

— Не хочу я этого.

— Онъ и сегодня будетъ около... Ему не запретишь...

И Гюльмѣ нравится...

— Экая бѣда, экая бѣда! — вбѣжала Гюльма.

— Что такое?

— Пашѣ и отдохнуть не удалось съ тобой, моя крошка, моя бѣлая птичка!.. Бѣдная ты моя, бѣдная!..

— А я рада, что все устроилось такъ...

— Что вы, дѣвушки, понимаете!.. Паша намъ для защиты Заэда оставилъ!

— Не надо...

— Какъ не надо... Онъ развлекать тебя будетъ!.. И сегодня еще споетъ... Самъ для тебя прибралъ и голосъ, и стихи... Вѣдь это ничего. Вѣдь онъ не увидитъ твоего лица, — слѣдовательно, все равно...

— Ужь поздно!

— Да онъ недолго... — вмѣшалась Зейнабъ.

Шумъ на дворѣ все усиливался и усиливался, наконецъ, послышался чей-то хриплый окликъ... Донеслись бряцаніе уздечекъ и звонъ шпоръ о стремяна... „Вѣрно садятся“, сообразила про себя Айша, прислушиваясь ко всей этой кутерьмѣ... Вѣрно садятся... И, дѣйствительно, вслѣдъ сейчасъ же послышался топотъ копытъ... Заскрипѣли ворота, затворявшіеся за ними... Звуки разомъ смолкли; только издали доносится шорохъ какой-то, но вотъ и онъ замеръ; совсѣмъ замеръ... Такъ тихо стало, что лепетъ струи фонтана отчетливо звучитъ среди этого торжественнаго молчанія почти... Чу!.. издали въ этомъ лепету примѣшался какой-то нервный, точно вздрагивающій звукъ... Другой... Третій... Переборъ струнъ... Печальная мелодія... То замираетъ она, то вспыхиваетъ...

— Это Заэдъ... Онъ обѣщаль! — всполошилась Гюльма.

— Онъ и есть! — и Зейнабъ выскочила въ дверь.

Какъ рабыня, она имѣла право встрѣчаться съ другими съ открытымъ лицомъ и говорить съ мужчинами.

— Что-же онъ не поетъ? — волновалась Гюльма, слегка приподымая створку окна.

— Вотъ, вотъ... Началь...

— Слушай, слушай!..

Золотой пшеницы колосья —

Зерна на землю роилютъ...

О, Айша! Изъ глазъ прелестныхъ

Слезы падаютъ, какъ зерна!..

Эти зерна мнѣ дороже

Тѣхъ жемчужинъ многоцѣнныхъ,

Что въ бездонномъ океанѣ

Нарождаются вѣками...

— Айша, это онъ про тебя теперь?..

— Нѣтъ, вѣрно въ пѣснѣ такъ...

— Какое въ пѣснѣ!.. Онъ говорилъ Зейнабъ, что онъ для тебя самъ написалъ...

— Не стоило!..

— Слушай!..

Виноградъ лозою гибкой
Обвиваетъ вѣтвь гранаты,
О, Айша, кудрей шелковыхъ
Вьются такъ живыя кольца...

Ихъ дыханье опьяняетъ
И чаруетъ до забвенья...
Винограда сокъ запретный
Такъ меня не опьянилъ-бы...

Соловью лилея взлететь,
Оставаясь равнодушна;
Соловей — пѣвецъ влюбленный;
Ты-жь — холодная лилея!

Вѣтерокъ, скажи лилеѣ,
Что пѣвецъ ея несчастный
Улетѣть готовъ далеко —
Да у крыльевъ силъ не хватитъ.

Потому что крылья эти —
Въ золотыхъ сѣтяхъ — безсильны;
Золотыя-жь эти сѣти —
То — Айши живыя взгляды... *)

Мелодія гасла... Сначала оборвался напѣвъ, словно затрепетавъ въ предсмертной агоніи, потомъ мало-по-малу смолкали струны, невольно оставляя по себѣ сожалѣніе въ сердцахъ внимательныхъ слушательницъ.

— Жаль, что Заедъ некрасивъ... Какъ-бы его любили женщины! — раздумчиво проговорила Гюльма.

— Когда онъ поетъ — красавцемъ кажется! — замѣтила Зейнабъ, только что вошедшая въ комнату.

— Ну, что ты понимаешь!

— Я его видѣла...

Гюльма поднялась и ушла къ себѣ въ комнату... Она засыпала быстро, и, спустя нѣсколько минутъ, Зейнабъ, подошедшая къ ея дверямъ, услышала ровное и мѣрное дыханіе старухи.

— У меня письмо къ тебѣ! — быстро вернулась Зейнабъ.

— Отъ кого — вздрогнула Айша.

*) Одно изъ стихотвореній Мурадъ-бея, переведенное авторомъ на русскій языкъ.

— Отъ Заэда...

— Какое письмо! Отнеси назадъ, брось!.. Какъ онъ смѣетъ?

— Онъ не о себѣ пишетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Не хочу!... Этотъ Заэдъ смѣлъ слишкомъ.

— Любить, потому и смѣлъ.

— Скажи, что я читать не буду...

— Да, вѣдь, говорю тебѣ, что не о себѣ онъ... Онъ что-то про Габрово упомянулъ...

Айша вспыхнула: что можетъ Заэдъ знать о Габровѣ?..

Не передали-ли ему письма къ ней?.. Какимъ только образомъ могло случиться это?

Она протянула руку за письмомъ.

— Уйди, Зейнабъ, я хочу одна остаться...

Зейнабъ поцѣловала полу ея платья и ушла къ Гюльмѣ... Невольница спала, обыкновенно, на полу, близъ софы, гдѣ располагалась старуха... Нѣсколько времени она прислушивалась къ дыханію Гюльмы...

— Подѣйствовало! — проговорила она. — Теперь долго не проснется... Какой умный этотъ Заэдъ! онъ все знаетъ...

— Попробую и я... Онъ говоритъ, что отъ этого сны хорошіе.. Райскій сонъ бываетъ... Гюльма съ кофе выпила, а я съ водой — все равно...

Она всыпала темный порошокъ въ воду, смѣшала и выпила...

— Хорошо-бы родину во снѣ увидѣть... Нашъ крааль, на соломенныхъ кровляхъ котораго, точно зажигая ихъ, таѣ ярко играло солнце!.. Хорошо-бы!..

Заэдъ далъ Зейнабъ сонный порошокъ... Она примѣшала его къ послѣдней чашкѣ кофе, какую на ночь выпила Гюльма, и сама попробовала того-же...

Айша пододвинула свѣчу къ себѣ и стала читать письмо Заэда.

Оно было очень коротко.

„Я знаю все, о, моя Айша!.. Хочу передать новости изъ Габрова... Сегодня ночью буду у тебя!..“

— Новости изъ Габрова! Слава Богу!.. — обрадовалась было она на первыхъ порахъ.

Айша, раздумья, сѣла къ окну... Тишина царила кругомъ.

— Только зачѣмъ онъ ко мнѣ? Что надо ему? Что значить это: „о, моя Айша!..“

Ей стало страшно... Она знала, что Заэдъ искалъ случая видѣть ее... Знала, что онъ даже платилъ Зейнабъ за это.

— Нѣтъ, такъ нельзя... Нужно сказать Зейнабъ, чтобы она спала у меня...

Айша пошла къ Гюльмѣ и стала будить невольницу.

Та только храпѣла въ отвѣтъ... Она сильнѣе толкнула Зейнабъ; та не просыпалась...

— Гюльма, Гюльма!..

Гюльма тоже спитъ какимъ-то совсѣмъ необычнымъ сномъ.

— Гюльма — крикнула еще разъ Айша.

— Напрасно зовешь ее, — послышалось позади.

Айша, блѣдная испуганная, обернулась... Въ ея комнатѣ былъ Заэдъ.

— Гюльма! Зейнабъ! — уже закричала она.

Заэдъ засмѣялся...

— Теперь хоть стрѣляй — онѣ до утра не проснутся... Поди сюда, я расскажу тебѣ о Габровѣ, моя бѣлая лилія!..

И Заэдъ, взявъ ее за руку, притянулъ къ себѣ... Айша, вся помертвѣвшая, переступила черезъ порогъ и бессильно сѣла на софу...

— Что нужно тебѣ, Заэдъ?

ГЛАВА XVI.

Донецъ Переквасовъ.

то еще кого чортъ несетъ? — послышалось навстрѣчу Савельеву изъ домика маркитанта.

— Булыгинъ!... Опять пьянъ, — шепотомъ предупредилъ Терехова Савельевъ.

Булыгинъ — храбрый армейскій капитанъ, всегда напиившійся во время антрактовъ между дѣлами, весь въ прыщяхъ, краснорожій, широко улыбался навстрѣчу „генеральному штабу“.

— А-а!... Наше вамъ...

Тѣ молчали, стараясь поскорѣе пройти мимо.

— „Товаръ лицомъ“ идетъ... Штабные фазанчики... Ишь перушки-то у насъ какія пестренькія, чистенькія... Садитесь.

— Нельзя, Булыгинъ.

— Это почему?.. Компаніей брезгуете?

— Нѣтъ... Генераль порученіе даль, — важно процѣдилъ сквозъ зубы Савельевъ.

— На охоту, значить?

— На какую охоту еще!

— За дичью, разумѣется за крестиками!

— Что вы, Булыгинъ, врете!

— Булыгинъ никогда не вреть! — ударилъ себя армеецъ кулакомъ въ грудь!

— Юська! — крикнулъ наконецъ Савельевъ, которому тоже надоѣло возиться съ Булыгинымъ.

— Что завгодно васему сіятельству?

— Пару коньяку, двѣ хересу, сыру, икры!.. Пошли ко мнѣ сейчасъ-же...

— Прощайте, пурселепетанъ!.. догоняли его вслѣдъ восклицанія Булыгина, который тотчасъ-же коснѣющимъ языкомъ принялся объяснять товарищамъ-собутыльникамъ, что слово пурселепетанъ должно происходить отъ фразы „roug passer le temps“, примѣнимой въ данномъ случаѣ, потому что Савельевъ и ему подобные пріѣхали въ Болгарію не иначе, какъ для препровожденія времени.

— Ваши арміуты мужланы страшные! — озлился Савельевъ.

— Мы ихъ Васьками зовемъ.

— Какъ?

— Васьками. А ихъ солдатъ — Кирилками. Впрочемъ, вы не сердитесь. Нужно-же оставить имъ хоть это утѣшеніе.

Не прошло и часу, какъ въ комнату къ Савельеву и Терехову вошелъ казацкій офицеръ...

Вошелъ и замеръ у порога, вытянувшись...

— Богъ знаетъ!.. Може и начальство какое! — соображалъ про себя донецъ.

На его старомъ пальтишкѣ болтался на выцвѣтшей ленточкѣ солдатскій георгіевскій крестъ, полученный еще за Севастополь. Сѣдая борода лопатой раскидывалась на груди... Анненскій темлякъ перехватывалъ рубою шашки. Въ рукахъ у казака была неизбѣжная нагайка.

— Честь имѣю явиться! — отрапортовалъ онъ. — Войсковой старшина Переквасовъ.

Тереховъ сконфузился. Донецъ былъ старше его чиномъ.

— Виновать!.. Позвольте мнѣ представиться: Тереховъ. Не хотите-ли чайку передъ дорожкой?

— Отчего-же.

— У меня съ коньякомъ.

— У насъ это иначе.

— Какъ?

— Коньякъ-съ — сливками отъ бѣшеной коровки зовемъ.

Чтожь это передъ дѣломъ хорошо.

— А развѣ вы думаете, что дѣло будетъ?

— А то какъ-же?.. Вѣдь въ самую турецкую позицію пройдемъ. Неужели-же они олухи?.. Никакъ этого нельзя-съ. Пострѣляютъ маленько, но и мы тоже — пощупаемъ!..

— Этакъ чего добраго влетѣть можно.

— Отчего-жь и не влетѣть?.. И влетѣть можемъ... Съ полнымъ удовольствіемъ...

— И убить могутъ?

— Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ.

— А однако... Бываетъ вѣдь?

— Отчего не бывать, бываетъ... Все бываетъ... У меня третьяго-съ дня молоденькаго хорунжаго живо ухлопали.

— Ранили?

— Зачѣмъ ранить!.. Прямо въ голову. У нихъ ружья добрыя... Отчего не ухлопать?.. Еще хорошо, что мои землефды тѣло его вытащили.

— Какъ вы ихъ называете?

— Землефды-съ!.. Станишниковъ своихъ я такъ... Ну, ничего предали землѣ-съ... По христіанскому обряду... Не то что по собачьи... Да и то вѣдь, какъ иной разъ и оставишь — раненаго ежели... Не бросишь!.. Ну когда со всѣхъ сторонъ турки его окружать... Тутъ всякій за себя, а Богъ за всѣхъ.

— Однако, это не утѣшительно.

— Да вѣдь и въ войнѣ самой какое-же утѣшеніе... Тутъ хлигеръ-адъютантъ проѣзжалъ, все говорилъ, что войну любить, а я такъ думаю, что онъ больше награды да реляціи

любить... Потому чтожъ ее любить? Убивство... Только что по приказанію... А то совсѣмъ убивство-съ.

— Однако, вы уже вторую кампанію дѣлаете?

— Третью-съ. Въ Хивѣ еще были.

— Вотъ видите...

— Да на тожъ я казакъ... Миѣ иначе нельзя.

Когда Савельевъ съ Тереховымъ и Переквасовымъ вышли — на улицѣ уже выстроившись ждали десять казаковъ верхами... Лошадь Терехова была готова.

Осмотрѣвъ револьверъ, онъ обернулся къ деньщику.

— Коньякъ?

— Въ кобурахъ.

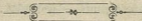
— Хересъ?

— Тамъ-же, вашъ-бродъ, и провизія-съ... Все тамъ — на мѣстѣ.

— Ну, то-то, смотри... Прощай.

— Счастливо оставаться...

И всадники шажкомъ вытянулись по улицѣ.

ГЛАВА XVII.

Удача Заэда-эффенди.

бѣдившись, что Гюльма и Зейнабъ спятъ мертвымъ сномъ, Айша, испуганная и поблѣднѣвшая, забила въ уголокъ на тахту...

— Здѣсь, теперь я одинъ — хозяинъ, я одинъ — владыка...

— улыбнулся ей Заэдъ.

— Если ты меня обидишь — я выбѣгу во дворъ.

— Ну?

— И стану кричать.

— Кричи сколько угодно.

— Я брошусь въ селямликъ (мужское отдѣленіе) и позову Гуссейна и Гассана.

— Гуссейнъ отправился съ нашей на Шингу. А Гассанъ также спитъ, какъ и эти! — презрительно бивнулъ онъ въ другую комнату.

— Что-же ты хочешь дѣлать со мной?

— Слушай меня хорошенько, бойся проронить хоть одно слово!.. Если ты кому-нибудь когда нибудь скажешь, что было здѣсь между нами — ты пропала... Я знаю все!..

— Что все?! — Айшу обдало холодомъ...

— Все рѣшительно... Ты любишь русскаго, русскій этотъ въ Габровѣ, ты переписываешься съ нимъ черезъ болгарина шпиона...

— Ну?

— Этого достаточно, чтобы погубить тебя... Но я пожалѣлъ губить такую красавицу, какъ ты... Жаль если тебѣ перерѣжутъ горло, да въ тому-же хоть я мусульманинъ, но также ненавижу вашихъ турокъ, какъ и русскихъ. И ты и другіе псы, нестоющіе милостей Аллаха!.. Онъ рано или поздно предастъ ихъ въ наши руки.

— Я не боюсь тебя, Заэдъ! Если ты скажешь обо мнѣ кому-нибудь — я расскажу о тебѣ тоже...

— Ты ребенокъ еще, рассказывай!.. Ты забыла еще одно — твой братъ въ моихъ рукахъ... Съ нимъ судъ будетъ коротокъ. Двадцать пуль въ грудь и кончено... Если не повѣсятъ, а это похуже.

Айшѣ стало совсѣмъ ужъ страшно.

Она чувствовала себя въ рукахъ у Заэда, а онъ былъ не таковъ, чтобы не воспользоваться выгодами своего положенія. И теперь, когда онъ сталъ передъ нею: глаза его горѣли такъ выразительно, что и неопытной Айшѣ были понятны желанія омусульманившагося армянина. Некрасивая, безсознательная, улыбка пробѣгала порою по губамъ его, толстымъ и мясистымъ, выдававшимся впередъ изъ подъ щетинистыхъ усовъ. Громадный носъ, точно сѣвшій не на свое мѣсто — не придавалъ особенной прелести этому возбужденному и все больше и больше краснѣвшему лицу.

— Что-жъ ты молчишь? — приблизился онъ къ ней.

Она отодвинулась-бы еще дальше, еслибы это было возможно.

— Я не многого хочу... Жаль, если такая, какъ ты достанешься старому и глупому пашѣ. Не для него Аллахъ создаетъ такихъ красавицъ!.. Совсѣмъ не для него... Ты должна молодому принадлежать...

— Уйди, отсюда, уйди!..

— Вотъ наша глупаго...

— Чего-же нужно тебѣ?

— Тебя... Больше ничего... Ты должна сегодня-же быть моею... Слушай: только дураки могутъ повѣрить тому, что турки разобьютъ русскихъ... Черезъ нѣсколько дней — русскіе возьмутъ Шипку и Казанлыкъ... Ты и я останемся вмѣстѣ въ ихъ рукахъ, какъ мужъ и жена... Я приму опять христіанство и не буду считаться плѣннымъ... Или переодѣнусь — меня болгары не знаютъ здѣсь... Мы уведемъ съ тобой...

— Я не люблю тебя!

— Развѣ женщина можетъ любить или не любить! — презрительно пожалъ плечами Заэдъ. — Женщины принадлежать мужчинамъ, а не любятъ ихъ.

— Я никогда не соглашусь быть твоею.

— Я и силой возьму тебя!.. Или погублю и тебя, Айша, и твоего брата Омера!..

„Судьба! пронеслось въ головѣ Айши... Судьба!.. Она заставила меня уйти изъ Габрова, отдала въ руки турокъ, забросила къ пашѣ, привела сюда этого подлаго армянина.“

— Что-же Айша?

— Нѣтъ, Заэдъ, уйди лучше отсюда... Никогда не будетъ того, чего ты желаешь...

Свѣча тускло горѣла въ гаремлыкѣ. Заэдъ на минуту задумался.

— Послушай, Айша, не вызывай силы...

— Добромъ я никогда ни буду твоею!..

Армянинъ задулъ свѣчу... Въ гаремлыкѣ стало темно совсѣмъ... За окномъ можетъ и свѣтила луна и звѣзды, но оно было завѣшено тяжелою занавѣсью... Дверь была заперта..

Айша разомъ поняла, что спасенія нѣтъ...

Вмѣстѣ съ увѣренностью въ ней падала и способность сопротивляться этому разгорѣвшемуся звѣрю.

Она скоро почувствовала его дыханіе около себя...

— Уйди, Заэдъ, умоляю тебя... Пожалѣй меня, пойми, что послѣ — я сама перерѣжу себѣ горло.

— Еще сильнѣе полюбишь меня, когда узнаешь своего господина! — хрипло шепталъ онъ, наклоняясь къ ней близко-близко къ самому лицу.

Противное ощущеніе на ея губахъ... Она почувствовала его губы... Отбиваясь, она уперлась руками въ его грудь, но что могла сдѣлать такая слабая какъ она съ нимъ? Скоро руки ея согнулись и съ дикою жадностію Заэдъ припалъ къ ней.

— Оставь меня, оставь!..

Но онъ уже былъ совсѣмъ неспособенъ слушать что либо.

Напрасно какъ раненая, билась она въ его рукахъ, стараясь выскользнуть изъ подъ нихъ, но онъ держалъ ее крѣпко, слишкомъ крѣпко. И съ каждымъ ея усиліемъ руки его все крѣпче и крѣпче обхватывали дѣвушку... Онъ давилъ ей грудь — казалось кости ея хрустнуть и сломаться, если онъ еще тѣснѣе сомкнетъ свои сильныя и жилистыя руки.

Гибель была неизбежна... Вотъ она почувствовала, какъ эта сильная и жилистая рука рветъ ея поясъ... Вотъ она скользнула по ея тѣлу... Послышался трескъ шелковой матеріи... Къ ея трепетавшей груди проникла другая — противная, волосистая вся...

Айша закрыла глаза; но въ эту минуту одна изъ отбитыхъ рукъ ея между двумя подушками тахты коснулась до чего-то холоднаго и твердаго... Инстинктивно она схватила его... Оказался женскій кинжалъ, случайно забытый Гюльмой утромъ, когда она одѣвала Айшу...

Теперь уже Айша не чувствовала себя такъ беззащитно...

— Уйди, Заэдъ, а то я убью тебя!

Онъ схватилъ ее за горло, но въ ту-же минуту крикнулъ и оставилъ ее...

— Ты убила меня! — крикнулъ онъ еще разъ. Что-то теплое скатилось по рукамъ Айши, державшей кинжалъ... Не

зная, что она дѣлаетъ, повинуюсь только внезапно вспыхнувшему въ ней инстинкту негодованія, злобы и бѣшенства, она еще два раза ударила Заеда кинжаломъ.

Тотъ только хрипѣлъ подъ ударами...

Айша, вся въ лохмотьяхъ, еще дрожащая отъ гнѣва, стыда и обиды, опять забила въ уголь...

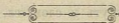
Скоро ей стало страшно...

Ни звука въ комнатѣ... Изъ другой доносилось мѣрное дыханіе Гюльмы и всхрапываніе Зейнабъ... Темно... Онъ лежитъ тутъ — а его не видать...

Что будетъ утромъ?..

Она невольно старалась разсмотрѣть его, каковъ онъ теперь... Чувство холоднаго ужаса уже проникало ей въ душу...

Но мракъ не выдавалъ своей тайны...

ГЛАВА XVIII.

же часа два ѣхали донцы съ Тереховымъ по Габровскому ущелью...

Издали слышались все время выстрѣлы съ шишкинскихъ позицій, но чѣмъ далѣе двигались наши, тѣмъ перестрѣлка все болѣе и болѣе гасла. Черезъ большіе промежутки времени, только далеко-далеко, громыхала какая-то турецкая батарея, которую, очевидно, не могло угомонить даже мертвое молчаніе ночи...

— Гдѣ-же аванпосты наши?.. — обернулся Тереховъ къ донцу... Онъ говорилъ въ полголоса, точно тутъ, вотъ подъ самымъ носомъ, уже ожидалъ его непріятель.

— А скоро тутотка...

Тишина стояла такая, что даже порохъ какого-то незамерзшаго зимою ручья слышался далеко-далеко... Въ серебряномъ блескѣ луны дремали серебряныя вершины горъ, засыпанныхъ снѣгомъ. Кое-гдѣ торчавшая изъ-подъ снѣга кукуруза несжатаго турецкаго поля казалась вся покрытою серебрянымъ легкимъ налетомъ.

Слышенъ былъ топотъ коней да хрустъ стеблей сухихъ подъ ними...

— Ну, какъ вы полагаете, — обернулся Тереховъ къ Переквасову, — очень это порученіе опасно?

— Ужъ я докладалъ!.. Можно всѣмъ влетѣть въ лабетъ?..

— Какъ въ лабетъ?

— То-ись подъ пули...

— Чортъ возьми... Я, знаете, не боюсь... А такъ.

— Чего-жъ бояться?.. Не сегодня, такъ завтра помремъ!..

— Дѣла, видите, мои еще не устроены.

— И безъ насъ, какъ помремъ, устроить...

— То-есть, какъ-же это? Вы меня, вѣжета, ужъ и хороните? — попробовалъ пошутить Тереховъ.

— Нѣтъ, это я такъ.

— Однако?

— Всѣ вѣдь подъ Богомъ ходимъ... Какъ кому на роду написано, такъ и будетъ, это ужъ сдѣлайте одолженіе... Иной изъ кампаніи цѣль выйдетъ, а дома отъ вина сгоритъ или отъ насморка помретъ.

— Ну, такого еще не было чтобы отъ насморка. „Однако, что-же я... Этотъ казачинко, пожалуй, можетъ подумать, что я трушу... Онъ, поди, смѣется надо мною въ душѣ!...“

И опомнившійся Тереховъ далъ шпоры коню и вынесся впередъ.

— Что за чудесная ночка! — молодцовато обернулся онъ къ Переквасову.

— Скверная, помилуйте...

— Какъ это? Луна свѣтитъ... Снѣгъ крѣпокъ... Тихо...

— Дождь-бы лучше, либо снѣгъ-бы пошелъ... Всѣ-бы турки въ норы попрятались... Насъ-бы и не разглядѣли. Красивая, да не хорошая ночь... Теперь эта луна... Она насъ сейчасъ выдастъ... Издали замѣтятъ... Мы-то на снѣгу теперь точно нарисованы.

— Ну, что-жь дѣлать?.. Исполнимъ свой долгъ, господинъ войсковой старшина...

— Это точно-съ. Приказано, значить, нужно исполнить.

— Должно помнить присягу... Можетъ быть, моя рекогносцировка дастъ побѣду отряду!.. Смерть наша будетъ славнымъ дѣломъ.

Переквасовъ удивленно покосился на него.

„Съ чего это онъ?..“

— Да-съ, господинъ войсковой старшина!

И шить будемъ, и гулять будемъ,

А придетъ пора — помирать будемъ!

— запѣлъ Тереховъ, молодцовато гарцуя на сѣромъ парадерѣ.

Переквасовъ покосился еще разъ.

— Вы не того-съ.

— Что?

— Не отставайте.

— Ну, вотъ еще — всякаго куста бояться...

— Какою кустъ!.. Кустъ кусту рознь.

— Вона!.. — Тереховъ презрительно улыбнулся.

— Эти кусты, я вамъ скажу, нехорошіе... На иномъ кустѣ цвѣточки цвѣтуть, а за другимъ турка спрячется, да такъ, что ее и не увидите, какъ она положитъ когонибудь въ упоръ... Въ этихъ кустахъ — такіе дѣла бывали!.. Вы поспросите-ка у моихъ станишниковъ.

— Тереховъ мигомъ поровнялся съ отрядомъ.

— Эти кусты... я вамъ доложу...

Улыбка Переквасова сообщилась и казакамъ. Они поняли, что онъ пересмѣивается надъ штабнымъ.

— Подкуетъ онъ офицера-то? — мигнулъ одинъ изъ казаковъ уряднику.

— Какъ не подковать — подкуетъ.

— Этотъ теперь, поди, на каждый кустъ оглядываться станетъ.

— Пушай взираетъ... Ему ѣхать-то веселѣй.

Вдали, впереди, на гребнѣ холма, сплошь залитаго луннымъ блескомъ, вырисовывались какіе-то силуэты.

— Что это? — обернулся онъ къ донцу.

— Наши аванпосты! — лѣнливо прозвучаль тотъ.

— А я думаль! — и Тереховъ не докончилъ своей мысли...

— Какъ-же вы говорили, что въ кукурузѣ могутъ быть турки.

— Отчего-жъ имъ не быть?

— Да вѣдь наши впереди!

— А онъ ползкомъ забрался скрозь — назадъ.

— Развѣ это случается?

— Сколько разовъ. Одного станишника — ротозѣй былъ у меня — такъ-то убили!..

— Значить, они хорошо знаютъ свое дѣло?

— Турки-то?

— Да!..

— Еще-бы!.. У нихъ солдаты чудесные...

Черезъ четверть часа наши всадники уже доѣхали до своей цѣпи.

На аванпостахъ стояли донцы.

— Парфеновъ здѣсь? — позваль Переквасовъ.

— Издѣся, вашъ-бродь, — подѣхаль къ нему старый казакъ.

— Ну, что? Все благополучно?

— Слава Богу...

— Турокъ видѣль?..

— Пострѣляли они малость, мы тоже имъ въ отвѣтъ...

Ихній развѣздъ поѣхаль вонъ въ ту сторону. По той горкѣ.

— Ишь сумерничаетъ... Махонькая такая?..

Даль, вся освѣщавшаяся луннымъ блескомъ, только въ одномъ мѣстѣ прорывалась точно синимъ пятномъ лоцины, въ которую, по толкованію Парфенова, уѣхали турки...

— Посылаль ты туда когонибудь?

— А вотъ Сергѣевъ ладился ѣхать поглядѣть...

— Ёхать не слѣдъ, пѣшкомъ надо...

— Эй, Трофимовъ!

Маленькій казачокъ выѣхалъ изъ отряда, совсѣмъ маленький.
Едва-едва видно его надъ сѣдломъ—мальчикомъ кажется.

Только когда онъ, по приказанію офицера, спѣшился и подошелъ ближе, Тереховъ разсмотрѣлъ сѣдые усы и зоркіе глаза, словно усмѣхавшіеся, лукавые...

ГЛАВА XIX.

Землеѣдь Трофимовъ.

у, ты братъ, первый воръ у насъ!.. — встрѣтилъ маленькаго казачка Череквасовъ.

— Это точно-съ!

Трофимовъ очевидно даже гордился званіемъ перваго вора.

— Казаку безъ этого нельзя!.. вздохнулъ онъ.

— Есть до тебя дѣло!

— Слушаю-съ.

— Поди-ко, да выгляди что турки дѣлають въ той ло-
щинѣ... Ишь вонъ она темнѣеть.

— Синью?.. Синью прошла которая?

— Вотъ, вотъ... Тебѣ рассказывать нечего... Самъ пони-
маешь... Да тревоги не подымай.

— Зачѣмъ, вашъ-бродъ, тревогу?..

— Ты, вѣдь, пожалуй, сейчасъ попробуешь коня отбить —
такъ смотри у меня... Чтобы ни-ни!

— Зачѣмъ-же ваше высокоблагородіе, помилуйте!.. Мы
завсегда... По чести. Какъ начальство, что намъ таперича
скажетъ — ну, мы въ точности. Тоже вѣдь знаемъ... Не въ
первый разъ...

— А вчера какъ барана стянулъ?

— Это точно... Мы-сь!.. Виноваты!..

— Изъ-за тебя сколько шуму вышло?

— Что-жъ баранъ?.. Помилуйте!.. Животная дикая!

— Какъ это: баранъ да дикій?

— Который баранъ справедливый, ручной; а это дикій былъ. Въ руки не давался. Я ему бьяна-бьяна... А онъ отъ меня! Ну, вижу приبلудный, дикій баранъ — я его живымъ манеромъ и словиль... Ужли-жъ дикому звѣрю и волю дать?

— Ну, такъ на этотъ разъ у меня смотри: дивую лошадь не поймай; а то вѣдь вмѣсто награды — знаешь — я съ тебя семь шкуръ спущу... Нагайка-то со мною.

— Зачѣмъ-же-сь!.. Безъ пути коней красть не слѣдуетъ... Мы это довольно хорошо понимаемъ — помилуйте!..

— Ну, то-то!.. Вообще безъ шуму.

— Тихо будетъ.

— А ужъ братъ выдашь себя — голову снимутъ, будь спокоенъ. Свою пользу наблюдай.

— Покель они меня увидятъ, я ужъ издѣся буду.

Казакъ передалъ своего коня товарищу, а самъ перекрестился, зорко оглянулъ окрестность и пошелъ внизъ съ холма...

Переквасовъ еще съ минуту видѣлъ его темный силуэтъ на серебряной поверхности снѣга... Потомъ — кусты остались на пути... Трофимовъ исчезъ въ кустахъ...

Между кустами были просвѣты и прогалины.

Изрѣдка на нихъ мелькала фигура казака...

— Ишь, ишь!..

— Что такое? — вступился Тереховъ.

— Погляньте-ко!

Трофимовъ, показавшійся въ послѣдній разъ, пригнулся къ землѣ и точно провалился куда-то... Былъ и нѣтъ его... Уйти некуда... Вся поляна внизу, а Трофимова и слѣду нѣтъ...

— Поползъ, шельма! — засмѣялся Переквасовъ.

— Повѣрите-ли, — теперь этотъ землеѣдь у меня первымъ мученикомъ все это время будетъ.

— Почему?

— Воръ онъ ловчающій: увидить у турокъ коней — руки зачешутся, сердце разгорится. А тутъ не смѣй и тронуть... Пальцемъ не коснись... Все равно, что голодному мимо хлѣба пройти... Ему это хуже всякаго наказанія... Что-нибудь да стянетъ... Вотъ вы увидите!.. Не такой характеръ, что-бы съ пустыми руками пришелъ. Этакой ловкой бестіи теперь по всему Дону не сыскать... Вѣрно-сь!..

Тереховъ чутько прислушивался. Ему такъ и казалось, что вотъ-вотъ изъ той лощины сейчасъ загремятъ выстрѣлы...

Онъ уже испытующимъ окомъ мѣриль пространство между лощиной и холмомъ, соображая — долетятъ сюда или не долетятъ?

Прошло полчаса.

Переквасовъ сталъ уже беспокоиться.

— Чего это онъ?.. Далеко-ли — живо успѣть можно...

— Не ладно, должно быть.

— Тихо все... Значить, благополучно.

Вонъ вѣтеръ поднялся направо, погналъ передъ собою бѣлое облако рыхлаго снѣга... И снова улегся въ какой-то лощинѣ... А ночь все ярче и ярче... Луна во всю свѣтитъ прямо на эту поляну... Звѣзды горятъ ярко-ярко...

— Ишь стожаръ сегодня какой... Весь видѣнь! — замѣтилъ Переквасовъ... — Красиво!.. — А только не ладно...

— По нашему — Малая Медвѣдица...

— А ужъ какъ вамъ угодно... Ишь, какъ онъ трепещется... А вонъ этой звѣзды свѣтлѣй нѣтъ?..

Прошло еще полчаса...

— И куда это онъ, подлець, задѣвался?..

— Не поймали-ли его тамъ?

— Его, ваше благородіе, не пымають, — вмѣшался урядникъ; — его пымать нельзя... Будьте спокойны. Онъ у меня промежь пальцевъ пройдетъ!..

— Да вѣдь давно ушелъ.

— А ужь это онъ вѣрно пакостничаетъ что-либо... Такъ не вернется, чтобы безъ обновки... А пимать его невозможно!

— Да не онъ-ли это? — замѣтилъ Тереховъ какое-то темное пятно, то показывавшееся на полянѣ, то пропадавшее изъ виду...

— Нѣтъ, это точно звѣрь... Горбачъ какой-то... Ведмѣть вѣрно!

— На четырехъ лапахъ ползеть.

— Что-бы это было, въ самомъ дѣлѣ?

— Не послать-ли людей туда... Что за дьяволъ тамъ крадется?

— Погодите, все равно ему никуда не уйти.

— Все едино прямо на насъ...

— И впрямь на насъ. Ишь чортъ!

— Не чуешь, должно.

— Кабы ведмѣть — чудесно... Шуба у него по нынѣшнему времени теплая...

Недоумѣніе продолжалось, впрочемъ, очень не долго.

Медвѣдь вдругъ поднялся на заднія лапы.

— Братцы, да это Трофимовъ.

— Быть не можетъ?..

— Ёнъ, ёнъ, вѣрно.

Медвѣдь сбросилъ съ себя въ кусты какую-то пошу и пошелъ прямо къ ниету... Оказался дѣйствительно казакомъ. Къ Терехову и Переквасову онъ явился весь въ поту... Видимо усталъ, несъ что-нибудь тяжелое.

— Что это тамъ?

— Такъ, вашъбродь...

— Однако?

— Ничего...

— Да вѣдь ты сбросилъ-же что-то?

— Не стоящее вниманія вашъбродь!..

Трофимовъ смотрѣлъ въ глаза Переквасову съ ясностію и невинностію младенца.

— Я тебѣ что сказалъ?.. Что я тебѣ говорилъ, помнишь?

— Помню... Какъ-же намъ да начальскихъ приказаній не помнить?! — обидѣлся казакъ.

— Что-же, что именно я тебѣ приказалъ?

— Не уводить коней... А на счетъ сѣдла, ваша в — іе, никакого приказа не было.

Переквасовъ только растерялся, взглянулъ на него, похлопалъ глазами и, наконецъ, не выдержалъ и расхохотался.

— Ты это что-жъ скрылъ?

— Сѣдло съ сумами...

— Ну, братъ, ты меня перемудрилъ!.. А въ суммахъ что?

— Хухра-мурда всякая!.. — уклонился отъ прямого отвѣта донецъ.

— Ну, а именно?

— Табакъ, галеты, вещи...

— Какія?

— Которыя, прочія... не стоящія!

— А турокъ видѣлъ?

— Какъ есть всѣхъ...

— Гдѣ-же они?

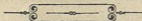
— Въ лощинѣ сидятъ... Трое ихъ. Лошади оболо — стреножены.

— Какъ-же ты сѣдло-то добылъ?

— А я подъ коня забрался. Уцѣпился подъ брюхо да и разсѣдлалъ по-маленько... Онѣ у нихъ, лошади, осѣдланныя стоятъ... Это сѣдло офицерское... Хорошее сѣдло... Вотъ, можетъ, ихъ в — іе (и онъ сдѣлалъ полуоборотъ къ Терехову) купить у меня захотятъ, такъ я-бы съ полнымъ удовольствіемъ... И возьму дешево.

— А больше тамъ никого нѣтъ?

— Никого... Только трое... Тихо все... Я еще дальше отползъ вправо... Турокъ и не пахнетъ!..

ГЛАВА XX.

Опасно!

Ну, пора! — приподнялся Переквасовъ. — Урядникъ, передай по аванпостамъ, чтобы, въ случаѣ мы назадъ повертаемся, не стрѣляли-бы. Слышишь?

— Слушаю-сь, ваше в—іе!

— А вы, станишники, потише! Неровень часъ... Сами знаете: береженаго Богъ бережетъ. Безъ разговору!.. И коней подтянуть крѣпче. Какъ мухи чтобы... Поняли?

— Поняли, ваше в—іе!

— Не услышать насъ, не почувютъ — цѣлы будемъ, а почувютъ — плохо. Не досчитаемся... Смотрите-же, братцы!

— Ради стараться!

— Ну, съ Богомъ!..

И отрядъ двинулся.

Казаки ѣхали среди удивительной тишины. Шашки не звякали о сѣдла; ружья точно приросли къ спинамъ.

Впереди, въ головѣ разѣзда, осторожно двигалось двое станишниковъ съ берданками въ рукахъ. Позади — тоже двое.

Тереховъ уже проклиналъ судьбу.

„Гораздо лучше — думалъ онъ — теперь находиться въ постели, чѣмъ соваться по этимъ полямъ, гдѣ, того и гляди, налетишь на турецкій разѣздъ или наскочишь на звено ихъ аванпостной цѣпи“.

Впрочемъ, Переквасовъ былъ старымъ воробьемъ.

Онъ зорко поглядывалъ по сторонамъ и велъ рекогносцировку крайне осторожно.

Отрядъ забралъ далеко правѣе, и когда, по соображеніямъ Переквасова, турецкая цѣпь осталась въ сторонѣ, онъ круто повернулъ налѣво, чтобы осмотрѣть турецкія позиціи съ тылу и изслѣдовать дорогу, по которой черезъ нѣсколько дней должны будутъ двинуться наши.

— Вы-бы *кроку* набросали... — посоветовалъ онъ Терехову.

— Этого мнѣ не приказывали!

— Иначе нельзя... Генераль требуетъ.

— Да я не взялъ ничего съ собою, ни бумаги, ни карандаша...

— Эхъ вы! — не удержался Переквасовъ. — Вотъ, возьмите!..

„Хереса да коньяки есть у васъ, а нужнаго нѣтъ!“ — подумалъ онъ про себя.

Въ памяти Терехова только и оставались, что взѣзды на холмы, да спуски съ нихъ.

Ему всего болѣе правилось то, что все кругомъ спокойно.

Вѣтеръ изрѣдка, точно просыпаясь, раздвигалъ стебли кукурузы, но убѣдаясь, что кругомъ все тихо и въ немъ не предстоитъ никакой надобности, опять укладывался спать...

Копыта лошадей глубоко уходили въ рыхлый снѣгъ... Тутъ уже, внизу въ лощинахъ, они не стучали объ его окрѣпшую поверхность. Лошади сильно утомлялись. Вздохнули только тогда, когда казаки выѣхали на дорогу...

— Ну, тутъ будетъ полегче! — замѣтилъ Тереховъ.

— Неизвѣстно!..

— Только знаете-ли что?.. Стоитъ-ли намъ ѣхать дальше?

Склоны горъ передъ нами. Они слишкомъ круты для того, чтобы перевезти артиллерію; дорога тоже вся обстрѣливается слѣва.

— Какъ не стоять?.. Нужно все высмотрѣть... Генераль обо всемъ распросить. Что вы ему тогда балякать станете?

Проѣхали еще полчаса.

Тереховъ посовѣтовалъ вновь вернуться.

— Чортъ знаетъ, куда мы полземъ! Этакъ мы къ туркамъ заѣдемъ.

Переквасовъ, наконецъ, обозлился.

— Да мы ужъ давно у турокъ! Знаете что?.. Всему нашему отряду опасно двигаться... Оставайтесь вы здѣсь съ семью казаками, а я съ тремя двинусь, — предложилъ онъ Терехову: — я высмотрю и сообщу вамъ потомъ.

Тереховъ, разумѣется, не заставилъ долго себя упрашивать...

— Онъ уже сошелъ съ коня, какъ вдругъ вдали послышался какой-то глухой топотъ.

Казаки насторожились.

Одинъ живо сморгнулъ съ сѣдла, легъ на землю и прислушался.

— Ну? — спросилъ Тереховъ.

— Много ихъ, ваше в—іе, топочутся... Должно быть, десятка три.

— Колесъ не слышать?

— Нѣтъ!.. Колесъ нѣтъ... Это кавалерія ихняя.

— Ну, штабсъ-капитанъ, теперь уносить ноги надо!..

— Я то-же думаю.

— Это турки... Вотъ что, ребята: надо отступать тихо, не шибко, все по этой дорогѣ. Побережемъ коней... Удирать еще будетъ время... Какъ на открытое мѣсто выѣдемъ, тогда увидимъ, сколько ихъ.

— Ну, быть по вашему.

Какъ только началась опасность — Переквасовъ сталъ увѣ-

ренише, и теперь ужъ командиромъ былъ не Тереховъ, а до-нецъ. Тереховъ весь ушелъ въ себя. И — надо сказать правду — жутко ему было теперь...

Топотъ позади все усиливался и усиливался; слышались даже отголоски какого-то гиканья... Точно выстрѣлы щелкали тамъ порою.

— Стрѣляютъ...

— Да, оно похоже будто... Только почему такъ глухо?

Казаки стянулись на дорогу и въ тѣни крутыхъ спусковъ, заслонявшихъ ихъ отъ мѣсяца и его свѣта, стали двигаться назадъ, шагъ за шагомъ, удерживая разбодрившихся коней и поминутно оглядываясь назадъ...

Гуль уже около часу преслѣдовалъ ихъ, а дорога все велась ущельемъ, не давая противникамъ возможности разглядѣть другъ друга.

— Ихъ что-то слышеюмъ много...

— Пожалуй, не меньше сотни конныхъ! — замѣтилъ сквозь зубы Переквасовъ, злившійся на то, что ему не удалось проникнуть дальше.

— Впрочемъ, — соображалъ онъ, — и того, что я видѣлъ, довольно.

— Наша цѣль достигнута! — обернулся онъ къ Терехову. — Такъ мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ.

— А что?

— Дорогу мы видѣли... Съ вашимъ мнѣніемъ о недоступности скатовъ для артиллеріи я несогласенъ. Редутовъ и укрѣпленій здѣсь у турокъ никакихъ нѣтъ... Все, что генералу нужно было узнать, — мы узнали... Дай Богъ теперь только уйти отъ этого развѣзда — и чудесно.

— Какъ-бы на открытое мѣсто уйти скорѣе... Наши лошади во всякомъ случаѣ лучше ихнихъ. Припустимъ — и слѣдъ простынетъ.

— Ну, не совсѣмъ... Если это черкесы, такъ не смотрите, что у нихъ мелкорослые кони... Огонь! Вихремъ летать...

Особенно, когда увидятъ всадники, что насъ мало... А вотъ что мнѣ въ голову пришло. Видите это ущелье направо?

— Ну-съ?

— Лѣсомъ поросло все...

— Вижу.

— Спрячемся въ лѣсокъ. Выждемъ, пропустимъ ихъ.

— Вотъ безуміе-то!

— Почему это?

— Да вѣдь они насъ тогда, какъ цыплятъ, переловятъ.

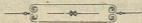
— Ну, нѣтъ-съ... Они насъ не увидятъ... Мы ихъ слышимъ, потому что ихъ много, а нашихъ мало. Впрочемъ, я сдѣлаю такъ: Трофимова и еще трехъ казаковъ пустимъ впередъ по дорогѣ... Если тѣ, что позади, слѣдуютъ за нами — услышали насъ, то по топоту этихъ коней они заключатъ, что мы все продолжаемъ ѣхать... А мы отсюда ихъ высмотримъ!..

Тереховъ согласился поневолѣ!

Переквасовъ приказалъ тремъ казакамъ съ Трофимовымъ продолжать ѣхать, а самъ съ остальными забрался въ лѣсокъ направо. Густая тьма ущелья совсѣмъ окружила ихъ. Только впереди, сквозь просвѣты деревьевъ, видѣлась ярко освѣщенная луною дорога...

— Вотъ видите, мы ихъ тутъ всѣхъ по одиночкѣ высмотримъ.

— Дай-то Богъ!

ГЛАВА XXI.

П О Г О Н Я .

Терехова сердце колотилось въ груди, какъ птица, которую кто-нибудь испугалъ въ ея клетѣ...

Онъ, какъ и казаки, сошелъ съ сѣдла и старался почему-то поближе прижаться къ дереву, около котораго стоялъ, точно хотѣлъ вросли въ него.

— Подумайте, — обратился онъ къ Переквасову... — А что если кони заржутъ?

— А что, если земля провалится подъ нами? — переспросилъ тотъ въ свою очередь.

— Однако...

— Тогда защищаться будемъ — дѣлать нечего...

— Это противъ сотни?

— А хоша-бы? Насъ до утра трудно забрать будетъ, а тамъ, что Богъ дастъ. Какъ придетъ пора, тогда и думать станемъ.

Гуль все приближался.

Это былъ уже, очевидно, топотъ сотенъ ногъ о землю... Слышались крики... Переквасовъ совсѣмъ вышелъ на опушку

и легъ на землю... Казаки сняли съ плечъ берданки, на всякій случай.

— Ну, землеѣды, теперь гляди въ оба... Смотри, станишники, не зѣвай!..

Переговаривались они между собою.

— Тутъ влетишь!..

— Зѣвать не надо.

Топоть уже вотъ тутъ, надъ самымъ ухомъ... Еще поворотъ — и турецкій разъѣздъ покажется на дорогѣ.

Тереховъ приложилъ руку къ сердцу точно хотѣлъ удержать его. Оно билось у него съ болью.

— Смотрите, братцы, за конями! Себя береги каждый... Чуть что — жди команды!

Еще нѣсколько тяжелыхъ мгновеній ожиданія. Вся жизнь, казалось, перешла въ глаза...

И вдругъ!..

Какъ одинъ человекъ казаки расхохотались, глядя на дорогу.

Мимо нихъ двое болгарскихъ пастуховъ гнали стадо воловъ и буйволовъ. Неуклюжія, громадныя животныя двигались, поднимая цѣлое облако рыхлаго снѣга. Чабаны pokrивали на нихъ и это-то гиканье слышалось нашимъ издали.

— Да вѣдь выстрѣлы были слышны!..

Какъ нарочно, одинъ изъ пастуховъ щелкнулъ длиннымъ кнутомъ...

— Вотъ вамъ и выстрѣлы.

— Выѣзжай, братцы, живо... Безъ шума только!... — командовалъ Переквасовъ.

Казаки только что показались изъ лѣсу — какъ болгары, оторопѣвъ, хотѣли было броситься на утѣкъ... Но путь передъ ними былъ весь занятъ стадомъ... Волы густо сбились между двумя скатами горъ.

— Эй, братушки, — кричали имъ казаки. — Чего пужаетесь... Мы свои...

Дѣваться некуда... Поневоля, пришлось имъ ждать.

— Чьи стада? — опрашивалъ ихъ Переквасовъ.

— Турскія... Турскія, братушки...

И болгары оторопѣло бланялись казакамъ, робко оглядываясь назадъ, не появятся-ли и оттуда русскіе.

— А что, турки близко?

— Близко до села... Има одинъ саатъ (одинъ часъ пути).

— Это, значить, верстахъ въ шести...

— Ну, вотъ что, братушки, гоните-ко воловъ къ намъ...

Болгары стали мяться.

— Не можно, братушки, не можно...

— Почему это?

— Турцы...

— А вотъ я вамъ нагайкой покажу, гдѣ турки...

Болгары сообразили, что дѣлать нечего — все равно заставятъ — и повернули стадо къ русскимъ позиціямъ, сопровождаемые конвоемъ казаковъ.

Когда наши доѣхали до своихъ аванпостовъ — Трофимовъ казался пропавшимъ.

— Куда онъ дѣвался, подлець этакій — распрашивалъ у бывшихъ съ нимъ двухъ казаковъ Переквасовъ.

— А онъ, ваше в — іе, говоритъ, что ему теперь можно тѣхъ боней увести.

— Какихъ?

— А что у турокъ, вонъ въ той лощинѣ.

— Вотъ воръ-то. Нейметса.

— За ними и пошелъ... Что, говоритъ, имъ пропадать у турокъ. Пущай-же ихъ лучше я продамъ.

— Такъ я и зналъ! Ну, да чортъ съ нимъ... Имѣю честь поздравить, — обернулся Переквасовъ къ Терехову.

— Съ чѣмъ это?

— Рекогносцировка кончена.

„Интересно, получу-ли я что-нибудь за нее? — думалъ Тереховъ, медленно подѣзжая къ окраинѣ Габрова...

— Получу, или не получу?

И георгиевскій темлякъ такъ и носился передъ пурселепетаномъ, придумывавшимъ, какъ-бы повиднѣе въ докладѣ Бабкову выставить свое участіе въ этой рекогносцировкѣ.

ГЛАВА XXII.

Вдвоемъ.

Черная ночь смотреть въ окно.

Ни одного луча свѣта. Айша забила въ уголь софы и сидитъ такъ, неподвижная, похолодѣвъ отъ ужаса, не зная, что ей дѣлать, да и не думая объ этомъ.

Она не видитъ Заада; она чувствуетъ, что онъ здѣсь вотъ, распростертый на этой же софѣ... Мертвый, бездыханный...

Какъ-то шевельнула рукой — попала прямо на что-то мокрое, липкое, — сообразила что кровь, крикнула даже — но не разбудила его... Его теперь никто не разбудить...

Ангель Азраиль невидимымъ мечомъ своимъ коснулся его...

Она не думала о томъ, что будетъ завтра... Не все-ли равно!.. Рука ея еще сжимаетъ рукоять кинжала, точно врагъ ея не распростерся въ безсиліи у ея ногъ. Сердце ея бьется съ такою болью и силою, точно оно хочетъ разбить костяную клѣтку, сдерживающую его. Дыханіе захватываетъ...

И эта ночь!.. Какъ она длится, безъ конца, безъ конца... Казалось, никогда больше разсвѣтъ не забрежжетъ въ огнѣ... Казалось, день испуганный преступленіемъ, навсегда бѣжалъ отсюда...

Айша закрывала глаза, точно она боялась увидѣть что-то во мракѣ.

Она крѣпко сжимала вѣки, но это оказывалось еще худшимъ.

Возбужденный мозгъ создавалъ самые ужасные призраки... Вотъ мертвый шевелится... Ползетъ къ ней, ползетъ, оставляя за собою кровавый слѣдъ... Она ухомъ слышитъ его шорохъ... Скрипъ софы... Вотъ его холодная рука ложится на ея колѣно... Прямо на тѣло ложится... Въ безсиліи, въ ужасѣ — она осталась такою, какою была въ моментъ убійства... Одежды ея сорваны прочь — ей нѣтъ силы снова надѣть ихъ... Вотъ холодная, влажная и холодная рука коснулась ея груди... Ищеть шею... Схватываетъ...

— Нѣтъ, лучше открыть глаза... Лучше!..

Во мракѣ только очертанія какія-то чудятся... Странныя существа безъ тѣла, безъ фона, изъ однихъ только постоянно мѣняющихся контуровъ... Зигзаги какіе-то огнистыя... Скользнетъ въ воздухѣ, разсыплется тусклыми искрами — и опять мракъ черный, безпросвѣтный, непроглядный...

Въ окнѣ тоже мерещится...

Точно оттуда, извнѣ, кто-то уперся ладонями въ стекло и смотритъ пристально, смотритъ въ эту теплую, острымъ запахомъ крови наполненную комнату... Сторожить...

Кого?..

Обѣихъ видно — и жертву, и преступницу... Да кто-же здѣсь жертва? Она убила — это правда, но убила защищая себя.

Въ первый разъ въ эту ночь въ ней шевельнулось было опасеніе за себя.

Не на долго только... Что съ нею будетъ завтра?.. Куда поведутъ ее, когда наступитъ это завтра?.. Куда?..

Чужія лица, освирипѣлая толпа... Крики... Кадій...

Э, да не все-ли равно! — Кинжалъ съ нею... Не все-ли равно ей теперь?!

Шевельнулось и улеглось опять...

Будь, что будетъ, — кинжалъ съ нею; въ случаѣ чего —

одинъ ударъ въ грудь, прямо въ это съ такою болью бьющееся сердце — и конецъ, всему конецъ... Всѣ загадки, всѣ опасенія можно разрѣшить однимъ ударомъ, только однимъ ударомъ, — чего-же больше?..

Что это?

Это уже не обманъ воображенія, не галлюцинаціи... Это не чудится... Въ углу шевельнулось что-то... Въ томъ углу, гдѣ мракъ точно сгущается въ какое-то плотное черное тѣло... Тамъ дѣйствительно шорохъ какой-то...

Айша широко отерла глаза... неподвижно вперила ихъ туда и замерла совсѣмъ... А шорохъ все слышится и слышится... Какая-то громадная черная рука протягивается оттуда... Вытянулась къ ней... Вотъ-вотъ коснулась прямо ея лица...

— Нѣтъ, казнь легче... Чтобы ни случилось завтра—все равно!.. Только бы скорѣе прошла эта ночь!..

А загадочные звуки все слышишь и слышишь... Царапаются кто-то... Кто-то вскочилъ на софу... Крадется...

Что-то теплое и мягкое толкнулось подъ руку Айшѣ и потерлось объ ея колѣно...

Кошка!.. Теперь дѣвушка легче, она не одна рядомъ съ жертвой... Есть хоть одно живое существо... Она схватила бошку себѣ на колѣно... Крѣпко держать, точно боится, чтобы та не ушла, не оставила ея опять одну рядомъ съ нимъ...

Съ нимъ, который, еще за часъ назадъ, говорилъ ей вѣрачивыя рѣчи, пугалъ ее...

Стоитъ ей только вытянуть ногу или руку, чтобы коснуться до него... Стоитъ. Только она ни за что бы не сдѣлала этого... Ни за что!.. Пускай лучше замлѣютъ, задеревенѣютъ и ноги, и руки — она не шевельнется...

Кошка замурлыкала, свернулась у нея на колѣняхъ и заснула...

Айша и сама забылась на минуту... Такъ ей казалось, по крайней мѣрѣ... Больше минуты не могло пройти это видѣніе...

Шумное Габрово... Монастырь... Стоны раненых... Суета кругомъ...

— Айша!..—кличетъ ее Венелина.—Айша! отдохни поди... Устанешь...

Покорная зову, Айша идетъ къ сестрамъ... Какія ласковыя. Венелина не можетъ не погладить ея роскошныхъ волосъ... Въ глаза ей смотреть... Вонъ въ дверяхъ, весь облитый солнечнымъ свѣтомъ, показался Соймоновъ... Какъ забилося ея сердце!...

— Здравствуй, Айша! — привѣтливо кивнулъ онъ... Видно усталъ весь... Едва на ногахъ держится.

— Здравствуй, Айша! — тысячи голосовъ кричатъ ей отовсюду.

— Я люблю тебя, дорогая моя! — шепчетъ ей только одинъ — но за него она отдала-бы всѣхъ и все...

— Будь ты проклята!.. — точно надъ самымъ ухомъ крикнулъ ей кто-то.

Она широко раскрыла глаза. Холодный ужасъ пробѣжалъ по ея тѣлу... Кто это? Тутъ опять никого нѣтъ... Нѣтъ, есть... Вотъ онъ лежитъ... Тутъ, на софѣ, лежитъ, какъ былъ... Она теперь видитъ его... Ужъ разсвѣло... Въ окнѣ, по крайней мѣрѣ, скупо сѣрѣтъ зимній день...

Все то-же, что и вчера, — только зачѣмъ онъ здѣсь?.. Зачѣмъ?..

Прямо въ груди у него рана... Запеклась уже... Кровь не сочится оттуда — подъ нимъ чернымъ пятномъ сырѣетъ на коврѣ, покрывающемъ софу... Всклоченная голова съ открытыми глазами обращена къ ней, на нее смотреть... пристально смотреть... Верхнюю губу точно что-то вверхъ приподняло... Зубы открылись... оскалились... Не то смѣется, не то грозитъ... Рука, въ кулакъ сжатая, — такъ и осталась...

Унести, спрятать... Куда?.. Какъ она справится одна... *Ть* не помогутъ ей, ни за что не помогутъ...

Изъ ровное дыханіе слышится изъ комнаты рядомъ...

Счастливые сны видать, вѣрно отъ зелья, что далъ имъ Заэдъ... Теперь ужь больше никому не дастъ его хитрый армянинъ... Опять что-то въ родѣ ненависти къ нему пробудилось въ дѣвушкѣ...

Страхъ даже пересилило... Порывъ злобы, какъ вихрь, на минуту снесъ все прочь... всѣ другія ощущенія...

Она взглянула на свою разорванную одежду... Это онъ все... Вонъ куртка, запачканная въ крови... Рубашка на ней разорвана, тѣло сквозить въ прорѣху.

Она уже теперь безъ страха смотритъ на него... Она себя защищала, она права, совсѣмъ права...

— Зейнабъ, Зейнабъ! — крикнула Айша.

Изъ сосѣдней комнаты все то-же ровное дыханіе... Не шевельнулась даже старая невольница...

— Зейнабъ!.. Ради Аллаха!.. Гюльма!.. Спаси меня... Гюльма...

Но и Гюльма спитъ такъ-же крѣпко, спитъ и ничего не слышитъ...

Самой пойти къ нимъ... Онѣ, вѣдь, тоже виноваты, онѣ должны сказать ей, что дѣлать...

Быстро сошла она съ софы, скользнула въ ту комнату... Зейнабъ на полу, Гюльма на постелѣ... Крикнула имъ — не слышать... Хорошо подѣйствовало зелье Заэда. Наклонилась къ самому лицу старухи, зоветъ ее — та и не шевельнулась... Расталкивать начала... Не помогло и это. Что-же дѣлать тутъ?

Утромъ, когда придутъ, — и одѣться будетъ некогда... А то платье — оборванное, окровавленное — надѣть нельзя.

Айша взяла изъ сундука другое и переодѣлась.

Когда она вернулась къ себѣ, — свѣтъ дня уже ярко сіялъ въ окнѣ.

Оцетинившаяся кошга осторожно нюхала трупъ. Заэдъ еще ужаснѣе былъ теперь... И опять эти открытые глаза... Айшѣ казалось, что всюду слѣдуетъ за нею этотъ мертвый, остеклѣвшій взглядъ...

И народъ уже просыпаться сталъ... Мимо оконъ прошелъ старикъ Гуссейнъ — за водою, должно быть...

Она опустила занавѣски, чтобы не увидѣлъ оттуда.

— Зачѣмъ? — на минуту шевельнулось въ ней какое-то равнодушіе къ будущему, близкому, ожидающему ее черезъ какіе-нибудь полчаса.

— Зачѣмъ?.. Вѣдь все равно узнаютъ!.. Вѣдь все равно...

Вонъ конюхъ вышелъ во дворъ...

Айша слышитъ разговоръ тамъ...

— Гуссейнъ!.. Гдѣ Заэдъ-эффенди?

— Я почему знаю...

— Куда-то вчера ушелъ...

— Спать, должно быть...

— Нѣтъ, я заходилъ къ нему, кальянъ и кофе приносилъ.

— Ну?

— Никого нѣтъ... И постель не тронута — не ложился...

— Не въ гаремлыкѣ-же его искать — твоего Заэда!..

— Почему знать... Онъ ловкій.

— Ну, за это ему Хюсни голову снесетъ...

— Твой Хюсни старъ, а стариковъ всегда обманываютъ...

Посмотри, Заэдъ выскользнетъ отъ молодой госпожи... Не даромъ онъ такъ пѣлъ ей!..

Страшно! еще страшнѣе стало Айшѣ... Она вскочила, закуталась въ новый фераджъ — и выбѣжала во дворъ...

Съ удивленіемъ взглянулъ на нее старикъ Гуссейнъ... Головой покачалъ... Конюхъ Заэда подмигнулъ ему: смотри-де! скоро и мой господинъ выйдетъ оттуда...

Айша кинулась на улицу...

Куда-бы ни уйти теперь, лишь-бы подальше отсюда, отъ этого страшнаго теперь дома?..

ГЛАВА XXIII.

П о б ѣ г ѣ .

Иша бѣжала, сама не зная куда...

Она и не сообразила о томъ, что на ногахъ у нея туфли, что ноги ея давно уже были въ снѣгу... Легкій фераджъ не защищаль ея отъ холоду; тѣмъ не менѣе, она уходила все дальше и дальше...

Вотъ слѣдые, глухими стѣнами выходившіе на улицу, дома, глиняные и изъ кирпича сложенные заборы окончились. Широкая улица легла передъ нею. Тутъ уже суетился народъ. Въ открытыхъ лавкахъ солидные купцы сидѣли, поджавъ ноги и склонивъ бородатыя головы, точно подъ тяжестью чалмы... Почти голые, не смотря на зимній день, пекаря возились у печей, откуда красное пламя вырывалось чуть не на улицы, обжигая, мимоходомъ, заоктѣлыя стѣны... Юркій жидоуъ усѣлся у столика съ мелкою монетою и для развлечения перебрасываетъ себѣ кучу серебряныхъ монетъ изъ одной руки въ другую... Словно тѣни, скользятъ мимо закутанныя женщины. Вонъ одна несетъ баранью ногу, у другой какіе-то обрѣзки мяса...

Черкесь проскакалъ мимо, чуть не сбиль съ ногъ Айшу.

— Хабарда! (берегись!) — крикнулъ онъ ей надъ самымъ ухомъ.

Дѣвушка почти и не разслышала его...

Вонъ, у кофейни, открытой на улицу — разсѣлись подъ навѣсомъ молчаливые турки. Ароматный запахъ подымается вверхъ отъ маленькихъ чашекъ съ кофейною гущею, синіе клубы дыму отъ наргиле уносятся въ высоту, въ безоблачную синь, особенно ласково и привѣтливо глядящую сегодня на засыпанную снѣгомъ землю. Айша приостановилась...

— Куда я... Гдѣ спастись? — мелькало у ней въ головѣ и уносилось, не оставляя въ ея умѣ никакого слѣда.

— Къ русскимъ, что-ли?.. Какъ доберешься до нихъ?

— Къ Хюсни развѣ къ пашѣ?.. На Шипку!.. Разказать ему все, какъ было...

А въ это время кружокъ молчаливыхъ турокъ обратилъ вниманіе на дѣвушку, точно замерзшую въ странномъ раздумьи около...

Молодой оборвышъ, прислуживавшій въ кофейнѣ, тоже остановился на бѣгу, съ подносомъ, уставленнымъ мелкими чашками.

— Чего ты, дѣвушка? — спросилъ онъ у Айши.

Та вздрогнула... Овинула его удивленнымъ взглядомъ и кинулась дальше...

— Съумасшедшая, должно быть!..

— Или сирота... Можетъ быть отца убили, ну и осталась одна.

По срединѣ улицы побѣжала, боясь наткнуться на людей. Люди уже пугали ее — да прямо и попала чуть не на рога, тихо двигавшимся съ громадною арбою, буйволамъ; сѣрватосиніе, точно съ бѣлками, глаза кроткихъ животныхъ на минуту остановились на растерянной дѣвушкѣ.

— Что ты вчерашняго вѣтра ищешь, что-ли? — обернулся къ ней недовольный погонщикъ. — Ну... Ну!.. — захлесталъ

онъ буйволовъ, и опять заскрипѣли арбныя колеса, и опять, мѣрно поматывая головами подъ низко нависшимъ ярмомъ, буйволы тихо стали двигаться впередъ...

Вонъ муэдзинъ кричитъ что-то съ минарета... Точно черная ворона... И Айшѣ кажется, что онъ всему городу рассказываетъ о ней, пальцемъ показываетъ на нее... Она еще плотнѣе закуталась и еще быстрѣе побѣжала впередъ. Голубой, украшенный изразцами, минареть, сіявшій подъ солнечными лучами, остался позади... Вотъ громадная масса мечети подъ сѣрымъ куполомъ... Голуби суетятся у карниза... Изъ открытыхъ дверей идутъ окончившіе свою молитву богомольцы... Вонъ христіанскій монастырь вдали... Приземистая церковь едва видна изъ-за забора... У воротъ черкесы галдятъ... Кони фыркаютъ.

— Ты куда это собралась, дѣвушка? остановился передъ нею молодой черкесь... Дальше идти некуда...

— Оставь! — только и могла проговорить дѣвушка, сама не зная, куда идти она.

— Что ты ее задѣваешь?.. — остановилъ его старикъ, бѣлая борода котораго казалась болѣе его папахи.

Вотъ и они всѣ остались позади...

Передъ Айшей долина, засыпанная снѣгомъ...

На снѣгахъ ея лучится солнце... Опаловыми кажутся затянувшіяся льдомъ рѣченки... Вонъ кусты безлистные... Льдомъ и весною сплошь ихъ осыплютъ алыя розы... И кусты позади остались... Рощица тоже убѣжала куда-то въ сторону... Вѣтерокъ было помчался за Айшей, поднялъ бѣлую струйку снѣга, да не догналъ и улегся... Вонъ тамъ темное облако впереди... Это лѣсъ... За тѣмъ лѣсомъ село какое-то... Изъ-за деревьевъ видно, какъ тамъ курится дымъ, прямо подымаясь въ недосыгаемую высь безоблачнаго неба...

На дорогѣ движется какая-то темная фигура...

Айша нагнала ее. Остановилась передохнуть — очень ужъ устала дѣвушка...

Встрѣчная оказалась старухой, крестьянка...

Айша пугливо оглянулась на нее...

— Куда собралась, дѣвушка?

— Тамъ, надо!..

— Ишь какъ ты дрожишь, бѣдная!.. Испугалалась чего-нибудь, вѣрно?

— Нѣтъ!

— Пойдемъ вмѣстѣ... Я тоже по этой дорогѣ иду... Сына навѣщала, онъ у меня аскеръ... Раненый лежитъ въ Казанлыкѣ!.. А ты откуда?

— Издали...

— Куда-жъ ты теперь?

— На Шипку, на верхъ, въ горы.

— Ого!.. Въ туфляхъ-то и въ бѣломъ фераджѣ... Это, вѣдь, не то, что здѣсь внизу — тамъ холода, морозъ...

— Все равно!..

— Совсѣмъ помѣшанная какая-то, — про себя проговорила старуха.

— Кто-же у тебя тамъ?

— Братъ... Омеръ... Онъ у Хюсни-паши...

— Я и Хюсни-пашу знаю... Сказываютъ, у него въ Казанлыкѣ въ гаремѣ такая жемчужина есть... Въ Эдирне онъ на ней жениться собирается...

— Кто это говорилъ тебѣ?..

— Да у него невольница есть... Зейнабъ! Она мнѣ и рассказывала про Айшу эту... Такой, говорить въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ... Нигдѣ нѣтъ...

Дорога въ лѣсъ ушла... Солнце севозъ голыя вѣтви обливало ее щедрымъ, яркимъ сіяніемъ... Снѣгъ такъ и горѣлъ подь нимъ...

— Ты бывала-ли когда-нибудь на Шипкѣ?..

— Была...

— То-то... Сказываютъ, скоро уйдутъ наши оттуда... Что это?

Старуха обернулась; обернулась и Айша.

— Кто-то точно скачетъ за нами...

Айша вскрикнула и въ сильномъ ужасѣ бросилась въ чащу лѣса... Но чаща эта оголенная, свозная, не могла быть убѣжищемъ для дѣвушки. Ее было видно издали.

— Что-ты, что-ты? — крикнула ей было старуха.

— За мной это, за мной!..

Топотъ позади усиливался... Слышно было, что это нѣсколько человѣкъ скачутъ по дорогѣ съ окрѣпшимъ и слѣжавшимся снѣгомъ.

Пока Айша все дальше и дальше забиралась въ глубь лѣса, старуха остановилась и съ любопытствомъ смотрѣла назадъ...

— Заптіи такъ и есть... Неужели за дѣвушкой?.. Не можетъ быть...

Трое конныхъ заптіевъ (полицейскихъ) доскакали до старухи и приостановили коней...

— Невидала-ли ты дѣвушку?.. По этой дорогѣ пошла...

— Красивая такая?..

— Вотъ-вотъ, она и есть... Куда она дѣвалась?

— А вонъ, отъ васъ въ лѣсъ кинулась...

Свѣозъ вѣтви и стволы деревьевъ видно было, въ какомъ слѣпномъ страхѣ Айша старалась уйти подальше отъ своихъ преслѣдователей... Заптіи тотчасъ-же кинулись за нею въ догонку...

— Не далеко уйдешь!.. Стой!..

— Что она сдѣлала такого? — спросила старуха у оставшагося съ конями въ поводу.

— Офицера одного, Заэда-эффенди, убила!..

— Ба?.. За что-жъ это?

— А вотъ кадій узнаеть... Рассказываютъ, что Заэдъ, онъ изъ армянъ, опоилъ чѣмъ-то женщинъ въ гаремѣ, а къ ней ночью и пробрался.

— Собака!

— И смерть собачья... Айша его кинжаломъ ударила... Теперь по всему городу такая томаша идетъ... У околицы тамъ народъ ждетъ ее.

— Ахъ ты бѣдная, бѣдная!..

Дѣвушка почувствовала на своемъ плечѣ чью-то руку...

Она не могла уже сопротивляться. Въ слѣпомъ ужасѣ упала въ снѣгъ лицомъ и замерла такъ...

Ее подняли...

— Чего испугалась ты? — утѣшали ее запѣи... — Ну, запрутъ тебя... Хюсни-пашѣ дали знать... Онъ за тебя заступится... Заедъ-эффенди вѣдь обидѣлъ тебя... Ты за себя мстила...

ГЛАВА XXIV.

Подъ конвоемъ.

Иша упала лицомъ въ снѣгъ, да такъ и замерла...

Она въ эту минуту едва-ли чувствовала, какъ ее приподымали грубыя руки заплѣвъ, едва-ли слышала, что говорила ей старуха...

— Чего ты боишься? — убѣждали ее заплѣи: — тебя Хюсни-паша защититъ...

— Да и не виновата она! — говоритъ другой.

— Еще-бы!

— Подлый армянинъ стоилъ такой смерти... Самое большее, что посидишь нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ...

— Да и то не слѣдовало-бы...

— Пока будетъ судъ, пока оправдаютъ.

— За тебя всѣ...

Быстрога, съ какою повсюду разнеслась вѣсть объ убійствѣ Заэда, понятна только на востокѣ. Стоитъ только крикнуть на базарѣ какую нибудь новость, — черезъ часъ ее знаетъ уже весь городъ, а еще спустя нѣсколько минутъ онъ уже толпится у мѣста гдѣ совершилось событіе. Къ вечеру, — по

всѣмъ окрестнымъ деревнямъ идетъ говоръ, еще черезъ нѣсколько времени — вся долина уже знакома съ происшествіемъ причемъ, разумѣется, восточное воображеніе преувеличиваетъ фактъ пропорціонально квадратамъ разстояній. Такимъ образомъ, когда вели Айшу обратно въ Казанлыкъ, по городу уже ходилъ слухъ, что она зарѣзала не одного Заэда-эффенди, а вмѣстѣ съ нимъ еще нѣсколько человѣкъ. Побѣгъ ея объяснялся не страхомъ, а просто желаніемъ уйти вмѣстѣ со своимъ любовникомъ къ русскимъ, — тогда преступленіе оказалось-бы безнаказаннымъ вполнѣ...

— Заптіи сошли сами съ лошадей.

— Ты не бойся, главное! — предупреждали они Айшу.

— Теперь по городу томаша идетъ... Не обращай вниманія.

— Народъ глупъ, — дѣла не знаетъ.

— А браниться будетъ.

Старуха издали тоже ковыляла назадъ, въ городъ, желая узнать, чѣмъ кончится эта исторія.

— Однако ты его хорошо ударила...

— Прямо въ самое сердце попала!..

— Онъ самъ... Я не хотѣла... Что было мнѣ дѣлать?

И Айша первый разъ съ прошлой ночи зарыдала идя между заптіями.

— Онъ опоилъ Гюльму и Зейнабъ... Я ихъ звала — никакъ не могла дозваться... Онъ стращаль меня...

— Отчего ты мужчинъ не крикнула?.. Гуссейнъ говорить — близко былъ онъ.

— Спалъ тоже, какъ убитый.

— Армянинъ — ловкій человѣкъ былъ. Онъ всякія снадобья зналъ... Гюльма и Зейнабъ говорятъ, что онъ далъ имъ какое-то зелье, — онѣ поэтому ничего и не слышали...

Солнце было уже высоко.

На встрѣчу показался отрядъ черкесовъ. Это были тѣ-же которыхъ Айша встрѣтила у монастыря.

— Они намъ и показали, куда ушла ты! — сообщили заптіи.

— Вотъ она! — крикнули они встрѣчнымъ.

— А мы ужь и Заэда видѣли... Его унесли... Хорошій ударъ!

— Прямо въ сердце ударила!..

— Мужественная дѣвушка!.. У тебя душа мужчины... — похвалили ее черкесы, проѣзжая мимо.

— Тебя кадіи спрашивать станеть — потребуй, что-бы Хюсни былъ здѣсь.

— Зачѣмъ? Я все расскажу, какъ было...

Изъ Казанлыка толпы народу высыпали на встрѣчу...

Женщины, закутанныя съ ногъ до головы, торопились тоже, чтобы пораньше увидѣть Айшу...

Она шла, опустивъ глаза... Только говоръ толпы достигалъ до нея. Къ счастью, она не видѣла этихъ или любопытныхъ или озленныхъ лицъ... За то говоръ... За то гололоса достигали до нея...

— Вотъ она!.. Идите!.. Смотрите скорѣй!.. — слышалось кругомъ.

— Которая убила, Айша... Изъ гарема Хюсни!..

— Эй, мустафа-эффенди!

— Чего? отзывался заптій, довольный тѣмъ, что на него обращено особое вниманіе.

— Прикажи ей поднять фераджъ.

— Зачѣмъ?

— Посмотрѣть, какая она!

— А гдѣ-же ея любовникъ?

— Какой любовникъ?..

— Любовника не было!..

— Она убила Заэда-эффенди, защищая себя, — вступился кто-то.

— А ты почему знаешь?

— Да ужь знаю...

— Говорятъ тебѣ, она убѣжала съ любовникомъ. Развѣ женщина можетъ такъ ударить въ самое сердце... Это ударъ мужчины... Только мужская рука можетъ такъ вѣрно направить ханджарь.

— Любовникъ у нея на лошади былъ — онъ уѣхалъ.

— Къ русскимъ?

— А то къ кому-же?.. У насъ-бы его повѣсили сейчасъ-же...

— Врете вы всѣ, — отозвались заптіи.

— Чего время?

— Никакого любовника не было... Дѣвушка свою честь защищала... Заедъ развѣ мусульманинъ настоящій?.. Онъ на все былъ способенъ. Гяуръ тотъ-же остался... Все равно... Жди отъ него хорошаго...

У самага города толпа стала гуще...

Тутъ уже горланы орали во всю. Любопытные тѣснились кругомъ, такъ что заптіямъ приходилось палками прокладывать себѣ дорогу... Женщины и дѣти — тоже набѣгали со всѣхъ сторонъ.

— Ведутъ, ведутъ! — кричали отовсюду.

— Поймали бѣглую, ведутъ ее...

— Эй, Зюльма, — слышится отсюда-то пронзительный голосъ восхищеннаго мужа. — Выходи скорѣе, ведутъ ее... которая Заэда убила.

Аскеры, заптіи, черкесы сбѣгались отовсюду... Торговцы бросали лавки, мастеровые — свое дѣло, муллы выскакивали изъ мечетей... Едва можно было протолкаться на главной улицѣ...

— Что тутъ дѣлать! — остановились заптіи...

— Не пройдешь дальше...

— Куда тутъ сунешься!..

Толпа насѣла отовсюду. Теперь Айша и заптіи были въ центрѣ ея... Кругомъ волновалось цѣлое море головъ... Кое-гдѣ въ толпахъ показались конные...

— Эй, Эсни! — обрадовался заптій, увидѣвъ знакомаго черкеса, — верхомъ протискивавшася въ толпу.

— Чего?

— Скачи въ конакъ... Чтобъ солдатъ прислали съ ружьями!..

— Зачѣмъ?

— Такъ не пройдемъ...

Черкесь повернулъ коня и бросился вдоль по улицѣ, мало интересуясь тѣмъ, давить онъ народъ или нѣтъ...

Толпа пользовалась временемъ. Задніе напирали на переднихъ, стараясь хоть однимъ глазкомъ взглянуть на закутанную дѣвушку.

Айша не знала, куда ей дѣваться... Недовольствуясь ея лицемеріемъ, любопытные стали заговаривать съ нею...

— Ты за что его зарѣзала?

— А куда ты любовника своего дѣвала?

— Зачѣмъ ты хотѣла къ русскимъ уйти?

— Ишь, подлая, къ гяурамъ собралась!..

— Ой, не помилуютъ тебя, дѣвушка!

— Этотъ армянинъ тоже любовникомъ твоимъ былъ...

Камень откуда-то пролетѣлъ черезъ головы. Видимое дѣло — предназначался Айшѣ; но попалъ прямо въ заптїя...

Заптїи стали съ палками въ рукахъ набрасываться на толпу, но, разумѣется, они ничего съ нею не сдѣлали-бы, если-бы въ этотъ самый моментъ вдали не послышалась дробь барабана.

— Аскеры, аскеры!..

И толпа, еще недавно надвигавшаяся на Айшу стѣною, — разомъ отхлынула...

Айшу окружилъ конвой изъ солдатъ.

ГЛАВА XXV.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Ишѣ уже кажется, что она здѣсь давно... Точно она никогда и не бывала на волѣ!

Уже два дня она здѣсь, за этими темничными стѣнами... Скупо въ тусклое, миллионами дыханій покрытое окно мерцаетъ день, такой яркій и свѣтлый за этою тюрьмою. Глухой шумъ достигаетъ сюда съ улицы... За то тутъ тишина тяжелая, гнетущая... Гюльма и Зейнабъ приходили утромъ... успокаиваютъ.

— Погоди, скоро Хюсни-паша приѣдетъ... Своро!.. Тогда тебя выпустятъ...

Только кадій хмурится... Мулла тоже пугаетъ...

А ей все равно... Она точно застыла совсѣмъ.

Сквозь черный камень старыхъ стѣнъ, точно чьи-то слезы, сочится холодная вода... Тьма скопляется вверху подъ тяжелымъ кирпичнымъ сводомъ... Каждый шагъ гулко отдается по плитамъ холоднаго пола... Вчера вонъ болгарка одна въ томъ темномъ и мрачномъ углу перерѣзала себѣ горло — до сихъ поръ стоитъ тамъ лужа черной крови... Трупъ унесли—

кровь забыли стереть... Сегодня изъ ея подругъ по заключенію взяли двухъ и увели... Сказываютъ — повѣсили... Трое дѣтей у нихъ было — дѣти остались въ тюрьмѣ — ихъ забыли... Они не знаютъ, куда дѣвались ихъ матери... Вонъ одна полусумасшедшая старуха болгарка въ углу... Схватила себя за голову и раскачивается сидя... У нея турки зарѣзали сына, повѣсили мужа... Она бросилась съ ножомъ на узнаннаго ею палача — предводителя анатолійскихъ баши-бузуковъ... И полоснуть не успѣла, какъ ее захватили... теперь тоже суда ждать... А какой судъ! Кто-же его не знаетъ. Повѣсятъ, какъ повѣсили другихъ.

Вонъ четырнадцати-лѣтняя дѣвочка-красавица... Ярко горятъ полныя ненависти глаза, рука сжимается въ кулакъ, точно для удара... Вся оборвана бѣдная... Платье лохмотьями виситъ; голое тѣло сквозитъ въ прорѣхи... Она ударила кинжаломъ ненавистнаго бая, когда ее привели къ нему... Ударила, да не успѣла съ собою покончить... Сама ранила себя въ грудь... ей перевязали — она сорвала перевязку... Ее и не уговариваютъ — она тоже, вѣрно, будетъ завтра или послѣ завтра висѣть... По нѣсколько ихъ отправляютъ на тотъ свѣтъ турки... По одной не стоитъ — страху на болгаръ не будетъ...

Айша было заговорила съ нею... Тонъ, полный участія, поразилъ дѣвушку.

Она кротоко взглянула на Айшу.

— Не вернуть, все равно... Они меня обезчестить хотѣли
Смерть лучше...

— И со мной было тоже...

— Ты турчанка?.. — вдругъ дико вскинула она глазами на Айшу.

— Да?

— Уйди, подлое племя!.. Ненавижу я васъ, всѣхъ ненавижу... Если-бы моя воля была, я-бы разметала васъ, какъ песокъ морской, когда его волны въ бури по берегу цѣлыми буграми разбрасываютъ...

— Что-же я сдѣлала тебѣ? Я такая-же несчастная какъ и ты...

— Твои братья, такіе-же какъ ты, мусульмане, убили моего брата и отца!.. Уйди!.. Ножа нѣтъ — я тебя зубами изорву!..

И молодая красавица такъ дико заскрипѣла на нее зубами, что Айша невольно бросилась прочь.

— Тебя, сказываютъ, освободятъ скоро? — подошла къ ней какъ-то старуха болгарка, давно уже томившаяся здѣсь.

— Не знаю.

— Ты турчанка... Тебя иначе будутъ судить, чѣмъ меня...

— А чего ты хочешь?

— Дѣти у меня остались однѣ... маленькія...

— Твои дѣти?

— Нѣтъ, дочери моей... Она умерла... У нихъ, кромѣ меня, никого... Что они дѣлаютъ... какъ живутъ...

И старуха зарыдала, опускаясь къ ногамъ Айши.

— Ты скоро на волю будешь — найди ихъ, помоги имъ... Приведи ихъ сюда ко мнѣ...

Дѣвушка стала успокаивать старуху... Та, ничему не внимая билась у ея ногъ, въ истерическихъ рыданіяхъ.

— Пойми — малыя онѣ, ходятъ теперь отъ дома къ дому, хлѣба просятъ... Кто имъ подастъ... Ваши не любятъ христіанъ...

— Я тебѣ говорю — найду ихъ!..

— Нѣтъ, поклянись мнѣ своимъ Богомъ, твоимъ пророкомъ поклянись...

Айша исполнила это.

— Да благословить тебя небо!.. Я буду молиться за тебя...

— Да только выйду-ли я отсюда!

— Еще-бы!.. Для васъ, для турокъ, справедливость есть — для насъ только, бѣдныхъ, нѣтъ ея!

— Сказываютъ, русскіе скоро придутъ сюда?

— Ну?

— Я слышала...

— Отъ кого?

— Въ Казанлыкъ говорили... Они собираются перейти черезъ горы....

Старуха бросилась къ своимъ — передать эту вѣсть... На минуту всѣ заговорили разомъ; потомъ со всѣхъ сторонъ слышались стоны... Кое-гдѣ усилились рыданія... Айша слушала и ничего понять не могла...

— Что это значить?.. Чего онѣ? — думала она.

— Вамъ радостно должно быть...

— Нѣтъ, другимъ хорошо... Это ужъ не разъ случалось. Какъ только русскіе вступятъ въ городъ, стража насъ перерѣжетъ и сама уйдетъ.

— Насъ не оставятъ такъ.

— Въ Эски-Загрѣ такъ сдѣлали турки; въ Чирпанѣ — тоже... Они знаютъ, что русскіе освободятъ насъ...

Со двора иногда доносились стоны и вопли. Болгарки кидались тогда къ дверямъ, прислушиваясь къ этимъ невнятно долетавшимъ до нихъ звукамъ.

— Это нашихъ бьютъ они...

— Рѣжутъ...

— Это Иванча бьютъ... Вѣрно, опять онъ ударилъ сторожа...

Сестра Иванчо, арестованная здѣсь-же, садилась къ дверямъ, билась о нихъ и рыдала, — но твердое дерево, обитое желѣзомъ, не поддавалось усиліямъ этихъ слабыхъ и болѣзненныхъ рукъ. Иванчо взяли въ тотъ моментъ, когда онъ готовился уже перейти черезъ линію турецкихъ аванпостовъ къ русскимъ... Какимъ образомъ его тамъ-же не убили, — одному Богу извѣстно!.. Уцѣлѣвшій молодой болгаринъ чуть не каждый день заводитъ ссоры съ турецкими сторожами, зная, что, все равно, завтра или послѣ завтра, его повѣсятъ...

День смѣнялся вечеромъ, — сырмъ и темнымъ...

Стража вносила сюда масляный фонарь, скупо озарившій

только небольшой кругъ сѣрыхъ плитъ холоднаго пола, на которыхъ лежали и сидѣли заключенныя... По дорогѣ сторожа пинали ихъ ногами и били нагайками; но несчастныя женщины не могли имъ отвѣтить ничѣмъ, кромѣ проклятій, да и то, въ большинствѣ случаевъ, произносимыхъ шепотомъ... Наступила ночь, — ночь, когда Айша не могла сомкнуть глазъ, прислушиваясь къ десятку тяжелыхъ дыханій, къ мучительному бреду или стонамъ, раздававшимся то тамъ, то сямъ, въ этой отвратительной тюрьмѣ.

Айша стала уже смыкать глаза... Вѣки ея точно отяжелѣли и опускались сами собою...

Она уже задремала было, когда странный шумъ какой-то заставилъ ее быстро встрепенуться...

Она оглядѣлась...

Раненая дѣвушка стояла у той стѣны, гдѣ было окно... Она бросила что-то въ окно... Айша всмотрѣлась — болгарка хотѣла закинуть туда веревку... Ей удалось это... Она связала два конца внизу, потомъ влѣзла по веревкѣ вверхъ, и, держась кое-какъ за желѣзные прутья рѣшетки, закрѣпила веревку за одинъ изъ нихъ... Такъ-же быстро она спустилась внизъ... Айша недоумѣвала недолго... Не прошло нѣсколько мгновений, какъ на другомъ концѣ веревки, бывшемъ внизу, Айша рассмотрѣла петлю... Дѣвушка зорко осмотрѣла камеру, гдѣ спали ея подруги, стала на колѣни и приникла лбомъ къ сырой стѣнѣ.

— Молится... — сообразила Айша.

Ей казалось чудовищнымъ все это. Она не могла допустить совершиться во тьмѣ этой душной тюрьмы такому страшному дѣлу...

— Что ты хочешь дѣлать? — шопотомъ спросила Айша. Дѣвушка ея не слышала вовсе.

— Послушай! — дотронулась она до плеча ея...

Та удивленно оглянулась... Ее отшатнуло прочь... Она опять съ ненавистью уставилась на турчанку.

— Ты опять здѣсь!.. Что нужно тебѣ?

— Зачѣмъ ты хочешь дѣлать это?

— Хочу сама... Лучше я, чѣмъ они...

— А если на-дняхъ русскіе успѣютъ занять городъ, и ты можешь быть свободна опять...

— То-есть, если ваши турки при этомъ не перерѣжутъ мнѣ горла...

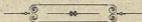
— Послушай, ты вѣдь вѣришь въ своего Бога...

Болгарка погупилась...

— У тебя есть мать?.. Подумай, что будетъ съ нею, если она узнаетъ, что ты сама повѣсилась въ тюрьмѣ... Подумай, что все можетъ окончиться лучше, чѣмъ ты думаешь... Развѣ ты сама дала себѣ жизнь, чтобы отнимать ее у себя?..

Черезъ нѣсколько минутъ болгарка навзрыдъ плакала, опустивъ свою голову на грудь къ Айшѣ.

Только темная ночь да черныя стѣны тюрьмы, все сочившія свои мутныя слезы, слушали эти рыданія...

ГЛАВА XXVI.

Бой въ долинѣ.

же второй день въ казаньской тюрьмѣ тревога и смятеніе.

Не одни заключенные волнуются — нѣтъ. И караулъ, и кавасы и запѣи чувствуютъ что-то такое неладное.

Дѣло въ томъ, что вчера на Шипкѣ былъ бой!.. Слышалась канонада, какой давно не было... Направо и налѣво въ горахъ, которыя со всѣхъ сторонъ облегли долину Розъ, — гремѣли залпы... Внизу еще все было спокойно, но въ темныхъ казематахъ острога каждый выстрѣлъ отдавался въ сердцахъ невольниковъ... Для однихъ онъ знаменовалъ свободу, другимъ обѣщалъ близкую смерть... Болгары молились, обращаясь лицомъ къ востоку, туда, откуда въ смрадный мракъ ихъ темницы струились по утрамъ лучи зимняго солнца... Христіане долго лежали, распростершись, на каменныхъ плитахъ, пока не входили запѣи и не подымали ихъ ударами палокъ...

— Ишь ты!.. О чемъ вы молитесь своему Богу?.. Побѣды русскимъ просите?..

— Вамъ-же хуже будетъ...

— Почему хуже? — вмѣнилась озленная старуха, которую ни палки, ни цѣпи не могли смирить.

— А потому, что всѣхъ васъ, прежде чѣмъ уйти отсюда, мы перерѣжемъ...

— Русскимъ достанутся одни трупы ваши!..

— Все равно: мы погибнемъ, за то дѣти будутъ свободны и счастливы!.. Приходить пора, когда Господь обратилъ на насъ лицо Свое... Сотни лѣтъ стонали мы и плакали... И стоны и слезы наши теперь услышало небо!.. Оно пошлетъ побѣду русскимъ... Оно благословитъ ихъ вождей!..

— Молчи, старуха! — толкнулъ ее ногою запгій...

— Ее-бы давно повѣсить надо!..

— Ну, Айша, — успокаивали турчанку стражи, — тебя вѣрно повезутъ отсюда въ Эдирне, а тамъ Хюсни возьметъ тебя на поруки...

Айша съ тоскою прислушивалась къ этимъ выстрѣламъ.

Отголоски пушечныхъ ударовъ на вершинахъ засыпанныхъ снѣгомъ горъ были для нея понятны.

Въ первый-же день она поняла, что это русскіе переходятъ сюда... Она боялась желать имъ побѣды, зная, что торжество ихъ будетъ позоромъ и смертью для ея близкихъ и родныхъ.

Но, въ то-же время, сердце ея было тамъ — съ врагами ея вѣры, съ врагами ея народа.

Каждый ударъ оттуда отзывался въ ея груди, каждый выстрѣлъ съ болью звучалъ въ ея ушахъ...

Если побѣдятъ русскихъ — Богъ знаетъ, когда она увидитъ Соймонова...

Если русскіе возьмутъ верхъ, она будетъ подъ стражею отправлена въ Эдирне... А въ Эдирне Хюсни-паша возьметъ ее въ свой гаремъ, и тогда прощай свобода, прощай любовь!..

Ночью она подошла къ окну, схватилась за его рѣшетки и прижалась пылающею головою къ ихъ холодному желѣзу.

Тамъ, за стѣной тюрьмы, ярко сіяла луна... Серебряные лучи ея пронизывали насквозь голыя вѣтви гранатнаго дерева... Вонъ звѣздочка мигаетъ ей... Свѣжій воздухъ струится оттуда, на волю ея зоветъ...

Такъ-бы и полетѣла туда!.. Такъ-бы и унеслась изъ этого смрада и мрака!..

Чу! — позади звякаетъ цѣпь... Какъ ей противно здѣсь, какая тоска!..

Айшу трудно было узнать теперь.

Худая, худая стала... Щеки ввалились, поблѣднѣло лицо... Всклоченные волосы придаютъ ему что-то дикое; только глаза еще болѣе раскрылись, кажутся они еще крупнѣе на этомъ похудѣвшемъ личикѣ... И какой огонь горитъ въ нихъ!.. Такъ и жгутъ они... Хотѣла-бы она закрыть ихъ и не раскрывать никогда!..

Даже заплги, и тѣ останавливались передъ нею.

— Ой, дѣвушка! Ты такъ совсѣмъ съ ума сойдешь! О чемъ тебѣ думать? Ты убила собаку, защищая себя!..

— Ничего дурнаго тебѣ не будетъ!

— Не о томъ я!..

Точно она о самой себѣ думала, точно она за себя боялась! Ну зарѣжутъ ее, убьютъ — развѣ не все равно?.. Жить страшно — жить въ вѣчномъ заключеніи гарема съ не-милымъ человѣкомъ... Видѣть опять эту Гюльму, эту Зейнабъ... Пропади онѣ всѣ!..

И теперь, прижавшись къ рѣшеткѣ окна, она переживаетъ тѣ-же самыя безотвязныя думы.

Что ей дѣлать?.. Какъ уйти?.. Не кончить-ли тѣмъ-же самымъ, чего хотѣла болгарка, спасенная ею изъ петли... Легко вѣдь — одна минута... Хорошо!..

Спокойно такъ кажется... Однимъ разомъ и всему конецъ!..

— Чу? — Что это?!

Залпы... И разомъ они... Съ горь, должно быть... Нѣтъ, это ближе... гораздо ближе... Все они покрываютъ своимъ

грохотомъ, — даже стѣны тюрьмы точно вздрагиваютъ... Откуда-бы это? Въ прозрачномъ воздухѣ ночи каждый выстрѣлъ отдѣляется... Вотъ опять затрещала перестрѣлка...

— Господи, Господи! — рядомъ съ нею бросается на колѣни старуха болгарка...

— Пошли имъ побѣду, спаси родину бѣдную!..

— Это, должно быть, изъ Тузова? — шепчетъ рядомъ турчанка, посаженная вчера сюда-же...

— Не можетъ быть; русскіе не могутъ быть такъ близко!..

Вотъ опять грохотъ... Точно скалы разсѣлись отъ подземныхъ ударовъ...

А что, если русскіе придутъ такъ быстро, что ея не успѣютъ увезти?.. Айша даже загорѣлась вся отъ одной мысли объ этомъ счастьи... Тогда она увидитъ Соймонова, сестерь.. Ахъ какъ хорошо!.. Такъ хорошо, что даже не вѣрится...

— Это, должно быть, турки стрѣляютъ!.. разсуждаетъ болгарка около.

— Нѣтъ... Это русскіе...

— Близко слишкомъ...

— Коли-бы турки — выстрѣлы все-бы туда относило, въ горы...

— Русскіе вѣрно сошли уже съ горъ!

— Скоро конецъ намъ!

— Скоро!

— Турки не пощадятъ!.. Они не оставятъ насъ такъ...

И опять погрузились въ тупое отчаяніе!

А выстрѣлы гремятъ все слышнѣе и слышнѣе... Вотъ уже цѣлый часъ какъ не смолкаютъ они... И въ городѣ, должно быть, тревога. Слышны крики съ улицы; какіе-то обозы быстро двигаются куда-то, пронзительно скрипятъ аробныя колеса; вонъ топотъ коней — должно быть, на рысяхъ черкесскія сотни двинулись туда къ горамъ... Вонъ шаги тысячи ногъ... Должно быть, потребовались войска, которыя оставались еще въ Казанлыкѣ... Вотъ опять идутъ таборы. Слышны

слова команды, лязгъ ружей, стукъ штыковъ о штыки... Ахъ, какъ хотѣлось-бы выйти изъ этой душной тьмы тюремной кельи!.. Молчаніе здѣсь, зловѣщее, холодное... Покой могилы. Только масляный фонарь сверху бросаетъ скудный свѣтъ на десятки этихъ взволнованныхъ, полныхъ ужаса и отчаянія, лицъ, точно прилипшихъ къ окнамъ тюрьмы, да на скользкія плиты каменнаго пола.

Потухли было выстрѣлы — не прошло трехъ минутъ разгорѣлись опять!..

Хоть-бы узнать что тамъ...

— Эй, вы, христіанская кровь!.. прочь отъ оконъ!..

И вошедшій въ тюрьму заптій пустилъ въ дѣло палку.

— Музаффаръ!.. — позвала его Айша.

— Что, госпожа?

— Гдѣ это дерутся?

— Да гяурамъ — пошли имъ Аллахъ тысячи смертей — удалось прорваться изъ Травны черезъ горы... Они это внизу уже, около дольняго Тузова напали на нашихъ...

— Ой, близко какъ!

— Не бойся... Днемъ наши ихъ прогонять! Изъ Казанька туда войска пошли...

— А на Шипкѣ?

— Тамъ сегодня тихо!.. Налѣво неладно, около Куруджи и Марковыхъ столбовъ...

— А что?..

— А вотъ пойдѣмъ за мною... Я тебѣ дамъ послушать.

— Куда пойдѣмъ?..

— Да во дворъ тюрьмы... Что-же здѣсь сидѣть!.. Вѣдь все равно тебѣ уходить отъ насъ не зачѣмъ, и безъ того на дняхъ будешь свободна!..

Айша поднялась и вышла съ заптѣемъ.

Чудная ночь съ яркими звѣздами точно приняла ее въ свои объятія.

Давно уже она не видѣла этого чуднаго неба... Вонъ

оно надъ нею... Вонъ яркій Сириусъ горитъ... Вонъ Плеяды мерещатся... Вонъ Большая Медвѣдица — великолѣпнѣйшее созвѣздіе ночи... Десятокъ невѣдомыхъ міровъ...

Прохлада... Вольный вѣтеръ... Шелестъ голыхъ сучьевъ подъ нимъ...

Какъ хорошо!.. Луны не видать — за стѣной она... За то направо бѣлый минаретъ, озаренный ею, точно весь изъ серебра выкованъ... Какая голубая мгла кругомъ!.. Прозрачная... Какъ жадно дышетъ грудь!..

— Вонъ, слышишь, налѣво?

Айша прислушалась...

Глухо, глухо изъ-за горъ слышна перестрѣлка... Ни на минуту не прекращается она... То чуть-чуть громче станеть, то смолкнетъ, такъ что ухо едва можетъ уловить ея отголоски...

— Это они и оттуда идутъ... — объясняетъ ей заптій.

— Откуда?

— Изъ Габрова...

— Какъ изъ Габрова? — И Айша схватилась за сердце...

— Сегодня узнали, что и изъ Габрова они двигаются сюда-же... Со всѣхъ сторонъ. Но Аллахъ великъ и могучъ... Онъ дастъ намъ силу, и мы прогонимъ ихъ и истребимъ до послѣдняго!

— Изъ Габрова? — думала Айша: — значить и онъ съ ними... Значить и Соймоновъ тамъ въ этомъ отрядѣ...

И жутко ей, и страшно за него стало!.. „Господи, спаси его! Аллахъ, пошли своего ангела, чтобы онъ прикрылъ его своимъ крыломъ“...

Въ углу, во дворѣ тюрьмы свѣтился костеръ.

Оттуда пахло жаренымъ мясомъ... Заптій готовили себѣ шишлакъ на вертелѣ. Одинъ, краснорожій, съ громаднымъ носомъ и черными, словно дыбомъ ставшими, усами, къ самому огню наклонился... Отблескъ костра мерещится посреди двора на какой-то черной лужѣ... Пахнетъ она острымъ запахомъ... Бровью...

— Музаффаръ!

— Чего тебѣ?

— Кровь это?

— Да! — равнодушно взглянулъ туда заптій.

— Чья?

— Сегодня одного болгарина-шпіона мы рѣзали... Тутъ на дворѣ... Ты знаешь, Айша, если русскіе близко подойдутъ, мы всѣхъ христіанъ въ тюрьмѣ перерѣжемъ... на всякій случай!..

Когда за Айшей щелкнулъ замокъ и, войдя назадъ въ тюрьму, она увидѣла десятки болгарокъ, забившихся по угламъ; она уже знала, что ихъ ожидаетъ...

Айша зарыдала.. Жаль было дѣвушкамъ всѣхъ этихъ замкнутыхъ съ нею женъ и матерей!..

А удары пушекъ и трескотня ружейной перестрѣлки не стихали ни на минуту, и до утра не смыкали глазъ заключенные, прислушиваясь къ этимъ звукамъ.

ГЛАВА XXVII.

Русскіе близко.

Игна вовсе не засыпала въ эту ночь.

Не спали и другіе обитатели тюрьмы.

Къ утру бой все разгорался и разгорался... Съ первыми лучами разсвѣта заговорили шишкинскія батареи... Теперь было очевидно, что сраженіе охватываетъ всю сѣверную часть долины, что и на верху Радецкій не остался равнодушнымъ зрителемъ боя... На Балканахъ тоже начался послѣдній актъ этой эпической трагедіи, которую потомъ окрестили такъ просто: „Шишка зимою“.

Утромъ уже нельзя было разслушать звуковъ городской жизни, доносившихся съ улицы.

Грохотъ пушекъ и трескотня ружейныхъ залповъ заполняли все.

Казалось, что дрались у самыхъ стѣнъ острога... Заключенные въ отчаяніи метались по темнымъ казематамъ; женщины бросались ницъ лицомъ въ каменные плиты, да такъ и замерли, ожидая, когда придутъ палачи, чтобы покончить съ ними...

Побѣда русскихъ была несомнѣнна, и въ то-же время

для нихъ, для этихъ несчастныхъ бѣглянокъ, она являлась въ черномъ покровѣ смерти и мученій... Пощады ждать было не откуда: не въ Адрианополь-же потащутъ ихъ заплѣти за собою.

Молодая мать, съ ребенкомъ на рукахъ, бросилась къ Айшѣ.

— Послушай: можетъ быть, его не зарѣжутъ... Возьми малютку, когда уже не будетъ меня на свѣтѣ... Не оставь его, не брось...

Айша плакала, глядя на весь этотъ ужасъ.

Къ десяти часамъ утра весь городъ бросился къ ущельямъ Эски-Загры... Все, что могло уйти — было на пути къ Малымъ Балканамъ. Улицы оказывались запружены, со всѣхъ сторонъ стремившимися толпами народа. Крики женщинъ, ревъ ословъ, скрипъ аробныхъ колесъ, ругань погонщиковъ — все это тонуло въ стихійной бурѣ пушечнаго грома и ружейныхъ залповъ... Послѣдній таборъ, стоявшій въ городѣ, потребовали на мѣсто боя.

Айша металась въ своемъ казематѣ... Она хотѣла-бы, чтобы о ней забыли; но въ самую тревожную минуту въ тюрьму вбѣжалъ заплѣти Музаффаръ...

— Госпожа, тебя ждуть.

— Кто?

— Отъ Хюсни-паши!..

Айша вышла.

Во дворѣ тюрьмы — весь блѣдный, съ перевязанной рукой, со свѣжей сабельной раной во весь лобъ — стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, ея братъ, Омеръ... Она бросилась къ нему...

— Все знаю... Хорошо сдѣлала, сестра!.. Вотъ привазь кадія о твоёмъ освобожденіи... Мнѣ Хюсни далъ трехъ черкесовъ и коня для тебя... Черезъ два дня мы будемъ въ Эдирне...

— Братъ, ты раненъ... Ты не выдержишь...

— Все равно... Тебя спасу отъ русскихъ.

— Ты знаешь, русскіе мнѣ ничего не сдѣлаютъ...

— Когда ворвутся въ городъ — поздно разсуждать будетъ; тогда уже тебя не спасеть никто! Собирайся...

Музаффаръ живо приготовилъ все къ отъѣзду...

Оставляя за собою тюрьму, Айша вспомнила о ребенкѣ... Она хотѣла было взять его съ собою — заплѣи не дали...

— Скорѣй, сестра, скорѣе! — торопилъ ее Омеръ

— Чего ты спишишь?..

— Еще часъ!.. Будетъ поздно...

— Почему?

— Русскіе близко, — слышишь-ли ты?..

По улицамъ трудно было продвигаться...

Женщины, забывъ стыдъ и, сбросивъ свои фераджи, съ исковерканными отъ страха лицами, бросались, куда попало; въ арбахъ, влекомыхъ медлительными волами, плакали кое-какъ набитыя туда дѣти... Тутъ-же несли на носилкахъ раненныхъ, кое-какъ сбрасывая ихъ въ ворота больницъ, откуда уже слышались ихъ стоны и громкія жалобы на безпомощность... Старики, кое-какъ взмостившись на деревянныя сѣдла ословъ, торопились боковыми переулками поскорѣе выбиться на эски-загринскую дорогу... А тутъ, какъ нарочно, казалось, цѣлые легіоны злыхъ духовъ бились на смерть въ долинѣ Розъ, бѣснуясь по всему ея снѣжному простору... Черкесы, сопровождавшіе Айшу, орали на толпу; но толпѣ было не до того совсѣмъ: она упиралась въ стѣны домовъ, какъ волны моря въ береговыя скалы, и билась около нихъ, не зная, куда дѣваться, куда направить свой бѣгъ... Наконецъ, нашимъ удалось свернуть въ узкій переулокъ налѣво...

— А гдѣ-же Гюльма? — обернулась Айша къ брату.

— Она еще вчера въ ночь выѣхала... Хотѣла тебя взять, да только сегодня было получено разрѣшеніе выпустить тебя... Ты поступила какъ хорошая мусульманка, Айша. Я горжусь тобою.

Переулокъ вывелъ нашихъ бѣглецовъ на дорогу.

Не успѣли они вступитъ на узкую дорожку, вьющуюся

туть между деревьями, какъ около нихъ засвистали пуди... Онѣ, попадая въ стволы деревьевъ, съ рѣзкимъ щелканьемъ срѣзывали голыя вѣтви, чмокались въ снѣгъ и проносились въ высотѣ съ жалобнымъ стономъ...

— Мнѣ страшно, Омеръ!..

— Сейчасъ повернемъ туда, направо... Айша!.. Не бойся... Лучше быть убитой, чѣмъ попасть къ врагамъ въ руки!..

Вонъ налѣво между деревьями показались черныя фигуры!..

— Редифы наши...

Передовые просто бѣжали въ городъ, безъ ружей и безъ патроновъ... Позади, за ними, медленно отстрѣливаясь, отступала цѣпь... Трескотня ружей слышалась уже около Айши... Она инстинктивно прижалась къ шеѣ лошади... Вотъ бѣжавшій мимо нея солдатъ точно споткнулся, крикнулъ что-то, попробовалъ встать, оставилъ на снѣгу большое красное пятно, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ бѣгомъ и рухнулъ опять, чтобы больше уже не подыматься... Пуля догнала бѣднягу...

— Можешь во весь духъ, Омеръ? — обернулся къ нему одинъ изъ черкесовъ.

— Могу...

— Ну, такъ гайда!...

Черкесь схватилъ за поводъ лошадь, на которой сидѣла Айша...

— Держись въ сѣдлѣ крѣпче, дѣвушка!..

Нагайка свистнула около. Конь Айши вздрогнулъ и бросился впередъ...

Вихремъ понеслись наши бѣглецы, оставляя за собою все большія и большія массы отступающихъ...

Скоро узенькій проселокъ вывелъ ихъ на большую дорогу.

Вся она была переполнена бѣжавшими. Словно безчисленное стадо сбилося туть, уходя отъ лѣснаго пожара... Потерявшіяся дѣти бѣгали съ громкимъ плачемъ въ толпѣ, отыскивая своихъ родныхъ; оставленные на произволь судьбы, возы со всякой домашней рухлядью загромождали путь; иной разъ,

взбѣсившіеся отъ криковъ и толкотни воли кидались куда попало, внося еще болѣе суматохи въ и безъ того сбившіяся толпы... Черкесы съ Айшей взяли въ сторону — цѣпиною. Кони иной разъ проваливались по брюхо...

На разстояніи часа отъ города ихъ нагналъ изъ-зади куда-то торопившійся всадникъ.

— Откуда? — обернулись къ нему.

— Русскіе въ городѣ... — кинулъ онъ сбитой съ толку толпѣ.

„Русскіе въ городѣ“ — пронеслось съ конца въ конецъ ея, точно подавая сигналъ къ еще большей суматохѣ и толкотнѣ.

„Русскіе въ городѣ!“ — перебрасывалось черезъ головы изъ одной стороны въ другую, и мужчины подводчики ожесточенно начинали бить воловъ и буйволовъ, еще пронзительнѣе закричѣли аробныя колеса, еще громче стали крики и рыданія женщинъ, забившихся подъ навѣсы аробъ.

Въ одномъ мѣстѣ толпа стѣснилась такъ, что сквозь нее нечего было и думать пробраться.

Со всѣхъ сторонъ надвигались новыя... Вонъ нѣсколько всадниковъ, прямо изъ города...

— Здравствуй Айша! — слышится оттуда.

Музаффаръ и тюремные заплѣты.

— Русскіе въ Казанлыкѣ уже хозяевами. Мы едва на коняхъ ушли оттуда.

— Спроси, Омеръ, что они сдѣлали съ болгарками, которыя были въ вазематѣ?

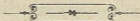
— Эхъ! — досадливо крикнулъ Музаффаръ...

— Не удалось прикончить проклятыхъ... Только было старуху выволокли какъ у самой тюрьмы загремѣли выстрѣлы... Едва мы ноги унесли...

Обрадованная Айша мысленно поблагодарила Аллаха за милосердіе къ бѣднымъ женщинамъ — ея недавнимъ подругамъ по заключенію.

А изъ-зади надвигались все новыя и новыя толпы.

Только къ вечеру удалось нашимъ путникамъ добраться до ущелья Малыхъ Балканъ.

ГЛАВА XXVIII.

Соймоновъ наканунѣ перехода.

Соймоновъ уже нѣсколько дней зналъ о близкомъ переходѣ черезъ Балканы.

Съ утра до ночи онъ только и думалъ о той счастливой минутѣ, когда ему, наконецъ, удастся увидѣть Айшу.

Разумѣется, онъ не зналъ о томъ, что случилось съ нею. Всѣ сношенія съ долиною Казанлыка теперь уже были прерваны. Ни одинъ болгаринъ-лазутчикъ не осмѣливался пробраться туда, сквозь грозные горные проходы Куруджи и Марковыхъ столбовъ. Въ Дервенскихъ ущельяхъ турки зарѣзали одного такого, болѣе смѣлаго, и съ тѣхъ поръ никому и въ голову не приходило пуститься въ рискованное предпріятіе.

Выходя утромъ на габровскія улицы, Соймоновъ подолгу смотрѣлъ на серебрившіяся вдаль вершины Св. Николая, Лысой и Этрополя...

Снѣга ихъ ярко горѣли подъ солнцемъ...

Отсюда не видно было ни сѣрыхъ траншей, ни черныхъ валовъ мортирныхъ батарей... Изрѣдка только бѣлыя облачка пушечныхъ выстрѣловъ застилали смѣлыя контуры гордыхъ вершинъ, да и облака эти быстро уносило вѣтромъ...

— Скоро, скоро мы оставимъ васъ за собою, — въ блаженномъ самозабвеніи повторялъ Соймоновъ, всматриваясь туда.

И никакое сомнѣніе не тѣснило ему грудь, никакая тучка не заволакивала этихъ яркихъ грѣзъ будущаго счастья...

Онъ уже рѣшился.

Во что-бы то ни стало, а Айша — эта граціозная дикая серна — будетъ его. Онъ не оставитъ ея въ этой, давно уже опостылѣвшей ей, обстановкѣ азіатскаго гарема, онъ возьметъ ее съ собою, въ далекую и холодную Россію.

— Захирѣетъ она тамъ, — шевелилось болѣзненное сожалѣніе.

— Я сумѣю отогрѣть ее, — самъ себѣ отвѣчалъ молодой докторъ. — Во всякомъ случаѣ, ей будетъ у насъ вольнѣе дышать, чѣмъ тутъ, среди этихъ фанатическихъ затворницъ, или болгаръ, ненавидящихъ все турецкое, все ей родное.

Онъ рѣшился для нея послѣ войны поселиться гдѣ-нибудь на югѣ — на Кавказѣ или въ Крыму; рѣзкость перехода климатовъ не будетъ для нея замѣтна вовсе.

Онъ не хотѣлъ, чтобы она была его любовницей, нѣтъ...

— Пусть она будетъ моей женой!..

— А если она не согласится принять христіанство? — замѣтила ему разъ одна изъ сестеръ, съ которой онъ говорилъ объ Айшѣ.

— Ну?

— Какою-же можетъ быть она женой?.. Законъ...

— Знаете, законъ у насъ чаще всего расходится съ жизнью... Разумѣется, въ такомъ случаѣ, поневолѣ придется жить невѣнчанными... Да и это не бѣда...

— Какъ такъ?

— Очень просто... Не приходило-ли вамъ въ голову, почему это у насъ обыкновенно случается такъ, что свободныя отношенія ничѣмъ не связанныхъ людей — будемъ прямо говорить: любовника и любовницы — гораздо искреннѣе, тѣснѣе и проч-

нѣе, чѣмъ тѣхъ, которые позаботились приобрести, предварительно, и благословеніе церкви, и согласіе ихъ семей?.. Отчего жену только терпятъ, а любовницу любятъ!.. Отчего жена — тяжелое обязательство, а любовница — серьезная привязанность!.. Разумѣется, я ничего не говорю. Какъ только Айша станетъ христіанкой — она сейчасъ-же сдѣлается женою мнѣ... Но меня не остановитъ и отказъ ея. Все равно — я уже рѣшился...

Соймонова заботило и другое...

Ему хотѣлось вмѣстѣ съ передовымъ отрядомъ проникнуть въ долину Казанлыка.

Мало-ли что можетъ случиться тамъ, мало-ли что способны сдѣлать турки, въ минуты отчаянія...

И ему уже чудилась его Айша лежащею поперекъ казанлыкской улицы — неподвижная, бездыханная... Изъ подъ перерѣзаннаго горла давно уже перестала сочиться кровь; черною лужею запеклась она кругомъ. Къ черной лужѣ этой присохли и ея чудные волосы...

„Своихъ не рѣжутъ они!“ — шевелилось въ мозгу у него невольное соображеніе.

„До сихъ поръ не было... Это правда“.

А что говорятъ всѣ муллы. Еще вчера Соймоновъ толковалъ съ ними...

— Что сдѣлаютъ турки если мы перейдемъ Балканы?

— Мы перерѣжемъ своихъ женъ и дѣтей и уйдемъ сами въ горы или лѣса...

— Зачѣмъ?

— Когда намъ ничего не останется болѣе, — мы рѣшимся умереть всѣ, но умирать будемъ, убивая васъ...

И дѣйствительно, Соймоновъ зналъ уже на что способна фанатизированная муллами толпа.

Здѣсь еще эти духовные пастыри народа сдерживались. Близость русскихъ дѣлала ихъ осторожными. Но тамъ, гдѣ кругомъ не слышно иного языка кромѣ турецкаго, гдѣ молятся только Аллаху, тамъ изувѣры, пожалуй, всѣхъ поведутъ

за собою на смерть и на беспощадное истребленіе и своего, и чужаго — все равно.

Люди, идущіе на смерть, — страшны!

Для нихъ нѣтъ невозможнаго. Они за неудачу расплачиваются жизнью.

Они и умираютъ улыбаясь.

Ихъ не напугаешь ничѣмъ, ихъ купить невозможно... Нѣтъ такой цѣны, какая могла-бы быть дороже жизни. И нѣтъ такого пугала, какое казалось-бы страшнѣе смерти.

Бороться съ подобными людьми могутъ только такіе-же, обрекшіе себя смерти.

Но такая борьба — одно истребленіе другъ друга.

Безпощадное, не знающее милости!

Мало-ли что могло случиться, и Соимоновъ былъ правъ, задумываясь надъ судьбою несчастной дѣвушки...

— Послушайте, а если она стала уже женою Хюсни-паша? — спрашивали его.

— Ну?

— Какъ-же вы-то?

— Тутъ только два вопроса и могутъ быть.

— Какіе?

— Добровольно или недобровольно?

— Въ первомъ случаѣ?

— Я мѣшать не стану.

— А во второмъ?

— А во второмъ положеніи — дѣло не измѣняется. Нравственное или физическое насиліе все равно — оно не позоритъ дѣвушку. Оно позоритъ ея палачей только... Она остается чиста... Пора разстаться съ этими подлыми предразсудками... Разъ я люблю ее, не все-ли мнѣ равно, дѣвушка она или женщина?

— Оригинальная логика!

— За то справедливая...

— Что-же вы будете теперь дѣлать?

— Да вотъ нужно съ главнымъ врачомъ 16-й дивизіи по-
видаться.

— Ну?

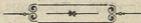
— Не возьметъ-ли онъ меня...

— А если откажетъ?

— Я брошу васъ и самъ присоеѣжусь къ отряду. Не вы-
гонять отсюда.

— За то послѣ...

— Волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить!..

ГЛАВА XXIX.

У главнаго доктора.

Докторъ Хохловъ былъ сегодня мрачнѣе тучи.

Съ утра стали разбираться съ аптекой, съ тѣми пособіями, которыя имѣлись при отрядѣ.

— А хлороформу довольно?

— И званія нѣтъ.

— Это-же какъ?

— Да вѣдь сами знаете.

— Ничего не знаю.

— Вмѣсто хлороформа — намъ касторки да рыбьяго жиру прислали.

— Подлецы!.. Ну, а хининъ?

— И съ хининомъ та-же исторія...

— Какая это?

— Магnezіи вмѣсто хинина.

Хохловъ только плюнулъ со злости.

— Нѣтъ, я-бы для нихъ придумаль...

— Что это?

— Казнь...

— Четвертованіе?

— Зачѣмъ?.. Я-бы имъ новую... Почудеснѣе этого... Я-бы ихъ, подлецовъ, такъ-бы одной басторкой и кормилъ... ничего больше... А вмѣсто воды — рыбаго жиру... Посмотрѣль-бы я, что-бы изъ этого вышло. Нужно въ „Красный Крестъ“ обратиться...

— А тамъ, пожалуй, не дадутъ.

— Какъ такъ?

— Самимъ нужно!..

— А, все-таки, мы толкнемся.

Счастливая судьба Соймонова, какъ разъ въ эту минуту, поставила его предъ хмуря очи Хохлова.

— Вамъ чего? — грубо обернулся тотъ.

Соймоновъ было сталъ излагать свою просьбу.

— Вы вотъ что, скажите по душѣ: хлороформу у васъ довольно?

— Да, есть.

— Подѣлиться можете?

— Отчего-же!..

— И хининомъ тоже?

— И хининомъ... Это я вамъ устрою.

— Ну, а тогда я васъ въ отрядъ возьму — и шабашъ... Владиміричка вамъ захотѣлось...

— Что такое? — не понялъ Соймоновъ.

— Я говорю: Владиміра вамъ захотѣлось, съ мечами?..

— Нѣтъ... Я даже условіемъ поставлю... не представлять меня.

— Да это вы и безъ представленія умѣете подѣлывать. Пакоснева знаете?

— Знаю.

— Ну, такъ онъ и безъ представленій обошелся. Какъ гоголевская крыса въ „Ревизорѣ“, пріѣхалъ къ намъ на „Зеленя горы“, понюхалъ и уѣхалъ. „При хорошей погодѣ и полной тишинѣ на позиціяхъ“, — какъ въ реляціяхъ выражаются... Виноватъ — пообѣдалъ у насъ въ Брестовцѣ.

— Ну-съ?

— А то и ну-съ, что въ слѣдующій разъ пріѣзжаетъ къ намъ и тоже „при хорошей погодѣ и полной тишинѣ на позиціяхъ“, но уже въ регалияхъ. Вотъ тутъ-съ. — И докторъ Хохловъ ткнулъ себя во вторую пуговицу сюртука. — Вотъ тутъ-съ, Владиміръ во всей своей красѣ и при мечяхъ. Это, спрашиваемъ, за что-же-съ украсили?.. Удивляется. — Развѣ вы, говоритъ, не знаете? — Нѣтъ, не слышалъ... — А за прошлую поѣздку сюда къ вамъ... У нихъ на этотъ счетъ — борзо!.. Меньше Владиміра не давали. — Ну, а за эту поѣздку какъ, спрашиваемъ, тоже украсятъ?.. — А это, отвѣчаетъ, какъ начальство, если захочетъ по всей справедливости... — Да, помилуйте, — злюсь я — это за бутылку шампанскаго-то?.. — Какъ, говоритъ, бутылку шампанскаго?.. — Да, вѣдь, постойте, вы къ намъ ѣздите шампанское пить?.. — За то подъ огнемъ!.. — Этакая наглость!

— Ну и что-жь за вторичный пріѣздъ тоже получилъ?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло. На шею дали!.. Ну, тутъ уже я и не выдержалъ... Извините... Тутъ ужъ я его по своему ублагодворилъ... Могу сказать, будетъ онъ помнить...

— Что-же такое вы съ нимъ продѣляли?

— Да ужъ сдѣлайте такое одолженіе... Первымъ дѣломъ, какъ онъ явился въ третій разъ, смотрю — у него на шеѣ-то Анна болтается... Великомученица на такомъ прохвостѣ!... Я и ахнулъ... — Это, говорю, за что-же? — А за вторую поѣздку къ вамъ... — Значить, и за эту, за третью, надѣетесь? — Въ надеждѣ на Владиміра третьей степени... — Хорошо, думаю, я тебя, голубчика, ублагодворю... „Обѣдать, говорю, мы поѣдемъ въ траншею“... — А это, спрашиваетъ онъ, опасно?.. — „Помилуйте, успокоиваю его, спокойнѣе, чѣмъ здѣсь... У насъ ужъ нѣсколько дней тишина“!.. Поѣхали!.. Только я на первый гребень его вывезъ — по немъ турки — шарахъ... Онъ съ лошади-то и сморгнулъ... Ну, думаю, убили его... и пожалѣлъ даже... Что-же-бы вы думали?.. И впрямь —

лежить безъ движенія, — ни ногой, ни рукой. Я къ нему.

— Что съ вами? — спрашиваю.

Молчить и глаза закрыть.

— Слышите-ли меня?

— Слышу! — И голосъ болѣзненный.

— Я, правду сказать, скотомъ самого себя называю...

Думаю, куда-нибудь ему рану вкатили...

— Убили меня, докторъ? — спрашиваетъ.

— Да куда-же вамъ пуля-то попала?

— Развѣ попала? — Да какъ вскочить на ноги... да бѣгомъ... Я за нимъ... А турки-то по насъ, какъ по зайцамъ, тахъ-тахъ-тахъ-тахъ... Наконецъ, поймалъ его.

— Куда вы, — спрашиваю, — удираете?

— Ахъ, докторъ, на перевязочный пунктъ.

А тутъ около лощина такая безопасная; я его туда — и давай осматривать... Что-же-бы вы думали — такъ-таки ни одной царапины... Даже досадно было. Ну, потомъ мы его, все-таки, въ траншею сволокли и тамъ устроили ему бенефисъ настоящій... Всю ночь онъ у насъ подъ огнемъ провель... И знаете — какъ только у насъ даже свои въ турокъ пальнуть — сейчасъ кувырѣ — животомъ на землю. Что смѣху было!.. Послѣ того я уже не видалъ его; такъ и не знаю, получилъ-ли онъ Владиміра на шею или при одной мечтѣ остался...

— Ну, я не изъ такихъ!..

— Тѣмъ лучше. Скоро-ли-же вы насъ хининомъ да хлороформомъ снабдите?

— Хоть сегодня.

— Вотъ это хорошо...

Вечеромъ Соймоновъ уже получилъ разрѣшеніе слѣдовать съ право-фланговой обходной колонной...

— Только Владиміра-то, все-таки, я вамъ не дамъ!.. шпынялъ его Хохловъ.

— И не надо...

— Надо-ли, не надо-ли — а не дамъ.

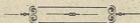
— Можете его оставить себѣ... Я не хочу...

— Хотите-ли, не хотите-ли — а не получите...

Соймоновъ легъ спать счастливымъ и веселымъ.

— Лишь-бы только тамъ она уцѣлѣла!..

И всю ночь ему снилась Айша, родостная, свѣтлая!..

ГЛАВА XXX.

Наканунѣ перехода.

рудно себѣ представить то оживленіе, которое царствовало повсюду между русскими и болгарами послѣ паденія Плевны.

Очень скоро были забыты гекатомбы человѣческихъ труповъ, оставленныхъ позади, въ этомъ мертвомъ городѣ; прошлыхъ разочарованій, сомнѣній, малодушія какъ не бывало.

Громадная волна восторговъ и одушевленія сразу смыла прочь всю эту накипь, оставшуюся послѣ недавнихъ неудачъ и преступленій. И опять уже слышались самоувѣренные голоса, для которыхъ впереди не было уже ничего темнаго, ничего опаснаго, ничего грозящаго новыми и новыми разочарованіями. Эти переходы изъ одной крайности въ другую у насъ были весьма характеристичны. 10-ое декабря, когда 16-я дивизія вышла изъ Плевны въ свой забалканскій походъ, было праздникомъ для штабовъ и главной квартиры.

— Скоро будемъ въ Константинополь! — слышалось кругомъ.

— Черезъ мѣсяць, не болѣе.

Хорошо, что случилось такъ, хотя въ Константинополѣ мы, все-таки, не побывали... Если-же за Балканами у турокъ оказались-бы новыя арміи, то дѣло опять могло-бы затянуться надолго, очень надолго. Разумѣется, совершенно иную картину представляли войска, которымъ снова предстояло подставлять лобъ подъ пули...

Первое время я собирался ѣхать въ гвардейскій отрядъ.

Тамъ, на западѣ, уже переходили Балканы. Цѣлые полки вымерзали на горныхъ вершинахъ, гдѣ морозъ и вьюги дѣлали то, чего не могли сдѣлать турецкія гранаты и пули. Можно было ожидать, что главный ударъ разваливающейся турецкой силѣ будетъ нанесенъ на западѣ.

Я торопился приготовленіемъ, закупаль лошадей, когда въ главной квартирѣ одинъ изъ ея олимпійцевъ изрекъ мнѣ довольно загадочно:

— Совѣтую остаться съ 16-ю дивизіею.

— Что это значить?

— Совѣтую... А тамъ какъ знаете.

— Да позвольте, вы объясните!

— Что-жъ объяснять?.. Совѣтую!

Я понялъ, что тутъ готовится что-то очень важное, и сейчасъ-же вернулся въ Плевно. Черезъ пять дней послѣ того я сдѣлалъ первый переходъ къ Сельви, вмѣстѣ съ торжествующими полками, обстрѣлявшимися болѣе чѣмъ въ тридцати сраженіяхъ за одну эту кампанію...

Вотъ какъ этотъ переходъ записанъ былъ въ моемъ дневникѣ.

„Унылыя горы, покрыты сухими прутьями виноградниковъ, засыпаны снѣгомъ...

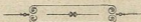
Въ лощинахъ и на склонахъ уже хорошій, по здѣшнимъ мѣстамъ, зимній путь...

Вершины чернѣютъ. Какъ-то все пусто, некрасиво... Впереди по дорогѣ тянутся обозы. Лошади едва вытаскиваютъ нагруженные съ верхомъ телѣги. Колеса обледенѣли. Слѣдо-

вало на полозья поставить, но сани болгаръ и турокъ давно изведены солдатами на дрова.

Тамъ, гдѣ дорога взбѣгаетъ вверхъ — направо и налѣво брошены изломанныя тѣлеги. То и дѣло встрѣчаются издыхающія лошади, отпряженные и кинутыя на произволь судьбы. Снѣгъ засыпалъ все, и когда мы достигаемъ „Зеленыхъ горъ“ — не видать ни траншей, ни редутовъ, ни батарей...

Снѣгъ засыпалъ и мертвыхъ, валяющихся по откосамъ. Никому теперь не будутъ грозить ихъ вытянутыя окостенѣвшія руки, никому не будетъ чудиться укора изъ черныхъ впадинъ обтянутаго коричневою кожею черепа...

ГЛАВА XXXI.

Первый отрядъ мы нагнали при спускѣ съ Зеленыхъ горъ.

Два полка растянулись на цѣлыя версты...

Походныя колонны шли, не разбиваясь; мы ихъ объѣзжали по скатамъ. Сѣрые солдаты на бѣломъ снѣгу, волнующаяся щетина штыковъ, офицеры въ полушубкахъ, все это сливалось въ одну очень неприглядную картину. Солдаты шли молчаливо, съ мѣшками на спинахъ, раздаваясь, когда проѣзжало начальство, и снова смыкаясь...

Все это какое-то понурое, унылое. Совсѣмъ не тѣ, какихъ мы видимъ въ бою, въ передовой траншеѣ, вообще на позиціяхъ...

Вонъ стрѣлки, вооруженные турецкими ружьями.

— Потурчились, братцы! — шутить одинъ.

— Угостимъ ихъ изъ ихнихъ.

И опять все это звучитъ какъ-то невесело.

— Новые сапоги берегите, ребята, — предупреждаетъ начальство, проѣзжающее мимо. — Понадобятся!

И сапоги у солдатъ самые разнообразны: черные, лоснящіеся, жирно вымазанные дегтемъ и желтые, дѣвственные еще... Одинъ ухитрился завести болгарскіе опанки и несетъ сапоги торжественно за спиной.

Звонъ манерокъ и котелковъ, стугъ сталкивающихся штыковъ, топотъ шеститысячной массы, скрипъ снѣга подъ колесами, визгъ колесъ, громыханье орудій по ухабамъ, доносящіеся издали „ради стараться“ и „здравія желаемъ“, все это какъ-то подавляюще дѣйствуетъ на васъ своею монотонностію и однообразіемъ.

На девятой верстѣ уже встрѣчаются отсталые. Направо и налево, по краямъ дороги, сидятъ по двое и по трое. Одни— дѣйствительно устали, — по всему видно. Сидятъ, точно въ нихъ опустилось все. Другіе просто лодырничаютъ и при приближеніи офицера дѣлаютъ особенно несчастныя лица. Ротные командиры изъ себя выходятъ, сгоняя ихъ.

Привстанутъ, пройдутъ нѣсколько шаговъ и опять валятся въ снѣгъ.

Видимо, хочется попасть въ длинные лазаретные фургоны, которые, по мудрому произволенію врачей, ѣдутъ не позади, откуда они могли-бы собрать помороженныхъ и дѣйствительно обезсилѣвшихъ солдатъ, а впереди, гдѣ передъ ними не движется ни одинъ эшелонъ.

Казенные врачи, вообще, какой-то странный народъ.

— Тамъ у васъ отсталые и больные есть, — сообщаютъ имъ конные, догоняя фургонъ.

— Ну, такъ что-же?

— Подберите.

— Притворяются. Господь съ ними!

— Изъ-за нихъ не останавливать-же санитарный обозъ! — замѣчаетъ другой врачъ, флегматично раскуривая трубку.

Въ нѣкоторыхъ фургонахъ на носилкахъ комфортабельно спятъ себѣ доктора, завернувшись въ теплыя одѣяла.

На встрѣчу попадаютъ болгары.

На ослахъ, на лошадахъ, въ арбахъ, запряженныхъ волами, ползуть кое-какъ въ Плевно. Все это когда-то бѣжало изъ города и теперь возвращается назадъ, чтобы найти свои дома переполненными турецкими ранеными или зачумленными сотнями труповъ, дѣля недѣли гнившими въ нихъ...

Съ кѣмъ ни поговоришь — жалобы на нужду.

Грабили ихъ и турки, и наши „реквизировали“.

Спрашиваешь у нихъ:

— И турци тѣ сичко земятъ, и братушки руссы — сичко!

И дѣйствительно, семьи на этихъ арбахъ обнищавыя, въ лохмотьяхъ, жалкія.

А тутъ еще лошади не поднимаютъ телѣгу солдатскую — безъ церемоніи отпрягаютъ вола у болгарина и цугомъ въ телѣгу.

Болгаринъ до того притерпѣлся ко всему этому, что только брови сдвинетъ, да грудь себѣ почешетъ, погружаясь въ мрачное раздумье.

Первый переходъ мы сдѣлали чрезвычайно быстро.

Полеъ остановился въ деревнѣ Сѣтово, куда только что вернулись болгары.

Въ каждую избу набилось человѣкъ по шестидесяти. Жителей не обижали, только казаки начали свою обычную войну съ кокошками (курица по болгарски).

— Какую вы это курицу варите?

— Это, вашъ-бродь, кокошка турецкая, дикая.

— Не болгарская?

— Ни, Боже мой! Это изъ пустыхъ домовъ.

Меня поразила тогда-же одна черта въ нашихъ солдатахъ. Они не ломятся въ домъ, не лѣзутъ туда, хоть въ правѣ занять его подъ построй.

Въ одномъ дворѣ такая, напримѣръ, сценка:

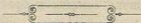
Предъ дверями хаты человѣкъ двадцать, топчутся на одномъ мѣстѣ съ ружьями и сумками за спиной. Въ дверяхъ тщедушная болгарка съ помеломъ въ рукахъ.

— Чего вы стоите, ребята?

— Да не пуцаеть баба... Бранится.

И это тѣ самые, которые брали турецкіе редуты и тысячами безропотно умирали.

Могли бы взять соломы, даже право на это имѣютъ—не берутъ, потому что хозяинъ ругается.

ГЛАВА XXXII.

Переходъ черезъ Балканы. Ловча.

а Сѣтовымъ — предгорія Балканъ.

Дорога вьется внизу, вершины бѣлыхъ горъ въ черныхъ шапкахъ... Снѣгъ стаялъ тамъ, обнаруживая или угрюмая скалы, или черныя лысины молчаливыхъ гигантовъ. Длинные гребни и бряжи заходятъ одни за другіе, связываются словно узлы, переваливаются одинъ черезъ другой, отходятъ, образуя глубокія долины, гдѣ прячутся города и села, тѣсняются, точно желая обратить въ щель лощину, по которой бѣжитъ гремучая и теперь зимою рѣченка.

Горы все выше и выше...

Съ каждымъ десятью верстами мѣстность становится все грандіознѣе и грандіознѣе.

Вонъ далеко-далеко мерещатся минареты и крыши нѣсколькихъ домовъ...

Солдаты прибавляютъ шагъ... Передніе почти бѣгутъ. Всѣмъ хочется поскорѣе отдохнуть послѣ утомительнаго перехода то вверхъ, то внизъ по, казавшимся безконечными, горамъ.

Пустой городъ.

Широкія улицы безлюдны и молчаливы... Окна зіяють безъ стеколъ, давно выбитыхъ; двери сорваны съ петель и вѣрно давно уже сожжены въ кострахъ. Кое-гдѣ сквозь окно выглядываетъ любопытная морда казачьяго коня-степняка... Видимое дѣло — безлюдное жильё обратилось для развѣздовъ и пикетовъ въ конюшню...

Болгаръ въ этой части города нѣтъ вовсе. Одни солдаты бродятъ кое-гдѣ. Имъ скучно — не съ кѣмъ перемолвиться. Какъ мухи лѣтомъ — изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу — но и тамъ та-же пустота, то-же унылое спокойствіе... Тутъ каждый камень обрызганъ кровью, и въ самомъ городѣ нѣтъ дома, стѣны котораго не слышали-бы воплей безчисленныхъ жертвъ, нѣтъ улицы, гдѣ еще недавно не валялись-бы груды женщины и дѣти съ перерѣзанными горлами... Въ моемъ дневникѣ по поводу этихъ тяжелыхъ воспоминаній за время войны записано, между прочимъ: „одинъ изъ болгаръ ввелъ насъ во дворъ большого дома. Именно здѣсь шестьдесятъ-пять женщинъ и дѣтей были заложены въ солому и сѣно, изъ нихъ башни-бузуки составили громадный снопокъ и зажгли его, подъ дикіе крики, опьянѣвшей отъ зрѣлища, крови и страданій, толпы. Въ бѣшеномъ гвалтѣ этой адской оргіи замирали вопли несчастныхъ жертвъ. Въ другомъ домѣ, рядомъ, на глазахъ отца зарѣзали его сыновей, изнасиловали дочь и потомъ сверху и его, и ее бросили изъ оконъ на поднятые ятаганы редифовъ. У президента градскаго совѣта, гдѣ мы остановились, турки зарѣзали забившихся въ самую дальнюю комнату и запершихся въ нее шестерыхъ дѣвушекъ. Онѣ бросились на колѣни, когда къ нимъ ворвались турки. Своты провели съ ними весь день до вечера, обѣщая пощаду, и потомъ, когда оргія разврата кончилась, отрубили имъ головы и выбросили ихъ трупы въ окна на мостовую, прилегающую къ кладбищу, за которымъ высится большая и красивая мечеть, гдѣ теперь складъ спирта и хлѣба... Намъ отвели эту

самую комнату... Воображеніе ли было такъ настроено — только мнѣ всю ночь чудились и эта ужасная оргія съ приговоренными къ смерти дѣвушками, и эта безошадная казнь подъ смѣхъ безошадныхъ палачей. А мѣсяцъ обливаль трепетнымъ сіяніемъ и мечеть, и площадь со стоящими торчмя плитами турецкаго кладбища, и серебряную ленту Осмы, застывшей здѣсь въ своемъ зимнемъ уборѣ“.

Полки недолго шли пустыми улицами.

Казалось, сюда послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ трепетала вернуться жизнь, такъ ужасно изгнанная нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Солдаты, бывшіе здѣсь раньше, еще лѣтомъ, вспоминали, съ какимъ восторгомъ ловчинскіе болгары встрѣчали ихъ, какіе одушевленные крики посылали имъ на встрѣчу эти радостныя и довѣрчивыя толпы. Приходъ русскихъ былъ тогда праздникомъ... Но насъ было мало. Кто изъ этихъ возбужденныхъ счастливыхъ и веселыхъ на минуту людей могъ предвидѣть, что за безоблачнымъ днемъ близится темная ночь, съ грозвыми тучами, съ громами и молніями, съ дымомъ и огнемъ пожаращъ, съ цѣлыми рѣками крови, въ которой они захлебнутся тотчасъ-же, какъ эти вчерашніе побѣдители, эти увѣнчанные лаврами „братушки“ должны будутъ отступить, отдавъ ихъ на жертву торжествующему врагу?..

Только у площади стало поживѣе...

Большая четырехугольная старая башня, множество лавокъ, трехъ-этажный ханъ съ комнатами, гдѣ земляные полы и нѣтъ печей. Азіатскіе дома съ выдавшимся впередъ и покоящимся на балясинахъ верхнимъ этажемъ и бѣлая мечеть, высокій минареть которой переросъ и обезлиствѣвшую тополь, и эту сѣрую башню — вѣрнѣе, гнѣздо, удивительно напоминающую остатки гегуэзскихъ построекъ на западномъ берегу Кавказа. Тутъ уже кипитъ торговля!..

Шумъ, суета и движеніе. Слѣпить глаза, глушить ухо.

Не знаешь, на чемъ остановиться.

Лавки открыты; окна кабачковъ — тоже. Передъ ними,

передъ этими подслѣповатыми окнами, кучки солдатъ... Оттуда слышатся смѣхъ и крики. Гдѣ-то вспыхнула пѣсня, всколыхала-было воздухъ и замерла, — точно негдѣ ей было на чужой сторонѣ размахнуться своими широкими-широкими крыльями...

Отъ башни главная улица идетъ въ Осмѣ, черезъ которую переброшенъ большой деревянный мостъ, крытый какъ пассажъ. По обѣ стороны его — опять лавки, гдѣ за мангалами съ горящими углями неподвижно сидятъ купцы. Въ иной лавкѣ всего на всего бутылка коньяку, коробка сардинъ, кусокъ мыла и фунтъ свѣчь, а купецъ съ подобающей важностью сидитъ себѣ въ ней цѣлый день. Въ другихъ, тутъ-же на виду, шьютъ башмаки и сапоги. По мосту нельзя пробраться свободно, потому что цѣлые дни идутъ обозы, загрозможная всѣ улицы... По ту сторону Осмы уже чисто турецкій городъ. Широкихъ улицъ нѣтъ. Перепутанная сѣть переулковъ, какихъ-то корридорчиковъ, то сразу слѣпнувшихъ, упирающихся въ совсѣмъ гладкую стѣну, то впадающихъ въ другіе, еще болѣе узкіе и извилистые... и ни одной площади!.. Изъ балитокъ пугливо выглядываютъ и снова прячутся болгарки... Позади всего — тѣ-же величавыя, крутыя, красивыя горы, засыпанныя снѣгомъ!..

Вонъ вдаль видна гора около редута съ высокимъ курганомъ посрединѣ.

Тутъ разыгрался кровопролитный ловчинскій бой, — около кладбища, за высокими камнями котораго притаились солдаты передъ рѣшительной атакой. Отсюда они бросились на этотъ курганъ. Отсюда-же кавказская казачья бригада начала свое преслѣдованіе турокъ, во время котораго было изрублено шесть тысячъ человѣкъ бѣжавшихъ.

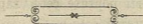
Палачамъ Ловчи это было достойнымъ возмездіемъ за такія-же безчисленныя жертвы!..

За замученныхъ дѣвушекъ, сожженныхъ дѣтей, повѣшеныхъ стариковъ и изрубленную сильную и здоровую молодежь!..

За Осмой — крутизна.

Вверхъ къ ней дорога... Насъ съ утра до ночи глушило оттуда.

Неумолгаемо стонуть надъ городомъ погонщики, понукающіе коней и воловъ съ казеннымъ обозомъ. Отъ этого крика, переходящаго въ вопли, уйти некуда... Въ комнату забьешься — и тамъ сквозь окно назойливо звучитъ онъ, въ самыя дальнія улицы достигаютъ его отголоски. Выйдешь на берегъ и видишь, какъ сотни повозокъ остановились на скатѣ и лошади выбиваются изъ силъ, тщетно стараясь взвести ихъ на эту крутизну. Дорога оледенѣла. Ротныя колымаги, со ста пудами клади, съ изголодавшими на плохомъ ячменѣ да на болгарской соломѣ конями, скатывались назадъ. Крики, суетня неизбежны! Иная лошадь бьется, бьется, тянетъ впередъ голову, скользитъ передними ногами и, наконецъ, въ безсиліи падаетъ, только болѣзненно переводя добрыми глазами, когда озлобленный отъ натуги обозный солдатъ начинаетъ ее колпматить и въ бокъ, и въ голову. И напрасно она старается подняться опять — ноги разъѣзжаются, обезсиленное тѣло не выдерживаетъ... Цѣлые часы потомъ она только, тяжело дышетъ, а вороны, эти единственные побѣдители, уже слетаются къ ней отовсюду для поживы...

ГЛАВА XXXIII.

Новичокъ.

Трапорщикъ Одынцовъ только что догналъ отрядъ въ Ловчѣ.

Двѣ недѣли тому назадъ онъ оставилъ одно изъ петербургскихъ военныхъ училищъ, не кончивъ курса. Ему хотѣлось поскорѣе принять участіе въ этой кровавой драмѣ, уже восьмой мѣсяцъ разыгрывавшейся на дальнемъ югѣ...

— Не могу, не могу здѣсь оставаться! — отвѣчалъ онъ на убѣжденія родныхъ.

— Послушайте, вы портите себѣ карьеру, — уговаривало его училищное начальство.

— Помилуйте, до карьеры-ли тутъ?.. Какія боины тамъ... Развѣ можно оставаться равнодушнымъ ко всему этому?

Такъ и бросили уговаривать.

Вчера, пробираясь по улицамъ занятаго войсками города, Одынцовъ съ разгорѣвшимися отъ любопытства глазами прислушивался ко всему, что тутъ дѣлалось. Ему казалось, что уже началось настоящее дѣло, что вотъ-вотъ сію минуту неизвѣстно откуда грянуть выстрѣлы, и онъ впервые узнаетъ

всѣ тѣ ощущенія, о которыхъ таѣь долго и такъ много мечталъ въ далекомъ теперь отъ него Петербургѣ... Вонъ старикъ офицеръ въ поручичьихъ погонахъ пробирается къ нему.

— Нашего полка?.. — оретъ навстрѣчу.

Глаза покраснѣли, носъ точно наполированъ. Очевидно, хорошо пообѣдалъ.

— Нашего полка и прапоръ!.. Какъ это я не знаю?!

— Позвольте отрекомендоваться... Сегодня только прибылъ... Прапорщикъ Одынцовъ.

— Молода, въ Саксоніи не была. Пьете?

— Нѣтъ, не пью... То-есть, пью... Нѣтъ...

— Да вы это безъ фасоновъ. Тутъ есть маркитантъ одинъ, у него коньякъ, я вамъ скажу!..

— Коньяку я не могу... — покраснѣлъ Одынцовъ. — Онъ горло жжетъ.

— Ну, извините... Сыроповъ вы у насъ не достанете... Позвольте и мнѣ въ свою очередь... Поручикъ Пельмевъ...

Пожали руки.

— Ну, такъ чтожъ?.. Ежели коньяку не можете... Хересу?..

Лавочка маркитанта была недалеко.

За столомъ ужъ сидѣла толпа офицеровъ. Грязные бра-тушки бѣгали съ дымящимися порціями всякой снѣди, неправильно присвоившей себѣ непринадлежащія ей званія: бифштексовъ, антрекотовъ, лангетовъ... Подъ видомъ сихъ знатныхъ иностранцевъ подавалось все то-же воловье мясо, иногда ободранное съ палаго скота. Разбирать было некогда, да и привередничать тоже. Не съ голоду же помирать доблестнымъ воинамъ!

Новые пріятели отыскали своихъ.

— Господа, позвольте вамъ отрекомендовать... Прапоръ, желающій быть кавалеромъ, Одынцовъ... Бросилъ школу и на войну явился.

Всѣ отрекомендовались тоже.

— Ну, вотъ. Садись, товарищемъ будешь...

— Вы это чтожь?.. Ради чего это сюда?..

— Да вѣдь нельзя... Помилуйте... Теперь такое время...

— Мы-бы на него, на это время-то, благополучно плюнули...

— Почему?

— Потому никакого такого времени нѣтъ, а есть одно безобразіе...

— Оно издали-то отлично выходитъ: музыка играетъ, штандартъ скачетъ, а вблизи не совсѣмъ...

— Вотъ увидите сами... Являлись къ нашему?

— Къ кому это?

— Къ полковому... Облаялъ онъ васъ?

— Нѣтъ... За что-же?

— Удивительно... У него лаяться первое удовольствіе... Георгія вамъ хочется?

— Я не ради крестовъ, — покрасилъ молодой офицеръ. — Кресты теперь что, кресты намъ не нужны... — перешелъ онъ въ докторальный тонъ. — Идея главное... Такая война прежде всего...

— Тпрръ! Куда, куда... Вы и не волнуйтесь... И не получите...

— За такое дѣло и умереть... — началъ было Одынцовъ.

— Да позвольте, вы жизнь-то знаете?.. — обернулся къ нему старый капитанъ, весь точно проросшій сѣдымъ мохомъ.

— То-есть какъ это?

— Жить-то вѣдь вы не жили, а туда-же умереть! А вы пожить-то попробуйте, можетъ быть и понравится. Я вонъ дѣло свое исполнялъ какъ слѣдуетъ, и трусомъ меня никто изъ товарищей не назоветъ... А умирать-то мнѣ куда не хочется... Семь на шеѣ, да и самому-то пожить... Какъ зарюютъ, то вѣдь солнца этого не увидишь, и это небо не будетъ надъ тобою... Да мало-ли еще въ жизни хорошаго!.. Кромѣ солнца и кромѣ неба. Нѣтъ, вы, юноша, въ самомъ дѣлѣ попробуйте, — можетъ и понравится?

— Это, знаете, война — въ книжкахъ да на картинахъ ужасно хороша выходитъ и красива...

— На дѣлѣ — безобразіе одно.

— И больно... Ежели не сразу, а сначала покалѣчатъ малость.

— Въ животъ тебя пронзятъ, ну и радуйся. Умереть раньше трехъ дней не умрешь, а мука такая — смерть легче... А по картинкѣ оно выходитъ въ лучшемъ видѣ...

— До сихъ поръ на нашихъ глазахъ красиво умеръ только маіоръ Горталовъ *). А остальные все, такъ, знаете, кувыркою, кувыркою и безъ всякаго со своей стороны пламеннаго желанія...

Въ комнату вошелъ молоденькій адъютантикъ.

— А, молодо-зелено!.. Во сколько часовъ завтра выступать?

— Въ шесть утра, господа!..

— Ну, пора, значить, по домамъ... Дѣла-то полно ротъ. До свиданія, господинъ Одынцовъ... На походѣ завтра встрѣтимся... Это вотъ нашъ адъютантъ... Такой-же юноша, какъ и вы, но много благоразумнѣе...

— Почему? — покраснѣлъ и заволновался адъютантъ.

— Почему?.. Тому слѣдуютъ пункты...

— Вы вѣдь всегда на меня...

— Вотъ, вотъ... Казанская сирота кабая, подумаешь...

Обидѣли!

— Онъ у насъ младъ, но зѣло умудренъ... Не даромъ изъ нѣмцевъ... Ну, прощай, колбаса!..

— Чортъ знаетъ, господа, не по-товарищески вы...

Офицеры разошлись... Адъютантъ подошелъ къ новичку.

— Вы къ какой ротѣ прикомандированы?

— Къ четвертой.

— Не поздравляю.

— А что?

*) Смотри романъ того-же автора „Плевна и Шипка“.

— Да ротный у васъ головорѣзь и отъ другихъ требуетъ, чтобы тѣ шли впередъ... Ужь его два раза ранили — никакъ убить не могутъ.

— Да развѣ это дурно?

— Видите-ли... Мы развитые люди... Тѣ вонъ — пушечное мясо... Они и образованіе-то получили фельдфебельское. Ну, и пускай лбы подставляютъ... А мы съ вами не для того... Намъ карьера нужна... Безъ войны ее сдѣлать нельзя; слѣдовательно, нужно это съ наименьшею опасностью выполнить... Изъ-за чего это такого вдругъ я умирать стану?!

— Однако, вонъ у васъ Владиміръ съ мечами... И Анна...

— Это начальство... Оно меня очень цѣнить...

— А я скорѣе къ нимъ присоединюсь.

— Это чтобы васъ безъ толку распатронули... Пулю въ лобъ — и готовъ!..

— Хотя-бы и такъ... Все-таки честиѣе...

— Ну, я не понимаю васъ...

— Зачѣмъ-же вы сюда пріѣхали?

— Я вамъ говорю, — это для моей карьеры нужно. Мой дядя въ Петербургѣ, вы его знаете. Генераль-лейтенантъ. Вліятельный... Онъ меня самъ и отправилъ. Поѣзжай, говорить, а мы ужъ отсюда и позаботимся о тебѣ... Ну, онъ и заботится... Нѣтъ, послушайте, бросьте вы это... Хотите я васъ для помощи себѣ, по письменной части, потребую?..

— Нѣтъ, пожалуйста! — испугался Одынцовъ... — Я въ строю хочу...

— Ну, это какъ вамъ будетъ угодно...

— Послушайте... — покраснѣлъ прапорщикъ. — О чемъ я хотѣлъ васъ спросить... Вы не знаете, когда у насъ первый бой будетъ?..

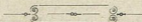
— Не знаю... — сухо уже, официально отрѣзалъ адъютантъ.

— Завтра не будетъ?

— Завтра не будетъ и послѣ-завтра не будетъ... Тутъ до турока добраться добрыхъ недѣли двѣ нужно...

— А я думалъ...

— Не думайте... Строевому офицеру думать не полагается!..

ГЛАВА XXXIV.

На походѣ.

Орядъ съ трудомъ взбирается на Ловецкую гору.

Обледенѣлая поверхность, на которой съ трудомъ удерживаются солдаты, крута... Вѣтеръ давно смель съ нея послѣдній снѣгъ... Сверху видна внизу Ловча, съ ея бѣлыми точно изъ мѣла изваянными минаретами, бѣлыми мечетями и бѣлыми домами. Впереди уже величавыя массы Балканъ; ослѣпительно сверкаютъ подъ утреннимъ солнцемъ ихъ серебряныя вершины, тогда какъ грузные скаты точно прячутся въ синій туманъ.

Дорога вьется у ихъ подножій... Она вся ушла въ этотъ туманъ, и только спускаясь внизъ съ крутыхъ скатовъ, Одынецъ различаетъ ее, видитъ поднимающіеся изъ подъ снѣгу дубовыя лѣса... Желтый, блеклый листъ прочно держится еще на искривленныхъ вѣтвяхъ, хотя немало сорвано его выюгами и мятелями...

— Ну, прапоръ, какъ вамъ нравится?.. — остановился передъ Одынцовымъ Пелымевъ.

— Чудесный переходъ!

— Погодите хвалить-то... Къ вечеру, небось, ножки-то заноютъ.

— Я привыкъ.

— А вы вотъ что... Лошадку себѣ заведите немудращую, вотъ такого-же, какъ у меня турецкаго конька... И благо вамъ будетъ... У этихъ турковъ, я вамъ скажу, лошадки чудесныя... Покойныя...

— Я куплю.

— Вотъ въ Севліево придемъ и купите! Коньяку глотнуть желаете?

— Мнѣ не холодно.

— А вы для патріотизма.

— Для чего? — изумился Одынцовъ.

— Для патріотизма... Что васъ удивляетъ? Ишь, устались на меня?

— Я васъ не понимаю совсѣмъ.

— Вѣдь вы-же газеты читаете?

— Какъ-же!

— Ну, такъ по газетамъ мы всѣ теперь въ ужасномъ патріотизмѣ состоимъ... То и дѣло, напимѣрь, я съ моимъ восторгомъ изъ газетъ знакомлюсь... И труды намъ ни почемъ, и лишенія, и голодъ — легки, потому „ура“ — и за Балканы!.. Прежде еще хорошіе по этому предмету стихи писали; теперь безъ стиховъ, въ передовыхъ статьяхъ у нихъ цѣлыя поэмы... А на дѣлѣ-то и усталъ, и жрать хочется, и къ теплу тянетъ. Домой-бы поскорѣе... По газетамъ-то патріотами мы и выходимъ... Ну, такъ я коньякъ для патріотизма и глотаю. Обожжетъ онъ тебя, — потому его жидъ вѣдь на купоросѣ дѣлаетъ, — какое хопъ луженое горло пройметъ... Ну, глотнешь — и готовъ своему отечеству патріотъ, хоть сейчасъ щитъ на врата Цареграда прибывать... А безъ коньяку и никакъ себя до этой степени не доведешь. Безъ коньяку никакого патріотизма нѣтъ!

— Знаете, все это, что вы говорите, ужасно цинично...

— Не любишь?

— Я въ Петербургѣ совсѣмъ другое думалъ.

— И напрасно.

— Миѣ представлялось, что ради освобожденія болгарь...

— Эхъ, вы!.. Да братушки лучше насъ живутъ, вы посмотрите: у нихъ добро-зѣло какое... Нашему мужику и не снилось... Опять-же и на счетъ этихъ свободъ — ему куда вольготнѣе... Податей онъ платитъ мало; начальства у него — не то, что у иныхъ прочихъ образованныхъ націй по семи нянекъ — одинъ, два, да и обчелся...

— А варварства?

— Варварства — точно... Только вѣдь не здѣсь, не въ придунайской Болгаріи; эти варварства съ нашимъ переходомъ начались. Ловчу вырѣзали вотъ... А до насъ здѣсь была тишь да благодать... Рѣзали тогда турки забалканскихъ болгарь, а не этихъ... Этимъ наши „освобожденія и высокія цѣли“ коломъ въ горлѣ стоятъ...

— Да, но это все равно.

— Какъ-же все равно? Пока мы до нихъ доберемся — сколько ихъ опять прирѣжутъ... Вѣдомо-ли вамъ, напримѣръ, сколько братушекъ сулеймановскія орды вырѣзали въ долину Базанлыка, когда мы оттуда отступили, а за Малыми Балканами въ Эски-Загрѣ, Эни-Загрѣ и Джуранлахъ?

— Нѣтъ, объ этомъ мало было слышно.

— Тысячъ семьдесятъ народу прирѣзали... Коли-бы турки по тысячѣ въ годъ ихъ рѣзали, такъ безъ войны они-бы въ семьдесятъ лѣтъ эту цифру нагнали, а при войнѣ — въ двѣ недѣли, да по другимъ мѣстамъ столько-же... Оно и выходитъ, что освободить-то мы пришли, да и болгарь тоже здорово подъ ножъ подвели...

— Какъ-же по вашему-то?

— А по нашему всяко дѣло съ умомъ надо дѣлать. А не то, что трахъ-тахъ-тарарахъ-тахъ! И готово! Вы спросите-ко болгарь, во что имъ наше великодушіе обошлось... Ишь, вонъ,

на встрѣчу войскамъ выбѣгаютъ мальчишки, да дѣвчонки — хороши? Вѣдь въ гробъ краше кладутъ... А это все бездомныя дѣти!..

— Откуда они?

— Сироты. Отцовъ зарѣзали въ свое время турки, дѣти спаслись. Лѣто еще кое-какъ существовали, а теперь — сами видите...

Дѣти дѣйствительно шныряли въ толпахъ солдатъ, вымаливая себѣ хлѣба...

Изъ селъ, по сторонамъ пути, они бѣжали цѣлыми тучами... Все это нищія, голодныя, жадно бросающіеся на каждый сухарь солдатскій...

— Эхъ вы малыши-малыши!.. И рады бы вамъ сухарей накидать да нельзя!.. вздохнулъ солдатъ.

— На тебѣ трешникъ, купи себѣ... — бросалъ онъ ему монету.

— Почему сухарей нельзя дать? — оглядывался на солдата Одынцовъ.

— Никакъ нельзя-съ... Не приказано, вашъ-бродь!

— Кѣмъ не приказано?

— Самимъ анараломъ... Сказалъ „неприкосновенно хранить на запасъ...“ А только и дѣтокъ жалко.

Дѣйствительно, въ зиму 1877—1878 гг. положеніе этихъ несчастныхъ было въ полномъ смыслѣ слова ужасное. У меня въ дневникѣ хранится нѣсколько строкъ объ этихъ не повинныхъ жертвахъ войны... Меня и тогда интересовало положеніе нѣкогда богатыхъ садоводовъ, купцовъ и промышленниковъ долины розъ, ставшихъ жалкими пролетаріями, поселенныхъ въ оставленныхъ турками домахъ.

„Уже начиная отъ Акеджилаара до Сельви, попадались мнѣ по дорогѣ дрожащія отъ холода, полунагіе, съ посинѣвшими, истощенными лицами, дѣти, выкрикивающія:

— Братушка, дай галаганъ!..

— Ляба нѣма... Братушка, дай ляба!.. (Хлѣба нѣтъ, братушка, — дай хлѣба!).

Они бѣгутъ за вашимъ конемъ, ловятъ стремя или жалобно стонутъ по сторонамъ у дороги, тщетно стараясь отогрѣться надъ щепоткой зажженныхъ ими лучинъ.

Лица этихъ несчастныхъ, особенно дѣвочекъ, поражаютъ правильностію и благородствомъ линій; у всѣхъ великолѣпные волосы, красивые глаза. Совсѣмъ не типъ Придунайской Болгаріи. Все напоминаетъ болѣе чистое племя. Дѣти зарѣзанныхъ отцовъ, замученныхъ матерей, — они водворены въ пустыя хижины.

Работать еще не могутъ, кормить ихъ некому. Выбѣгаютъ версты за двѣ, за три на дорогу, выжидая проѣзжихъ... Нѣкоторыя даже не просятъ — просто лежатъ и плачутъ.

На улицахъ города тоже рыдающія дѣти — загнанныя, изголодавшіяся до-нельзя. Даже тѣ, которыя смотрятъ сытыми, держатся въ сторонѣ, боятся войти въ веселый кругъ другихъ дѣтей, у которыхъ есть отцы и матери. У одного фонтана въ Сельви я наблюдалъ слѣдующую сцену:

Толпа дебелаго бабья собралась туда и набираетъ воды въ кувшины.

Въ сторонѣ отъ нихъ стоитъ, погупивъ глаза, маленькая бѣженка, лѣтъ восьми, которую тоже послали съ двумя узкогорлыми кувшинами. Она не смѣла подойти къ водѣ, пока тамъ были другія.

Я пошелъ на другой конецъ города; черезъ два часа возвращаюсь назадъ — таже дѣвочка, таже-же опустивъ глаза, изъ которыхъ падали крупныя слезы и, пожимаясь на холоду, стояла тамъ-же, гдѣ я ее оставилъ...

Взялъ ея кувшины, налилъ ихъ. Нашелся солдатъ, который, слѣдуя примѣру, взвалилъ ихъ на плечи и понесъ...

А то-бы, пожалуй, до вечера простояла здѣсь, не отходя отъ фонтана..."

Глава XXXV.

Одынцовъ между своими.

рапорщикъ уже не чувствовалъ себя одинокимъ...

На привалахъ, во время ночлеговъ по болгарскимъ и турецкимъ деревушкамъ, онъ сошелся съ товарищами.

Непритязательные армейцы быстро полюбили молодого энтузіаста.

Спустя два или три дня похода, мы уже встрѣчаемъ ихъ въ громадной, оставшейся въ чертѣ нашихъ боевыхъ позицій, деревнѣ, населенной турками. Сюда въ свое время благополучно вернулось населеніе, чудесно поразбойничавшее въ Ловчѣ. Село это—словно полная чаша среди болгарскаго раззоренія.

— Какъ оно называется? — обратился Одынцовъ къ первому попавшемуся солдату.

— По нашему зовется, вашбродь, Кремешки.

— Какъ?

— Кремешки — село!..

— Не можетъ быть.

На встрѣчу попался переводчикъ-болгаринъ, сопровож-

давшій отрядъ. Одынцовъ и къ нему обратился съ тѣмъ-же вопросомъ.

— Керменчи!..

Въ Керменчахъ на всѣхъ офицеровъ отвели одинъ большой турецкій домъ.

Проѣзжая къ Кремешкамъ, Одынцовъ невольно заглядѣлся на это красивое сельбище.

Со всѣхъ сторонъ обступили его высокія, хмурыя горы. Мрачныя, величавыя, словно цѣлыя вѣка думающія о чемъ-то одну непонятную думу. Лѣса снизу ползутъ по нимъ; но, не осиливъ крутизны, останавливаются на половинѣ высоты. Серебряными скатами поднимаются отсюда ихъ грузныя массы. Кое-гдѣ этотъ парчевый уборъ зимы взрѣзали черныя скалы... Утесы все грознѣе и крупнѣе взбираются кверху, къ самому темени горъ, гдѣ и утромъ и вечеромъ сумрачно покоются на нихъ сизыя, таинственныя тучи... Въ просвѣтахъ между горами клубится такой-же сизый туманъ; тамъ, вглубь балканскаго чернолѣся ложатся тихія ущелья.

Посреди этихъ горъ, въ глубокой котловинѣ разбросалось это красивое турецкое село Керменчи—Кремешки тожь.

Въ самой глубинѣ его большая красивая мечеть. Надъ массивнымъ полушаріемъ ея тяжелаго купола высится въ сторонѣ бѣлый минаретъ съ едва замѣтнымъ балкончикомъ на верхушкѣ... Оттуда муэzzинъ призываетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, оттуда по утрамъ и по вечерамъ всей этой небольшой долинкѣ слышится печальный напѣвъ: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ—пророкъ его!“

Вокругъ минарета, вокругъ этой красивой мечети лежитъ обезлиствѣвшая теперь, но лѣтомъ тѣнистая, пріютная чаща садовъ. Всюду по долинѣ мягко круглятся ихъ раины, всюду видны ихъ темныя массы...

Подъ ними немолчно бѣгутъ незамерзающіе ручьи, вѣчно поютъ все одну и ту-же гармоническую сказку прозрачныя струи мраморныхъ фонтановъ. Золотыя арабскія вязи стиховъ

изъ корана блестятъ подъ яркими лучами зимняго солнца, когда она восходитъ надъ этими горами. Словно больные изъ подъ снѣгу поднимаются голые теперь розовые кусты, лѣтомъ всю эту долину наполняющіе своимъ очаровательнымъ благоуханіемъ.

По садамъ, у громко говорящихъ бассейновъ и звонко бѣгущихъ ручьевъ, въ глубинѣ глухихъ дворовъ стоятъ дома мусульманъ.

Богатая деревня славится зажиточностью своихъ обитателей.

Дома съ верандами, на которыхъ разостланы ковры и разбросаны подушки лѣтомъ; зимою тутъ пусто и безлюдно.

За то внутри, въ спокойствіи и тишинѣ этихъ сумрачныхъ комнатъ, ярко горятъ каминны своеобразныхъ печей, тлѣютъ горячіе угли подъ сизой золою мангаловъ. По мягкимъ коврамъ беззвучно скользятъ сбросившія у входа свои узорчатыя туфли женщины... Ихъ теперь не видать. Въ виду остановки русскаго отряда онѣ удалились въ заднія комнаты, предоставивъ своимъ мужьямъ, братьямъ и сыновьямъ услуживать ненавистнымъ пришельцамъ...

— Гдѣ нашъ ночлегъ?.. — обратился Одынцовъ къ офицеру, шедшему впереди.

— А вотъ идемте вмѣстѣ!.. Чудесная хатка!

Въ сѣняхъ этой „хатки“ деньщики уже вздували огни въ мангалахъ и кипятили въ котелкахъ воду для чая.

— А ѣсть неужели нечего?

— Казаковъ мы спосылали достать... Они вашбродь, высмотрятъ, гдѣ и что... Да вотъ, вашбродь, и возвратились ужъ они.

На дворъ дѣйствительно вѣхали слѣдовавшіе съ отрядомъ казаки.

Сползли съ сѣдель... Вошли въ горницу и бросили что-то на полъ.

Ушибленные кокошки закудахтали...

— Ишь ты? Откуль? — изумились деньщики.

— Въ ближнее село ѣздили.

— А здѣсь?

— Здѣсь не приказано трогать, у жителей. Эта кокошка болгарская; турецкихъ кокошекъ — не велятъ. И смѣху было съ бабьемъ!..

— А что?

— Не даютъ.

— Вы-бы имъ денегъ... .

— За что такое?—помилуйте!.. Мы изъ-за нихъ подлыхъ, кровь проливаемъ, а за кокошку—плати. Совсѣмъ это не похристіански выходить.

— Больше ничего?

— Нѣтъ, тамъ вонъ четверть баранины приволокли, да солдатики свѣжевали вола—такъ ногу цѣлую офицерамъ послали...

— Чудесно!.. Значить сыты будемъ.

Одынцовъ съ пріятелемъ вошли въ комнату.

На мягкихъ коврахъ ея лежали усталые офицеры, немилосердо раскуривая отвратительныя румынскія и болгарскія папирсы. Пелымевъ уже нѣсколько разъ прикладывался къ горлышку бутылки съ коньякомъ и теперь все видѣлъ въ розовомъ свѣтѣ...

— Прапоръ, глотните...

— Не хочу...

— Ну, вамъ-же хуже... Ысть-то вѣдь нечего...

— Какъ нечего?

— Да табъ.

— Помилуйте, сейчасъ казаки привезли баранины, куриць и четверть вола...

— Не врите?

— Ну вотъ!

— Ура!.. Братцы!.. Сегодня, значить, не такъ, какъ вчера, на голодный желудокъ спать не ляжемъ?

— Оно во время этого похода—рѣдко такое счастье доставалось.

— Больше на счет неприкосновеннаго запаса сухарей приходилось питаться...

Въ окнѣ хмурились сумерки...

По улицамъ Керменчи, подъ раинами безлистныхъ садовъ уже густилась вечерняя темень. Ярко горѣли въ ней окна освѣщенныхъ домовъ и еще громче гремѣли ручьи и фонтаны.

— Чего, чего, а воды много!—слышится недовольный голосъ проходящаго по улицѣ солдата.

— Воды сколько хошь... Облопаешься.

— Несуразная нация... Ишь ты, все воду пьютъ.

— Сказано: азіать невѣрный.

— А водки чтобъ — этого у нихъ нѣтъ.

— Захотѣлъ ты... Водки!.. Они такъ воду съ сахаромъ, либо съ ягодой пьютъ... А больше ни-ни.

— Народъ тверёзый.

— Ну тоже... Отъ этой отъ тверёзости помирать только.

— А баба у нихъ тихая...

— Видѣлъ ты?

— Туточка, у хозяина видѣлъ.

— Ну?..

— Черномазая баба. Хлипкая. По нашимъ порядкамъ, ей-бы у насъ не выжить.

— Ну?..

— Потому, у насъ тоже бабъ этихъ бьютъ... А ей никакъ нельзя этого... У нея сейчасъ духъ вонь.

— Говорилъ ты съ ёй?

— Ничего понять не можетъ. Сичасъ это патреть свой закрыла платкомъ и залопотала что-то мужу. Ну, тотъ дурень обходительный. Далъ мнѣ масла, хлѣба своего, я и пошелъ... Что-жь ихъ трогать... Пуцай живутъ.

— Это точно... Каждому жить надо... Болгарка—та больше на нашу бабу похожа...

— Болгарка—та баба крупная!

— Чудесныя есть... Въ Самоводахъ мы стояли...

— Ну?

— Я къ хозяйкѣ-то, знаешь, примазался...

— Во!?

— Теплая баба, здоровая... Съ лица-то корявая, а только здоровая. Разъ это она меня по шеѣ... Два дня шея-то жалилась... Нѣтъ, нѣтъ да и захватить.

— Это чудесно!

— Чего лучше?.. А турецкая баба ничего не стоитъ... Глаза большіе, пуганые... Сама черненькая, махонькая...

— Одначе, и турки тоже народъ...

— Чудесный народъ, что говорить.

— Обходительный!...

— Ужь на что лучше!.. Первый сортъ турки-то... Онъ ласку очень понимаетъ!.. Сейчасъ тебѣ табаку!

— И съ чего только они бунтовать вздумали?..

— Потому имъ никакъ нельзя, чтобы не бунтовать.

— Во!

— Вѣрно, потому первое дѣло тѣсно живутъ, а второе — теперчи по ихъ вѣрѣ такъ выходить, чтобы супротивъ православныхъ христіанъ бунты заводить...

— Разныя вѣры есть!..

— Разныя — точно.

— Ну, какъ онъ бунтъ заведетъ, сейчасъ бургарь рѣзать!

— Такъ!

— А бургары къ Россіи привержены.

— Это хорошо!

— Сичасъ намъ жалиться... Ну, царь терпѣль-терпѣль безобразіевъ ихнихъ и осерчалъ... Вотъ-те и все!..

— А только ёнъ, турокъ, хорошій.

— Чего лучше... Смирный народъ!..

— Честный. Воровства у нихъ, сказываютъ, нѣтъ.

— У нихъ смертное убойство замѣсто воровства... Они сичасъ за ножъ, чуть что...

ГЛАВА XXXVI.

Бесѣда за-полночь.

Ѣрая и холодная ночь опустилась на долину Керменчи.

Въ ея туманѣ утонули вершины горъ, ставшихъ на стражѣ этого красиваго уголка.

Кое-гдѣ съ ихъ скатовъ, когда туманъ рѣдѣлъ, красными пятнами свѣтились костры. Тамъ расположились на отдыхъ солдаты, оттуда изрѣдка доносилась въ долину хоровая пѣсня, да и та, словно отяжелѣвъ отъ влажнаго воздуха, падала внизъ и замирала въ холодныхъ и сырыхъ ущельяхъ...

Въ Керменчи только мечеть выдѣлялась изъ густаго и тяжелаго тумана.

Масса ея казалась еще крупнѣе въ немъ, точно она расплывалась во мглѣ, заслоня и ближайшія деревья и дома, прислонившіеся къ ней. Бѣлый минаретъ то показывался, когда туманъ рѣдѣлъ, то опять утопалъ въ его сѣрой однообразной массѣ.

Неба точно не было.

Закрылись его кроткія очи. Казалось, что они больше и не раскроются надъ этимъ, тяжелыми испареніями милліоновъ

преступлений окутаннымъ, міромъ. Закрылись ясныя звѣзды, и свѣтлый мѣсяць не могъ пронизать сѣрую мглу своими поэтическими лучами.

Только вмѣстѣ съ фырканиемъ и ржаниемъ коней, съ говоромъ солдатъ, порою доносившимся откуда-то, слышалась еще громче чѣмъ днемъ загадочная пѣсня фонтановъ, да таинственный лепетъ ручьевъ, пробѣгавшихъ въ ночной темнотѣ по безлюднымъ и безлистнымъ садамъ. Казалось, что тоскуя по теплому и благодатному лѣту, свободныя воды, которыхъ не смѣла сковать зима своими ледяными кандалами, бѣгутъ куда-то далеко, далеко, въ тридевятое государство, въ тридесятое сказочное царство, чтобы отыскать тамъ заснувшую красавицу-весну и привести ее съ собою сюда, въ этотъ спящій подъ туманомъ и снѣгомъ край...

На улицахъ села было пусто.

Кое-гдѣ изъ-за заборовъ турецкихъ домовъ свѣтились окна.

Тамъ сбившіеся въ кучу офицеры и солдаты грѣлись у жарко разгорѣвшихся мангаловъ, у печекъ, сверкавшихъ прямо въ лицо черной ночи своимъ краснымъ, зловѣщимъ пламенемъ.

Одынцовъ то засыпалъ, то снова просыпался.

— Нижній чинъ!.. Нижній чинъ:—будили его товарищи.

— Что, кто? — устало поднималъ онъ вѣки.

— Да вы-же... Вѣдь прапорщикъ не офицеръ, слѣдовательно — вы нижній чинъ. Васъ и зовемъ... Страхните-ко сонъ...

— Вставайте!

— Зачѣмъ? Я спать хочу.

— А ѣсть хотите?

— Ъсть?! Еще-бы!... И Одынцовъ живо поднялся.

Кругомъ расхохотались.

Прямо въ носъ ему ударилъ аромать супа изъ курицы, уже красовавшагося въ большихъ деревянныхъ мискахъ по срединѣ комнаты.

— Есть у васъ ложка?

— Нѣтъ.

— Какъ-же вы ѣсть-то будете?

— Ну, вотъ! — вступился Пелымевъ: — манеркой.

Одынцовъ вооружился манеркой и набросился на вкусное съ голода и съ устали варево.

Въ дверяхъ съ торжествующимъ видомъ стоялъ деньщикъ.

— Ты что? — окликнулъ его Пелымевъ.

— Смотрю, вашбродь, какъ вы ѣсть станете.

— Точно не понимаешь!.. Вѣдь онъ авторъ этого супа!

— Самъ варилъ, точно!

— Ну, спасибо... Только отчего онъ у тебя кислый?

— Для скуса...

— Да оно, положимъ, вкусно, только гдѣ ты уксусу досталъ?

— Уксусу! Здѣсь не доставешь... А я къ нашему фершалу сбѣгалъ: у него кислота такая есть кусочками, словно сахаръ съ виду-то... Потому у хозяина на горенкѣ висѣлъ красный перецъ сушеный, я его уволокъ, луку тоже.

— Дуракъ, Тишка, ты-бы купилъ. Зачѣмъ воровать?

— Во, покупать. И то довольно хорошо, что мы не уничтожили ихъ, турковъ этихъ, а то еще покупать!.. Гдѣ это видано!.. Баба турецкая сливъ мнѣ дала сушonychъ; ну я изъ нихъ къ баранинѣ какъ-бы соусъ сдѣлалъ, на бараньемъ салѣ... Довольны будете.

— Ну, спасибо, Тишка!

— Радъ стараться... Одно горе — чай изъ манерокъ вамъ пить придется... Въ котлахъ сварили — нѣтъ у нихъ у нехристей этихъ самоваровъ... Я ужъ ему объяснялъ, бритому чорту... Даже показывалъ: сѣлъ на пятки и давай раздувать...

— Ну, что-жь?

— Не понялъ гололобий, взялъ да мангалъ этотъ съ углями и приволокъ ко мнѣ.

Усталые и проголодавшіеся офицеры живо принялись за Тишкину стряпню.

— Да ты въ супъ и сахару прибавиль?

— Во-во... — и Тришка съ торжествующимъ видомъ оглядѣлъ всѣхъ.

— Зачѣмъ-же?

— А все скуснѣй будетъ... Супъ-оть, вашбродь, сладкій будетъ...

— Все, значить, что у него было, все въ котель!..

— Это вы, вашбродь, вѣрно, потому покуль живы — чего жалѣть?.. А какъ завтра побьютъ насъ, такъ никому не надо будетъ!..

На этотъ вечеръ — всѣмъ былъ праздникъ.

И казаки, и деньщики наѣлись до отвала.

Солдаты — тѣ и подавно были сыты. Еще въ Плевнѣ купили воловъ и тащили ихъ съ собою. На каждомъ ночлегѣ били ихъ. У нихъ тоже готовилось вкусное на походѣ варево...

— Да, какъ перебыть, такъ никому не надо будетъ! — повторилъ Пелымевъ.

— Что это за мрачныя предсказанія.

— Не предсказанія, а такъ... Глупо, вотъ что...

— Что-же, глупо?

— Да все... И война эта глупая... Кому она нужна-то?

— Ну, тоже и ты...

— Да вѣдь сообрази. Тебѣ нужна она?

— Мнѣ — нѣтъ.

— Одынцову тоже не нужна... Генералу нужна — ему за нее всякую кавалерію навѣсятъ... Ну, а серпуховскому, или пошехонскому мужику война нужна?

— Ему, разумѣется, нѣтъ.

— А солдату 37-го Кислосладкаго полка надобна?

— Зачѣмъ-же?

— Кому-же? Царевококшайскому мѣщанину нужна что-ли? Рыболову каспійскому? Звѣролову архангельскому?.. Артельщику?.. Кому война нужна-то?

— Такъ разсуждать нельзя.

— А какъ-же, по твоему? Какъ въ передовыхъ статьяхъ пишутъ? Такъ вѣдь тѣ, кто ихъ пишутъ, какое понятіе имѣютъ?.. Ты въ Питерѣ въ балетѣ бывалъ?

— Ну?..

— Вотъ и по ихнему — на войнѣ, какъ въ балетѣ... Электрическое освѣщеніе, яркіе костюмы, трико въ обтяжку — и все подъ музыку... Имъ писать легко... А вы ихъ сюда приволокпте.

— Да, эта война хорошій урокъ для самообольщающихся...

— Урокъ!.. Экіе вы, господа, право! — поднялся изъ угла старикъ маіоръ — Да развѣ уроки дѣйствуютъ... Развѣ мало такихъ уроковъ...

— Все-таки однако...

— Ничего не все-таки... Человѣчество кровожадно... Хотите пари, что не пройдетъ нѣсколькихъ лѣтъ послѣ этой несчастной, изнурительной, разоряющей насъ бойни, и снова найдутся у насъ голоса, которые станутъ проповѣдывать крестовый походъ если не на Турцію, то на Пруссію, на Австрію...

— Дураковъ вездѣ много.

— Нѣтъ-съ, не дураки начнутъ... Сдѣлайте одолженіе... Начнутъ тѣ, кому выгодно... А съ ихъ голосовъ и другіе запоютъ... А мы съ вами опять отдуваться будемъ. Ихъ-бы на наше мѣсто сюда... Пусть-бы посмотрѣли они, сколь эта война сладка... Я бы ихъ въ мертвечину носомъ тенулъ, знаете какъ блудливыхъ кошекъ, да по госпиталямъ въ тифозномъ царствѣ заставилъ походить...

— И въ самомъ дѣлѣ — гдѣ эта вѣра въ энтузіазмъ людей идущихъ умирать, я не знаю.

А между тѣмъ у насъ опять вспыхиваютъ инстинкты вражды и злобы.

Существуетъ почему-то увѣренность, что армія съ восторгомъ пойдетъ умирать за чужое дѣло!.. Гдѣ наблюдалась такая армія — я не знаю.

Я видѣлъ солдатъ гибнущихъ по обязанности, видѣлъ ихъ, идущихъ за своими офицерами по чувству долга. Видѣлъ

офицеровъ, смѣло глядѣвшихъ въ лицо смерти, потому что на ихъ отвѣтственности были ихъ полки, ихъ баталіоны, ихъ роты, ихъ взводы...

Энтузіасты — исключенія, неужели по нимъ-то и судить?!

Кровавый призракъ войны не разъ еще подыметъ свою голову.

Изъ царства смерти, изъ полного ужасовъ ада его вызовутъ опять маги и волшебники, для которыхъ война — арена славы, честолюбія. Это гладиаторы, привыкшіе наносить удары, поливаяющіе свое счастье чужою кровью, чтобы оно росло обильнѣе и выше...

И опять найдутся восторженные кабинетные стратеги, идеалисты, народники — все, что хотите, которые съ восторгомъ начнутъ говорить о призваніи Россіи и о нашей обязанности идти и умирать.

Идти — куда?

Умирать — за что?

Глупа эта оргія честолюбія, вся эта пылкая вакханалія, гдѣ осатанѣлыя блудницы выкрикиваютъ свои дикіе девизы, думая увлечь ими толпу...

Предостерегающіе голоса смолкаютъ мало-по-малу въ этомъ одуряющемъ шумѣ; вихрь уноситъ ихъ куда-то... далеко, далеко...

И опять бойня, и опять боевая легенда выступаютъ впередъ, заслоняя кровавые инстинкты народа...

Плодятся нищета и преступленія... Робость духа и подлость сердца разливаются по странѣ безграничнымъ моремъ зла и кривды!..

Глупо или подло?.. Я думаю — и то и другое...

A decorative floral border in a dark grey or black ink, featuring intricate scrollwork and floral motifs. The border is symmetrical and frames the central text.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Впередъ.

Замѣчательно красиво ущелье рѣки Янтры... Громадныя сѣрыя скалы... Верхушки ихъ засыпаны снѣгомъ.

Иныя точно развалины вѣтхихъ замковъ. Вотъ грозная масса старой башни; изъ ея трещинъ рвутся наружу голыя вѣтви всякой цѣпкой поросли... Вотъ длинная гряда камней, — точно остатки бывшей здѣсь когда-то стѣны... Вотъ одинокая колонна торчитъ среди руинъ... Черныя тучи лѣсовъ зеленыхъ лѣтомъ всползаютъ на крутые скаты... По дну ущелья — опаловая битъ замерзшей Янтры... Кое-гдѣ черезъ нее перекинуты мосты. Скалы, перегородившія ея теченіе, покрыты тоже ледяною корою... Весело играетъ на нихъ яркое сегодня солнце... Еще веселѣе серебрятся въ его холодномъ зимюю блескъ вершины засыпанныхъ снѣгомъ горъ...

Сквозь эти горы со всѣхъ сторонъ рвутся теперь въ теплыя долины Румелии наши войска... Одни идутъ сквозь горныя проходы Гузова, Травны, другія — цѣльною на Куруджу и Марковы столбы, третьи изъ Траяна на Карлово и Ка-

лоферъ, четвертыя уже перешли Софійскіе балканы и хозяйничают тамъ въ Южной Болгаріи...

Стремительно, неудержимо...

Теперь можно подумать, что это вода, прорвавшая долго сдерживавшія ее плотины, хлынула громаднымъ валомъ и затопила все, что было впереди, передъ нею — холмы, ущелья, долины... За переднимъ валомъ подымается другой—еще грознѣе, еще могучѣе... Его уже не сдержатъ вершины горъ — онъ покроетъ и ихъ, прежде чѣмъ по ихъ крутымъ скатамъ ринется внизъ...

Босые, голодные солдаты... Рѣдко-рѣдко на комъ полушубокъ... Все больше рваныя шинелишки... И внизу не пройдешь въ такомъ совсѣмъ уже не зимнемъ уборѣ. Тысячи этихъ усталыхъ изморенныхъ бойцовъ леги уже подъ снѣгомъ, среди горныхъ мятелей; другія тысячи перевалили внизъ... Старыя могилы забыты—нужно рыть новыя, не складывая рукъ... Русскій мужикъ претъ черезъ горы,—великая, слѣпая, стихійная сила равнинъ... Второе переселеніе народовъ!.. Въ дѣтствѣ случалось мнѣ читать, какъ американскіе муравьи перебираются черезъ горы, черезъ рѣки... Милліоны ихъ тонутъ, другіе милліоны переходятъ черезъ трупы своихъ товарищей... Тоже и здѣсь... Валомъ валитъ эта безотвѣтная масса... Десятками тысячъ идутъ хребты... А куда—не знаютъ и сами!.. „Приказано“—другаго лозунга нѣтъ... Еще Скобелевцы—тѣ знаютъ, тѣ, что съ нимъ подольше были... они не сослѣпу... А остальнымъ—не вдомекъ.

Одинцевъ въ головѣ походной колонны...

Вонъ впереди изъ ущелья выступили темные силуэты землянокъ.

— Зеленое Древо?..—спрашиваетъ молодой офицеръ у Пелымева.

— Да... Оно... Ахъ вы бѣдные, бѣдные...

— Что такое?

— Да вы развѣ не видите, въ сторонкѣ-то что лежатъ...

И дѣйствительно лежать... Обнялись, точно заснули...
Мальчикъ и дѣвочка...

Должно быть сиротки... Пробирались къ своимъ, да не-
осилили холода... Волосы примерзли ко льду... Тѣло скрючи-
лось... Крѣпко прижались одинъ къ другому, точно хотѣли
подѣлиться тепломъ... послѣдними искрами жизни!... Иней на
рѣсницахъ... Снѣгъ запушилъ глаза... Но и сквозь него какъ
пристально смотрять они, точно молятъ васъ: „помогите“...

— А вонъ другая...

— Дѣвочка бѣдная!...

Завернулась въ яркую тряпку, изъ подъ которой безпо-
мощно торчатъ голыя ножонки... Зубы оскалила, подумаешь,
смѣется... На глазахъ заледенѣли слезы...

Тоже—жертва войны.

Какому кровожадному божеству нужны были онѣ?..

— Ахъ вы... дѣтки, дѣтки!...—вздыхаетъ солдатъ рядомъ...

Одынцевъ оглядывается...

На сѣдые усы георгиевскаго кавалера падаетъ слеза...
Больно и молодому офицеру... Все это такъ не похоже на
то, что онъ воображалъ себѣ, мечтая о войнѣ...

Гдѣ-же, гдѣ эти блестящія картины?.. Атаки съ распу-
щенными знаменами... Стройные ряды среди адскаго огня...
Музыка, акомпанирующая залпамъ... Пока—только усталъ,
холодъ, дѣтскіе трупы...

ГЛАВА II.

Приказъ.

Вотъ и Зеленое Древо...

Тутъ и отдохнуть некогда... Ночлеги будетъ дальше...

Отрядъ въ которомъ шелъ Одынцевъ, остановился. Рядомъ болгарская дружина примкнула... Сумрачныя лица; черныя горящія одушевленіемъ глаза... Эти знаютъ, зачѣмъ идутъ... Эти понимаютъ, что имъ надо... Этимъ легче... Они и умираютъ сознательно за свое кровное дѣло...

— Чего мы ждемъ?—недоумѣваютъ офицеры.

— Сейчасъ... Погодите...

— Да чего ждать-то?

— Приказъ войскамъ прочтуть.

Карьеристъ-адъютантикъ, изъ нѣмцевъ, красиво выдвинулся впередъ.

— Прикажете? — обратился онъ къ полковому командиру. Тотъ только бульнулъ что-то такое про себя.

Методически, какъ въ аптекѣ, нѣмчикъ вынулъ листъ, развернулъ его и началъ.

„Приказъ по войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда“.

Солдаты сонно смотрѣли на него... Нѣкоторые внизъ потупились... Одинъ, вонъ, разинулъ ротъ и видимо соображаетъ, отчего это столько кавалеріи на молодомъ поручикѣ понавѣшано. Другой немного оперся на ружье и спитъ стоя...

„Намъ предстоитъ трудный подвигъ, — отчеканиваетъ офицеръ, — достойный постоянной и испытанной славы русскихъ знаменъ. Завтра начнемъ переходить черезъ Балканы съ артиллеріей, безъ дорогъ, пробивая себѣ путь въ виду непріятеля, по глубокимъ снѣговымъ сугробамъ... Насъ ожидаетъ въ горахъ турецкая армія, она дерзаетъ преградить намъ путь“...

Одынцевъ машинально взглянулъ на стоявшаго рядомъ солдата.

Тотъ вытянулся... Глаза по формѣ—за пятнадцать шаговъ впередъ... Видимо не понимаетъ ничего...

Одынцеву почему-то вдругъ стало и больно, и стыдно...

„Не забывайте, братцы, — продолжалъ самодовольно нѣмчикъ, выполняя акуратно всѣ знаки препинанія, — что намъ ввѣрена честь отечества, что за насъ теперь молится вся Россія... Отъ насъ она ждетъ побѣды. Да не смущаютъ васъ ни многочисленность, ни стойкость, ни злоба враговъ... Наше дѣло святое и съ нами Богъ!..

„Болгарскіе дружинники!..

„Вамъ извѣстно, зачѣмъ державною волею русскія войска посланы въ Болгарію... Вы съ первыхъ дней формировація показали себя достойными участія русскаго народа. Въ битвахъ въ іюнѣ и въ августѣ вы заслужили любовь и довѣріе вашихъ ратныхъ товарищей—нашихъ солдатъ; пусть будетъ такъ же и въ предстоящихъ бояхъ... Вы сражаетесь за освобожденіе вашего отечества, за неприкосновенность роднаго очага, за честь вашихъ матерей, сестеръ и женъ, за все, что на землѣ есть цѣннаго и святаго. Вамъ Богъ велитъ быть героями!“

Болгарскіе дружинники громко крикнули „ура“... Они по-

няли, потому что дѣло самое было дѣйствительно ихъ дѣло— близкое, кровное...

— Ну что?.. Вы въ училищѣ изучали вѣдь образцы военнаго краснорѣчія?..

— Вы, Пельмевъ, опять за шутки...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... Какъ вамъ этотъ „образецъ“ понравился?

— Мнѣ кажется вообще, что нашему солдату этого не надо...

— Вѣрно... Онъ краснорѣчія не любитъ... Скобелевъ съ ними говоритъ лучше, чѣмъ пишетъ... А особенно когда такому нѣмчику читать приходится...

— Вонъ болгары,—тѣ сейчасъ сообразили все.

— Южная раса... Они понятливѣе... Даже если хотите,— развитѣе...

— Ну вот!

— Вѣрно; и во всѣхъ случаяхъ такъ-то.

— Вы не берете въ расчетъ того, что дружинники образованія понюхали. Это лучшая часть болгарскаго народа.

Колонны опять свернулись и пошли дальше...

Впереди—тоже ущелье...

До двадцати богатыхъ болгарскихъ деревень осѣли тутъ... Худые, рваные солдатскіе сапоги замѣсили снѣгъ ущелья...

— Чудное дѣло!—оборачивается одинъ солдатъ къ другому.

— А что?..

— Молитву безъ попа нѣмецъ прочелъ.

— Каку молитву?

— А вотъ сейчасъ которую...

— Дура голова... Нѣшто эта молитва?..

— А что-жь?

— Приказъ... Чтобы намъ смотрѣть за бургарами, чуть что... Чтобы измѣны не было... Потому они тоже...

— Это точно...

— Опять и о томъ, чтобы помирать... Потому дорогъ нѣтъ, а турковъ много... Ну, мы и должны помирать!..

— Помирать мы всегда согласны...

— А за насъ таперечи, какъ мы поремъ, безпреречно Россія молиться будетъ... Вотъ-те и все!..

ГЛАВА III.

Первый подъемъ.

Волгарская деревушка Топлишь вся точно утонула на днѣ глубокаго ущелья.

Со всѣхъ сторонъ ее тѣснятъ высокія горы, крутые скаты которыхъ, такъ и кажется, вотъ-вотъ сползуть на жалкое сельбище...

Въ поднебесьѣ, закутавшіяся въ тучи, тонуть горныя вершины.

Одынцевъ еще спалъ тяжелымъ сномъ, измученный и уставшій до одури, когда на улицѣ послышался глухой рокотъ барабана...

Гдѣ-то далеко зазвѣла труба...

Повторенные горнымъ эхомъ звуки военныхъ сигналовъ перебрасывались изъ ущелья въ ущелье, изъ одной горной долины — въ другую...

— Вставайте, юноша!.. — расталкивалъ Одынцева Пельмевъ. — Да ну же! Скорѣй проглотимъ чаю и въ походъ.

— Что такое? Одынцевъ открылъ глаза... Въ окно смотрѣла темная ночь; тусклое пламя свѣчи едва-едва колебалось въ тяжелой атмосферѣ переполненной комнаты.

— Что такое?—и онъ опять закрылъ глаза, погружаясь въ какой то мертвый покой...

— Усталъ, братъ!..

— Ну, да пускай его еще минуту полежить.

На улицахъ уже слышался гомонъ просыпающихся солдатъ.

Копыта казацкихъ коней стучали по замерзшей землѣ... Далеко разносилось ихъ ржаніе... Кто-то громко окрикиваетъ свою сотню... Вонъ видимо нѣсколько десятковъ всадниковъ рысью проѣхали мимо.

— Авангардъ вѣрно...

— Нѣтъ, это въ рекогносцировку отправился Кирюшка со своими уральцами...

— Говорятъ, подъемъ страшный?

— Да, будемъ довольны.

— Тутъ и лѣтомъ никакой дороги нѣтъ.

— Ужли-жь мы цѣлиною?

— Да такъ, стихійно значить!.. Претъ русскій мужикъ черезъ горы, а о дорогѣ не спрашиваетъ!..

— Потому велѣно — и шабашъ!..

Деньщики вздули огонь въ печуркахъ, согрѣли кипятку въ солдатскихъ котелкахъ...

— Чайный супъ готовъ!.. Вставайте, прапоръ! Что это такое? Можно-ли такъ дрыхнуть...

— Да ты брызни на него водой...

— А если родимчикъ съ нимъ приключится?.. Видите, вѣдь совсѣмъ дитю малое, неразумное!..

— Ну, вотъ еще!..

И Пельмевъ брызнулъ въ Одынцева... Тотъ разомъ очутился на ногахъ. Офицеры расхохотались...

— Иначе мнѣ до завтра пришлось-бы васъ будить!.. Пейте чай — пора.

— Не хочу чаю, я спать хочу...

— Выспитесь въ горахъ, если придется... Слышите?

По улицамъ уже двигались сплошныя массы... Не смотря на плотно-затворенныя окна болгарскаго кышта (землянки), гулъ этой толпы заполнялъ всё остальные звуки. На общемъ фонѣ его какъ-то порывисто и сбѣшно раздавались голоса командовавшихъ офицеровъ... Гдѣ-то далеко-далеко слышится громкій привѣтъ солдатъ... Растетъ и растетъ какъ сбѣжная лавина, скатываясь внизъ... Грануло у самага кышта...

— Скорѣй, скорѣй, господа!—командуетъ Пелымевъ: — опоздаемъ!..

— Это, вѣдь, генераль ужъ...

— Кому, какъ не ему?

Кое-какъ проглотили горячаго чаю... Положили въ карманы да въ кобуры сѣдель, что было подъ рукою сбѣснаго...

— Ну, господа, благословясь!

— Вашбродъ! вошелъ въ эту минуту баталіонный писарь.

— Чего тебѣ?

— Обидно!

— Говори толкомъ.

— Потому у всѣхъ Егоріи — у меня нѣтъ.

— Ну, что-жь намъ-то дѣлать?

— Позвольте мнѣ — въ охотники... Потому я въ себѣ еройскій духъ чувствую, чтобы, значить, воевать тоже.

— Пошелъ, пошелъ, сиди дома...

— Никакъ это невозможно... Ежели я хочу тоже кровь человѣческую пролить.

Писаря прогнали...

Едва разсвѣтало.

За Топлишемъ, у берега горной рѣченки былъ уже выстроенъ баталіонъ.

Въ утреннемъ туманѣ чуть-чуть намѣчивались сѣрые ряды солдатъ... Точно длинная стѣна какая-то... Сонно смотрятъ будущіе герои... Очевидно, имъ, усталымъ и изнеможеннымъ, не до войны этой... Спать-бы, да хоть разъ сытно поѣсть... Облѣзло все, ослизло... И лица сѣрыя какія-то, и шинелиш-

ки дырavyя... Сапоги ѣсть просять. У кого тряпкой подошва подвязана, у кого голенища какъ сандалии на веревочкахъ держатся.

Одынцевъ идетъ мимо этихъ безмолвныхъ рядовъ...

— Какая разница между ними и этими! замѣчаетъ онъ Пелымеву.

— У нашихъ духъ не тотъ... Наши сознательно...

— Не знаю что лучше...

— То-есть какъ же это?

— Да такъ умирать, или сознательно... Такъ то, пожалуй, еще лучше...

— Ну да въ такой скверный день и наканунѣ подобнаго перехода — и у нашихъ пожалуй, видъ нелучше будетъ!..

Оно—дѣйствительно такъ...

Скоро бой—завтра или послѣ-завтра, — почему-же такъ странно смотреть эти люди?.. Ни оживленія на лицахъ, ни блеска глазъ...

Понуро какъ то, точно внутри у нихъ опало все...

— Совсѣмъ не то, что я представлялъ себѣ,—думаетъ Одынцевъ... — Совсѣмъ не то!..

— Здорово, ребята!..—пыжится толстый маіоръ, стараясь сохранить равновѣсіе на живой горяченькой турецкой лошаdkѣ...

— Здравія желаемъ! — очнулись было солдаты и опять замерли...

— Эхъ, молодець! — хлещетъ маіоръ нагайкою своего буцефала. Буцефаль уноситъ его куда-то далеко, далеко...

— Маіоръ-то у насъ видимо не въ циркѣ получилъ свое воспитаніе.

— Да!.. Ему-бы самое настоящее мѣсто въ морскихъ уланахъ...

— Сегодня походъ ребята, поздравляю! — выносятся опять откуда-то изъ неопредѣленнаго пространства маіоръ...

— Рады стараться... — еще унылѣе отвѣчаютъ солдаты.

— Смотрите у меня, чтобъ молодцами... Русскій солдатъ никогда не былъ еще...

Но тутъ конь, которому краснорѣчіе маіора, очевидно, пришлось не по вкусу, дѣлаетъ скачекъ впередъ, и командиръ грузно валится на сторону...

— Вотъ подлець-то?..

— Гдѣ вы его купили?

— А какъ Плевну сдали... Дай-ка мнѣ моего Рыжаго!...

Вѣстовой подводитъ рыжаго... Тяжелый артиллерійскій конь. Кажется, самую природою созданъ для маіора. Усѣлся тотъ на него, какъ на диванъ.

— Прапорщикъ, садитесь-ко на моего коня, если хотите... Вы человѣкъ молодой—справитесь...

Одынцевъ вскочилъ на сѣдло. Конь было шарахнулся въ сторону, да почувствовалъ, что узда—въ умѣлой рукѣ и успокоился.

— Ишь подлець!.. Вѣдь у васъ вотъ стоять, какъ слѣдуетъ. О чемъ бинь я хотѣлъ говорить?.. Ну, да на этотъ разъ можно обойтись.

Очевидно приготовленная рѣчь вылетѣла изъ головы у маіора...

— Маршъ, братцы!.. Въ горы—къ орламъ въ гости!..

— Къ чорту—въ лапы!—подумалъ про себя Пельмевъ, впадая тоже въ тонъ общаго унынія и усталости...

У самаго выхода изъ Топлиша,—тамъ, гдѣ черезъ горную рѣченку переброшенъ самый первобытный мостъ, у послѣдняго дома—кучка уральцевъ.

На деревянныхъ козлахъ икона.

Въ воздухѣ тихо, — такъ тихо, что восковые свѣчи, зажженные передъ нею, горятъ себѣ покойно. Пламя ихъ не шелохнется.

Передъ иконою тарелка... Казаки безъ шапокъ...

Проходя мимо, офицеры и солдаты крестятся и шепчутъ про себя что-то... Мѣдныя, проржавѣвшія въ солдатскихъ кармахахъ копейки падаютъ на тарелку...

Изъ рядовъ то и дѣло выходятъ люди... Крестятся наотмашь, два три поклона въ землю, прикладываются къ иконѣ и назадъ.

— Эхъ, попа нѣтъ!.. Покропиль-бы...

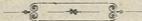
— Былъ бургарскій, братушкинъ попъ, да ушелъ...

— Хорошо это казачки придумали...

— Все спокойнѣе...

И опять въ рядахъ тяжелое безмолвіе, прерываемое только случайнымъ лязгомъ штыка о штыкъ, да звономъ солдатскихъ котелковъ...

— Совсѣмъ не то, совсѣмъ не то, что я представлялъ себѣ,—думаетъ Одынецъ, оглядывая своихъ боевыхъ товарищей...

ГЛАВА IV.

Козья тропа.

рутой всходъ въ вышину...

Туманъ мало по малу рѣдѣлъ...

По сторонамъ выступали засыпанные снѣгами скаты. На сѣромъ фонѣ покрытаго тучами неба вырисовывалась крутая вершина Вѣтрополя. Гордо ушла она подъ самое небо. Вонъ по ея скату медленно ползеть такая-же сѣрая туча, — точно ей жаль разстаться съ этою красивою и величавою вершиною... Вотъ приподнялась надъ нею, точно гора эта курится удуш-ливымъ сѣрымъ дымомъ.

— Ужли-жь на самый верхъ? — спрашиваютъ солдаты.

— Должно быть.

— Господи!..

Сѣрая тропка крутымъ зигзагомъ, то пропадая, то снова появляясь на головокружительныхъ спускахъ, ползеть на эти вершины... На половинѣ разстоянія совсѣмъ исчезла она изъ глазъ, но въ бинокль видно, какъ едва замѣтнымъ взлетомъ она прорѣзала самое темя этого громаднаго и почти недоступнаго балканскаго великана.

Лѣтомъ тутъ бродить только козы...

Ничья нога здѣсь еще не пошिरала эту дѣвственную пустыню.

— Откуда-же тропа-то?

— Наши саперы уже два дня какъ работаютъ... Солдатики съ ними тоже...

— И уральцы, дай имъ Богъ здоровья, всю эту гору осмотрѣли...

Вонъ опять на самый путь напoлзла темная туча; дорога пропала въ ней...

— Страсти!.. — шепчуть солдаты.

— Въ тучахъ-то идти приведется.

— Куда воронъ костей не заносилъ...

— Сюда и солнцу дороги нѣтъ.

— Куда ему! Ишь марь какая легла кругомъ...

И дѣйствительно горы тѣснятся одна къ другой, точно хотять раздавить другъ друга. Вонъ на одной скалѣ заблесталъ отсвѣтъ солнечныхъ лучей... Будто изъ инаго міра они — инаго, потому что въ этомъ, куда теперь всползаютъ наши войска, — однѣ только тучки, да снѣгомъ засыпанные скаты... Гдѣ тутъ быть солнцу...

— Зимно!.. — жалуется солдатъ около Одынцева.

Одынецевъ и самъ чувствуетъ холодъ... Это въ началѣ пути, — что-же будетъ потомъ... когда придется заночевать на этихъ вершинахъ?..

— Ну дальше-то за горой путь лучше будетъ! — слышится успокоительный голосъ...

— Напротивъ, — возражаютъ ему.

— Какъ напротивъ?

— Эга дорога еще почищена саперами...

— А дальше?..

— Нѣтъ... Дальше слышали — цѣлина!

— Это еще слава Богу, если турка на Куруджѣ не за-сѣла. Коли она тамъ — бѣда. Приступомъ придется.

— Отъ нихъ-то къ верхамъ этимъ ближе, чѣмъ намъ...

— Это точно.

— Ну вотъ. А еще есть Марковы Столбы... да Этрополь...

Можетъ и тамъ уже сидятъ да караулятъ.

— Славно намъ придется Рождество проводить.

И всѣ неволью затуманились.

Вспомнилось, какъ эту ночь на 25-е декабря проводили годъ тому назадъ. Какія кругомъ были счастливыя и веселыя лица... Улыбались дѣти, весело хлопали рученками, глядя на ярко горящія елки; сколько счастья было разлито кругомъ, какъ покойно смотрѣли впередъ лица матерей, оставленныхъ теперь далеко...

За тысячи верстъ отсюда!..

Вонъ снѣгъ потянулся по вѣтру... Закружило... Затянуло имъ крутой спускъ... Такъ и воспоминанія счастливаго прошлаго тонуть теперь... Вьюгой ихъ совсѣмъ заслонило...

И Богъ знаетъ, кому приведется еще увидѣть дорогое лицо жены, оставленной тамъ, счастливыя дѣтскія улыбки, — кому изъ этихъ уже въ самомъ началѣ пути усталыхъ людей родное солнце освѣтитъ еще разъ скудную радостями жизнь?.. Кому?..

— Бо зныть... Она, турка эта, лукавая!..

— Такъ тебя уложить — въ лучшемъ видѣ...

А что останется позади, — тамъ, гдѣ еще годъ тому назадъ было столько счастья и радости?

Нищета!.. И хорошо если еще одна нищета...

За ней неотступно идутъ развратъ, преступленія, самоубійства!..

О, Боже мой, Боже мой!.. Эти руки, эти дѣтскія рученки, нѣжныя и милыя, къ которымъ столько разъ прикасались уста отца, окрѣпнуть, чтобы красть, чтобы потомъ брэнчать цѣпями... Эта дѣвочка, казавшаяся свѣтлымъ лучемъ, брошеннымъ самимъ небомъ въ одинокую семью, вырастетъ, чтобы идти на улицу, чтобы продать себя первому попавшемуся

негодяю, у котораго найдется нѣсколько жалкихъ грошей на покупку ея тѣла...

А поэты войны находятъ ее еще актомъ какой-то особенной небесной справедливости!..

Преступленіе становится добродѣтелью, убійство канонизируется, убійцамъ — воздаются почеть и поклоненіе!..

— Не можетъ быть, чтобы турки не знали!..

— Да ужь вѣрно хорошую встрѣчу намъ приготовили.

— Будешь доволенъ!..

— Дай Богъ потерять сотъ пять...

— Ишь мѣсто какое — тутъ всѣ ляжемъ... Что сотъ пять: коли-бы тыщей отдѣлаться — и то хорошо...

— Ладно, неча скулить-то! — остановилъ солдата бравый унгеръ, увѣшанный георгіями и медалями...

— Мы что? Мы ничего...

— Товариство выручать надо... Сѣмой мѣсяць на Шинкѣ сидять...

— Оно точно...

— Нужно за своихъ постоять... Не такія дѣла видѣли.. Нѣшто 30-е августа забылъ?

— Гдѣ его забыть!..

— Ну, значить, шабашъ... Не въ диеовину!..

Путь дѣйствительно начинался ужасный.

Передовой отрядъ, вѣхавъ на небольшую высоту, увидѣлъ передъ собою крутой подъемъ. Вѣтеръ свѣялъ съ него недавній снѣгъ; осталась скользкая, обледенѣлая поверхность... Сверху скатывались и падали солдаты, гремя ружьями, котелками, шанцевыми инструментами. Шумъ былъ ужасный. Кто смѣялся, кто проклиналъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ смѣху дѣлалось меньше, а проклятій больше...

Тѣ, которые добрались до верху перваго подъема, тяжело дышали, отдыхали, прислонясь къ деревьямъ, или просто лежали въ снѣгъ — въ полномъ безсиліи. Падая и скатываясь, — напрасно хотѣли удержаться руками, — руки скользили по

гладкой поверхности... Направо и налево трупами казались лежавшіе солдаты; нѣкоторые просто ничкомъ, лицомъ въ снѣгъ припали. Лошади точно при послѣднемъ издыханіи — такъ онѣ втягиваютъ въ себя и безъ того тощіе бока.

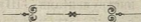
Впереди слышался звонъ кирокъ и стукъ лопаты — саперы дальше разрабатывали дорогу. Отъ площадки вверхъ — грутой путь опять, но уже весь засыпанный снѣгомъ. Тутъ ноги не скользили, но за то рыхлые снѣга приходились по грудь... Шли съ трудомъ въ какой-то кашѣ. Поворачивали направо, налево, уходили опять назадъ, огибая отвѣсы дикихъ скалъ, вспалзывали по лѣстницамъ, образуемымъ выступами ихъ, падали съ этихъ лѣстницъ, когда вмѣсто камня подъ ногами оказывался ледъ.

Наконецъ потянулся лѣсокъ.

Тутъ тропинка до того узка, что солдаты шли гуськомъ; отдыхали черезъ каждые двадцать-пять — тридцать шаговъ. И какіе это шаги были! Солдаты съ натугой выхватывали ногу изъ снѣговой глыбы, потомъ ступали впередъ, опять погружаясь въ вязкую массу. Подъ ногами снѣгъ расползался, ноги расходились — приходилось падать и, скрипя зубами, подниматься опять...

— Лучше-бы турокъ убилъ! — въ полномъ безсиліи, бросая лопату, стонеть утомленный солдатъ и не садится, а какъ-то опускается внизъ.

— Тяжко, ой какъ тяжко! — отзывается ему другой...

ГЛАВА V.

Via dolorosa.

Вправо и налѣво отъ Одынцева по всему пути—распластавшіеся въ снѣгу солдаты...

Какъ во время лѣтняго похода подъ сорока-градусной жарой валяются они отъ солнечнаго удара, такъ и теперь укладываетъ ихъ прямо на дорогу изморь и усталъ... Оглядываясь внизъ, на самомъ днѣ темной теперь котловины, Одынецъ едва-едва различаетъ обезлиствѣнныя сады и красныя черепичныя крыши Топлиша... А сѣрый зигзагъ роковаго мучительнаго пути все еще теряется въ тучахъ, въ недосыгаемой, какъ отсюда кажется, высотѣ... Не добратся до него безъ крыльевъ...

— Туда и мухѣ лету нѣтъ! — разсуждаютъ солдаты...

— На редутахъ не такъ заморишься...

— Тутъ и животовъ не донесешь...

Одынцеву тяжелѣе другихъ.

Его тоненькіе петербургскіе сапоги насквозь промокли... Въ пути онъ влѣзъ по грудь въ снѣгъ, да такъ и бродитъ въ этой кашѣ. Напретъ грудью впередъ, выдавитъ небольшое

пространство въ снѣгу — и шагъ сдѣланъ, а тамъ опять грудью бери каждую пядень этой дороги... Еще сначала солдаты переговаривались — потомъ совсѣмъ замолчали... Безмолвіе царило уже въ этихъ смятенныхъ, усталыхъ толпахъ... Съ какимъ-то болѣзненнымъ хрипѣніемъ дышали ихъ натомившіяся груди...

Вонъ одинъ упалъ въ снѣгъ, жадно хватаетъ его высохшимъ отъ усталости ртомъ...

Другіе тоже горстями ѣдятъ его — все освѣжить ихъ!..

Одынцеву пришлось скоро совсѣмъ остановиться.

Онъ почувствовалъ, что силы его какъ-то разомъ упали — были и нѣтъ ихъ. Шагу ступить не можетъ далѣе...

— Вашбродъ!.. Снѣжку... Глоните снѣжку! — предлагаетъ солдатъ...

— Во... У меня есть.

Другой порылся въ карманъ и вытащилъ микроскопической, грязный, замусленный кусокъ сахара...

— Съ сахаромъ снѣжокъ скусишь, вашбродъ!..

И солдатъ добродушно протягиваетъ ему свое сокровище...

Одынцевъ смотритъ на нихъ, слушаетъ и ничего не понимаетъ...

— Эка бѣда! — подхватываютъ его солдаты.

Молодой прапорщикъ пошатнулся и рухнулъ имъ на руки...

— Пуцай отлежится; теперь ему главная причина — спокой требуется. Вонъ тамъ мѣсто почище...

Солдаты уложили Одынцева.

Онъ безучастно смотритъ на проходящій мимо отрядъ...

Солдаты взглядываютъ и на него вскользь... Имъ некогда...

— Умру? — думаетъ Одынцевъ... Сердце съ какою-то острую болью замираетъ въ груди... Въ колѣняхъ ломить... Воздухъ съ натугой вырывается изъ простуженнаго горла.

А солдаты все идутъ и идутъ мимо... Однообразныя сѣрыя фигуры колеблются, спотыкаются, продвигаются впередъ, такъ-же какъ и Одынцевъ падаютъ въ снѣгъ, отползаютъ съ

дороги и опять встаютъ, если могутъ. Вонъ одинъ обезумѣлъ совсѣмъ, швырнулъ ружье въ сторону и самъ рухнулъ рядомъ съ нимъ... Только котелокъ звякнулъ... Чувствуетъ Одынцевъ, что съ каждымъ мигомъ ему становится все хуже и хуже... Коченѣютъ ноги, а въ груди скрипитъ что-то, точно тамъ ворочаются какія-то ржавыя петли... Револьверъ уперся ему прямо въ бокъ... Онъ и не шевелится, чтобы поправить его... Силы нѣтъ совсѣмъ... А тутъ еще глаза слипаются, спать хочется, что-ли?..

— Это вы что-же, младъ, неразуменъ юноша? — слышится надъ нимъ чей-то голосъ...

Одынцевъ приподымаетъ голову, силится разсмотрѣть и ничего не видитъ... Точно глаза налились свинцомъ—ничего не различаютъ передъ собою...

— Вы чего-же это, дитю малое, лежите?

Одынцевъ по звукамъ голоса соображаетъ, что это Пельмевъ.

— Вставайте скорѣй... Смотрите, живо окачуритесь такъ-то, съ измору.

Одынцевъ дѣлаетъ усиліе приподняться и не можетъ.

— Ну?..

— Не могу... едва-едва говоритъ онъ, съ усиліемъ приподымая вѣки...

— А вотъ, посмотримъ, какъ не можете... Ну-ко, ребята, сюда!..

Нѣсколько солдатъ пободрѣй подошли къ Одынцеву.

— Скидавай сапоги съ него. Вотъ такъ, чудесно... Три ногу снѣгомъ хорошенько... Не жалѣй, до красна...

Одынцевъ чувствуетъ, какъ какая-то пріятная теплота начинаетъ разливаться у него по тѣлу...

— Три ему уши снѣгомъ, да посильнѣе.

Солдаты усердно занялись.

— Ну, теперъ, лучше?

— Лучше! — Одынцевъ уже совсѣмъ различаетъ Пельмева.

— А теперь послѣднее лекарство. Ефимъ, у тебя мой неприкосновенный запасъ? Давай-ка сюда.

Ефимъ подаль деревянную баклагу, куда входило бутылокъ пять коньяку.

— Теперь, Одынцевъ, вотъ этого звѣря шарахните... Да побольше...

Юноша глотнулъ.

— Еще, еще, не стѣсняйтесь пожалуйста. Безъ этого плохо.

Одынцевъ положительно чувствуетъ себя воскресающимъ. Какая-то живительная сила струится по его жиламъ... Грудь дышется легче, измору и усталости—меньше...

— Ну, теперь идти можете?

— Могу.

— Давайте-ка руку.

— Совѣстно.

— Ну, вотъ еще... Я старый привыкшій солдатъ, а вы, вѣдь, дитю...

Одынцевъ опять двинулся впередъ съ Пельмевымъ.

Опять по сторонамъ онъ видитъ такихъ-же, какимъ еще нѣсколько минутъ назадъ онъ самъ былъ; безсильно раскинулись они на скатѣ чудовищной вругизны... Вотъ нагналъ ихъ какой-то болгаринъ. Баранья шапка вздѣта на самый затылокъ; длинные усы падаютъ низко на грудь... Бодро идетъ братушко впередъ...

— Это кто еще?—спрашиваетъ Пельмевъ.

— Новый проводникъ... Ночу Волковъ, догоняетъ авангардъ.

— По какой это дорогѣ ты ведешь?...

— Другой нама!... Добры путь...

И болгаринъ исчезъ впереди.

— Это братушко настоящій!—замѣчаетъ унтеръ-офицеръ рядомъ.

— Почему?

— Мы съ имъ въ Топлишѣ познакомились... Енъ какой— у ево турки пятерыхъ дѣтей зарѣзали. Теперь и онъ спитъ и видитъ— побольше турокъ убить... Енъ ужъ десять турковъ положилъ... Енъ строгій.

— За своихъ-то дѣтей будешь строгій...

— Во-во!..

Какое-то темное марево росло на встрѣчу Одынцеву...

Дорога пропадала въ этомъ маревѣ... Когда офицеры подошли ближе, весь скатъ горы въ этомъ мѣстѣ оказался заросшимъ кустарникомъ и мелкими деревьями.

Тутъ путь стоялъ еще труднѣе.

Чаща перепуталась совсѣмъ... Сверху падали комья снѣга, до сихъ поръ безмятежно висѣвшіе на вѣтвяхъ.

На каждомъ шагу приходилось раздвигать ихъ. Вѣтви хлестали въ лицо; какія-то колючки рвали руки и платья... Лошади, вползавшія на высоту вмѣстѣ съ людьми— артачились, скидывали головы, точно желая оборвать поводья... Корни подвергивались изъ подъ снѣга... Спотыкавшіеся о нихъ солдаты, тяжело падали внизъ, гремя ружьями и роняли ближайшихъ къ нимъ людей...

— Ну, что, какъ вы теперь? — И Пелымевъ участливо смотритъ въ лицо молодому офицеру.

— Да, мерзко... Что-жъ тутъ хорошаго...

— Не похожа на ту войну, которая въ книжкахъ, да на картинкахъ?

— Совсѣмъ, разумѣется... Ничего общаго нѣтъ...

— Нечего было и стремиться сюда...

Въ сторонѣ — бьется какой-то солдатъ... точно рыба, выброшенная на берегъ, „зѣваетъ“... Бессильно открываетъ ротъ, чтобы набрать побольше воздуха, да мускулы горла сомкнулись, грудь душитъ — видимое дѣло дышать нельзя!... Въ безсиліи и мукѣ онъ царапаетъ руками землю, лицо его синѣетъ...

Пелымевъ бросился къ нему.

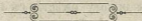
Тоже давай оттирать снѣгомъ... Едва отдышался, а еще дальше лежитъ, тоже такой, только этотъ уже и не дышетъ... Глаза остеклѣли и какъ-то удивленно смотрять въ высоту... посинѣвшая рука замерла у борта шинели, точно ему хотѣлось въ послѣдній моментъ сознанія разорвать ее, освободить грудь изъ подъ какой-то навалившейся на нее массы...

— И походь!—злится Пелымевъ.

— Да!.. Много народу сгніетъ здѣсь!...

— Дай Богъ только, чтобы турки не опомнились... Какъ-будто въ отвѣтъ на это—среди полного безмолвія окружающей пустыни далеко грянулъ выстрѣлъ... Прокатился по ущельямъ и замеръ...

Солдаты вздрогнули и приостановились на мгновение...

ГЛАВА VI.

Балканскій вечеръ.

Соймоновъ, завернувшись въ бурку, кое-какъ подымался вверхъ съ отрядомъ.

Врачи шли пѣшкомъ; кони спотыкались и падали. Турецкая лошаденка, на которой ѣхалъ Соймоновъ, была привычѣе. Она цѣпко держалась за каждую неровность, не скользила по обледенѣлымъ поверхностямъ горъ, а смѣло пробивала ихъ острыми шипами своихъ подковъ. Соймонову приходилось то сползать ей чуть ни на хвостъ, когда, вся подбираясь, она царапалась вверхъ, то скатываться ей на шею, когда путь, повинуюсь капризнымъ зигзагамъ горнаго склона, шелъ внизъ...

Лошадь давно была въ поту—всадникъ тоже.

— Зарѣжете коня!..—предупреждали его.

— Привычный, испытанный...

— Заморится, смотрите...

— Нѣтъ, придется дать ему отдыху дня три въ Казанлыкѣ и кончено...

— Вотъ вы какъ!.. Ужъ и въ Казанлыкѣ попали.

— Черезъ дня два будемъ...

— Ну, это бабушка на двое сказала!

— Не знаю, что бабушка говорила... А я вѣрно... Черезъ два дня я увижу Айшу,—оканчивалъ онъ про себя и свѣтлая радость проникала въ его изболѣвшее сердце...

— Сказываютъ, у васъ романъ какой-то былъ съ турчанкой?

— Кто вамъ это сообщилъ?

— Въ Габровѣ, сестры...

— Не правда...

„Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ то все глупо выходило, какой же романъ—ничего тогда не сказали другъ другу“...

Становилось все холоднѣе и холоднѣе, но въ трудностяхъ этой дороги, среди этихъ неимовѣрныхъ усилій, которыя приходилось тратить, чтобы одолѣть каждыя десять шаговъ ужаснаго пути—стужа дѣйствовала только на тѣхъ, которые падали и не шли далѣе... Соймонову было жарко!..

Наконецъ начались настоящія кручи.

— Вотъ тутъ пошла дорожка!.. Спасибо!..

— Отсюда-то самый адскій путь и начинается.

Онъ то и дѣло прерывался отвѣсами или скатами такой крутизны, по которымъ казалось и горная серна не могла бы перейти... Соймоновъ оставилъ уже позади брошенные десятифунтовыя орудія, ихъ нельзя было вовсе взвести на эти кручи. Солдаты мимо него, обливаясь потомъ, изнемогая и падая, тащили въ санкахъ болѣе легкія горныя орудія... Лямками перекрестили груди, свѣсили руки и головами впередъ ползли точно черные гномы. Человѣкъ по двадцати выволакивали каждую пушченку. Груды дышали тяжело, тяжело... Казалось, вотъ-вотъ оборвется въ нихъ что нибудь и люди рухнутъ внизъ такими-же неподвижными и холодными трупами, какъ холодна и неподвижна была эта темная жалкая пушченка...

— Вотъ онѣ кручи-то...

Передъ кручами безмолвно стояли солдаты.

Пустиятся впередъ, шаговъ десять, двадцать взберутся — и скатываются внизъ...

Еще разъ съ тѣмъ-же успѣхомъ.

Потянули пушку... Въ лямбахъ задыхалось челоуѣкъ сорокъ... До половины кручи добрались, каждой ея неровностью пользовались...

А тамъ вдругъ стали...

Сначала одинъ споткнулся, потомъ другихъ потянуло внизъ... И скоро вся эта орава, увлекаема внизъ тяжестью орудія, сползла туда, откуда начала свое восхожденіе.

По нѣсколько разъ совершались эти безплодныя попытки, пока подъ ногами людей обледенѣлая поверхность не оббибалась настолько, что по ней можно было цѣпляться, опираясь на штыкъ, при каждомъ шагѣ вбиваемый въ землю...

Соймомонъ сошелъ съ коня.

Держа его въ поводу, онъ сползъ два раза внизъ, пока ему удалось добраться до верху. Тамъ чуть не по шею онъ ушелъ въ снѣгъ, а черезъ тридцать, сорокъ шаговъ болѣе ровнаго пути передъ нимъ выросъ такой же взлетъ...

Такая же круча шла въ высоту!.. Такіе же толпы солдатъ мучились и бились на ней, не зная какъ дорваться до-верху...

Вечерѣло...

Тумана теперь уже какъ небывало.

Глядя вверхъ, Соймоновъ, казалось, все на такомъ же громадномъ разстояніи отъ себя видѣлъ вершину этой роковой горы. Ему чудилось, что онъ только что изъ Топлиша, что цѣлые часы, проведенные въ пути, и на одну версту не приблизили его къ этому гордому конусу, что вырѣзался такъ отчетливо и рѣзко на темномъ фонѣ неба, съ котораго уже сбѣжали сѣрыя грузныя тучи...

— Неужели нѣтъ другой дороги! — слышится около чей-то злой голосъ.

Соймоновъ оглядывается — докторъ Хохловъ, всключенный, изморившійся, — бранится во все горло!

— Это чортъ знаетъ—этакъ у меня завтра цѣлая дивизія больныхъ окажется...

Вонъ направо крутизна пошла...

Солдаты лѣпятся къ скату... Путь съузился... Налѣво круча, направо обрывъ... Внизу—не видать дна, только что-то сѣрое мерещится оттуда... Какой-то солдатикъ не совладалъ...

Соймоновъ только и видѣлъ какъ онъ размахнулся руками, отчаянно размахнулся... Ружье полетѣло раньше, а за ружьемъ мелькнула внизъ какая-то странно растопырившаяся и вращавшаяся фигура... Полы шинели раздувало... Руки точно въ воздухъ ловили что-то, цѣплялись за что-то невидимое...

Спустя двѣ-три секунды — снизу донесся болѣзненный, жалкій крикъ...

— Живъ-ли?—заорали солдаты сверху...

Словно отголосокъ того-же крика донесся снизу... Донесся и замеръ...

— Живъ-ли?—кривнуло уже больше голосовъ.

Всѣ смотрятъ внизъ съ ужасомъ, съ боязнью, потому что бездна и ихъ тянетъ къ себѣ... Всѣ смотрятъ и слушаютъ...

Но тамъ все тихо... Такъ тихо, что сорвавшійся изъ-подъ ногъ комъ снѣга, съ громкимъ шуршаніемъ падаетъ внизъ... Его уже не видно, а шорохъ его по обледѣнѣлому отвѣсу слышенъ...

— Упокой душу!.. — слышится нервный, словно вздрагивающій голосъ старика фельдфебеля...

— Кого это братцы?

— Ахъ и бѣда-же... Селезнева снесло...

И опять тишина.

Солдаты лѣпятся вдоль бездны, пугливо озираясь на нее... Вотъ, вотъ и ихъ потянетъ къ себѣ съ безпощадная, ненасытная пасть...

А тамъ новый крикъ, и новая жертва летитъ внизъ.

— Что-жь это, Господи! — молодой солдатикъ швыряетъ

туда-же ружье и, схватившись за голову, готовится самъ за нимъ послѣдовать.

— Ты одурѣлъ, Васькинъ, что-ли? — беретъ его за шинель ближайшій... Очнись. Ползи за мной.

Дѣйствительно, многіе вдоль бездны ползутъ на четверенькахъ...

Припадутъ къ землѣ, замрутъ на секунду и ползутъ опять...

Смеркло совсѣмъ.

Все вокругъ подернулось сумракомъ быстро подступающей ночи.

Только гдѣ-то, далеко, далеко, внизу, свѣтились огоньки... Это — горныя деревни прятались въ балканскихъ захолустьяхъ... Откуда-то потянуло краснымъ заревомъ, на одномъ зигзагѣ пути солдаты отличили даже вырѣзавшійся вдаль красный языкъ пламени...

— Ишь это турки братушку жгутъ! — Соображали они, все также цѣною нечеловѣческихъ усилій продвигаясь впередъ...

Окрестныя горы точно потонули въ сумеркахъ...

Только вершина этой — еще мерещилась... Но она все такъ-же казалась далека и недоступна.

— Дорваться-бы таперича! — злится какой-то солдатикъ.

— До чего?

— До турки самой...

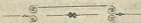
— Что-жь ты съ ей подѣлаешь?

— А штыкомъ въ брюхо... Безъ удѣржу...

— Пока дорвешься, она тебя живо оболванить... Тутъ, братъ, о смертномъ часѣ помышлять надо... Туркѣ и самой-то не сладко теперь... Тоже на этихъ горахъ засѣла...

Скоро и вершина горы ушла въ сумракъ...

Теперь уже ничего не видѣли передъ собою путники...

ГЛАВА VI.

Горная ночь.

то чортъ знаетъ что!.. Такъ губить отрядъ, совершать такіе походы!..

— Что, душенька, Тереховъ... Аль не по праву?..

— Знаете, Савельевъ, вы-бы ко мнѣ не приставали — ей-Богу лучше будетъ!..

Параднаго и блестящаго Терехова нельзя было узнать въ этой мокрой курицѣ, какою онъ явился глазамъ Соймонова, догнавшаго на одной изъ высотъ двухъ названныхъ нами офицеровъ...

— Вы, докторъ, чего лѣзете? Могли-бы, кажется, преспокойно въ хвостѣ двигаться, по проторенному уже пути... И славно было-бы, съ комфортомъ!..

— Я у васъ, капитанъ, не спрашиваю: чего вы лѣзете?

— Докторъ-то изъ недотрогъ... — замѣтилъ Савельевъ.

— Я васъ не хотѣлъ оскорбить.

— Да вы меня и не можете, если-бы и хотѣли...

— Что, батинька, налетѣлъ!..

— Вы меня извините, право, я со всѣми этими передрягами голову потерялъ...

— Тотъ, кто найдетъ, можетъ оставить ее себѣ.

— Однако, Савельевъ, вы не очень!..

Скоро вызвѣздило.

Ясная горная ночь... Безконечная панорама вершинъ раскидывается кругомъ въ таинственномъ, сказочномъ сіяніи луны, уже всплывшей надъ самымъ теменемъ Куруджи. Снѣга, засыпавшіе горы, искрятся... Серебрянымъ зигзагомъ подымается дорога на высоту... Черныя ночью фигуры грузно взбираются по ней...

— Идемъ, идемъ, а все конца нѣтъ.

— Ишь, какая невѣрная сторона!..

— Ахъ, ты, доля, ты, доля солдатская!

— Пожалуйся еще! — вмѣшался унтеръ.

— Какъ, Аѳанасій Гаврилычъ, не жаловаться?..

— Дава тебѣ линія... Предоставлена тебѣ линія, иди по эфтой линіи и дойдешь до точки!.. — глубокомысленно философствовалъ Аѳанасій Гаврилычъ. — А вы этого не чувствуете!..

— Оно точно что!

— Ну, вотъ... Значить — смирно!..

Площадка вся облита луннымъ свѣтомъ...

Только серебристое пламя вздрагиваетъ и разливается по ней...

По самой серединѣ — какая-то черная группа. Когда Соймоновъ съ офицерами подошли къ ней — оказались уральцы. Бородатые молодцы сѣѣшили и молча стояли вокругъ приземистаго войсковаго старшины.

— Ну, такъ какъ-же, братцы, неспособно? Ишь, круча какая? — совѣтовался онъ съ урядникомъ.

— Круча злая!.. — вскидываетъ тотъ глазами на головокружительную высоту...

Прямо передъ ними отвѣсъ горы. Нужно взойти на него.

— Совсѣмъ невозможно!..

— Безъ крыла нельзя, что говорить.

— А велѣно!.. Значить, надо...

— Невозможно, это точно, а если прикажутъ—пойдемъ.

— Я такъ полагаю — на хвостахъ...

— Одно средство!

— Это еще какъ, на хвостахъ?.. — изумился Савельевъ, вслушивавшійся въ разговоръ.

— А въ, сейчасъ... Ну-ка, молодцы-уральцы!..

Казачи схватились за хвосты коней, закурили ихъ себѣ на руки и, подбодряя четвероногіе локомотивы нагайками и крикомъ, стали вползать на гору.

Соймоновъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, да и самъ за то-же принялся.

Какъ казацкіе кони, такъ и турецкая лошаденка доктора оказались на высотѣ своего положенія... Скользя, спотыкаясь, приостанавливаясь, они, все-таки, ползли вверхъ. Втягивали бока, хрипло дышали всею утробою — и, все-таки, ползли. Казалось, еще усиліе — и конь сляжетъ, чтобы никогда не подыматься, а цѣпкія ноги дѣлали свое дѣло...

— Что жъ? — и намъ развѣ, Савельевъ, своего буцефала захватить за хвостъ?

Передовые казаки были уже наверху, когда два офицера вползали только на этотъ отвѣсъ.

— Савельевъ, не спѣшите, ради Христа... Успѣете!..

— Ладно, батюшка... Тутъ времени терять нечего!

— Я одинъ не могу вѣдь...

— Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ!

— О, чортъ!.. — Не успѣлъ Тереховъ окончить довольно энергической ругани, какъ хвостъ его коня какъ-то выскользнулъ изъ рукъ у него, и парадный офицеръ стремглавъ покатился назадъ, на площадку, съ которой онъ только что сошелъ... Лошадь постояла, свѣсивъ голову, и давай подыматься одна...

— Будьте вы прокляты... Чортъ возьми... Дьяволы! — злился онъ... — Султанъ! Султанъ... тирръ!.. Да возьмите вы хоть коня моего за поводъ!..

Но Султанъ, добравшись до верха, сталъ и понурилъ голову, глубоко втягивая тощiе бока.

— Ребята, прихватите-ка и меня!

Солдаты, тащившіе на лямкахъ горное орудіе, обернулись къ Терехову.

— Какъ прикажете, вашбродь!

Тереховъ схватился за санки, на которыхъ тащили орудіе. Уцѣпился за нихъ и, лежа на животѣ, сталъ подыматься вверхъ.

У солдатъ внизу послышался сдержанный хохотъ.

— Ишь, какую орудію тащить — страсть!..

— Гляди, посторонись-ко...

— Чего сторониться?..

— А какъ выпалить — запибеть!

Уже одиннадцать часовъ совершали этотъ подъемъ... Хотѣ бы полверсты ровнаго пространства. Все вверхъ и вверхъ!..

— Сколько еще идти? — совсѣмъ потерялъ голову. Соймоновъ.

— Три версты до ночлега.

Тутъ уже по горло въ снѣгу пришлось идти... Выдавливать себѣ въ сплошной массѣ мѣсто... А выползешь изъ снѣга — весь мокрый, со всѣхъ сторонъ охватываетъ холоднымъ вѣтромъ... Платье коробится и дервенѣеть... На волосахъ кусками отлагается ледъ... Усталый Соймоновъ сѣлъ было на снѣговую глыбу... Вдругъ подъ нимъ зашевелилась она и стала сползать... Внизу зіяла бездна, куда блѣдный свѣтъ звѣздъ и таинственные лучи луны не могли проникнуть... Схватиться было не за что!..

— Братцы, помогите!..

А глыба все ползеть и ползеть. Хотѣлъ было схватиться за кустъ, росшій оболо, голыя вѣтви выскользнули изъ рукъ.

— Ой, ребята, пропадаю!.. — Другая поросль тоже сорвалась вмѣстѣ съ нимъ...

Какой-то казакъ нашелся, швырнулъ Соймонову веревку...

Съ энергіей отчаянія онъ схватился за нее... Одна рука промахнулась, другая впилась... Повисъ .. Его тянуть вверхъ... Онъ помогаетъ самъ, упираясь кое-гдѣ ногами въ неровности откоса... А голову кружить... Такъ и кажется—вотъ-вотъ разожмутся оцѣпенѣвшіе пальцы, и онъ рухнетъ внизъ... Нѣтъ, слава Богу... Подъ ногами уже ровное пространство... Соймонъ схватился за голову... Смотрить туда, гдѣ еще былъ недавно... Тамъ теперь, медленно шурша и разсыпаясь на болѣе мелкія части, скользитъ зловѣщая снѣговая глыба.

— Спасибо вамъ, братцы!..

— Мѣсто несуразное... Сгинешь съ нимъ...

И опять все вверхъ, да вверхъ...

Ночлегъ уже близко. Вотъ и вершина — только двѣ сѣдловинны до нея... Еще часъ — и конецъ пути на сегодня. Конецъ этому героическому мученичеству!

Но что ждетъ отрядъ тамъ, на этой вершинѣ?

Съ волненіемъ и тревогой прислушиваются: не раздастся ли первый выстрѣлъ въ мертвомъ молчаніи этой холодной ночи, не замѣтитъ-ли турецкій часовой движенія обходныхъ отрядовъ... Вотъ, вотъ эти карнизы, эти вершины одѣнутся огнемъ и утомленные солдаты станутъ подъ нимъ падать первыми жертвами похода, — падать въ бездонныя пропасти, въ глубинахъ которыхъ замрутъ ихъ предсмертные стоны... Прислушиваются, сердца бьются... Всѣ уходятъ въ слухъ, но кругомъ все то-же безмолвіе и все такъ-же пустынно стоятъ на высотѣ, надъ измореннымъ отрядомъ, бѣлыя шапки засыпанныхъ снѣгами горъ... Ни откуда ни звука, ни крика... Только глухой шорохъ взбирающейся вверхъ роты, да вздохи солдатъ позади, карабкающихся къ нашей площадкѣ, для короткаго отдыха на морозѣ...

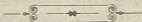
— Ну, братцы, пора!.. Садись на коней!.. — командуетъ кто-то.

Шопотомъ, какъ передъ близкой опасностью, говорятъ

солдаты... Чей-то крикъ замираетъ далеко, далеко... Еще одинъ сорвался внизъ...

А ночь все ярче и ярче разгорается мириадами своихъ яркихъ звѣздъ... Все свѣтлѣе и щедрѣе льетъ ясный мѣсяцъ свое серебряное сіяніе на эту горную пустыню.

Такъ на высотахъ Балканъ была встрѣчена отрядомъ рождественская ночь.

ГЛАВА VIII.

На зло природѣ.

Нуна давно уже вошла надъ этою горною пустыней... Въ непроницаемомъ мракѣ утонули долины и ущелья... Надъ этимъ смутнымъ маревомъ плаваютъ, словно острова дикаго, безлюднаго моря, крутыя вершины, смѣло изогнувшіеся горные хребты... И эти вершины, и эти хребты облиты яркимъ свѣтомъ мѣсяца...

Точно изъ матоваго серебра выкованные, застыли они въ своемъ недвижномъ снѣгѣ...

Словно всплывшіеся бѣлые гребни чернаго океана замерли — чтобы съ новымъ порывомъ дикаго вѣтра медленно и величаво покатиться въ какую-то невѣдомую таинственную даль...

Точно ребра спящихъ чудовищъ изъ-подъ снѣга вырѣзаны скалы и утесы... Иной разъ цѣлою грядою, точно тутъ изогнулся позвоночный столбъ сказочнаго великана...

Вѣтеръ, кружившійся внизу, можетъ быть и теперь взрывающій тамъ изъ черной тьмы ущелій бѣлые фантастическіе призраки снѣга, какъ-будто не смѣетъ донестись сюда...

Покорно ложится на полугорѣ... Вверху на этихъ лысинахъ — тишина...

Только морозъ куеть тутъ бѣлые покровы зимы, только онъ захватываетъ дыханіе, то точно студеною, ледяною рукою сжимая вамъ горло, то вдувая въ ваши легкія духъ смерти и уничтоженія...

Тутъ онъ одинъ — владыка... Тутъ его власть и царство. Здѣсь, въ неподвижномъ величіи своемъ, цѣлые вѣка стоятъ его серебрястые алтари, на которыхъ, словно чья-то жертва, курятся грозовыя тучи; тутъ высятся черныя гранитныя престолы, и на нихъ никому невидимое, но всѣми чувствуемое, присутствуетъ кровожадное божество болгарской горной зимы!..

Сюда, по горло въ снѣгу, ползеть Одынецъ.

Остановится, переведетъ дыханіе, соберется съ силами, навалится впередъ на окружившую его со всѣхъ сторонъ бѣлую массу, выдавить себѣ мѣсто и переступить...

А тамъ опять останавливайся, переводи духъ...

Шопотомъ говорятъ вокругъ солдаты...

— Скоро!..

— Да, сичасъ должно быть...

— Наши, вашбродь, ужь долѣзли вѣрно? — ободряетъ Одынцева солдатикъ, весь засыпанный снѣгомъ, точно рождественскій дѣдушка нашихъ праздничныхъ елокъ.

— Почему ты думаешь?

— На свѣту видна чернѣть... Ишь она, вонъ.

Одынецъ поднялъ усталый взглядъ... Длинная лента подымавшагося отряда терялась вверху... Вонъ на самомъ краю горной площадки мерещутся силуэты казацкихъ коней...

Тишина какая!..

Только лязгъ штыковъ, звонъ манерокъ, да ровное, глухое, словно крадущееся шуршанье ногъ, глубоко ушедшихъ въ рыхлый снѣгъ...

— Енъ не стрѣлить!..

Засыпанный солдатикъ даже засмѣялся отъ удовольствія.

— Седни цѣлы будемъ... Трубочку-бы теперь — чудесно. Изрѣдка, по сторонамъ пути, все облитое луннымъ свѣ-

томъ, съ серебряными комьями снѣга, слезавшагося на вѣт-
вахъ, поднималось громадное дерево...

Казалось, что это не сучья его — узловатые, голые.

Чудились руки, протягивавшіяся оттуда къ утомленному
и измученному отряду.

— Ну, ребята, слава Богу! — слышится откуда-то.

— Чего славить-то?

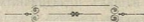
— Турки нѣтъ... Гололобыхъ проморочили...

— Еще поглядимъ!

— Чего глядѣть-то?.. Не углядишь... Ужъ они насъ про-
моргали!..

— А ты не балакай, ишь — костры-отъ...

Дѣйствительно Одынецъ видитъ въ вышинѣ, сквозь де-
ревья клубящійся въ лазурную высоту, дымъ... Изрѣдка, въ
этомъ дымѣ, словно сорвавшійся изъ костра, мелькнетъ крас-
ный языкъ пламени и погаснетъ... Саперы заняли вершину...
Дорылись до земли и разложили дрова, принесенныя снизу...

ГЛАВА X.

Ночлеги.

одь молодымъ офицеромъ совсѣмъ подламывались ноги, — когда, наконецъ, болѣе машинально, чѣмъ сознательно, добрался онъ до вершины Вѣтрополя...

Ровная площадка.

Точно дно кратера... Края ея подняты вверхъ... Кое-гдѣ гребнемъ торчатъ въ лунномъ свѣтѣ... Серебрянаго покрова этой площадки совсѣмъ не видать теперь... Онъ весь загроможденъ сѣрыми фигурами солдатъ, дорывающихся до голины, чтобы, въ свою очередь „на артель“, разложить костры...

И шибко-же морозить тутъ. Лица болятъ, глаза опушаются инеемъ, сосульки образуются на усахъ и на бородѣ...

— Бѣда, братцы!

— Чего?..

— Студено...

— А ты на печи думаль... Ладно — огонь разложимъ, теплонь будетъ.

— Лучше не надо... Только-бы березовыхъ вѣничковъ — попарится...

Кое-гдѣ уже ярко горять дрова... Съ громкимъ трескомъ перебѣгаетъ по нимъ пламя, сыпля по сторонамъ цѣлый фейерверкъ золотыхъ брызгъ. На желтомъ фонѣ огня рѣзко выдѣляются черныя фигуры солдатъ... Остроконечные кверху отъ башлыковъ, неуклюжіе... Тонкими черточками вырѣзываются штыки ружей... Вонъ одинъ солдатъ чуть не въ самый огонь сунулся... Будто хочется ему носомъ врыться въ эти краснымъ полымемъ захваченные уголья...

— Ты, чего, Останкинъ...

— Ну?

— Дуракъ... Лицо ожжешь... Потомъ раны пойдутъ...

— Дай отойти... Ознобился...

Солдата отгаскиваютъ, а на его мѣсто уже лѣзетъ другой...

— Всѣмъ-бы хорошо... Да, вотъ, сапоги...

— У всѣхъ, братъ, сапоги — ѣсть просять...

— Рты разинули... Стужей-то вотъ какъ пронимаетъ...

Снизу приваливали все новыя и новыя толпы... Одна за другою... Оранье пошло по площадкѣ.

— Эй, ребята, гдѣ третій батальонъ?..

— Издѣся!.. — слышится со стороны...

И кучки солдатъ тяжело перебираются туда... Устали сердечные до смерти... До своего мѣста нѣсколько шаговъ сдѣлать — и то за великій трудъ...

Вонъ одна, уже приотдохнувшая, толпа солдатъ приподымается по командѣ старшаго.

— Эхъ ты, доля доля!.. И отдохнуть-то всласть некогда.

Ихъ ведутъ занимать карауль...

На самый край кратера поставили... Отсюда видны эти черныя фигуры въ лунномъ свѣтѣ...

— Смотри, ребята!.. Какъ пѣтухъ, стой... Зорко гляди, чего-бы не вышло! — обходить ихъ унтеръ-офицеръ.

— Мы сами знаемъ... Углядимъ...

— Ежели что — не стрѣлай... Пошли товарища назадъ —

дать знать... Потому людямъ покой требуется... Тихо чтобы... Тихо, но зорко... Полнымъ зракомъ, слышишь!..

— Слышу...

— То-то...

Обойдя ряды, унтеръ возвращается къ кострамъ.

Гдѣ-то фыркають кони... Слышится мѣрное пожевываніе: только что подвалили имъ сѣна... Вонъ одна лошадь вся на яркомъ фонѣ костра точно вырѣзанная изъ чернаго картона... Опустила голову отъ усталости, да и замѣла такъ, не шелхнется... На огнѣ уже булькають котелки съ разведеннымъ снѣгомъ... Кипятятъ себѣ чай солдаты. Сухари съ собою — весь и ужинъ тутъ.

Одынцевъ завалился къ первому попавшемуся костру...

Безсознательно смотритъ въ огонь...

Въ красныхъ угольяхъ его, по которымъ бѣгутъ какія-то серебряныя струи, скользятъ золотыя змѣи, точно раскрываются и, въ свою очередь, мелькомъ взглядываютъ на молодого офицера чьи-то распалившіяся, огненные очи. Черные клубы дыма съ мириадами звѣздъ стремятся кверху... Точно какая-то суетливая, снѣжная перестрѣлка — трещать дрова, разгораясь все ярче и ярче...

Отведеть онъ глаза отъ огня — въ вышинѣ ясный мѣсяцъ застоялся среди освѣтлѣвшей вдругъ лазури. Звѣзды — не сѣверныя холодныя, льдистыя, а крупныя, страстныя звѣзды далекаго юга участливо смотрятъ прямо въ душу усталому юношѣ.

Кругомъ тѣнятся такія-же серебряныя вершины... Одна за другою...

Глаза Одынцева невольно слипаются, но — странное дѣло — онъ все-таки видитъ какіе-то безчисленные огни передъ собою.

Сотни огней бѣгутъ вверхъ, рассыпаются внизъ... Передъ яркими въ золотыхъ ризахъ иконами звѣздятся, играютъ въ каждомъ чеканенномъ узорѣ этихъ ризъ... Въ этомъ перебѣ-

гающемъ, колеблющемся сіяніи то выступаютъ, то снова пропадають, суровые, безучастные лики святыхъ...

Съ сухими губами, съ безжизненными глазами.

Слышится пѣніе какое-то; дымъ невидимыхъ кадилъ клубится въ высоту, подъ этотъ голубой, украшенный яркими звѣздами, куполь...

Тепло и хорошо становится Одынцеву... Тепло, точно онъ въ самомъ дѣлѣ не здѣсь, на этой дикой высотѣ, а въ людномъ храмѣ.

Еще-бы тепло не было...

— Молоденекъ офицеръ-то! — шепчутся солдаты.

— Совсѣмъ мальчишечко.

— Жаль...

— Давако-сь укроемъ его... Холодно ему, должно быть...

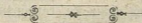
У меня попонка запасена...

Укрыли его... Сами себя обдѣлили...

Сладко спится усталому!.. И слава Богу... Что еще ждетъ его завтра?..

Да и всѣхъ этихъ усталыхъ и измученныхъ людей?..

А рождественская ночь медленно плыветъ надъ отрядомъ въ дыму безчисленныхъ костровъ, влача за собою яркій шлейфъ голубаго платя, сверкающаго мириадами звѣздъ небесныхъ...

Глава X.

Отрядъ проснулся.

ловно въ самомъ полымѣ раскаленное серебро—горять подь яркимъ солнцемъ вершины горъ... Всюду внизу — синія тѣни ущелій... Сѣрый туманъ заполонилъ долины и тихо клубится, ожидая, когда солнце и въ эти пади пошлетъ за нимъ свои ослѣпительные лучи... Голыя буковыя деревья, березы, грабы и дубы — точно насквозь проникнуты трепетомъ жизни... Кажется, что подь этими алыми тонами зари, подь корою ихъ бѣжитъ горячая кровь, окрашивая багрянцемъ нѣжные концы сучьевъ и распускаясь въ снѣговыхъ, обвисшихъ на нихъ глыбахъ... Розовые тоны легли и на снѣгъ крутыхъ откосовъ, будго и сквозь эти холодныя массы по миллионамъ невидимыхъ сосудовъ разбѣгается алая кровь... Все блещетъ, все горитъ, все искрится... Вонъ гордый силуэтъ Куруджи — онъ поднялся недосыгаемою стѣною на югъ... И онъ весь охваченъ трепетомъ утренняго свѣта, и слезавшіеся на его вершинѣ льды чуются подь солнцемъ ярко пылающею гривомъ надъ шеломомъ сказочнаго исполина...

Глухо рокочуть барабаны...

Грануль одинъ — и не успѣла дробь его всколыхать застоявшійся воздухъ, какъ гдѣ-то въ сторонѣ откликнулся ему другой... Вонъ подхватилъ третій... Скоро вся окрестность была полна этими глухими зловѣщими звуками...

Звуками, въ которыхъ слышится что-то непримиримое, кровавадное, отъ чего гложетъ въ душѣ состраданіе, замираетъ жалость и, взамѣвъ, растетъ злобное чувство мести, безотчетный и безпредметный гнѣвъ, которому даже не надо виновнаго, чтобы найти жертву...

Говоръ барабановъ растетъ и растетъ...

Изъ какого-то ущелья внизу — отозвались другіе такіе же... Дробь перебросилась далеко въ долины, и изъ долинъ вверхъ, вмѣстѣ съ всколыхнувшимся туманомъ, стали подыматься глухіе отклики барабановъ...

Барабанщикъ, начавшій эту тревогу, давно уже окончилъ, засунувъ палки за бортъ и крестится на солнце... А внизу — отклики все расплываются шире и шире...

Подъ нихъ — подымаются солдаты... Заспанные, едва успѣвшіе отойти послѣ вчерашней истомы. Потягиваются, перевязываютъ башлыки, разгребаютъ золу, оставшуюся отъ костровъ — нѣтъ-ли горячихъ угольевъ, чтобы вскипятить снѣгъ въ котелкахъ...

Одынцевъ тоже открылъ глаза.

Гдѣ онъ былъ ночью... Смутно помнится что-то яркое, яркое...

Онъ просыпался, смотрѣлъ въ костеръ, уже потухавшій, подергивавшійся сѣрою золою, изъ подъ которой мигали красные глаза огня... Словно птица, что закрылась сѣрымъ крыломъ... Одынцевъ засыпалъ опять, чтобы въ тяжеломъ, прерываемомъ какими-то чудовищными призраками, снѣ переноситься далеко, далеко, въ хорошее прошлое, въ яркія теплыя залы, величавые храмы...

— Съ праздникомъ, ребята!.. — обходить ряды солдатъ Пельмевъ...

Сквозь рокоть еще неугомонившихся внизу барабановъ слышутся отзвывы солдатъ...

— Вотъ гдѣ, братцы, Рождество Христово встрѣтили!.. На какой высотѣ.

— Чего выше, вашбродь!

— Будеть о чемъ поразсказать, орлы!..

Орлы смокшіе и продрогшіе скорѣе напоминали въ эту минуту жалкихъ курицъ. Одинъ солдатъ даже уемѣхнулся... Все это понурое оживлялось на моменты, чтобы потомъ на цѣлые часы погрузиться въ какое-то оцѣпенѣніе...

Казаки въ сторонѣ выючили лошадей...

Слышалось хрустѣніе сѣна... Гдѣ-то въ сторонѣ трещали сучья. Солдаты цѣлыми охапками набирали ихъ.

— Куда это? — спрашиваетъ Одынецъ.

— Да вѣдь это орѣшникъ, вашбродь!

— Ну?

— Очень способно горить. Лучше чего не надо.

— Поставили тебя на заднія лапы и стой!.. — муштруетъ кого-то унтеръ... — А коли на четверенькахъ будешь — одно тебѣ имя — свинья!.. Чего ты еще тутъ проклажаешься. Ишь, весь отрядъ что куры съ солнцемъ поднялся... А ты?.. Баба и есть.

Вонъ казаки уже въ сѣдлахъ...

Тихо послышалась команда сотника — верховые вытянулись длинной линіей и двинулись внизъ на противоположный скатъ Вѣтрополя... Одинъ за другимъ подымутся вверхъ, обрисуются на серебряномъ фонѣ слѣдующей горы и словно свертываются внизъ, въ лощину, черезъ которую нужно перебраться до Куруджи...

ГЛАВА ХІ.

СЪ ВЫСОТЫ.

на Куруджу эту и взглянуть странно...

Въ высь ушла такую, что голова кружится... Вся ея масса точно давить окрестныя горы, что словно дѣти во-кругъ отца столпились отовсюду, подымая подъ яркое солнце свои лѣсистыя откосы, голыя вершины, взрѣзанныя скалами хребты...

— Совсѣмъ море! — замѣчаетъ Одынцевъ, любуясь на эту панораму.

— Гдѣ море?

— А вотъ эти горы... Знаете, когда волны расходятся послѣ бури...

— Экъ у васъ душа-то... все вы о моряхъ... Мнѣ вода-то надоѣла... Коньячку-бы хватить чудесно... Вы, вѣрно, стихи пишете?..

— Почему вы это думаете? — улыбнулся юноша.

— Видно... Я тоже писалъ, только вознагражденіе скудное получалъ за нихъ.

— Какое-же это?

— Въ корпусѣ-съ... Меня за стихи драли, потому что я больше начальству въ пику... Вотъ Верховцевъ съ нами — видѣли вы его?

— Въ авангардѣ, съ казаками уѣхалъ который?

— Ну, вотъ.. Корреспондентъ. Такъ онъ тоже стихи писать... Ну, ему это и подобаешь, а офицеру — нельзя!.. Коньякъ офицеру можно, только нѣтъ его — весь, подлецы, выпили вчера, а стиховъ нельзя.. И гора же!.. — махнулъ онъ рукою по направленію къ Куруджѣ.

— А что?

— Вотъ увидите, какъ подыматься будемъ... Тутъ уже на виду у турокъ.

— Сухарей, вашбродь, не угодно-ли — подошелъ къ нимъ добродушный курносый солдатикъ.

Какихъ сухарей?..

— А вотъ, я ихъ въ кипяткѣ распарилъ... Чудесно!.. Горячая тюрка теперь... Какіе черви были — выбилъ ихъ.

— Нѣтъ, спасибо, братъ. Кушай самъ!..

— Господа офицеры! — слышался впереди громкій голосъ, — повѣрьте, заряжены-ли ружья у солдатъ, и постройте ихъ по роту...

Послышалась команда. Подъ тысячами ногъ закрипѣлъ уже облежавшійся снѣгъ... Скоро на вершинѣ Вѣтрополя стало тихо, совсѣмъ тихо... солдаты стояли рядами... Въ промежуткахъ, между баталіонами, поблескивала яркая мѣдь горныхъ орудій.

— Ну, ребята! — слышится впереди... — Сегодня рѣшительный день... Сегодня мы должны спуститься внизъ, въ долины... Оставить Балканы за собою... Слышите?..

— Рады стараться... — гудятъ сѣрые ряды.

— Отступленія не будетъ... Поняли...

— Поняли!..

— Назадъ нѣтъ пути совсѣмъ... Значитъ или умремъ, или побѣдимъ!..

И полковникъ воинственно закрутилъ усы къ верху.

— Мы помирать всегда согласны!..— слышенъ говоръ движущейся массы...

— Что-жь не помирать?.. Всѣ помремъ!— уныло отзываются другіе...

— Хорошо я ихъ подбодрилъ? — оборачивается полковникъ къ адъютанту-нѣмчику.

— Отлично... Только... Слѣдовало-бы побольше... О Суворовѣ сказать, какъ онъ переходилъ гору... Какъ ее...

— Чимборазо!— подсказалъ Пелымевъ.

— Ну, вотъ, вы всегда такъ! вспыхнулъ нѣмчикъ.

— Однако, вы рано позабыли книжки...— вспыхнулъ полковникъ, оглядывая адъютанта.

— А что?

— Суворовъ переходилъ Монъ-Бланъ! Я самъ ѣздилъ когда въ Швейцарію—такъ посѣщалъ ее...

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю!— проворчалъ Пелымевъ, отходя въ сторону.

— Чего вы смѣтаетесь?— обратился къ нему Одынцевъ.

— До вонъ нѣмчикъ нашъ съ командиромъ ученый споръ затѣяли...

— О чемъ это?

— Да о томъ—какую гору Суворовъ перешелъ. Нѣмчикъ утверждаетъ, что Чимборазо, а полковникъ въ Монъ-Бланъ уперся...

Кругомъ расхохотались.

Дорога отсюда оказалась разработанной отлично, но только первая три версты...

Солдаты подбадривались... Позади гремѣла мѣдь орудій, спускавшихся въ лощину черезъ гребень кратера... Бѣлая масса Куруджи надвигалась все ближе и ближе...

— Вонъ она, вонъ она, братцы!..

Солдаты заглядывались на-лѣво...

— Ишь, гдѣ онъ сидитъ... Гололобий...

На-лѣво, ясно какъ на ладони, видна Лысая гора, занятая турками... Вся она перечерчена черными зигзагами траншей и ложементами... Вонъ на верху какая-то грязная масса... Редутъ, должно быть...

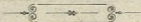
— Землянокъ-то, землянокъ у него сколько...

— Закопался... Не любить этого, чтобы на виду...

— Не по нашему...

Землянки совсѣмъ заполнили скагъ, обращенный къ Куруджѣ.

Пелымевъ взялся за бинокль... Ему теперь видны черныя колонны турецкихъ таборовъ, сползающія внизъ... Куда это? Вѣрно намъ на встрѣчу?.. *)

*) Вотъ какъ эта мѣстность занесена была въ мой дневникъ: въ бинокль уже видно движеніе массъ оттуда. Они, очевидно, только теперь почували наше движеніе. Говорятъ, что уже пустили семь гранатъ по передовой нашей колоннѣ, если не громить насъ теперь, то потому, вѣрно, что пушки обращены въ другую сторону и перевезти ихъ сюда не успѣли... Бѣлый зигзагъ траншей засыпанной снѣгомъ. Онъ отъ землянокъ идетъ къ вершинѣ, гдѣ, окруженная четырьмя кругами ложементовъ, стоитъ грозная профиль большаго редута и черныя брустверы батарей съ отверстіями амбразуръ, сверкающихъ какъ остріе ножа. Нѣсколько ниже Лысой горы вершина съ укрѣпленнымъ лагеремъ турокъ. Близко, близко подходитъ нашъ путь... Сейчасъ мы сойдемъ на Куруджу и направимся по тропѣ, которая вся подъ турецкими выстрѣлами, вся открыта, громи ее сколько хочешь.

ГЛАВА XII.

Въ снѣговую бездну.

Гь Вѣтрополя къ Куруджѣ тянется узкая сѣдловина.

Направо и налево крупные обрывы... Невольно за-
сматриваешься отсюда на дивную картину южныхъ долинъ.

Далеко, далеко, на самомъ горизонтѣ, синѣются красивые
силуэты Малыхъ Балканъ. Между ними и этими вершинами,
на которыя взбирается теперь русскій отрядъ — цѣлое море
свѣта... Свѣтъ зыблется, разливается яркими слѣпящими глаза
волнами... Вся поверхность засыпанной снѣгомъ долины го-
ритъ подъ этимъ яркимъ солнцемъ. Ни одного очертанія не
различишь на ней... Ни темнаго пятна деревни, опушенной
безлиственными садами, ни опаловаго зигзага затянутой льдомъ
рѣченки, ни мягкой округлости отбросившаго, словно тѣнь,
холма... Все сливается, все словно тонетъ въ этомъ зыблю-
щемся морѣ свѣта... Крутыми уступами, отвѣсами обрушива-
ются въ это море окрестныя горы... Суровыми, грузными мы-
сами входятъ въ него ихъ оцетинившіеся лѣсами холмы...
Вонъ одинъ далеко врѣзался и весь перешелъ въ послѣднюю
громадную скалу... Внизу и эти скалы, и эти хребты, и эти

горы теряют рѣзкость красокъ и очертаній. Подножія ихъ сливаются съ этимъ моремъ свѣта... Краски всё сгустились къ верху, къ вершинамъ, рѣзкіе контуры которыхъ точно плаваютъ среди серебряныхъ волнъ.

Налѣво — гроздятся горы... Тамъ засѣли турки, оттуда сейчасъ откроютъ они огонь по нашему отряду...

Солдаты тревожно оглядываются туда, проходя по сѣдловинѣ...

Вотъ изъ чернаго зигзага траншеи словно выползли на бѣлую снѣговую поляну муравьи... Муравьевъ этихъ все больше и больше... Вонъ они густятся въ сплошныя массы... Массы эти принимаютъ правильныя очертанія... Сложились въ четырехугольники... Четырехугольники двинулись внизъ... Точно коверъ черный сползаетъ сверху въ лощину...

— На помощь своимъ идти...

— Либо противъ насъ...

— Сейчасъ начнется...

Съ болью бьются сердца въ измученныхъ изморенныхъ грудяхъ... Съ тоскою оглядываютъ солдаты ту сторону...

— Ишь гололобые!.. И имъ поне не сладко... Тоже замутились, поди, сидѣвши тутъ.

За однимъ четырехугольникомъ ползетъ другой... третій...

Вонъ одинъ, добравшійся до полугоры, остановился... Разбился на кучки... Кучки рассыпались на одиночныхъ солдатъ... Эти цѣпью окаймили всю гору... Гдѣ-то далеко, далеко еще затрещала перестрѣлка... Горныя ущелья подхватили ее.

Солдаты крестятся, прибавляя шагу.

— Началось! — шепчутъ въ рядахъ.

Трескотня растетъ и близится... Бѣлые дымки показались около этихъ, что рассыпались по турецкой горѣ... На встрѣчу нашимъ защелкали оттуда выстрѣлы...

Солдаты совсѣмъ помутнѣли...

Дѣло привычное, но сегодня послѣ всего этого измора — тяжело...

Они торопятся поскорѣе оставить за собою сѣдловину... Ближайшіе къ Куруджѣ—добѣгаютъ туда... Изъ-зади напираютъ ихъ, замедлившихъ по серединѣ пути...

Пули посвистываютъ около...

Ввезли орудія... Мѣдь горныхъ пушекъ ярко заблестала на солнцѣ...

— Ишь какъ она умылась! — гладитъ пушченку молодой артиллерійскій солдатикъ и тотчасъ-же шарахается въ сторону. Шальная пуля ударила въ орудіе... Мѣдь зазвенѣла, точно отозвалась на дружескій привѣтъ.

Вонъ на бѣлой снѣговой поверхности долины видно маневрированіе другихъ отрядовъ...

Тамъ тоже ждутъ, тамъ тоже готовы къ приему...

Впереди, гдѣ разрабатывается дорога — дѣло совсѣмъ разгорѣлось... Казанцамъ и саперамъ приходится подъ огнемъ расчищать снѣгъ, приготовляя для отряда узенькую нить горнаго пути... Тутъ люди уже падаютъ... Въ звонѣ лопать, въ говорѣ работающаго отряда слышатся стоны раненыхъ... Ихъ и оттащить-то некуда... До вечера пролежать тутъ они...

— Назадъ-бы, на перевязочный пунктъ.

— Противъ шерсти?

— Невозможно...

— Значить, такъ помирать!..

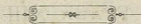
Дѣйствительно „противъ шерсти“, то-есть на встрѣчу сбившимся на узкій путь солдатамъ отряда трудно протащить раненыхъ. Они только-бы остановили движеніе другихъ... Имъ, поневолѣ, пока пожертвовать.

Нѣсколько человѣкъ такихъ уже бьются въ снѣгу... Одинъ, раненный въ голову, какъ-то странно жмурится: точно какой-то яркій свѣтъ бьетъ ему прямо въ глаза... Другой къ самому лицу подноситъ растопыренные пальцы руки, внимательно оглядываетъ ихъ, точно на нихъ что-нибудь написано и опускаетъ опять, чтобы сейчасъ же поднять ихъ снова къ самому носу... Третій бьется и стонетъ... Этому пуля въ животъ уго-

дила... Въ сторонѣ—совсѣмъ уже неподвижные... Этихъ прикрыли шинелями... Только носки сапогъ торчмя видны изъ-подъ нихъ, да верхушки острыхъ башлыковъ изъ-подъ шинели выглядываютъ...

— Кого это угодило?.. — шепотомъ спрашиваютъ вновь прибывающіе солдаты.

— Проходи, проходи — не задерживай... А то и самого рядомъ уложить.

ГЛАВА XIII.

Удача Пелымева.

Сѣдловина уже осталась позади.

Отрядъ всползаетъ на Куруджу, которая здѣсь рушится почти отвѣсно въ глубокую пропасть. На днѣ ее курится бѣлый паръ... По отвѣсу змѣится тропинка — по ней надо идти гуськомъ... Двое въ рядъ не помѣстятся—въ затылокъ одинъ другому идутъ...

Внизу крутизна, гдѣ никто не удержится, вверхъ—такой же отвѣсъ...

На немъ ни утеса, ни прутика... На низу тоже голо... Если нога соскользнетъ внизъ—ухватиться не за что!

„Вчера здѣсь еще ничего не было!“

Тутъ могла-бы пролетѣть только птица... Необычайный путь былъ протоптанъ необычайнымъ способомъ. Оставивъ лошадей на сѣдловинѣ, казаки ночью легли одинъ за однимъ въ снѣгъ на бокъ и давай продвигаться лежа по крутому откосу въ снѣгу до болѣе отлогого мѣста... Помогая себѣ руками, такимъ образомъ проползла вся сотня—версты три, съ неимовѣрными усиліями... Назадъ казаки вернулись уже на

ногахъ, утапывая снѣгъ. Потомъ по свѣжей тропинкѣ провели коней, а днемъ по ней же прошелъ и весь отрядъ.

На первыхъ порахъ солдаты пошли довольно бодро...

Ноги увѣренно ступали по узкой тропѣ... Глаза смѣло смотрѣли впередъ...

Скоро, впрочемъ, пришлось испытать и инныя ощущенія... Пропасть тянуть къ себѣ начала... Говорятъ, такъ раскрытая пасть очковой змѣи тянетъ къ себѣ испуганную птичку...

Рѣшаешься не смотрѣть внизъ,—а, все-таки, чувствуешь, какъ голова кружится и глаза невольно опускаются въ эту жадно-раскрытую, чудовищную пасть бездны... Точно дѣлается, что-то подступаетъ къ горлу... Ноги дрожать... Съ меньшею увѣренностью ступаютъ внизъ... Остановиться, очнуться—нельзя... Задержишь цѣлый отрядъ... А тутъ еще ведешь за собою лошадь, которая неистово дергаетъ головой...

Вонъ одинъ солдатикъ прислонился къ откосу вверхъ и зажмурился...

— Иди, иди!—подталкиваютъ его изъ-зади...

— Ступай... Не задерживай... Чего ты!..

А тотъ бѣлѣе снѣга... Видимое дѣло—замерь...

— Моченъки моей нѣтъ... Кружить всего...—объясняетъ онъ напирющимъ на него изъ-зади.

— Ладно... Не задерживай...

Собрался съ силами и опять сталъ пробираться впередъ...

Одинцевъ идетъ за Пелымевымъ по этому пути...

Турки почему-то замолкли, но не надолго...

Не успѣла голова змѣи, въ которую вытанулся отрядъ, показаться на половинѣ этой тропинки, какъ на вершинѣ Лысой горы всклубился дымокъ. Бѣлое облако вскинулось и засверкала подъ солнцемъ... Послышался грохотъ пушечнаго выстрѣла—и первая граната разорвалась, ударившись въ высотѣ объ откосъ Куруджи...

— Ишь снѣгу-то что взрыла!..

И солдаты, осыпанные имъ, стали отряхиваться...

Другая разорвалась гдѣ-то, въ этой злобѣщей снѣговой безднѣ...

Послушайте, юноша!—оборачивается Пелымевъ къ Одынцеву.

— Что?

— Считаете вы меня трусомъ или нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Я въ восьми бояхъ былъ уже раненъ... А теперь чувствую что-то необычайное совсѣмъ...

Голосъ Пелымева звучитъ какъ-то странно...

Одынцевъ вглядывается ему въ лицо—Пелымевъ блѣденъ, какъ смерть.

— Что съ вами?

— Теперь, на этотъ разъ, я трушу... Совсѣмъ трушу...

— Да, гранаты разрываетъ то вверху, то внизу...

— Идите вы съ гранатами! Нашли чѣмъ пугать... Я не о томъ... Высота эта... Не могу...

— Немного осталось теперь...

— Вы знаете, я и въ деревнѣ когда былъ... На колокольню, бывало, влѣзешь—голова кругомъ идетъ... Не могу... Совсѣмъ не могу.

Голосъ Пелымева дрожитъ и прерывается...

— Смерть моя.

Одынцевъ чувствуетъ, что и его начинаетъ тянуть къ себѣ бездна...

Ноги точно отяжелѣли... Медленно ступаютъ, волочатся... Какъ-то весь осѣдаетъ внизъ.

Вонъ Пелымевъ зашатался... Посинѣлъ весь... Бокомъ привалился къ откосу и замеръ...

Одынцевъ смотритъ на него — Пелымевъ зажмурился совсѣмъ...

— Не могу... Смерть моя...

— Не задерживай... Не задерживай! — орутъ изъ-зади. — Орудію задерживаешь...

На ручныхъ санкахъ везуть горное орудіе!.. Оно остано-
вилось...

Пелымевъ схватывается за голову, дѣлаетъ еще нѣсколько
шаговъ и вдругъ...

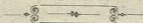
— Одынцевъ слышалъ отчаянный крикъ...

Какая-то черная фигура, нелѣпо размахнувъ руками, точно
сорвалась внизъ... Перевернулась въ воздухъ... Еще крикъ
раздался снизу...

Одынцевъ смотритъ—Пелымева нѣтъ передъ нимъ...

Нѣтъ его и внизу... Оттуда, какъ и за минуту курится
только бѣлый паръ... Бездна проглотила первую жертву...

XIV ГЛАВА

ГЛАВА XIV.

ВНИЗЪ.

оймоновъ вмѣстѣ съ небольшою кучкою солдатъ уже оставилъ за собою эту проклятую тропинку.

— Держись!..—орутъ издали повеселѣвшіе солдаты...

Опасность миновала—послышались шутки и смѣхъ.

— Держись!..

— Держалась кобыла за оглобли—да упала!..

— Держалась авоська за небоську—да оба въ яму!..

— Оно и правильно... Потому авось небосью родной брать.

— Ну и походъ мы ломаемъ!—обернулся Соймоновъ къ нагнавшему его офицеру.

— А что?

— Да ужъ очень рискованно!..

— Оно и замѣтно, что вы нашей солдатской пословицы не знаете: удача нахрапъ любить, а жеребій—Божій судъ...

— Не всегда только далеко уѣдешь съ этимъ!..

— Вы послушайте нашего полковника... Какимъ онъ орломъ!.. Слышали—рѣчи какія говорить...

— Слышаль... А знаете, какъ одинъ солдатикъ объ

этихъ рѣчахъ отозвался: сладки говорить рѣчи—да не лизать ихъ!

Офицеръ засмѣялся...

Соймоновъ слѣшилъ, точно ему хотѣлось обогнать самый отрядъ.

Теперь уже было гораздо легче двигаться впередъ...

Точно сахарная голова торчитъ передъ нимъ пикъ, весь осыпанный снѣгомъ...

Онъ гораздо выше Куруджи оказывается... Займи его вершину турки—намъ-бы не пройти мимо. Всѣхъ-бы сверху перестрѣлять могли... Соймоновъ, впрочемъ, и то остановился: на самомъ взлетѣ этого конуса чернѣется кучка людей. Докторъ опасливо поглядываетъ на нихъ...

— Кто это?—оборачивается онъ къ солдатамъ.

— Наши!.. Булгары заняли зараничи, чтобы туркамъ повадки не дать... И саперы тоже.

Туда и взобраться невозможно.

— Оно точно, что невозможно; только ежели прикажутъ такъ взберемся...

Сойти оттуда было за то гораздо удобнѣе. Соймоновъ видѣлъ, какъ нѣсколько солдатъ спустилось съ крутизны этого спуска. Сѣли на лопату каждый какъ на сани, и, держась за ручку, какъ за руль, съѣхали подъ общій хохотъ остальныхъ... Отсюда можно уже было отличить долину Казанлыка... Вся она была какъ на ладони... Солнце поднялось—она уже не утопала въ бѣломъ туманѣ...

Долина розъ... Коли Богъ поможетъ, завтра тамъ будемъ!—засмотрѣлся туда офицеръ...—Я уже второй разъ... Съ Гуркой былъ...

— Вы... Значить, вы можете отличать все на ней?..

— Еще-бы... Вонъ въ лѣсъ спряталось, точно въ тучу завернулось Шейново, а вонъ къ самымъ горамъ справа прижалось,—видите-ли! Это турецкое село, богатое и красивое Имитли... Вонъ чуть мерещится Хаскойой...

— А Казанлыкъ-то, Казанлыкъ гдѣ?... —

— По южнѣе; видите, точно сѣрый туманъ легъ на снѣга этой долины: тамъ и городъ...

Соймоновъ пристально всматривался... Точно ему хотѣлось различить—на зло разстоянію—и дома этого далекаго еще города, и улицы... Не мелькаетъ ли гдѣ-нибудь милое личико любимой дѣвушки... Но, увы, туманъ оставался туманомъ и только опаловый зигзагъ рѣки чуть-чуть намѣчивался въ этой сѣрой, однообразной массѣ.

— Да развѣ въ самомъ дѣлѣ туманъ тамъ? —

— Нѣтъ, это городъ сливается...

— Съ вами бинокль есть?

— Не хотите-ли?

Соймоновъ сѣлъ на обрывъ и засмотрѣлся сюда.

Сѣрыя изъ сѣраго марева точно выдвинулись очертанія... Смутныя... Нужно было нѣкоторое усиліе воображенія, чтобы отыскать въ нихъ сходство съ домами... Ближе, синее тѣнью разстилались городскіе сады... Изъ сѣрой однообразной массы болѣе отчетливо вырѣзывались мечети... Два три минарета то мелькнутъ, то спрячутся подъ стекломъ бинокля...

„Что-то тамъ творится теперь“?... — думалось Соймонову. А вонъ малые Балканы... Точно, воображаю, бѣгутъ туда теперь турки...

„Лишь-бы она не ушла, лишь-бы она осталась“... И Соймоновъ всматривается въ смутную бѣлую полосу, отдѣляющую Балканы отъ Казанлыка...

— Нѣтъ, ничего не разберешь!

— Далеко еще, потому... Памятна мнѣ эта мѣстность... Вы знаете, тогда лѣтомъ мы заняли ее... Еще съ Балканъ спускались, такъ насъ обносило запахомъ розъ... Весь воздухъ былъ напоенъ этимъ ароматомъ... Уголкомъ рая казалась эта долина... Ничто не напоминало войны. Сады въ цвѣту, розовыя плантаціи дали обильный урожай... Болгары и болгарки въ яркихъ костюмахъ, съ зелеными вѣтвями въ рукахъ,

шли намъ на встрѣчу... Самая необузданная радость парила въ Казанлыкѣ... Насъ буквально засыпали цвѣтами... И такъ вплоть до Эски-Загры... За то потомъ... когда мы отступали... Знаете, даже вспомнить тяжело, — такъ все это было ужасно, невыносимо ужасно!.. Кровь заливала все кругомъ... Э, да что говорить... Кажется умирать стану — не забуду... Иной разъ и теперь во снѣ мерещится эта картина!

Въ веретѣ отсюда — торчалъ другой островерхій пикъ... На его маковкѣ стояли несомнѣнно турки. Не успѣли наши показаться на пути, какъ оттуда грянули залпы... Пули зашвистали въ воздухъ... Одинъ солдатъ рухнулъ у самыхъ ногъ Соймонова... Когда докторъ наклонился къ нему — оказалось, что несчастному попало въ глазъ... Онъ бился въ послѣднихъ усилiяхъ угасающей жизни...

— Началось, — обернулся Соймоновъ къ офицеру, но тотъ тоже какъ-то странно двигался по снѣгу, точно стараясь врыться въ него плечомъ...

— Что съ вами?

— Плечо!.. Вотъ...

— Дайте взглянуть...

— Нѣтъ, уходите лучше, тутъ никому не будетъ пощады...

Мѣсто открытое...

Соймоновъ помогъ ему встать.

— Ну, что, докторъ?

— Пустяки!... Идти можете еще?

— Да...

— Ну, такъ назадъ отправляйтесь... Туда, за эту скалу вонъ... Я тамъ устрою перевязочный пунктъ...

„Пустяки!“ — думалось Соймонову. — „Хороши пустяки — когда ключица перебита!...“

Солдаты сбились и ни съ мѣста... Точно испуганное стадо... Не надолго только... Впереди послышалось „ура!...“

— Наши пошли, наши!..

— На нихъ, братцы, ударили...

Видимое дѣло, съ другой стороны бросились на турокъ... Слышны крики, выстрѣлы— а людей не видать...

— Господи, какъ это они по кручѣ таковой!... Страсти!...

— Разгорись — не примѣтишь!... Только какъ сверху внизъ посмотришь, такъ подивисься... Случалось!...

Вонъ турки сползаютъ внизъ... Бѣгутъ, совсѣмъ бѣгутъ... Одна кучка осталась... Озвѣрѣли, должно быть— на смерть рѣшились... Она посылаетъ залпы на встрѣчу нашимъ... Наши идутъ безъ отвѣта выстрѣлами на выстрѣлы.

— Урой возьмутъ!—соображаютъ солдаты.—Штыкомъ его донять надо!...

Отсюда внизъ пошли спуски головокружительной крутизны... Тутъ уже нельзя было останавливаться... Не сходили, а скатывались и съѣзжали... И чѣмъ дальше, тѣмъ отвѣсы становились все невозможнѣе... Страшно было смотрѣть внизъ; Соймоновъ шель, шель, сползаль, сползаль и, вмѣстѣ съ другими, наконецъ, сталъ надъ отвѣсомъ сажени въ полторы высоты.

— Какъ тутъ быть?

— Не прыгнешь.

— Муха, та перелетитъ... А человѣку невозможно...

— Ужъ Балканъ, одно слово...

— Рази ахнуть?...

— Ноги переломаешь... Ишь внизу голина одна, каменья...

Надъ самымъ обрывомъ росли деревья... Сучья ихъ далеко выдавались впередъ...

Одинъ солдатикъ думаль, думаль—схватился за вѣтвь потолще—да и перекинулся.

— Ай да Остаповъ... Ну, что не расшибся?

— Не, братцы, чудесно!..

— Ну-ко-ся и мы!

— И давай одинъ за другимъ скидываться... Не всѣмъ, впрочемъ, обошлось благополучно — другіе расшибались...

Вѣтви обламывались и, точно мѣшки, солдаты падали внизъ о камень...

— Не пухъ, а мягко садится!—подшучивали надъ ними остальные.

— Дожили, ножки съѣжили!

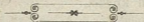
— Доведется-жь и вѣту съ печи соскочить!..

Одинъ рухнулъ на бокъ и застоналъ...

— Гдѣ скокомъ, а гдѣ и бокомъ!—подхватили остальные...

Во время этихъ салто моргалэ котелки звенѣли, ружья грохотали о камень, сбрасываемые сверху...

Гдѣ и камня не было—все равно разбивались. Вѣтромъ свѣяло весь снѣгъ и внизу были голыя ледяныя вытайны... И отдохнуть-то на нихъ не приходилось... Вытайны шли тоже круто внизъ, нужно было сейчасъ-же сползать туда...

ГЛАВА XV.

Долина огня.

Спуски круче и круче...

Наверху бросали пока вьюки, оставляли коней... Вся эта масса измученного и изморенного отряда оживилась разомъ, когда впереди показалось смутное марево долины, на которой завтра будетъ послѣдній бой...

Оттуда вѣяло тепломъ... Казалось, холодъ, лишенія, усталъ — все это будетъ оставлено на сѣверномъ склонѣ Балканъ...

Не успѣла голова обходной колонны спуститься въ ущелье, которое выводило въ долину Казанлыка, какъ налѣво послышалась трескотня... Сначала беспорядочная, неувѣренная.

— Турки заняли восточную сторону ущелья!...

— Не можетъ быть.

— Они теперь могутъ здорово намъ напакостить... Перебьютъ не мало народу.

— Нужно ихъ сначала оттѣснить?...

— Какъ-же оттѣснить?... Ишь въ какой трущобѣ за-сѣли...

Въ то самое время, какъ по отряду смутно разлива-

лось сознание близкой опасности и солдаты первые прислушались къ хаотическимъ звукамъ выстрѣловъ, гремѣвшихъ имъ на встрѣчу, маленькая кучка солдатъ съ офицерами уже двинулась на встрѣчу къ туркамъ... вмѣстѣ съ другими, тутъ былъ Одынцевъ...

Это первый бой, въ которомъ молодой офицеръ долженъ былъ принять участіе.

Сердце его билось въ груди сильнѣе, чѣмъ обыкновенно; духъ захватывало... Ему было жутко, очень жутко; но въ то-же время, и весело...

Наконецъ то — именно то, ради чего онъ сюда пріѣхалъ — должно было начаться сейчасъ-же, сію-же минуту...

Въ это самое время внизу, въ долину розъ — ужъ начиналось сильное движеніе.

Изъ разныхъ селъ выступали таборы расположенныхъ тамъ турецкихъ войскъ, они стягивались или къ Шейнову или Казанлыку. Часть этихъ таборовъ направилась туда, гдѣ засѣли турки, выжидая на себя маленькій отрядъ... Неприятель, очевидно, понялъ, откуда будетъ направлена на него главная сила атаки; съ Лысой горы сползали внизъ къ Шейновскимъ редутамъ тысячи солдатъ...

— Ну что, Одынцевъ?... — обернулся къ нему старый офицеръ, который вмѣстѣ шолъ въ небольшомъ отрядѣ.

— Чудесно!...

— А вы подумали объ этихъ, вотъ?

— О комъ?

— Вотъ объ этихъ самыхъ, которые идутъ за нами... о солдатахъ.

— Что-же о нихъ думать? они службу свою исполняютъ.

— Хорошъ нечего сказать?.. Это у насъ съ вами есть и извѣстные принципы, и вѣра въ святость дѣла, за которое мы идемъ и отвага... Мы за это и кресты получаемъ... А вы какъ думаете — они знаютъ, за что идутъ теперь?... Какъ вы думаете, знаютъ они?

— Да мнѣ что-жь?... Вѣдь я за себя...

Пули стали посвистывать близко, близко...

Кровь приливала къ вискамъ.. Смутное что-то подымалось на душѣ. Одынцевъ зналъ, что скоро, — можетъ быть, даже не скоро, а сейчасъ, сію минуту — ему придется лечь здѣсь-же, вмѣстѣ съ этими солдатами, на сырую, словно насквозь промокшую землю, чтобы уже никогда не подыматься, не видѣть ни яркаго неба, ни этихъ горъ, ни этихъ лицъ, вдругъ почему-то ставшихъ для него дорогими и милыми... Теперь ему небыло людей ближе этихъ... И только въ эту минуту онъ сталъ всматриваться въ своихъ товарищей... Какой вовсе не воинственный видъ представляютъ они. Какъ всползли эти уродливыя шинели на шеи, какъ безобразно торчатъ сѣрые башлыки на головахъ; какія и лица-то у людей сѣрыя, неприглядныя, ничего, кромѣ утомленія и какой-то оторопи, не выражающія... Именно оторопь... Ни въ комъ нѣтъ возбужденія и страха не видно, а оторопь одна... Идутъ машинально впередъ... Ряды даже не разстраиваются... Впереди маленькая стрѣлковая дѣльня идетъ такъ-же; очевидно — и тамъ люди оторопѣли...

Скомандовали: „разсыпья!“ — теперь уже около Одынцева нѣтъ массы...

Одно звено около... Человѣка три...

Шаги становятся медленнѣе, осторожнѣе...

Вотъ одинъ какъ-то вскинулся, повернулся, изумленно взглянулъ прямо въ глаза Одынцеву и падаетъ внизъ, прямо на эту, точно отъ крови посырѣвшую и почернѣвшую, землю...

Тутъ уже снѣга было мало. Теплою вѣяло съ юга и земля обнажалась изъ-подъ своего зимняго покрыва.

— Ты что? — наклоняется къ упавшему Одынцевъ. Упавшій смотритъ на него все также изумленно, точно не узнаетъ его.

— Ты что?

— Я?

— Ты, именно...

Упавшій силится встать... Не можеть...

— Вбили!..—какъ-то тихо говорить онъ, безъ стона, безъ криковъ... — Вбили... Попало...

— Куда попало?

— Въ грудь ему, вашъ-бродь, вдарило... Въ грудь. Ишь дырочка махонькая...

Дѣйствительно, сквозь небольшую дырочку сочится кровь тонкою струйкою.

— Въ грудь... Точно...— хрипитъ лежащій.

— Нужно его отправить на перевязочный пунктъ — растерянно соображаетъ Одынцевъ...

— Ничего... Подберуть потомъ, — поясняетъ солдатъ около.

— Какъ потомъ? что за безсердечіе!

— Потому, вашъ-бродь, насъ мало... Его нести—двухъ надо...

И пошли себѣ впередъ...

Турки уже бьютъ въ упоръ... Такихъ, какъ этотъ упавшій, уже нѣсколько разстрѣляно по пути... Цѣпи мало по малу сближаются. Видимо передніе уменьшили шагъ, а бывшіе позади ихъ догнали...

Старый офицеръ, командовавшій отрядомъ, приостановился.

— Ну-ка, передохни, братцы!..

Снялъ кепи, перекрестился... Перекрестились и его солдаты... На мигъ по оторопѣлымъ лицамъ пробѣжало что-то серьезное, почти трогательное...

Такъ по спокойному зеркалу моря подъ легкимъ вѣтромъ пробѣжить зыбь и опять уляжется, не оставивъ по себѣ никакого слѣда на недвижномъ просторѣ...

— Ну, теперь, братцы, дружно... Барабанщикъ... Наступленіе!.. Ура!..

Ура подхватили кругомъ... Нервно, спѣшно, точно боясь,

что вотъ-вотъ барабанъ вырвать у него изъ рукъ, забить барабанщикъ... Солдаты уже бѣгутъ во всю... Одынцевъ чувствуетъ, что духъ у него захватываетъ, что сердце замираетъ въ груди—тоже бѣжить...

— Не трушу-ли я?... Не пугаюсь-ли?—проносится въ головѣ у Одынцева, и онъ еще прибавляетъ шагу.

— Прапорщикъ... Куда, куда вы?

Слышится ему изъ-зади... Онъ оглядывается и видитъ, что отрядъ отсталъ отъ него... Онъ почти одинъ... И вдругъ дѣйствительно холодное чувство страха проникло въ грудь ему... Всѣ эти пули несутся прямо на него... Каждая изъ нихъ—смерть. Ему стало какъ-то тяжело двинуться впередъ... Вонъ впереди мелькнула красная феска, другая, третья... Куда это онѣ?..

— Однако, вы слишкомъ торопитесь... Нельзя такъ,—убьютъ по пустякамъ...

И старикъ офицеръ перегоняетъ Одынцева...

Другіе тоже перегнали его.

Одынцевъ чувствуетъ, что онъ почти позади... Неужели это видятъ и другіе? Онъ собираетъ послѣднія силы—опять сравнивается съ остальными...

— Ну, боя не будетъ, — слышится рядомъ.

— Какъ не будетъ? — особенно оживленно спрашиваетъ онъ.

— Такъ... Ишь, турки рачками, рачками въ горы полѣзли...

— Черномазъ, не любить...

— Въ спины имъ братцы!...

Наши уже вскочили въ турецкую траншею — она всѣмъ была оставлена своими защитниками...

Теперь пришла очередь турокъ.

По мѣрѣ того, какъ они вползали въ горы, — наши ихъ били на выборъ.

Нѣсколько осталось на скатахъ...

— Отправьтесь къ генералу и доложите, что турки отсюда выбиты!..—обратился старый офицеръ къ Одынцеву.

— Я-бы хотѣлъ съ вами...

— Вы здѣсь уже не нужны... Не беспокойтесь, подраться еще успѣете... Завтра или послѣ-завтра — большой бой будетъ...

Кое какъ удалось спуститься Одынцеву.

Стемнѣло.

Внизу блистали массы огней... Скаты горъ тоже были унизаны кострами... Одинъ на высотѣ, охваченный туманомъ и потому не видный, казался оттуда какимъ-то багровымъ метеоромъ...

— Гдѣ генераль?—обратился Одынцевъ къ проходившему мимо солдату.

— Не могу знать...

Убитые по всему пути...

— Слава Богу!..—слынится въ темнотѣ.

— Чего слава Богу?—спрашиваетъ кто-то.

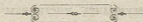
— Сошли съ горъ... Чтобы имъ!..

— Завтра—конецъ и компаніи...

— Такъ-ли?.. Можетъ быть, турки намъ у Адрианополя черта въ ступѣ понастроили... Вторую Плевну создали...

Голоса уходятъ во мракъ.

А огни все ближе и ближе...

ГЛАВА XVI.

У костра.

Одынцевъ какъ въ туманѣ двигался впередъ, ничего не понимая, что передъ нимъ дѣлается.

Откуда-то со стороны слышались выстрѣлы... Порою ему на встрѣчу несли раненыхъ, еще издали покрикивая: „посторонись!“ Порою изъ-зади надвигались на него какіе-то центавры—въ ночной мглѣ неразличимые всадникъ отъ коня... Одынцевъ даже не сторонился: до того ему стало все равно, до того въ немъ притупились инстинкты самосохраненія...

Все ущелье внизу, курилось безчисленными кострами.

Костры и на горахъ горѣли, точно застоявшіеся въ туманѣ метеоры. Красными тусклыми пятнами выдѣляются они изъ сумрачнаго марева дали... Оттуда доносится стужъ штыковъ, говоръ расположившагося на отдыхъ отряда, ржаніе коней, чьи-то оклики и опять изрѣдка гулкой выстрѣлъ, подхватываемый въ непроглядную темь уходящими ущельями...

Одынцевъ едва бредеть. Ему не до фантастической красоты этой долины огней... Усталъ морить... Разсѣянный взглядъ скользитъ по группамъ солдатъ, безъ толку слоняющихся по

сторонамъ... Вонъ цѣлая толпа обступила со всѣхъ сторонъ плѣннаго.

— Ишь, гололобий! — одобрительно похлопываютъ его по плечу наши.

— Радъ?.. Поди, радъ?

Турокъ скалитъ бѣлые зубы и бормочетъ что-то по-своему.

— Еще-бы не радъ!.. Другихъ побили, а ень живъ... Теперича завтра вашего брата сколько побьемъ по горамъ этимъ, а ты цѣль... Тебѣ, другъ любезный, милость...

— Что, ень самъ пришелъ?

— Не... Мы ихнихъ колоть начали, а ень — не будь глупъ — на дерево взлѣзъ да и сидитъ, какъ птица.

— Ну?..

— Потомъ мы это, какъ побѣдили ихъ, и стали отдыхать — а ень ни слуху, ни духу... Только казакъ, какъ его замѣтилъ, такъ пикой немножко шкуру ему попортилъ... Ужь ень и колоть хотѣлъ, да наши вступились — не дали... Кричимъ ему по-русски, какъ слѣдовало: „ступай внизъ!..“ А ень на суку-то, ноги подъ себя — да одно и заладилъ: „аманъ-аманъ...“ Слѣдовало-бы пристрѣлить — за евоныя бунтовства, ну, да что ужъ...

— Къ генералу водили...

— Повинился?

— Повинился, должно быть... Рассказывалъ что-то много по-своему...

— Пошпыняли его?

— За что шпынять? — такой-же солдатъ, какъ и мы... Велѣлъ генералъ накормить его... Завтра мы, братъ, тебя поведемъ за Балканъ... назадъ... Какъ вашихъ раскостимъ — сейчасъ всѣхъ васъ въ Рассею погонимъ...

— Куда-жъ ихъ?

— Да на вольное поселеніе, должно быть... Что съ ними, чумазыми, дѣлать.

Турокъ заболталъ что-то, показывая на горы, занятыя таборами Вейсея-паша...

— Ишь залопоталъ...

— Залопочешь, братъ... Какъ тутъ не залопотать... Вѣрно, вѣрно... Всѣхъ ихъ, братецъ мой, побѣдимъ... И тѣхъ, что на горѣ сидятъ, и тѣхъ, что подъ горой... Будь спокоенъ... Никому пардону не будетъ.

— А ему—что ему? теперь чудесно, драться не надо...

— Гдѣ вы его, братцы, взяли?—обратился Одынцевъ къ ближайшему.

— Да съ сука, вашъ-бродь... Потому онъ на суку сидѣлъ и оттоль винился... Ну, мы его помиловали... Пуцай за насъ своему Богу молится...

Одынцевъ улыбнулся и сталъ продвигаться далѣе...

Прямо на него наскочилъ кто-то... Молодой офицеръ только и успѣлъ различить бѣлую папаху и черкеску...

— Гдѣ генераль?—спрашиваютъ его въ туманѣ.

— Не знаю... А что?

— Лагерь турецкій около... Громадный...

— Почему вы думаете?—различилъ Одынцевъ офицерскіе погоны казака.

— Вонъ съ той горы видно... Я высмотрѣлъ... Масса огней... Точно зарево...

И опять послышался топотъ коня внизъ и пощелкиваніе нагайки по его вспареннымъ и безъ того бокамъ... Вонъ у самыхъ ногъ Одынцева оказалась какая-то масса, чуть не споткнулся онъ.

— Полегче, вашъ-бродь!—предупреждаютъ его.

Одынцевъ нагибается... Трупъ, должно быть... Нѣтъ, не тррупъ... Рука указываетъ на ухо... Грудь тяжело подымается...

— Отгащить его некуда... Тропа узкая... А ужъ его какъ помяли!.. Теперь этотъ офицеръ съ конемъ наскочилъ... Онъ ему копытой въ грудь вдарилъ!..

— Чего это онъ на ухо указываетъ?..

— А такъ, не въ себѣ...

— Пуля-то ему въ ухо вдарила... Отходить ужь, должно быть...

Одынцевъ наклонился... Несчастный ужь и не говорилъ ничего, а какъ-то страдальчески сжималъ и разжималъ вѣки...

— Закрѣпить-бы его...

— А во, какъ помреть, совсѣмъ закроемъ... Эй, носилки!..—различилъ солдатъ вдалькѣ двухъ санитаровъ... Тѣ подошли, взяли несчастнаго умирающаго и уложили его...

— Слава Богу!.. Все полегче ему помирать будетъ-то.

Долго не могъ Одынцевъ отыскать своего полка...

У костровъ грѣлся народъ — усталый, совсѣмъ осовѣвшій отъ измора и голода. По сторонамъ кое-гдѣ на огнѣ вскипала въ котелкахъ вода, куда солдаты крошили сухари и сыпали соль. Вонъ надъ однимъ возится молодой угличанинъ.

— У меня, братцы, сало есть!—кричитъ онъ.

— Во! гдѣ досталъ?

— Ужъ досталъ, чего тутъ!..

— Вали въ котель-то... Все скусиѣ... Тамъ послѣ разберемъ...

— Въ Топлишѣ, у бургаръ я это...

— Купилъ?

— Во!.. Солдатъ, да еще покупать стану... Слава Богу, мы за нихъ изъ России пришли, да покупать... Пусть будетъ радъ, что и такъ-то сволокъ у него!..

— Поди, плакался?..

— И не зналъ... Я у его и спрашиваю: „жрать-то есть что?..“ — „Не“, — балакаетъ, — „нима ништо!..“ Ну, коли ничего у него нѣтъ, значить и сало не евоное!.. Такъ я и уволокъ сало-то.

— Оно и на пользу-то... Теперь за его здоровье исть будемъ!..

— Эй, Лапузо! — слышалось въ сторонѣ...

Длинный, худой, необычайно глухого вида солдатъ вытянулся около самаго Одынцева.

— Чего тебѣ?

— Я самое Лапузо и есть!..

— Да я тебя и не звалъ: это гдѣ-то въ сторонѣ.

— Эхлеторъ, значить.

— Ты чего, дьяволь, не на своемъ мѣстѣ костеръ раскладаетъ?

— Ды я...

— Одно слово Лапузо—Лапузо и есть... И именемъ-кто тебя такимъ окрестили... Нешто тамъ тебѣ велѣно?... Наша рота гдѣ?

Лапузо согнулся, какъ жердь, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ туповатыми глазами.

— Не можемъ знать...

— А и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ она? — И ефрейторъ заметался.

— Съ вами, подлецами...

— Мы не причинны... Потому-жъ, гдѣ ее угладишь те-перича, рогу-то... Ишь, она—что вша распозлалась... Гдѣ-кто привалился—тамъ и сѣлъ... Какъ ихъ соберешь... А то тоже—Лапузо!..

Вдали, у одного изъ костровъ, было просторнѣе...

Одынцевъ, чувствуя, что ноги подъ нимъ подкашиваются, едва добрался туда, но тотчасъ-же остановился.

При свѣтѣ тускло горѣвшихъ жердей онъ различилъ генерала, задумавшагося, глядя на огонь... Рядомъ молоденькій ординарецъ, что-то записывалъ въ книжку.

— Да, Куропаткинъ выбылъ—и въ какую минуту!.. Это все равно, что проиграть сраженіе...

И опять молчаніе.

Одынцевъ было тронулся прочь; шумъ шаговъ заставилъ очнуться генерала.

— Это кто?

— Прапорщикъ Одынцевъ.

— А, на-дняхъ прибыли... Что, вѣрно, не знаете, гдѣ отдохнуть състь... Располагайтесь...

— Я найду себѣ, — поцеремонился было тотъ.

— Ну, тутъ безъ чиновъ... Въ походѣ всѣ товарищи... Въ бою еще не были?

— Никакъ нѣтъ, ваше—ство.

— Вотъ завтра... Да, завтра...—и генераль опять нахмурился... — Завтра — рѣшительный день... Или блестящая побѣда, или гибель... Средины нѣтъ.

Повидимому, онъ говорилъ самъ съ собою.

— Въ эти горы опять не отступишь... Не взберется отрядъ... Что-жъ, тогда умремъ!.. Дѣлать нечего.

Какой-то штатскій подѣхалъ къ костру.

— А, Верховцевъ... Ну, что?

— Да сейчасъ былъ на правомъ флангѣ. Столѣтовъ трогается занимать Имитли.

— Ну?

— Хочу съ нимъ.

— Что-жъ, съ Богомъ... Отдохнуть не желаете-ли?

— Гдѣ тутъ отдыхать... Едва успѣешь... Гдѣ Верещагинъ?

— Онъ рядомъ... Злится.

— Чего?

— Да раненая лошадь хрипитъ... На нервы ему дѣйствуетъ... у всѣхъ вѣдь нервы—только мы не имѣемъ права на нихъ... Завтра вотъ всѣхъ этихъ сильныхъ и молодыхъ, полныхъ жизни, — махнулъ онъ рукою на Одынцева — придется на смерть вести... Ну-да—дѣло наше правое?... Не такъ-ли прапорщикъ?

— Точно такъ...

— И чудесно... Чаю хотите?—и генераль передалъ ему свой стаканъ.

— А вы?

— Вы больше устали... Ишь, у васъ какъ глаза-то — замутились совсѣмъ... Пейте!

Одынцевъ жадно накинудся на горячую жидкость...

— Да, завтра!..

Отдыхать генералу дѣйствительно не приходилось... Подъѣхалъ взмыленный конь... Въ темнотѣ едва можно было различить всадника.

— Харькѡвъ, это вы?

— Я, ваше-ство.

— Ну, что новаго?

— На лѣвомъ флангѣ табора два турока двигаются къ намъ...

— Велите Капшталинскому съ двумя ротами встрѣтить ихъ огнемъ... По меньше тревоги, поменьше тревоги господа!.. Сегодня отряду отдохнуть надо...

Впереди послышалось звяканье сабли!.. Не успѣлъ отъѣхать Харькѡвъ, какъ адъютантикъ, весь въ поту и встревоженный, чуть не насунулся на костерь.

— Ваше-ство!..

— Ну?

— Передъ нами показалась непріятельская цѣпь!

— Возьмите роту и отбейте... Велите Герасимову, пожалуйста!

Опять нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія... Становилось холодно... Генералъ напрасно кутался въ шинель...

— Ваше-ство! Партіи башибузуковъ шныряютъ въ горахъ, на-лѣво.

— Ну, и пусть ихъ... Давно-ли мы стали бояться шакаловъ?..

— Нѣтъ... Полковникъ думаетъ на случай нападенія...

— Давно-ли эта сволочь нападать стала на регулярное войско?.. Идите, отдыхайте спокойно...

Мимо костра проносятъ кого-то на носилкахъ.

— Это кто?

— Поручика Заржевскаго...

— Ранило?

— На смерть!—глухо отвѣчаетъ самъ Заржевскій. Генералъ подымается къ нему.

— Гдѣ это васъ?

— Цѣпь тутъ наступала... Въ грудь... на вылетъ...

— Богъ дастъ!..

— Тамъ можетъ—на томъ свѣтѣ... Тутъ все кончено..

Да я и не боюсь, все равно...

— Есть у васъ кто? Мать, сестры...

— Невѣста... Ну, да что!.. Прощайте, ваше-ство...

И носилки, медленно болыхаясь въ рукахъ санитаровъ, точно утонули въ туманѣ этого сыраго ущелья.

ГЛАВА XVII.

Солдаты Лапуво.

ередовая колонна уже двинулась по узкому карнизу Балканскаго отрога, огибавшаго Долину Розъ съ запада.

У костра, гдѣ помѣщался генераль съ двумя молодыми офицерами, можно было слышать топотъ солдатъ, грохотъ орудія, которое ввозили на высоту, лязгъ штыковъ, сталкивавшихся со штыками и позвякиваніе котелковъ.

— Однако, высота на-право меня очень беспокоитъ, — задумался генераль.

— Послушайте, прапорщикъ... Возьмите у казака коня...

— Слушаю-съ, — вытянулся Одынцевъ.

— Догоните, пожалуйста, отрядъ и отъ моего имени попросите Столѣтова выслать наблюдательный постъ на-право... Слышите?.. Вотъ вамъ, кстати, случай побывать въ схваткѣ... Я на васъ надѣюсь...

Одынцевъ долженъ былъ позабыть усталость. Онъ кое-какъ взобрался на коня...

— Только поскорѣ!.. Каждая минута дорога... — слышалось ему вслѣдъ.

Одынцевъ бросился нагонять отрядъ.

Пустынный скатъ былъ передъ нимъ.

Въ ночномъ туманѣ еще сумрачнѣе казались эти горныя массы... Изъ долины доносился рѣдкими отголосками плачь женщинъ и дѣтей, крики ословъ, скрипъ аробныхъ колесъ... Видимо жители казанлыкскихъ селъ все уходили отсюда подалеже, прямо къ Малымъ Балканамъ.

Карнизъ, по которому подымался на высоту Одынцевъ казался совсѣмъ пустъ... Но молодой офицеръ, прислушиваясь, различалъ уже близко движеніе отряда... Копыта степнаго коня увѣренно ступали въ рыхлую почву карниза... Здѣсь уже не было снѣговъ... Горныя ручьи кое-гдѣ просочили почву и изъ-подъ самыхъ ногъ лошади сбрасывались внизъ маленькими водопадами... Вонъ какая-то фигура выдѣлилась изъ тумана... Идетъ, прихрамывая...

— Ты что?—нагналъ его Одынцевъ.

— Ничего не подѣлать... Ногу мозжить, вашъ-бродъ...

Хошь помирай...

— Далеко-ли генераль?..

— Не... Скоро вотъ.

Одынцевъ вѣхалъ въ ряды солдатъ, раздававшихся передъ нимъ... Тишина и молчаніе царили въ отрядѣ... Ни шутокъ, ни смѣха не слышалось кругомъ... Дѣло задумано было рисованное ночью... Даже нельзя было различить говора въ топотъ сотенъ ногъ, взбѣравшихся все выше и выше...

— Ваше превосходительство! — добрался, наконецъ, Одынцевъ.

— Чего вамъ?

— Генераль приказалъ выставить наблюдательный постъ на-право... Тутъ ущелье будетъ и высота надъ нимъ... Оттуда могутъ напасть турки на отрядъ...

— Могутъ... Такъ-съ!.. Отчего-же-бы имъ и не напасть?.. Такъ вотъ что-съ. Возьмите отрядъ—взводъ и отправляйтесь туда сами; сторожите, пока мы идти будемъ...

У Одынцева ёкнуло сердце.

Ему было и жутко и весело... Въ первый разъ ему придется быть въ настоящемъ огнѣ, въ первый разъ онъ играть въ этой эпопее роль, и роль ответственную...

— Не мало-ли будетъ взвода?—замѣтилъ кто-то.

— Довольно-съ. Идите и возьмите.... Вы, юноша, Юлія Цезаря читали?

— Нѣтъ-съ...

— Ну, вотъ!.. А у него хорошее по сему предмету изрѣченіе... Такую книжку онъ написалъ о гражданской войнѣ... Такъ тамъ, говоря о малочисленности воиновъ, онъ совѣтуетъ полководцу прикрыть собою недостатки своего войска, какъ раны тѣла прикрываются платьемъ... Поняли-съ?..

Одынецевъ взялъ взводъ и двинулся впередъ...

Вотъ они, эти зловѣщія ущелья, выходящія прямо на карнизъ. Въ туманѣ этой сырой и теплой для декабря и для Балканъ ночи—они едва-едва намѣчиваются своимъ предательскимъ сумракомъ... Уже нѣсколько ихъ миновалъ Одынецевъ... Вотъ впереди то, которое ему указано... Что-то тамъ будетъ?.. Онъ оглянулся на своихъ солдатъ... Они бодро шли за нимъ, какъ будто ничего не ожидая...

— Эге!.. Да тутъ и знакомый есть?—пошутилъ Одынецевъ.—Тебя Лапузой звать?

— Точно такъ,—вытаращилъ глаза длинный, какъ жердь, солдатъ...

— Я тебя знаю.

Солдатъ, видимо, недоумѣвалъ, откуда его успѣлъ узнать прапорщикъ.

— Ну, братъ...

И не успѣлъ Одынецевъ окончить своей фразы, какъ гдѣ-то близко-близко свернуло въ туманѣ точно красное пятно и грянулъ выстрѣлъ.

Солдатъ точно что отбросило назадъ...

Они отшатнулись... Шатнуло и Одынцева. Совсѣмъ неожиданно...

— Ну, чего вы? Точно овцы!—недовольно остановилъ ихъ ефрейторъ,—человѣкъ, очевидно, привыкшій, съ георгиевскимъ крестомъ на груди...

— Чего вы?.. Сразу и запужались... Иди какъ слѣдуетъ...

Нѣсколько огненныхъ пятенъ въ туманѣ и—трескъ пяти или шести выстрѣловъ...

Ефрейторъ самъ покачнулся и схватилъ за руку Одынцева.

— Что ты?..

Пальцы ефрейтора раскрылись... Онъ освободилъ руку Одынцева, но за то самъ рухнулъ прямо лицомъ въ вязкую и жидкую массу дороги...

— Засада!—слышится позади робкій голосъ. Одынцевъ смущенный, все-таки сообразилъ, что теперь или никогда онъ долженъ показать себя человѣкомъ...

Онъ быстро осмотрѣлся.

Одынцевъ поставилъ солдатъ за выступъ горы. Тутъ они были защищены отъ турецкихъ пуль.

— Ничего не подѣлаешь!—вдохнулъ кто-то.

— Только ты выйдешь—сичасъ онъ палить начнетъ.

— Да, тутъ много мы потеряемъ, — слышался около Одынцева чей-то голосъ.

Онъ обернулся—докторъ Соймоновъ былъ около него.

— Вы, докторъ, зачѣмъ здѣсь?

— А куда-же мнѣ?.. По прямой дорогѣ—въ Казанлыкъ...

Мнѣ туда надо...

— Плохо...

— Дозвольте мнѣ!—ни съ того, ни съ сего выдвинулся изъ толпы Ланузо.

— Чего тебѣ дозволить?

— А я по горѣ на этой посмотрю, что съ турками подѣлать можно...

— Ну?

— И коли что—вдарю въ нихъ...

— Это ты-то одинъ?..

— Двухъ-бы товарищей прихватить, чудесно было-бы!..

„Онъ вовсе не такъ глупъ, какъ кажется!“ — мелькнуло въ головѣ у Одынцева.

— Какъ я вдарю въ нихъ съ тылу — вашъ-бродъ съ остальными отсюда...

— Ну, ступай!.. Молодецъ!.. Кого-же ты возьмешь съ собою?

Сердце у Одынцева сильно билось, когда Лапузо съ двумя товарищами всползъ на кручу и пропалъ въ туманѣ... И больно ему было за нихъ, и пріятное сознание, что онъ тутъ распоряжается, что отъ него зависитъ исходъ дѣла, подымало въ немъ нервы.

— Какъ въ мышеловку попадутся турки-то... — даже пошутить онъ.

— А мы замѣсто котовъ... Сторожимъ...

— Вотъ, вотъ...

Всѣ говорили шепотомъ... Издали слышался шумъ приближающагося отряда; снизу, изъ долины, доносились отголоски уходившихъ въ Малые Балканы десятковъ тысячъ мирныхъ мусульманъ...

— Вотъ что, ребята... Какъ услышите только выстрѣлы, такъ сейчасъ-же за мной—въ ущелье... Турки тутъ недалеко сидятъ... Мы до нихъ мигомъ доберемся...

Прошло полчаса...

— Должно, не дошли наши... Либо не нашли спуска...

— Да и солдатъ-то енъ... Лапуза этотъ...

— А что?

— Такой жидкій солдатишка... Енъ у насъ кашеваромъ былъ все время...

— И съ чего это ему въ голову вдарило?.. Совсѣмъ смиренный солдатишка былъ...

— Ничего не выйдетъ изъ этого.

Но не успѣлъ солдатъ окончить этой фразы, какъ три

выстрѣла грянули въ ущельѣ, въ отвѣтъ загрохотали отвѣтные удары турокъ, слышались громкіе, ожесточенные крики... Наши, вслѣдъ за Одынцевымъ, бросились туда...

Не успѣли еще они добѣжать до середины ущелья, какъ оттуда послышалось:

— Ратуйте, братцы... Рѣжутъ насъ турки...

Съ этой минуты сознание точно оставило Одынцева.

Какъ-будто въ туманѣ мелькнули передъ нимъ какіе-то набросившіеся на него люди... Хряскъ штыковъ... Вонъ какая-то нелѣпо размахнувшая руками и опрокинувшаяся назадъ фигура... Вонъ штыкъ, направленный прямо въ него; рядомъ—выстрѣлъ въ упоръ, неизвѣстно кѣмъ сдѣланный, и рука со штыкомъ опускается, и Одынцевъ какъ-то смутно понимаетъ, что кто-то спасъ ему жизнь, что теперь дѣло почти кончено... Корчатся какіе-то люди внизу... Одинъ лицомъ упалъ въ самую кучу горячихъ угольевъ и не шевелится... Мертвъ, должно быть... Рядомъ хрипитъ и бьется другой, какъ-то широко раскрывая глаза и ротъ, точно ему воздуха мало, какъ раскрываетъ ротъ рыба, выброшенная на берегъ...

— Молодецъ Лапузо!.. Это ёнъ кричалъ, братцы!

— Гдѣ Лапузо? — совсѣмъ безсознательно спрашиваетъ Одынцевъ.

— Лапузо!.. Эй!..

Но солдатъ не отзывается... Не отзываются и товарищи его...

— Ахъ ты, Господи!.. Вотъ онъ... лежитъ... Вашъ-бродъ вотъ Лапузо...

Длинный солдатъ дѣйствительно вытянулся во весь ростъ... Горло у него перерѣзано, еще кровь брызжетъ оттуда... Страшный ударъ ятагана по лицу разсѣкъ его... Рядомъ съ нимъ товарищи—тоже убитые... Одинъ еще живъ, но только всматривается въ лица своихъ, наклоняющихся къ нему... Видимо, не узнаетъ ихъ, точно со сна...

— Петровъ!—окликаютъ его.

Еще шире открываетъ онъ глаза... Вотъ какъ-то моргнуль...
Еще и еще—и вытянулся...

— И солдатикъ - то молодой былъ... Въ животъ ему
штыкомъ...

— Да и въ грудь стрѣлили... Совсѣмъ бѣдный...

Такія-же встрѣчи ожидали отрядъ и по другимъ ущельямъ...

Одынцевъ присоединился къ отряду...

По всему карнизу уже лежали трупы... Видимо изъ своихъ засадъ турки били ихъ на выборъ... и справа, и слѣва, и въ лобъ. Нѣкоторые трупы стояли, прислоненные къ стѣнѣ... Въ сумрачную ночь особенное впечатлѣніе производили эти неподвижные силуэты, прислонившіеся къ скаламъ или просто словно брошенные поперекъ дороги...

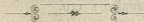
— Экая теплынь!—слышится въ рядахъ солдатъ.

— И дѣйствительно, какъ тепло здѣсь, на этомъ южномъ склонѣ! Свѣгу почти нѣтъ, откосы обнажены... Только въ одномъ мѣстѣ ледяная глыба стоитъ, мерцающая тусклымъ свѣтомъ при яркомъ блескѣ мѣсяца...

На сосѣдней высотѣ отрядъ приостановился...

Вся долина Казанлыка внизу подъ нимъ—въ огняхъ. Между Шейновомъ, смутно, точно темное облако, обрисовавшемся на бѣлой равнинѣ и городомъ—массы костровъ видимо большаго лагеря. Рядъ костровъ тянется до села Шинки... Костры мерещатся и въ горахъ. Словно звѣзды, сверкаютъ и внизу, какъ и вверху, на этомъ голубомъ темномъ небѣ, которое сегодня уже такъ много слышало предсмертныхъ молитвъ и видѣло страданій...

Отсюда дорога тѣснинами и рвами по склону горъ... Тѣснины кажутся рѣвами свѣта; огней не видно; отличишь только длинныя полосы зарева. Это въ естественныхъ траншеяхъ засѣлъ Углицкій полкъ и на каждахъ десяти-одиннадцати шагахъ разложилъ костры, радуясь теплу и сухому лѣсу... Свѣтовые линіи эти тянутся почти до Имитли.

ГЛАВА XVIII.

Бѣгство.

съ ущелья Малыхъ Балканъ были запружены бѣжавшими.

Массы турокъ, еще недавно совершенно спокойно жившихъ въ селахъ Казанлыкской долины, стремились за Эски-Загру—туда, къ Адрианополу, куда, казалось русскіе, не осмѣлятся придти никогда, гдѣ семьи бѣглецовъ были-бы въ полной безопасности.

По всему пути сплошною рѣкою двигались арбы, запряженные медлительными буйволами. Изъ-подъ полуопущенныхъ занавѣсей выглядывали порою блѣдныя женскія лица и испуганныя дѣти, тотчасъ-же прятавшіяся въ глубь своихъ кибитокъ, гдѣ менѣе громко слышались выстрѣлы, доносившіеся сюда изъ долины Казанлыка.

А они уже цѣлый день гремятъ позади.

Ни гвалтъ погонщиковъ, особенно нервно покрикивающихъ на буйволовъ, ни звукъ нагаекъ по взмыленнымъ крупамъ лошадей, ни скрипъ безчисленныхъ колесъ, ни рыданія, доносившіеся отовсюду, не могутъ заглушить ихъ.

Гремятъ вершины Шинки, гремятъ съ самаго разсвѣта...

Можно подумать, что тамъ раскалываются громадныя скалы подъ чудовищными молотами титановъ, подпирающихъ своими плечами небо... Можно подумать, что тысячи грозovýchъ тучъ собрались тамъ на какой-то ужасный шабашъ и громами и молніями празднуютъ еще одну новую побѣду кровожаднаго божества войны и истребленія. Грохотъ доносится оттуда, не смолкая... Напрасно женщины зажимаютъ себѣ уши, напрасно дѣти бросаются въ подушки—каждый атомъ воздуха переполненъ этими звуками... Когда дорога подымается наверхъ, на высоту горъ—они становятся еще громче... Кажется, что это не тамъ—на св. Николаѣ, а позади, у самаго табора бѣглецовъ, несется безпощадная погоня... Вершины Большихъ Балканъ, когда на нихъ оглядываются верховые, кажутся окутанными мглою... Мгла эта снизу соединяется съ тучами, нависшими сверху... Ясно — это клубы порохового дыма, застилающіе все пространство, потому что подъ ихъ покровомъ, невидимо остальному человѣчеству, творится какое-то безпримѣрное, ужасное дѣло... безпримѣрное въ полномъ смыслѣ этого слова.

Сегодня кровожадное божество насытится... По самое горло залъется жертвенною кровью.

Не одиноко люди приносятся на его алтарь, не десятки, не сотни ихъ.

Цѣлыя гекатомбы, цѣлыя полки выводятся на позиціи и погибаютъ подъ истребительнымъ огнемъ свинцоваго ливня, подъ тысячами штыковъ, замѣнившихъ жертвенные ножи древнихъ. Въ какой-то безумной вакханаліи жрецы являются вмѣстѣ съ тѣмъ и жертвами, жертвы—жрецами. Точно все человѣчество поклялось уничтожить себя въ честь кровожаднаго бога; точно съ каждымъ новымъ моментомъ этой эпопеи смерти послѣдніе инстинкты самосохраненія тонутъ все ниже и ниже и ниже въ заливающихъ ихъ отовсюду, вспѣнанныхъ волнахъ братской крови, еще теплой, еще испускающей въ холодный воздухъ свои испаренія.

Въ грохотѣ этой сатурналіи не слышно отдѣльныхъ мучительныхъ криковъ, воплей и стоновъ. Прозвучавшій отдѣльно такой крикъ ужасомъ наполнилъ бы дрогнувшую душу, въ общей же массѣ этотъ хаосъ звуковъ, этотъ ревъ захлебывающагося страданія—точно оцѣняетъ уцѣлѣвшихъ, заставляетъ ихъ еще свирѣпѣе бросаться другъ на друга...

Изъ долины тѣ же звуки.

Гремѣло ночью со стороны Имитля, гремѣло справа; доносился грохотъ перестрѣлки изъ Казанлыка. Сегодня по всей долинѣ несутся залпы...

Черные демоны ада—или свѣтлые ангелы негодующаго неба?..

Сверху бросаются горныя дивы на сказочныхъ богатырей долины; богатыри долины хотятъ снести прочь сомкнувшія ихъ отвсюду цѣпи высокихъ хребтовъ...

— Чего ты?—останавливается старый турокъ, когда изъ арбы доносится до него плачь жены.

— Посмотри... Не клубится-ли дымъ оттуда?

— Откуда?

— Изъ Чекирли... Я думаю, отъ нашего дома, отъ нашего сада остались только горящія головни...

— Все погибло... Наше село чѣмъ лучше другихъ?

— Я родилась тамъ, Османъ... Въ саду каждое дерево уже пятьдесятъ лѣтъ поливалось мною... Когда я была ребенкомъ, я слушала журчанье фонтана у нашей стѣны; слушала, какъ вѣтеръ шепчетъ что-то листьямъ тополей, заслонившихъ гаремъ-льѣзь отъ улицы...

— Судьба!..

— Неужели христіанскій Богъ побѣдилъ нашего?.. Ты помнишь, еще недавно—мы жгли христіанскіе дома, убивали подлыхъ гяуровъ тысячами, рѣзали ихъ женъ и дѣтей... А теперь!

— Теперь ихъ очередь...

— Скорѣй, скорѣй двигайтесь!—налетѣлъ издали Омеръ,

лошадь котораго едва-едва лѣпилась по косогору, такъ какъ по дорогѣ пройти уже нельзя было...

— Скорѣй, скорѣй, друзья!..

— А что?

— Русскіе уже заняли Казанлыкъ...

Плачь и крики стали еще громче... Палки чаще и больнѣе застучали по выносливымъ спинамъ буйволовъ, которые только мотали изъ стороны къ сторону свои громадныя головы съ кроткими, словно упрекающими челобѣка за его жестокость, глазами. Прибавить шагу имъ нельзя было: впереди такія-же массы буйволовъ, аробъ, всадниковъ... Какъ рѣка... Одна волна не можетъ перегнать другую... Стройно, медленно несутся онѣ все впередъ и впередъ... А позади уже реветъ грозное, страшное, наступающее ихъ море...

Омеръ кое-какъ, отвѣсами и скатами горъ, догналъ Айшу.

Вся закутанная, она молча сидѣла на конѣ, медленно переступавшемъ впередъ среди другихъ такихъ-же...

Во всякое другое время можно было полюбоваться на него.

Видимо—у черкесовъ его купили... Кабардинскія стали еще остались у него съ легкою поступью—точно конь щеголялъ, постукивая копытами въ твердую горную почву, въ которой тысячи таборовъ, сотни тысячъ аробъ не могли нарѣзать достаточно глубокихъ колеи... Какъ гордо выгибалъ онъ круглую шею, въ гриву которой были вплетены шелковыя кисти и золотистые шнуры... У самыхъ удилиъ, покрытыхъ пѣной, блестѣли тѣ-же золотистыя кисти; съ челки спускалась внизъ брусская бахрома... Подъ шеей таже бахрома колыхалась, словно ожерелье на груди красавицы... Сѣдло было расшито шелками по красной, голубой и желтой кожѣ... Этимъ издавна славятся алепскіе сѣдѣльщики. У передней луки весь гребень былъ обдѣланъ въ серебряную оправу подъ рѣдкой ахалцхской чернью... Серебряныя стремяна поблескивали на солнцѣ, словно хвастаясь маленькой ножкой, плотно сидѣв-

шей на ихъ широкихъ и длинныхъ низкахъ. Вся сбруя блестяла серебряными пряжками, шелковыми кистями...

На ковѣ, менѣе богато убранномъ, но болѣе спокойномъ, ѣхала позади Гюльма. Зейнабъ слѣдовала за ними на катерѣ, нагруженномъ, сверхъ негритянки, еще цѣлою массою мафрашей и другой клади... Всѣ женщины спустили яшмаки, такъ что у Айши были видны только глаза, полные слезъ и печали...

Омеръ приостановилъ своего коня, когда доѣхалъ до своей сестры.

— Скоро въ Эски-Загрѣ... будемъ.

— Тамъ остановимся?

— Гдѣ-же?.. Весь городъ въ развалинахъ... такъ до Германлы доѣхать должны... Въ полѣ заночуемъ... Завтра изъ Германлы въ Мустафа-нашу и послѣ завтра въ Эдирне...

И все безнадежнѣе становилось на душѣ у Айши...

Съ каждымъ новымъ пунктомъ разстояніе между нею и любимымъ человѣкомъ увеличивалось и терялась надежда скоро увидѣть его...

— Напрасно мы не остались въ Казанлыкѣ!

— Чтобы попасть въ руки къ русскимъ?..

— Русскіе не обижаютъ женщинъ и дѣтей... Они не воюютъ съ ними...

Омеръ нахмурился... Онъ немного догадывался, что дѣлается въ сердцѣ сестры...

— Ну, тебѣ лучше забыть это!

— Вѣдь въ Эдирне тоже будутъ русскіе...

— Да; тогда мы перейдемъ въ Стамбуль.

— А когда они туда придутъ?

— На азіатскій берегъ... Тамъ гуры не доберутся до насъ!.. Или и туда, сестра, ты ждешь ихъ?

Айша потупилась, не отвѣчая ни слова.

Ей было пришла въ голову дикая мысль: когда всѣ заснутъ, заночевавъ таборомъ въ полѣ, она можетъ повернуть назадъ и добраться до Казанлыка.

Да, но конь ея усталъ!..

Наконецъ, все позади занято такими-же таборами бѣгущихъ мусульманъ.

Одна надежда, что русскіе ранѣ займутъ Адрианополь!..

Изъ-зади дѣйствительно наступали все новыя и новыя толпы... Гдѣ-то въ сторонѣ, далеко, далеко, слышалась перестрѣлка... Сначала разбѣянная, потомъ все ближе и ближе... Таборы хотѣли прибавить шагу—но путь узокъ, дѣваться некуда... Со страхомъ смотрѣли направо, на гребень горы, за которымъ слышались тревожные звуки какой-то стычки...

Свои или чужіе?..

Вонъ на гребень горы выскочила папаха, другая, третья...

Цѣпкія горскія лошаденки бойко спускаются внизъ. Оборванные черкесы спѣшатъ къ каравану...

— Что тамъ?.. Свои или чужіе?

— Русскіе были... Да назадъ отошли; должно быть, разбѣздъ...

— Гдѣ наши?..

— Нашихъ не видать, вся долина въ рукахъ у русскихъ...

— А Вейсиль-паша?..

Черкесы молча проѣхали впередъ, не отвѣчая...

Еще нѣсколько разъ слышались выстрѣлы...

Вонъ на высотѣ, налѣво, показались длинныя пики...

Еще одно мгновеніе — и человѣкъ двадцать казаковъ выѣхали на гребень горы...

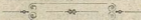
Ревъ и шумъ поднялись среди бѣглецовъ...

Женщины рыдали, кричали дѣти... Все кинулось впередъ.

Поговники нещадно стали бить буйволовъ: громче заскрипѣли аробочныя колеса; кое-кто выскочилъ изъ кибитокъ и бросился на противоположный скатъ.

Черкесовъ какъ не бывало — ихъ точно что-то снесло прочь.

Постояли, постояли казаки — и опять спустились обратно.

ГЛАВА XIX.

По пути къ Хаскию.

Только за Малыми Балканами, когда ихъ синіе силуэты вырисовались на сѣромъ небѣ, наши бѣглецы почувствовали себя нѣсколько спокойнѣе... Теперь погони уже не можетъ быть. Утомленные боемъ, русскіе не перейдутъ въ эти долины. Во всякомъ случаѣ они на нѣсколько дней останутся въ Казанлыкѣ.

Таборы мусульманъ все росли и росли. Къ нимъ присоединилось населеніе окрестныхъ деревень, какъ ручьи, вливающіеся въ рѣку, умножая ея и безъ того полныя воды... Встрѣчные отряды солдатъ останавливались, узнавали, что русскіе заняли уже Казанлыкъ, и тоже примыкали къ этому медлительно двигавшемуся каравану. Партии черкесовъ, шайки башибузукъ сбѣгались сюда-же со всѣхъ сторонъ.

Старикъ, заправлявшій беглецами изъ Казанлыка, предложилъ аскерамъ, черкесамъ и башибузукамъ образовать конвой въ тылу и по сторонамъ каравана.

Тѣ сейчасъ-же заняли указанная имъ мѣста. Теперь бѣглецы почувствовали себя еще лучше...

Во всякомъ случаѣ ихъ конвой былъ сильнѣе небольшихъ казачьихъ разъѣздовъ, ѣхавшихъ по одному съ ними пути...

Они уже оставили за собою развалины Эски-Загры.. Обломки ея домовъ, грудами окружавшіе уцѣлѣвшія мечети, на минуту воодушевили странниковъ... Здѣсь раззореніемъ, пожарами и убійствомъ мусульмане въ августѣ отпраздновали свою побѣду надъ христіанами. Здѣсь беззащитные, подъ ударами ихъ ятагановъ, подъ выстрѣлами въ упоръ, падали тысячи женщинъ, дѣтей и стариковъ... Тутъ русскіе могли только отступать, сами охваченные со всѣхъ сторонъ таборами Сулеймана, въ десять разъ превышавшими ихъ численность...

— Тутъ наши вдоволь потѣшились! — говорили горбоносые башибузуки, проходя по печальнымъ улицамъ когда-то богатого и красиваго города.

— А что?

— Какъ слѣдуетъ — по корану... Никому не было пощады, весь родъ христіанскій истреблялся „и съ племенемъ его“, — какъ муллы читали намъ въ мечетяхъ; такъ и было...

— Если-бы султаны прежде дѣлали такъ — теперь-бы все здѣсь принадлежало туркамъ...

— Нужно было уничтожить все христіанское...

— Милосердіе должно принадлежать Богу, а не человеку... Человекъ пусть исполняетъ коранъ.

— Теперь они взяли верхъ! — оглянулся говорившій на Малые Балканы.

— Судьба!... Что будетъ — кто знаетъ? Сегодня Аллахъ ихъ допустить сюда, а завтра, можетъ быть, ихъ побѣда окажется западнею для нихъ-же, и ни одинъ изъ гяуровъ не уйдетъ отъ блестящаго меча Азраила!.. Ты помнишь, что говорилъ пріѣзжавшій изъ Стамбула софта?

— Въ крови ихъ мы потопимъ всѣ наши несогласія, трунами ихъ удобримъ нашу землю, поселимся въ ихъ домахъ и ихнихъ дѣвушекъ заставимъ служить себѣ, пока мечъ

мстителя будетъ утомленъ и рука его не приобрететъ въ отдыхъ новой силы!..

— Сказываютъ, Вейсиль-паша сдался?

— Не можетъ этого быть!.. Онъ сидитъ въ горахъ... Вейсиль—старый воинъ... Онъ, вѣрно хочетъ усыпить русскихъ... Пускай тѣ занимаютъ Казанлыкъ... Нагрянетъ Сулейманъ—русскіе и окажутся въ ловушкѣ... Съ Большихъ Балкановъ — Вейсиль, съ Малыхъ — Сулейманъ — ничего тутъ не подѣлаешь!..

— Нѣтъ, Аллахъ предастъ Турцію невѣрнымъ! — вздохнулъ старикъ рядомъ.

— Почему?

— За что предастъ?

— За то, что мы забыли отцовскіе завѣты, стали дружить съ гяурами... Сколько въ нашихъ войскахъ служить теперь франковъ и инглизовъ... Въ Стамбулѣ — придешь къ пашѣ — турецкаго языка не услышишь — все гяуры забрали въ свои руки!.. Въ своей землѣ стали пришельцами...

— А все прежніе султаны виноваты!

— Разумѣется. Нужно было истребить христіанъ до послѣдняго человѣка, и все хорошо было-бы... Съ ними нельзя быть великодушнымъ...

Когда караванъ бѣглецовъ взѣхалъ на высокую гору за Эски-Загрой, старикъ невольно заплакалъ.

Громадной равнины передъ нимъ совсѣмъ не было видно...

Отовсюду тянулись сюда таборы мирныхъ жителей, бросившихъ свои города и села... Изъ Гузова, Сельцова, Чаиркюя, Калофера, Казина, Чизмака, Герменкюя и тысячи другихъ деревушекъ.

Цѣлое море обозовъ и людей волновалось по этой долинкѣ...

Поэтъ, пораженный картиной, представлявшей съ Дрвинш-Баирской высоты, назвалъ бы его — моремъ несчастія...

Вслѣдъ за нимъ струилось позади другое море — море крови...

Казалось, этому морю несчастія не было предѣловъ...

Куда ни оглядывались мусульмане — всюду подымались его пестрые волны. Позади вся Эски-Загра затоплена ими... Съ Малыхъ Балканъ чудятся спускающіяся внизъ новыя массы бѣглецовъ. Куда только глазъ достигаетъ — все покрыто безчисленными таборами. Направо и налево — то-же. Цѣлиной идутъ — дороги не хватаетъ для всѣхъ... Таборы затопили деревни, сады и рощи... Небольшая рѣченка струится — не видно и ея: въ бродъ переходятъ караваны, обращая свѣтлую воду ея въ жидкую грязь... Въ воду ложатся буйволы, но палки погонщиковъ поднимаютъ ихъ на ноги. На югъ — то-же море — тихое, скорбное... Тысячи аробъ, тысячи навьюченныхъ ословъ, коней, муловъ и десятки тысячъ пѣшиходовъ, въ слѣпномъ страхѣ пробирающихся вдаль — поближе къ Адрианополю... Изъ ближайшихъ аробъ доносится сюда на высоту плачь женщинъ и дѣтей... Въ мрачномъ молчаніи идутъ ихъ мужья... Дѣйствительно, Господь предастъ Турцію, и эти бѣглецы составляютъ, какъ-будто, печальный и торжественный кортежъ ея похоронъ... Солнце прорвалось косыми лучами изъ-за тучъ... Золотою полосой легло по равнинѣ. Въ этой полосѣ еще ярче кажутся бѣлыя и зеленныя чалмы, красныя фески, красныя куртки, желтые ковры и голубыя занавѣси аробныхъ кибитокъ... Глаза болятъ смотрѣть на этотъ калейдоскопъ очертаній и красокъ, смѣняющихся постоянно въ самыхъ неожиданныхъ сочетаніяхъ...

Мимо старика идутъ все новыя и новыя толпы...

Вотъ цѣлая куча дѣтей на сильномъ катерѣ... Головенки ихъ, точно головы телятъ, болтаются изъ стороны въ сторону... Посадили ихъ въ корзины... Одинъ заснулъ, свѣсивъ рученку, другіе широко раскрытыми испуганными глазами оглядываютъ все ихъ окружающее, всю эту непривычную суету и суматоху... Рядомъ, опустивъ голову внизъ, точно приго-

воренный къ смерти, идетъ отецъ... Еще-бы! На этомъ характерѣ все, что онъ успѣлъ спасти отъ погрома... Еще вчера богатый казанлыкскій купецъ — сегодня онъ нищій, которому завтра, быть можетъ, придется протянуть руку за милостыней... А вотъ цѣлая толпа едва бредущихъ отъ усталости женщинъ. Закутанныя съ ногъ до головы, онѣ, какъ ослы, навьючены всякимъ хламомъ... Одна изъ нихъ — нѣтъ, нѣтъ, да и заплачетъ...

— Откуда вы? — спрашиваетъ ихъ старикъ.

— Изъ Имитли... Едва уйти успѣли — русскіе пришли... Въ народѣ, тутъ вотъ, ребенка потеряли...

— Что-жъ у васъ нѣтъ ни арбы, ни осла?

— Ничего нѣтъ, ничего...

— Русскіе отняли?

— Нѣтъ... наши... Мы около Казанлыка попались отряду башибузуковъ... Они и взяли...

— Свои у своихъ!

— Башибузуки — тѣ-же волки. А волки волка всегда рвутъ...

— Да...

Вонъ испуганный ребенокъ пробирается, взглядывая на всѣхъ пытливыми глазами... Усталыя ноженки едва-едва бредутъ...

— Ты что?

— Отца потерялъ... Все шель съ отцомъ... А тутъ откуда-то стали толниться... Не могу найти...

И ребенокъ принимается плакать...

Старуха съ сѣдыми космами волосъ, выбивающихся изъ-подъ фераджа, накидывается чуть не на каждаго проходящаго мимо турка.

— Не умѣли драться съ русскими, не умѣли защищать свои дома — вотъ теперь и тершите... И сады наши, и деревни — все жгутъ гиуры... Бабы вы, а не мужчины!..

И она грозитъ имъ сухимъ, костлявымъ кулакомъ!..

И опять новыя и новыя толпы, новыя волны этого неу-
гомоннаго безбрежнаго моря... Со всѣхъ сторонъ рвутся онѣ
въ эту долину... Гору встрѣтили на пути — черезъ нее пере-
кинулись и разливаются уже внизу, гоня передъ собою дру-
гія такія-же...

ГЛАВА XX.

Передъ боемъ.

Талина Казанлыка вся ушла въ туманъ... Туманъ окуталъ дома, туманъ лежитъ на скатахъ обступившихъ ее горь, туманъ заполонилъ ущелья... Туманъ и вверху... Изрѣдка, сквозь его сѣрую массу различаешь еще болѣе грузныя, еще болѣе темныя тучи, все уходящія на дальнѣй югъ—къ теплу и солнцу... Медленно ползутъ онѣ, нѣхотя оставляя балканскія вершины... Чудятся въ этомъ туманѣ и клубы пороховаго дыма, и тяжелыя испаренія холодѣющихъ труповъ... Кажется, что, облекшись въ эти мгlistыя одежды, уносятся отсюда далеко-далеко сотни и тысячи душъ, убиенныхъ вчера и сегодня на этихъ печальныхъ поляхъ...

Одна за другою—безконечными вереницами—туда въ голубой просторъ иного неба—къ престолу божества, не здѣшняго—не къ кровожадному идолу смерти и истребленія, а къ великому идеалу добра и правды... Окутанныя мглою являются они предъ нимъ свидѣтельствовать о людской злобѣ и жестокости... Свидѣтельствовать доколѣ не исполнится мѣратерѣнія его—и новый потопъ не зальетъ землю обезобра-

женную порокомъ и преступленіемъ, потопъ, который схоронитъ подъ собою всю эту мерзость, весь этотъ ужасъ, этотъ старый миръ убійцъ и палачей!..

Сады безчисленныхъ деревень въ долинѣ розъ, обезлиственные зимою, кажутся облаками, отовсюду охваченные марью... Темными пятнами въ сѣромъ туманѣ чудятся роци, откуда вчера въ ночь гремѣли ружейные выстрѣлы и куда устремлялись тревожные взгляды утомленныхъ бойцовъ... Такъ, проходя по ровному кладбищу, вы со смутнымъ чувствомъ еще неопредѣлившагося страха смотрите на землю, въ которой, въ свое время и вамъ выроютъ могилу...

Вчера весь день—далеко отсюда, на томъ концѣ долины розъ—дрался Мирскій со своимъ отрядомъ...

Сегодня солдаты Скобелевскаго корпуса досыпаютъ послѣдній часъ своего отдыха... тревожнаго, прерываемаго щелканьемъ случайнаго выстрѣла, трескомъ гдѣ-то разгорающихся и снова замирающихъ залповъ, направленныхъ изъ тумана въ туманъ, по невидимому, только чувствуемому врагу... Вонъ изъ Имитли, занятаго въ эту ночь, доносится грохотъ орудій, стучащихъ по окрѣпшей за ночь почвѣ...

Одынецъ съ высоты горнаго карниза смотритъ въ эту долину, прислушиваясь къ звукамъ тяжело рождающагося зловѣщаго дня...

Гдѣ-то направо, въ ущельи, которое точно все курится бѣлымъ паромъ, ударилъ барабанъ... Ударилъ и замеръ, точно его раздраженную громкую дробь проглотилъ туманъ... Съ вершины горы ударилъ другой и его звуки прокатились по всей окрестности, будя ея заснувшіе биваки... Третій, четвертый... Гдѣ-то далеко, далеко запѣлъ рожокъ... Скоро вся даль стала откликаться!.. Бругомъ послышался говоръ, лязгъ штыковъ, звонъ манерокъ и котелковъ... Изъ тумана выдѣляются толпы проснувшихся солдатъ... Шумный говоръ точно расплзается по влажному скату передъ молодымъ офицеромъ... Откуда-то слышится громкая команда...

Чей-то конь торопливо стучить въ туманѣ по твердому грунту карниза... Казакъ-ли несется съ приказаніемъ, или такъ сорвалась лошадь и, закусивъ удила, мчится со-слѣцу впередъ... Вонъ въ сторонѣ точно вспыхнулъ крикъ нѣсколькихъ сотенъ отдохнувшихъ солдатъ—отвѣтъ на чье-то привѣтствіе... И снова тяжелыя паузы зловѣщей тишины, и снова томительное молчаніе горъ и долинъ...

— Вашъ-бродь!...—окликнулъ кто-то Одынцева.

— Чего?—оглянулся онъ.

— Наши строятся... Пожалуйте!..

Оба идутъ къ своей ротѣ... вотъ и она... Плечо къ плечу... Тускло блестятъ штыки... Сумрачно смотрятъ сѣрые ряды солдатъ... Всюду чувствуется та особенная серьезность, которая характеризуетъ ожиданіе битвы и сдерживаетъ слишкомъ шумный говоръ... Смѣхъ, во всю, оживленіе полное, безшабашное веселье начинается послѣ боя, передъ нимъ—хотя мало хмурыхъ и растерянныхъ—за то нѣтъ и тѣхъ беззаботныхъ людей, которыхъ мы привыкли видѣть между солдатами...

Рота еще не вся въ строю.

Кругомъ десятки людей переобуваются, мѣняютъ рубашки на холодѣ... По скату горы разбросаны груды тряпокъ, изорванныхъ сапогъ. Солдаты надѣли на себя все чистое и новое... Въ старомъ и грязномъ нельзя идти въ бой—все равно какъ и въ могилу...

— Тутъ, братъ, прямо къ Богу!.. Нельзя...

— На тотъ свѣтъ въ чистомъ надо!—слышится между ними.

— Чего жалѣть-то, все равно помирать—никому не достанется...

— Сегодня наша возьметъ!—носится въ рядахъ.

— Это какъ кому Богъ!..

— Число-то какое... Вонъ офицеры сказывали... Аль не слышалъ?..

— Ну?—звучить откуда-то любопытный голось...—Что такое сказывали офицеры?

— Двадцать-осьмое нонѣ... Двадцать-осьмаго-то мы Зеленя горы взяли, да и Плевень эта сдалась тоже двадцать осьмаго, ну и считай... Сегодня-то какое число будеть?..

— А мы по чемъ знаемъ... Это не про насъ...

— Намъ, братъ, такъ—приказано и иди... Какъ тутъ еще числа эти разбирать—не разберешь всего...

Кучка офицеровъ впереди занималась совсѣмъ иными соображеніями...

— Ишь подошла подлая Шипка... Прямо къ нашему лѣвому флангу раскинулась она...

— Деревня-то!

— Вотъ-вотъ... Развалины, развалины, а чортъ ихъ знаетъ что въ нихъ... Можетъ быть цѣлые таборы сидятъ; на всякій случай запрятались...

— Двинуться на Шейново прямо-то и нельзя... Разговаривать только напрасно...

— И безъ насъ рѣшатъ!.. Все равно...

— Сегодня послѣдній день боя... Съ завтрашняго дня у турокъ уже не будетъ ни одной арміи...

— Не рано-ли хоронить ихъ?.. Ты что-то ужъ очень свѣтло смотришь!

— Вѣрно... Гдѣ-жъ имъ взять, послѣднія усилія напрягаютъ... Разобьемъ—я сейчасъ отпращусь домой.

— Зачѣмъ?

— Меня невѣста ждетъ давно ужъ... Женюсь и съ женой прїѣду уже прямо въ Константинополь.

— Вотъ какъ ты!—засмѣялись кругомъ.—Быстро!

— А что же насъ задержать можетъ? Только пораскиньте умомъ....

— Адрианополь...

— Адрианополь безъ войскъ ничтоженъ...

Туманъ рѣдѣлъ.

Мало-по-малу день вступилъ въ свои права... Солнца не было видно, но вверху тучи уже пожелтѣли, точно первые солнечные лучи со всѣмъ своимъ золотомъ и свѣтомъ уже распустились въ вязкой и медлительно двигавшейся массѣ этихъ вѣчныхъ странниковъ зимняго неба... Туманъ тоже пожелтѣлъ. Нѣсколько капель солнечнаго золота и въ немъ растворилось, придавая засыпаннымъ снѣгами скатамъ болѣе блеска и жизни. Кое-гдѣ выступили горные хребты. Въ сѣромъ маревѣ мглы легли темныя полосы ущелій... Опредѣлились рощи и сады долины... И сама она разстлалась внизу съ массою своихъ деревень еще смутныхъ, еще словно прятывшихся за пологъ золотистаго дыма... Но по мѣрѣ того какъ просыпался день—и пологъ этотъ приподнимался все выше и выше...

Одынцеву и Ордину сверху видно, какъ передовыя наши колонны ползуть внизъ по скатамъ... Правильныя массы ихъ уже въ долинѣ и передвигаются все больше и больше впередъ, маневрируя и располагаясь въ боевыя линіи... Мгла еще окутываетъ Шейново... Оттуда съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ перваго выстрѣла... Но молчить эта мгла, молчить и спрятавшаяся въ нее роща, молчить и схоронившаяся за рощей деревня...

Все тихо...

Горы, гдѣ стояли наши резервы, еще недавно полныя шума и жизни—мало-по-малу стихаютъ...

Войска отсюда сходятъ въ долину... Впрочемъ, отъ этого балканскія твердыни не сдѣлались болѣе пустыми... Когда на нихъ въ оврагахъ и рытвинахъ стояли цѣлыя полки, склоны ихъ были такъ-же мертвы, какъ и теперь... Жалкія двѣ роты еще остались тамъ, но присутствіе ихъ ничѣмъ не обнаруживается на грозныхъ отвѣсахъ первозданныхъ, засыпанныхъ снѣгомъ громадъ, которыя безлюдными пустынями возносятся къ самымъ небесамъ—точно таинственные алтари какихъ то невидимыхъ и невѣдомыхъ гигантовъ...

— Какое мрачное молчаніе!—обратился Одынцевъ къ товарищу.

— Утромъ—тамъ далеко у Мирскаго вспыхивала перестрѣлка... Только разомъ и смолкла.

— Что-то тамъ дѣлается... Поди умирають... Раненые мучатся...

Передъ первыми грозowymi раскатами рѣшительнаго боя все точно принизилось, преклонилось и въ благоговѣйномъ безмолвіи ждало властнаго голоса бури...

— Какъ красиво!..—крѣпко вздохнулъ Ординъ.

— Что красиво?

— А вонъ вся эта картина...

И онъ взмахнулъ рукою на долину, теперь уже ясно раскидывавшуюся внизу...

И дѣйствительно, хороша была она, когда туманъ разсѣялся мало-по-малу, когда сквозь тучи опаловое сіяніе солнца лѣниво скользило по ея спокойной поверхности.

Вонъ серебряная нить замерзшей рѣки извивается по ней... Далеко на югѣ—туманная масса Казанлыка... Въ бинокль видны высаяціеся тамъ минареты... Минареть—весь бѣлый и въ самомъ низу, почти подъ ногами у офицеровъ... Это счастливая и красивая нѣкогда деревушка Имитли... Между Имитли и Казанлыкомъ—цѣлое море опаловаго мягкаго сіянія... точно изъ-за своей тучки—какъ сквозь матовыя стекла свѣтитъ сюда южное солнце... За Казанлыкомъ, на югѣ—какія-то синія массы... Это Малые Балканы, сладострастно обнявшіе отсюда полную лѣни и нѣги долину розъ... За ними, за этими синими массами идутъ равнины Марицы и Тунджи... Тамъ развалины Эски-Загры—долины Хаскюя... Красивое Герменлы, великолѣпное Эдирне, воспѣтое поэтами и сказочниками мусульманскаго мира, съ сотнями джамій и минаретовъ, съ дворцами и сераями, съ садами и древними руинами...

— А прямо передъ нами-то... Посмотрите!—показываетъ Ординъ молодому офицеру...

— Красиво, да! очень красиво...

Все Шейново закуталось какъ-будто отъ холода въ голубую рощу... Безлистные деревья ея въ своихъ вѣтвяхъ кажется еще удерживаютъ клочья порѣдѣвшей мглы... Налѣво, къ самымъ горамъ прислонилась и точно проситъ у нихъ защиты разоренная Шишка... Мечеть цѣла... Цѣль ея высокій минаретъ, гордо подымающийся посреди развалинъ... Эмблема недавняго прошлаго, когда исламъ попиралъ наклонившееся къ его ногамъ христіанство...

— Вы посмотрите туда въ бинокль...

Улицы развалинъ... Развалины всюду... Христіанскій храмъ въ руинахъ; точно какою-то чудовищною челюстью обгрызаны стѣны домовъ съ провалившимися крышами... Вонъ чифликъ отдѣльно стоящій... Только и осталось отъ него, что обгорѣлыя головни... Три дерева, неизвѣстно какъ уцѣлѣвшіе въ огнѣ, бессильно склоняются къ остаткамъ пожара, точно оплакиваютъ еще недавно счастливый уголокъ... Развалины вдоль горъ тянутся на нѣсколько верстъ... То лежатъ грудями, то тянутся узкой грядой, точно тамъ рухнула каменная стѣна... Вонъ цѣлый домъ—въ зіяющія окна смотритъ черный обгорѣлый дворъ... Какое-то движеніе мерещится въ этой фермѣ... Вѣрно передвигаются таборы, желая встрѣтить непрощенныхъ гостей, уже занявшихъ западный уголъ благословенной долины розъ...

Вонъ и они,—эти непрощенные гости...

Темные ряды боевыхъ линій... Первый отрядъ графа Толстаго уже занялъ передовую позицію... Это его темныя массы растянулись передъ Шейновымъ... Тускло поблескиваютъ горныя орудія, вдвинувшіяся чуть не въ самую передовую цѣпь... Позади темнѣетъ вторая боевая линія... Болѣе густыя массы, болѣе рѣзко опредѣлившіяся колонны... Еще позади уже къ самой горѣ, гдѣ стоитъ Одынцовъ, придвинулись резервы... Эти видны совсѣмъ отчетливо...

Одушевленно и шибко спускается внизъ болгарская дружина... Смуглыя торжествующія лица мстителей за недавній

погромъ въ этихъ же самыхъ долинахъ, за тысячи, десятки тысячъ замученныхъ и убитыхъ братьевъ—мелькаютъ мимо Одынцова...

Рядомъ съ нимъ сталъ болгаринъ переводчикъ.

— Добре вамъ, братья!—привѣтствуетъ онъ своихъ съ сияющей улыбкой...

— И тебѣ также,—слышится въ отвѣтъ ему.

— Дай вамъ Господь праведный побѣду!...

— Да исполнится желаніе твое!..

— Отомстите за нашихъ женъ и матерей, за сестеръ своихъ!..

— За всю замученную Болгарію!—слышится изъ рядовъ...

И еще поспѣшнѣе сходить внизъ дружина, чуть не перегоня своихъ офицеровъ.

Точно она боится, что дѣло окончатъ ранѣе, чѣмъ она успѣетъ ринуться въ бой... что завѣты мести останутся невыполненными!..

Одынцовъ смотритъ въ лицо переводчику.

Что съ тобой?

Болгаринъ плачетъ, протягивая руку впередъ...

— Что ты?

— Тамъ... У меня турки сожгли живьемъ жену... Увели дочь... Тамъ—въ Чекирли...

Лицо его охватываетъ непримиримая злоба.

Онъ подымаетъ глаза къ опаловому небу...

— Господи, Ты правъ! Отомсти имъ!.. Пошли сегодня на ихъ головы смерть... Пусть Твой гнѣвъ испепелитъ ихъ молніями... —Дай русскимъ побѣду!—опускается онъ на колѣни, рыдая жгучими слезами отчаянія и печали...

ГЛАВА XXI.

Бой у первыхъ ложементовъ.

дѣ *** ая-то рота?—почти взлетѣлъ на гору, къ Одынцеву, молодой казакъ, лихо пригнувшійся къ шеѣ степнаго коня.

— Здѣсь.

— Ротный командиръ!

Старый офицеръ съ георгиевскимъ крестомъ спокойно подошелъ къ нему.

— Отъ генерала?

— Да... Ведите роту въ бой въ первую линію... Поскорѣе... Займите вонъ тотъ интервалъ!

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!—обернулся старый капитанъ къ офицерамъ. — Думалъ, что все время придется въ резервахъ простоять—а тутъ въ первый огонь!..

— Что-жъ вы жалуетесь?—вспыхнулъ Ординъ.

— Я-то?.. Я не жалуясь... Да не особенно и рвусь. Это уже сорокъ-второе сраженіе въ моей жизни... Привыкъ... Вамъ, молодежи, скорѣе хочется получить крещеніе... А намъ что — дѣло знакомое и ужъ вовсе не особенно привлекатель-

ное... Служба. Ну, ребята!—обернулся онъ къ солдатамъ.—
Перекрестимся да и внизъ...

Послышался шелестъ. Снимали шапки, крестились... Солдаты оглядывались назадъ на оставляемый ими бивакъ, точно онъ имъ сталъ вдругъ и миль, и дорогъ... А вѣдь ничего, кромѣ утопаннаго снѣга да слякоти тамъ и не было...

Спустя минуту, рота быстро спускалась внизъ, вытянувшись длинной линіей по довольно крутому скату.

Тутъ уже говоръ замеръ. Сосредоточивался всякій. Еще бы! можетъ быть, сейчасъ и конецъ. Разрѣшается тайна жизни... Теперь вотъ живъ, мѣсишь ногами скользкую почву, а черезъ нѣсколько минутъ тѣло вмѣстѣ съ ружьемъ и ранцемъ останется внизу на опаловомъ снѣгу этой долины, а самъ по-лѣтѣшь въ это желтоватое небо, въ эти тучи, пронизанныя солнечнымъ свѣтомъ, не имѣющимъ силы прорваться въ долину, но распускающимся въ ихъ влажной массѣ.

— Господи, прости!—слышится за Одынцевымъ...

Онъ оглядывается... Унтеръ-офицеръ набожно крестится, вглядываясь въ высоту,—въ высоту, гдѣ за этими тучами ему чудится источникъ свѣта и истины, Богъ карающій и милующій.

— И помилуй!—заканчиваетъ онъ...

Ординъ весело догоняетъ Одынцева... На лицѣ у него улыбка, ноги какъ-то особенно быстро сбѣгаютъ внизъ...

— Сегодня расколотимъ турецкую сволочь, а завтра буду просить генерала отпустить меня домой...

— Валь-бродъ!—замѣчаетъ старый солдатъ.

— Что ты?

— Передъ боемъ не ругайтесь...

— А что?

— Нехорошо, сказываютъ... Не любить онъ этого...

— Кто онъ?

— Онъ-то!—задумался солдатъ.—Сказываютъ... А только что нехорошо, примѣта такая...

Быстро рота оставляет за собою боевыя линіи... Вотъ она уже подходитъ къ передовому отряду... Вонъ по флангамъ стоятъ болгарскія дружины. Въ центрѣ — стрѣлковыя батальоны, только впередъ выдвинулась горная батарея...

— Зачѣмъ это генераль артиллерію такъ поставилъ?

— Да вѣдь пушченки-то маховыя... Большихъ перевезти нельзя было черезъ эти горы... Значить, ихъ нужно поставить поближе къ врагу... доплюнуть чтобъ могли... Передъ цѣпью стали... Молодцы!

Скобелевъ вихремъ пронесся мимо... Остановился на минуту...

— Выдвиньтесь на хорошій ружейный выстрѣлъ... — И помчался впередъ.

За нимъ Одынцевъ различилъ нѣсколькихъ ординарцевъ. Въ рукахъ у одного казака былъ значекъ, всюду слѣдовавшій за генераломъ.

«Какъ жутко!» — хотѣлъ было сказать Одынцевъ, да оборвался... Еще, пожалуй, примуть за труса, хотя, если-бы онъ взглянулъ повнимательнѣе въ лица товарищей, то и въ нихъ прочелъ-бы то же самое выраженіе...

— Какъ тихо! проговорилъ онъ вмѣсто этого.

— Какъ жутко! — казалось, высказывали всѣ эти нахмуренныя лица, всѣ эти сосредоточившіеся на загадочномъ шейновскомъ лѣсу глаза... «Какъ жутко, что-то будетъ?.. Хоть-бы поскорѣй начиналось... Молчаніе это хуже самаго боя... Точно и этотъ воздухъ, и эти горы, и эти лѣса, и эти тучи — задумались надъ жертвою уже готовой, распростертой на алтарѣ и только ожидающей ножа, который долженъ вскрыть ей медленно дышащую грудь и вырвать изъ нее облитое кровью, трепещущее сердце... Какъ жутко!»

— Хоть-бы поскорѣе... — вырвалось у Ордина.

И, какъ-будто-бы исполняя его желаніе, ахнула своею мѣдною грудью маленькая пушченка и послала первую гранату въ загадочно-молчаливый лѣсъ... Вслѣдъ за нею загово-

рили и другія... Одынцевъ замѣтилъ, что орудія бьютъ по какимъ-то неопредѣленнымъ массамъ, развернувшимся передъ Шейновымъ. Онъ взялъ бинокль — оказалась [турецкая кавалерія... Она разсыпалась во все стороны отъ первыхъ залповъ горныхъ орудій.

Разсыпалась точно толпа мальчишекъ, очищающихъ мѣсто настоящимъ бойцамъ...

И эти настоящіе бойцы бросили свой отвѣтъ на гордый вызовъ нашихъ орудій.

Пятнадцать дальнобойныхъ орудій подняли брошенную имъ перчатку... Гулъ пятнадцати выстрѣловъ еще не разсѣялся, какъ чугунныя гранаты уже ворвались въ наши ряды, точно отыскивая между ними кого-то и съ злобнымъ трескомъ разрываясь въ сѣгугу мирной долины...

Горныя батареи отвѣтили въ свою очередь — но гранаты ихъ не долетѣли до лѣсу.

Артиллеристы разозлились и вылетѣли впередъ на совершенно открытое мѣсто... Отсюда и продолжался неравный поединокъ...

— Экая досада! — слышится голосъ старика капитана. — Турки бьютъ изъ лѣсу... Ихнихъ орудій не видать.

— Чу... Слышите, слышите!..

Въ кровожадномъ ревѣ турецкихъ батарей стали выдѣляться отдаленные звуки рожковъ... Турки подавали сигналъ «вниманіе.» Этотъ у нихъ всегда предшествуетъ другимъ сигналамъ... Самый звукъ его похожъ на русское: «смотри, смотри!»

Печальные звуки рожковъ пронеслись и замерли въ лѣсу... Гдѣ-то далеко, далеко чуть слышные откликнулись такіе-же рожки въ горахъ... Точно въ горныхъ ущельяхъ сказочныя птицы запѣли мѣдными горлами свою утреннюю пѣсню... Справа изъ-за Казанлыка донеслось тоже: «смотри, смотри..!»

— Экая гадость!.. Орудія наши малы... — слышалось между офицерами.

— Ничего достануть... Имъ хобота подрыли... Не даромъ теперь... Вотъ вотъ...

И дѣйствительно—граната попала, наконецъ, въ лѣсъ... Оттуда слышались ружейные выстрѣлы—первыя пули пронизали воздухъ... Точно этого только и ждали наши цѣпи... Разсыпались и стали пострѣливать, мало-по-малу придвигаясь къ лѣсу... Вонъ холмъ впереди—какой соблазнъ для малодушныхъ!—за нимъ безопасно... Еще нѣсколько минутъ назадъ онъ казался бѣлымъ отъ покрывшаго его снѣга... Теперь обращенная къ намъ его сторона почернѣла, точно снѣгъ стаялъ... Это солдаты засѣли за нимъ... Засѣли вплоть до верху и оттуда, изъ-за гребня, открыли густой огонь по туркамъ. Севозъ трескотню залповъ и бѣглый огонь нашей цѣпи—гдѣ-то далеко, далеко едва слышное вспыхнуло чье-то «ура». Звучало оно смутно, но все-таки въ немъ сказалось что-то могучее, и стихійное, сразу можно было сообразить, что гремитъ оно по всей линіи значительнаго количества войскъ.

— Это у Мирскаго...

— А можетъ и у насъ, гдѣ-нибудь на флангѣ.

Пока цѣпи отстрѣливались, передовой отрядъ весь залегъ въ лощины... Его не было видно... Гранаты проносились надъ нимъ, точно отыскивая—куда это дѣвались солдаты... Одынецъ изъ-зади слышитъ музыку... Оглядывается—вторая линія войскъ вступаетъ подъ звуки марша на боевую позицію... Знамена тамъ развернуты и ихъ чуть колышетъ легкій вѣтеръ... Справа доносится громкая пѣсня... Это болгарское ополченіе запѣло свой народный гимнъ, прежде чѣмъ ринуться въ бой. Какъ-то странно звучитъ эта воодушевляющая пѣсня... Болгары на другомъ флангѣ подхватываютъ ее... Пѣсня прерывается грохотомъ орудій...

— Ай!—слышится рядомъ съ Одынцевымъ.

Онъ быстро обертывается. Молодой солдатикъ вскочилъ изъ лощины и хватается себя за бокъ...

— Что ты?

— Такъ... думалъ пуля вдарила... А только ничего...

Ничего, а самъ руку держать у бока... Ничего, а сквозь пальцы этой руки уже сочатся красныя струйки крови... Ничего, а на лицѣ расплзается удивленіе...

— Точно палкой... говорить онъ съ видимымъ облегченіемъ.

— Да ты раненъ?..

— Нѣтъ, вашъ-бродь... Я еще живъ, не болитъ... — хочеть онъ себя увѣрить и вдругъ, какъ-то глупо перевернувшись на мѣстѣ, падаетъ навзничъ...

Одынцевъ наклоняется къ нему.

— Ну, что ты?..

Солдатъ усиленно моргаетъ глазами... Оскалилъ ротъ, точно хочеть показать, какіе у него бѣлыя, здоровыя зубы... Сознаніе сбѣгаетъ съ лица... Глаза упорно останавливаются, точно сквозь голову наклонившагося къ нему Одынцева онъ хочеть разобрать что-то, видимое одному ему... Грудь уже не дышетъ... Только сквозь продранное осколками гранаты сукно вскипаетъ и пузырится кровь...

— Холмы-то, холмы... — крикнулъ кто-то.

Смотрягъ туда и видягъ, что за ними, за этими холмами, притаились турки. Эти холмы на равнинѣ передъ лѣсомъ... Вѣрно непріятель выслалъ туда свои аванпосты. Оттуда и бьютъ теперь на выборъ...

— Ну-ка, ребята, выгонимъ ихъ оттуда! разомъ какъ-то преображается старикъ капитанъ... — Подымайся... И разомъ, съ бѣгу...

Рота бросается къ ближайшему холму... Бѣжитъ и Одынцевъ... Бѣжитъ и видитъ, что люди — нѣтъ-нѣтъ, да и спотыкнутся... Спотыкнутся и упадутъ, а падая только какъ-то странно раскидываются и корчатся на землѣ, но уже не поднимаются вновь... Вверху посвистываютъ пули... Неужели это все раненые, убитые?.. «Цѣль-ли я? не раненъ-ли?» — проносится у него въ головѣ...

Наши бѣгутъ, не стрѣляя...

Некогда! Каждая секунда, сокращающая разстояніе между ними и непріателемъ—дорога...

Впереди, подпрыгивая и задыхаясь, бѣжитъ капитанъ... Грузень ужь очень сталъ, не по возрасту ему эта легкость... За то залпы оттуда не стихаютъ, а, напротивъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ съ лихорадочною почти быстротою... Видимо и враги торопятся, видимо и они со слѣпу посылаютъ впередъ свои пули, стараясь только объ одномъ, чтобы какъ можно болѣе выбросить пулю въ эту бѣгущую на нихъ извилистую линію русскихъ солдатъ...

Залпы слились въ одинъ непрекращающійся трескъ. Вотъ курганъ близко, очень близко... Одынцевъ смутно видитъ какія-то красныя фески, сползающія оттуда... Вотъ уже онъ около самаго кургана... Ничего понять не можетъ... Какое-то «ура,» разомъ вскинувшееся къ верху—какъ огонь изъ трубы, лязгъ штыковъ... стоны... Вонъ въ сторонѣ солдаты работаютъ прикладами... Рядомъ съ нимъ какое-то черномазое лицо—смотритъ, кажется, на него... Лицо это скользитъ внизъ...

— Слава Богу! Чуть-было онъ, ваше-благородіе, штыкомъ не пырнулъ... Теперь готовъ будетъ...

Одынцевъ слушаетъ и видитъ, какъ солдатъ вытаскиваетъ свой штыкъ изъ живота убитаго имъ турка.

Вонъ на вершинѣ холма какой-то солдатикъ радостно машетъ руками и оретъ что-то...

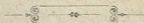
Не рано-ли только?... Какая-то пуля наткнулась на него—и онъ стремглавъ летитъ внизъ.

Турки бѣгутъ къ лѣсу...

— Слава Богу!.. Съ первой удачей поздравляю васъ, ребята!—окликаетъ капитанъ свою роту...

— Ради стараться!..

И еще разъ радостное, возбужденное «ура» уносится отсюда подъ самыя тучи.

ГЛАВА XXII.

Первая атака.

Саянъ курганъ, Одынцевъ быстро взобрался на верхъ.

Прямо передъ нимъ по снѣговой глади бѣжали къ шейновскому лѣсу турки... Бѣжали въ разбродъ, кто куда попало... Подъ огнемъ нашихъ солдатъ, многіе изъ нихъ падали, и по разнымъ логамъ не мало уже чернѣло такихъ неподвижныхъ, распростершихся на снѣгу силуэтовъ... Нѣкоторые уходятъ, отстрѣливаясь на удачу... Вонъ цѣлый таборъ отступаетъ въ порядкѣ — зрѣлище не совсѣмъ обычное въ стычкахъ такого рода.

— Ишь, какая чистая работа! — восхищается капитанъ, глядя на эту картину...

— Взяли разомъ!..

— Это у насъ называется съ маху. Налетѣли и кокнули...

Поди, много раненыхъ у насъ... Эй, Филатовъ!..

Фельдфебель подбѣжалъ къ ротному командиру.

— Много-ли у насъ убитыхъ?

— Человѣкъ семь.

— А раненыхъ?

— Не успѣлъ еще счесть. Которые на ногахъ—двадцать...

— Да и ты вонъ, кажется?—показалъ капитанъ на руку, гдѣ у фельдфебеля чернѣла свѣжая рана...

Филатовъ ткнулъ ногтемъ въ рану и улыбнулся съ самымъ равнодушнымъ видомъ, точно это была чужая рука.

— Это такъ, нестоящая... Кости не тронула...

— Болить... Ты-бы не трогалъ... Перевязать надо.

— Мозжитьъ, точно что... А только пущай ее... Отчего-жъ ей и не болѣть?... Кожу попортило, точно—знакъ будетъ,—и онъ опять поковырялъ пальцемъ въ ранѣ...—А что касающе до перевязки—такъ вѣдь не напасешься тряпокъ-то... Вечеромъ что будетъ, а пока ходить и такъ... Вотъ только Алехина у насъ совсѣмъ неподходяще тронуло...

— Ну?

— Пулей ему... носъ!

— Какъ носъ?

— Такъ, отшибло носъ... Онъ завязался... Теперь безъ носу будетъ... Я ужъ ему говорилъ, что солдату носъ не нуженъ... Не слухаетъ, плачить... Ваше высокоблагородіе, дозвольте цѣпи за турками... Пошпынять-бы ихъ...

— Прапорщикъ Одынцевъ, берите цѣпь и за турками вслѣдъ.

Черезъ минуту Одынцевъ былъ уже передъ холмомъ... Съ жару, подъ впечатлѣніемъ первой удачи, солдаты живо бросились впередъ... чуть не бѣгомъ... Вонъ уже и турки близко... Тоже подобрались немного: видимое дѣло, не хотятъ попадаться въ руки къ нашимъ... Одынцевъ такъ только подбадриваетъ своихъ...

— Сейчасъ, пожалуй, и на плечи къ нимъ сядемъ!—замѣчаетъ на бѣгу веселый солдатикъ, оглядываясь на офицера.

— А вотъ, прибавимъ шагу...

— Они бѣгать тоже, вашъ-бродь, горазды... Живо это у нихъ... Ноги-то... Пожирать и имъ не хоцца...

И вдругъ не кончилъ. Какъ-то дико вскрикнулъ, ринулся

впередъ, развелъ руками, точно хотѣлъ поплыть вверхъ на воздухъ, и рухнулъ прямо лицомъ въ снѣгъ.

Огонь у турокъ усиливается.. Чаще въ нашихъ рядахъ падаютъ солдаты. Нѣкоторые точно въ раздумьи останавливаются.. опускаютъ ружья—и, уже опираясь на нихъ, возвращаются назадъ, волоча за собою раненую ногу. Вонъ донецъ взылся откуда-то... Бросился было впередъ...

— Ты куда?—останавливаетъ его Одынцевъ.

— Дозвольте!.. — мнется тотъ. Петерпѣливый конь степнякъ бьетъ копытомъ въ землю.

— Чего дозволить?

Ишь лошади-то... Одно слово—орлы...

По долину дѣйствительно бѣгутъ кони безъ всадниковъ. Мѣткія пули вѣрно сорвали черкеса съ сѣдла, и несется его конь по всему простору, откидывая хвостъ на отлетъ и развѣвая по вѣтру гриву.

— Орлы!.. Мой-то на ноги слабъ сталъ... А эти во какъ!

И, не ожидая позволенія, донецъ далъ своему коню нагайку и ринулся впередъ... Не смотря на густой огонь, онъ почти ворвался въ массы отступающихъ турокъ, поймалъ потерявшаго своего всадника боня и тутъ-же, подъ пулями, давай его пересѣдывать... Бѣжалъ мимо турокъ — донецъ степнулъ его нагайкой, такъ, для проформы... Другой турокъ приложился было въ него...

— Что ты, бритая твоя башка, въ живаго человѣка стрѣляешь!.. Нешто я тебя трогалъ?.. Одно слово: мусульманъ невѣрный... Что тебѣ чужаго коня жаль стало? Заоралъ онъ весьма убѣдительно на него.

Тотъ помоталъ, помоталъ головой, опустилъ ружье и двинулся впередъ.

— Такъ-то лучше! — бормоталъ донецъ, вскакивая въ сѣдло...—А то тоже стрѣлять! Гололобые!..

Но тутъ изъ лѣсу высыпали новыя толпы турокъ. Все поле усыяли—видимое дѣло, пришли сюда подкрѣпленія...

Огонь оттуда усилился, такъ что донецъ совсѣмъ прижалъ свою голову къ шеѣ благопріобрѣтеннаго коня...

— Точно шмели... Въ рой попалъ... — кидаетъ онъ на встрѣчу нашей цѣпи.

И наша цѣпь медленно двигается... Силы становятся ужь слишкомъ неравны.

Еще нѣсколько минутъ... Налѣво заскакиваютъ черкесы, точно хотять отхватить нашихъ. Вонъ одинъ пронесся вихремъ мимо самаго Одынцева... Смахнулъ пашкой ближайшаго солдата, такъ что тотъ, какъ подрѣзанный, упалъ о-земь. Другіе всадники отхватываютъ флангъ. Цѣпь колыхнулась... пріостановилась... Колыхнулась еще разъ и медленно стала отступать назадъ, посылая пули въ всадниковъ, продолжающихъ свою гоньбу за нашими.

— Ишь, сморгнулъ! — самодовольно замѣчаетъ солдатъ, ссадивъ пулей ближайшаго къ нему черкеса. — Поползи, поползи! Больно храберъ сталь... Невкусно? Похлебай снѣга, похлебай!..

Но всадники всё настойчивѣе и настойчивѣе забираются за нашъ флангъ... Вонъ одинъ точно сверху сорвался, наскочилъ на звѣно изъ трехъ солдатъ, выругался по-русски и соколомъ отлетѣлъ отъ нихъ, джигитую по гладкому полю... Вонъ другой хотѣлъ повторить то-же, но по пути наткнулся на пулю и, какъ мѣшокъ какой-то, сползъ съ сѣдла.

— Ой, вашъ-бродь, отхватятъ они насъ! — замѣчаетъ струсившій солдатъ...

— А ты молчи! — обрываетъ его Одынецъ. — Изъ-зади видятъ, — поддержать.

И тотъ смолкаетъ тотчасъ-же, потому что дѣйствительно изъ-зади на встрѣчу, съ пиками на-перевѣсъ, несется сотня казаковъ.

— Видишь... Насъ-то не забыли... Чего-же ты испугался?

— Оно, вашъ-бродь, куда смѣлѣе, какъ знаешь, что позади свои есть...

— То-то, свои!.. Ты, вѣрно, и смѣль, пока на міру... А ты одинъ будь храбръ!

И вдругъ Одынцеву стало совѣстно передъ этимъ маленькимъ, взѣрошеннымъ солдатомъ... Совсѣмъ стыдно... Не успѣлъ еще со школьной скамьи сорваться, а уже читаетъ ему нотацію,—ему, который и подъ Плевной посидѣлъ, и въ Ловчѣ побывалъ. Одынцевъ отвернулся, чтобы не видѣть этого неповиннаго свидѣтеля его легкомыслія...

Сотня казаковъ все ближе и ближе подскакиваетъ къ черкесамъ.

Тѣ пріостановились... Дали залпъ въ упоръ и кинулись назадъ въ разсыпную, кто куда попало, обернувъ свои магазинки дулами назадъ и продолжая стрѣлять на скаку.

Нѣсколько усталый возвращается Одынцевъ къ курганамъ...

— Ничего... Вы молодцомъ!..—ободряетъ его капитанъ... — Я сверху видѣлъ все.

— А, докторъ, и вы здѣсь?—обертывается Одынцевъ къ Соймонову.

— Да...—разсѣянно отвѣчалъ тотъ.—Гдѣ Казанлыкъ будетъ, господа?

— А вамъ что не терпится? Зачѣмъ это еще Казанлыкъ потребовался?

— Надо...

— Должно быть, туда!—взмахнулъ капитанъ направо.

— Тамъ ничего не видно.

Туманъ мало-по-малу сползаетъ и съ горъ, гдѣ онъ еще держался.

— Смотрите, смотрите!..

Точно темныя тучи движутся оттуда внизъ.

— Что это?

— Шипкинскіе таборы съ высоты сходятъ... Помочь своимъ...

— Ну, будетъ дѣло.

— Сегодня, господа, на холодъ жаловаться не станете!

Гдѣ-то налѣво разгорается огонь.

Въ одномъ изъ отдѣльно стоящихъ чифтликѡвъ засѣли турки... Назадъ имъ нѣтъ пути, потому что пришлось-бы проходить черезъ поле, уже занятое нашими. Они и отерыли огонь въ окна.

— Неладно это,—замѣчаютъ солдаты около.

— Онъ насъ оттуда до пропасти сколько забьетъ... А что ты съ нимъ подѣлаешь, когда отсель онъ не выйдетъ?..

Наши залегли въ лѣсъ и давай стрѣлять въ окна деревянной фермы.

Вонъ нѣсколько человѣкъ порѣшительнѣе побѣжали прямо къ ней, припадая по пути къ землѣ и мѣняя направленіе.... Къ самой стѣнѣ привалились такимъ образомъ.

— Ивановъ!—оретъ одинъ изъ нихъ.

Длинный солдатъ съежился подъ снѣгомъ и сторожить дуломъ ружья—не высунется-ли кто оттуда.

— Давай ихъ въ окна бить!

— Давай...

Отползли къ дереву и оттуда открыли огонь въ окна...

Нѣсколько пуль впилося въ корявую поверхность старой вишни... Одна сорвала шапку съ Иванова.

— Теперь я безпремѣнно долженъ съ него ефѣску эту самую снять... Потому онъ мнѣ испортилъ шапку...

И Ивановъ прехладнокровно пошелъ, уже не прячась, къ окну.

Одна пуля свистнула у самого уха...

— Ладно!..—И Ивановъ почти въ упоръ застрѣлилъ высунувшагося въ окно турка.

— Теперь, братъ, наша возьметъ... Шалишь!..

Трупъ такъ и остался въ окнѣ, перевѣсившись сюда... Ивановъ сорвалъ съ него фѣску и торжественно надѣлъ ее на себя.

— А ты, мальчишечко, не стрѣлай... себя побереги,—резонно замѣтилъ онъ мальчику, который съ разгорѣвшимися гла-

зами показался въ окнѣ и, взявъ ружье отца, послалъ выстрѣль въ солдата.

— Ну, что-жь хорошаго?.. Теперь я тебя застрѣлить долженъ! Съ видимымъ сожалѣніемъ рѣшилъ онъ.

И Ивановъ давай ломиться въ дверь фермы.

Подбѣжали другіе — высадили ее и ворвались... Посреди комнаты стояла старуха, прикрывая собою сына. Мальчикъ оттуда, казалось, собирался еще стрѣлять...

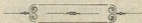
— Что съ нимъ, братцы, дѣлать? Нешто простимъ имъ?

— Стрѣлай! чего жалѣть?..—И рядомъ стоявшій солдатъ ткнулъ прикладомъ въ лобъ старуху; та рухнула внизъ... На него наскочилъ мальчикъ, но напоролся на штыкъ и заметался тутъ-же на полу.

— Нешто они насъ жалѣютъ...—смущенно оправдывались солдаты...

— Жаль мальчишечки!.. — остановилъ надъ нимъ Ивановъ.

— А зачѣмъ онъ въ окно стрѣлилъ?.. Одно сѣмя-то, что и большіе... Съ ими бѣда!

ГЛАВА XXIII.

Соймоновъ на пути въ Казанлыкъ.

Октору почему-то показалось, что турки должны были оставить Казанлыкъ. При немъ адъютантъ генерала Дохтурова, задыхаясь отъ усталости и чуть не падая со взмыленной лошади, прискакалъ къ Скобелеву.

— Турки окружены нашей кавалеріей съ тылу!... — отпортовалъ онъ ему.

— Значить, — спросилъ его Соймоновъ, когда онъ отъѣхалъ, — въ Казанлыкъ никого нѣтъ?

— Одно вѣрно, что турки теперь туда не прорвутся... Утромъ тамъ слышалась какая-то перестрѣлка.

«Вѣрно Мирскій уже занялъ городъ! Нужно было-бы сейчасъ-же отправиться туда!»

Онъ уже окончилъ свое дѣло на перевязочномъ пунктѣ. Раненыхъ пока было мало — врачей оказывалось болѣе, чѣмъ достаточно. Да, наконецъ, онъ готовъ былъ позабыть все въ виду опасности, въ которой находилась любимая дѣвушка... Мало-ли что могутъ надѣлать солдаты, ворвавшись въ городъ!.. Особенно если ихъ турки тамъ встрѣтятъ выстрѣлами. И ви-

нить за это нельзя. Сослѣпа!.. Въ жару беспощадной бойни люди, видѣвшіе смерть своихъ товарищей, едва-ли станутъ церемониться съ мирными жителями, тоже вооружившимися ружьями. А если она бѣжала?.. Онъ не зналъ о томъ, что Айша сидѣла въ казанлыкской тюрьмѣ. Ему она чудилась трепещущей и безсильной въ рукахъ остервенѣвшихъ отъ крови, отъ постоянного зрѣлища смерти солдатъ.

Онъ невольно погналъ коня по пути къ городу.

Со злобнымъ свистомъ летѣли за нимъ, какъ-будто въ догонку, турецкія пули. Шрапнели порой разрывались надъ его головой... Осколки гранатъ визжали въ слѣдъ ему. Соймоновъ только шпорилъ коня...

«А что, если понадобятся врачи?...» — опять пронеслось у него въ головѣ.

Онъ было приостановился.

«Вѣдь это измѣна!»!.. А что, если она теперь въ чужихъ рукахъ, окруженная беспощадными врагами?!

И онъ опять забывалъ все... И опять заморенный конь его, спотыкаясь, двигался все дальше и дальше...

Вонъ передъ нимъ — словно изъ земли выросли стройные ряды солдатъ. Точно на парадѣ идутъ они одни за другими... Это угличане и казанцы... Они развертываются такъ красиво подъ звуки музыки, распущенныя знамена такъ величаво колышутся надъ ними, точно благословляя ихъ на побѣду, что остальные части отряда кричатъ имъ навстрѣчу восторженное «ура»! Стройно входятъ новые полки въ боевую линію... Скоро звуки марша совершенно заглушаются стройнымъ «ура», перекидывающимся съ кургана на курганъ, изъ лощины на лощину, съ одного поля на другое... Долина принимаетъ необычайно праздничный видъ... Совсѣмъ дикою кажется мысль, что люди умираютъ подъ этотъ ликующій гомонъ. Скорѣе торжество какое-то совершается посреди этого простора... И самые залпы вражыхъ ружей, удары кровожадныхъ пушекъ кажутся неизбѣжными деталями, только придающими болѣе

полноты, блеска и шума веселому празднику... Но это только издали... Вблизи—то и дѣло передъ глазами корчатся на облитомъ кровью снѣгу умирающіе; едва переступая съ ноги на ногу, тянутся къ перевязочнымъ пунктамъ раненые... Другіе колышутся въ носилкахъ; медленно идутъ съ ними санитары, точно каждое движеніе ихъ причиняетъ невыносимую боль тому, кто теперь лежитъ тамъ, на этомъ бѣломъ холстѣ, насквозь пропитанномъ красными влажными пятнами...

Вонъ на лѣвомъ флангѣ стрѣлки—сами, не ожидая приказаній, кинулись въ атаку. Точно ихъ осянило вдохновеніе... Мигомъ они пробѣжали убійственное пространство, осыпаемое свинцовымъ градомъ, неудержимо выбили турокъ изъ первой параллели траншей, заложенныхъ въ лѣсу... Оглядываясь, Соймоновъ видитъ на брустверѣ ихъ русскія кепки... Красные языки пламени вырываются изъ этого лѣса... Дымъ клубится надъ нимъ въ зловѣщее черное облако...

— Не знаете, гдѣ Скобелевъ?—наскакалъ на Соймонова донской офицеръ.

— Вонъ тамъ. Вы откуда?

— Отъ Мирскаго... — роняетъ онъ, давая шпоры коню. Соймоновъ догоняетъ его.

— Что въ Казанлыкѣ?

— Казанлыкъ рано утромъ занятъ нами.

Соймоновъ похолодѣлъ даже.

— Съ боя?

— Нѣтъ, совсѣмъ мирно.

— А жители?

— Остались только турецкіе раненые въ своихъ лазаретахъ и врачи съ санитарями при нихъ...

— А женщины?

— Все бѣжало еще два дня назадъ.

— Неужели-же никого нѣтъ?

— Никого! Братушки тамъ распоряжаются.

— А какъ проѣхать туда?

— Валите прямо... Ну, прощайте, мнѣ некогда... Нужно торопиться.

Соймоновъ тоже помчался впередъ.

Онъ оставляетъ за собою роту за ротой, батальонъ, за батальономъ, цѣпь за цѣпью...

Все это куда-то идетъ, воодушевленное, бодрое... «Ура» слѣдуетъ какъ-будто за нимъ... Какіе-то офицеры носятъ, шпоря коней, изъ одной части отряда въ другую... Вонъ какая-то рота бѣглымъ шагомъ торопится впередъ... Весь раскраснѣвшійся толстый капитанъ тоже бѣжитъ поддерживая руками не въ мѣру расколыхавшееся чрево... Откуда-то — тревожный ровоть барабановъ... Гулъ какой-то... Соймоновъ вглядывается по тому направленію и видитъ донскую сотню съ пиками на-перевѣсъ, мчащуюся тоже невѣдомо куда... Вся эта суетня и толкучка кругомъ, всѣ эти торопливо стремящіяся къ неизвѣстнымъ цѣлямъ массы, смѣняющіяся одна за другой, кружатъ голову...

— Куда это? — невольно хочется спросить.

Слышны вопли побѣжденныхъ и торжествующіе клики побѣдителей... Начинается тотъ періодъ боя, когда стихійная сила замѣняетъ одну волю, когда управляющій боемъ можетъ только усилить, направить его, но не прекратить движеніе, не помѣшать ему... Солдаты видимо рвутся впередъ...

А въ это время изъ-зади подходятъ новыя массы войскъ.

Суздальскій полкъ сошелъ съ горы, но, не отдыхая, вступаетъ въ бой.

Быстро двигаются двѣ болгарскія дружины, тоже только что оставившія Балканы.

Новая масса движется Соймонову на-встрѣчу... Какая-то громадная темная линія... Гулъ отъ нея идетъ, точно земля колышется подъ копытами нѣсколькихъ сотенъ лошадей... Вихремъ за нею стремится взбудараженный этою массою воздухъ... Соймоновъ пока ничего не различаетъ... Потомъ только изъ массы выдѣляются отдѣльные всадники..! Въ карьеръ не

сутся они... «Свой или чужіе?»—задается вопросомъ докторъ, и сейчасъ-же ловить себя... «Откуда быть чужимъ?... Это, вѣрно, Дохтуровская кавалерія маневрируетъ съ этой стороны, отрѣзывая туркамъ пути къ отступленію»... Масса все растеть и растеть... Въ ея гулѣ замерли и выстрѣлы ружей, и грохотъ орудій, какъ замирають въ ударахъ большого колокола слабые голоса звонарей, раскачивающихъ желѣзный языкъ. Звенящая мѣдь все покрываетъ собою... Надъ этой массой—цѣлый лѣсъ значковъ... Но Соймонову некогда любоваться красотой этого движенія. Онъ торопится поскорѣе къ завѣтной цѣли... Полеъ пронесся мимо, точно въ смутномъ снѣ.

— Докторъ, докторъ!—останавливають Соймонова.

— Что вамъ?

— Ради Бога... Поскорѣй...

Соймоновъ останавливается. Останавливаются и носилки. Рядомъ съ ними раненый офицеръ.

— Что вамъ?

— Ради Христа...

— Васъ, что-ли, осмотрѣть?

— Нѣтъ; вотъ Ординъ здѣсь лежитъ... Въ животъ ему пуля...

Соймоновъ соскакиваетъ съ коня, который тутъ-же опускаетъ голову и чуть не валится съ ногъ, втягивая въ себя и безъ того впалые бока...

— Что съ вами?

Молодой офицеръ на носилкахъ точно съ усиліемъ разжимаетъ сомкнувшіеся вѣки; воспаленные глаза—видимо имъ больно смотрѣть на свѣтъ.

— Куда васъ?

— Ординъ молча показываетъ на животъ.

Соймоновъ осматриваетъ рану...

— Что? Живъ буду?...—едва-едва шепчетъ раненый.

Докторъ жмурится, молчитъ... Видимо, серьезная рана.

— У меня... въ Витебскѣ невѣста... Адресъ въ портмонѣ...
Напишите ей...

— Ну, еще сами напишете. Скоро выздоровѣете...— усиливается ободрить его Соймоновъ.

— Да?

— Скоро и боль пройдетъ...

— Въ могилѣ... Прощайте... Невѣстѣ напишите... Милая!

И опять смыкаются съ болью раскрывшіяся вѣки, и опять раненый погружается въ молчаливую агонію, точно внутри самого себя уходитъ онъ ото всѣхъ наружныхъ впечатлѣній, переживая мучительные приступы злой смерти...

— Что онъ?—шепчетъ офицеръ рядомъ.

— Кончается...—гѣмъ-же шепотомъ отвѣчаетъ ему Соймоновъ.

— Уже?

— Не донесутъ до мѣста.

Какая-то судорога пробѣгаетъ по лицу умирающаго, точно онъ слышалъ отвѣтъ доктора...

Снова поднимаются носилки...

Оглядываясь, Соймоновъ видитъ цѣлые ряды такихъ-же.

Жаркое дѣло началось впереди, массы раненыхъ.

— Что я дѣлаю?—съ ужасомъ вспоминаетъ докторъ — и возвращается назадъ къ перевязочному пункту...

ГЛАВА XXV.

Айша на ночлегѣ.

еревушка Гедымъ-кіой вся спряталась въ густую рощу айвовыхъ и персиковыхъ деревьевъ. Лѣтомъ—это рай. Волны ароматовъ расплываются въ знойномъ воздухѣ; тишину жаркаго полудня нарушаетъ только рокотъ ручьевъ да плескъ фонтановъ. Сквозь нее змѣится лѣнивая и красивая рѣченка, точно передъ каждымъ тополемъ, выросшимъ на берегу ея, кокетничающая своею прозрачною влагой, серебрянымъ блескомъ струй, изящными излучинами, заросшими розами. Отъ нея—во всѣ двory проведены каналы, быстро бѣгущіе по наклонному, камнями выложенному дну. Канавки эти совсѣмъ теряются въ густой тѣни каштановъ, изъ которыхъ точно стремятся вырваться высокіе минареты прячущихся въ чашу мечетей... Изрѣдка солнце, прорвавшись сквозь листву персиковъ, бьетъ жгучимъ лучемъ своимъ въ мраморную доску фонтана, на которой словно огневою кажется высѣченная и выложенная золотомъ арабская вязь... Но все это лѣтомъ. Теперь не то—теперь Гедымъ-кіой сумраченъ и грязенъ. Снѣгъ сошелъ быстро—осталась одна слякоть. Подъ деревьями раз-

бросались таборы бѣглецовъ, въ домахъ—биткомъ-набито женщинъ и дѣтей... Хозяева едва могли оставить за собою уголокъ... На безлистныхъ айвахъ и каштанахъ развѣшены платья и бѣлье, поразительная своей пестротой. Пестрыя кибитки аробъ, ковры, дамасскія широкополосыя менъ-мене, узорчатые пояса, желтыя и красныя подушки, цѣлыя гирлянды краснаго стручковаго перца, вмѣстѣ съ такими-же пестрыми, во всѣ стороны снующими фигурами бѣглецовъ—утомили-бы непривычный взглядъ еврoneyца... Тутъ и турки изъ-за Балканъ въ красныхъ, желтымъ и чернымъ шелками шитыхъ курткахъ; тутъ и старики изъ-подъ Софіи, закутавшіеся въ желтыя накидки, обернувшіе головы бѣлыми чалмами, изъ-за которыхъ, точно вздутый, торчитъ верхъ алой фески... Тутъ и зеленые халаты муллъ, и голубыя съ желтымъ плащи мусульманъ изъ-подъ Траяна... Затѣйливо шитая золотомъ грудь албанца и рядомъ—рубщице ницаго; ятаганъ весь въ серебрѣ и бирюзѣ, братающійся съ окованнымъ въ желѣзный наконечникъ посохомъ; пистолеты, сверкающіе рубинами и яхонтами,—за поясомъ у гологрудаго оборванца... Алыя чисме и босыя ноги; и всюду закутанныя до бровей женщины... Женщины въ бѣлыхъ яшмабахъ, въ темныхъ чадрахъ, женщины прячущіяся въ глубь кибитки, забивающіяся въ дома, уходящія въ самыя темныя уголки садовъ. Но главную массу этого бивака, все-таки, составляютъ дѣти... Тутъ ихъ тысячи... Иныя потеряли отцовъ и такъ прицѣнились, какъ слабое ползучее растеніе, къ чужой семьѣ; другія—давно уже лишившіяся близкихъ людей, кое-какъ пропитываются подаяніемъ... Головенки болѣе счастливыхъ ребятъ десятками выглядываютъ изъ-за кибитокъ аробъ, слѣдя широко раскрытыми любопытными глазенками за всей этой массой народа, совсѣмъ имъ чуждаго, незнакомаго, свалившагося сюда въ одно мѣсиво Богъ знаетъ откуда... Дѣти въ слякоти растоптанной и насквозь просочившейся почвы, дѣти на порогахъ хижинъ, дѣти съ кувшинами у серебряныхъ струй фонтановъ; дѣти, сплошь наполнившія

мечеть; дѣти, ютящіяся на дворахъ; дѣти, спящія въ корзинахъ и мѣшкахъ, подвѣшанныхъ къ деревьямъ, похожія на только что вылупившихся птенцовъ, уютно помѣстившихся въ теплыя гнѣзда; дѣти на плоскихъ кровляхъ землянокъ; дѣти, спящія между буйволами и ослами... Проходящіе мимо старики заботливо смотрятъ на нихъ; глаза матерей наполняются слезами... Какъ-то удастся имъ спасти и вырастить всю эту мелюзгу?... Еще наканунѣ—они были сыты и счастливы. Теперь всѣ ихъ запасы — въ рукахъ у русскихъ. Едва-едва могли спасти они крохи... Да и тѣхъ остается немного.... Аллахъ милосердъ!... Это такъ, но люди жестоки... Да и гдѣ этимъ людямъ взять столько для милостыни? Во всей этой толпѣ—тысячъ семьдесятъ народу... Она верстѣ на двадцать растянулась—какая-же сила можетъ ихъ пропитать? Кто можетъ спасти отъ нищеты это поднявшееся съ насиженныхъ мѣстъ племя?... Гомонъ и гвалтъ стоятъ надъ Гедымъ-кіюемъ. Пронзительные крики муэдзиновъ, кажущихся на галлерейскхъ своихъ минаретовъ черными воронами, — пропадаютъ въ общемъ говорѣ этого многотысячнаго бивака. Ихъ не слышно вовсе... Тутъ и крики погонщиковъ, желающихъ втиснуться со своими арбами и буйволами въ мѣсто, уже до-нельзя наполненное и безъ того сбившимися въ кучу животными; тутъ и плачь изъ-за желтыхъ шерстяныхъ занавѣсокъ кибитки, скрывающихъ за собою несчастную семью; тутъ и сумрачный, словно крадущійся разговоръ стариковъ, сѣвшихъ въ кругъ и обсуждающихъ близкое и кровное имъ дѣло: чтѣ дѣлать завтра куда дѣваться, куда идти?... Тутъ и громкій говоръ аскеровъ, едва успѣвшихъ уйти отъ плѣна, и оранье баши-бузуковъ пользующихся случаемъ пограбить и въ этой, посѣщенной гнѣвомъ Божиимъ, толпѣ... Тутъ и пронзительные крики помѣшавшихся отъ горя женщинъ, и ни съ того ни съ сего заунывная поэтическая албанская пѣсня, которую всею грудью выпѣваетъ молодой черноглазый красавецъ съ распушенными во всю грудь усами, съ высокими соколиными бровями и цѣ-

лымъ ворохомъ волосъ на головѣ... Вотъ одинъ подобрался къ кибиткѣ, куда пересѣла Айша... замѣтилъ, вѣрно, по пути красоту этой чудной дѣвушки... Южное сердце воспламеняется быстро! Что за дѣло юношѣ до горя другихъ?—его собственное давно разсѣялось подъ взглядомъ этихъ черныхъ газельныхъ, нѣсколько робкихъ глазъ... Откуда-то досталъ онъ струнное меджири... Ему нѣтъ никакого дѣла и до суровыхъ взглядовъ Омера, брата красавицы... Албанецъ волѣнъ пѣть, гдѣ ему вздумается... А ударъ ятагана—онъ съумѣетъ отразить и отплатить за него другимъ, болѣе ловкимъ. Не даромъ изъ подъ руки у него блеститъ вся унизанная сердоликомъ и бирюзой рукоять съ орлиной головой на концѣ. Не разъ уже побывало въ дѣлѣ это кривое лезвее, не разъ бѣжала по немъ кровь врага... А въ жизни — одинъ Аллахъ волѣнъ. Лучше умереть такъ на глазахъ красавицы, чѣмъ какъ собакѣ околотъ гдѣ-нибудь на пустынныхъ поляхъ Хаскія отъ голода и холода...

— Ты-бы шелъ пѣть куда-нибудь въ сторону!—свернулъ на него глазами Омеръ.

— Давно-ли вѣрному мусульманину запрещено пѣть?... Да и гдѣ я пѣть стану?—сдержался на этотъ разъ албанецъ.

— Тутъ сестра моя.

— Пѣсня моя будетъ стоять ея... Она чиста. Я самъ ихъ складываю...

— Пускай его поетъ; не мѣшай ему, Омеръ! — пусть поетъ!—вступилась Гюльма, слегка приподнявшая занавѣску изъ алепской бурсы, закрывавшую кибитку съ его стороны.

Омеръ что-то проворчалъ про себя и отошелъ въ сторону.

Молодой албанецъ постарался было заглянуть въ кибитку—но занавѣска была уже опущена.

Легкій переборъ струнъ и пѣсня ласковая, сковно крадущееся въ сердце, словно обвивающая ту, которой посвящена она, зазвучала среди окружающаго шума.

„Вьются лозы винограда
По гранатѣ, словно змѣйки,
Такъ очей моихъ отрада—
У прелестной бѣлой шейки
Вьются кудри, опьяняя
Ароматомъ до забвенья,
Какъ вина струя живая
Окрыляя вдохновенье...
Но опять придетъ сознанье,
И вина не страшны силы...
А кудрей твоихъ дыханье
Отравляетъ до могилы!...“

— Оттого-то исламъ и гибнетъ, — вмѣшался сумрачный мулла, — что правовѣрные забыли завѣты пророка. Давно-ли они стали славить вино... А помнишь-ли, что сказалъ о винѣ Магометъ?...

— Это вѣдь только такъ, въ пѣснѣ...

— Отъ пѣсни и до дѣла не далеко...

— Оставь его, — вмѣшалась молодежь кругомъ. — Пускай его поетъ... И безъ того мы несчастны...

— „Пѣсня—это слеза сердца!“ сказалъ пророкъ, — вступился молодой софта.

— А пѣсня, негодная Аллаху—это свистъ вѣтра въ проклятой имъ пустынѣ... — попробовалъ было тоже возразить священнымъ стихомъ старикъ-мулла.

— Почему-же любовь проклята? Любовь — это цвѣтокъ, выращенный въ раю! Ангелъ пролетая свѣялъ своимъ крыломъ его оплодотворенное сѣмя и уронилъ на землю! — отвѣтилъ софта. — Ну, юноша, спой намъ еще что-нибудь. Твои пѣсни сладки, какъ медъ въ ливанскихъ долинахъ...

— Довольно... Старикамъ моя пѣсня не нравится, — замѣтилъ было молодой албанецъ, перебирая струны, но тотчасъ же, увидѣвъ, что маленькая ручка съ длинными розовыми ногтями слегка приподняла край занавѣски, ударилъ по струнамъ и опять началъ новый напѣвъ, еще болѣе нервный. Казалось, въ каждомъ звукѣ его билось сердце, и всякое бѣненіе его несло туда, подъ эту нѣжную ткань, за которою затаилась невѣдомая красавица...

„Громко ночью благовонной
Соловей поетъ влюбленный,
Надъ лилеей замирая...
Соловей—Ахметъ влюбленный,
Ты—лилея молодая!...
Вѣтерокъ, скажи лилеѣ—
Смерть идетъ уже къ Ахмету...
Улетѣть ему-бъ скорѣе,
Да у крыльевъ силы пѣту...
Полетѣть-бы крылья рады,
Да сѣтямъ они послушны;
Золотыя-жъ сѣти—взгляды
Чаровницы равнодушной...“

— Тебя Ахметомъ звать?— подошелъ къ нему Омеръ, тронутый безыскусственною пѣсней албанца.

— Да.

— Ты не сердись на меня, Ахметъ... Я былъ несправедливъ къ тебѣ... Пой свои пѣсни...

— Спасибо, Омеръ...

Край занавѣски приподнялся и маленькая ручка бросила пѣвцу нѣсколько засушенныхъ лепестковъ размарина и мяты. Онъ живо подхватилъ ихъ...

— Спой еще что-нибудь!— пристали къ нему.

— Можетъ быть, мои пѣсни уже прискучили кому-нибудь!— нарочно громко крикнулъ Ахметъ.

Изъ-за занавѣски выбросили ему еще нѣсколько лепестковъ...

И тотчасъ-же новая пѣсня, еще болѣе поэтическая, зазвучала подъ аккомпаниментъ струнь.

„Колось зрѣющей пшеницы
Сыплеть зерна золотыя—
Изъ подъ шелковой рѣсницы
Слезы падаютъ живыя...
Въ чуткомъ сердце слезы горя
Не таятся-ль жемчугами,
Что на днѣ глубокомъ моря
Нарождаются вѣками.
Повинуясь грозной силѣ,
Въ неполаду море злится—
Въ перламутровой могилѣ

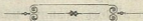
Жемчугамъ покойно спитея.
Но пловцу за то не ново
Вносить ихъ молчаливо, —
Слезы моря голубаго
Міру цѣлому на диво.
Ты не вѣдаешь покоя,
Надъ тобою бьются грозы!
Но, Айша, въ глубокомъ сердцѣ
Ото всѣхъ таятся слезы.
Какъ пловцы въ пространствахъ моря,
Есть слова, что въ сердце бьются,
И отъ нихъ-то перлы гора
Изъ очей прекрасныхъ льются“.

Ропоть одобренія послышался кругомъ.

— Будемъ друзьями! — подошелъ къ нему еще разъ

Омеръ.

— Станемъ братьями! — тихо-тихо отвѣтилъ тотъ.

ГЛАВА XXVI.

Приваль бѣглецовъ.

аборы бѣглецовъ, версть на двадцать кругомъ занявшіе эту роскошную лѣтомъ долину, мало-по-малу къ вечеру успокоились и угомонились...

Заснули усталые, несчастные, раззоренные... Заснули въ своихъ кибиткахъ, хижинахъ, домахъ и землянкахъ Гедымъ-кіоя, заснули въ слякоти его улицъ, у печально лепетавшихъ фонтановъ, подъ безлистными деревьями густыхъ садовъ; заснула и тамъ, въ поляхъ, внѣ деревни, на проѣзжихъ дорогахъ, на шоссе, сплошь запруженномъ буйволowymi подводами, арбами, каруцями цѣлыми сотнями развьюченныхъ катеровъ и ословъ... Въ сторонѣ, кое-какъ раскинувъ по жердямъ свои плащи, сѣли подъ нимъ аскеры,—точно импровизированный лагерь, внезапно выросъ посреди совершенно мирной страны. Тѣмъ не менѣе, не смотря на тишину этой ночи—со всѣхъ сторонъ стягиваются сюда все болѣе и болѣе многочисленныя массы. Паника, какъ кругъ по водѣ, все шире и шире распространяется по румелійской равнинѣ. Населеніе осталось-бы на своихъ мѣстахъ—кидать родные очаги, родныя села, каждое

дерево въ которыхъ выросло на глазахъ, посажено отцомъ или матерью, и уходить на непривѣтную чужбину—тяжело... Мѣстные турки принадлежали къ богатому и обезпеченному классу земледѣльцевъ. Нужно было на произволъ судьбы оставлять поля, гдѣ каждый клочекъ земли воздѣлывался сотни лѣтъ, виноградники, гдѣ всякая лоза подвязана и выращена своими руками, бросать мечети, въ которыхъ еще предки молились Аллаху и призывали благословеніе пророка его на головы своихъ дѣтей; они всѣ, несомнѣнно, остались-бы на мѣстахъ, потому что всего и сроку передъ ними было только два или три дня,—значить, и не соберешься толкомъ; но изъ Адрианополя по всей странѣ направились софты съ отрядами бани-бузуковъ. Они должны были при случаѣ силой выгонять населеніе, направляя его къ Стамбулу и оставляя передъ русскими пустыню. Самые чудовищные рассказы о жестокостяхъ нашихъ войскъ росли по мѣрѣ того, какъ они повторялись все далѣе и далѣе. Сообщалось о сожженныхъ деревьяхъ, гдѣ населеніе было предварительно заперто въ своихъ домахъ, о сотняхъ женщинъ и дѣтей, заживо зарытыхъ въ землю, о дѣвушкахъ, умершихъ въ то время, какъ ихъ насиловали солдаты. Этому вѣрили, потому что еще недавно сами турки продѣлывали то-же съ болгарами. Звѣрства являлись въ этихъ разсказахъ только местию, возможною и даже обязательною по понятіямъ мусульманина.... Разумѣется, что отовсюду на дороги, ведущія къ румелійской равнинѣ, потянулись десятки тысячъ аробъ... Передъ нами должно было остаться безлюдье... Исполняя приказы изъ Стамбула, турки сжигали деревни, бросали огонь въ скирды хлѣба и сѣна, уничтожали запасы... Плачь пошелъ по всей странѣ; ужасъ и отчаяніе царили въ Румелии; грозные признаки нищеты и смерти выростали въ счастливыхъ уголкахъ, гдѣ еще наканунѣ съ вышины голубаго неба вѣяло такую благоговѣйною тишиною, гдѣ земля щедро вознаграждала трудъ, гдѣ со дня на день должна была наступить роскошная южная весна, въ теплѣ и свѣтѣ, въ не-

вѣроятномъ блескѣ красокъ, развивая поразительное богатство растительности, гоня передъ собою вплоть до Балканъ цѣлый океанъ тонкихъ ароматовъ; южная весна, это — чудное дыханіе пробудившейся красавицы земли, этотъ безмолвный привѣтъ ея теплomu небу, эта молитва садовъ и полей, молитва, окуренная фиміамомъ и подымающаяся высоко, высоко въ лазурь недосягаемаго неба, въ сказочный міръ величавыхъ призраковъ и грандіозныхъ фантазій.

Мусульманъ, которые отказывались слѣдовать за таборами бѣглецовъ, убивали... Убивали даже женщинъ...

Въ Халимъ-кіюѣ баши-бузуки рѣзали дѣтей тѣхъ семействъ, которыя не хотѣли для неизвѣстнаго будущаго оставлять чудныя равнины Марицы и Тунджи.

Мужчинамъ было роздано, не смотря на возрастъ, оружіе. Софты проповѣдывали имъ—при встрѣчѣ съ русскими не просить пощады, а начинать бой. „Они не милуютъ мирныхъ жителей, не щадятъ и дѣтей“... Паника охватывала и города, гдѣ власти десятками и сотнями жгли и вѣшали все, что только казалось сомнительнымъ, все, что возбуждало малѣйшія подозрѣнія, а извѣстно, какъ здѣсь мало нужно для этого.

Пошла такая рѣзня, о которой и прошлогодніе ужасы не давали понятія; немногочисленныхъ болгаръ, жившихъ еще въ деревняхъ, каждый разъ когда мусульмане, собравъ возы, готовились удалиться, сгоняли на наиболѣе обширный дворъ въ селѣ и тамъ перерѣзывали. Когда русскіе заняли Адрианополь—въ пустыхъ болгарскихъ деревушкахъ были еще свѣжіе слѣды этихъ злодѣйствъ. Въ одномъ сараѣ нашли двадцать семь обгорѣлыхъ дѣтскихъ труповъ.

Въ самомъ Адрианополѣ паника была еще сильнѣе.

Жители этого города пережили двѣ такія пытки: первую—въ іюлѣ, когда Гурко перешелъ Балканы, вторую — теперь, когда городъ оставался открытымъ всякому грабителю баши-бузуку... Власти бѣжали; войска ушли...

Грабежъ и неистовства безнаказанно совершались по всей равнинѣ.

— Аллахъ оставилъ насъ совсѣмъ! — передавалъ Омеръ Ахмету, съ которымъ онъ быстро успѣлъ подружиться.

— А можетъ быть онъ только испытаніе посылаетъ... Турки совсѣмъ отстали отъ завѣтовъ отцовъ,—говорилъ сегодня утромъ мулла...

— Муллы сами первые служили христіанамъ!..

— Все перешло въ руки къ гаурамъ... Кто въ городахъ торгуетъ?—гауръ. Кто шьетъ, работаетъ, дѣлаетъ оружіе?—гауры... Намъ оставили только поля...

— Да и тѣ уже у болгаръ. За Балканами есть села, гдѣ турки служатъ у нихъ работниками...

— Правду говорятъ, что русскіе насилуютъ нашихъ женщинъ, убиваютъ турокъ, жгутъ ихъ?

— Нѣтъ... Я у нихъ былъ въ плѣну въ Габровѣ... Моя сестра долгое время жила между ними...

— Твоя сестра?

— Да.

— Что-жъ, какъ они съ нею обращались?

— Ее взяли къ себѣ русскія дѣвушки, которыя ходятъ за ранеными. Ей было хорошо тамъ... Ее не обижали... Они не трогаютъ женщинъ... За нашими ранеными они ходятъ какъ за своими...

— Значитъ, софты все лгали намъ?

— Да... И муллы лгали... Только напрасно пугали народъ....

— Что-то теперь будетъ съ нами?

— Мнѣ сестру жаль!..

— Послушай, Омеръ!.. Если съ тобой что-нибудь случится—хочешь, я для нея буду братомъ?..—И Ахметъ даже покраснѣлъ весь отъ смущенія.

— Ты знаешь... она вѣдь не свободна! — потушился Омеръ.

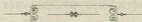
— Какъ?

— Да... Она уже въ гаремѣ у Хюсни-наши... Я ее везу вмѣстѣ со старой женой его Гюльмой въ Эдирне... У нихъ домъ тамъ...

Ахметъ схватился за сердце, точно его кто-то ножомъ ударилъ туда.

Молчаніе... Слышно только, какъ струя фонтана плещетъ въ бассейнъ, да мирное дыханіе буйволовъ, расположившихся около...

— А все-таки я буду ее защищать... Пока въ этой рукѣ есть сила, пока грудь моя дышетъ...

ГЛАВА XXVII.

А й ш а з а с н у л а .

Айша слышала изъ своей кибитки этотъ разговоръ.

Тепломъ пахнуло на нее отъ словъ молодаго мусульманина... Она, пожалуй, могла-бы и полюбить его; но, увы, ея сердце принадлежало другому!..

Забыла-ли она Соймонова?

Напротивъ; и теперь, въ эту тихую ночь образъ молодаго доктора возставалъ передъ нею... Она мучилась, она думала, что судьба, разлучившая ихъ, не сведетъ вмѣстѣ два вѣрные, любящія сердца...

Она, впрочемъ, давно уже рѣшила. Будь что будетъ—а изъ Эдирне она не уѣдетъ никуда... Она дождется тамъ прихода русскихъ и, во что-бы то ни стало, найдетъ его...

Все тише и тише становилось дыханіе людей кругомъ, все громче звучали фонтаны... Теперь уже можно было слышать и шелестъ вѣтра въ безлистныхъ тополяхъ, и шорохъ чьихъ-то, словно крадущихся, шаговъ, и плачь ребенка издали. Вотъ гдѣ-то фыркнулъ конь—и опять тишина... Съ просонья залаяла было собака... Звѣзды сегодня такъ ярко горятъ!...

Приподнявъ край своей занавѣски, Айша любуется чудною красотою этого ночнаго неба... Оно все точно зыблется свѣтомъ передъ нею... На самомъ краю его всѣми цвѣтами спектра переливается Капелла... Касторъ и Полуксъ горятъ болѣе скромнымъ свѣтомъ. Большая Медвѣдица растянута въ высотѣ и семью своими яркими очами смотритъ на нашу землю... У самаго зенита почти чудится полярная звѣзда... Она одна неподвижна среди этого простора, полнаго сумрака и тайны... Какъ разгорѣлись сегодня Арктуръ и Вега... Кажется, они одни могли-бы отбрасывать тѣнь по этой равнинѣ. Что тамъ такое за этими свѣтлыми очами неба, думалось Айшѣ... Христіанскій Богъ съ его ангелами и святыми или Аллахъ мусульманъ съ раемъ, полнымъ гурій, съ чудными дворцами, съ прохладными садами Эдема...

И чудится ей, что мало-по-малу раздвигается это небо....

Дивный край смутно рисуется оттуда... Она различаетъ этотъ свѣтлый міръ, озаренный тысячами солнць... Высокія пальмы колышутъ золотые листья; брилліантовые каскады падаютъ отовсюду, освѣжая благоухающій нездѣшными цвѣтами воздухъ... Чудные цвѣты громадными гирляндами раскидываются повсюду... Они сдѣланы изъ звѣздъ и лунныхъ лучей... Краски Капеллы—ничто передъ ихъ красками... Рубиновые и яхонтовые птицы пересѣкаютъ волны ароматовъ, наполняя тихіе пріюты любви и нѣги своими гармоничными голосами... Жемчужные дворцы поднимаются на бирюзовыхъ холмахъ... Тысячи райскихъ красавиць, неумоляющихся ласкать, не устающихъ отъ лобзаній, легко скользятъ по чуднымъ полямъ Эдема...

Вдругъ какой-то шумъ доносится въ этомъ мірѣ фантазій, точно голосъ ада, ревъ безчисленныхъ легионовъ сатаны... Неужели Аллахъ не уничтожитъ ихъ въ праведномъ гнѣвѣ своемъ....

Что это?

— Айша, проснись!... Проснись, Айша...

Гюльма растолкала, наконецъ, заснувшую красавицу...

— Что такое!

— Вставай... Тревога кругомъ...

И дѣйствительно — гулъ стоялъ надъ равниной... Скрипѣли арбы; кричали люди; плакали женщины... Казалось, что смерть и истребленіе широкой волной накинудись на этотъ громадный лагерь и заливаютъ его отовсюду...

Омеръ уже на конѣ.... Ахметъ по другую сторону ея кибитки...

— Что такое?

— Русскіе близко, русскіе здѣсь...

Черезъ часъ встревоженные бѣглецы уже потянулись на югъ, вступая въ долины Хаскюя.

ГЛАВА XXVIII.

Рѣшительная минута.

eneralъ стоялъ посреди боеваго поля...

На-право и на-лѣво развертывалась не трогавшая его страшная картина смерти и истребленія.

Ряды солдатъ вступали въ бой, ряды солдатъ бѣжали назадъ, чтобы, встрѣтивъ подкрѣпленія, опять ринуться впередъ. Въ непрерывавшемся ни на одну минуту громѣ артиллерійскихъ выстрѣловъ, въ оглушительной трескотнѣ ружейнаго огня, въ столахъ умирающихъ, въ громкихъ взрывахъ торжествующаго то тамъ, то сямъ „ура“ — тонулъ инстинктъ само-сохраненія, гасла любовь къ жизни и вмѣстѣ съ ней догорала послѣдняя жалость, послѣднее чувство, отличающее человѣка отъ животныхъ... Уже не было мѣста пощадѣ... Горе побѣжденнымъ! — видѣлось во взглядахъ, въ озвѣрѣлыхъ лицахъ, въ цѣлыхъ полкахъ, стремительно шедшихъ впередъ и впередъ, таявшихъ подъ огнемъ врага, но дорывавшихся, наконецъ, до его убѣжищъ... Сквозь дымъ, клубившійся на боевомъ полѣ, порою, когда его разносило вѣтромъ, видѣлись сѣрые ряды сражающихся, густыя массы кавалеріи, какъ де-

моны носившіеся по этой долинь, зеленые силуэты лафетовъ и тусклая мѣдь орудій... Казалось, что кровожадное божество войны, не сытое отъ тысячъ жертвъ, принесенныхъ ему, еще кидало сверху свои убійственные перуны. Чѣмъ инымъ могли явиться эти шрапнели, рвавшіяся надъ головами солдатъ, падавшіе точно съ неба. Въ бѣлесоватомъ просторѣ его скользили голубые тѣни, казалось, что это крылья улетающихъ ангеловъ. Взамѣнъ являлись другіе... Чудились цѣлыя легіоны ихъ, спускавшихся на эту ниву крови...

Генералу было не до того!

Рѣшительная минута приближалась; судьба боя, судьба четырехъ армій зависѣла отъ нея... Четырехъ — потому что на высотахъ Шипки Радецкій дрался также, какъ Мирскій на лѣвомъ флангѣ...

Отовсюду подъѣзжали ординарцы...

Запыленные, измученные... Кони ихъ падали; немедленно они пересаживались на донскихъ и тотчасъ-же спѣшили подъ огонь, разнося приказанія... Мозгъ боя былъ здѣсь, голова, откуда эти посланцы стремились во всѣ стороны, какъ токи воли, передающіеся по нервамъ...

— Суздальскій полкъ сошелъ съ горъ — едва-едва находить силы передать эту вѣсть молодой ординарецъ.

— Ввести въ резервъ.

— Двѣ болгарскія дружины дебушировали! — подъѣзжаетъ другой.

— Въ боевую линію...

— Наша кавалерія перехватила турокъ въ тылу...

— Смотрите, чтобы таборы не прорвались тамъ... Сто-рожите....

— Мирскій вошелъ въ соединеніе съ нами...

— Слава Богу!... Ну, пора...

Пора — это значило, что послѣднія усилія должны быть брошены на вѣсы сегодняшняго боя, что сейчасъ начнется рѣшительный и самый кровавый актъ его... Развязка назрѣла....

Пауза—была послѣдней... Сейчасъ уже торжествующія кое-гдѣ войска должны будутъ смыть послѣднія плотины, за которыми укрывается врагъ...

Пора! И точно дрогнуло все подъ грозный рокоть барабановъ....

Въ ихъ кровожадномъ говорѣ — чудились уста, пившія съ утра кровь и внезапно высохшія опять отъ жажды... Чудилось вельніе жестокаго божества — принести ему еще одну послѣднюю жертву, передъ которой померкли бы и позабылись только что бросаемые въ его громадную пасть гекатомбы... Пора—полки, которые еще были цѣлы, должны будутъ сейчасъ-же ринуться впередъ, снося передъ собою все, что еще смѣло дышать и жить въ этой роковой долині...

На громадномъ просторѣ долины рисуются семь грозныхъ редутовъ.

Въ бѣлесоватомъ освѣщеніи мглистаго дня контуры ихъ кажутся еще таинственнѣе... Пока молчатъ схоронившіеся за ними таборы... Очевидно, тамъ тоже готовятся отразить этотъ ураганъ, встрѣтить эти тучи, уже показавшіяся на ихъ горизонтѣ... Выдержать-ли эти плотины?... До сихъ поръ черезъ нихъ не могла перекатиться ни одна волна, смыть ихъ были бессильны баталіоны враговъ... Теперь они видятъ этихъ враговъ, уже сомнѣвавшихся, сосредоточившихся для послѣдняго удара.

Мечъ опущенъ... Падетъ-ли онъ на ихъ головы?..

Безпорядочность прежнихъ атакъ уступала мѣсто чему-то правильному, красивому...

На боевомъ полѣ начинался парадъ... Подъ огонь шли не разсыпанныя цѣпи, не беспорядочно разбросавшіеся солдаты... Періодъ боя, оставлявшаго мѣсто личной храбрости, личнымъ качествамъ солдатъ, прекращался. Теперь пойдетъ масса, и эта масса уже выдвинулась... Теперь уже не было мѣста турниру и единоборству...

Подъ едва колыхавшимися знаменами выстроились пол-

ки.... линіи ихъ педантически правильны.... Музыка позади заглушаетъ вдохновляющими звуками своими послѣдніе проблески страха... Люди падаютъ подъ огнемъ, но ряды солдатъ смыкаются... Гранаты выносятъ прочь обреченныхъ смерти, но живая стѣна сростается въ этихъ брешахъ и опять надвигается тою-же сумрачною, тою-же незыблемою массою... Въ одномъ мѣстѣ огонь страшно сосредоточился... Одынцовъ былъ тутъ—почти въ двѣ-три минуты рота его потеряла половину...

Скоро было-бы некому уже смыкаться... А огненный дождь все падалъ и падалъ... Машинально шли впередъ солдаты...

По пути лощина... Спустились въ нее—пули проносятся въ высотѣ... Гранаты тамъ-же съ злобнымъ шипѣніемъ стремятся впередъ... Здѣсь безопасно. Солдаты одного изъ полковъ точно отяжелѣли... Вотъ и гребень—тамъ опять начнется оргія истребленія. Тысячи смертей ждутъ за нимъ... Сейчасъ начнется... И вдругъ—герои стали людьми... Сказался неожиданно инстинктъ жизни... Почему-то страшно показалось перебраться туда... и весь батальонъ залегъ, какъ одинъ человѣкъ...

— Ребята впередъ!..—бросились было офицеры... Но разъ начавшаяся паника могла-бы только поддаться болѣе сильному толчку.

— Трусы!...—злился Одынцовъ... Злился и въ то-же время понималъ ихъ... Ему самому казалось жутко перескочить туда...

— Ты что лежишь? Вставай!..—наскакивали офицеры на отдѣльныхъ людей.

— Сморившись... Сейчасъ...

— Вставай!.. Живо!..

Солдатъ подымался, дѣлалъ нѣсколько шаговъ, и когда офицеры бросались къ другимъ, онъ такъ-же спокойно легъ на старое мѣсто...

— Экій срамъ!.. Экій срамъ!.. — волновался батальонный командиръ.

— Труссы! Жалкая сволочь!..—послышалось съ гребня.

Солдаты очнулись...

— Полковникъ самъ... Самъ полковникъ...—послышалось между ними. Они начали приподниматься...

— Вы срамите русскую армію... Вашихъ товарищей бьютъ, а вы, какъ бабы, хоронитесь за печами!.. Краснѣю за васъ!..

И моментально, пока они еще не успѣли опомниться, онъ бросается къ знамени, выхватываетъ его у знаменщика...

— Одинъ умру съ нимъ... Пусть оно достается въ руки туркамъ, если вы не умѣете защитить его...

И онъ кинулся за гребень...

Какъ одинъ человекъ поднялся баталіонъ... Робкихъ и нерѣшительныхъ уже не было... Они точно хотѣли заставить позабыть моментъ трусости... Волнами погналъ ихъ впередъ ураганъ боя, и волны эти неудержимо смыли передъ собою первый рядъ ложементовъ и траншей... Первыя схватки штыкового боя прошли почти незамѣтными. Солдаты, сами того не замѣчая, перекололи турокъ... Линія непріятельскихъ стрѣлковъ, защищавшихъ первую параллель, вся осталась на мѣстѣ... Какъ она сбилась въ брустверу, такъ и легла тамъ... Густо легла, точно второй валъ у вала.

— Молодцами, ребята!.. — кинулъ имъ полковой командиръ, не выпуская изъ рукъ знамени.

Некогда было передохнуть—нужно было торопиться впередъ!...

— Дянька!.. А дянька...—обратился молодой солдатъ къ сосѣду.

— Чего ты?

— Зачѣмъ они молчатъ?

— Кто они?

— Да турки... Мы ихъ колемъ, а они молчатъ.

— Ну?

— Кричать-то они когда будутъ?

— А вотъ побѣги назадъ—услышишь. Когда штыкомъ—
николи сразу крику нѣтъ...

— Въ лицо ему страшно глядѣть. А колоть не страшно.

— А ты и не гляди. Ежели штыкомъ работаешь—николи
ему въ лицо не гляди... Умирать-то людямъ не сладко... Коли
въ глаза ему посмотришь—до самой смерти своей глазъ этихъ
не забудешь. Все они тебѣ мерещиться да сниться будутъ...
Понялъ...

— Во-во...

Печальна была часть долины передъ нашими рядами...

Плантаціи казанльескихъ розъ, засыпанныя снѣгомъ, оста-
лись позади...

Теперь—только пустыри кругомъ... Сквозь бѣлую пелену
ихъ торчатъ костяки болгаръ, перебитыхъ здѣсь еще въ ав-
густѣ палачами Сулеймана... Вонъ черепъ валяется, вонъ дру-
гой... Равнодушно, уже присмотрѣвшіеся ко всему, солдаты на-
ступаютъ на нихъ... Лощины сплошь заполнены такими остат-
ками когда-то счастливыхъ и веселыхъ людей...

— Шибко дрались здѣсь...—слышутся голоса.

— Здѣсь не дрались... Здѣсь турки нашихъ рѣзали...

— Черти!..

— Ужъ и имъ не сладко будетъ сегодня...

— Я, дяденька, всѣхъ переколю...

— Вона... храберъ, братъ! Всѣхъ не переколешь.

— Нѣтъ... Чего-жь его жалѣть?.. Они не жалѣли...

— А если онъ пардону запросить?

— И тогда переколю...

— Ну, и дуракъ... Развѣ ты турокъ, что-ли. Это они
безоружныхъ убиваютъ, а ты солдатъ честный... У тебя крестъ
на шеѣ есть... Коли запросилъ пардону—значить онъ уже и
не врагъ тебѣ, а такъ вмѣсто брата выходить... Такого бить
грѣхъ...

ГЛАВА XXVIII.

Укрѣпленный лагерь.

Скоро окончились пустыри. Впереди были редуты турокъ... Подъ огнемъ ихъ — также стойко и правильно шли полки...

Надъво темнѣлъ лѣсъ, небольшой, но густой, казавшійся отсюда темной тучей... Теперь эта туча грохотала громами... Оттуда змѣились молніи... Турки били нашихъ во флангъ сосредоточеннымъ огнемъ... Нужно было прежде, чѣмъ добратъся до редутовъ, покончить съ этою тучей...

За деревьями было село, все спрятавшееся въ лѣсную чашу...

Турки воспользовались имъ, чтобы создать укрѣпленный лагерь. Отъ дома къ дому шли плетни; ихъ завалили землею — оказался перепутанный лабиринтъ брустверовъ, сѣтъ, въ которой немудрено было запутаться... Каждый домъ являлся небольшою крѣпостью... За каждымъ камнемъ, за всякимъ клочкомъ стѣны, въ надежныхъ убѣжищахъ прятались непріятельскіе стрѣлки... Оттуда они били на выборъ и безъ промаха... Слишкомъ хорошо намѣчивались дѣли и близки были разстоя-

нія. Трудно было-бы создать для защиты позиціи удобнѣе, выбрать мѣсто лучше... За деревьями—тоже таились спѣшенныя черкесы, на вершинахъ ихъ засѣли башни-бузукы...

Казалось, тутъ каждая вѣтвь одѣвалась огнистыми молніями, каждое дерево кидало десятки смертей...

— Страшное мѣсто!—замѣтилъ капитанъ Одынцову.

— Почему?

— Каждый домъ здѣсь придется брать съ бою. Одна надежда на перепугъ турокъ...

— А если они станутъ драться хорошо?

— Тогда ляжемъ, ничего не сдѣлавъ. Эко гнѣздо разбойничье!

— Ишь куда захилился турокъ! — замѣчали про себя солдаты.

Это была позиція, являвшаяся ключемъ для остальныхъ. Такія опушки роцъ, деревни, такія хорошо укрытыя гнѣзда то и дѣло переходятъ изъ рукъ въ руки... Брось сюда турки побольше солдатъ,—судьба боя была-бы иною...

— Эхъ, дозволили-бы взять...—волновались солдаты.

— А что?

— Да ужъ очень онъ палить оттуда... Не выстоять!.. Разнести-бы это мѣсто...

Какъ будто отгадывая желанія солдатъ, къ батальонному командиру подѣхалъ изморенный ординарецъ.

— Майоръ Байковскій... Генераль приказалъ вамъ взять этотъ лѣсъ.

— Коли приказалъ, такъ и возьмемъ значить!.. —спокойно отвѣтилъ тотъ.

— Возьмемъ вѣдь братцы?..—обернулся онъ къ солдатамъ. Тѣ ему гаркнули „ура“...

Батальонъ пошелъ съ увлеченіемъ. Скоро усиленный шагъ его обратился въ бѣгъ... Въ его вихрь они не замѣчали своихъ потерь... Люди падали какъ-то невидимо. Раненыхъ пока некому и подбирать было... Непріятельская цѣпь у опушки

лѣса—вся легла подѣ штыками... Она не успѣла даже и укрыться въ ближайшіе дома... Первые дворы остановили было нашихъ, но только на минуточку...

— Теперь, братцы, пойдетъ работа веселая... Крысы-то въ мышеловкахъ...

— Ни одинъ не уйдетъ...

Изъ-за плетней заборовъ, изъ-за стѣнъ дворовъ, изъ оконъ хижинъ—сверкали выстрѣлы. Сверкали беспорядочно, точно турки торопились выпускать пули, точно ихъ нельзя было оставить на слѣдующія минуты... Солдаты, наклоняясь, перебѣгали мимо такихъ плетней, десятками вскакивали на нихъ, удучивъ удобное для этого мгновение, орали прямо въ лица опѣшеннымъ врагамъ свое оглушающее „ура“ и кололи тѣхъ, не разбирая, бросають-ли враги оружіе и сдаются, или нѣтъ... Со дворовъ они кидались къ дверямъ хижинъ и, тогда какъ изнутри, засѣвшіе туда, защитники пронизывали ихъ тонкія доски пулями—солдаты выбивали ихъ прикладами ружей, тутъ-же падая и умирая...

Многіе турки, потерявшись, выскакивали въ окна—прямо на штыки нашихъ... Другіе забивались въ углы, на чердаки, забирались въ сарай... Но ожесточеніе боя было таково, что они не могли выдержать бездѣйствія въ этихъ сравнительно спокойныхъ тайникахъ. Они сами выдавали себя, выстрѣливъ въ проходящаго мимо солдата... Этотъ падалъ, убитый наповаль, но за то остальные накидывались на засѣвшихъ въ убѣжище турокъ и избивали ихъ прикладами...

— Нечего и штыка-то о тебя марать!

Одынцовъ приходилъ въ ужасъ отъ этого тресканья череповъ, раскалывавшихся подѣ ударами какъ спѣлые арбузы, отъ этихъ сѣроватыхъ массъ мозгу, расплывавшихся жидкимъ киселемъ по грязи дворовъ, отъ этихъ кровавыхъ брызгъ, кажется, переполнившихъ воздухъ... Онъ попробовалъ было остановить солдатъ, но—увы!—ожесточеніе боя было таково, что даже старикъ унтеръ, поучавшій новобранца тому, что „про-

сящій пардону врагъ—становится тебѣ братомъ^а,— крикнулъ молодому офицеру:

— Чего ихъ жалѣть! Они нашихъ не жалѣютъ... Попадись имъ...

Въ одномъ особенно крѣпкомъ домѣ засѣло нѣсколько ту-рокъ... Не одинъ десятокъ нашихъ солдатъ уже палъ у его оконъ, образуя валь изъ труповъ. Остальные изъ-за заборовъ только поглядывали туда, не смѣя приступить къ нему...

— Эко мѣсто треклятое!..

— Ну и западня!—злились офицеры. — Сколько они еще нашихъ перебьютъ оттуда...

Достаточно было кому-нибудь высунуться побольше, чтобы оттуда сейчасъ-же прямо въ голову ему просвистала мѣткая пуля....

— Никакъ этого мѣста обойти нельзя!—разсуждали солдаты.

— Что тутъ дѣлать?..—задумывался капитанъ.

— Вашъ-бродь!—остановилъ одинъ солдатикъ Одынцова.

— Что?

— У насъ... когда лисъ въ нору прячется... такъ его жо-гомъ оттуда...

— Что, что?—не понялъ молодой офицеръ.

— Погодите,—остановилъ его капитанъ. — Какъ это жо-гомъ?...

— А такъ: солому запалять, да дымъ въ нору... А нора— другой выходъ имѣеть: у другаго сейчасъ становимся и па-лимъ въ лиса...

— Умно...

— Жестоко какъ, — возмутился Одынцовъ.

Капитанъ только улыбнулся наивности его.

— Ну-ко, ребята, вали туда съ соломой...

Солдаты поняли сразу.

Они схватили охапки ея изъ стоговъ, бывшихъ около, и стремглавъ бросились къ проклятому дому... Скоро вокругъ была навалена масса.

— Пали!

— Не любишь... Ну-ко... братцы, топи баню по-жарче...

Золотыми змѣями пробѣжалъ огонь по сухой соломѣ... Змѣи встрѣчались, сливались, захватывали новые снопы и вспыхивали уже цѣлыми разливами жаднаго, голоднаго пламени... На нѣсколько мгновений порестрѣлка изъ оконъ зачастилась... Одинъ турокъ, со слѣпа точно, выскочилъ въ окно— и задохся въ соломѣ, отъ огня и дыма ошеломленный, обезумѣвшій... Огонь лизнулъ кровлю дома... длинными красными языками ворвался въ окна... обхватывая стѣны...

Турки не долго могли выдержать...

Позади былъ ходъ... Они было бросились туда, но тамъ уже стерегли наши... Ни одному не удалось спастись... Трупы первыхъ загородили выходъ... Извнутри доносились крики ужаса... Одинъ какъ-то вскарабкался на кровлю, но тамъ его настигла пуля...

Остальные сгорѣли.

— Какой ужасъ, какой ужасъ!... — повторялъ про себя Одынцовъ.

— Ну, спасибо, братъ!—благодарилъ капитанъ посоветовавшаго „выморить жогомъ“ солдата.

— Радъ стараться.

— Я тебя за это къ Георгію представлю...

Жадное пламя не могло удовлетвориться этимъ домомъ.. оно перекинулось на слѣдующіе, на болѣе дальніе перебѣжало по ивовымъ плетнямъ, точно позолотивъ ихъ по пути; лизнуло деревья, но снѣгъ, лежавшій на вѣтвяхъ ихъ, отбилъ охоту у пламени трогать лѣсъ...

Когда наши уходили дальше, деревня вся уже курилась... Черное облако клубилось надъ ней... Въ этомъ облакѣ взрывались кверху разливы золотого огня...

Батальонъ вышелъ опять на ровное мѣсто... Впереди— близко, близко какая-то дружина болгарскаго ополченія бросилась на редуть...

Черномазые „братушки“ дрались львами. Энергія ихъ доходила до изступленія... Они просто захлебывались въ крови турокъ...

Воскресла племенная ненависть... Одолѣвая своихъ истыхъ враговъ, они не давали пощады, да и сами не просили ея... Болгарскія дружины даже не думали о собственной безопасности; онѣ шли на турокъ густымъ строемъ, не смотря на приказанія командировъ. Если-бы строй былъ разжиженъ — потерь было-бы меньше.

Одинцовъ видѣлъ, какъ мимо него на турецкомъ, видимо только что отбитомъ, конѣ пронесся переводчикъ-болгаринъ... Этотъ мирный гражданинъ былъ уже вооруженъ. У него въ рукахъ — ятаганъ, съ котораго капала кровь... Мимо въ слѣпомъ страхѣ бѣжить какой-то турокъ... Переводчикъ настигаетъ его... Турокъ бросается на колѣни...

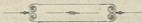
— Уссурь!.. — оретъ болгаринъ.

Турокъ покорно вытягиваетъ шею...

Ятаганъ взвился и мелькнулъ внизъ... Голова турка, какъ мячикъ, запрыгала по снѣгу...

— Это за дочь... Еще осталось за сына, за жену и за мать...

И мститель двинулся дальше къ редуту, на валахъ котораго болгары уже праздновали свою побѣду...

ГЛАВА XXIX.

БѢЛЫЙ ФЛАГЪ.

Дьяцкову такъ и не удалось отдохнуть.

Только что кончили съ укрѣпленнымъ лагеремъ— прискакалъ ординарецъ.

— Идите скорѣе на тотъ вонъ редуть...

— Ну, денекъ! Кажется, ужъ довольно сегодня поработали...

— Нечего дѣлать... Всѣ на счету. Нашихъ вѣдь мало...

Въ другихъ концахъ боеваго поля тоже разыгрывался послѣдній актъ этой трагедіи... Вонъ въ одной изъ лощинъ массируютъ три батальона угличанъ. Ротныя колонны идутъ въ двѣ линіи разрѣженнымъ строемъ. Наступленіе до того стремительно, что даже обычнаго явленія—отсталыхъ—нѣтъ... Уже два редута взяты штыковымъ боемъ въ зловѣщей тишинѣ, въ которой слышится только звонъ штыковъ, когда даже крики и вопли раненыхъ гаснутъ какъ-то глухо, обрывисто. Проходя мимо одного изъ такихъ редутовъ, намъ слышались стоны, но мы не видѣли, кто стонетъ: раненые были *набиты* за брустверомъ... Особенное впечатлѣніе въ безлюдномъ лѣсу производилъ этотъ стонущій редуть, за стѣнами котораго не показывалось было ни одного живаго человѣка. Только оглядываясь назадъ, наши замѣчали

длинное, худое старческое существо, старавшееся вскарабкаться изнутри на валъ. До сихъ поръ мнѣ такъ и чудятся эти полные ужаса глаза и сѣдая борода, залитая кровью...

Въ одномъ мѣстѣ батальоны такъ стремительно бросились на довольно грозный редуть, что турки, сидѣвшіе въ немъ, и не сообразивъ невозможности взять его съ фронта, опрометью выбѣжали черезъ горжу вонъ... Тогда наши моментально развернули длинную линію и открыли огонь по бѣгущимъ *мимо*, потому что туркамъ инаго направленія не было... Имъ пришлось, такъ сказать, пройти сквозь строй мѣткихъ выстрѣловъ. Тутъ они погибли до одного. Еще черезъ нѣсколько дней видна была длинная и густая полоса труповъ, тянувшаяся далеко... Турки такъ и легли тамъ, гдѣ они бѣжали. За исключеніемъ этого, остальные редуты были атакованы безъ выстрѣловъ. Этимъ объясняется сравнительно малая цифра потерь... Занявшись перестрѣлкой, потеряли-бы гораздо больше... Солдатъ, который идетъ впередъ, не выпуская патроновъ, — образцовый дисциплинированный солдатъ. Это идеаль атака. Трудно повѣрить, какой соблазнъ огорошить непріятеля огнемъ, а не ждать молчаливо штыкового боя. Огонь турокъ оказывался таковъ, что даже между музыкантами были потери. Трубы были перебиты пулями...

Однихъ вмѣстѣ со своими шелъ противу громаднаго редута, все выроставшаго и выроставшаго передъ нимъ... Въ блѣсчатой мглѣ видны были только грозныя профили его стѣнъ. Порою мелькало на нихъ что-то красное, и солдаты соображали, что это, должно быть, турки въ своихъ фескахъ. Длинная щетина штыковъ обружала его... Клубы дыму отъ выстрѣловъ вспыхивали и разсѣвались, позволяя различать черныя силуэты орудій, вдвинутыхъ въ стѣны этого укрѣпленія...

— Ишь сколько ихъ понасыпано! — разсуждали солдаты.

— Да, много...

— Должно, — будутъ драться...

— Эти будутъ — вѣрно твое слово...

— Что-жь, ребята, такъ-то веселѣе... Не поросятъ-же ко-
•лемъ на Рождество... Согреѣмся, коли работать придется...

— И такъ согрѣлись...

— Вотъ съ этимъ покончимъ и отдохнемъ.

Профиль редута все выростала и выростала...

Вокругъ него былъ заложенъ ложементъ... Турки дали
оттуда послѣдній залпъ и бросились назадъ, къ своимъ.

— Теперь, братцы, бѣгомъ... Барабанщикъ!..

Послышался сигналъ атаки... Солдаты разомъ, точно сор-
вавшіеся, съ крикомъ „ура“ бросились какъ лавина, скатив-
шаяся съ горъ... Немногихъ и потерять пришлось, потому
что турки, очевидно, не могли пристрѣляться; бѣжавшая на
нихъ масса слишкомъ быстро мѣняла свое мѣсто... Но вмѣстѣ
съ разбѣгомъ терялась и энергія солдатъ... Одынцовъ самъ
замѣтилъ это... Лавина чѣмъ ближе къ редуту, тѣмъ дѣла-
лась все медлительнѣй и медлительнѣй...

Вотъ валъ точно разомъ выросъ передъ ними...

Влажная масса земли... Сверху осыпается комьями... Тутъ
мертвое пространство... Сверху стрѣляютъ, но очевидно —
со страху, потому что пули, все равно, высоко несутся надъ
головою...

Наши совсѣмъ у ваза...

— Что-же это? — повторяетъ про себя Одынцовъ.

Тѣ-же самые солдаты, которые такъ бодро бѣжали впе-
редъ, точно замерли...

Толкуются у самаго бруствера, нерѣшительно топчутся...
Вскрикиваютъ „ура“ — и ни съ мѣста.

— Скверно, скверно!.. — шепотомъ повторяетъ капи-
танъ.

— Что скверно? — ничего не можетъ понять Одынцовъ.

— А то, что стоитъ какому нибудь трусу крикнуть: „бѣда
братцы, спасайся!“ — и вся эта масса опрометью кинется
назадъ... Половину и перебьютъ по пути...

Къ счастью, трусовъ не нашлось...

— Братцы! — крикнулъ знаменщикъ. — Вы присягали служить вѣрой и правдой!..

— Чего ты съ ними разговариваешь? вотъ какъ надо съ ними!.. — остановилъ его барабанщикъ и ударилъ атаку... Глухая дробь барабаннаго боя прокатилась по полю...

Развернутое полотнище знамени взвилось вверхъ...

Знаменщикъ первымъ вскочилъ на брустверь... Еще моментъ — и онъ рухнулъ въ редутъ... Знамя точно опрокинулось туда... Вслѣдъ за нимъ, ни на одну минуту не прекращая дробн атака, вскочилъ барабанщикъ...

Что-то словно толкнуло въ сердце Одынцева.

— Пора и мнѣ...

— Стыдно, братцы!.. крикнулъ онъ массѣ солдатъ. — Стыдно!.. За мной!..

Ничего не понимая, не зная, что онъ дѣлаеть, Одынецвъ бросился на брустверь, но поскользнулся на влажной его поверхности, ушелъ съ ногами во-что-то вязкое, во-что-то мокрое, холодное... Вскочилъ и опять всползъ наверхъ.

Какія-то черномазья, растерявшіеся лица... Прямо навстрѣчу ему... „Алла, Алла“!.. — орутъ они... Одинъ наставилъ штыкъ прямо въ него... Одынецвъ видитъ его, видитъ одно мгновеніе этотъ штыкъ, но уже не можетъ удержаться... „Убить“, какъ молнія скользитъ въ его мозгу... Убить... И мгновенное сожалѣніе о молодой жизни рождается въ душѣ... Но тотчасъ-же онъ чувствуетъ въ груди острую боль... Что-то пронизываетъ его насквозь... Онъ падаетъ...

Въ глазахъ что-то клубится, какая-то туча лицъ, очертаній, силуэтовъ...

Туча густѣетъ... Отдѣльныя лица меркнутъ... Сливаются... Какія-то волны накатываются на него... Тяжелыя волны... Онъ чувствуетъ, какъ онѣ его давятъ, душатъ... Ему хочется выбиться, уйти... Но онъ только и находитъ силу, что вонзить пальцы во влажную землю...

Волны все больше и больше... Однѣ прокатываются, другія взвиваются на гребень и сбрасываются внизъ...

И каждая его давить...

Эти волны — сплошь изъ солдатъ... Точно проснулись они и кинулись на брустверь... Волнами залило редуть...

Волны прошли черезъ него, оставивъ за собою только мертвыхъ...

Кажется, и времени не было переколоть, а позади корчились раненные и, широко раскинувъ руки, недвижно лежали убитые... Волны, давившія Одынцева, были ноги солдатъ... Въ жару боя они не замѣчали своего...

Когда послѣдняя волна прокатилась черезъ этотъ редуть, уже некому было остановить ее...

Одынцеву казалось, что онъ цѣлую вѣчность прележалъ тутъ...

То онъ чувствовалъ себя, чувствовалъ какую-то жгучую боль въ груди, то терялъ сознание, точно уходилъ на дно какого-то глубокаго, глубокаго океана...

Когда онъ, наконецъ, открылъ глаза, онъ понялъ, что весь заваленъ трупами... Одинъ шевелится... Видимо въ агоніи хватаетъ пальцами за лицо Одынцева... Одынцевъ старается выполсти изъ-подъ него... Но при первомъ усилии опять теряетъ сознание...

А позади Скобелевъ готовилъ послѣдній ударъ туркамъ...

Онъ выстроилъ передъ Шейновомъ Владимирскій полкъ.

— Ну, братцы, за мной теперь... Ваши товарищи честно сдѣлали свое дѣло — кончимъ и мы какъ слѣдуетъ...

— Постараемся...

— Смотрите-же... Идти стройно... Турки почти разбиты... Благословясь, съ Богомъ!..

Солдаты сняли шапки и крестятся...

Оркестръ заигралъ маршь. Подъ звуки его стройно двинулась атака... Настроение солдатъ стало восторженнымъ... Дошли до лѣсу... На-встрѣчу скачетъ во весь карьеръ орди-

нарецъ безъ шапки... Онъ еще издали машеть руками и кричить что-то...

Слышно только: „Ура“... „Поздравляю“...

— Что онъ это? — оглядывается Скобелевъ.

Подскакаль... Открыль ротъ — и ничего сказать не можетъ... Силы нѣтъ...

— Бѣ... Бѣ...

Отдохните... Что такое?

— Бѣ... Бѣлый... флагъ...

— Какъ?.. Гдѣ?.. Не можетъ быть такъ скоро...

— Турки... бѣлый флагъ... Главный редутъ...

— За мною!..

Генераль даетъ шпоры своему коню...

Всѣ несутся за нимъ...

ГЛАВА XXX.

П о б ѣ д а.

ще во всѣхъ концахъ боеваго поля шель упорный бой... Героическіе полки Радецкаго на вершинахъ Шипки, безъ надежды на побѣду, атаковали горныя позиціи Лысой горы только для того, чтобы таборы, стоявшіе тамъ, не могли усилить войска, защищавшія долину Казанлыка. Батальоны Мирскаго продолжали перестрѣлку... Солдаты Скобелевскаго отряда еще дрались на крайнихъ редутахъ — когда на главномъ центральномъ подняли бѣлый флагъ...

— Боже мой, какое это счастье! — перебрасывались офицеры на лету, спѣша за Скобелевымъ.

— Съ побѣдою поздравляю васъ, братцы! — кинулъ генераль владимірцамъ, уже выстраивавшимся для послѣдняго удара. — Турки сдаются...

Стихійное „ура“, словно пожаръ, разгорѣлось по всему этому неоглядному простору.

Крикнули его владимірцы, подхватили стрѣлки на лѣвомъ флангѣ и перебросили суздальцамъ въ тылу... Тамъ разгорѣвшись, оно докатилось до отрядовъ, еще перебиравшихся че-

резь горы; на гребнѣ ихъ громовымъ ударомъ грянуло и пошло гулять по лощинамъ и ущельямъ... Услышали это „ура“ и кавалерійскіе полки — и ринулись впередъ, вдвывая цѣлыя облака снѣжной пыли, сквозь которую черныя фигуры коней и всадниковъ мѣшались въ одну грандіозную картину. Сквозь шейновскій лѣсъ перекинулось это „ура“ — преслѣдуя несшихся во весь опоръ генерала съ его свитой... Я до сихъ поръ не могъ забыть этихъ ощущений. Тогда-же я занесъ въ свой дневникъ ихъ — и ничего не нахожу лучше, какъ привести здѣсь цѣликомъ это мѣсто. «Радостное чувство побѣды расширяетъ грудь, точно сердце сразу сдѣлалось большимъ, большимъ. Весь полонъ счастья, несешься впередъ, и конь словно тоже понимаетъ тебя, изморенный — вытянулся и едва касается земли копытами... Дышешь полною грудью — а все кажется воздуху мало, и весь этотъ просторъ тѣснить тебя — еще шире хочется раздвинуть и безъ того неоглядно раздвинувшіяся горы... Обнялъ-бы всѣхъ, расцѣловалъ-бы врага, еслибы онъ попался въ эту минуту. Ни прежде, ни послѣ я не чувствовалъ ничего подобнаго... Объявленіе мира на поляхъ Ай-Манйоса, въ виду древней Византіи, у береговъ голубаго Босфора — подняло нервы, но тамъ все было слишкомъ торжественно, слишкомъ подготовлено... Тамъ не было неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ... Мы наканунѣ знали объ этомъ праздникѣ, и онъ не особенно поразилъ насъ“.

„Мы какъ бѣшеные неслись впередъ... Разомъ были забыты недавнія жертвы. Не замѣчались силуэты раненыхъ, валявшихся на-право и на-лѣво въ грязи и крови, не слышались стоны людей, приподымавшихся и простиравшихъ намъ на-встрѣчу трепещущія отъ послѣдней агоніи руки... Кони мчались во весь карьеръ; всадники, точно незамѣчая головокружительной быстроты ихъ, еще взрѣзывая шпорами и безъ того втянувшіеся отъ голоду и усталости бока, влетѣли ураганомъ въ лѣсъ... Нѣбогда наклоняться: вѣтви хлещутъ въ

лицо... Какія-то цѣпкія ползучія растенія обвиваютъ ноги, точно не хотятъ насъ пускать далѣе... Но эти сѣти живо рвутся... Не замѣчаешь колючекъ, вонзающихся въ руки и плеча... Не замѣчаешь ручьевъ и овраговъ, какъ-то безсознательно держишься въ сѣдлѣ, когда конь подбирается весь и перескакиваетъ черезъ нихъ... Хочется смѣяться, и смѣешься, а въ то-же время глупыя радостныя слезы текутъ изъ глазъ, смѣхъ переходитъ въ рыданія... И никто не улыбается этому „малодушію“ — потому каждый въ эту минуту чувствуетъ то-же. „Какъ хорошо, какъ хорошо!“ — повторяетъ сосѣдъ, исцарапанный вѣтвями до крови...

— „Какъ хорошо! — бросаетъ мнѣ молоденькій офицеръ, проваливаясь вмѣстѣ съ лошадыю сквозь тонкій ледяной настъ“.

Деревня точно разбѣгается отъ насъ, когда мы стремглавъ скачемъ по ея улицамъ...

На нихъ сотни труповъ... Лошади съ разлету ступаютъ копытами прямо на ихъ незрячія, но неотступно обращенныя къ небу очи... Смотрятъ мертвецы и ничего не видятъ... Не видятъ ни нашей радости, ни нашихъ побѣдъ... Имъ все равно теперь — у нихъ нѣтъ дикой вражды и злобы... Имъ часъ назадъ дравшимся на этихъ валахъ, за этими плетнями — уже чуждъ сталъ восторгъ торжествующаго бойца. Чуждъ, хотя изъ зіяющихъ ранъ еще сочится кровь... Дорога завалена брошеннымъ оружіемъ и патронами. Зачастую желѣзная подкова осатаневшаго коня падаетъ на нихъ — и изъ подъ копыта слышны выстрѣлы. Случайно освобожденная пуля летитъ въ пространство, торжествуя радостнымъ свистомъ свою волю... Вотъ завалы... За ними тѣ же трупы... Вонъ и наши лежатъ въ своихъ сѣрыхъ шинеляхъ; нѣкоторые еще шевелятся... У одного вмѣсто головы — какой-то одинъ кровавый пузырь, а онъ почему-то все лезетъ на валъ... Сорвется съ него внизъ — и опять цѣпляется къверху... Вся жизнь его сосредоточилась въ однихъ рукахъ — ноги отнялись давно и сознаніе погасло... Мы и ему бросаемъ вѣсть о *его* побѣдѣ, но онъ не слышитъ ее... Не слы-

шить нашихъ радостныхъ кликовъ и все по прежнему продолжаетъ цѣпляться вверхъ по ослизлой и вязкой землѣ... Вонъ враги, схватившіеся одинъ съ другимъ, да такъ и умершіе... Лица ихъ, еще полны ненависти... Теперь поди и не разомнеть этихъ такъ горячо, такъ тѣсно обнявшихся ружь...

— Сегодня уже конецъ! Конецъ... Съ разгону наклоняется къ намъ какой-то казакъ.

Въ другой разъ и не понять бы чему конецъ, а теперь ясно... Конецъ этой бойнѣ, этому озвѣрѣлому истребленію... Сегодня никто уже не свалится съ пробитою насквозь грудью, съ треснувшимъ черепомъ. Никто не ляжетъ на эту просочившуюся кровью землю... Конецъ жертвамъ!.. Счастье полное, счастье!..

А тамъ на горахъ, что насупились темными тучами къ сѣверу—еще гремятъ залпы. Тамъ еще дерутся и умираютъ...

Какъ и имъ дать знать? Сотни, тысячи жертвъ могутъ еще лечь на вершинахъ—пока узнаютъ бойцы, что нѣтъ уже поводовъ къ враждѣ, что бѣлое знамя уже развѣвается на вершинѣ одного изъ редутовъ...

— Вся-ли армія сдастся? — лихорадочно спрашиваетъ генераль у ординарца, привезшаго эту счастливую вѣсть.

— Таборовъ десять ушло...

— Харановъ! — стремглавъ къ Дохтурову!.. Съ двумя кавалерійскими полками догнать... Чтобы ни одинъ человѣкъ не ушелъ отсюда!

Но едва приказаніе было отдано, какъ вдругъ навстрѣчу намъ скачетъ какой-то гусарь...

— Вы что?

— Отъ генерала Дохтурова...

— Ну?

— Не ожидая приказаній отъ вашего пр—ства, онъ самъ бросился за бѣжавшими турками...

— Отлично сдѣлалъ... Вернулъ ихъ?

— Всѣхъ... Порубили нѣсколько сотъ человѣкъ пашками.

— Сколько онъ взялъ?

— Шесть тысячъ человѣкъ. Съ ними два знамени...

— Вотъ счастливый день!

Да, счастливый для насъ! а для тѣхъ, которыхъ „порубили...“ Они тоже хотѣли уже не убивать, а только *жить!*.. Можетъ быть бѣжавшимъ уже улыбались родные очаги, милые люди въ мечтахъ встрѣчали ихъ ласковыми привѣтами...

Вонъ толпа турецкихъ санитаровъ. Груды раненыхъ... Врачи не наши, а непріятельскіе перевязываютъ ихъ. Пугливо они смотрятъ на насъ... Мы киваемъ имъ привѣтливо и несемся дальше... Слѣды ожесточенныхъ схватокъ... Трупы грудами, стѣнами... Изъ-подъ нихъ корчась стараются выползти еще живые... Раненые по легче бродятъ между ними... стараются не смотрѣть на насъ... Такъ и хочется крикнуть имъ: теперь мы не враги, а друзья, довольно ненавидѣть другъ друга, будетъ уже крови и убійствъ... Лѣсъ прорѣдѣлъ; сквозь его просвѣты—бѣлая равнина... Мы уже на опушкѣ; бѣлая равнина словно сама подбѣжала къ намъ и разостлалась у нашихъ ногъ... Вонъ развалины Шипки, у самыхъ Балканъ... Отъ нихъ идутъ слѣва крупные холмы. На холмахъ редуты... одинъ... два... три... четыре... Дальше еще смутно очерчиваются профили другихъ такихъ-же... Какъ грозно они смотрятъ!.. Всюду на подступахъ къ нимъ массы тѣлъ... Откуда-то рвется къ намъ на-встрѣчу «ура!» Параллельно этимъ редутамъ—другіе уже въ долинѣ. Цѣлые фронты укрѣпленій... Неужели все это взято боемъ?.. Неужели передъ каждымъ изъ нихъ дрались, убивали и умирали?.. Вонъ изъ-за брустверовъ видны наши солдаты... Штыки торчатъ на валахъ... Сѣрые силуэты часовыхъ по угламъ... А вонъ тамъ — точно маку насыпано—фески турокъ. Они смотрятъ на насъ молча... Честь дѣлаютъ... Ни одного выстрѣла оттуда... Значить—побѣда, дѣйствительно побѣда, не миражъ, не греза, не сонъ... Вотъ цѣлый таборъ турокъ сбился въ кучу, какъ стадо... топчутся... Робко смотрятъ на насъ... Бросаютъ передъ собою

ружья... Снимаютъ съ себя патронташи и тоже швыряютъ ихъ въ слякоть растоптаннаго снѣга и крови...

— Гдѣ-же флагъ? Гдѣ флагъ?—спрашиваетъ кто-то.

— Правѣе... Дальше...

И мы опять бѣшено несемся впередъ. Опять пристально всматриваемся вдаль и, все-таки, не видимъ завѣтнаго бѣлаго флага...

Вонъ рѣка... За нею колонны сомкнувшихся войскъ... Въ золотистомъ туманѣ не разобрать—наши или чужіе?

— Турки!—замѣчаетъ кто-то.

— Не можетъ быть...

— Нашимъ неоткуда зайти сюда.

— Была не была—ѣдемъ!..

Кони по брюхо входятъ въ рѣву... Брызги ея стремятся въ наши разгорѣвшіяся лица... Мы подбираемъ ноги, но вода заливается за сапоги... Остатки ледянаго наста еще торчатъ у береговъ.

— Ну, наши или нѣтъ?

— Не видать въ туманѣ...

Вдругъ оттуда на-встрѣчу намъ срывается, словно давно уже застоявшееся въ горлѣ, „ура...“ Мы его подхватываемъ... Лошади вносятъ насъ въ массу своихъ...

У нихъ тѣ-же радостныя, возбужденныя лица...

Солдаты и офицеры наперерывъ рассказываютъ намъ о чемъ-то... Мы слышимъ только общій говоръ, ничего разобрать не можемъ, но — удивительно — понимаемъ его... Понимаемъ этотъ хаосъ звуковъ, срывающихся, смѣшивающихся и разбѣгающихся по сторонамъ.

— Гдѣ бѣлый флагъ?

— Куда ѣхать къ нему?

Тысячи рукъ протягиваются на сѣверъ... Тысячи устъ кричатъ намъ: „туда, туда — прямо!“

И только теперь мы смутно различаемъ — большой холмъ точно сахарная голова съ отбитой верхушкой... Снизу вверхъ

вьется спираль черной траншеи... Земли не видать... На холмѣ стоять густо одинъ къ одному солдаты нѣсколькихъ таборовъ. Пестро необычайно... Мы скачемъ туда... Съ верхушки грозно смотреть внизъ крупновскія орудія, а выше всего — что-то полощется и вьется... Точно два бѣлыхъ крыла...

— Вонъ флаги, вонъ они! — радостно кричатъ наши...

— Гдѣ, гдѣ?

— Да вонъ, развѣ не видите...

Два бѣлыхъ крыла оказываются двумя бѣлыми флагами...

Толпа всадниковъ выѣзжаетъ намъ на-встрѣчу.

Пестрая, не наша толпа... Она отовсюду окружена нашими офицерами... Впереди нашъ капитанъ съ саблей плѣннаго паши...

— Кто такой?

— Вейсель-паша... Главнокомандующій этой арміей...

— Какъ онъ сдался?

— Безъ всякихъ условій...

Толстое лицо съ низко-нависшими бровями смотритъ спокойно... Суровое, некрасивое... Онъ что-то говоритъ по турецки...

— Что онъ сказалъ, что онъ сказалъ? — пристаемъ мы къ переводчику.

Тотъ тоже радостенъ, возбужденъ...

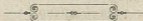
— Зачѣмъ ихъ милуютъ... Всѣхъ перебить надо! — говоритъ онъ намъ.

— Что сказалъ Вейсель?

— Сегодня гибнетъ Турція—такова воля Аллаха.

— Переведите ему: „вы дрались славно, какъ храбрые солдаты!..“

Турки приложили руки къ сердцу, губамъ и лбу и понурились...

ГЛАВА XXXI.

Ночь среди труповъ.

 какой это былъ тяжелый, глупый сонъ... Случаются же такіе ужасные кошмары... Какъ хорошо, что все отошло назадъ... Какъ хорошо... Теперь такъ легко, такъ ясно на душѣ.

Однако, какъ долго я спалъ, должно быть, и какіе длинные, длинные, безконечно длинные сны мнѣ мерещились.

Болгарія, война, утомительные переходы по этимъ снѣговымъ горамъ, голодъ и холодъ... Битвы... Убійства—тысячи убійствъ... Адская оргія истребленія... Какое-то легендарное торжество царицы—Смерти...

Такъ это все былъ только сонъ, но какой ясный, отчетливый...

Значить, и я самъ здоровъ, не раненъ. Значить, штыкъ вовсе не пробилъ мою грудь, значить, я вовсе не упалъ у самага бруствера редута, на облитую моею-же кровью землю. Значить—надо мною не выросла цѣлая гора труповъ... Значить, я не задыхался подъ ними... Ни чья мертвая рука не лежала на моемъ лицѣ, ни чьи пальцы, холодные, заострившіе

не попадали въ ротъ ко мнѣ... Кровь не сочилась на мое лицо... Значить, все это—только сонъ, одинъ сонъ... долгій, безконечный...

О, слава Богу, слава Богу, что я проснулся наконецъ. Все это было ужь слишкомъ мучительно. Можно умереть отъ такого сна...

И Одынцевъ—потянулся, расправилъ руки...

Бѣлый потолокъ камеры... Бѣлыя стѣны... Нѣсколько десятковъ товарищей лежатъ около... Спать еще... Неужели и имъ снятся такіе-же страшные сны... Вонъ гдѣ-то внизу слышится дробь барабана — пора вставать... Начинается день... Заспаные, сонные еще вскакиваютъ они съ постелей, спѣшно одѣваются... Вдоль кроватей проходитъ дежурный воспитатель и понукаетъ лѣнливыхъ...

— Одынцевъ, вы все медлите... А еще подали рапортъ о зачисленіи васъ въ дѣйствующую армію... Неужели вы и тамъ также будете...

„Это я-то въ дѣйствующую армію?“... И весь сегодняшній сонъ припомнился ему... — Я не хочу. . Я подалъ второй рапортъ.

— Вона, что такъ быстро раздумали?

— Тамъ слишкомъ ужасно!.. Тамъ дни и ночи — люди бродятъ по снѣговымъ горамъ, плохо одѣтые, голодные; тамъ они падаютъ въ пропасти, умираютъ отъ утомленія... Тамъ некому подбирать раненыхъ. Тамъ въ этихъ безпре- станныхъ бояхъ трупы наваливаются цѣлыми горами и подъ ними въ невыносимыхъ страданіяхъ корчатся еще живые... Корчатся и днемъ и ночью... Голосъ ихъ — никому не слышенъ, ихъ страданій—никто не видитъ... О, какъ это ужасно... какъ это ужасно... Я не хочу туда...

— Да вѣдь ужь поздно, вѣдь ужь состоялось ваше опре- дѣленіе...

— Это я прежде хотѣлъ, пока не зналъ...

— Значить, вы трусь...

— Пускай я трусь... Но я хочу жить. Такия страданія

для меня не выносимы... Что за глупое слово—трусъ? И почему трусъ? Потому что люблю голубое небо и солнечный свѣтъ, потому что въ восемнадцать лѣтъ—не узнавъ еще ни любви, ни наслажденій жизни—стремлюсь къ нимъ... Хорошо умирать старику, которому надоѣло все, котораго тяготитъ его дряхлое тѣло... А я-то... Вѣдь эти мускулы какъ крѣпки... Вѣдь я желѣзный пруть совою кольцомъ, узломъ завяжу... Изъ-за чего же умирать мнѣ... Да и смерть такая—хороша только издали...

— Что-же вы прежде-то пѣли.

— Прежде я не зналъ... Прежде я такъ... Мнѣ казалось все это красивымъ.

— А теперь откуда узнали?

— Теперь... во снѣ видѣлъ...

Кругомъ хохочутъ, хохочетъ и онъ. Такъ радостно ему ощущать себя живымъ и здоровымъ послѣ этого дикаго сна... Такъ хорошо дышать полною грудью...

— Вѣдь мнѣ снилось, что турецкій солдатъ пробилъ мнѣ грудь штыкомъ... Насквозь пробилъ. Конецъ штыка въ спину вышелъ... И штыкъ обломался—такъ и застрялъ у меня въ груди... Ну, не глупый-ли сонъ?... А потомъ навалились на меня другіе трупы... И все замерло... Войска ушли впередъ, далеко ушли... Насъ забыли...

— Это, братъ, сѣверный сонъ?

— А что.

— Да вѣдь сегодня экзамень изъ артиллеріи.

— Я ее чудесно знаю.

— Мало-бы что... Чудесно знаешь, а у Шкляревича непременно провалишься... Вѣдь онъ отъ насъ требуетъ такихъ-же знаній, какъ и у него... Тутъ, братъ, и не такіе проваливаются, да еще какъ. Потому что онъ съ перваго слова скорчитъ гримасу и обругаетъ тебя невѣждой... Ну и растеряешься... Растерялся, а онъ ужъ двойку тебѣ лепить... Онъ не одного погубилъ такимъ образомъ, ты что думаешь...

Ему теперь не страшенъ Шкляревичъ... Его турокъ на-
свозь штыкомъ пробилъ...

Товарищи хохочутъ... Смѣется и онъ... весело, глупо
смѣется чисто животнымъ смѣхомъ молодаго здороваго орга-
низма, празднуетъ свое возвращеніе къ жизни...

Точно онъ умиралъ когда-нибудь!.. А солнце то сегодня
какъ свѣтитъ — прямо въ бѣлую стѣну бьетъ — такъ что и
смотрѣть на нее глазамъ больно... Слѣпить. И тепло, какъ
хорошо... Весна теперь ранняя... Вонъ по двору зелеными
побѣжками пробилась зелень... У самой стѣны желтые цвѣтки...
точно кто-то червонцы рассыпалъ и горятъ они ярко подъ
лучами дня... Тепло, хорошо... Въ классѣ даже усидѣть
трудно... Въ садъ манить... Вонъ онъ этотъ садъ. Молодая, нѣж-
ная, первая листва на немъ... Кудрявая... Березу—всегда назы-
ваютъ кудрявой... Почему это? Вѣдь теперь всѣ деревья такъ...
Золотыми брызгами падаетъ на нихъ солнце... Золотые брызги
скользятъ внизъ... Только одного оживить не могутъ... старыхъ
корявыхъ стволовъ... Черные стоятъ они подъ роскошнымъ
нѣжно зеленымъ покровомъ, наброшеннымъ на нихъ весною...
Экая волшебница! клены-то, клены какъ густо окутала она зеле-
нымъ облакомъ... Массой наложила на каждую вѣтку широкія
лопасти свѣжей листвы... Вѣтеръ бѣжитъ по ней, слегка ее колы-
шетъ и тихо, тихо шепчетъ она ему свое первое признаніе...
Золотые брызги солнца сквозь чашу пробились въ траву...
Зеленымъ полемемъ зажгли ее... Верхушки травъ, головки
цвѣтовъ зардѣлись... Горятъ не сгорая... А хорошо вѣдь... И
воздухъ какой живящій, воскрешающій... Какъ тутъ усидишь
въ классѣ?.. Что это... По небу ползутъ темныя тучи... Пер-
вая гроза сегодня... Со сна-бы, пожалуй, звукомъ битвы по-
чудилась... Вѣдь какіе иной разъ глупые сны бываютъ...
Страшно глупые... Туча нависла надъ садомъ... Хмурится...
Въ ея нѣдрахъ точно рождается гроза... Сейчасъ небо ки-
нетъ землѣ свое властное слово... Сейчасъ, сію минуту... Оно
одѣнетъ это слово бѣлыми и голубыми молніями, чтобы оно

глубже запечатлѣлось въ сознаниі чловѣка... Все смолкаетъ—
 ожидая этого слова... Смолкли листья... Благоговѣнно скло-
 нилъ свои легкія колѣна вѣтеръ и голову положилъ на землю...
 Распростерся на ней... И онъ ждетъ что ему скажетъ небо...
 Тишина... Сейчасъ разверзнется завѣса храма... Грянуло...
 Разорвалась завѣса... Огнистыя молніи упали оттуда, отъ чаши,
 поднятой въ тучахъ, поднятой къ самому небу... Тамъ въ
 этой чашѣ совершилось великое таинство претворенія... Та-
 инство весны, оплодотвореніе земли... Воскрешеніе къ жизни...
 Прокатилось грозное слово невидимаго священника и замерло...
 Внемлетъ ему міръ въ благоговѣйной тишинѣ, вдумываясь въ
 это слово... Только вдали повторяется оно надъ такими-же
 причастниками—городами, полями, садами... И всѣ они скло-
 няютъ колѣна, опускаютъ головы... Еще разъ прокатилось
 властное слово... Нѣтъ, это не слово... Это Господь разди-
 раетъ плотную массу тучъ... Невидимой десницей—разсѣкаетъ
 ее... Разсѣкаетъ для того, чтобы цѣлому міру показать свой
 животворящій вѣнецъ. И вѣнецъ этотъ засіялъ уже во всемъ
 своемъ блескѣ... Имя ему солнце... Тучи испуганно сбѣгаютъ
 за горизонтъ—а вѣнецъ Бога живаго горитъ все ярче и ярче...
 Еще разъ свѣтъ побѣдилъ тьму... Еще разъ добро взяло
 верхъ надъ зломъ... И ярче еще зеленѣетъ омытая дождемъ
 зелень и благодарный міръ—изъ миллионовъ кадилъ струитъ
 на встрѣчу солнцу оміамъ своихъ ароматовъ... Въ невидан-
 номъ блескѣ раскрываются эти кадила—чашечки цвѣтовъ,
 первыхъ весеннихъ цвѣтовъ... Онѣ такъ блестящи, такъ хо-
 роши... Можно подумать, что солнце удѣлило имъ по ка-
 пелькѣ своего расплавленного золота, распустивъ его по не-
 видимымъ фибрамъ этихъ цвѣтовъ, разогнало его по безчис-
 леннымъ жилкамъ розовыхъ, желтыхъ и голубыхъ лепестковъ
 и цвѣточною пылью выбросила на тычинки,—золотою цвѣточ-
 ною пылью... Какъ хорошо, какъ хорошо, какъ хорошо...

Хорошо... Только тѣсно... Тѣсно ему... Одынецъ чув-
 ствуетъ, что онъ попалъ куда-то... Вѣдь только что онъ былъ

въ саду... Еще на лицѣ его — свѣжее дыханіе сада... Еще послѣднія волны этихъ благоуханій клубятся кругомъ... Гдѣ же онъ... Куда дѣвалось это солнце... Отчего такая тьма... За что его бросили въ какой-то сырой и влажный подвалъ... Противный подвалъ... На влажную вязкую землю, бьющую въ носъ ему своимъ отвратительнымъ острымъ запахомъ. Какія-то густыя капли падаютъ на лицо ему съ низкаго-низкаго потолка... Падаютъ и скользятъ внизъ... И какъ скользятъ: можно подумать, что это мокрые черви ползутъ по немъ, оставляя на кожѣ его свой влажный слѣдъ... Холодный и мокрый... Какъ ему противно прикосновеніе этихъ червей... Они забираются ему въ носъ и въ ротъ... Растутъ тамъ, клубятся... Ъдятъ его заживо... О страшно, страшно! Свѣжій, солнечный садъ, гдѣ твоя зелень. Небесный дождь—гдѣ твоя влага... Омой скорѣе... Вѣтеръ, сгони съ него этихъ ужасныхъ гадовъ... Теперь они проскользнули въ грудь ему, въ сердце и вьютъ уже тамъ свои подлыя гнѣзда... Онъ весь полонъ ими, полонъ этими червями... Нѣтъ и дождь, и вѣтеръ, и солнце безсильны... Слишкомъ крѣпко его подземелье... Слишкомъ низко нависъ его потолокъ... Опускается все ниже и ниже... давитъ его... На грудь ему рухнулъ... Душитъ... Одынцевъ хочетъ протянуть вверхъ руки, удержать этотъ потолокъ, упереться въ него руками... Но руки связаны; кто-то приковалъ ихъ къ холодной и мокрой землѣ...

— Пощадите... Пощадите...

ГЛАВА XXXII.

Живой среди мертвыхъ.

Вьднцевъ, лежа подъ грудю тѣль, слышалъ, какъ наши уходили все дальше и дальше...

Вотъ — послѣднія волны этой бѣшеной атаки перекатились черезъ противоположные брустверы... Вотъ замеръ вдали топотъ солдатъ...

Кругомъ зловѣщая тишина... Издали доносятся залпы, обрывки ура, глухо звучащаго здѣсь въ этомъ мертвомъ редутѣ... Неужели свои не вспомнятъ о немъ... Неужели капитанъ не прикажетъ солдатамъ вернуться и розыскать его... А если они думаютъ, что онъ убитъ... Когда тутъ заботиться о мертвомъ... Это—ужасъ, ужасъ... Минуты, часы, дни лежать подъ этими грузными трупами, сквозь которые прямо въ лицо ему сочатся струи еще теплой крови... Лежать пока не задохнешься, пока длится эта агонія смерти... Острый противный запахъ... Дыханіе захватываетъ такъ; точно, такъ и пахнетъ только что пролитая кровь... Тутъ еще есть живые должно быть! Какая-то рука уперлась ему въ лицо и царапаетъ его...

— Господи... Господи, помоги мнѣ!...

Ему кажется, что онъ крикнулъ громко... По крайней мѣрѣ онъ напрягъ для этого послѣднія свои силы... А между тѣмъ даже воронъ, усѣвшійся на груди завалившихся его труповъ, не слыхалъ этого крика... Такъ во снѣ, измученный кошмаромъ, находить наконецъ силы крикнуть—ему кажется, что отъ его крика проснется весь домъ и бросится къ нему на помощь — а между тѣмъ, его не разслышали даже люди, спящіе тутъ-же...

— Господи!.. Не дай умереть мнѣ такою страшною смертью!..

Но до Бога было слишкомъ далеко.

Его отдѣляли отъ него — эти тѣла исковерканныя, перегнувшіяся, разбросанныя одно на другое, переплетавшіяся между собой руками и ногами... Его отдѣлялъ отъ него и воздухъ—весь пропитанный злобнымъ дыханіемъ убійцы, испареніемъ сотенъ и тысячъ агоній, воздухъ полный запаха труповъ и крови... Его отдѣляли отъ Бога и эти тучи, обложившія небо отовсюду... Сквозь нихъ не могло пробиться даже солнце на эту несчастную землю, какъ-же могла пройти слабая, едва слышная молитва умирающаго... Казалось, земля отъ ужаса сама заволоклась тучами... Казалось, она опустила на себя покрывало, чтобы небо не видѣло ее опозоренную преступленіями, упитанную убійствами, залитую кровью...

Въ зловѣщей тишинѣ этого редута Одынцеву чудились какіе-то странные звуки...

Изъ подъ такихъ-же труповъ звучали порою болѣзненные крики и стоны... Турецкое „Алла“ сливалось съ русскимъ „Господи!“ Рядомъ хрипѣла и билась смертельно раненая лошадь, копыта которой попадали прямо въ лицо еще живому, но потерявшему силы солдату... Тутъ даже присутствіе мародера, грабителя мертвыхъ показалось-бы радостнымъ событіемъ для того, кто еще слышалъ, видѣлъ и дышалъ въ этомъ редутѣ...

Одынцевъ терялъ сознание отъ боли...

Ему казалось въ такія минуты, что онъ уходитъ куда-то глубоко, глубоко на дно океана. И по мѣрѣ того, какъ онъ глубже и глубже опускается туда—тише становятся болѣзненные звуки этого редута, слабѣе слышутся крики людей еще бьющихся съ волнами на поверхности океана... На днѣ казалось такъ покойно... Замирало ощущение боли, гасли заставлявшіе такъ страдать инстинкты жизни, блекла память прошлаго.... Сознание жизни точно распускалось въ глубокихъ водахъ этого океана... Если-бы хотя искра этого сознанія мелькнула въ головѣ утонувшаго—не показала-ли бы ему смерть желанной; не въ ней-ли конецъ мученіямъ и тревогамъ... Но новый ураганъ взрывалъ воды океана со дна его и выносилъ мало по малу Одынцева наверхъ... И чѣмъ выше подымался онъ оттуда, тѣмъ слышнѣе становились отголоски жизни, оцутительнѣе боль, страшнѣе сознание положенія, въ какомъ онъ находился... Обморокъ проходилъ и раненый опять бился на поверхности океана, съ волнами, давившими его отовсюду... Опять онъ старался выбиться изъ подъ этой роковой груды труповъ.... Зачѣмъ онъ попалъ сюда... Онъ не помнитъ, какъ онъ вскочилъ въ этотъ редутъ... Въ его памяти только и осталось черномазое, горбоносое лицо турка, кинувшагося на него со штыкомъ... Онъ его помнитъ; помнитъ, что и на немъ, на этомъ лицѣ—застыло тоже выраженіе ужаса... Пугался, холодѣлъ не только тотъ, кого кололи, но и тотъ кто кололъ... «Если бы я подождалъ!—мелькаетъ въ головѣ позднее сожалѣніе... Если-бы не торопился... Пускай-бы другіе шли первыми... Имъ хорошо, другимъ... Они живы теперь... Здоровы... Это ихъ «ура» вспыхнуло гдѣ-то далеко-далеко... Теперь они разложутъ костры... Станутъ грѣться и отдыхать отъ этого побоища... И никто, никто—ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не вспомнитъ о заживо схороненномъ...

— Господи!.. Да неужели дѣйствительно я заживо схороненъ... Неужели мнѣ не выбиться отсюда? И въ памяти

Одынцева ни съ того ни съ сего возникла забытая картина... Давно это было... Далеко отсюда... Рыли какую-то канаву... глубокую... Хотѣли прокладывать трубы... Рабочіе, изморясь, присѣли внизу и принялись жевать черствый хлѣбъ съ крупной насыпанной солью... Вдругъ послышался шорохъ... Не успѣли вскочить несчастные, какъ края канавы сползли... Еще мгновеніе—и рабочихъ засыпало... Засыпало вязкими, мягкими комьями, которые, падая одинъ на другой, слѣплялись въ одну влажную плотную массу... Воздухъ не могъ пройти внутрь. Тѣ, кто оставался на верху бросились разгребать землю... Вытащили ближайшаго. Онъ былъ еще живъ... Обвелъ всѣхъ помутившимися глазами внезапно помѣшавшагося человѣка и умеръ... Стали докапываться до остальныхъ... Лопаты осторожно уходили въ вязкую массу земли—какъ-бы не ударить въ лица засыпанныхъ...

Вотъ показался въ этомъ черномъ влажномъ мѣсивѣ какой-то клокъ волосъ, открыли землю—выступило зеленое-зеленое лицо... Глаза закрыты... Челюсти судорожно стиснуты... На щекѣ кровавый подтекъ... Видимое дѣло—неосторожно копали—ударили въ щеку заживо схороненному... Отчистили всего—руки свело... Грудь какъ-то неестественно выпучена, точно въ послѣднее мгновеніе онъ старался побольше вдохнуть въ себя воздуху—а выдохнуть его уже не было силы... Колѣни, какъ были согнуты—такъ и заостенѣли... И все-то тѣло позеленѣло... По всему-то тѣлу пошли зеленыя пятна...

Неужели и онъ теперь такой же, неужели и онъ похожъ на этого заживо зарытаго?..

А развѣ онъ не также схороненъ заживо?..

— Братья!.. хотѣлъ было крикнуть онъ, но горло его не слушалось... Горло судорожно свело... Звуки рождались и гасли въ груди, не имѣя силы растворить двери внезапно запершейся тюрьмы... Звуки не могли прорваться сквозь стиснутый ротъ—и дѣлали еще болѣе мучительной боль этого чув-

ствующаго еще, но уже безсильнаго организма... Онъ открылъ глаза... Только это ему и оставалось — видѣть и слышать; только этимъ онъ и отличался отъ мертвыхъ, лежавшихъ надъ нимъ... Онъ открылъ глаза — но передъ нимъ была тьма... Дневной свѣтъ не могъ, подобно воздуху, пробиться сквозь эту грудь... Дневной свѣтъ не озарялъ его искаженнаго страданіями лица... Одынцевъ видѣлъ тьму... Ему чудилось въ ней какое-то очертаніе... Фосфорическіе силуэты чего-то страшнаго... Огненные спирали... Спирали распадались искрами... Искры горѣли ярче и ярче голубоватымъ пламенемъ. Принимали видъ такихъ же искаженныхъ страшными муками лицъ... Вотъ прямо надъ нимъ лицо трупа, лежащаго на немъ... Одынцеву кажется, что онъ видитъ его и у того раскрыты глаза... Раскрыты и горятъ какимъ-то волчьимъ злобнымъ блескомъ... Одынцеву кажется, что онъ видитъ и ротъ мертвеца!.. Еще-бы не видѣть... Развѣ онъ не скалитъ ему свои зубы... Какая отвратительная, жестокая, торжествующая улыбка... Ему даже чудится, что тотъ скрипитъ зубами... Еще мгновеніе — и онъ вгрызется ими въ его еще живое, еще чувствующее лицо...

— Да спасите же, спасите... Но голосъ его теряется — не выйдя изъ тѣсной грудной клѣтки... Онъ даже самъ уже не слышитъ его...

— Спасите!..

Вотъ чьи-то шаги... Кто-то бродить по редуту... Одынцевъ слышитъ голоса... Да это люди... дѣйствительно люди... Слава Богу... Они за нимъ... Они вспомнили о несчастномъ сейчасъ, они спасутъ его... Вѣдь это такъ легко, стоитъ только сбросить этихъ что на немъ... Нѣтъ, значить Богъ дѣйствительно существуетъ... Онъ заботится о немъ, Онъ послалъ ему помощь... И голоса знакомые... Еще-бы... Это Верховцевъ и Верещагинъ...

— Вотъ они жертвы воинственныхъ увлеченій!... слышится голосъ художника.

— Да, тяжелая расплата, за славу и блескъ воинственной

легенды... Голосъ Верховцева весь кажется потрясеннымъ...

Человѣкъ передъ рыданьемъ говорить такъ.

— Посмотрите на этого... Молодой... Красивый...

— Уйдемъ отсюда... Скверно...

— Изнанка боя... Вотъ ее-бы нарисовать и показать шовинистамъ и наивнымъ поклонникамъ войны...

— А сколько живыхъ здѣсь...

— Я живъ, я живъ еще!... Хотѣлъ было крикнуть Одынцевъ... Спасите меня — еще я чувствую, еще не умеръ...

Но голосъ, какъ и прежде, не слушался его...

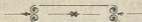
Звуки шаговъ, слова Верховцева и Верещагина становятся все тише и тише... Точно они возносятся куда-то высоко, высоко... Въ недостижимый просторъ неба...

«Не услышали... Не спасли...»

И злость душитъ Одынцева... Онъ пробуетъ биться, но крѣпко держать его прибитымъ къ землѣ груди этихъ мертвецовъ...

Онъ чувствуетъ на своемъ лицѣ чью-то руку... Эта рука часъ тому назадъ была жива... Теперь она холодная, мертвая... Онъ хочетъ сбросить ее — но чѣмъ?.. Его руки также прижаты къ землѣ, какъ и тѣло... Онъ ловить холодные окостенѣвшіе пальцы зубами... Кусаетъ ихъ... вгрызается въ нихъ И рука мертвеца уходитъ ему въ ротъ...

Озвѣрѣлъ и давай кусать еще сильнѣе... Но *тому* все равно, *тотъ* счастливѣе его, *тотъ* уже ничего не чувствуетъ.

ГЛАВА XXXIII.

Все тотъ-же сонъ.

опять хорошо, опять легко...

Все что давило его, эти черныя стѣны, черный потолокъ — раздвинулись куда-то далеко, далеко, такъ далеко, что ихъ не видать совсѣмъ. Точно изъ каменнаго мѣшка средне-вѣковой крѣпости его сразу выпустили на просторъ, по которому широкою волною струится прохлада, длинными поло-сами, серебряными, словно зыблющимися на верхушкахъ опрысканной росою травы ложится лунный свѣтъ... Хорошо, легко ему... Цѣпкія влажныя руки, что крѣпко держали его въ своихъ объятіяхъ — разомкнулись, цѣпи, что приковывали его къ этой облитой кровью землѣ — распались... Онъ свободень, совсѣмъ свободень... Иди куда хочешь, дѣлай что хочешь...

И онъ идетъ... Странно, какъ это все разомъ мѣняется... То была тюрьма — то свобода, то была ночь — то вдругъ яркій день... яркій и знойный... По голубому небу плывутъ серебряныя облака, сквозь ихъ края ослѣпительнымъ блескомъ горитъ солнце... Легкою волною теплый вѣтеръ порою плыветъ прямо въ

разгоряченное лицо Одынцева и снова падает, опускается въ эту зеленую чашу, словно и ему, этому лѣтнему вѣтру лѣнь; словно и ему не хочется нарушать этотъ поэтический, полуденный отдыхъ природы... Она работаетъ, работаетъ глубоко въ землѣ, раститъ мириады зеренъ, мириады корней пьютъ ея влагу, разносятъ ее по неподвижнымъ стволамъ и стеблямъ... Но тутъ подъ этимъ солнечнымъ свѣтомъ все заснуло... Не спятъ только птицы — въ ихъ неугомонномъ царствѣ гамъ и стрекотъ... Уныло посвистываютъ иволги, веселые задорные щеглы перекликаются, словно на какомъ-то музыкальномъ конкурсѣ съ нахальными чижами, наперерывъ широкою волною летятъ звонъ отъ кузнечиковъ, и только настоящій талантъ — соловей, печально молчитъ въ вѣтвяхъ стараго клена... Не ему же принять участіе въ этомъ громкомъ концертѣ безголосыхъ пѣвцовъ.

Отвѣсы краснаго глинянаго обрыва внизъ... Прямо падаютъ въ красивую и быструю рѣку, что дѣлаетъ здѣсь излучину... Зеленъ сбѣжалась на этотъ обрывъ и, словно держась за него, заглядывается въ эти прозрачныя воды... Веселая нѣжная зелень... По отвѣсу, по красной глинѣ, змѣятся черныя трещины, какіе-то громадные іероглифы, высѣченные чьею-то чудовищною рукою... Весною, вода высверлила здѣсь черныя пещеры... Туда налетѣло теперь всякой крикливой птицы, до пропасти... Ореть она тамъ, словно ей хочется перекричать меланхолическую пѣсню рѣки... Одынцева тянетъ къ водѣ... Вонъ по дальше менѣе крутой спускъ. Цѣпляясь за гибкія вѣтви лозника онъ сползаетъ внизъ... По черному асфальтовому дну бѣжитъ эта рѣка... Солнце падаетъ золотыми брызгами сквозь ея струи... Свѣтлыми бликами играетъ это золото на мрачномъ днѣ... Гряда скалъ — подъ водою она, съ тихимъ упрекомъ обѣгаетъ ихъ рѣка... Перекидывается черезъ нихъ, разбѣгается струями бѣлой пѣны и съ кроткою жалобой стремится дальше... Пить ему хочется... Вотъ въ воду зеленымъ языкомъ двинулся пологій берегъ. Черныя муравьи копошатся на немъ,

желтыя и красныя бабочки празднують какую-то свадьбу... Цѣлыми гирляндами вьются надъ улыбающимися имъ аниوتينыми глазами, тоже похожими на бабочекъ, только приросшихъ къ тонкимъ зеленымъ стеблямъ, послушнымъ малѣйшему тренету воздуха... Наглая желтая ромашка затесалась въ чащу голубыхъ незабудокъ и бѣлыхъ маргаритокъ, точно ярко разряженная мѣщанка въ скромную толпу хорошенькихъ поселянокъ... Вонъ невидимые, но слышныя по запаху фіалки... Какъ хорошо пахнуть они... Запахъ цвѣтовъ — не есть-ли это ихъ голосъ. Ихъ благоуханіе — не восторженная-ли пѣсня ихъ, не поэтическое-ли слово любви; когда они на встрѣчу одинъ другому струять свои тонкіе ароматы — не первыя-ли это признанія, весенніе дуэты, робкіе и скромные — какъ робки и скромны и сами эти прячущіеся въ зелень цвѣтушія головки...

Одынцеву хорошо здѣсь...

Тамъ на верху его жгло солнце. Голова его горѣла, во рту высохло, губы потрескались отъ жажды, языкъ, какъ тряпка, болтался подъ сухимъ и терпкимъ небомъ...

Воспаленные глаза съ болью смотрѣли на свѣтъ... Имъ тоже нужна была освѣжающая влага...

Только здѣсь внизу — на него вѣетъ прохладой отъ этихъ струй... Свѣжей, живящей прохладой... Онъ склонилъ лицо свое въ чащу этихъ робкихъ цвѣтовъ — и нѣжное прикосновеніе ихъ кажется ему тысячами тонкихъ неувимыхъ поцѣлуевъ... Точно имъ — этимъ цвѣтамъ весны жаль его, истомленнаго, измученнаго. Хорошо здѣсь, совсѣмъ хорошо... Онъ низко, низко наклоняется къ водѣ... Вотъ ужъ холодныя струи брызнули на него своей влажной пылью... Еще мгновеніе... онъ до сыта напьется...

Но Боже мой... Что же это такое?... Рѣка, куда уходишь ты отъ него...

Струи — отбѣгаютъ отъ берега... Оставляя за собою мокрое каменное дно... Одынецъ хочетъ слизать съ него послѣднія

капли влаги... Онъ уже наклоняется къ нему горячимъ лицомъ — но его сзади схватываютъ *тѣ-же* беспощадныя цѣпкія руки... Схватываютъ и держать крѣпко... Онъ чувствуетъ на своей шеѣ ихъ холодныя костлявыя пальцы... Они съ болью сжимаютъ ему горло... Перехватываютъ дыханіе... А вода, отбѣжавшая отъ берега, снова струится у самыхъ устъ его... Наклониться только чуть-чуть...

— О пустите-же, пустите!..

Но цѣпкія руки еще крѣпче сжимаютъ его плечи, костлявыя пальцы еще глубже впустили свои длинные и крѣпкіе когти въ его шею... За что это? Что имъ сдѣлалъ онъ... Кто этотъ врагъ, не показывающій ему своего лица... Нѣтъ, ихъ нѣсколько, ихъ много... Онъ чувствуетъ еще много другихъ рукъ, точно также удерживающихъ его... Ему страшно... Онъ боится оглянуться на нихъ... Это не изъ нашего міра... Отъ нихъ вѣетъ какимъ-то ужасомъ... Ужасъ этотъ чувствуетъ каждый нервъ несчастнаго... Наконецъ, онъ дѣлаетъ усиліе... Онъ долженъ взглянуть имъ прямо въ лица... Онъ повертываетъ голову—и прямо въ глаза ему смотрятъ полусгнившіе трупы... Въ черныхъ впадинахъ глазъ кипятъ черви... Черви въ впадинѣ носа, въ красной дырѣ рта... Отъ нихъ вѣетъ смрадомъ могилы... Ихъ дыханіе—разложеніе... Имя имъ—смерть... И много, много такихъ... Онъ видитъ, какъ издали скользя, цѣпляясь за землю тянутся къ нему десятки, тысячи такихъ же, какъ эти... Падаютъ и снова поднимаются и снова поднимаются и снова ползутъ къ нему... Медленнѣе дождевыхъ червей ползутъ, но такъ же, какъ и дождевые черви оставляютъ на свѣжей землѣ влажный, противный слѣдъ...

Онъ пробуетъ бороться съ ними...

Онъ схватывается... Онъ цѣпляется руками за нихъ... упирается въ нихъ... Но все напрасно...

У нихъ вся сила въ рукахъ—и эти-то руки держатъ его, крѣпко держать...

Его пальцы, когда онъ перехватываетъ имъ шею, глубоко

уходить въ ихъ тѣло, какъ въ кисель... И красныя впадины ртовъ, кишачихъ червями, улыбаются ему... Изъ черныхъ дыръ, замѣняющихъ глаза, вытягиваются какія-то змѣи и шипятъ на него... Онъ закрываетъ самъ глаза... Онъ опрокидывается навзничъ... Онъ чувствуетъ свое безсиліе... Его сковываетъ ужасъ... Онъ уже не можетъ бороться, не можетъ мѣшать имъ... И онъ, торжествуя, безмолвно торжествуя свое злое дѣло, накидываются на него, набрасываются... Давятъ его подъ собою... Сплошною массою давятъ...

И каждый новый мертвецъ, приползающій оттуда, увеличиваетъ эту массу... А этихъ мертвецовъ тысячи и гора труповъ все растетъ и растетъ... чудовищно растетъ... Растетъ... Она уже въ ровень съ красными глиняными обрывами... Переросла ихъ... Переросла верхушки лѣса, что всталъ на самомъ гребнѣ... Съ каждымъ мгновеніемъ все высится и высится... Вотъ уже небесныя облака цѣпляются за нее... И онъ одинъ живой, чувствующій подъ нею... Онъ одинъ—безсильный, но сознающій... И странное дѣло—онъ видитъ сквозь... Онъ видитъ, точно взглядъ его проходитъ, не встрѣчая препятствія въ этихъ тѣлахъ, какъ его руки проходили въ ихъ жидкую массу.

Что это?.. По небу скользятъ какіе-то свѣтлые облики... Голубыя крылья чуть-чуть свѣтлѣе голубаго неба... Широко раскидываются они... Ихъ края—какъ края облака серебрятся... Не видно рукъ... Руки сливаются съ небомъ, но пламенные мечи ярко горятъ... Ангелы Божьи!.. Неужели вы не спасете его... Неужели вы безсильны?!

И онъ молится имъ... Молится безмолвной горячей молитвой... Словами этой молитвы — сочатся капли крови изъ его сердца, словами ея являются судороги, бѣгущія по лицу его...

И Ангелы Божьи слышатъ... Онъ видитъ, что они слышатъ...

Ихъ много... много... Голубыя очертанія крыльевъ остановились надъ этой смрадной горой труповъ... Свѣтлые края

одежды колеблутся, какъ оніміамъ отъ кадила колеблется въ огненномъ просторѣ храма, какъ пламя отъ свѣчъ передъ иконой колеблется въ разгоряченномъ воздухѣ...

— Спасите... Спасите...

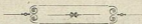
Черныя амфибіи—срываются прочь... Влажныя, склизкія амфибіи съ цѣпкими руками и костлявыми пальцами распускаютъ въ свѣтломъ воздухѣ свои черныя крылья... Распускаютъ и уносятся... Другія—безкрылыя, еще болѣе противныя, сползаютъ прочь и уходятъ куда-то въ землю, въ черный мракъ ея, въ темныя норы, похожія на ходы червей въ испорченномъ орѣхѣ... О, какъ легко становится ему... Голубыя крылья свѣваютъ съ него послѣднія волны смрада... Запаха тлѣнія нѣтъ... Онъ опять у рѣки... Рѣка уже не отбѣгаетъ прочь... Напротивъ, ласково струится она у самыхъ устъ его... Струи поютъ ему о чемъ-то знакомомъ... Теплая волна ароматовъ обдаетъ его отовсюду...

Онъ пьетъ, жадно пьетъ...

Холодныя, чистыя струи... И по мѣрѣ того, какъ онѣ вливаются въ его пылающую грудь — онъ чувствуетъ, какъ замираютъ его страданія... Утихаетъ боль... Смолкаютъ муки... Ахъ, какъ хорошо ему теперь... Затягиваются раны... Это—именно живая вода... Она воскрешаетъ мертвыхъ... Даетъ здоровье больнымъ, силы—умирающимъ... Онъ пьетъ ее, жадно пьетъ—и съ каждымъ глоткомъ чувствуетъ себя легче и легче... Вотъ онъ уже сталъ такъ легокъ, что земля уже не можетъ удержать его... Что это?.. Онъ подымается... Подымается въ воздухъ, болѣе тяжеломъ, чѣмъ онъ, въ высоту — какъ воздушный пузырекъ подымается со дна на поверхность воды... Земля подъ нимъ... съ ея садами, рощами... Голубыя крылья, свѣтлыя облачныя одежды вьются мимо... Края ихъ задѣваютъ его... Шелестятъ... Мимо пронеслась какая-то птица... Онъ на минуту почувствовалъ прикосновеніе ея теплой груди, ея мягкихъ крыльевъ... Но она его не видѣла... Его больше никто не увидитъ... Его уже нѣтъ... совсѣмъ нѣтъ... То что

видѣло, слышало, чувствовало — лежитъ внизу, безсильное, обезображенное, мертвое... О, какъ хорошо!..

И Одынцева не стало...

ГЛАВА XXXIV.

На вершинахъ.

едуть, заваленный мертвыми и умирающими, весь день и всю ночь стоялъ одиноко посреди боеваго поля — никто не приходилъ сюда... Людямъ было некогда. Войска участвовавшія въ бою, отдыхали; санитары возились съ тысячами раненыхъ, собранныхъ въ долины. Перевязочные пункты были полнымъ-полны... Доктора работали, не складывая рукъ...

Редуть мертвыхъ и умирающихъ былъ въ сторонѣ отъ нихъ...

Внутри ползали, стонали... Турки и русскіе, раненые штыками, умирая, встрѣчали такихъ же страдальцевъ... Искаженные болью лица, воспаленные взгляды... Стоны изъ-подъ цѣлыхъ грудъ тѣлъ, наваленныхъ одно на другое... Къ ночи такіе стоны стали слабѣе... Заживо-похороненные умирали, теряли силы... Раненые, ползавшіе днемъ, тоже раскидывались въ лужахъ крови и въ забыты лизали ее — не зная, что дѣлать отъ жара, палившаго ихъ цѣлый день... «Воды, воды!» — хрипѣли сотни устъ — но не было руки, которая принесла-бы имъ воду. Не было человѣка, который слышалъ-бы ихъ пред-

смертные вопли... Кругомъ редута были тоже горами навалены мертвые и раненые... До нихъ еще не добрались санитары...

Соймоновъ, окончивъ со своими ранеными, заѣхалъ было сюда, но его нагналъ посланный отъ Хохлова...

— Поѣзжайте скорѣе къ главному доктору.

— А что?

— Да требуетъ... Просилъ поживѣе только.

Соймоновъ доложилъ Хохлову о томъ, что видѣлъ только что. Тотъ руками развелъ.

— Сейчасъ пошлемъ туда, но главное — у насъ изсякли лечебныя средства...

— Неужели все вышло что изъ Габрова взяли?

— Все... Я васъ хочу послать на Шипку... Можетъ быть тамъ у нихъ наверху есть... Теперь проѣздъ свободенъ...

— А я хотѣлъ проситься въ Казанлыкъ...

— Успѣете еще... Исполните это порученіе—и ступайте тогда куда хотите.

Соймонову только и оставалось подчиниться...

Проѣзжая мимо редута мертвыхъ, онъ опять слышалъ стоны, доносившіеся оттуда... Сопровождавшему его санитару онъ указалъ мѣсто—и тотъ вернулся къ Хохлову.

Вотъ и крутые вѣзды на св. Николай.

Зигзагами поднимаются они, одинаково утомляя и коня, и всадника... Ёдешь-ёдешь—кажется, конца имъ нѣтъ... Наконецъ, конь отказывается идти, ноги расплзаются... Дышать тяжело, втягивая и безъ того впалые бока. Сходишь съ сѣдла, ведешь въ поводу... Проходитъ часъ—другой, а серебряная вершина съ громадою сѣрыхъ скалъ Орлинаго гнѣзда все такъ-же далеко; все такъ-же тонетъ она въ голубыхъ высяхъ... Трупы на-право и на-лѣво... Головой внизъ валяются на крутизнахъ...

Вотъ, наконецъ, и наши шипкинскія позиціи.

Вездѣ кипитъ работа... Съ орудій, взятыхъ у турокъ,

снимаютъ замки, гудами раскладываютъ десятки тысячъ ружей и патронныхъ ящичковъ... Недавнія турецкія укрѣпленія кишмя кишатъ солдатами, роющимися въ ихъ землянкахъ... На ихъ батареяхъ стоятъ наши часовые... По пути — массы турецкихъ плѣнныхъ; ихъ эвакуируютъ къ Габрову. Тысяча за тысячей, таборъ за таборомъ... Перемѣшавшіеся, дезорганизованные...

— Гдѣ вашъ лазаретъ? — спрашиваетъ Соймоновъ у солдатъ.

— Лазаретъ? Ступайте прямо... Вонъ чернѣетъ...

И онъ понукаетъ едва передвигающаго ноги коня.

Еще нѣсколько минутъ — и Соймоновъ погружается точно въ черную бездну Дантова ада...

Это — дѣйствительно мѣсто полное ужаса и страданій... И Соймоновъ, уже привыкшій ко всему, чувствуетъ, какъ холодѣетъ его кровь.

Блиндированныя землянки... Мракъ... Страданія!..

Сверху талая вода лѣтъ ручьями прямо на больныхъ, буквально лежащихъ и задыхающихся въ грязи... Иной почвы нѣтъ, — не бросить-же больныхъ просто на дорогѣ!

Каплетъ и лѣтъ сверху, каплетъ и лѣтъ со стѣнъ... Внизу лужи — въ лужахъ раненные... Вопли, потрясающіе душу...

— Холодно... Пригрѣться-бы!..

А чѣмъ пригрѣшься!..

— Господи хоть-бы смерть!..

Вокругъ у стѣнъ — доски; на доскахъ чуть-чуть подстлано соломы — тонко подстлано... Солома размякла, сгнила, въ мѣсиво какое-то обратилась... На этомъ ложѣ — одинъ къ другому сплошь, какъ дрова — раненные... Набито до невозможности... Послѣ вчерашняго боя эвакуировать въ Габрово не успѣли... Смотришь на ближайшихъ страдальцевъ, а вдали во мракѣ копошатся и движутся еще сотни какихъ-то силуэтовъ... Всѣ они обернуты въ свои лохмотья... Ни одѣяль, ни

подушекъ... Грязь на нихъ, грязь подъ ними... Грязь, смѣшанная съ органическими остатками, съ кровью...

Холодно до того, что у насъ зубъ на зубъ не попадаетъ...

Мокро, ваше благородіе, — страсть мокро! — стонетъ кто-то.

Доктора хватаются за головы... Они сами пять мѣсяцевъ живутъ въ такой атмосферѣ, въ такой-же землянкѣ... Но и имъ видѣть здѣсь такую массу раненыхъ — выше силъ.

Комната этихъ докторовъ здѣсь-же, между двумя черными гнѣздами этого перевязочнаго пункта... Такъ-же лъетъ сверху тотъ-же холодъ. Въ дырѣ — шага въ три въ длину и три въ ширину — спать семь человекъ медиковъ.

— Какъ вы помѣщаетесь тутъ?

— А въ-повалку...

— Что-жъ дѣлать, негдѣ...

— Да отчего сверху течетъ такъ?

— Каменная кладка, иной почвы нѣтъ... Въ дождь или какъ снѣгъ таять начнетъ — цѣлыя рѣки...

Вонь въ одной «камерѣ» трудно-больные. Кашляютъ уже едва слышнымъ голосомъ... Останавливаешься противъ одного.

— Живъ еще! — спрашиваетъ докторъ.

Молчаніе.

— Тимофѣевъ!

То-же молчаніе. Подъ сѣрою шинелью горбится что-то неподвижное.

— Померъ, должно, сегодня! — чуть разжимая ротъ, отзывается солдатъ рядомъ.

— Всѣ помремъ — слышится со стороны, до того тихо, точно кто-то на ухо шепчетъ.

— Господи! Тутъ-бы перевозить скорѣе въ Габрово... — волнуется докторъ.

— Зачѣмъ-же дѣло стало?

— Да на пятьсотъ раненыхъ всего пятнадцать саней прислали — и перевозите, какъ знаете.

Всѣ эти пять мѣсяцевъ шинкинскаго сидѣнья турки про-

мили этотъ перевязочный пунктъ гранатами, какъ и другія мѣста тѣхъ-же позицій. Еще вчера въ одно изъ подземелій попала одна такая. Тамъ стояли лошади, но теперь помѣстили раненыхъ, потому что ихъ дѣвать положительно некуда... Одну лошадь убило осколкомъ — и она служить теперь изголовьемъ для четырехъ раненыхъ... Такъ на мертвечину и положили головы бѣдные страдальцы.

Передъ перевязочнымъ пунктомъ на снѣгу лежали подъ открытымъ небомъ умершіе и раненые...

У костровъ тутъ-же вмѣстѣ съ нашими — раненые турки... Въ камерахъ ихъ тоже много. Только они поражаютъ нѣсколько большимъ стоицизмомъ...

Не стонуть, не кричать, не плачуть. Погрузился человекъ въ мертвое молчаніе и внутри самого себя, сжавъ глаза, переживаетъ невыносимыя муки. Точно онъ боится ихъ выдать стономъ, точно около стоитъ что-нибудь и сторожить этотъ стонъ...

Соймоновъ обратился къ ближайшимъ врачамъ.

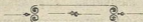
— У насъ у самихъ мало, но подѣлиться можно!

Только къ вечеру онъ попалъ назадъ — изморенный и усталый...

Тутъ его обрадовала вѣсть.

— Завтра вы съ нѣкоторыми ранеными отправитесь въ Казанлыкъ.

Завтра, наконецъ, онъ узнаетъ объ Айшѣ...

ГЛАВА XXXV.

ОСТАВЛЕННЫЙ ГОРОДЪ.

Трудно передать волненіе, съ которымъ Соймоновъ подъѣзжалъ къ Казанлыку. На-право и на-лѣво по всему пути дымились биваки солдатъ. По дорогѣ сплошною рѣвою стремились впередъ батареи, уже переѣхавшія Шипкинскій переваль, обозы, транспорты, парки... Все это пока направлялось къ Казанлыку. Оттуда русская армія, передохнувъ, должна была двинуться впередъ...

Опять впередъ и впередъ.

Весь этотъ послѣдній періодъ войны заключался въ бѣшенномъ напорѣ русскихъ полковъ, батальоновъ, смывавшихъ передъ собою жалкіе остатки турецкихъ армій... На западѣ — Гурко съ гвардіей перебрался черезъ Балканы и гналъ передъ собою разбитыя части Сулеймановскихъ отрядовъ, оставляя, въ свою очередь, по пустымъ болгарскимъ селамъ сотни оставшихъ, усталыхъ, больныхъ... Сильные и здоровые о нихъ не думали... Они шли впередъ и впередъ; тѣ-же, кому измѣнили ноги, могли сколько угодно умирать въ одиночествѣ, среди полного безлюдья...

На нихъ даже не оглядывались... Неизбѣжныя жертвы войны! Стоитъ ли обращать вниманіе на единицы тамъ, гдѣ создалась фраза: на то и война! тамъ, гдѣ выбывшихъ изъ строя случалось считать десятками тысячъ. Что было за дѣло этимъ бравымъ генераламъ до того, что всякая такая единица носить въ себѣ цѣлый міръ страданій... Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ и во всякомъ случаѣ не эти ослабѣвшіе люди, уже не годные для строя, для бойни, могли остановить головокружительное стремленіе впередъ и впередъ... Главная квартира—была чуть не на аванпостахъ. Осторожность—забыта, потому что уже некому было грозить намъ. Снѣжная лавина, скатившаяся съ горъ—продолжала катить все дальше и дальше. Фантазія становится дѣйствительностью... Мечтатели уже слышали звонъ христіанскихъ колоколовъ надъ Святой Софіей, видѣли купающуюся въ голубыхъ водахъ Босфора Византію съ развѣвающимися повсюду русскими флагами, наше знамя казалось уже колыхалось надъ башнями Чарагана и Сераскеріата. Позади оставались—поля битвъ, заваленныя трупами, руины, гдѣ гнили тѣла бойцовъ... Со дня на день можно было ожидать прихода весны... Съ весной—грозила явиться и чума... До этого, никому, рѣшительно никому не было дѣла... Являлись новые враги... Носились смутные слухи о томъ, что въ тылу у насъ можетъ появиться турецкая армія—все равно... Снѣжная лавина должна была докатиться до береговъ Мраморнаго моря и до синихъ волнъ Эгейскаго... Классическое образованіе пригодилось... Офицеры, въ свое время въ гимназіяхъ зубрившіе Эллиновъ и Латинянъ, вспоминали вдохновенныя строки греческихъ поэтовъ; розовые паруса Эгейскихъ челноковъ, и бѣлыя скалы и серебряныя вершины Олимпа Малоазійскаго и чудная роскошь Принцевыхъ острововъ и рай Мармары—казались вотъ, вотъ, близко, чуть ли не у самыхъ ногъ побѣдителей... И всѣ они, перебившіе у Этрополя, у Траяна, у Куруджи, у Шибби, у Травны двигались къ одной и той же цѣли. По пятидесяти верстъ въ день шли полки

нѣхоты, по семидесяти пяти кавалерія, и это движеніе все еще казалось медленнымъ.

Быль пока только одинъ лозунгъ впередъ!

Десятки тысячъ болгаръ-объгледцовъ шли за нашими арміями. Они оставались по пути въ тѣхъ или другихъ руинахъ, гдѣ нѣкогда пылали ихъ очаги... Рыданія разносились по всей странѣ... Возвращавшіеся назадъ встрѣчали вмѣсто своихъ домовъ мерзость заустѣнія; вмѣсто садовъ — обгорѣлыя головни; вмѣсто пашень—вытоптанныя пространства безплодной земли...

Соймоновъ тоже нетерпѣливо ѣхалъ впередъ.

Транспортъ раненыхъ за нимъ растянулся на версту... Передъ ними раздвигались войска, съѣзжали на сторону обозы. Всѣ спѣшили дать мѣсто этимъ несчастнымъ, эвакуируемымъ въ больницы Казанлыка, гдѣ, какъ было слышно, въ каждомъ домѣ уже лежали десятки такихъ-же...

По пути солдаты... Нѣкоторые ковыляють туда-же съ прострѣленной рукой, съ попорченной ногой...

— Куда ты?—встрѣчаетъ одного такого Соймоновъ.

— Въ городъ... Нога у меня...

— Ложись въ телѣгу... Не дойдешь вѣдь...

— Я не дойду?—удивился солдатъ. — Да развѣ у меня рана?.. Кость только маненечко тронуло, а нога какъ нога... Нѣтъ, ужъ я самъ... Въ телегѣ которые, тѣмъ одно — помирать... А я ужъ къ вашему благородію къ городу приду... А теперь что—и не такіе, да ходять...

Вонъ солдаты по сосѣдству съ трупами разложили костеръ и варятъ похлебку... Веселый говоръ носится надъ разгорѣвшимися полѣньями... Запахъ вкуснаго варева бьетъ въ носъ, но къ нему уже притерпѣлись...

— Эхъ, хлѣба нѣтъ! — жалуется одинъ.

Другой отправился къ трупамъ, пошарилъ, пошарилъ — и тащитъ десятка два галеть.

— Вотъ и хлѣбъ... Этотъ еще скуснѣй нашего будетъ...

— Може пахнетъ?

— Тутъ, братъ, всё пропахли... Тутъ, братъ, съ носомъ не суйся... Безъ носу-то лучше... Ничего не подѣлаешь!..

— Давай, давай галетовъ... Табаку нѣтъ?

— Нѣтъ, тютюну не нашель у нихъ...

— Не Казанлыкъ-ли это? — спрашиваетъ Соймоновъ у офицера, встрѣтившагося ему на дорогѣ.

Тотъ оглянулся.

Синія массы Малыхъ Балкановъ... Прислонясь къ нимъ, рисуется бѣлый городъ. Высокіе минареты его отчетливо выдѣляются надъ цѣлою массою сливающихся между собою зданій. По сторонамъ разбѣгаются матовыя облака садовъ и роцъ...

— Онъ и есть... Налѣво — села... А это Казанлыкъ... Вонъ это — минаретъ главной мечети ихъ... Это вонъ на краю видѣнъ монастырь. Только тамъ ни одной монахини нѣтъ теперь — всё въ Габрово бѣжали. Тамъ у турокъ были склады... Рису сколько хотите для вашихъ больныхъ будетъ...

Соймоновъ не сводилъ глазъ съ города, все больше и больше развертывавшагося передъ нимъ.

Вонъ тамъ, въ одномъ изъ этихъ домовъ, вѣрно живетъ еще и теперь Айша... Хорошо, если такъ, если она не ушла вмѣстѣ съ другими... А если ея нѣтъ?.. Если нельзя добыть и слѣдовъ?..

— Вы не знаете — изъ турокъ остался кто нибудь?..

— Больные и раненые... Больше никого.

— А женщины?

— Четыре старухи только... Всѣ остальные ушли за Малые Балканы... Наши казачьи разѣзды видѣли громадныя таборы этихъ бѣглецовъ. Къ Адрианополю стягиваются...

— Зачѣмъ-же они уходятъ?

— Изъ Константинополя такое приказаніе... Хотятъ, чтобы передъ нами пустыня была...

Казанлыкъ растетъ и растетъ...

Вотъ Соймоновъ уже вѣзжаетъ въ его пустынные улицы...

Безлюдные дома, разбитыя стѣны, выбитыя окна, разоренные сады христіанскихъ кварталовъ печально глядятъ отовсюду. Турецкіе—цѣлы, но они также мертвы и безлюдны... За то на главной улицѣ—толпа... Надо всѣми домами флаги красного полумѣсяца; толпы санитаровъ въ алыхъ фескахъ, докторовъ въ турецкихъ мундирахъ спуютъ изъ одного дома въ другой.

Соймоновъ только къ вечеру успѣлъ расположить своихъ раненыхъ въ большихъ и чистыхъ турецкихъ домахъ. Онъ страшно усталъ, но отдыхать было некогда. Во что-бы то ни стало слѣдовало сейчасъ-же узнать, что случилось съ Айшей... Онъ уже успѣлъ переговорить съ нѣсколькими турецкими врачами; одинъ грекъ, горбоносый, съ громадной черной бородой, особенно сошелся съ нимъ. Молохадесъ зналъ почти цѣлый городъ, потому что провелъ здѣсь не менѣе шести мѣсяцевъ.

Соймоновъ спросилъ у него, гдѣ жиле Хюсни-паши. Оказалось — недалеко...

— Вы знали его?

— Какъ-же; у него въ гаремѣ недавно несчастіе случилось.

— Какое?

— У него жила одна молоденькая дѣвушка-турчанка...

— Не Айша-ли?

— Она самая... Вы ее почему знаете?

— Такъ... Ради Бога, расскажите, что съ нею, гдѣ она?

— Она зарѣзала Заеда-эффенди... Ее заключили въ тюрьму, потомъ, выпустили, — когда турки должны были оставить Казанлыкъ... Она оказалась мужественной дѣвушкой...

И Молохадесъ рассказалъ все Соймонову.

— Гдѣ-же теперь искать ее?

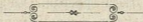
— Сотни тысячъ народа двинулись въ Адрианополь и дальше... Въ Эдирне у Хюсни-паши есть свой домъ... Тамъ, вѣроятно, и Айша остановится. Съ нею и братъ ея... А до тѣхъ поръ ее не увидѣть...

Соймоновъ пошелъ въ домъ Хюсни-паши... Съ тоскою въ сердцѣ, съ безнадежною отчаянія!..

Какъ билось сердце у молодаго врача, когда онъ обходилъ комнаты, гдѣ недавно жила любимая имъ дѣвушка!.. Вотъ онѣ... Казалось, ея голосъ еще звучитъ здѣсь... Вотъ-вотъ она выйдетъ къ нему на-встрѣчу... Все кругомъ было разорено до тла... Изъ окна Соймоновъ видитъ двухъ солдатъ на дворѣ. Вышли они оба изъ маленькаго домика, тоже принадлежавшаго къ строеніямъ гарема. Въ рукахъ у нихъ флаконъ съ розовымъ масломъ... Большой... Больше графина, пожалуй. Откупорили. Понюхалъ, одинъ — сплюнулъ... Передалъ другому... И другой понюхалъ и тоже сплюнулъ... Лизнулъ первый — посмаковалъ... Второму отдалъ — и тотъ также попробовалъ, вкусно-ли... Постояли, постояли молча... Давай мазать себѣ головы... Вымазали — розоваго масла еще много... Одинъ наткнулся на остроумную мысль — сапоги вымазать; другой — тоже... Ароматъ розъ разлился по всему двору... Соймоновъ чувствуетъ его... Подумали, подумали солдаты... Наконецъ одинъ нашелся — поднялъ флаконъ — и хлопъ его о-земь... Драгоценное масло разлилося по сѣгу...

— Гдѣ-же я найду тебя, моя дорогая, милая?

И Соймоновъ заплакалъ, прислонясь къ окну разореннаго дома...

ГЛАВА XXXVI.

За бѣгущимъ врагомъ.

Послѣ шейновскаго боя русскіе уже не знали прѣдѣлъ.

Все ринулось впередъ съ головокружительною быстротою. 28-го декабря сдалась армія Вейсилья-паши и Радецкій спустился въ долину Казанлыка, а перваго января авангардъ передоваго отряда уже двинулся изъ Казанлыка, перешелъ Малые Балканы, оставилъ за собою десятки разоренныхъ деревень и спустился въ долины Марицы и Тунджи. 2-го — была занята Эски-Загра, 3-го — турки неожиданно захвачены подъ Лени-Загрой и къ вечеру того-же дня взяты Карабунаръ. 4-го атакованъ Тырновскій мостъ адрианопольской желѣзной дороги... Тутъ у Марицы завязался бой и турки бѣжали... 5-го ночью наши наступили на позиціи Герменлы и взяли ихъ послѣ упорнаго сопротивленія турокъ. Отсюда оставалась уже совсѣмъ открытая дорога къ Эдирне.

Турецкое населеніе бѣжало отовсюду...

Безчисленные таборы мирныхъ жителей, оставившихъ свои села и двинувшихся на юго-востокъ, все росли и росли... Изъ

всѣхъ сосѣднихъ деревень къ нимъ прибывали новыя толпы. Слѣпой страхъ гналъ ихъ дальше и дальше... Болѣе спокойныхъ силою выгоняли изъ ихъ жилищъ софты и башибузуки... Турки хотѣли скопировать отступленіе русской арміи отъ французовъ, хотѣли между собою и нами положить безлюдную, бесплодную пустыню — и, пожалуй это-бы удалось, еслибы наше наступленіе не было-бы такъ чудовищно-быстро... Случались дни, когда кавалерійскіе отряды дѣлали по 65 верстѣ, а къ вечеру ихъ догоняла пѣхота, вмѣстѣ съ ними, утромъ, снявшаяся съ позицій... Часто по одной дорогѣ тянулись отступавшія турецкія войска, а по другой, параллельной, уже далеко впереди шли наши авангарды... До того все перемѣшалось и перепуталось, что за Герменлы, на примѣръ, ночью турецкій таборъ шель совершенно спокойно за нашимъ батальономъ, сохраняя очень небольшой интервалъ и воображая, что это свои. Только утромъ выяснилась ошибка, и турки должны были положить оружіе... Бывали и другіе случаи, — русскіе офицеры проѣзжали черезъ турецкіе отряды, догоняя своихъ...

Сырые и холодные дни стояли теперь на этихъ равнинахъ... Еще хуже стало, когда таборы безчисленныхъ бѣглецовъ вступили на Хаскійскія поля...

Тутъ снѣгъ уже весь былъ растоптанъ тысячами копытъ, сотнями тысячъ ногъ... Тутъ вся даль была заставлена арбами, каруцями, ослиами и конями... Цѣлое море человѣческихъ головъ колыхалось кругомъ... Цѣлое море людей — крикливое, несчастное, голодное... Уже нѣсколько разъ наши передовые разѣзды встрѣчались съ таборами бѣглецовъ и, напугавъ своимъ появленіемъ ближайшихъ, уходили назадъ, не желая ихъ тревожить. Наконецъ, бѣглецамъ на поляхъ Хаскіюа казалось, что они совсѣмъ уже обезпечены отъ русскихъ. Русскіе остались тамъ, далеко позади — они, если и дойдутъ до Адрианополя, то только черезъ нѣсколько дней послѣ нихъ; обозы шли медленнѣе; тише двигались люди,

дольше оставались на отдыхахъ, чаще располагались на привалы. Самые обозы, шедшіе еще наканунѣ сплошною массою, сбивавшіеся въ кучи, теперь разбросались на громадныя разстоянія.

Почемъ они могли знать, что русская армія съ невиданною быстротою идетъ позади...

Имъ невдомекъ было, что наши не ограничатся Эски-Загрой, не станутъ ждать дивизій и корпусовъ, шедшихъ изъ-за Балканъ, а точно повинуюсь разъ данному толчку, по инерціи, докатятся до самаго Адрианополя, все смывая на своемъ пути, ни гдѣ не останавливаясь и почти не отдыхая...

Соймонову удалось присоединиться къ одному изъ передовыхъ отрядовъ. Онъ не сразу повѣрилъ въ то, что Айши нѣтъ... Онъ обыскалъ весь Казанлыкъ и не нашелъ тамъ любимой дѣвушки... Другіе ему сообщали то-же, что и Молохадесъ... Онъ зналъ, что въ Адрианополѣ найдетъ ее, но до Адрианополя было далеко; двигаясь вмѣстѣ съ таборами несчастныхъ бѣглецовъ, она дѣлила съ ними ихъ жалкую участь. Мало-ли что могло случиться по дорогѣ!... Ему хотѣлось быть поближе къ ней... Быть можетъ, одна изъ случайностей войны приведетъ его на помощь къ бѣжавшей именно въ такую минуту, когда его вмѣшательство можетъ спасти ее, избавить отъ какой-нибудь опасности...

Въ деревушкѣ Попъ-Кюй сбилось нѣсколько полковъ. Сегодня они сдѣлали одинъ изъ самыхъ удивительныхъ своихъ переходовъ. Въ сорокъ часовъ отъ Эски-Загры они прошли сюда восемьдесятъ-семь верстъ... Патрули и разѣзды, посланные впередъ, донесли, что со стороны Хаскюя замѣчается движеніе громадныхъ непріятельскихъ массъ...

Ошалѣлый казакъ прискакалъ оттуда — прямо къ командиру этого отряда...

— Бѣда, ваше высокоблагородіе... Турки тамъ... Такъ и надвигаются... Страсть что ихъ... Видимо-невидимо!

Другіе, спустя нѣсколько минутъ, донесли о томъ-же.

— По всему видно — таборовъ пятьдесятъ ихъ... И обозы, и артиллерія...

— Вся равнина занята ими... Шумъ оттуда такой, что за двадцать верстъ слышно...

— Сотни костровъ разложены...

— Да войска ли это?

— Войска... аванпосты разставлены...

Недоразумѣніе — подавшее поводъ къ громадному бѣдствію на другой день... Аванпостами, оказалось, окружилъ себя конвоировавшій бѣглецовъ таборъ... „Войска“, на которыя натѣнулся нашъ отрядъ, были простые, уже описанные нами десятки тысячъ бѣглецовъ, занявшихъ всю Хасквійскую равнину...

— Этакъ, пожалуй, можно ожидать ночнаго нападенія, — забеспокоился полковникъ... — Нужно окопаться...

— Едва ли турки осмѣлятся, — вмѣшался было Соймоновъ. — Люди устали... Переходъ былъ убійственный...

— Когда, докторъ, вамъ поручатъ командовать отрядомъ, тогда ужъ вы и высказывайте свое мнѣніе... А я ужъ буду дѣйствовать, какъ считаю лучшимъ...

Соймонову пришлось замолчать...

Всю ночь нѣкоторыя части войскъ провели за деревней, зарываясь поглубже въ землю... Усталые, изморенные солдаты работали почти машинально. Случалось, копнетъ иной нѣсколько разъ землю — и вдругъ лопата валится у него изъ рукъ, и самъ онъ падаетъ рядомъ съ лопатой...

— Что съ нимъ?

— Заморившись... Спитъ теперь... Теперь его сколько хочешь толкай...

И дѣйствительно. Усердный ефрейторъ сталъ было расталкивать — спитъ, перевернулъ — спитъ, приподнялъ — спитъ...

— Ну-ко, ставь его на ноги.

Поставили солдата на ноги... Открылъ глаза, промычалъ

что-то и заснулъ стоя, осѣвъ на руки поддерживавшихъ его людей...

Съ другими случалось еще хуже. Когда Соймоновъ пришелъ на работы — ему показали нѣсколькихъ...

— Ваше благородіе... Чудно что-то...

— Что именно?

— Здоровые совсѣмъ были...

— Ну?

— А тутъ разомъ упали и готовы... Не дышуть..

Повозился съ ними докторъ. Попробовальъ возбудить искусственное дыханіе — ничего не помогло.

— Ужли-жъ примерли?

— Да, отъ усталости и истощенія...

Многіе и на самой дорогѣ такъ падали! Идетъ, идетъ бодро — потомъ колыхнется, да плашмя на землю — и готовъ... Только по лицу бѣжить какая-то судорога, да грудь подымается въ послѣдній разъ, набирая побольше воздуха...

А работа, между тѣмъ, шла и шла... Въ полночь кругомъ уже были нарыты траншеи. Турки могли подойти: ихъ встрѣтили-бы отсюда изъ за укрѣпленій...

Пошелъ дождь, мелкій и холодный...

Мокро было сверху — внизу расплывалась слякоть...

Люди такъ и улеглись прямо въ эту холодную, жидкую грязь... Разсуждать было некогда — дѣваться некуда.

— Что, докторъ, какъ вамъ это нравится? — обратился къ нему офицеръ.

— Совсѣмъ не нравится... Вы знаете, что это значить?

— Что?

— А то, что завтра у васъ двадцать процентовъ солдатъ будутъ лежать въ тифѣ, а нѣкоторые и совсѣмъ не проснутся...

— И это, несомнѣнно, будутъ самые счастливые.

— Почему?

— А потому, что жизнь ужъ очень собачья... Далеко не уйдешь... Вы думаете — легко имъ?... Вы знаете, что нѣко-

торые сегодня и ѣсть не могли... Кажется, за цѣлый день проголодались... Нѣтъ — все вонъ пошло.

Разсвѣтало поздно.

Всю ночь шелъ дождь, обливая лица, груди и спины спящимъ солдатамъ...

Несмотря на это, — спали, не просыпаясь. Спали въ лужахъ, насквозь промокшіе... Часто лужи скоплялись у самыхъ лицъ... Жидкая грязь заливалась за воротъ, въ сапоги... И, тѣмъ не менѣе, стоявшіе на часахъ завидовали своимъ товарищамъ. Нѣкоторыхъ и изъ этихъ захватывало непобѣдимое желаніе уснуть... Они начинали ходить, но ноги, уставшія за цѣлый день, останавливались... Опираясь на ружья, они всматривались въ даль, откуда доносился какой-то загадочный гулъ... Скоро вся эта даль сливалась въ какія-то сумерки и, побачувшись, часовой падалъ прямо въ грязь, самъ въ одну, ружье — въ другую сторону... Въ концѣ концовъ, весь лагерь оказался спящимъ. Спали часовые, спали офицеры, спали санитары и врачи. Спали казаки на аванпостахъ... Спали въ сѣдлахъ, спали на ходу патрули, оберегавшіе лагерь... Спали кавалерійскіе разѣзды, покачиваясь на усталыхъ и едва передвигавшихъ ноги коняхъ...

А дождь все шелъ да шелъ, медленный, мелкій, наполнявшій весь воздухъ влажною холодною пылью...

Насквозь промокшіе, вывалявшіеся въ грязи солдаты поднялись утромъ, дрожа отъ холода, измятые...

Жидкая грязь стекала съ нихъ... Стекала съ лицъ, съ шинелей, съ ружей... Все это дрожало, все обращало взгляды къ небу — не пошлетъ-ли оно теплаго, яркаго луча...

Но въ сѣромъ просторѣ его ползли одна за другой, медленно развертываясь и опрыскивая дождемъ безъ того мокрѣя поля, безконечныя тучи... Ни одного клочка голубаго неба... Сѣрый день просыпался надъ сѣрою равниною...

Черезъ часъ солдаты уже шли впередъ.

Соймоновъ ѣхалъ съ ними. За небольшой рѣченкой, гряз-

ной теперь, въ грязныхъ берегахъ — начались хаскойскія поля. Туманъ еще лежалъ на нихъ...

— Слышите! — остановились офицеры.

— Гулъ какой оттуда?

— Это и есть турки...

— Позади идутъ наши... Часахъ въ двухъ разстоянія...

Я попробую атаковать ихъ. Турки теперь деморализованы... и едва-ли примутъ бой.

— А, можетъ быть, это мирные жители.

— Ну, вотъ еще!..

Ждать было недолго... Скоро туманъ порѣдѣлъ; влажными ключьями поднялся вверхъ къ такимъ-же сѣрымъ, какъ и онъ, тучамъ.

Вся даль казалась черной...

Массы турокъ густились тамъ... Трудно было разобрать отсюда, но очевидно, если-бы это были войска — ихъ оказалось много, очень много...

Остановились наши; остановились и турки...

Зловѣще начинался этотъ бѣдственный день!..

Турція расплачивалась имъ за злодѣйства Сулеймановской орды въ долинахъ Марицы и Тунджи, въ счастливыхъ селахъ Казанлыкской долины... И тамъ и здѣсь должны были гибнуть невинные...

ГЛАВА XXXVII.

Чума.

урецкимъ бѣглецамъ эта ночь также была тяжела, какъ и русскимъ...

Женщины, старики, дѣти мокли подъ дождемъ, въ грязи растоптанныхъ полей... Омеру удалось для семьи Хюсни-паши добыть небольшую землянку... По сосѣдству нашлось дровъ— и въ ея печкѣ скоро запылалъ огонь, около котораго грѣлись старуха Гюльма, черная Зейнабъ и Айша... Омеръ сидѣлъ въ углу...

— Конецъ пришелъ,—плакалась Гюльма...—Некуда преклонить голову намъ, кому принадлежала вся страна...

— Все будетъ хорошо,—успокоивала ее Зейнабъ. — Все будетъ хорошо... Когда я была маленькой, на нашъ крааль напали какіе-то чудные люди... Они дрались дубинами, въ которыхъ были вдѣланы куски кремня... Они сожгли наши соломенные хижины, каменнымъ топоромъ срубили наши пальмы, уничтожили наши запасы... Они убили моего отца и мать... Захватили меня, повели съ собой и продали въ Миссирь... Все хорошо, что хорошо кончается...

— А гдѣ Амедь!.. Тотъ, что все пѣсни пѣлъ?

— Онъ остался тамъ.

— Позови его, — сжалилась Гюльма... — Въ дорогѣ все возможно...

Омеръ не заставилъ повторять этого приглашенія.. Минуту спустя Амедь, весь мокрый отъ дождя, вошелъ въ землянку.

— Какъ хорошо здѣсь... Огонь и кровь — хижину обращаютъ во дворецъ!.. повторилъ онъ изреченіе бедуинскаго поэта Омара.

— У насъ есть другая пословица, я слышала ее въ Каирѣ, — отозвалась Зейнабъ.

— Какая?

— Несчастіе и сиротство обращаютъ дворецъ въ пустыню...

— Не на такой-ли дворецъ похожа теперь наша Турція...

— Аллахъ только испытываетъ своихъ вѣрныхъ! — замѣтилъ Амедь... — Придетъ пора, исполнится мѣра гнѣва его — и враги ислама развѣются по вѣтру, какъ шелуха отъ пшеницы подъ мотыкою молотильщика... И разнесетъ ихъ вѣтеръ во всѣ страны свѣта — свидѣтельствовать о могуществѣ Магомета!..

— Не скоро будетъ это.

— А я думаю, что еще весною придетъ къ нимъ старуха съ чернымъ лицомъ...

— Что это за старуха?

— У нея есть еще другое имя «взглядъ смерти»...

— Не та-ли это, которую въ Миссири чумой зовутъ, — вмѣшалась Зейнабъ.

— Она самая!

— Что-же она можетъ сдѣлать имъ?

— Развѣ ханумъ никогда не слыхала разсказа объ этой старухѣ?

— Нѣтъ... Передай намъ, если ты знаешь...

— Далеко, далеко отсюда, въ той сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце, находилась давно, очень давно роскошная и богатая страна... Называли ее „Прекрасной“, потому что и небо надъ

нею было всегда безоблачно и солнце точно для нея одной загоралось надъ тихимъ, ласковымъ моремъ... Голубыя волны льнули къ зеленымъ берегамъ ея, какъ дѣвушка никнетъ къ своему возлюбленному, онѣ охватывали золотые мысы этой страны, какъ руки женщины мягко охватываютъ шею своего избранника... Никогда это море не знало бури... Никогда земля эта не вѣдала засухи, голода, неурожая... Всюду по ней бѣжали прозрачныя ключи, рѣчки, извинаясь, струились среди чудныхъ садовъ... Въ тѣни деревь мраморныя фонтаны освѣжали воздухъ своею жемчужною пылью, какъ дыханье вечерняго вѣтра, пролетѣвшаго надъ розами и напоеннаго ихъ ароматомъ, освѣжаетъ лицо разгоряченнаго юноши, увидѣвшаго въ окнѣ харема свою красавицу...

— Хорошо, Амедь, рассказываешь ты!... — замѣтила Гюльма.

— Аллахъ даетъ силу рукѣ и красоту языку человѣка!..

Надъ прозрачными водами этой страны — колыхались и зеленѣли чудныя деревья... Они никогда не лишались своей листвы... Тамъ зимы не было, потому что въ царствѣ солнца безсильны ея непогоды... Тамъ цвѣты перекидывались съ одного дерева на другое пышными и густыми гирляндами... Пурпурныя, желтыя, алыя, розовыя, бѣлыя — они казалось похищали цвѣтъ свой съ чела, съ губъ, со щекъ, съ очей красавицы... И когда легкое дуновеніе ангела пролетало надъ ними — казалось, что это кругомъ шепчутъ не лепестки граната — а уста женщинъ, открываются не пышныя вѣнчики голубаго караха — а смотрятъ очи молодыхъ красавицъ... Серебряныя лепестки алыхъ и розовыхъ цвѣтовъ миндальныхъ деревь раскидывались на лазури тихихъ и теплыхъ небесъ... Розовыя кусты, пышныя и благоуханныя, переросли деревья, точно имъ къ самому солнцу хотѣлось поднять свои алыя цвѣты, упругіе и круглыя, какъ персидѣственницы. Но напрасно они стремились къ источнику свѣта... Еще выше ихъ возносились золотисто-зеленыя вѣнцы громадныхъ пальмъ — этихъ халифовъ лѣснаго царства, и, слегка

болыхаясь, ихъ вѣнцы точно осмѣивали (безсиліе красавицъ розъ; точно хотѣли заслонить ихъ, безстыдныхъ, открывавшихъ горячимъ поцѣлуямъ солнца свои красивыя, пышно округлившіяся перси...

— Хороша была та страна.

— Хороша... И Аллахъ любилъ ее... Тысячи звонкоголосыхъ птицъ пѣли въ ея садахъ и рощахъ; казалось что это клочки пламени летаютъ по воздуху, когда онѣ съ одного дерева проносились на другое... Изумруды и сафиры, рубины и яхонты блѣднѣли передъ яркостью и блескомъ ихъ пестрыхъ перьевъ... Ни одного вреднаго звѣря не было тамъ... Змѣи скользили по золотому песку, но онѣ были лишены жала... Не было тамъ болѣзней; люди умирали, засыпая... И во снѣ, нечувствительно переходили они въ лучшій міръ, точно мѣняя одно худшее платье на другое лучшее... Порою въ небесахъ скользили ангелы всемогущаго Аллаха и ихъ лазурныя одежды—были видимы очамъ обитателей этой счастливой страны.

— А теперь можно-ли видѣть ангеловъ?

— Нѣтъ... Изрѣдка только Аллахъ посылаетъ ихъ въ міръ, когда злодѣйства и грѣхи исполнять мѣру терпѣнія его... Но и то мы не видимъ самихъ ангеловъ, а только мечи пламенные въ ихъ рукахъ...

— Когда-же—вмѣшалась молчаливая доселѣ Айша.

— По ночамъ... Ихъ называютъ звѣздами съ хвостами; но это не звѣзды—это огневые мечи проносятся надъ міромъ...

— А были-ли султаны въ той странѣ?

— Были, но кротко и мирно царили они надъ вроткимъ и мирнымъ народомъ... Подъ вущами садовъ жили они—подобно послѣднему работнику своего царства... Они не отнимали плодовъ и коней, не завидовали женамъ и дочерямъ своего народа... Они довольствовались тѣмъ, что у нихъ было... Не хотѣли большаго. Тамъ не было дворцовъ, не было палатъ... И султаны и ихъ подданные жили подъ ярко расни-

санными пологами шатровъ... Строили только одиѣ мечети — гдѣ молился народъ... И возносились эти мечети на вершинахъ горъ; ближе къ Богу въ недосягаемую высь поднимались ихъ бѣломраморные минареты, и когда во время намаза, муэзины свидѣтельствовали оттуда о величїи Аллаха, казалось, что изъ внезапно разверзнувшихся небесъ ангелы возглашаютъ о славѣ его!. Не было въ этихъ мечетяхъ ничего кромѣ камня. Ни золота, ни желѣза... Камень тесали еще болѣе твердымъ камнемъ. Металлы не были извѣстны счастливому народу. Религія счастья и мира царила въ незлобныхъ сердцахъ. Люди не знали самовластья, душу страхъ не сковывалъ... Языкъ человѣка былъ также воленъ, какъ и мысль его, а мысль уподоблялась вѣтру пустыни, незнающему преградъ, дуящему во всѣ четыре страны свѣта... Тамъ и женщина была чиста и свободна... Ей не надо было прятать красоты своей, потому что ни чей нескромный взглядъ не подымался на нее съ нечистою мыслью!..

— Давно эта было вѣрно?

— Такъ давно, что даже языка той страны мы не знаемъ... Отъ нея не осталось никого, кромѣ безсмертной старухи, о которой я хочу рассказать вамъ... Долго такъ жилъ народъ, очень долго... Только разъ—пристала къ берегу этой чудной страны какая-то большая лодка, такой и не видѣли до тѣхъ поръ жители счастливаго края... На ней изорваны паруса, обломаны мачты... Выносила слѣды разрушенія. На лодкѣ были люди, языка которыхъ не понималъ никто... Ихъ привели къ султану... Не умѣя, какъ объяснить ему—они нарисовали ему бурю, нарисовали, какъ волны разбились ихъ корабль о далекіе утесы и какъ, наконецъ, лодку ихъ выбросило въ тихое ласковое море, омывавшее его царство!.. Султанъ съ честью принялъ этихъ скитальцевъ, но ночью ему былъ сонъ... Аллахъ черезъ своего ангела повелѣлъ султану убить чужеземцевъ, всѣхъ до одного... Султанъ проснулся—и пришелъ въ ужасъ... Три раза повторялся этотъ

сонъ и три раза — онъ не исполнилъ его... Онъ не хотѣлъ обогреть руки своей въ братской крови, потому что въ этой странѣ всѣхъ людей считали братьями. Чужеземцы поселились между его подданными, взяли себѣ въ жены ихъ дочерей. Не прошло нѣсколько времени, какъ они уже умѣли говорить на языкѣ этой страны... Чудными рассказами о своемъ краѣ — воспламенили они воображеніе мирныхъ жителей, потомъ собрали народъ. научили ихъ доставать изъ горныхъ нѣдръ желѣзо, ковать его, показали, какъ надо дорываться въ самое сердце земли за золотомъ, драгоценными камнями... Народъ сталъ считать ихъ своими благодѣтелями, хоть ему впервые пришлось лить кровавый потъ свой на тяжелой работѣ... Султанъ тоже покровительствовалъ имъ — и, въ знакъ благодарности, они стали строить ему дворецъ...

Этотъ дворецъ не былъ такъ простъ, какъ просты были мечети...

Позолоченная кровля его, ослѣпительно отражавшая лучи солнца, покоилась на витыхъ изъ драгоценнаго дерева и камня столбахъ, расписанныхъ самыми пестрыми красками... Съ низу до верху по этимъ колоннамъ вились дивные цвѣты, изображенные искусною кистью одного изъ чужеземцевъ; на цвѣтахъ колыхались птицы, неизвѣстныя въ этой странѣ... Легкія стѣны изъ золотыхъ и серебряныхъ сквозныхъ щитовъ блистали за этими колоннами... Отъ чужаго взгляда — скрывалась внутренность дворца, за тяжелыми шелковыми занавѣсками, на которыхъ мудрые строители выткали невѣдомыхъ счастливой странѣ звѣрей — тигровъ и львовъ... По голубому шелку выведены были они изъ серебряныхъ и золотыхъ нитей. Легкій вѣтеръ, налетая съ горъ, уже не вносилъ къ султану живительной прохлады, а только едва-едва колыхалъ тяжелыя занавѣсы. Мягкіе ковры устилали полы изъ кипарисоваго дерева... Къ потолку подвѣшены были яшмовыя и порфировыя курильницы, въ которыхъ постоянно горѣли благоуханія; еще ниже опускались свѣтильники, украшенные ониксомъ, би-

рюзою, опалами; свѣтильники иные изъ цѣлаго сердолика, другіе выточенные изъ громадныхъ кусковъ янтаря, въ нихъ по вечерамъ горѣло ароматное масло... Людямъ, привыкшимъ къ мягкому бархату нѣжнаго дерна—они показали, какъ дѣлать подушки... Для этого стали ловить и убивать птицъ, выщипывали ихъ пухъ и наполняли ими шелковые мѣшки... Когда дворецъ такимъ образомъ былъ оконченъ, они обвинили его со всѣхъ сторонъ узорчатыми рѣшетками, легкими, какъ кружева, вырѣзанными изъ разноцвѣтнаго дерева затѣйливыми арабесками, украсили промежутки между колоннами рѣдкими и пышными цвѣтами, такъ что закутавшійся въ нихъ дворецъ былъ похожъ на красавицу, обернувшуюся въ легкую брусса, позволяющую сквозь шелковистый блескъ свой разсмотрѣть еще болѣе нѣжный и пріятный для глаза блескъ тѣла...

— Такіе дворцы есть въ Миссирѣ! — вздохнула черная Зейнабъ.

— Въ Стамбулѣ, у султана есть такіе кіоски!—подтвердила Гюльма...

— На тонкихъ, едва замѣтныхъ золотыхъ цѣпочкахъ, — продолжалъ Амедъ, — летали по дворцу самыя чудныя и самыя голосистыя птицы, оглашая его своими небесными пѣснями... Невидимо въ кровлѣ и между колоннами были въ тайныхъ уголкахъ протянуты еще болѣе тонкія серебряныя струны и вечерній вѣтеръ, пролетая, задѣвалъ ихъ своимъ крыломъ... И они пѣли тогда такія нѣжныя мелодіи, что даже дивныя птицы этой страны смолкали отъ зависти... И каждый разъ эти мелодіи были новы... Онѣ никогда не повторялись, потому что по серебрянымъ струнамъ пробѣгала не искусственная рука смертнаго, а только нѣжно касалось легкое крыло капризнаго вѣтра... Можно было подумать, что звуки эти рождались отъ союза золотыхъ лучей солнца съ полнымъ благоуханій воздухомъ, въ этихъ пѣсняхъ невидимыхъ струнъ угадывались плоды ихъ любви, любви солнца и земли... И самыя плоды любви эфирныхъ

лучей съ эфирнымъ ароматомъ воздуха—были также эфирны... Они уносились невѣдомо зачѣмъ и куда... И никогда не возвращались вновь, какъ уносится и не возвращается вновь вздохъ дѣвушки, при мысли о своемъ возлюбленномъ!..

— Счастлива твоя мать, Амедь! — пришла въ восторгъ Гюльма.

— Похвала твоя, ханумъ, „ростить крылья моего слова...“ Ты какъ солнце льешь лучи и на цвѣтокъ благоухающій и на жалкую былинку, выросшую въ трещинѣ утеса!.. Такъ говоритъ Абнъ-Элехъ-бекъ-Мурадъ!..

— Что-же было потомъ съ „прекрасной“ страной?

— Когда дворецъ былъ готовъ и султанъ переселился туда—близкимъ къ нему людямъ стало завидно. Правители областей — тоже выстроили себѣ богатыя палаты, кто былъ посильнѣе—также сдѣлали. Только народъ жилъ по прежнему подъ тѣнью деревьевъ, въ хижинахъ изъ тѣсно сплетшихся между собою вѣтвей, подъ шатрами палатокъ; но ему уже стало стыдно своей бѣдности... А разъ стало стыдно — народъ началъ искать средствъ выйти изъ нея. Чужеземцы начали учить его строить большія лодки, сдѣлали имъ паруса и мачты, наставили, какъ нужно торговать съ далекими странами. Указали какіе плоды, какія деревья, какихъ птицъ, какіе металлы—нужно отсылать туда, и черезъ тридцать лѣтъ, когда чужеземецъ уже не оставалось въ живыхъ, счастливый край былъ неузнаваемъ... Возникли города, гдѣ, рядомъ съ блистательными палатами, гнѣздились жалкія логовища нищеты. Знать во дворцахъ—дышала благоуханіями, привезенными издалека, бѣдняки — смрадомъ, испареніями сотенъ неомытыхъ и больныхъ тѣлъ... Явились излишества—и вмѣстѣ съ ними голодъ. Но самымъ ужаснымъ наслѣдіемъ, оставленнымъ счастливому краю чужеземцами, было оружіе, которое они научили ковать изъ желѣза. Каждый вооружился мечемъ и когда голодная нищета не хотѣла работать на сытую знать—послѣдняя наняла молодыхъ людей, вооруженныхъ мечами и

пролилась въ первый разъ здѣсь кровь человѣка!.. У бѣдныхъ стали отнимать ихъ дочерей и тогда какъ богатые пользовались ласками многихъ женъ, у несчастныхъ рабочихъ не было и одной... Сношенія съ сосѣдями стали враждебными, начались войны, явились войска и полководцы; справедливость исчезла, какъ исчезаетъ дневное свѣтило при наступленіи ночнаго сумрака... Тронъ обогрился кровью, стали строить тюрьмы, народъ узналъ плаху и не одна благородная голова катилась подъ топоромъ палача, не одного защитника слабыхъ и униженныхъ давили въ темничной кельѣ... Злодѣйство и преступленіе широкими волнами хлынули въ счастливый край... Дошло до того, что прекрасныя времена прошлаго въ воспоминаніяхъ являлись эпохою варварства и дикости... Народъ сталъ вѣнчать лаврами своихъ враговъ и радостно смѣялся, когда его друзья клали свои головы на плахи!.. Начались голода!..

Наконецъ пришло время, когда голодъ не прекращался... Въ то время, какъ знать жирѣла отъ излишества и сладострастія — народъ умиралъ на улицахъ, простирая руки къ окнамъ богачей, моля о помощи, о спасеніи... Все стало продажнымъ: мускулы рабочаго, совѣсть гражданина, цѣломудріе дѣвушки, честь женщины, умъ мудреца, знаніе ученаго... Явились цѣлыя сословія, наживавшіяся болѣзнями и преступленіями... Грабежъ считался почетнымъ, убійство славнымъ, когда оно обращалось противъ сосѣднихъ народовъ. За убійства тысячами — народъ бѣжалъ вслѣдъ за колесницей своего вождя... Въ одной и той же странѣ, въ одной и той же семьѣ — ненависть и высокомеріе были господствующими чувствами. Ненавидѣли одни, презирали другіе. Не было выбора, каждому оставалось или быть палачемъ или жертвою. Аллахъ отвратилъ лицо свое отъ этой страны и мечи грозныхъ ангеловъ, эти пламенныя звѣзды съ хвостами все чаще и чаще появлялись въ ночныхъ небесахъ... Но ихъ уже не боялись. Въ своей гордости знатные и ученые думали, что

Богъ нуженъ только черному народу, что только ему и страшенъ... Они стали выше Бога, они сказали себѣ въ сердцѣ своемъ — мы выдумали его, слѣдовательно не онъ сотворилъ насъ, а мы создали его!... И мечеть, какъ и тюрьма, стали уздою только для бѣдныхъ и сирыхъ... Добродѣтель и глупость значили одно и то же, честь и преступленіе смѣшивались, правда—и злой умыселъ являлись одинаковыми... Въ „Счастливыя края“ приходили вдохновенные люди, именовъ Великаго Бога—вѣщали народу, но ихъ ловили, бросали въ душныя тюрьмы и казнили... Рождались пѣвцы, оплакивавшіе времена древней простоты и счастья — пѣвцовъ изгоняли или дѣлали ихъ лиры продажными, заставляя ихъ пѣть о доблестяхъ враговъ народа, или услаждать сладострастіе и окрылять его!.. Наконецъ, мѣра терпѣнія Аллаха исполнилась... Въ многозвѣздной обители своей—онъ обратился къ великому пророку Магомету, да будетъ благословенно имя его!—и спросилъ: „Есть-ли въ этомъ народѣ кто-нибудь ради кого я могъ-бы пощадить страну, которой даровалъ все, чтобы она была счастлива?.. Я создалъ ее раемъ и люди обратили ее въ адъ“... И Магометъ, распростершись передъ Аллахомъ, молчалъ, не зная, гдѣ среди преступнаго народа отыскать праведника, угоднаго небу... И Господь сказалъ тогда: — пѣть правды у нихъ—нѣтъ правды среди людей этихъ—и я сотру ихъ съ лица земли и посѣю на ней другой народъ, дамъ ему тоже всѣ блага земныя!.. И въ то время, какъ Аллахъ въ неизреченномъ гнѣвѣ проклиналъ созданіе свое — ангелъ принесъ къ звѣздному трону его молитву несчастной старухи...

Рядомъ съ дворцомъ правителя той страны—была хижина... Жалкая и бѣдная, какъ рубище, которое бросаетъ нищій, потому что сквозь него видны уже всѣ струпы и язвы его несчастнаго тѣла... Въ этой хижинѣ прожили двадцать поколѣній—двадцать голодныхъ поколѣній, гдѣ ненависть переходила изъ рода въ родъ, гдѣ дѣвушекъ похищали богатые, гдѣ юношей они же развращали и заставляли подло служить своему сласто-

любю... Тутъ люди съ голоду торговали собою, они, какъ черви, въ тлѣннй жили въ собственномъ смрадѣ и цѣною совѣсти не могли даже ни разу наѣсться до сыта... Наконецъ, послѣдней изъ рода этого, старухѣ, сознавшей всю глубину паденія близкихъ ея, удалось спасти отъ порока прекрасную дѣвушку и прекраснаго юношу... Она воспитала ихъ въ страхѣ Божьемъ и среди нищеты радовалась имъ, какъ узникъ радуется свѣтлымъ лучамъ, проникшимъ въ его черную темницу... Но горе уже ждало ее... Султанъ разъ увидѣлъ ея внучку и приказалъ похитить ее... Вельможѣ понравился юноша и онъ велѣлъ увести его къ себѣ... Когда она бросилась съ жалобою къ визирю — онъ велѣлъ сжечь ея хижину и засыпать солью то мѣсто, гдѣ она стояла... Старуха, въ безднѣ отчаяннй своего обратилась тогда къ Аллаху и крикнула ему — „доколѣ же ты будешь терпѣть эту неправду... О если ты всемогущъ — истреби ихъ, если ты справедливъ — испепели ихъ жилища и завѣй ихъ сады — песками пустыни!“.. И каждое слово ея молитвы было каплей крови раненаго материнскаго сердца и каждый крикъ ея схватывали ангелы и уносили къ престолу Великаго!...

И тогда сказалъ Аллахъ: настало время гнилому дереву упасть и уступить свое мѣсто крѣпкому и сильному... И послалъ онъ своего ангела Азраила въ „Счастливы край“ и ангель Азраиль сказалъ старухѣ:

— Иди по городамъ, селамъ и весямъ, по садамъ, лѣсамъ и рощамъ, по дорогамъ и тропинкамъ, по горамъ и долинамъ, — и смотри, гдѣ твои близкіе... И когда ты увидишь ихъ — тогда возьми ихъ и успокойся.

— Какъ я найду, о Азраиль... Мои глаза слабы, стѣны дворцовъ — непроницаемы...

— Я дамъ силу твоимъ глазамъ, и они увидятъ сквозь стѣны... И онъ коснулся до очей ея...

И получили очи несчастной старухи невиданную страшную мощь.

Всякій кто встрѣчалъ взглядъ ея—долженъ былъ мгновенно умереть черною смертью... Онъ въ одну минуту испытывалъ то, что цѣлыя поколѣнія ея предковъ испытывали уже нѣсколько столѣтій: ужасъ нищеты, муку голода, боль преступленія, смерть отъ язвъ и невыносимыхъ страданій... И окрыляемая невидимою силой встала старуха... Она почувствовала, что ноги ея стали молодыми, грудь сильною, какъ во времена ея юности... И она пошла по улицамъ—всматриваясь въ лица встрѣчавшихся ей—и всѣ падали подъ ея взглядомъ мертвыми, она пошла по садамъ, гдѣ пировали счастливые и знатные, она подходила къ нимъ и они въ корчахъ падали на землю, она входила въ мечети и мулла, какъ срѣзанный серпомъ колосъ, склонялся на каменные плиты бездыханнымъ... Она смотрѣла сквозь стѣны домовъ, онѣ точно раздвигались передъ нею...

И всѣ, кто былъ за ними—умирали, увидѣвъ въ послѣднюю минуту ея глаза, горяція жаждою мести, печалью и ужасомъ... Смерть ворвалась въ городъ и широко праздновала на богатыхъ улицахъ и площадяхъ праведное торжество свое...

— Ну, она, наконецъ, нашла своихъ?

— Нѣтъ..! Аллахъ тому же ангелу Азраилу повелѣлъ взять ихъ на небо, въ которомъ бессильно тонули ея взоры. Сквозь его голубую твердь она уже не могла видѣть... Старуха ходила по всей землѣ своей—и за нею росло безлюдье... Въ концѣ трехъ лѣтъ — все было мертво кругомъ... Остался одинъ только живымъ...

— Его не видѣла старуха?

— Нѣтъ, она его видѣла—но онъ не видѣлъ ея взгляда... Это былъ слѣпой нищій... Смрадная смерть свила свои гнѣзда во дворцахъ и хижинахъ... Не кому было охранять ихъ — и сначала ихъ окутала кругомъ зелень садовъ и рощь... А потомъ надвинулись золотые пески пустыни и засыпали счастливый край...

— Я знаю гдѣ онъ... — вмѣшалась Зейнабъ.

— Гдѣ?

— Онъ за Миссиромъ, далеко туда... Тамъ, гдѣ солнце жжетъ... Тамъ лежать глубокіе, глубокіе пески.. И подъ ними горбятся остатки какихъ-то древнихъ городовъ.

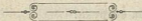
— Съ тѣхъ поръ старуха, взгляду которой Господь далъ силу убивать, ходить по цѣлому міру и все ищетъ и ищетъ своихъ... Она идетъ туда—гдѣ плодятся злодѣйства и преступленія... Туда, гдѣ войны обливаютъ мирныя долины кровью и покрываютъ ихъ трупами... Имя этой старухѣ — чума...

— Она-то и истребитъ русскихъ?

— Весною, когда снѣгъ сойдетъ и засвѣтитъ солнце, она придетъ къ нимъ... И горе будетъ невѣрнымъ.

— Отчего же Аллахъ не оживилъ опять уничтоженную имъ счастливую страну.

— Тысячи лѣтъ для великаго—одно мгновеніе. Пройдетъ нѣсколько такихъ мгновеній—и онъ опять дастъ жизнь ея пескамъ, взроститъ на нихъ чудные сады, населитъ ихъ звонкоголосыми птицами, повелитъ изъ нѣдръ земныхъ пробиться свѣтловоднымъ ключамъ. И когда будетъ готова воскресшая страна принять человѣка—онъ пошлетъ его туда для кроткаго мира и счастливой лѣни. Но бессмертная старуха не найдетъ туда пути, доколѣ люди будутъ помнить завѣты Аллаха!..

ГЛАВА XXXVIII.

Что называется на войнѣ недоразумѣніемъ?

омандиръ русскаго отряда не долго всматривался вдаль. Таборы бѣглецовъ все больше и больше казались ему отступающей турецкою арміей.

— Это разумѣтся, турецкія войска... Теперь ихъ живо можно принудить положить оружіе... У нихъ такой громадный обозъ, что долго защищаться они не могутъ....

Хорошо-бы это было,—думалъ онъ про себя.—Съ двумя полками взять такой громадный отрядъ... Даже если отхватить только часть его—и то чудесно... Пушекъ десять—пятнадцать отрѣзать, да таборовъ пять въ плѣнъ... Георгія навѣрное получу... На шею, разумѣтся, потому что четвертую степень за Шейново... Совсѣмъ хорошо будетъ—и риску никакого... Турки отступаютъ, слѣдовательно особенно стойко защищаться не станутъ!... Открою сначала огонь—а потомъ пушу въ атаку кавалерію...

Бѣглецы тоже замѣтили русскія войска... Переполохъ и у нихъ пошелъ страшный. Непрiятеля не предполагали такъ близко... Омеръ и Амедъ посадили женщинъ и Айшу верхомъ

на коней и двинулись, обгоняя другихъ, прямо къ Адрианополю... Арбы съ вещами поручили старику Гассану... Гвалтъ кругомъ подымался страшный!...

— Не стануть русскіе трогать женщинъ и дѣтей... — успокаивалъ бѣглецовъ старикъ.

— Какже не стануть... А что муллы говорили въ мечетяхъ... Они насилуютъ нашихъ женщинъ и рѣжутъ дѣтей...

— Они намъ мстятъ за прошлое.. За тѣ убійства, что Сулеймановскіе аскеры совершили въ долинѣ розъ.

— И много ихъ какъ!...

Туманъ слегка окутывалъ русскія войска... Они, очевидно, надвигались — по, во мглѣ, силы ихъ казались гораздо большими.

Таборъ войскъ, сопровождавшій бѣглецовъ, выдвинулся нѣсколько впередъ... Утомленные волю не могли идти скорѣе — и потому только крики и суматоха усилились въ караванѣ — но быстрѣе двинуться впередъ онъ не могъ... Матери тщательно забивали своихъ дѣтей въ глубь кибитокъ и аробъ, и прятались сами за пестрыя занавѣски... Мужчины мрачно поглядывали на смутную темень русскаго отряда...

— А что, если это мирные жители? — думалъ Соймоновъ, взглядываясь туда... Ему еще въ Казанлыкѣ Молохадесъ рассказывалъ какая масса турокъ двинулась туда... А что, если и Айша между ними... — и сердце его сжалось томительнымъ предчувствіемъ чего-то ужаснаго... Говорить съ командиромъ отряда было напрасно... Онъ уже рѣшился и въ тотъ моментъ, какъ докторъ сильнѣе всего началъ волноваться, полковникъ уже отдавалъ приказанія...

— Позвать ко мнѣ Стрюченко... Казачій сотникъ явился къ нему.

— Прихватите съ своей сотней сотню Александрова и какъ только я дамъ первый залпъ туда — вы бросайтесь прямо на отступающихъ турокъ... понимаете?

— Слышу... А если тамъ войскъ нѣтъ?...

— А я вамъ говорю что есть...

Какъ нарочно, въ эту минуту глухіе выстрѣлы послышались оттуда, но мало и въ разбродъ.

— Видите-ли?

Таборъ, конвоировавшій бѣглецовъ, открылъ было огонь, со страху... Пять или шесть аскеровъ выстрѣлили — за ними другіе. . Выстрѣлы похожи были на громкую пѣсню струсившаго ночью въ лѣсу человѣка, ободряющаго самого себя.

Хотѣлъ было прислушавшійся къ нимъ казакъ замѣтить, что «по командѣ» такъ не стрѣляютъ, да сообразилъ, что разсуждать здѣсь не его дѣло... Приказываютъ — стало-быть нужно исполнять.

И очень недолго пришлось ему ожидать этого исполненія.

Не успѣвъ онъ передать обѣимъ сотнямъ приказанія — какъ оглушительный трескъ бѣглаго огня послышался изъ рассыпанной полковникомъ цѣпи стрѣлковъ... Огонь разгорался и разгорался... Скоро къ нему присоединились удары стальныхъ дальнобойныхъ орудій...

Началась по всеѣмъ правиламъ подготовка къ серьезному бою...

— Ну, сотникъ, съ Богомъ! — подскакалъ къ нему полковникъ.

— Позвольте мнѣ ѣхать съ сотней...

— Вы — кажется, докторъ Соймоновъ?

— Да.

— Вѣдь я васъ за это къ кресту не представлю.

— Я и не прошу васъ объ этомъ...

Сотня медленно выѣзжала на позицію...

— Скорѣе, скорѣе! — торопилъ ихъ полковникъ... — Скорѣе!... Да разомъ молодцы... Соколами на нихъ опрокиньтесь... Слышите?! Турки сволочь; теперь ихъ немудрено разогнать какъ зайцевъ... Понимаете вы меня?.. Такъ зачѣмъ-же вы, докторъ, хотите ѣхать съ ними?

— Можетъ быть придется подать помощь...

— Пожалуй—по мнѣ отправляйтесь...

— Идіотъ какой-то этотъ Соймоновъ,—обратился полковникъ къ своему адъютанту.

— Совсѣмъ идіотъ...

— Искатель приключеній... И вретъ вѣдь, что не для крестика... Какъ кончится бой онъ-же первый пристанетъ ко мнѣ, станетъ Владиміра кланчить... Ну, да я его тогда оборву...

Когда первые пули просвистали надъ обозами мирныхъ жителей—все точно оцѣпенѣло... Еще никто не былъ раненъ между ними—а вопли и стоны съ конца въ конецъ оглашали весь просторъ Хаскѣйской долины... Женщины еще пуще забились въ глубь своихъ кибитокъ, дѣти подняли плачь... И этотъ дѣтскій плачь покрылъ всѣ остальные крики, потому что дѣтей здѣсь было больше, чѣмъ взрослыхъ. Зажиточные румилійцы считали ихъ благословеніемъ Аллаха и вотъ теперь пришелъ, наконецъ, день—когда мать, потерявшая своихъ дѣтей раньше, считала себя счастливою... Женщины съ ужасомъ вглядывались въ маленькія дѣтскія личики, охватывали ребятъ и прижимали ихъ къ себѣ, точно русскіе уже показались въ самыхъ таборахъ... Воскресли всѣ рассказы константинопольскихъ софтъ о неистовствахъ, будтобы совершаемыхъ нашими войсками, о сожженныхъ деревняхъ, убитыхъ старикахъ, замученныхъ младенцахъ... Голоса людей, знавшихъ хорошо наши порядки, тонули въ общемъ говорѣ... Софты и муллы, подбившіе населеніе бросить свои жилища—не разъ сообщали имъ, какъ русскіе пробуютъ достоинство своихъ сабель, перерубая дѣтей пополамъ, какъ они вырѣзываютъ груди у женщинъ, какъ мучатъ плѣнныхъ. Явились легенды, какъ наши заставляли плѣнныхъ сначала рыть себѣ ямы, а потомъ заживо зарывали ихъ въ этихъ ужасныхъ могилахъ... Красивыя дѣвушки трепетали и, разумѣется, въ этотъ моментъ хотѣли промѣнять свою молодость и прелесть на дряхлость и безобразіе старухъ... Имъ, по словамъ рассказчиковъ, грозила самая горь-

ная участь... Остервенѣлые солдаты насильовали ихъ тысячами— и несчастныя умирали въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, переходя безъ отдыха изъ однѣхъ рукъ въ другія. Уходя, русскіе будто бы перерѣзывали имъ шею и бросали такъ несчастныхъ на жертву воронью, слѣдовавшему за побѣдителями...

Первыя пули, всполошившія таборы бѣглецовъ, были только вѣстниками дальнѣйшаго бѣдствія...

За ними послѣдовали другія... Скоро—точно рой шмелей жужжалъ надъ обозами. Казалось, они встревожили безчисленные ульи и шмели ринулись на нихъ отовсюду... Теперь было чего пугаться... Нѣсколько человѣкъ уже оказывалось ранеными. Глупые свинцовые шмели били стариковъ, на рукахъ у матери — они поражали дитя, только что улыбавшееся ея теплою ласкѣ. Нѣсколько аскеровъ уже легли по дорогѣ... Но этого было мало... Скоро съ дикимъ визгомъ разрѣзала воздухъ первая граната, ворвалась въ самую гущу убѣгавшаго каравана, и разорвалась тамъ съ громкимъ металлическимъ стономъ, точно лопнула чудовищная стальная струна... Осколки ея полетѣли дальше, сметая все, что было передъ ними—убивая воловъ, пронизывая кибитки аробъ съ цѣлыми кучками дѣтей, набившимися въ нихъ, догоняя разбѣгавшихся по сторонамъ погонщиковъ. Скоро за первыми гранатами послѣдовали другія, можно было подумать, что оттуда кто-то невидимый, но громадный, бичуетъ перепуганный людъ громадными стальными кнутами и кнуты эти быстро разсѣкаютъ пространство, впиваясь въ живую, чувствующую и страдающую массу...

Крики десятковъ тысячъ женщинъ и дѣтей скоро покрыли собою и свистъ пуль и стонъ гранат...

Ихъ разслушали даже въ русскомъ отрядѣ — и сначала конечно не поняли... Къ воплямъ женщинъ присоединился ревъ буйволовъ, ржанье лошадей, беспорядочные выстрѣлы оттуда, большею частію, изъ кремневыхъ ружей... Да если бы и поняли—то было уже поздно...

Небольшой кавалерійскій отрядъ мчался во весь карьеръ на бѣглецовъ...

Съ пиками на перевѣсѣ, казаки неслись на объятую слѣпымъ ужасомъ толпу.

Двѣ сотни ихъ развертывались на скаку, стараясь отхватить какъ можно больше пространства... Стрюченко оказался лихимъ наѣздникомъ, съ пашкою на голо онъ былъ впереди своихъ станичниковъ, зорко поглядывая на темнѣвшую впереди массу... Уже и теперь казакамъ было ясно — что неприятель разбѣгается во всѣ стороны, — это, разумѣется только придало бодрости кавалерійскому отряду... Онъ летѣлъ съ еще большею быстротою — тѣмъ болѣе, что позади — наши приостановили стрѣльбу, чтобы не попадать въ своихъ... Кони вытянулись совсѣмъ, земля точно горѣла подъ ихъ копытами, стоя въ стремянахъ, казаки, съ дикимъ гикомъ, неслись все впередъ и впередъ, уже не обращая никакого вниманія ни на жидкую грязь, залѣплявшую имъ лица, ни на то, что таборы принадлежали, очевидно, мирному населенію...

За то у турокъ началось что-то невообразимое...

Паникѣ довольно только мгновенья, чтобы охватить собою цѣлыя тысячи народа.

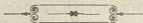
И эти тысячи, десятки тысячъ растерялись разомъ... Забыто было все... Одна мысль — русскіе сейчасъ наскочутъ, даже если хотите и этой мысли не было... Являлась только одна потребность бѣжать и бѣжать... Бѣжать, сломя голову — куда нибудь, куда попало... Первыми кинулись аскеры, конвоировавшіе таборы, за ними всѣ, у кого были лошади и ослы... Бросились не въ одну — а во всѣ стороны... Въ слѣпомъ страхѣ неслись нѣкоторые даже на нашъ отрядъ... Неслись массажи, густыми толпами, давя одни другихъ, падая въ грязь для того, чтобы быть тотчасъ же растоптаннымъ своими. Пѣшеходы уходили туда же, то подворачиваясь подъ коней, то другихъ сбивая съ толку... Все это бѣжало съ гвалтомъ, съ шумомъ, съ воплями, съ криками: аманъ, Аллахъ, аманъ!..

Съ плачемъ и рыданіями... Жители Содома и Гоморры я думаю не такъ разбѣгались отъ поражавшаго ихъ небеснаго огня, какъ эти несчастные...

Но главное было впереди... Когда передовые казаки ворвались въ обозъ—изъ кибитокъ, изъ аробъ, изъ каруць выскочило все взрослое, что только было тамъ. Матери забыли своихъ дѣтей, сестры братьевъ, мужья женъ... Все несло, все уходило впередъ... Падали въ грязь и снова вскакивали... А сзади догоняло ихъ дикое гиканье казачьихъ^е сотень, вопли аскеровъ, попавшихся подъ шашки станичниковъ, и трескотня перестрѣлки, завязавшейся между болѣе отважною молодежью и напавшими на таборъ русскими...

Паника стала всеобщей.

Небѣжали только дѣти... Взрослые грудныхъ младенцевъ бросали прямо въ грязь — и уходили сами....

ГЛАВА XLIII.

Нива крови.

чера весь день ѣздилъ Соймоновъ по полямъ Хаскюя... Сегодня утромъ онъ опять направился сюда же... Цѣлое море несчастія, горя и страданій широкими волнами лилось по ихъ неоглядному простору...

Вчера ночью туманъ опустился на эту ниву крови и окуталь ее... Но сегодня разогнали мглу тусклые лучи дня, точно поблѣднѣвшаго отъ ужаса.... Медленно поднялась она къ сѣрому небу, обнажая землю, на которой толко что разыгрался послѣдній актъ этой гибельной трагедіи, актъ начавшійся убійствами въ долину Казанлыка и пожарами Ески-Загры, продолжавшійся избіеніемъ цѣлыхъ массъ на пологихъ холмахъ Плевны и закончившійся такъ неожиданно и такъ потрясающе на поляхъ Хаскюя...

По всему этому простору — еще вчера слышались крики и стоны...

Всю ночь не спалъ Соймоновъ, всю ночь они доносились къ нему, охватывая душу невыразимою тоскою... Можно было навсегда возненавидѣть жизнь, рѣшиться на самоубійство, при видѣ этого злодѣяства, которое участники называли необходимою, современники болѣе безпристрастные считаютъ

ошибкою, а исторія обрестить именемъ преступленія... Всю ночь казалось, что каждый атомъ воздуха переполненъ дѣтскимъ плачемъ и воплями брошенныхъ на поляхъ безпомощныхъ семей... Утромъ—когда Соймоновъ выѣхалъ сюда—ему казалась вся эта равнина ужаснымъ сномъ. Нехотѣлось вѣрить въ возможность такихъ гекатомбъ!...

Что сдѣлали дѣти, почему именно ихъ смерть понадобилась кровожадному божеству войны?

Что именно онѣ, ни въ чемъ неповинные, могли искупить своими страданіями...

На всемъ этомъ просторѣ на сколько хваталъ глазъ, а тамъ, куда онъ былъ безсиленъ проникнуть — на сколько слышало ухо, — лежали тысячи, десятки тысячъ дѣтей... Лежали въ невообразимомъ хаосѣ, утопая въ холодной и глубокой грязи дороги, не находя силы въ своихъ слабыхъ ножонкахъ чтобы выбраться отсюда... Тысячи, десятки тысячъ дѣтей... Ихъ отцы и матери вчера въ слѣпомъ страхѣ бѣжали въ горы, едва едва намѣчивающіяся на горизонтѣ, бѣжали въ минуты, ужаса, позабывъ объ этихъ слабыхъ и беззащитныхъ... Слабыхъ и беззащитныхъ остались на поляхъ, въ жидкой слякоти ихъ — безъ хлѣба, ничѣмъ не прикрытыхъ отъ дождя и тумана... Хаосъ царствовалъ повсюду. Разбитыя или соскочившія съ колесъ арбы, задохнувшіеся въ ярмѣ волю, убитые осколками гранатъ лошади, люди и буйволы, разбросанный хламъ — видимое дѣло оставленный здѣсь обезумѣвшими бѣглецами — и всюду между ними — эти массы дѣтей, часто даже грудныхъ, умѣвшихъ только плакать, да протягивать, утопая въ грязи, слабыя рученки къ нахмурившемуся сегодня небу... Эти рученки тянулись изъ подъ колесъ карруцъ, изъ подъ копытъ бившихся на землѣ коней, изъ подъ опрокинутыхъ аробь... Эти рученки протягивались и просто изъ открытыхъ мѣстъ, гдѣ жидкая грязь тускло поблескивала черною лужей. Сотни дѣтей уже задохнулись въ ней, другія сотни умерли отъ голода и холода и ихъ крошечные трупики разбросались

повсюду, какъ чудовищная мостовая, по которой торжественная колесница побѣдителя должна будетъ проѣхать, терзая ихъ, уже бездыханныхъ, своими тяжелыми колесами... Неужели и эти жертвы нужны были для триумфа?.. Но — среди труповъ ползали, подымались и снова лицомъ въ грязь падали сотни и тысячи еще живыхъ дѣтей, оглашая эту „пустыню смерти“ своими болѣзненными все болѣе и болѣе слабѣвшими криками... «Нашлю я на тебя своего ангела Азраила, когда исполнится мѣра терпѣнію моему и побѣтъ онъ племя отъ убѣленныхъ сѣдинами старцевъ до несмысленныхъ младенцевъ и никого не останется даже, чтобы засвидѣтельствовалъ будущимъ вѣкамъ объ истребленіи погрязшаго во грѣхахъ и преступленіяхъ народа» — говоритъ Абдалла-бенъ-Шаиль, описывая Аллаха, когда грозный онъ обращается къ развратнымъ городамъ, подымая передъ ними завѣсу будущаго. Казалось арабскій поэтъ описывалъ именно это Хаскіойское дѣло...

Дѣти, дѣти, дѣти вездѣ...

Дѣти цѣпляющіяся за ободья колесъ, чтобы хоть на минуту приподнять голову изъ засасывающей ихъ отовсюду грязи, дѣти, копошащіяся въ обломкахъ аробъ, дѣти — безсильно склонившіяся на трупы другихъ, дѣти, раненныя осколками гранатъ, пулями, дѣти, истекающія кровью и еще бьющіяся въ судорожной агоніи, дѣти, уже истекшіе — и открыто, словно въ упрекъ небесамъ, показывающіе свои страшныя раны... Дѣти, хватающіяся за ноги коней, когда по Хаскіойскому полю проѣзжаютъ онѣмѣвшіе отъ ужаса всадники, дѣти, едва имѣющія силы приподнять голову имъ на встрѣчу и безмолвно однимъ больнымъ, страдающимъ взглядомъ умоляющія о помощи... Дѣти, обнаруживающія жизнь только движеніемъ глазъ, пока и ихъ не залила жидкая грязь Хаскіоскихъ полей, дѣти, сплошь утонувшія въ ней и только черными горбиками, да черными силуэтами свидѣтельствующія изъ подъ нея о мѣстѣ, гдѣ они погребены... Дѣти, бьющіяся въ грязи, встающія, дѣлающія нѣсколько шаговъ, чтобы сейчасъ уже рухнуть

въ ту же грязь, дѣти, набившіяся кучами, взлѣзающія другъ на друга, давящія одни другихъ... Изъ жидкой слякоти торчатъ руки, ноги и головы, облитые этою же слякотью, почернѣвшія отъ нея...

Сама официальная реляція не могла умолчать объ этомъ.

Наши атаковали таборы (потомъ оказался всего одинъ таборъ), завязался бой; мирные жители, вмѣсто того чтобы оставаться безучастными, стали стрѣлять тоже по нашимъ солдатамъ. Въ концѣ *побѣда* осталась на нашей сторонѣ, турки бѣжали, бѣжали и обозные, оставивъ на полѣ въ грязи безпомощными 20.000 дѣтей и женщинъ."

Побѣда!

Кто же будетъ гордиться ею, этою побѣдою надъ дѣтьми, надъ двадцатью тысячами дѣтей и женщинъ, въ какихъ храмахъ отслужать за нее благодарственные молебны и гдѣ триумфаторъ, способный вплести новый лавръ съ именемъ Хаскіоя въ свой вѣнокъ?.. Кто расскажетъ въ на зиданіе, будущимъ бойцамъ объ этой побѣдѣ и чувство-ли героизма певельнетъ она въ сердцахъ слушателей?..

Ночью былъ морозъ...

Тысячи дѣтей замерзли... И въ то время какъ замерзали дѣти — между еще оставшимися между ними матерями завязывалась остервенѣлая, бѣшеная драка за каждое колесо, за каждый обломокъ арбы, за каждую тряпку... Вгрызались въ горло одна другой, душили, ногтями раздирали лица, чтобы отнявъ насильно эту тряпку, броситься съ нею къ своему ребенку.... Но увы — пока длилась эта бойня — дитя замерзло и уже не нуждалось въ покровѣ... Вокругъ нѣсколько жалкихъ хижинъ Хаскіоя — шла свалка болѣе ужасная... Тутъ убивали другъ друга, чтобы только имѣть возможность укрыть плачущую дочь или болѣзненно стонавшаго мальчика подъ соломенною кровлей лачуги пробитой гранатами... Весь путь отъ этихъ логовищъ до Адрианополя — усѣянъ трупами... Кони уже привыкли и ихъ кованныя копыта падаютъ прямо

въ эти измученныя лица съ широко открытыми глазами... И когда копыта поднимаются вновь — кажется что не тронутый имъ глазъ все такъ же остается открытымъ, все такъ-же недоумѣло смотритъ въ вышину, прямо въ это холодное сѣрое небо!.. По окраинамъ Хаскiойской равнины — стоятъ бѣдныя разоренныя села — гдѣ выѣдено все что, только можно выѣсть... Сунулись туда солдаты — тысячи дѣтей бросились къ нимъ навстрѣчу, дѣтей обезумѣвшихъ, умоляющихъ только объ одномъ — дать имъ хлѣба...

Солдаты роздали свои сухари, роздали все что было съ ними, и не накормили десятой доли умиравшихъ...

Тутъ нуженъ былъ Христосъ съ его пятью хлѣбами... Нужно было чудо... Оно одно могло спасти несчастныхъ...

Но чуда не совершилось — и къ вечеру слѣдующаго дня большинство этихъ жалкихъ созданiй было уже мертво!..

Десятками и сотнями выносили солдаты еще живыхъ изъ этого ада — но тысячи еще оставались. Казаки словно кладъ везли дѣтей на сѣдлахъ, пѣхотинцы сажали ихъ себѣ на плечи, брали на руки, пушки и лафеты были сплошь покрыты посаженными на нихъ дѣтьми. Изъ фуръ — десятки головенокъ съ ужасомъ смотрѣли впередъ... Куда и зачѣмъ везутъ ихъ? Въ комъ изъ дѣтей оставалось еще достаточно силы — тѣ бросались на солдатъ, хватались за нихъ рученками впи-вались въ нихъ съ тѣми же криками: хлѣба, хлѣба! Только взрослыя дѣвушки оставались неподвижными у труповъ своихъ сестеръ и матерей... Они прикрывались отъ нашихъ, опускали свои фераджи на лицо, и когда солдаты выводили ихъ изъ полубезчувственнаго состоянiя, когда имъ предлагали идти въ Адрианополь съ нашими, давали даже лошадей — дѣвушки отрицательно качали головами и провожали спасителя взглядами полными ненависти и злобы...

— Пойдемъ, пойдемъ съ нами? — говорили имъ по турецки болгары — переводчики.

— Будьте вы прокляты, убійцы! — кидали имъ свой упрекъ несчастныя.

— Что это, что это? — растерянно обратился Соймоновъ къ одному болгарину изъ ополченья.

Тотъ только улыбнулся.

— Чему вы радуетесь... при видѣ этого ужаса?

— Я видѣлъ другой ужасъ... Я видѣлъ какъ ихъ отцы и братья подѣ Ески-Загрой, въ Казанлыкѣ, въ Чирпанѣ, въ сорока восьми селахъ долины розъ, — убивали жгли, насиловали и душили нашихъ... Сорокъ пять тысячъ болгаръ погибло тогда!.. Богъ справедливъ — Онъ далъ и намъ возможность насладиться страданіями нашихъ враговъ...

Часто когда казакъ проѣзжалъ по полю — за копыта его лошади хватались дѣтскія руки... но тотчасъ же другое копыто разбивало голову ребенку... Убійства эти — тонули въ слякоти Хаскійскихъ полей... Тамъ не было виновныхъ — были только жертвы... Смерть стихіей ворвалась сюда и на сотню верстъ праздновала свою злую побѣду...

Вонъ на одномъ лафетѣ — сидятъ двое дѣтей... Привезли ихъ въ лагерь — кормятъ...

Подходить болгаринъ...

— Спроси-ка ихъ, — вмѣшиваются солдаты — о чемъ — нибудь...

Болгаринъ заговариваетъ съ ними по турецки...

— Ну, что они говорятъ?

— Спрашиваютъ, когда-же ихъ будутъ рѣзать...

— Зачѣмъ?..

— Они говорятъ, что русскіе рѣжутъ и убиваютъ дѣтей...

— Ахъ вы бѣдные, бѣдные... — и заскоружлыя, мозолистыя руки солдатъ гладятъ дѣтскія головенки...

ГЛАВА XLIV.

Мстители.

мерь и Амедь, пересадивъ женщинъ на коней — крупною рысью двинулись по Адрианопольскій дорогѣ.

Въ слѣпомъ страхѣ они обгоняли каруццы муловъ, на которыхъ тоже сидѣли спасавшіяся женщины; сотни пѣшеходовъ оставались далеко позади, когда наши бѣглецы неслись мимо. Матери по пути протягивали къ нимъ дѣтей своихъ — но нельзя было брать ихъ съ собою... Такихъ были тысячи да, кромѣ того, въ подобныя минуты человѣкъ, прежде всего, становится эгоистомъ. Что ему за дѣло до другихъ... страхъ — исключаетъ великодушіе!..

— Скорѣй, скорѣй, — торопиль Амедь, съ ужасомъ оглядываясь на оставленныя позади Хаскіойскія поля... Туманъ еще закрывалъ ихъ — но онъ хорошо зналъ, что дѣлается теперь подъ покровомъ этой мгlistой пелены... Самъ за себя онъ не боялся — ему просто страшно было за Айшу... Онъ бы съ радостью умеръ на ея глазахъ и за нее... И дѣвушка было невыразимо жаль этого красиваго юношу. Она не могла любить его, но тѣмъ глубже было ея состраданіе...

Къ вечеру—они пристали въ одной оставленной деревушкѣ... За ночь и въ нее набилось много народа...

Утромъ большинство бѣглецовъ, опасаясь, что русскіе двинутся прямо по Адрианопольской дорогѣ, кинулись въ разныя стороны. Айша съ братомъ и Амедомъ двинулись на Эдирне. Они рассчитывали на силы своихъ лошадей. Знали, что добрыя кони вынесутъ дорогу, ранѣе чѣмъ русскіе застанутъ ихъ... Тамъ они уже почти одиѣхали по этому направленію... Извилистое, неправильное, изрытое ухабами шоссе шло мимо полей, сплошь покрытыхъ слякотью, послѣ только что ставшаго снѣга... Казалось наши бѣглецы пересѣкали безлюдную пустыню... На право и на лѣво попадались безлистные еще рощи—но тропинки вбѣгавшія туда и выбѣгавшія оттуда были совсѣмъ оставлены... Порою, темными пятнами чернѣлись деревни, но изъ трубъ ихъ хижинъ и землянокъ ни одна струйка дыма не подымалась къ небесамъ... Ни одна собака съ громкимъ лаемъ не выбѣгала на встрѣчу путникамъ, ничей голосъ не раздавался на мертвыхъ улицахъ этихъ словно только что вымершихъ селъ. Разъ только вдалекѣ протрусилъ верхомъ на ослѣ трусливый болгаринъ, но и тотъ, замѣтивъ издали небольшой караванъ турокъ, бросился въ первую попавшуюся балку и скрылся въ ея изложинахъ. Ночью, по всему пути — нигдѣ не мигалъ привѣтливый огонекъ и только порою на самомъ горизонтѣ мерещились какія-то зловѣщія зарева... Но это было далеко, такъ далеко, что только отсвѣтъ пожараща въ тучахъ—этотъ гнѣвный румянецъ торжествующаго пламени—замѣчали наши... По всему пути попадались слѣды только что прошедшихъ здѣсь отрядовъ. То сломанный лафетъ, то брошенная арба съ разбившимися колесами, то каруцца опрокинутая вверхъ ногами—и всюду палые кони, пухшіе на весеннемъ теплѣ, заражавшіе окрестность едва выносимымъ смрадомъ... Сытые вороны, сидя на трупахъ, даже не подымали головъ, когда люди проѣзжали мимо... Имъ было лѣнь, этимъ единственнымъ побѣдителямъ

этимъ чернымъ птицамъ, казавшимся посланцами кровожаднаго бога войны...

— Когда-же Адрианополь?—спрашивала усталая и разбитая долгою дорогою Айша.

— Эдирне?.. Послѣ завтра будемъ тамъ... Потерпи еще...

И она терпѣла, какъ терпѣли все...

Въ концѣ слѣдующаго дня—на пути попалась деревня, очевидно не брошенная людьми...

Изъ ея трубъ подымались черныя клубы дыма.. Въ окнахъ свѣтились огоньки...

— Аллахъ милосерды!—замѣтила Гюльма...—Наконецъ-то мы увидимъ людей...

— А можетъ быть это болгарская деревня? — встревожился было Омеръ.

— Откуда тутъ быть болгарамъ...

Тѣмъ не менѣе Омеръ и Амедъ выѣхали впередъ, оставивъ женщинъ за собою...

Они, на всякій случай, вынули и зарядили ружья... Здѣсь среди этого безлюдья, въ пустынѣ опустошенной войною, встрѣча со звѣремъ была не страшна, гораздо опаснѣе казалось наткнуться на человѣка.

— Нѣтъ это наши... — успокоился было Амедъ.

— А что?

— Да видишь мечеть?

— Ну?

Мечеть дѣйствительно грузною массой рисовалась въ сумеркахъ ночи... Высокій бѣлый минаретъ ея рѣзко выносился въ высоту надъ сливавшимися въ одно постройками села...

— А вонъ изъ оконъ огонь свѣтится... Наши въ мечети...

— Ты не бывалъ здѣсь, не знаешь какое это село?

— Нѣтъ...

Вонъ впереди показалось нѣсколько фигуръ. Омеръ и Амедъ опасливо стали вглядываться.

— Болгары?.. Дѣйствительно во встрѣчныхъ людяхъ они угадали враговъ.

— Они безоружны... Надо проскакать черезъ деревню...

— Куда же ускачешь, когда кони устали...

— Они насъ не тронуть... Эти подъ Эдирне, они знаютъ что турки тамъ еще... Побоятся. Мы прямо въ кыштъ къ мухтару... Скажемъ что къ пашѣ въ Адрианополь ѣдемъ — не осмѣлятся...

Но Омеръ не успѣлъ кончить...

Неожиданно, чуть не рядомъ грянуль выстрѣлъ... пуля пролетѣла мимо ушей его...

И онъ и Амедъ бросились къ женщинамъ.

Айша, блѣдная, прижалась къ брату...

— Слава Аллаху... Никто не раненъ, не убитъ

— А Зейнабъ!—и Гюльма съ ужасомъ указала на невольницу.

Старуха схватилась руками за гриву своего коня и качалась точно пьяная, тщетно стараясь удержаться у его шеи... Изъ горла у нея била кровь... Въ сумеркахъ ночи слышалось ея предсмертное хрипѣніе...

— Уходите... Уходите скорѣе... — крикнула она имъ, собравъ послѣднія силы...

Но уходить было поздно...

Новый выстрѣлъ... Омеръ и Амедъ увидѣли по дорогѣ впереди нѣсколько болгаръ, засѣвшихъ за нарочно сдвинутые на самый путь камни.

— Будьте вы прокляты!—кинула Гюльма болгарамъ... — Подлые псы, сражающіеся съ дѣтьми.

— Мы только мстимъ убійцамъ нашихъ женъ и дочерей!— послышалось изъ засады.

Омеръ и Амедъ бросились туда, пригнувшись къ шеямъ своихъ коней...

Но на половинѣ разстоянія лошадь Амеда спотынулась... Онъ вылетѣлъ изъ сѣдла и опять хотѣлъ было вскочить на

коня, но тотъ запатался и тяжело рухнулъ внизъ... Омеръ выстрѣлилъ на удачу — но не успѣлъ повторить какъ былъ отовсюду окруженъ болгарами... Молодой турокъ выхватилъ ятаганъ...

— Ну, берите меня силой, подлые трусы!.. — оралъ онъ имъ... — Амедь гдѣ ты?..

Амедь не отзывался... Омеръ, бросивъ мимолетный взглядъ въ его сторону, увидѣлъ своего товарища съ чего-то схватившагося за голову... Спусти мгновеніе — Амедь точно осѣлъ на землю... Его застрѣлили въ упоръ... Омеръ даже не слышалъ звука выстрѣла...

Айша въ безмолвномъ ужасѣ оставалась въ сѣдлѣ своего коня...

Она видѣла какъ ея брата окружили... Въ темнотѣ вечера различила какую-то свалку около... Вотъ послышался опять звукъ выстрѣловъ... Проклятье какое-то... Крики...

И все стало тихо...

Болгары подходятъ къ ея коню...

— Ну, слѣзай съ сѣдла!.. Эхъ, да это молодая...

— А старуха тутъ еще была...

— Старухи нѣтъ уже...

И машинально оглядываясь, Айша дѣйствительно увидѣла Гюльму неподвижно лежавшею у копытъ своего коня... Она сама набросила фераджъ на голову и опустилась на землю... Она знала, что сейчасъ прирѣжутъ и ее... Она не ждала пощады... Она-бы и не просила ее!..

— Чтожь съ этой дѣлать?

— Ужь очень красива! — послышался молодой сострадательный голосъ.

— Такъ что жь?

— Можетъ быть она приметъ нашу вѣру... Выйдетъ за кого-нибудь изъ болгаръ замужь...

— Захотѣлъ ты!..

— Отдайте ее мнѣ!.. Если до завтра не согласится, мы успѣемъ убить ее и утормъ... Чего торопиться...

Айшу подняли...

— Ну види!.. — грубо толкнули ее. И она пошла... Она положительно нечувствовала ничего — тупое какое-то ощущение устали, точно внутри ее все упало... Она не поняла даже — скоро-ли дошла до деревни и очнулась только тогда, когда оказалась у очага болгарской хижины...

Кругомъ были только одни враждебныя лица...

— Лучше-бы ее прирѣзать сегодня-же!.. совѣтывали болгары молодому человѣку, застывшему за нее...

— Далеко-ли русскіе? — приступали къ ней...

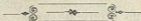
Она молчала, вглядываясь въ эти лица.

— Ты слышишь?.. Далеко-ли русскіе?..

— Нѣтъ... тутъ... сейчасъ...

И она, наконецъ, зарыдала, бессильно опускаясь на полъ.

Какая-то старуха протискалась къ ней,.. Подняла ее голову и съ ненавистью плюнула прямо въ лицо ей...

ГЛАВА XLV.

Вовремя!

Соймоновъ объѣхалъ почти всѣ Хаскiойскiя поля...

Айши нигдѣ не было. А между прочимъ она отправилась изъ Казанлыка по этому-же пути...

Когда докторъ вернулся домой — ему попался на встрѣчу молодой кавалерiйскiй офицеръ.

— Ну, Соймоновъ, прощайте.

— Куда вы?

— Да сейчасъ отправляемся къ Адрианополю. Въ передовомъ разѣздѣ...

— А мнѣ съ вами можно?..

— Да вѣдь вы не у дѣла здѣсь — слѣдовательно отъ васъ и зависить..

Соймоновъ живо перемѣнилъ коня на свѣжаго и когда небольшой отрядъ выѣзжалъ, онъ присоединился къ нему за околицей..

Здѣсь уже приходилось двигаться по иному пути...

Порою, отрядъ нагонялъ небольшiя кучки ухидившихъ турецкихъ солдатъ... Эти дѣлали честь нашимъ, прикладывая

къ сердцу, губамъ и головѣ руки и затѣмъ простирая ихъ впередъ, точно показывая, что оружія нѣтъ; болѣе многочисленныя шайки башибузуковъ уходили отъ отряда въ разныя стороны. Преслѣдовать однихъ и забирать въ плѣнъ другихъ было нельзя. Рѣдко изъ ближайшей роци неслись на встрѣчу нашимъ кавалеристамъ выстрѣлы и когда солдаты кидались туда — изъ чащи на маленькихъ бойкихъ лошаденкахъ выносились и во всю мочь убирались подалѣе черкесы, грабившіе изъ этихъ закоулковъ и своихъ и чужихъ... Болгарскія деревни, черезъ которыя проѣзжалъ нашъ отрядъ охранялись вооруженною молодежью... Тутъ, около, валялись трупы убитыхъ турокъ... Среди самыхъ деревень чернѣлись обгорѣлыя остатки домовъ, принадлежавшихъ мусульманамъ...

Наконецъ отрядъ вступилъ на шоссе, по которому недавно проѣхала Айша со своими.

Тутъ уже началась извѣстная читателямъ пустыня.

Страшное уныніе наводила она на Соймонова... Онъ, ѣхавшій сюда съ горячимъ сочувствіемъ къ освободительнымъ цѣлямъ войны, невольно опускалъ теперь голову... Гдѣ эта величавая боевая легенда, гдѣ эти святые задачи, которыя казались такъ близки, такъ легко выполнимы, кому оказалась не-обходимой эта война. Болгарамъ? Но они не слишкомъ-ли дорого за нее заплатились? 45.000 зарѣзанныхъ въ одномъ августѣ, 150.000 другихъ, погибшихъ отъ нищеты, голода, болѣзней по ту сторону Балканъ... А сотни тысячъ жертвъ, унесенныхъ изъ русской арміи пулями, штыками, гранатами, тифомъ, лихорадками, голодомъ, морозомъ?.. И, наконецъ, эти десятки тысячъ замерзшихъ дѣтей, эти сотни деревень, оставленные ихъ жителями... Нѣтъ — будь она проклята — нѣтъ въ ней въ этой сказочной красавицѣ войнѣ ничего кромѣ смерти ужаса и преступленія... Кто воспользуется ея выгодами, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой бойни. Разумѣется не несчастная измученная Турція, не Болгарія, захлебывающаяся сво-

ею кровью, не Россія, утомленная на многіе и многіе годы... Напротивъ, только вороги славянства подымутъ свои головы... Они все приберутъ къ рукамъ; они — умѣющіе ждать и рассчитывать. И когда передъ славянствомъ станетъ во всеоружіи его самый опасный и самый грозный врагъ, когда онъ наложитъ дерзкую руку на невольню склонившіяся передъ нимъ южныя княжества — Россія уже будетъ безсильна... Ей останется одно — быть только свидѣтельницей ненавистной и дешево доставшейся врагу побѣды... Ей останется молчать — или принять вызовъ и самой истечь кровью безъ надежды на успѣхъ, защищая святое дѣло...

— Что это вы задумались, докторъ? — обратился къ нему командиръ отряда.

— Такъ... Пустыня эта тяготитъ душу...

— Да, не весело... когда-то вернутся хозяева на эти оставленные нивы, въ эти дома...

— Ну, хозяева придутъ только не тѣ... Тѣхъ нѣтъ... Или если они и есть — такъ далеко... Добрались, можетъ быть, до Константинополя, а оттуда въ Малую Азію...

— И вѣдь нигдѣ ни одного огонька...

— Только трупы пухнуть на этомъ просторѣ... Отвратительно...

— Ну, да Слава Богу... Конецъ близокъ уже...

— По вашему это конецъ?

— Еще-бы!.. У Турціи нѣтъ силъ больше защищаться...

— А по моему — это начало разложенія...

— Какимъ образомъ?

— Очень просто... Вы думаете теперь — все гладко будетъ...

Теперь-то и выступать настоящіе враги наши... Теперь-то именно самыя серьезныя задачи и будутъ передъ нами... Съ тѣмъ только различіемъ, что мы уже безсильны справиться съ ними... Расчитывали, что эта война дастъ намъ покой внутри и свободу... Такъ-ли... Посмотрите, чтобы мы за нее не заплатились инымъ, еще болѣе худшимъ.

Только къ вечеру этого дня докторъ и небольшой кавалерійскій отрядъ добрались до болгарской деревушки, гдѣ были убиты Омеръ, Амедъ и женщины, ѣхавшія съ Айшою.

Еще издали — нашимъ послышались крики и шумъ...

Передовой отрядъ увидѣлъ густую толпу болгаръ, бѣжавшихъ на шоссе...

— Что это они, насъ встрѣчать?..

— Не должно...

— А ну-ко, Беретенниковъ, съѣзди...

Лихой драгунъ наклонился къ коню и бросился впередъ...

— Вы это что?! — наскочилъ онъ на болгаръ...

— А, братушко... Сейчасъ турчанку одну рѣзать будемъ..

— Это за что?

— А они нашихъ рѣжутъ, а мы — ихнихъ...

Подѣхали и другіе...

Посреди этой озвѣрѣлой толпы — Айша казалась уже трупомъ.

Молодой офицеръ сообразивъ въ чемъ дѣло, бросился къ державшему ее за руку болгарину и полоснулъ его нагайкой черезъ голову...

— Въ нагайки, братцы, эту сволочь.

— Что такое, что такое? — подѣхали другіе.

— А вотъ подлецы... женщинъ рѣзать вздумали... Ахъ вы волки этакіе!..

Но волки уже разбѣгались во все стороны.

Айша осталась одна передъ нашими... Заговорили съ нею черезъ переводчика — молчить, ничего не понимаетъ... точно помѣшанная... только обводитъ всѣхъ безумными глазами...

— Докторъ, докторъ...

Соймоновъ подѣхалъ...

— Что еще тамъ у васъ?..

— Да вотъ, бѣдная, очевидно заболѣла отъ испуга...

Соймоновъ соскочилъ съ лошади.

— Айша!..

Айша дико взглянула ему въ глаза... Лучь сознания мелькнулъ въ ея лицѣ и спустя нѣсколько мгновений она уже рыдала въ его рукахъ...

На другой день утромъ слабый свѣтъ весенняго дня, едва проникшій сквозь тусклое окно въ болгарскую землянку, упалъ прямо на лицо спавшей дѣвушки.

Рядомъ на скамьѣ сидѣлъ Соймоновъ, не отрывая отъ нея глазъ.

— Выдержитъ или нѣтъ? — думалось ему... — Натура здоровая... Во всякомъ случаѣ теперь я уже не разстанусь съ нею, больную или здоровую я увезу ее съ собой... Будь что будетъ!..

И только тутъ, сидя около нея, онъ понялъ какъ глубоко онъ любитъ эту дѣвушку.

— Бѣдная, выстрадала сколько... Точно блѣдная лилія надломленная бурей... Оправится ли она когда-нибудь... Подниметь ли еще къ солнцу свою голову...

Онъ взялъ ее за руку... Тихо взялъ; но спящая вздрогнула и открыла глаза... Краска залила ей все лицо... Она спрятала его въ подушку...

— Не бойся меня...—заговорилъ съ ней Соймоновъ.

— Я не боюсь... Все равно я твоя...

И точно подчиняясь неудержимому порыву, она приподнялась, обвила руками, трепетавшими отъ волненія, шею Соймонова и замерла на его груди...

— Ты знаешь,—торопливо и порывисто заговорила она, немного погодя. Теперь у меня нѣтъ никого — ни брата ни близкихъ...

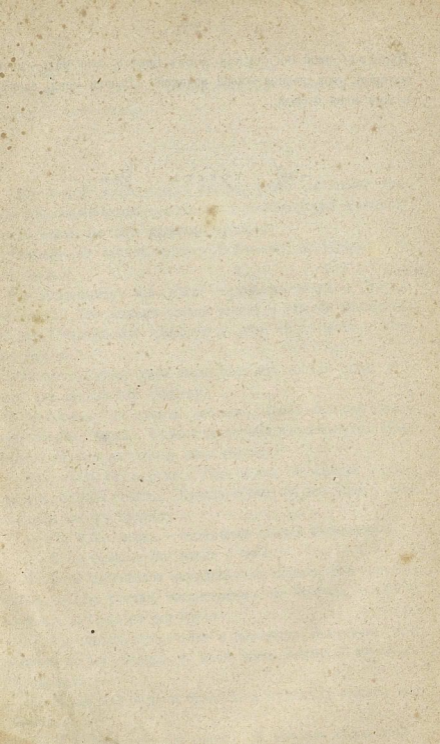
— Я для тебя буду и братомъ, и мужемъ, и отцомъ, моя дорогая...

— Я любила тебя все время.. Я осталась вѣрна тебѣ...

Пусть же—твой Богъ будетъ моимъ Богомъ, твоя мать—моею матерью, твоя родина—моей родиной... Возьми меня, скорѣй возьми меня отсюда...

К О Н Е Ц Ъ .

Оглавленіе.

Часть первая.

	СТРАН.
Глава I. Въ горной бурѣ	3
> II. Надъ бездной	18
> III. Метель утихла	27
> IV. На бивакѣ	36
> V. Не спится	44
> VI. Айша	53
> VII. Шипка зимой	61
> VIII. Три генерала	69
> IX. Пробужденіе	78
> X. Пойманный баши-бузукъ	87
> XI. Въ тюрьмѣ	96
> XII. Вторая	105
> XIII. По льду	114
> XIV. Засада	122
> XV. Охотники	131
> XVI. Вонъ изъ клѣтки	143
> XVII. Дома	150
> XVIII. По волчьи	156
> XIX. Коршунъ	169
> XX. Обволокло туманомъ	181
> XXI. Въ секретяхъ	191
> XXII. Первые жертвы	199
> XXIII. Бой во льдахъ	211
> XXIV. Айша ушла	218
> XXV. Мученики Шипки	229
> XXVI. Въ когтяхъ у коршуна	239
> XXVII. Экспедиція генерала Бабкоза	249
> XXVIII. Замерзшая траншея	258

Часть вторая.

	СТРАН.
Глава I. Въ Казанлыкѣ	271
» II. Въ гаремѣ	279
» III. Вѣсти съ горъ	289
» IV. Паша прѣвхалъ	297
» V. Слѣдъ нашелся	302
» VI. Два фазана	308
» VII. На досугѣ	317
» VIII. Тайны гарема	326
» IX. Туалетъ гарема	334
» X. Наканунѣ	343
» XI. Сонъ Зейнабъ	351
» XII. Айша въ опасности	361
» XIII. Турецкій гаремъ	369
» XIV. Ночная рекогносцировка	378
» XV. Новая опасность	384
» XVI. Донецъ Переквасовъ	390
» XVII. Удача Заада-эфенди	394
» XVIII. На аванпостахъ	399
» XIX. Землеѣдъ Трофимовъ	404
» XX. Опасно!	409
» XXI. Погоня	414
» XXII. Вдвоемъ	418
» XXIII. Побѣгъ	424
» XXIV. Подъ конвоемъ	430
» XXV. Въ тюрьмѣ	435
» XXVI. Бой въ долинь	441
» XXVII. Русскіе близко	448
» XXVIII. Соймоновъ наканунѣ перехода	454
» XXIX. У главнаго доктора	459
» XXX. Наканунѣ перехода	464
» XXXI. Привалъ въ Сѣтово	467
» XXXII. Переходъ черезъ Балканы. Ловча	471
» XXXIII. Новичекъ	476
» XXXIV. На походѣ	482
» XXXV. Одынцевъ между своими	487
» XXXVI. Бесѣда за-полночь	493

Часть третья.

	СТРАН.
Глава	I. Впередъ 501
>	II. Приказъ 504
>	III. Первый подъемъ 508
>	IV. Козья тропа 514
>	V. Via dolorosa 519
>	VI. Балканскій вечеръ 525
>	VII. Горная ночь 530
>	VIII. На зло природѣ 536
>	IX. Ночлегъ 539
>	X. Отрядъ проснулся 543
>	XI. Съ высоты 546
>	XII. Въ снѣговую бездну 550
>	XIII. Удача Пельмева 554
>	XIV. Внизъ 558
>	XV. Долина огней 564
>	XVI. У костра 570
>	XVII. Солдатъ Лапузъ 578
>	XVIII. Бѣгство 585
<	XIX. По пути къ Хаскию 501
>	XX. Передъ боемъ 597
>	XXI. Бой у первыхъ дожементовъ 605
>	XXII. Первая атака 612
>	XXIII. Соймоновъ на пути въ Казанлыкъ 619
>	XXIV. Айша на ночлегъ 625
>	XXV. Привалъ бѣглецовъ 632
>	XXVI. Айша заснула 637
>	XXVII. Рѣшительная минута 640
>	XXVIII. Укрѣпленный лагерь 646
>	XXIX. Белый флагъ 652
>	XXX. Побѣда 658
>	XXXI. Ночь среди труповъ 665
>	XXXII. Живой среди мертвыхъ 671
>	XXXIII. Все тотъ-же сонъ 677
>	XXXIV. На вершинахъ 684
>	XXXV. Оставленный городъ 689
>	XXXVI. За бѣгущимъ врагомъ 695

Глава	XXXVII. Чума	702
>	XXXVIII. Что называется на войнѣ недоразумѣ- ніемъ	715
>	XXXIX. Нива крови	722
>	XI. Мстители	728
>	XII. Вовремя	734

